ИВ. КОНОВАЛОВЪ.

SU 9324

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ.

Издательское Т-во Писателей
С. Петербургъ
1913

STORAGE-ITEM
MAIN LIBRARY
LPA-A92B
U.B.C. LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of British Columbia Library

http://www.archive.org/details/ocherkisovremenn00kono

Ив. Коновалов. —

Ив. Коноваловъ

SU 9384

ОЧЕРКИ
СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ.

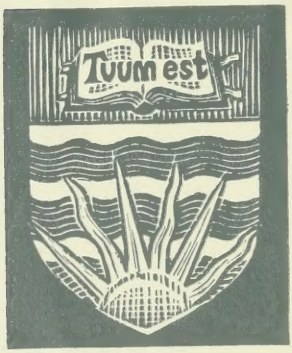
ДНЕВНИКЪ АГИТАТОРА.

ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНІЕ
СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

и предисловіемъ Вл. Кранихфельда.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ Т-ВО ПИСАТЕЛЕЙ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1913

THE LIBRARY



THE UNIVERSITY OF
BRITISH COLUMBIA

Тип. Главн. Управл. Удѣловъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящемъ посмертномъ изданіи сочиненій И. А. Коновалова собрано почти все литературное наслѣдство молодого автора, такъ рано, 28-ми лѣтъ, порвавшаго счеты съ жизнью. Не велико это наслѣдство по объему. И какъ бы ни было оно цѣнно по содержанію, по интересу и по заложеннымъ въ немъ богатымъ возможностямъ, не надобно забывать, что литературѣ, собственно, этотъ даровитый самородокъ посвятилъ лишь послѣдніе четыре—пять лѣтъ своей недолгой жизни, да и эти немногіе годы литературной работы значительно сокращаются многими мѣсяцами ежегодныхъ тюремныхъ высидокъ. Симпатіи Коновалова влекли его въ сторону общественной дѣятельности, и можно сказать даже, что онъ превращался въ литератора лишь по мѣрѣ того, какъ чувствовалъ себя утомленнымъ «товарищъ Николай», — конспиративная кличка, подъ которой Коноваловъ, какъ партійный работникъ, былъ извѣстенъ среди рабочихъ, пользуясь тамъ широкой популярностью и любовью.

И вотъ потому именно, что литература, которую онъ страстно любилъ, все-же не заполонила души Коновалова; что въ его литературныхъ произведеніяхъ не успѣла съ достаточной полнотою выразиться вся его богатая индивидуальность, я поставилъ себѣ цѣлью въ предлагаемомъ вступленіи показать читателю живое лицо покойнаго автора, въ его переживаніяхъ и въ его дѣятельности.

---

*

I.

Вскорѣ послѣ самоубійства Коновалова одинъ изъ друзей его напечаталъ въ «Саратовскомъ Листкѣ» (6 мая 1911 г.) некрологъ, въ которомъ, подчеркивая обычную жизнерадостность своего покойнаго друга, называетъ смерть его «страшной и непостижимой».

«Ивана Андреевича Коновалова — читаемъ мы въ этомъ некрологѣ — я зналъ очень хорошо. Это мой товарищъ дѣтства. Вмѣстѣ учились, вмѣстѣ росли, вмѣстѣ увлекались въ свое время Майнъ-Ридомъ и Жюлемъ-Верномъ и вмѣстѣ же собирались ѣхать въ Америку къ индѣйцамъ и плавать подъ водой... Это былъ тогда веселый, подвижной мальчикъ, любившій пошалить, посмѣяться; превеликій мастеръ на всякаго рода школьныя продѣлки. Веселый, способный мальчикъ, превратившійся въ здороваго, жизнерадостнаго юношу...»

Веселый и жизнерадостный.

Такимъ запечатлѣнъ Коноваловъ въ памяти товарища его дѣтскихъ и юношескихъ лѣтъ. Такимъ же долженъ былъ сохраниться образъ его и въ памяти тѣхъ, кто видѣлъ и слышалъ «товарища Николая» на собраніяхъ, сходкахъ и митингахъ, внушающимъ своимъ собесѣдникамъ и своей аудиторіи бодрость и вѣру. Да иначе и быть не могло. «Вѣдь, мы оффиціальные пропагандисты жизнерадостности»,—пишетъ онъ въ «Дневникѣ агитатора», и тутъ же, нѣсколькими страницами дальше, онъ говоритъ о «безпричинной, мучительной тоскѣ», которая безпрестанно «съѣдаетъ» его, и отъ которой ему «все казалось немилымъ и отвратительнымъ; а жизнь совершенно ненужной».

Остро воспринимающій всѣ впечатлѣнія бытія, онъ легко, въ кругу друзей своихъ, заражался шаловливой веселостью, передавая и другимъ это свое настроеніе. Но, веселый и жизнерадостный со стороны, онъ въ глубинѣ души своей таилъ непреоборимую муку, о которой только въ беллетристическихъ своихъ опытахъ да въ самыхъ интимныхъ письмахъ къ сестрѣ и къ женѣ разрѣшаетъ себѣ не говорить уже, а вопить: «кому повѣмъ тоску мою?»

Но какъ «повѣдать,» какъ сдѣлать понятнымъ для другихъ, хотя бы и самыхъ близкихъ людей то, что было непонятнымъ и необъяснимымъ для него самого и что своею непостижимою тайною еще больше тревожило и мучило его?

А между тѣмъ это непостижимое завладѣло его душой съ самаго ранняго дѣтства. «Клянусь, — писалъ онъ въ 1908 г. женѣ изъ тюрьмы, вспоминая свои дѣтскіе годы, — клянусь, что я помню, какъ въ душѣ моей зрѣло какое то смутное противорѣчіе и досада»... И въ томъ же письмѣ онъ даетъ ключъ къ этому своему настроенію, очевидно, самъ не сознавая этого. «Среди могучаго лѣса, среди орловъ, ястребовъ и другихъ хищниковъ — пишетъ онъ здѣсь — провелъ я дни дѣтства, не боясь ихъ, любя и понимая ихъ жизнь. А дома меня учили низкопоклонничать, льстить и трястись передъ каждымъ «бариномъ»...

Простой и ясной даже для дѣтскаго ума жизни природы здѣсь противопоставлены человѣческія отношенія въ той сложной путаницѣ, въ какой они предстали передъ Коноваловымъ съ первыми проблесками его только что пробуждающагося сознанія.

Отецъ Коновалова былъ полицейскимъ въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ. Это скромное служебное положеніе отца вполнѣ, однако, удовлетворяло честолюбіе ребенка. «Я — вспоминаетъ онъ впослѣдствіи — гордился, что моего отца всѣ зовутъ Андрей Ивановичъ, что онъ полицейскій и «любого можетъ забрать въ полицію»... И въ то же время этотъ «властный», въ представленіи ребенка, человѣкъ могъ обезпечить своей семьѣ только полуголодное, полное всяческихъ униженій существованіе. Объ этомъ періодѣ своей жизни Коноваловъ разсказываетъ въ «Дневникѣ агитатора» безъ всякихъ прикрасъ поэтическаго вымысла, которымъ на другихъ страницахъ «Дневника» онъ старается иногда прикрыть житейскую правду этого автобіографическаго произведенія. «Мы росли — говоритъ онъ въ «Дневникѣ» — подъ постояннымъ страхомъ голодной смерти, непосредственно слѣдующей за увольненіемъ отца. Не удивительно, что отецъ дрожалъ за свою должность, низкопоклонничалъ, пріучая къ этому и насъ. То и дѣло мы носили надзирателямъ и ихъ женамъ букеты

ландышей, корзины грибовъ и ягодъ, которые намъ удавалось собрать въ лѣсу». Въ письмѣ къ женѣ онъ вспоминаетъ о чувствахъ обиды и зависти, которыя ему приходилось испытывать въ своихъ сношеніяхъ съ одѣтыми и сытыми сверстниками, товарищами по играмъ. Чувства свои онъ таилъ про себя, обнаруживая ихъ, какъ онъ самъ выражается «дебоширствомъ». И тѣ веселыя «школьныя продѣлки», о которыхъ намъ говорилъ въ «Саратовскомъ Листкѣ» другъ дѣтства Коновалова, въ разсказѣ этого послѣдняго пріобрѣтаютъ характеръ обдуманныхъ демонстрацій. «Помню—разсказываетъ онъ—Петька (сынъ богатаго купца) пришелъ къ намъ въ новомъ «пиньжакѣ». А мнѣ такъ давно обѣщали и не шили. Тотчасъ же явилось желаніе уравнять форсуна съ нами. «Ребятишки!—крикнулъ я—кто въ пинжакахъ купаться—вали!» И первый бросился въ своемъ засаленномъ костюмѣ въ рѣку. Всѣ кинулись за мной. Петька долго стоялъ въ нерѣшительности, а затѣмъ, глотая слезы, полѣзъ вь воду въ своей обновкѣ».

Семи лѣтъ Коноваловъ поступилъ въ приходскую школу, откуда затѣмъ, по настоянію учителей, перешелъ въ городское училище. Недюжинныя способности мальчика внушили его отцу мечту о томъ, чтобы вывести сына «въ люди», т. е. въ чиновники, Однако, какъ ни тянулся отецъ, дальше городского училища повести сына не было никакой возможности. Семья была запутана въ долгахъ, и, по окончаніи училища, передъ Коноваловымъ открывались два выхода: или писецъ въ полиціи или почтово-телеграфный чиновникъ. И хотя послѣдній выходъ требовалъ извѣстной предварительной подготовки,—«кандидатства», связаннаго съ безплатной службой,—Коноваловъ остановился на немъ. Повидимому, выборъ сына былъ сдѣланъ съ полнаго одобренія отца. Такъ Коноваловъ случайно подслушалъ бесѣду отца съ матерью, бесѣду, которая, по его собственнымъ словамъ, осталась ему памятной на вѣки и, которая, быть можетъ, положила начало той трогательной привязанности, которую сынъ сохранилъ къ отцу, несмотря на разницу во взглядахъ, до послѣднихъ дней своей жизни. Изъ этой бесѣды онъ впервые узналъ, что отецъ съ отвращеніемъ и презрѣніемъ относится къ своей почетной въ

околоткѣ полицейской должности; что выше всего въ жизни онъ цѣнитъ независимость и страстно поэтому мечтаетъ о самостоятельной жизни земледѣльца, связывая между прочимъ, эту мечту съ будущей служебной карьерой сына.

II.

Но вотъ прошли годы ученичества и «кандидатства», годы, когда передъ Коноваловымъ стояла опредѣленная цѣль, требовавшая отъ него значительныхъ усилій и напряженія. Въ 16 съ половиною лѣтъ онъ облеченъ въ нарядный мундиръ почтово-телеграфнаго чиновника и получаетъ 24 рубля въ мѣсяцъ жалованья, почти вдвое больше, чѣмъ старикъ-отецъ, который теперь гордится сыномъ. «Есть чѣмъ гордиться и есть чему позавидовать! Многіе наивные и завидовали,—пишетъ онъ въ одной изъ своихъ начатыхъ, но незаконченныхъ автобіографическихъ повѣстей:—меня же глотала непонятная мнѣ, мучительная тоска... Если бы меня спросили въ то время, отчего мое сердце рветъ на части какая-то неудовлетворенность, я бы не смогъ отвѣтить. Я самъ не зналъ, чего мнѣ не достаетъ и, когда въ умѣ пробовалъ перечислить все лучшее, что я могъ въ ту пору представить, то не находилъ ничего, что бы могло успокоить меня хоть на минуту. Много денегъ, повышеніе на службѣ, красавица-жена, — нѣтъ, все не то, не то»...

Чтобы какъ нибудь избавиться отъ этого ужаснаго состоянія, онъ набрасывается на книги, но неудачный подборъ ихъ скоро охлаждаетъ его читательскій пылъ; начинаетъ пить, но и водка не даетъ забвенія; задумывается о самоубійствѣ, но неотвязная мысль объ отцѣ, о семьѣ, которые такъ много и такъ долго разсчитывали на его поддержку, пока еще удерживаетъ его отъ этого послѣдняго шага.

Письма, которыя онъ пишетъ теперь своей старшей сестрѣ, переполнены трогательными и наивными жалобами и просьбами помочь ему. Привожу отрывокъ изъ двухъ его писемъ, датированныхъ 1900-мъ годомъ.

«Дорогая сестра! Доводилось-ли когда-либо тебѣ испы-

тывать то, что дѣлается со мною? Страшная тоска давитъ грудь, скука и одиночество убиваютъ, чего то хочется, но чего именно, не знаю самъ... Скучно! Эхъ, какъ скучно! Умереть—это единственный выходъ, но этимъ убьешь своихъ»...

«Дорогая сестра! — жалуется онъ въ другомъ письмѣ: — мнѣ скучно! Эхъ, какъ скучно! Какое мучительное состояніе. Дорогая сестра! Видишь ли, какъ мучается братъ твой, какъ ему скучно, какъ тяжело убивать свои юные годы! Я часто плачу; плачу, какъ малый ребенокъ, какъ дитя, потерявшее мать... Порой сердце томительно сжимается, къ чему то стремясь, и я готовъ отдать все, что имѣю, чтобы узнать, чего я желаю, но тщетно. Дорогая сестра! Ты старше меня, опытнѣе, научи меня, что дѣлать,—вѣдь помру отъ такого состоянія...»

Въ «Дневникѣ агитатора» Коноваловъ утверждаетъ, что «только это (т. е. тоска и невозможность отыскатьея источникъ), одно это» и толкнуло его на путь революціи.

Случилось такъ, что въ концѣ того же 1900 г. Коноваловъ былъ переведенъ въ г. Петровскъ. Здѣсь онъ встрѣтился и постепенно сошелся съ группою революціонно настроенной молодежи, среди которой оказались близкіе друзья его дѣтства. Онъ втянулся въ этотъ кружокъ и съ увлеченіемъ отдался революціонной работѣ.

Въ 1902 г. онъ былъ арестованъ и перевезенъ сначала въ Саратовскую, а потомъ въ Самарскую тюрьму. Какимъ-то образомъ, безъ всякихъ основаній, его пристегнули къ дѣлу Балмашова и продержали въ тюрьмѣ 2½ года.

Въ первые мѣсяцы тюремной жизни къ юношѣ, повидимому, вернулось его старое мучительное душевное состояніе. Онъ тосковалъ о родныхъ, которые теряли въ немъ обѣщанную поддержку, тосковалъ о безполезности своей жертвы, такъ какъ — разсуждалъ онъ — едва ли дѣло революціи выиграло что нибудь оттого, что онъ роздалъ кому то нѣсколько прокламацій и брошюръ. Въ началѣ 1903 г., послѣ большого провала въ Самарѣ соціалъ-демократовъ, тюрьма переполнилась массою новыхъ интересныхъ людей. Въ связи съ этимъ значительно измѣнились къ лучшему условія матеріальной и духовной жизни Коновалова. Онъ оживился и

сталъ усердно работать надъ своимъ самообразованіемъ. Одинъ изъ сидѣвшихъ въ это же время въ Самарской тюрьмѣ вспоминаетъ о Коноваловѣ, какъ о прекрасномъ товарищѣ, нѣжномъ другѣ и пламенномъ партійномъ дѣятелѣ. Коноваловъ постоянно заботился и безпокоился о комъ-либо изъ товарищей и никогда не думалъ о себѣ. Энергія била въ немъ ключомъ и, не находя ей выхода, онъ издавалъ рукописную тюремную газетку «Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ» и ухитрялся вести пропаганду не только среди тюремнаго населенія, среди уголовныхъ и тюремной стражи, но и среди проходящихъ мимо тюрьмы рабочихъ, съ которыми онъ вступалъ въ бесѣды изъ окна своей камеры. За эти изъ-оконныя выступленія и рѣчи товарищи въ шутку прозвали его Мирабо. По отзывамъ всѣхъ знавшихъ Коновалова, онъ вообще умѣлъ сближаться съ людьми, подходилъ къ нимъ открыто и просто, но родственныя натуры находилъ гораздо чаще въ крестьянской и рабочей, чѣмъ въ интеллигентской средѣ.

Въ Самарской тюрьмѣ міросозерцаніе Коновалова постепенно эволюціонировало въ сторону марксизма, и по выходѣ изъ тюрьмы онъ вступилъ въ ряды соціалъ-демократіи, какъ активный работникъ партіи. Черезъ недѣлю послѣ своего освобожденія онъ принимаетъ участіе въ политической демонстраціи, а затѣмъ, скрываясь отъ полицейскаго надзора, онъ вынужденъ былъ перейти на нелегальное положеніе. Съ этого момента начинается новый періодъ въ его жизни, — періодъ, полный опасностей, приключеній, напряженной, захватывающей работы и... ежегодныхъ тюремныхъ высидокъ. Самъ Коноваловъ сравниваетъ этотъ періодъ своей жизни съ швейцарскимъ желѣзнодорожнымъ путемъ, по которому поѣздъ мчится, то ныряя вдругъ въ абсолютный мракъ туннелей, то снова появляясь на ярко-освѣщенныхъ солнцемъ цвѣтущихъ берегахъ зеленыхъ и голубыхъ озеръ.

Съ большимъ подъемомъ и успѣхомъ ведетъ онъ агитаціонную работу въ цѣломъ рядѣ городовъ Поволжья и Урала, пока развернувшіяся событія не призвали его въ Петербургъ, въ центръ.

Здѣсь «товарищъ Николай» имѣлъ возможность развернуть всю свою огромную энергію. И вотъ, что разсказываетъ

объ его петербургской партійной работѣ ближайшій свидѣтель ея А. Брамъ, любезно предоставившій свои воспоминанія о Коноваловѣ въ наше распоряженіе.

«Какъ партійный дѣятель и вождь, Николай выдвинулся сразу же въ митинговую эру. Въ ночь 18 Октября онъ былъ на улицѣ и, въ качествѣ одного изъ диктаторовъ Петербурга, шелъ съ бѣлымъ платкомъ на шляпѣ впереди толпы, ведя ее къ тюрьмѣ; къ этому-же времени относится и полулегендарный фактъ его ареста и непосредственнаго затѣмъ освобожденія по личному приказанію Витте. Нечеловѣческая энергія покойнаго меня всегда поражала. «Дневникъ агитатора» лишь въ слабой степени даетъ понятіе о совершенной имъ суммѣ работы. — Съ конца сентября, весь октябрь, ноябрь и декабрь 1905 года ежедневной работы, — страшной, напряженной, съ утра до поздней ночи — утромъ на Обуховскомъ, въ полдень на Семянниковскомъ, въ три часа въ штабѣ района, отвѣтственнымъ руководителемъ котораго онъ являлся, вечеромъ въ комитетѣ районномъ или подрайонномъ на засѣданіи коллегіи агитаторовъ или въ Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ и, наконецъ, ночью возвращеніе изъ-за заставы домой, обыкновенно пѣшкомъ, чтобъ утромъ начать такой-же день, и такъ въ теченіе мѣсяцевъ. Но Николай остался тѣмъ-же, когда другіе уже ушли изъ работы. Съ февраля 1906 г. онъ съ головой ушелъ въ избирательную кампанію первой Думы, ведя въ то-же время отчаянную фракціонную борьбу въ районахъ передъ конференціей, долженствовавшей рѣшить вопросъ о бойкотѣ Думы. Въ то-же время онъ постоянно сотрудничалъ въ партійной прессѣ, а разъ я его засталъ въ довольно странномъ положеніи и за странной работой. Лежа на полу онъ раскладывалъ по порядку безчисленное количество вырѣзокъ изъ газетъ, наклеивая ихъ опять таки въ особомъ порядкѣ въ тетрадь. Уже тогда, среди горячки революціонной работы, онъ собиралъ матеріалъ по эволюціи русской деревни, — тема, для которой онъ такъ много сдѣлалъ потомъ, какъ журналистъ. Въ маѣ я уже вижу Николая въ Москвѣ опять за работой, то какъ сотрудника «Свѣточа», то какъ члена обще-городской конференціи, то какъ агитатора на грандіозномъ митингѣ типографщиковъ въ Грузинскомъ

саду въ ихъ борьбѣ противъ перваго русскаго локаута, то «На Трубѣ» у Гужона, то въ мастерскихъ Курской дороги, то въ дискуссіи съ анархистами въ Марьиной Рощѣ. Въ іюнѣ мы должны были разстаться. Въ Казани, куда онъ попалъ, Николай былъ арестованъ и высланъ въ Томскъ—но въ ноябрѣ я уже пожималъ ему руку въ Петербургѣ послѣ счастливаго возвращенія изъ ссылки. Опять та-же работа. Вторая избирательная кампанія, еще болѣе ожесточенная, чѣмъ первая, и уже безъ тѣхъ милыхъ, ободряющихъ улыбочекъ, которыми насъ встрѣчали кадеты весной — и рядомъ та-же отчаянная фракціонная борьба по вопросу о блокахъ передъ конференціей. Николай опять въ первыхъ рядахъ, опять членъ конференціи и комитета, опять за работой. Весна прошла въ подготовкѣ съѣзда, Николай какъ делегатъ Ц. К. ѣдетъ въ Луганскъ, возвращается и снова въ Питерѣ. Послѣ роспуска Думы онъ продолжаетъ нервно бороться за возможность осуществленія революціонныхъ иллюзій (см. «Дневникъ агитатора»). Временно изолированный, я потерялъ его изъ виду. Зимой 1907 г., въ эпоху начавшагося повальнаго бѣгства интеллигенціи и распада организаціи—Николай все время на своемъ посту. Мелькомъ встрѣчаю я его въ Финляндіи, опять какъ члена отвѣтственнаго партійнаго собранія. Арестованный на одномъ изъ нихъ, онъ попадаетъ на годъ въ тюрьму... 1908 годъ, годъ еще болѣе тяжелый, годъ гробового молчанія массъ, почти полнаго прекращенія работы, паденія не только революціонной волны, но и всеобщаго обратнаго теченія даже предреволюціонныхъ симптомовъ, вплоть до судорожной борьбы университетовъ за автономію—и Николай снова, какъ делегатъ комитета на собраніи студенческой соціалъ-демократической группы старается вдохнуть новый жаръ въ потухающее движеніе. Весною 1909 года я ждалъ Николая у него на квартирѣ, освобожденнаго только что изъ тюрьмы послѣ годовой отсидки. Онъ пришелъ такой-же, какъ всегда, все съ той же энергіей и волей. И только разъ, въ періодъ самой тяжелой реакціи и Третьей Думы 1910 г., когда фактически всякая работа стала, а среди еще копошившихся и, по характерному выраженію, «скрипѣвшихъ людей» каждый съ опаскою оглядывался на другого, «не провокаторъ-ли»,—

только разъ услышалъ я отъ Николая жалобу, вздохъ, затаенное недовольство и какъ бы усталость отъ партійной работы. Волею судебъ, только моментами наѣзжая въ Питеръ, я не могъ, увы, быть теперь, какъ прежде, близокъ съ нимъ; о состояніи его души—даетъ понятіе его «Дневникъ».

III.

А. Брамъ, еще за два мѣсяца до смерти Коновалова, велъ съ нимъ полушутливый разговоръ на тему о самоубійствѣ, причемъ Коноваловъ относился къ этому способу разсчета съ жизнью съ полнымъ отрицаніемъ. Свои личныя переживанія, свои сомнѣнія, свою тоску онъ таилъ про себя, оставаясь для окружающихъ все тѣмъ же «пропагандистомъ жизнерадостности», какимъ онъ былъ, какимъ считалъ себя ex officio. Въ глазахъ окружающихъ его эта жизнерадостность Коновалова должна была казаться тѣмъ болѣе несомнѣнной, что она какъ будто подтверждалась даже его личнымъ поведеніемъ,— той, подчасъ сумасбродной удалью, которой онъ не былъ чуждъ вплоть до легкаго авантюризма.

«Въ его головѣ — разсказываетъ А. Брамъ — роились не разъ самыя рискованныя мысли. Я помню его бѣгство изъ конвоируемой толпы арестованныхъ, помню сумасбродную попытку самолегализаціи, когда онъ въ одинъ прекрасный день вдругъ вздумалъ съѣхать съ квартиры въ качествѣ Соснина, въѣхавъ въ нее-же въ качествѣ Коновалова. Мы ахнули, онъ только смѣялся, однако все-же былъ нѣсколько смущенъ, когда получилъ черезъ нѣсколько дней приглашеніе явиться участокъ. Въ сюртукѣ (откуда онъ его взялъ?), съ подушкой въ одной рукѣ и кипой книгъ въ другой, отправился онъ къ властямъ, полагая оттуда отправиться прямо въ тюрьму. На этотъ разъ все сошло съ рукъ благополучно, впрочемъ мало-ли что не сходило благополучно въ 1905 году? Помню и другія «предпріятія» товарища Николая. Помню, какъ онъ съ толпой своихъ соратниковъ аттаковалъ ночью за заставой конку и затѣмъ, пригласивъ пассажировъ выйти, валилъ вагонъ на рельсы, чтобы затормозить движеніе; помню, какъ держалъ

совѣщаніе о разгромѣ черносотенной типографіи; помню, какъ, остановивъ нежелавшій бастовать заводъ, приказалъ временно арестовать городового, тайкомъ пробравшагося къ телефону, помню и другіе «неудобо-оглашаемые» факты...»

Интимный міръ внутреннихъ переживаній Коновалова былъ недоступенъ для постороннихъ. Неудивительно поэтому, что въ глазахъ даже близкихъ людей «товарища Николая», видѣвшихъ, съ какой расточительной щедростью этотъ «веселый, жизнерадостный» человѣкъ разбрасываетъ свои силы въ общей партійной работѣ, самоубійство его явилось загадочной и ничѣмъ необъяснимой катастрофой. Только «Дневникъ агитатора», появившійся въ печати послѣ смерти Коновалова (въ «Совр. Мірѣ», 1912 г., въ 3 и 4 книгахъ), но написанный имъ задолго до катастрофы, вскрываетъ логическую необходимость послѣдней.

Съ дѣтства неудовлетворенный и даже обиженный соціальными противорѣчіями, которыя больно отражались на его личной жизни, Коноваловъ, — со своими страстными устремленіями въ какую то заманчивую, но неизвѣстную даль, со своей мучительной и, какъ онъ самъ формулировалъ, «безпричинной» печалью,—печалью, во всякомъ случаѣ, «о не своемъ горѣ»,—былъ типичнымъ романтикомъ. Если бы его сестра, письма къ которой я цитировалъ, знала литературу, то на обращенную къ ней мольбу она могла бы отвѣтить: «то, чего ты такъ жадно ищешь, но имени чего не знаешь,—это «голубой цвѣтокъ» нѣмецкихъ романтикомъ. Прекрасенъ и благоуханенъ этотъ цвѣтокъ, но увы! и для нихъ онъ остался невѣдомымъ, таинственнымъ».

Впрочемъ, что касается Коновалова, то онъ оказался гораздо счастливѣе нѣмецкихъ искателей. Онъ нашелъ цвѣтокъ, онъ видѣлъ его, и было время, когда онъ утолилъ тоску свою. Бѣда была не въ томъ, что, вмѣсто голубого, цвѣтокъ оказался краснымъ,—краснымъ цвѣткомъ революціи,—а въ томъ, что цвѣты вообще,—и голубые и красные и всякіе другіе, — вянутъ. И когда Коноваловъ подмѣтилъ увяданіе своего драгоцѣннаго цвѣтка; когда революція пошла на убыль, къ нему вновь стала подкрадываться его старая тоска, на этотъ разъ безнадежная, безысходная. «Революціонная волна,

которая давала цѣль моей жизни, умерла. Вмѣстѣ съ ней умираю и я. Ждать другой—нѣтъ силъ»... Такъ въ «Дневникѣ агитатора» гласитъ предсмертная записка Герасима. Коноваловъ не оставилъ послѣ себя такой записки. Не оставилъ потому, что нѣкоторое время еще пытался, не выпуская изъ своихъ рукъ увядающій красный цвѣтокъ, овладѣть и голубымъ. Онъ искалъ этотъ послѣдній въ литературѣ, въ личныхъ привязанностяхъ, но ни тамъ, ни здѣсь онъ не нашелъ, да и не могъ найти того, что дала ему революція: той «*постоянной жгучей атмосферы*», безъ которой—признавался онъ въ «Дневникѣ»—«*мы не сумѣемъ жить*».

Романтикъ въ жизни, романтикъ въ партійной работѣ, Коноваловъ не могъ, конечно, не обнаружить своего романтизма и въ литературной дѣятельности. Онъ былъ слишкомъ честенъ и искрененъ, онъ слишкомъ уважалъ литературу для того, чтобы въ ней позволить себѣ рядиться въ какой бы то ни было маскарадный костюмъ. Я не говорю уже о «Дневникѣ агитатора», этой опоэтизированной авторской исповѣди, отъ начала и до конца обвѣянной настроеніемъ революціонера-романтика. Но и въ деревенскихъ его очеркахъ, обнаружившихъ вмѣстѣ съ правдивостью, большую наблюдательность молодого автора, чувствуется все тотъ же романтикъ, съ его постоянной тревогой и тоской о чемъ-то иномъ, лучшемъ, чего нѣтъ, но что хотѣлось бы видѣть, и о чемъ авторъ не можетъ не сказать, то и дѣло забывая о взятой на себя роли объективнаго наблюдателя и регистратора деревенской жизни.

IV.

Я не могу гадать о томъ, въ какія формы вылилась бы литературная дѣятельность Коновалова, если бы въ самомъ началѣ ея онъ не сошелъ въ преждевременную могилу. Теперь же, и смѣшанной художественно-публицистической формой своихъ произведеній, и даже сюжетами ихъ, онъ сильно напоминаетъ Глѣба Успенскаго.

Гл. Успенскій—одинъ изъ любимѣйшихъ писателей Коно-

валова. Послѣдній часто вспоминаетъ и цитируетъ Успенскаго и, весьма возможно, что иногда онъ даже сознательно подражаетъ любимому автору. Не помню, отмѣтилъ-ли кто либо изъ критиковъ эту черту подражательности Коновалова, но во всякомъ случаѣ никто не осудилъ ее въ писателѣ, хотя говорили о немъ не мало и нерѣдко. Это значитъ, что манера Успенскаго шла къ Коновалову, т. е. не противорѣчила тому новому содержанію, которое начинающій авторъ вложилъ въ старую форму. И надобно признать, что, пріискивая форму для своихъ первыхъ литературныхъ замысловъ, Коноваловъ тѣмъ болѣе вправѣ былъ остановить свой выборъ на Успенскомъ, что между ними есть несомнѣнное духовное родство, опредѣлившее и духовную ихъ преемственность.

Прежде всего Коновалова съ Успенскимъ сближаетъ общее имъ настроеніе,—тоска, печаль «о не своемъ горѣ», которая, какъ мы знаемъ, всегда сопутствовала Коновалову и которая, въ то же время, была такъ характерна для Успенскаго. «Я помню, что я плакалъ безпрестанно, но не зналъ, отъ чего это происходитъ»—писалъ Успенскій, вспоминая свои отроческіе и юношескіе годы. А потомъ это «адское душевное состояніе», преслѣдующее Успенскаго всю жизнь, вплоть до полной потери душевнаго равновѣсія, до безумія, которое не рѣдко мерещилось и Коновалову, пугая его воображеніе. Здѣсь Коноваловъ подходитъ къ Успенскому такъ близко, что со стороны ихъ можно было бы принять за родныхъ братьевъ, надѣленныхъ одной общей наслѣдственностью.

Дальше нельзя не отмѣтить полную въ соціальномъ отношеніи тождественность ихъ литературныхъ выступленій. Начало литературной дѣятельности Успенскаго совпадаетъ съ крестьянской реформой, съ моментомъ, когда по его собственнымъ словамъ, «большого художника, съ большимъ сердцемъ, ожидало полчище народа, заболѣвшаго новою, свѣтлою мыслью, народа немощнаго, изувѣченнаго и двигающагося волей-неволей по новой дорогѣ и, несомнѣнно, къ свѣту. Сколько тутъ фигуръ, прямо легшихъ пластомъ, отказавшихся идти впередъ; сколько тутъ умирающихъ и жалобно воющихъ на каждомъ шагу; сколько бодрыхъ, смѣлыхъ, настоящихъ, сколько

злыхъ, оскалившихъ отъ злости зубы!»... Глѣбъ Успенскій оказался самъ этимъ «большимъ художникомъ, съ большимъ сердцемъ», который съ такой силой художественной правды изобразилъ именно эту «рвущуюся съ пути» массу, въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ.

У Коновалова были всѣ задатки для того, чтобы стать если не такимъ же перворазряднымъ, какъ Успенскій, то все же «большимъ художникомъ, съ большимъ сердцемъ». Онъ не успѣлъ развернуть передъ нами всего запаса своихъ писательскихъ талантовъ. Но и то, что онъ далъ намъ, обнаруживаетъ въ немъ художника того-же заболѣвшаго новой мыслью полчища народа, который сорвался съ мѣста въ историческій моментъ, однородный, по своей соціальной сущности, съ моментомъ крестьянской реформы.

Наконецъ, еще одна существенная черта, сближающая Коновалова съ Успенскимъ.

Какъ мнѣ уже приходилось писать въ другомъ мѣстѣ *), Успенскаго интересовала не статика явленій, а ихъ динамика, вопросъ, не что *есть*, а что *будетъ*. Задумавъ новый рядъ очерковъ, онъ писалъ Соболевскому, что ихъ будетъ три. Первый займется вопросомъ «что будетъ? Второй получитъ названіе: «что будетъ съ фабрикой?» Третій — «что будетъ съ бабой?». И этотъ тревожный вопросъ: «что будетъ?» красной нитью проходитъ черезъ всѣ произведенія Успенскаго. Всегда и вездѣ объектъ наблюденія интересуетъ его не съ точки зрѣнія достигнутаго имъ равновѣсія, а съ точки зрѣнія направленія, какое онъ приметъ въ дальнѣйшемъ своемъ движеніи.

Въ эту же сторону всегда устремляетъ свой взоръ и Коноваловъ. Вѣдь еще до начала своей литературной дѣятельности, въ 1905—06 г.г. онъ видѣлъ деревню, когда «всѣ были серьезны, всѣ были проникнуты увѣренностью, что жизнь нужно перековать сызнова» («Въ деревнѣ»). Когда онъ серьезно взялся за перо, посвятивъ его деревнѣ,—въ ней все измѣнилось. И вотъ, онъ ставитъ себѣ задачей прослѣдить

---

*) См. очеркъ, посвященный Гл. Успенскому въ моей книгѣ «Въ мірѣ идей и образовъ», т. I.

эволюцію, продѣланную новой деревней послѣ того, какъ на нее обрушился указъ 9 ноября 1906 г., сверху и до низу перетасовавшій деревенскія отношенія. Онъ добросовѣстно входитъ въ жизнь деревни, наблюдая и изучая ее, ѣздитъ по хуторамъ, нищенствующимъ и зажиточнымъ, и, внимательно присматриваясь къ настоящему, ни на одну минуту не упускаетъ изъ вида «перспективы будущаго». Не важны эти перспективы. «Разобрать ничего нельзя!»—жалуются ему даже оптимистически настроенные крестьяне, на всякой мелочи готовые констатировать «просвѣщеніе мужика».

«И вотъ—свидѣтельствуетъ Коноваловъ—эта «невозможность разобраться», это отсутствіе перспективъ, «уголъ»—злоба дня современной деревни... Съ мучительнымъ напряженіемъ мужикъ старается «осилить», «преодолѣть» путаницу, бросается на хутора, въ собственники,—иногда устраивается, а чаще запутывается еще больше. Нѣкоторые кончаютъ самоубійствомъ. И это характерно, потому что десять лѣтъ тому назадъ самоубійство въ деревнѣ было исключительнымъ явленіемъ» («Деревенскія картинки»)...

На безотрадномъ фонѣ этой «тоскливой безысходности» авторъ могъ отмѣтить лишь «настойчивое исканіе» крестьянъ, какъ «единственное отрадное явленіе въ современной деревнѣ».

Для «перспективы будущаго» этого, какъ будто бы, и маловато. Но во времена Успенскаго деревня не давала матеріала даже для такого скромнаго итога.

Какъ отнесся романтикъ-Успенскій къ неприкрашеннымъ выводамъ, сдѣланнымъ имъ изъ наблюденій надъ родной дѣйствительностью? Мы уже знаемъ объ его «смертной тоскѣ», на которую онъ жаловался друзьямъ, а иногда и читателямъ, и которая давила его до полной потери душевнаго равновѣсія. И когда катастрофа произошла, больного писателя стала навѣщать «Святая Ефросинья» и укорять его за то, что онъ не такъ писалъ и не то писалъ, что нужно Россіи... Что Россія—чистая и пречистая, свѣтлая и благодатная, а онъ всю жизнь писалъ про темное, про нечистое, выискивалъ въ ней неладное и нескладное *)... *Себя*, а не дѣйствительность, не дорогую и любимую родину осудилъ писатель за то, что

не могъ не видѣть и не отмѣтить въ ней неладнаго и нескладнаго, о чемъ такъ болѣла его душа.

Глубокая, непоколебимая вѣра въ рабочій классъ, въ его историческую миссію, беззавѣтная любовь вообще ко всей демократіи чувствуется въ каждомъ произведеніи Коновалова. И, разумѣется, тоже *себя*, свою личную неприспособленность, а не жизнь, не родину осудилъ онъ, когда рѣшилъ покончить съ собой.

Отмѣтивъ сходство Коновалова съ Успенскимъ, я не могу обойти молчаніемъ и различія между ними,—различія существеннаго и значительнаго.

Въ характерѣ Успенскаго, какъ и въ стилѣ его произведеній, преобладающей особенностью былъ юморъ. Запасъ смѣха, которымъ владѣлъ этотъ художникъ слова, долгое время былъ надежной защитой для его обнаженныхъ нервовъ отъ острыхъ и ядовитыхъ уколовъ современной ему дѣйствительности. Коновалову юморъ почти чуждъ. Господствующей особенностью его характера и стиля является паѳосъ, которымъ и объясняется острота его эмоціи, приподнятость его настроенія. Эта черта его характера сразу-же выдвинула его, какъ политическаго оратора, легко овладѣвающаго настроеніемъ аудиторіи; она положила печать особенной сосредоточенности и серьезности на его литературныя выступленія; она же опредѣлила и его послѣдній роковой шагъ.

Вл. Кранихфельдъ.

---

*) См. С. Елпатьевскій, „Близкія тѣни“, стр. 12.

ОЧЕРКИ

СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Когда я былъ въ деревнѣ О. три года назадъ, она представляла изъ себя кипящій котелъ, и ночью на улицахъ толпились кучи народа, произносились огненныя рѣчи, обсуждались и критиковались правительственнымя распоряженія... Жизнь бурлила... На всѣхъ лицахъ была какая-то особая рѣшимость, какая то желѣзная непреклонность и настойчивость... Всѣ были серьезны, всѣ были проникнуты увѣренностью, что жизнь нужно перековать сызнова...

Сильно билось сердце, когда я подъѣзжалъ къ деревнѣ О. лѣтомъ прошлаго года. Хотѣлось скорѣе узнать, что осталось отъ тѣхъ бурныхъ дней.

Я остановился у крестьянина Кирина. Это въ своемъ родѣ оригинальный человѣкъ. Отбылъ два года административной ссылки, не мало сидѣлъ въ тюрьмѣ, почти ежемѣсячно у него производятъ обыски,—но все это ничуть не вліяетъ на его жизнерадостность. Много работаетъ, не доѣдаетъ, но выписываетъ газету, и сына отдалъ въ реальное училище.

— Ну, какъ дѣла?

— Да какъ дѣла, дѣла такъ плохи, хоть бѣги... Нѣтъ ничего, а будетъ ли что-нибудь, Господь одинъ вѣдаетъ...

— Что, землю что ли покупаютъ всѣ?

— Чего тутъ землю! Покупали бы землю—пускай бы ихъ, а просто дурной народъ... И сказать не знаю, какъ—сами вотъ увидите...

— Ну, а вы сами-то унываете?

— И не говорите! Такая тоска, хоть въ петлю... Ей-Богу, правду вамъ говорю... Какъ раздумаюсь обо всемъ, сколько

здѣль силъ да крови было истрачено, и все это прахомъ идетъ, то завернусь въ тулупъ и вою... Душа болитъ... Жалко все... Съ людями смѣешься, уговариваешь ихъ не унывать, а останешься одинъ—терпѣнья нѣтъ... Какъ подумаю, что все теперь по-старому пойдетъ, то и жить не хочется, не мило ничто...

— Это ужъ слишкомъ!

— Да какъ же слишкомъ? Вѣдь вы дѣловъ нашихъ совсѣмъ не знаете... Вотъ увидите и не скажете, что слишкомъ... Да вотъ вамъ, напримѣръ: вы помните нашихъ мужиковъ? (Онъ назвалъ нѣсколько именъ). Всѣ они были высѣчены и увезены, и до сихъ поръ нѣтъ... Сгибли. А семьи ихъ здѣсь. Какъ увезли ихъ всѣхъ тогда, то сошлись мы и рѣшили кормить семьи вплоть до возвращенія отцовъ, обрабатывать имъ всѣмъ обществомъ землю, ну и вообще помогать... Первый годъ ничего—всѣ помогали, какъ надо, а потомъ и пошло... Сначала двое отказались—у насъ, говорятъ, свои семьи... За этими другіе: коли они, молъ, не хотятъ, такъ и намъ не больше другихъ нужно... Такъ и пошли одинъ за однимъ... Осталось теперь человѣкъ пятнадцать согласныхъ, а остальные отказались... Ну, что мы можемъ сдѣлать для шести семей? Съ голоду ребятишки пухнутъ... Вотъ вамъ и «слишкомъ»...

— Что же, вы пробовали съ ними говорить?

— Чуть не каждый день говорю и—хоть бы что! Урядникъ, молъ, грозитъ, что это сообщничество, да и у самихъ, молъ нѣтъ ничего... Говоришь, говоришь, стыдишь, стыдишь,—какъ въ стѣну горохъ... Стоятъ, какъ бараны—вотъ и все...

— Почему же это?

— Да выдохлись всѣ... Устали что-ль—отдохнуть хочется... Аль такъ... время такое... Ужъ не знаю, какъ и сказать...

Поговоривъ о разныхъ разностяхъ, мы отправились посмотрѣть деревню и навѣстить осиротѣлыя семьи.

Внѣшній видъ деревни почти не измѣнился... Раскинутая на полугорьѣ. она срединой выдается вверхъ, а концами уходитъ до дна оврага. На «верху» красуются нѣсколько покрытыхъ желѣзомъ домиковъ, а по обоимъ скатамъ и на днѣ оврага безпорядочно раскинуты, то прижатыя одна къ

другой, то отдаленныя на большое разстояніе—лачужки. Разбросанныя по изломанной линіи безо всякаго плана избы, покривившіяся и вросшія въ землю, какъ бы олицетворяли собой упадокъ духа и растерянность ихъ обитателей.

— Вы помните,—вотъ здѣсь на углу стояла изба съ мазанкой?

— Ну?

— Ее сожгли... Здѣсь Максимъ жилъ,—такъ теперь вся семья распалась... Самого-то его убили, сынъ неизвѣстно куда скрылся... А дочь въ прислугахъ у кого-то въ городѣ...

Я молчалъ.

— Теперь вѣдь какой народъ-то сталъ: вотъ однимъ этимъ мѣстомъ мнѣ житья не даютъ... Чуть-что—«вонъ, говорятъ, радуйся»... Вотъ какой народъ... И не потому, что смирились, а такъ... Злость сорвать не на комъ...

На улицахъ кое-гдѣ встрѣчались торопливо идущіе люди. Около лавочки группа полупьяныхъ парней кричала, пѣла и ругалась.

Мы вошли въ небольшую избенку въ одну комнату съ низкимъ потолкомъ, разбитыми окнами. Ничто въ ней не напоминало жилого помѣщенія; какой-то ящикъ въ одномъ углу, сундукъ безъ крышки въ другомъ... На грязной полкѣ заплѣсневѣлые куски хлѣба и—все... Ни мебели, ни одежды... На полу сидѣли два мальчика, приблизительно 5 и 7 лѣтъ въ изодранныхъ рубашонкахъ, безъ шароваръ... Съ печки торчали еще двѣ головенки, при нашемъ входѣ нырнувшія за трубу...

— Гдѣ мать-то?

— Въ Славкино ушла работать...

— Давно?

— Шестой день никакъ...

— Чего же ты, дуракъ, ко мнѣ не заходилъ?

— Маманька сказала, какъ весь хлѣбъ выйдетъ, сходи молъ...

— Ѳедька не кричитъ?

— Кричитъ.

— Давай-ка его сюда...

Стыдливо прикрывая голыя ноженки, старшій мальчикъ полѣзъ на печку.

— Ты ужъ не стыдись насъ-то... Чего конфузиться,—не ты виноватъ...

На печкѣ началась возня, плачъ...

— Вотъ онъ, держи...

— Не реви, не реви, Ѳедька,—крендель дамъ... Ну!

Киринъ взялъ за рученки маленькое существо и снялъ на полъ.

— Эхъ вы, горемыки! Ѣсть хочешь?

Мальченка стоналъ и хныкалъ... Не было никакой возможности опредѣлить, сколько ему лѣтъ: крошечное худое личико, крошечныя рученки... Какой-то маленькій старичекъ, съ гноящими глазами и толстымъ животомъ...

— Что же ты молчишь, Ѳедька?

— Онъ кричитъ все, дяденька; ему ѣсть нельзя... Укуситъ хлѣба, а изо рта кровь: обметало у него... Я ему жевалъ—все равно не ѣстъ...

— Дуракъ ты, дуракъ и есть...

Мы дали ребенку пряникъ, онъ откусилъ кусочекъ, закричалъ и началъ плевать; изъ растревоженныхъ десенъ потекла сукровица...

— Ты соси,—не кусай, а соси... Эхъ, дѣла, дѣла... Мучится, мучится, а смерть не беретъ... Молока бы теперь кипяченаго... Какъ же это она васъ оставила-то?

— Испекла хлѣбы и ушла... Теперь все ужъ съѣли—скоро придетъ...

— Прибѣги ко мнѣ сегодня,—я пирожка вамъ отрѣжу...

— Прибѣгу!

Мы вышли.

— Вотъ отца томятъ, а эти вонъ что... Эхъ!.. А попрошайничать не пойдутъ... Умрутъ—не пойдутъ... Вотъ оно гдѣ горе-то... И вѣдь никто къ нимъ и глазу не кажетъ... Люди!!. Одно слово...

Мы навѣстили еще три семьи. Въ двухъ—тѣ же грязь, нищета и голодъ... Голодныя, нагія дѣтишки, изуродованныя и озлобленныя... Въ послѣдней же семьѣ было немного лучше: двѣ дѣвочки довольно прилично одѣты, и мать встрѣтила насъ не обычнымъ полудовѣрчивымъ молчаніемъ, а очень радушно. На судьбу свою не жаловалась, смерти себѣ не молила...

— Пробьемся какъ нибудь... Что же дѣлать?..

— Пишетъ вамъ мужъ-то?

— Какъ же... Часто пишетъ... Потерпите, говоритъ, еще немного... Мы тоже написали, не безпокойся, молъ, съ голоду не умремъ...

— Хорошая ты баба Лукерья! Всѣмъ вѣдь я говорю— терпите пока что, не убивайте мужей... А то напишутъ, что съ голоду мрутъ,—тѣ тамъ и сходятъ съ ума... Имъ и безъ того тяжело, а здѣсь еще такія письма...

— Какъ-нибудь...

— А что у васъ въ Питерѣ ничего не слышно?—спросила она меня, немного помолчавъ.

— Насчетъ чего?

— А вотъ опять о забастовкахъ?..

— Нѣтъ ничего.

— А говорятъ, готовятся... Скоро, говорятъ, опять начнутся...

— Не знаю...

— А ты, баба, помалкивай... Начнется, и насъ не минуетъ... А болтать раньше времени нечего...—замѣтилъ Киринъ.

— Да я такъ... Другіе говорятъ...

— Ты гдѣ теперь работаешь?

— На заводѣ все: пучки вяжемъ... За весну-то 33 руб. заработали... Манька помогаетъ ужъ...

— Ну, дай Богъ, дай Богъ...

Когда мы вышли, Киринъ долго хвалилъ Лукерью, доказывая, что «это не баба, а золото, и что съ такимъ человѣкомъ не пропадешь»... Мнѣ тоже было немного легче отъ этого посѣщенія послѣ тяжелыхъ сценъ въ предыдущихъ избахъ... По дорогѣ мы остановились съ двумя-тремя знакомыми, но встрѣчи были непріятныя, разговоръ не клеился; мы какъ-то конфузились и чего-то стыдились... О прошломъ не говорили вовсе... Однако, настойчиво звали къ себѣ поговорить, узнать—„какъ и что“...

Въ деревню мы вернулись уже вечеромъ. Былъ самый обыкновенный вечеръ деревенскихъ буденъ.

Пыль отъ возвратившагося стада, ребятишки, загоняющіе коровъ и овецъ, сидящіе на заваленкахъ старики—все, какъ двадцать или сто лѣтъ назадъ...

Одна только картина рѣзко напоминала намъ о современности.

Десятка полтора крестьянскихъ ребятишекъ бѣжали за обтрепанной и грязной женщиной... Она время отъ времени махала на нихъ руками, ругалась, кидала кусками земли. Но угроза мало пугала ребятъ... Они окружали женщину, теребили ея костюмъ, смѣялись.

— Агаша, покажи, какъ тебя казаки!

— Уйдите... Черти... Я васъ!..

— Го, го, го... покажи, что-ль... Аль жалко?!..

Женщина дѣлала неприличный жестъ, хохотала и бѣжала дальше... Дѣти тоже хохотали, подражали ея жесту и бѣжали за ней...

— Чего вы, окаянные, ее одолѣваете! Пошли прочь!

Дѣти остановились, посмотрѣли на кричавшаго старика и конфузливо разбрелись.

— Что это за женщина, дѣдушка?

— Да Агаша хуторская... Помѣшана малость, ну, они ее и одолѣваютъ...

— А что съ ней?

— Да такъ... Вишь, здѣсь забастовка была у насъ... Понаѣхали казаки-черкесы и напугали бабу... Знамо дѣло, баба работящая была, тихая... Мужъ въ городѣ хорошее жалованье получаетъ... А они насѣли на нее... Да! Испугалась что-ль, въ обиду ли больно вошла—не знаю ужъ... А помѣшалась съ того раза...

Довольныхъ въ деревнѣ нѣтъ совсѣмъ, или—если и есть,—то такъ мало, что они тонутъ въ морѣ распыленнаго недовольства... Крестьяне и помѣщики, сельскохозяйственные служащіе и интеллигенція, наконецъ, духовенство и вольнонаемные черкесы,—всѣ, какъ есть всѣ,—недовольны тѣмъ, что есть... Причина недовольства, конечно, у каждой группы своя собственная.

Но сразу видно, что *непосредственная* экономическая безвыходность не играетъ въ немъ главной роли. Больше всего мучитъ крестьянъ отсутствіе всякой надежды на будущее.

— Вотъ вы говорите все, что нельзя жить, что умирать

пора, а урожай вѣдь у васъ богатый: по-моему, жить еще можно,—говорю я деревенскому патріарху, отцу трехъ женатыхъ сыновей.

— Урожай, урожай... Вотъ заладили всѣ о нашемъ урожаѣ... Въ газетахъ и то вонъ читали объ урожаѣ въ нашей волости. А что урожай? Чего отъ него больно много-то придется?! Не въ урожаѣ теперь дѣло, а въ другомъ... Коренная подъемка теперь нужна, чтобы все внизу, все снова... Чтобы и лошадь, и скотина, и изба—все заново! Безъ сумнѣнія чтобы... Вотъ что нужно! А то—урожай! Но подумайте вы, какую онъ имѣетъ цѣну, коли не вытягиваетъ меня изъ ямы... Ну, высуну я голову—на будущій годъ еще глубже меня сунутъ...

И съ кѣмъ бы вы ни начали говорить на эту тему, ото всѣхъ услышите одинъ и тотъ же отвѣтъ!

«Мы кровь-то лили, лили, а землю богачамъ отдали... Мы какъ голодали, такъ, видно, и будемъ голодать... Имъ-то хорошо: они землю купили, а намъ совсѣмъ окончаніе приходитъ—ни надѣловъ нѣтъ, ни снять негдѣ... Продать все да въ городъ—одинъ конецъ»...

Городъ!—вотъ пока единственный ясный исходъ... «Въ городѣ какъ ни на есть, а все можно прокормиться...» Приводится нѣсколько примѣровъ, что «Яковъ, вонъ, Сердобинскій поступилъ на лѣсопилку и—живетъ...», или «Иванъ-то Дармидоновъ самымъ зрящимъ мужикомъ былъ, а теперь 15 цѣлковыхъ въ мѣсяцъ получаетъ.» И у всѣхъ одно и то же... «Надо же гдѣ-нибудь искать выхода»—и опять тѣ же Яковъ Сердобинскій и Иванъ Дармидоновъ...

Казалось бы, что «новые помѣщики», крестьяне, пріобрѣвшіе землю черезъ крестьянскій банкъ и тѣмъ самымъ получившіе власть надъ всѣмъ селомъ,—казалось бы, они должны чувствовать себя превосходно. Но этого нѣтъ: и ихъ безпрестанно гнететъ сознаніе неустойчивости своего положенія. Великолѣпно зная настроеніе деревни, они лучше другихъ понимаютъ, что думать о полномъ успокоеніи можно будетъ не скоро. Справедливо или несправедливо, но озлобленіе деревенской бѣдноты особенно сильно направлено на нихъ, имъ придется безпрестанно сталкиваться съ этимъ озлобленіемъ, и

они хорошо понимаютъ причины: въ немъ и зависть въ конецъ разоренныхъ людей, и злоба на то, что отдѣльные люди пріобрѣли себѣ всю землю, тогда какъ ее могъ бы пріобрѣсть «весь міръ»...

— Купить-то я купилъ, а ужъ подумываю передать кому-нибудь свой участокъ. Посудите сами: я продалъ двѣ лошади. двѣ коровы, десять овецъ, почти весь хлѣбъ, весъ сборъ яблоковъ—заплатилъ задатокъ. Теперь и хозяйство разстроилъ, и людей противъ себя возстановилъ. Ужъ и не знаю, почему на меня такъ взъѣлись: и купилъ-то я всего 20 десятинъ. Грозятъ и грозятъ... Разорятъ вѣдь въ конецъ, что съ ними подѣлаешь? Вы знаете, какой у насъ народъ-отъ! Помѣщикамъ хорошо: у нихъ казаки, объѣздчики, а намъ это не по силамъ... Будешь пожалуй, на людей сѣять... Богъ съ ней и съ землей! Вотъ такъ времена пришли... Прямо-таки ничему не радъ...

Вотъ разсужденія крестьянъ, купившихъ землю. Участки они въ большинствѣ случаевъ никому не передаютъ и оставляютъ за собой; но вступаютъ во владѣніе ими съ тяжелымъ сознаніемъ глубокой ненависти односельчанъ...

Ненависть эта особенно усиливается потому, что пріобрѣтеніе участковъ въ корнѣ измѣнило міровоззрѣніе пріобрѣвшихъ... Три-четыре года назадъ большинство изъ «новыхъ помѣщиковъ» были застрѣльщиками крестьянскихъ волненій. Если они и не шли впереди крестьянъ, когда тѣ направлялись громить помѣщичьи усадьбы, то въ селѣ кричали больше другихъ, и самая рѣзкая ругань по адресу помѣщиковъ выходила изъ ихъ устъ. Кромѣ того, имъ же досталась и большая часть хлѣба изъ помѣщичьихъ амбаровъ, такъ какъ они пріѣзжали за нимъ на двухъ-трехъ подводахъ, тогда какъ безлошадная бѣднота пользовалась лишь тѣмъ, что удавалось утащить на собственномъ горбу. Постановленія, правда, были дѣлить хлѣбъ по числу ѣдоковъ, но гдѣ же возможно соблюсти какой-либо порядокъ при той кутермѣ, какая создается при всѣхъ погромахъ?!. Тогда эти «новые помѣщики" повсюду твердили, что нельзя такъ, чтобы «у однихъ амбары до краевъ; а другіе съ голоду мрутъ, какъ мухи» что «всѣ крестьяне—братья»,—а теперь они рѣзко отдѣлились отъ „голь-

тяпы, которой только и дѣла, что забастовки устраивать». «На всякихъ голодранцевъ не наработаешься... Купи вмѣстѣ съ нимъ землю, да и сядь въ лужу: у него ни въ немъ, ни на немъ, онъ изъ тебя и будетъ соки-то тянуть... Тоже мы ихъ хорошо понимаемъ»... «Нѣтъ, мало ихъ сѣкли... Выпороть бы еще, какъ слѣдуетъ, они бы и замолкли»... Всѣ эти разсужденія бѣднота прекрасно знаетъ; знаетъ и то, что теперь «новые помѣщики» «съ урядниками и казаками чаекъ начали попивать», и все это бѣднотой прекрасно учитывается...

По линіи участія крестьянъ въ покупкѣ помѣщичьихъ земель разбилось большинство селъ и деревень Петровскаго уѣзда, Саратовской губ. Любопытна въ этомъ одна характерная путаница: кулаки, по какимъ-либо причинамъ не участвовавшіе въ покупкѣ, присоединяются къ деревенской бѣднотѣ «подгвазживая» ее противъ «новыхъ помѣщиковъ». А какой нибудь бѣднякъ, путемъ полной гибели хозяйства пріобрѣвшій три-пять десятинъ, зачисляется односельчанами въ «новые помѣщики» и вмѣстѣ съ крупными сравнительно земельными собственниками принужденъ выносить натискъ бѣдноты...

Въ свою очередь, и онъ болѣе льнетъ къ лицамъ, купившихъ землю, сторонясь отъ «безштанныхъ горлодраловъ»...

Аграрныя волненія порождены экономическимъ и духовнымъ гнетомъ. Отдѣльныхъ лицъ для крестьянъ не существовало: существовалъ классъ помѣщиковъ, и крестьяне вели борьбу лишь постольку, поскольку они помѣщики.

При разгромѣ одного имѣнія помѣщикъ—извѣстный въ уѣздѣ земскій дѣятель—вышелъ къ крестьянамъ и лично началъ ихъ уговаривать.

— Помилуй Богъ, баринъ, да мы противу тебя ничего не имѣемъ... Слава Богу, не первый годъ знаемъ—худого не видали.

— Зачѣмъ же вы жжете мое имѣніе, пугаете дѣтей?

— Какъ же, нельзя... Всѣхъ помѣщиковъ порѣшили выкурить...

Поэтому насилій надъ личностью помѣщиковъ—за небольшими исключеніями—не было вовсе... Жгли имѣнія, развозили хлѣбъ, но людей не трогали...

Теперь же къ озлобленности противъ класса присоединилась ненависть къ отдѣльнымъ лицамъ. Движеніе не дало крестьянамъ ничего, экономическое положеніе большинства даже ухудшилось, а при усмиреніи каждый помѣщикъ проявлялъ себя съ особой жестокостью; въ каждой деревнѣ, въ каждомъ захолустномъ углу есть много живыхъ примѣровъ этой жестокости... Во многихъ мѣстахъ помѣщики и ихъ управляющіе собственноручно сѣкли крестьянъ... Все это породило глубокую *личную* ненависть, скрытую до времени и готовую проявиться при всякомъ удобномъ случаѣ.

Помѣщики и ихъ управляющіе понимаютъ это прекрасно, какъ прекрасно понимаютъ и то, что забудется это не скоро. Каждый изъ нихъ можетъ разсказать не мало проявленій этой личной мести, начинающейся отъ «мелкихъ пакостей» и кончающейся покушеніемъ на убійство.

— При погромѣ насъ никто пальцемъ не тронулъ,—говорилъ мнѣ управляющій крупнымъ имѣніемъ,—за день ко мнѣ на квартиру пришли: «Уведите,—говорятъ,—куда-нибудь ребятъ, неровенъ часъ напугаются». Когда жгли хуторъ, мы всѣ на горкѣ стояли, и ничего—смѣются: «отошла-де баринъ, ваша лафа-то»... А что съ ними стало теперь—вы не можете себѣ представить: ни одного дня не проходитъ безъ какой-нибудь «пакости»: то собаку отравятъ, то лошадь испортятъ, то окна выбьютъ... Можете повѣрить, до чего дошло дѣло: на-дняхъ выслѣдилъ я нѣсколько тетеревиныхъ выводковъ, пошелъ за псаломщикомъ, чтобы пострѣлять... И что же? На зло мнѣ взяли да всѣхъ распугали... Вы скажете—мелочи! Но вѣдь онѣ повторяются ежедневно, онѣ жизнь отравляютъ... А *тѣмъ* только того и надо—позлить... Серьезное-то что-нибудь дѣлать боятся, ну и одолѣваютъ пока-что мелкимъ озорствомъ...

Помѣщикамъ приходится жить, какъ они говорятъ, на постоянномъ «военномъ положеніи»... Каждое имѣніе охраняютъ наемные казаки, черкесы, объѣздчики... Въ одномъ Даниловскомъ имѣніи ихъ было около тридцати человѣкъ. Они получаютъ по 30—40 руб. жалованья, квартиру, столъ и лошадей. Ведутъ чисто военный караулъ, безпрестанно объѣзжая посѣвы, ночью охраняя постройки. Придираются къ

крестьянамъ, то и дѣло пускаютъ въ ходъ нагайки. Достаточно мужику поднять прутъ въ барскомъ лѣсу, пройти барской межой, недостаточно низко поклониться барину, чтобы быть избитому до полусмерти... «Сапарю!»—вотъ обычный крикъ кавказскихъ хищниковъ... Большинство изъ нихъ по русски умѣютъ только ругаться,—тѣ же, которые научились гововорить, выражаютъ свои мысли съ полной откровенностью.

— Русскій мужикъ только и годенъ для того, чтобы его нагайкой сѣчь...

— Его порешь, а онъ молчитъ да дуется...

Таковы «порядки» во всѣхъ почти имѣніяхъ... Произволъ и безнаказанность полные. Вотъ какую инструкцію почти ежедневно даетъ своимъ лѣсникамъ и объѣзчикамъ управляющій имѣніемъ Московскаго Лѣсопромышленнаго Товарищества: «Увидите, кто рубитъ лѣсъ—стрѣляйте въ него безъ разсужденій... Въ самого не попадаете—стрѣляйте въ лошадь... Не убьешь, или такъ осилишь связать—лупи нагайкой до полусмерти... Останется живъ—веди на хуторъ!» И если инструкція эта не всегда выполняется цѣликомъ, то вовсе не потому, что «боятся суда»; лѣсники и объѣздчики побаиваются самихъ крестьянъ, которые «разъ-два спустятъ, а третій и того... поймаютъ»...

— И что же, вы такъ и дѣлаете? — спрашиваю одного изъ лѣсниковъ.

— Пороть—поремъ а стрѣлять рѣдко... Жалко все-таки: убьешь самого—семья съ голоду помретъ, лошадь убьешь—разоришь изъ-за какого-нибудь прута... Выпоремъ и ведемъ къ самому, а онъ—какъ знаетъ...

Нужно сказать что у крестьянъ, окружающихъ имѣніе названнаго товарищества, нѣтъ ни прута лѣса... Въ буквальномъ смыслѣ имъ приходится покупать каждую щепку. Вполнѣ понятно, что, несмотря на всѣ «скорпіоны», находятся все-таки охотники ѣздить за дровами въ помѣщичій лѣсъ...

Если же ловятъ и приводятъ на хуторъ, то обычно происходитъ такая сцена. Выходитъ «самъ».

— Ты срубилъ дерево...

— Виноватъ... Помилуйте!

— Двѣ съ половиной десятины вспахать, засѣять, и убрать... Иначе въ тюрьму!..

— Согласенъ...

Мужикъ закрѣпощаетъ себя на цѣлый годъ.

Въ помѣщикахъ меня все время поражало удивительное противорѣчіе.

По ихъ словамъ, положеніе помѣщика теперь самое трудное: имъ приходится жить на «вулканѣ», терпѣть убытки, выслушивать всякія нареканія. «Надежды на то, что скоро все поправится—нѣтъ. Положеніе самое неопредѣленное: сегодня не знаешь, что будетъ завтра... Постоянная тревога, постоянное безпокойство... Ни минуты не чувствуешь себя счастливымъ и довольнымъ человѣкомъ... Нѣтъ, это не жизнь!..»

— Зачѣмъ же вы тогда безпрестанно раздражаете крестьянъ?

— Крестьянамъ нужно показать, что теперь сила—мы, что время всякихъ тамъ ихъ фантазій прошло, и чтобы они объ этомъ думать перестали... Нужно подчеркнуть, что всѣ ихъ движенія принесли имъ одинъ вредъ, и попытка возобновить ихъ принесетъ еще большій вредъ... За эти годы крестьяне слишкомъ много понабрались спѣси—вотъ мы ее и сбиваемъ... Пусть поймутъ, что лучше для нихъ смириться.

— Но вѣдь сами вы видите, что тактика ваша не достигаетъ цѣли: народъ болѣе и болѣе озлобляется и никакого успокоенія не создается.

— А это потому, что духъ самовольства глубоко въ нихъ засѣлъ... Правительство не принимаетъ достаточныхъ мѣръ... Мало помогаетъ намъ. Если бы теперь на крестьянъ нагнать еще большій трепетъ—они стали бы шелковыми...

Недовольные помѣщики тоже ищутъ «виноватаго». «Виноватымъ» этимъ является правительство, не сумѣвшее во-время принять достаточныхъ мѣръ и теперь заставляющее помѣщиковъ тратить крупныя суммы на казаковъ и объѣздчиковъ.

— Расходъ этотъ долженъ быть отнесенъ на счетъ правительства. Мы, полноправные русскіе граждане, и неприкосновенность наша должна быть обезпечена правительствомъ.

— Не вынуждайте крестьянъ.

— Что подѣлаете? На войнѣ, какъ на войнѣ... А съ крестьянами мы ведемъ войну...

— И думаете побѣдить?

— Видите—кое-кто отступаетъ: продаетъ имѣніе и бѣжитъ, а я вотъ не отступлю... И думаю, что мы побѣдимъ, потому что каждый день даетъ намъ новыхъ союзниковъ: всѣ крестьяне, которые, выдѣляясь изъ общества, пріобрѣтаютъ землю въ наличную собственность, теперь наши союзники... Посмотрите, какъ на нихъ смотрятъ въ деревнѣ: такъ и зовутъ «новые помѣщики»... Часть ненависти на нихъ обрушится, и за такимъ прикрытіемъ можно долго продержаться.

— А пока?

— А пока будемъ вести «свою линію», а чуть кто зашевелится—въ турьму или подъ нагайку...

— Довольно цинично вѣдь...

— Что подѣлаете: мы или они, здѣсь борьба за существованіе.

Каждая земельная сдѣлка обрекаетъ на голодную смерть по меньшей мѣрѣ десятокъ-другой, а то и цѣлую сотню сельскохозяйственныхъ служащихъ... Пастухи, конюхи, объѣздчики, лѣсники, всевозможные караульщики и ключники, порой десятки лѣтъ питавшіеся на счетъ экономіи и грабежами крестьянъ,—остаются безъ куска хлѣба. Люди эти большей частью городскіе мѣщане и отставные солдаты,—не знаютъ никакого ремесла и ни на что не годны, кромѣ сельскохозяйственной службы. Родъ занятій ихъ таковъ, что не требуетъ никакихъ спеціальныхъ знаній, кромѣ умѣнія хорошо ругаться, «пороть», надувать крестьянъ. Годы находясь около земли, люди эти сами—за рѣдкими исключеніями—не умѣютъ или разучились обрабатывать землю и, слѣдовательно, не годны и въ сельскохозяйственные батраки.

Нѣсколько лѣтъ назадъ люди эти были несравненно человѣчнѣе: съ крестьянами, конечно, ссорились и тогда, но до такого озвѣрѣнія дѣло не доходило, и пороть, стрѣлять и сѣчь рѣшались лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Теперь же всѣмъ дана власть распоряжаться крестьяниномъ, какъ рабомъ, и всѣ именно такъ имъ пока-что и распоряжаются.

Возьмемъ пастуха... Еще недавно пастухъ былъ самой скромной и безобидной фигурой. Ничего не имѣя при себѣ, кромѣ кнута и волынки, онъ пасъ себѣ помѣщичье стадо, за

недорогую цѣну допуская крестьянскихъ коровъ къ помѣщичьимъ быкамъ. Теперь пастухъ похожъ на скваттера, ведущаго безпрестанную борьбу съ дикими звѣрями. За спиной у него двухстволка, у пояса ножъ; при немъ осѣдланная лошадь, на которой онъ во всякую минуту можетъ скакать за казаками.

— Для чего ты такъ вооруженъ?

— Намъ какъ же можно? Вѣдь это скотина, а не шутка. Что же хорошаго, ее уничтожатъ какимъ-нибудь способомъ?.. То-то и есть... Въ забастовку вонъ былъ у насъ на хуторѣ старичекъ-пастухъ, да мальчишка-подпасокъ; оба вмѣстѣ-то они получали четвертную за лѣто—ну, пришли мужички и перерѣзали стадо. Девять заводскихъ быковъ, по триста каждый, ни за что пропали! То-то и есть... А то не вооружаться! Да посудите вы сами, возможно ли теперь здѣсь быть какому нибудь старичишкѣ, когда противъ насъ двѣнадцать деревень зубами скрипятъ.

— Что же вы двое подѣлаете, если они нагрянутъ.

— А вы знаете, какъ у насъ сожгли хуторъ? Пришли шесть человѣкъ, выстрѣлили въ воздухъ—уходите, говорятъ: жечь будемъ. Всѣ и разбѣжались, кто куда... Тоже и стадо... А теперь у насъ покеда одинъ будетъ съ ними бояриться—другой на лошадь, да за казаками...

Подобное же перерожденіе произошло и съ лѣсникомъ. Въ деревенскомъ быту лѣсникъ—фигура очень важная: лѣса нѣтъ, и отъ характера лѣсника зависитъ, тащить ли въ контору за каждую палку или миловать... Бывало, лѣсникъ жилъ съ крестьянами въ дружбѣ: позволялъ бабамъ и ребятамъ собирать валежникъ, накроетъ за порубкой—покричитъ и отпуститъ... Большую часть времени лѣсникъ проводилъ въ своей сторожкѣ—плелъ лапти, вязалъ вѣники, точилъ ложки и приготовлялъ разныя издѣлія изъ коры. Иногда заглядывалъ въ деревушку, выпивая съ крестьянами—вообще отношенія были «сосѣдскія». Бывали, конечно и тогда исключенія, но такой озлобленности, какъ теперь, не было

Теперь «лѣсникъ золъ, какъ чортъ и барину вѣренъ, какъ песъ». То и дѣло обходитъ свой участокъ и не только за валежникъ, но и за калину, за грибы, за сухіе листья тащитъ въ контору...

— И ничѣмъ ты его не проймешь—ни добромъ, ни худомъ... запорю! Застрѣлю!—только и кричитъ... Вѣдь у насъ какое дѣло—лѣсовъ нѣтъ, а они за возъ хворосту полтину дерутъ—креста-то вѣдь на нихъ нѣтъ... А возьми изъ лѣсу какую ни на есть палку—застрѣлитъ! Порази Господи, застрѣлитъ!.. Вотъ на прошлой недѣлѣ Семена Пашкина загнётъ въ кровь исполосовали... До сей поры замѣтно, какъ станетъ купаться...

— Чего тамъ гнётъ! За удилище до полусмерти исколотитъ. А то еще казаковъ призоветъ—всю деревню изобьетъ да обыщетъ. Права-то имъ теперь больно велики даны: убьютъ, и суда нѣтъ... А у насъ самой вотъ завалющей палки нѣту—собаку прогнать... Вотъ тутъ и поживи!..

— Вотъ по этому самому вопросу и терпежу-то у насъ не стало; ѣсть нечего, топить нечѣмъ, а придирка большая...

— И чего надо людямъ? Выслужиться что ли хотятъ!

— Знамо, выслужиться... Самъ имѣетъ кусокъ, а людямъ не надо...

Еще большія «права» даны объѣздчикамъ, ключникамъ, старостамъ и другой «администраціи» помѣщичьихъ экономій. Еще болѣе они спеціализированы въ области »прижимки» и «выдавливанія соковъ» и еще болѣе непригодны ни къ какому другому дѣлу. Хорошо, если кто-либо изъ нихъ сумѣлъ «кое-что сколотить»: огаревскій староста и ключникъ «кое-что» сколотили и при ликвидаціи имѣнія купили на наличныя 50 десятинъ лучшей земли. Но «сколачивать» удается не всѣмъ; ревностная служба вознаграждается очень скудно. Въ Аплечеевской экономіи лѣсникъ получаетъ—7 руб. въ мѣсяцъ, объѣздчикъ—10—12; въ Огаревской лѣсникъ—6 руб., объѣздчикъ—15; въ Даниловской лѣсникъ—6 руб.; во всѣхъ другихъ экономіяхъ цифра жалованья служащимъ колеблется между 6—12 руб. Хотя къ этому выдается еще «паекъ», но все же жить приходится впроголодь. Въ Аплечеевской экономіи лѣсники буквально голодаютъ: лѣсникъ Михайла, напр., имѣетъ пять человѣкъ дѣтей, и «пайка» ему не хватаетъ и на полмѣсяца.

И вотъ вся эта полуголодная, ненавистная крестьянамъ и озлобленная противъ нихъ, масса выбрасывается на произволъ

судьбы: «экономіи продана—получайте разсчетъ!» Или—«хуторъ предназначенъ къ продажѣ—подыскивайте должность!»

Мнѣ пришлось нѣсколько разъ бесѣдовать со служащими экономіи Московскаго Лѣсопромышленнаго Товарищества.

— Противъ барина мы ничего не можемъ имѣть — ему сказано «продавай» — онъ продаетъ... А почему «продавай»? Потому что, сами видите, — теперь вести хозяйство трудно. Тѣ, кто покупаютъ, тоже не виноваты; не могутъ же они безъ земли остаться... Они люди степенные, денежные... Ихъ житье тоже не слишкомъ приглядно: гольтяпа-то вонъ какъ противъ нихъ зубы скалитъ. А виноваты—одни эти безштанные крикуны... Бунтовали вотъ, устраивали забастовки—и остались ни при чемъ! Какъ были, такъ и есть голь перекатная! Чего добились? Продаютъ имѣнія, гдѣ теперь будутъ землю снимать?.. И сами безъ хлѣба остались, и насъ по міру пустили»...

Къ этому мнѣнію присоединились всѣ, ругали и грозили самымъ ужаснымъ образомъ...

— Живи, работай, служи, а потомъ черезъ какую-нибудь голь иди по міру, да у ней же хлѣба проси... Что же это такое? Развѣ это жизнь?!..

И пока имѣніе еще не ликвидировано, люди эти удесятеряютъ свои придирки къ крестьянамъ, свои гнушательства надъ собратьями по нищетѣ...

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земельныхъ сдѣлокъ еще не было, крестьяне еще болѣе или менѣе сплоченно отстаиваютъ свои интересы, потому что всѣ одинаково заинтересованы при арендѣ помѣщичьихъ земель и угодій. Общіе контуры будущихъ разслоеній намѣчены, конечно, и тамъ: всѣ прекрасно знаютъ, кто при сдѣлкѣ можетъ купить земли, кто останется ни съ чѣмъ... но все-таки у людей есть надежда, что, можетъ быть, сдѣлку удастся провести такъ, что землю купитъ «весь міръ», всѣ «совмѣстно», и владѣть ею будутъ такъ, что никто не будетъ обдѣленнымъ...

Поэтому, какъ только со стороны помѣщика или банка приходитъ предложеніе купить землю, начинаются ежедневные сходы для обсужденія вопроса, стоитъ ли покупать и, если покупать, то какъ, на какихъ условіяхъ. Сходы эти предста-

вляютъ глубокій интересъ: здѣсь детально обрисовывается положеніе деревни, подвергаются критикѣ правительственныя мѣропріятія, предлагаются всевозможные планы... Здѣсь ярче, чѣмъ гдѣ бы то ни было, сказывается вліяніе имущественнаго положенія на политическіе взгляды людей, рѣзко обозначаются грани послѣдующей группировки...

Земельныя сдѣлки, которыя пришлось мнѣ наблюдать, въ общихъ чертахъ совершенно одинаковы, — поэтому я опишу одну изъ нихъ, которая представляется мнѣ наиболѣе типичной.

Подлежало продажѣ имѣніе Огаревка. Пахотной земли въ этомъ имѣніи 2.000 десятинъ и нѣсколько сотъ десятинъ лѣса. Владѣльцы имѣнія предложили его крестьянскому банку, но не сошлись въ цѣнѣ: банкъ оцѣнилъ землю въ 120 руб. десятину, а владѣльцы требовали 140 руб. Тогда владѣльцы обратились непосредственно къ крестьянамъ тѣхъ деревень, которыя раньше снимали эту землю подъ свои посѣвы, — именно Чернавки, Тугузки, Сорокина, Даниловки и др. Землю крестьяне снимали или на наличныя, платя обычную въ этихъ мѣстахъ цѣну—25—30 руб., или обрабатывали изъ-полу, по довольно оригинальной расцѣнкѣ: $^2/_5$ крестьянину и $^3/_5$ помѣщику. Причемъ весь трудъ по пашнѣ и уборкѣ ложился на крестьянина. На этихъ же условіяхъ убирали и луга. Въ особенно трагическомъ положеніи находятся Тугузка и Сорокино, крестьяне которыхъ пользовались, главнымъ образомъ, огаревской землей, ничтожные надѣлы не въ состояніи прокормить крестьянъ, а, кромѣ огаревскаго имѣнія, землю снимать негдѣ. Тугузка, правда, стиснута помѣщичьими имѣніями съ трехъ сторонъ: съ одной Аплечееевскимъ, съ другой—Даниловскимъ и съ третьей — Огаревскимъ, но даниловскія земли тоже предназначены къ продажѣ, Аплечеевъ же страшно тѣснитъ... Слѣдовательно, огаревскую землю нужно пріобрѣсти во что бы то ни стало, иначе оставалось—переходить въ крѣпостную зависимость къ взбалмошному барину Аплечееву.

— Земля эта намъ вотъ какъ необходима, что только ну!.. Безъ нея намъ капутъ...

— Прямо надо говорить, что, если земля эта уйдетъ изъ нашихъ рукъ—ложись и помирай!..

— Одно слово...

Въ Тугузкѣ, Сорокинѣ, Огаревкѣ и др. деревняхъ начались постоянныя совѣщанія... Споры, ругань и всевозможныя предположенія сыпались, какъ изъ рога изобилія... Деревни разбились на группы, каждая предлагала свое, и ни на чемъ не могли столковаться.

Въ каждой деревнѣ намѣтились четыре основныхъ направленія: крайнее лѣвое, сгруппировавшее вокругъ себя всю деревенскую бѣдноту; лозунгомъ его было: «не покупать земли вовсе—она и безъ того будетъ наша». Эта «партія» имѣла за собой численное большинство, но вліяніе ея распространялось именно только на бѣдноту. Вторая группа совѣтовала купить землю черезъ банкъ, всѣмъ обществомъ и владѣть ею на общинныхъ началахъ, передѣляя ее черезъ извѣстные сроки «по числу ѣдоковъ». Къ этому мнѣнію присоединялись самые развитые и толковые крестьяне; ихъ было немного, но моральный вѣсъ они имѣли большой. Третьи—преимущественно крестьяне средней обезпеченности—говорили, что купить надо черезъ банкъ, но въ подворное владѣніе: «пусть каждый по своимъ силамъ запишетъ, сколько надо десятинъ—навѣчно». И, наконецъ, крайніе правые—деревенскіе богачи—заявляли очень опредѣленно: «съ вами, гольтяпой, мы не желаемъ имѣть никакого дѣла и купимъ себѣ, сколько надо—на наличныя!..»

Понятно, во что обращался при такихъ условіяхъ каждый сходъ: спорили, ссорились, упрекали другъ друга, вызывали «совѣтчиковъ» изъ другихъ селъ...

Мы съ крестьяниномъ Киринымъ, о которомъ говорилось вначалѣ, были на нѣсколькихъ сходахъ. За незначительными исключиніями, всѣ они похожи одинъ на другой, какъ двѣ капли воды...

Собираются человѣкъ 100—200 и начинаютъ «толковать»... Говоритъ высокій, черный мужикъ, въ суконной поддевкѣ, смазныхъ сапогахъ... Говоритъ внушительно, не торопясь...

— То-то и дѣло, мужички.., Не спѣша надо рѣшать, а подумамши. А мое мнѣніе такое, что купить надо въ подворное владѣніе. Первымъ дѣломъ—банкъ намъ дастъ больше—такой законъ есть, что въ случаѣ покупаютъ мужики по отдѣльности, то выдавать имъ больше; а второе дѣло—каждый

для себя стараться будетъ: взялъ, къ примѣру, ты пять десятинъ, ну, и знай, что это ужъ твоя земля, старайся ее выкупить и дѣтямъ она перейдетъ твоимъ... Навѣчно, однимъ словомъ... А покупать міромъ—по-моему, одна суета да скандалъ... Ни землю не будутъ навозить, ни что... Да и теперь-то: иной въ силахъ заплатить въ задатки и верхи, а у иного ѣсть нечего... Возьмемъ мы землю, придетъ время платить, а денегъ нѣтъ... За людей никто платить не станетъ. Дѣло ваше, думайте. А мой совѣтъ такой—записаться подворно, кому сколько, и конецъ... Всякъ свои силы знаетъ, съ ними и соображаться будетъ...

— Вѣрно! Это справедливо, что и говорить...

— Вѣрно, да не совсѣмъ...

— Хорошо ему распѣвать-то, наѣлъ пузо-то...

— И эти тоже: «вѣрно!..» Вы купите, а мы съ чѣмъ останемся?

— Что же, для тебя что ли еще прикупить?

— Не ты купишь,—міръ долженъ пособить.

На нѣкоторое время сходъ разбивается на группы, и начинается ожесточенный споръ и перебранка.., Люди кричатъ, ссорятся, переходятъ въ личную пикировку...

— Хорошъ гусь, хорошъ... Купитъ онъ двадцать десятинъ, вишь, и деньги выложитъ... А дѣдушка Ерема, значитъ, ноги протягивай... Теперь такъ будемъ говорить: возьметъ онъ съ ребятами двѣ десятины, созоветъ помочь хлѣбъ убрать и—сытъ зиму... А тогда что? Землю вы разобьете—вѣдь у васъ, кровососовъ, ужъ клещами не вытащишь ничего... Выдумалъ тоже: кому сколько... Ты о мірѣ толкуй, а не о своемъ карманѣ, Іюда...

— Не лайся, песъ!..

— Самъ ты песъ... Я дѣло говорю... Надо сообча обдумать, а не брякать, какъ корова на сѣно... Совѣтчикъ!

— Вотъ съ такими горланами и дѣлай дѣло...

— Ты весь «міръ» за гривну продашь...

— Онъ продастъ—только дай...

— А ты купишь? купи, пожалуй,—дешево отдамъ...

Моему пріятелю Кирину на минуту удается возстановить порядокъ. Самъ онъ—сторонникъ покупки земли въ общинное владѣніе, и, какъ серьезнаго мужика, его слушаютъ охотно.

— Такое будетъ мое слово: купить надо! Потому, если упустимъ мы эту землю—прямо надо говорить—намъ будетъ матъ! Ну, будемъ говорить такъ: купите вы, кто побогаче, на наличныя... Много вы не возьмете, а только что для себя... Остальное разойдется по другимъ деревнямъ: купятъ сорокинцы, огаревцы, а тамъ и другіе понаѣдутъ... Разорвете вы всю землю на куски, а насъ оставите ни съ чѣмъ...

— Вотъ это правильно!

— Вѣрно говоритъ! Что и говорить!

— Сущая правда!

— Значитъ, такое дѣло не подходитъ: міръ на это не согласится... Пойдете вы супротивъ—дѣло ваше, а только, какъ мы и раньше дѣлали,—намъ другъ отъ друга отрываться не надо... Если купить подворно черезъ банкъ—опять дѣло не выйдетъ: надо верхи платить, задатки, а у другого ихъ нѣтъ... И радъ бы заплатить, да ѣсть нечего... А у иного сейчасъ нѣтъ, а зимой, примѣрно, будетъ... Сколько у васъ такихъ найдется, чтобы сейчасъ верхи выложить? Двадцать человѣкъ, а остальные все равно съ носомъ...

— Гдѣ тутъ двадцать,—пятнадцать не найдешь...

— Двадцать будетъ!

— Откуда?

— Ну, считай: Семенъ заплатитъ, Егоровъ, Даркинъ...

— Подождите—пусть двадцать, но вѣдь остальнымъ-то отъ этого не лучше! Значитъ, остается одно: купить больше земли всѣмъ міромъ... Возьмемъ мы ее всѣ, часть можно сдать—платить проценты, остальную раздѣлить всѣмъ... На задатки міръ достанетъ денегъ, а потомъ каждый и будетъ платить, какъ будутъ деньги...

— Заплатятъ!

— Подставляй шире карманъ!

— Много мы за нихъ, пьяницъ, платили, довольно!

— Ты не пьяница...

— Если земля будетъ въ рукахъ міра, взыскать всегда можно... Тогда будетъ по-совѣсти... Да и то надо говорить—время теперь такое, что всего ждать можно: вдругъ перейдетъ къ намъ земля даромъ—мы немногимъ пострадаемъ... Верхи одни пропадутъ...

Послѣдній аргументъ дѣйствуетъ особенно сильно. Начинается разборъ его. Новые споры.

Замѣчательно, что земельный вопросъ теперь принялъ такой обостренный характеръ, что волнуетъ буквально всѣхъ: стариковъ, дѣтей; женщинъ... Послѣднія толпятся на сходахъ, выкрикиваютъ свои мнѣнія, спорятъ другъ съ другомъ... Мужики выталкиваютъ ихъ, кричатъ,—но онѣ тотчасъ возвращаются снова и начинаютъ прежніе крики... Киринъ разсказывалъ мнѣ, что онѣ устраиваютъ свои сходы, которые иногда заканчиваются потасовкой...

Послѣ Кирина на описываемомъ сходѣ говорили еще нѣсколько крестьянъ, одинъ изъ которыхъ защищалъ предложеніе не покупать земли вовсе...

— Пусть пріѣзжаютъ изъ другихъ мѣстъ... Пусть... Пріѣдутъ—мы въ колья! Засѣютъ—мы скотину выпустимъ... Земля наша будетъ: нельзя ей перейти въ однѣ руки! А то что это? Мы за нее лили, лили кровь-то, а пузаны ей воспользуются... Это не резонъ...

Сходка не пришла ни къ чему... Тщетно Киринъ уговаривалъ не спѣшить, подумать—ничто не помогало, всякій твердилъ свое и не хотѣлъ слушать другихъ...

— Не будемъ покупать!—кричало большинство.—Намъ ѣсть нечего — не токмо что платить!.. И такъ земля наша будетъ!..

— Одумайтесь, мужички!.. Надѣлаете бѣды!

— Не разлимонивай, слышали...

— Ой, спохватитесь!...

— Проваливай...

Нужно сказать, что деревенская молодежь почти цѣликомъ стояла за то, чтобы землю не покупать. Болѣе сознательная, она руководствовалась нѣсколько иными мотивами, и хотя со сходовъ ее гнали, но въ частныхъ собраніяхъ слушали и нѣкоторый вѣсъ она имѣла.

Во всѣхъ мѣстахъ сходы были, приблизительно, одинаковы. Тѣ же предложенія, тѣ же споры и невозможность на чемъ либо согласиться. Нѣкоторые изъ крестьянъ со своими предложеніями ѣздили изъ одного села въ другое и всюду старались его провести. Киринъ тоже аккуратно ходилъ въ каждое

мѣсто — благо деревни расположены по близости — и вездѣ наблюдалась одна и та же картина.

Изъ всѣхъ сходовъ, на которыхъ мнѣ удалось присутствовать, особой бурностью отличались два. За день до перваго изъ нихъ нѣсколько крестьянъ ѣздили въ городъ, чтобы поговорить со знакомыми людьми и привезли съ собой двоихъ городскихъ интеллигентовъ, чтобы они сами поговорили съ мужиками. Отъ пріѣзжихъ ожидали очень многаго. Сходки были необычайно многолюдны. Но пріѣзжіе разочаровали крестьянъ: своего новаго плана они не предложили. Сказали, правда, много интереснаго, разъяснили крестьянамъ, почему при покупкѣ міромъ дается меньшая ссуда, для кого это выгодно. А при рѣшительномъ вопросѣ—«какъ же намъ теперь быть?»—замялись.

Одинъ заявилъ—«рѣшайте сами—вамъ виднѣе», а другой посовѣтывалъ «не покупать и другимъ не позволять покупать». Общаго рѣшенія опять-таки никакого не состоялось. На второмъ сходѣ народу было меньше: явилась, преимущественно, бѣднота, и здѣсь дѣло кончилось одними обсужденіями...

О результатахъ каждаго схода немедленно доводилось до свѣдѣнія управляющаго, предназначеннаго къ продажѣ имѣнія, и управляющій скоро понялъ, что при такихъ условіяхъ дѣло къ концу придетъ не скоро. Между тѣмъ, съ продажей земли спѣшили... Какимъ бы путемъ удалось экономіи ускорить сдѣлку—неизвѣстно, но неожиданно выручилъ «случай»: покупать землю пріѣхали ходоки отъ «мордвовъ», а затѣмъ и отъ крестьянъ различныхъ губерній. Это скоро измѣнило «ходъ событій». Ходоки, покупающіе землю для переселенія нѣсколькихъ десятковъ дворовъ, а потому расчитывающіе получить полную банковую оцѣнку, т.-е. 120 руб. на десятину, — не особенно стѣснялись требуемой экономіей цифрой—140 руб. за десятину и предлагали купить все имѣніе съ лѣсомъ и постройками. Эта покупка оставила бы безъ земли перечисленныя окружныя деревни, и мѣстные крестьяне заторопились.

— «Мордва пріѣхала!»—Слова эти начали повторять всѣ, и «мордва» сдѣлалась страхомъ и ужасомъ всѣхъ крестьянъ...

— Вѣдь купятъ!..

— Какъ питъ дадутъ, купятъ... Изъ-подъ носа, можно сказать, вырвутъ...

— Обдумывать надо... Время немного...

— Како тутъ время: по рукамъ, говорятъ, ударили...

— Экое дѣло!..

— Да, дѣла...

Начались новыя обсужденія. Предлагались планы прогнать «мордву», а подъ шумокъ этихъ разговоровъ въ каждой деревнѣ выдѣлилась группа зажиточныхъ крестьянъ, образовали «товарищества» и вступили съ экономіей въ переговоры...

Управляющій и спеціально пріѣхавшій для ликвидаціи «ревизоръ» поняли, что ихъ положеніе очень выгодно и особенно съ «товариществами» не церемонились:

— Хотите купить землю?

— Да, имѣемъ желаніе...

— Такъ по 3 руб. съ десятины, иначе земли вамъ не будетъ.

Нѣкоторые члены товариществъ торговались и сошлись на 2 р. 50 к., нѣкоторые сошлись на всю сумму и «ударили по рукамъ». Неизвѣстно, въ чей карманъ поступятъ эти добавочные рубли, но товариществу пришлось платить по 143 р., при банковой оцѣнкѣ въ 120 р. десятина. При чемъ, по общему мнѣнію понимающихъ людей, и банковая оцѣнка очень высока.

Въ «товарищества» вошли люди разной состоятельности: иные могли уплатить всю сумму наличными, иные только верхи—поэтому рѣшили купить черезъ банкъ. Каждый членъ «товарищества» взялъ земли «по своимъ силамъ» отъ 5 до 20 десятинъ на человѣка, и земля Огаревской экономіи раздробилась на неравные участки.

Такимъ образомъ, крестьяне Огаревки, Сорокина, Даниловки и Тугузки «упустили землю изъ-подъ носа», и «не успѣли рта разинуть», какъ увидѣли, что она принадлежитъ «новымъ помѣщикамъ». Тугузцы остались въ полномъ и безконтрольномъ распоряженіи «генерала» Аплечеева... Нѣкоторые изъ нихъ уже и теперь или ликвидируютъ свои хозяйства, или идутъ въ кабалу ко вновь образовавшимся собственникамъ...

Отсюда и началась непримиримая ненависть къ лицамъ, купившимъ землю.

Когда пріѣхалъ межевой и началъ каждому изъ вновь образовавшихся товариществъ отмѣрять пріобрѣтенный участокъ, довольно значительное число крестьянъ, не участвовавшихъ въ сдѣлкѣ, пришли «посмотрѣть». Они ходили за межевымъ, помогали ему мѣрить и все чего-то ждали, что можетъ пріостановить нарѣзку и «поправить дѣло»... Взволнованные, со впалыми щеками, выдавшимися скулами и блестящими глазами, они какъ бы съ удивленіемъ смотрѣли на то, что «дѣло здѣсь въ серьезъ», что совершается какая-то обидная несправедливость, которая бросаетъ ихъ въ совершенную безвыходность.

— Вотъ, пока колышки вбиваютъ—можно еще повернуть... Пріостановить... А ужъ если проѣдутъ сохой, то крышка, тогда дѣло кончено...

— Да, ужъ тогда прощай!.. Тогда ужъ клади зубы на полку...

— Экое дѣло... На виду, какъ говорится, петлю готовятъ, а затѣмъ и почнутъ ее затягивать...

— Ахъ, Господи, Царь Небесный!..

— Въ конецъ! Ну, дѣла...

Крестьяне опять подходятъ къ межевому, разсматриваютъ астролябію, помогаютъ найти цѣпь...

— Дураки вы, дураки и есть,—сердится добродушный старикъ межевой,—ну, чего здѣсь третесь? Работу бросили—только время тратите... Теперь ужъ ваше дѣло—трава... Проворонили землю, вытащили у васъ изъ-подъ носу... На себя пеняйте!

— По душѣ, вѣдь, думали, по совѣсти... Чтобы, къ примѣру, всѣмъ міромъ...

— Ну, вотъ и сидите съ вашимъ «міромъ»...

— Этакъ ограбить-то всякій могетъ... Что у нихъ деньги есть, такъ имъ и землю...

— Помалкивай, братъ, отъ грѣха...

Высокій, плечистый старикъ отзываетъ крестьянъ въ сторону, о чемъ-то долго шепчется съ ними и снова подходитъ къ межевому...

— Вотъ что, ваше благородіе, подь-ка на пару словъ.

— Чего ты, старина?

Нельзя ли задержать? Пріостановить то-есть размѣренія... А? А мы тѣмъ временемъ въ городъ—и хлопъ по рукамъ... А міръ вамъ уважитъ...

— Ну, ну, чудаки... Какъ же можно? Нѣтъ, я ничего не могу.

— Баринъ, какъ-нибудь... Видишь, дѣло-то наше какое... Вѣдь прямо яма... Петля!

— Жалко мнѣ васъ; очень жалко, а ничего не подѣлаю... Просите ихъ...

— Кого, то-есть?

— Да вотъ, «товарищество»... Пусть примутъ кого изъ васъ или откажутся...

— Нѣтъ, не подойдетъ...

— Это намъ не рука... Чтобы, къ примѣру, ихъ просить... Ничего не выйдетъ...

— И думать нечего... Вѣдь мы знаемъ, что они есть за люди...

— Тогда ничего подѣлать нельзя...

— Такъ пропадать, значитъ?

— Жалко мнѣ васъ...

— Жалко, жалко... Намъ, баринъ, изъ жалости-то не шубу шить... Жалко—пособи...

— Ничего не могу!..

— Пропадай, значитъ, голова... Пойдемъ, мужики, чего здѣсь тереться-то...

— Пойдемъ... Гробъ намъ сколачиваютъ... Эхъ-ма!..

Въ деревнѣ ихъ ожидали съ большимъ нетерпѣніемъ.

— Ну, что?...

Старикъ махнулъ рукой и пошелъ къ своей избѣ...

— Что же, дѣдушка? Какъ же?

— Помирать, видно, надо...

Поговорили, злобно грозили... Кирину едва удалось отговорить ихъ итти туда и прогнать межевого.

— Ну, что же? Аль мнѣ не все равно?—нервно кричалъ худой мужикъ, въ изорванныхъ штанахъ и какой-то бабьей куцавейкѣ.—Пойдемъ, робя! Чай, дойдетъ до кого, поймутъ... Мыслимое ли дѣло?.. А?..

— Погоди, не спѣши... Что тутъ ерохориться-то... Вонъ, въ забастовку ходили, да ничего не выходили... А надо какъ-нибудь съ другого конца... Чтобы по вѣрной дорогѣ... Чтобы безъ ошибки!..

— Ну, какъ же? Теперь дѣло на чеку—отмежуетъ, и конецъ..

— Отмежуетъ, размежевать можно... Какъ, я не знаю—вотъ и надо подумать, посовѣтоваться... Можетъ, кто те научитъ... Вотъ Дума може что... А такъ, какъ же это вдругъ сразу...

— Никто не научитъ, будь покоенъ... Они изъ глотки кусокъ вырвутъ, не токмо что...

Весь день крестьяне не ходили на работу, а вечеромъ «выпили съ горя», по-очереди ходили къ домамъ своихъ обидчиковъ, грозили, махали кулаками... «Новые помѣщики» попробовали было предложить «міру» угощеніе, чтобы «обмыть покупку», но крестьяне отвѣтили руганью и угрозами.

Такъ и закончилась эта печальная страничка крестьянскаго раззоренія... Лишнія морщины на лицѣ, сосредоточенная угрюмость и неумолимый вопросъ: «что теперь дѣлать»?—вотъ что осталось у деревенской бѣдноты ото всѣхъ разговоровъ о ликвидаціи помѣщичьей земли.

«Что теперь дѣлать?—Этотъ вопросъ мучитъ крестьянъ и заставляетъ неутомимо работать крестьянскій умъ... За рѣшеніемъ крестьяне обращаются къ недалекому прошлому, но оно не даетъ отвѣта... Въ самомъ дѣлѣ: нѣсколько лѣтъ ожесточенной борьбы повели къ тому, что положеніе только ухудшилось. Борьба заставила старыхъ владѣльцевъ бѣжать изъ деревни, ликвидируя насиженныя гнѣзда. Но въ силу какихъ-то странныхъ причинъ земля выскользнула снова изъ рукъ крестьянской бѣдноты и попала въ цѣпкія кулацкія лапы... Тѣ—зажиточные крестьяне—и раньше жили хорошо. Во время крестьянскихъ движеній они не пожертвовали и милліонной частью силъ, затраченныхъ бѣднотой, и, тѣмъ не менѣе—земля, главный предметъ, изъ-за котораго велась борьба,—попала имъ...

Эти вопросы волнуютъ самые тяжелые и неповоротливые умы, понуждая рѣшить загадку. Отвѣтъ пока одинъ: «зна-

читъ, дѣйствовали раньше невѣрно, начали, значитъ, не съ того конца»... Но въ чемъ заключалась ошибка прошлыхъ дѣйствій и съ «какого конца» слѣдуетъ начинать снова—никто не знаетъ. Отсюда, съ одной стороны, тоскливая безвыходность, съ другой стороны—настойчивыя исканія...

Крестьяне часто собираются, много говорятъ о создавшемся положеніи вещей и предлагаютъ всевозможные планы... Дѣло ясное: создались такія условія, что жить совершенно нельзя: предстоитъ голодная смерть... Значитъ, нужно что-нибудь дѣлать, но что дѣлать? Люди цѣпляются за каждый предлагаемый планъ, въ каждой мелочи ищутъ точку опоры. Въ то же время стараются найти отвѣтъ въ книгахъ, въ исторіи другихъ странъ... Это послѣднее явленіе—единственное отрадное въ современной деревнѣ...

1909 г.

ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛИ.

I.

Землеустроители всѣхъ сортовъ и категорій, несомнѣнно, являются «героями современной деревни». Несомнѣнно, что и сами они считаютъ себя лучшими и полезнѣйшими людьми деревни. Поговорите съ любымъ изъ этихъ господъ, и вы — помимо какого-то своеобразнаго «чванства»—услышите, что ими «предотвращена русская жакерія», они «спасли дворянъ и государство», они «дѣломъ отвѣтили на вѣковой вопль крестьянина—«земли!» Эта «тройная услуга» правительству, крестьянамъ и помѣщикамъ — настолько повысила значеніе господъ землеустроителей въ ихъ собственныхъ глазахъ, что они, не шутя, требуютъ всеобщей признательности, и когда не встрѣчаютъ этого, бываютъ «глубоко обижены» и частенько «срываютъ свою злобу» способами, не совсѣмъ красивыми.

Я не знаю, насколько признательно господамъ землеустроителямъ за ихъ дѣятельность русское правительство. Судя по щедрымъ окладамъ и суточнымъ многихъ гг. землеустроителей, можно предположить, однако, что признательность правительство чувствуетъ. Но во всѣхъ мѣстахъ Поволжья, гдѣ мнѣ приходилось наблюдать, со стороны крестьянъ и со стороны помѣщиковъ признательность эта вовсе не такъ ужъ велика.

При первомъ появленіи гг. землеустроителей въ нашихъ деревняхъ помѣщиками они были встрѣчены очень доброжелательно, крестьянами же или равнодушно, или выжидательно. Какой-нибудь ликвидаторъ или оцѣнщикъ былъ желаннымъ гостемъ помѣщичьихъ усадебъ. Отъ нихъ ждали многаго.

Однако, скоро пришлось разочароваться. Гг. землеустроители не только не помогли распутать Гордіевъ узелъ крестьянскаго вопроса, но, «толчась безъ толку», «всему мѣшаютъ и все портятъ». Вотъ какой разговоръ происходилъ при мнѣ въ буфетѣ станціи Аткарскъ, Саратовской губ. Буфетъ этотъ является какъ бы клубомъ гг. мѣстныхъ землеустроителей; здѣсь ихъ чаще всего можно встрѣтить за мирнымъ обсужденіемъ сложныхъ вопросовъ своей дѣятельности.

Знакомый мнѣ ликвидаторъ бесѣдовалъ съ мѣстнымъ помѣщикомъ-крѣпостникомъ. Ликвидаторъ этотъ, какъ и большинство подобныхъ господъ, командированныхъ крестьянскимъ банкомъ, — человѣкъ молодой, все время жившій въ Петербургѣ, безъ малѣйшаго знанія деревни и крестьянской души. Передъ командировкой онъ «готовился», для чего прочелъ пару какихъ-то брошюръ, и этимъ ограничился. Вполнѣ понятно, что, прибывъ въ деревню съ запасомъ знаній, полученныхъ въ дѣлопроизводствѣ банка, онъ скоро натолкнулся на рядъ явленій, ему непонятныхъ и необъяснимыхъ. Крестьяне еще не остыли отъ бывшихъ волненій, «не пришли въ себя», вопросъ о землѣ—самый больной и жгучій—стоялъ ребромъ. Всевозможные, порою фантастическіе, слухи волновали крестьянскіе умы. Въ такое время—не говоря уже о сущности дѣла—въ самыхъ собесѣдованіяхъ съ крестьянами должна бы была проявиться особая чуткость и осторожность. Ликвидаторъ же этотъ, какъ и огромная часть гг. землеустроителей, рѣшилъ, что «до настроенія крестьянъ ему нѣтъ дѣла — это дѣло жандармовъ и прокуратуры», что «валандаться съ мужиками нечего, сказалъ въ чемъ дѣло, а потомъ, хочешь — соглашайся, хочешь—нѣтъ». Скоро такая тактика привела къ ряду конфликтовъ. Крестьяне отказались переселяться на хутора, отказались и разговаривать съ ликвидаторомъ, дали ему кличку «свининыя ножки» и бойкотировали его форменнымъ образомъ. Угрозы пригласить на землю «хохловъ» вызвали раздраженіе, а изъ банка понукали «спѣшить со сдѣлкой». Въ результатѣ ликвидаторъ началъ безпорядочно метаться за совѣтами то къ священнику, то къ помѣщикамъ; винилъ во всемъ интеллигенцію, писалъ доносы... Какъ онъ выпутается, неизвѣстно. Дальше я приведу два — три факта изъ его дѣя-

тельности. Приводимый же разговоръ его съ помѣщикомъ былъ вызванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что помѣщики начали на него тоже жаловаться—«мѣшаетъ сдѣлкамъ».

— Вы, господа, помѣщики, удивительно требовательный и капризный народъ! Вѣдь, если говорить по совѣсти (а между своими людьми можно и такъ говорить!), то вся наша дѣятельность направлена не на крестьянское, а на дворянское землеустроительство, да и нашъ банкъ давно приличнѣе было бы переименовать въ «учрежденіе, содѣйствующее помѣщикамъ продать земли по возможно высокой цѣнѣ».

— Не видимъ мы этого, голубчикъ. Не видимъ.

— Въ томъ то и несчастье наше, что вы многаго не видите, а многаго не хотите видѣть...

Помѣщикъ ехидно прищурилъ глазъ, долго и пристально посмотрѣлъ на ликвидатора.

— Позвольте теперь васъ спросить, господинъ дѣятель,— сколько вамъ лѣтъ?

— Мнѣ. Мнѣ 27.

— А овесъ отъ пшеницы вы сумѣете отличить?

— Странный вопросъ.

— Странный? Нѣтъ, не странный-съ! Гонятъ вотъ васъ сюда изъ Питера, ни уха, ни рыла вы не понимаете, толчетесь здѣсь, людей съ толку сбиваете, да мѣшаетесь, гдѣ васъ не просятъ.

— Но, вѣдь, это все слова... Это...

— Слова, слова!..—крѣпостникъ перегнулся черезъ столъ и надъ самымъ ухомъ ликвидатора прорычалъ: А знаете ли вы молодой человѣкъ. что безъ васъ я давно бы землю ужъ продалъ! Два года назадъ я получилъ бы за нее по 150 чистыми. Вѣдь я совсѣмъ было столковался съ мужиками, осталось задатокъ получить... Чего вы вмѣшались? Не вы ли тогда твердили мнѣ—банкъ повыситъ цѣны, не торопитесь, свое не потеряете... Дуракъ я, что послушался дураковъ!..

— Да, вѣдь, банкъ предлагаетъ вамъ по 165 руб!..

Предлагаетъ за всю землю огуломъ. А я 75 десятинъ сдаю по 50 да по 100 руб. въ годъ подъ бахчи, да подъ кирпичные заводы. И эту землю вамъ продать? Самому съ вашими «свидѣтельствами» остаться? Да будьте вы трижды неладны!..

Берите ту землю, которую у меня брали мужики, я вамъ ее тоже по 150 отдамъ.

— Между нами говоря, цѣна той землѣ—красная цѣна—75 руб. десятина: кустарникъ, пески, болота...

Ликвидаторъ началъ что-то говорить о содѣйствіи государству при рѣшеніи такихъ коренныхъ вопросовъ и т. п. Крѣпостникъ махнулъ рукой и упалъ на спинку кресла.

— Пустяки все это! Не мы имъ — *они* намъ должны помогать! Сидите вы тамъ у себя въ кацеляріяхъ, а намъ пусть казаковъ вмѣсто васъ пришлютъ: тогда мы скоро уладимъ дѣло къ объюдному согласію. А то... землеустроители!..

Немного погодя, крѣпостникъ добавилъ.

А ужъ если правительство хочетъ взять всю землю и отдать мужикамъ—бери! Я не отказываюсь. Но дай тогда настоящую цѣну! Дай по 190—200 руб.! Разъ отбираете землю, обезпечьте... Мужикамъ потомъ хоть даромъ отдайте — мнѣ плевать!

Какъ видно, въ настоящемъ случаѣ, если и не было рѣзкой недоброжелательности, то отношеніе иронически-отрицательное проявляется довольно ясно. Но этотъ случай характеренъ, по моему, въ другомъ отношеніи: здѣсь и ликвидаторъ, и помѣщикъ принимаютъ за данное, что господа землеустроители нахлынули въ деревню именно съ цѣлью посодѣйствовать помѣщикамъ «вывернуться». Вообще въ бесѣдахъ съ помѣщиками гг. землеустроители не скрываютъ своихъ истинныхъ взглядовъ. Сколько мнѣ ни приходилось присутствовать при такихъ разговорахъ — всегда разговоръ вертѣлся около «мы вамъ—вы намъ», и всѣ краснорѣчивыя изліянія на тему «помочь обездоленному крестьянству» здѣсь обычно забываются. При разговорахъ же съ крестьянами, въ особенности при попыткахъ сломать суровое крестьянское упорство, откровенныя слова замѣняются слащавымъ краснорѣчіемъ; здѣсь землеустроитель превращается въ агитатора-народника; о нуждахъ деревни, о страданіяхъ крестьянина, о его невѣжествѣ и забитости онъ говоритъ не хуже любого соціалиста-революціонера, и всѣ эти многовѣковыя страданія, по его словамъ, тотчасъ исчезнутъ, «если крестьяне перейдутъ на хутора»; тогда и земля начнетъ родить лучше, и нищета сгинетъ на-вѣки и, благо-

денствуя, крестьянинъ вѣчно будетъ благодарить своихъ благодѣтелей-землеустроителей...

Первое появленіе въ деревнѣ гг. землеустроителей внесло въ крестьянскую среду значительную путаницу. Какъ-ни-какъ— появились люди, открыто, отъ имени правительства, говорящіе о крестьянскомъ благополучіи. «Благополучіе» въ крестьянскихъ умахъ соединяется со словомъ — «земля!» И гг. землеустроители начали твердить, что они затѣмъ именно и явились, чтобы надѣлить крестьянъ землею. Мнѣніе крестьянъ раздѣлилось: одни говорили, что «ничего путнаго не выйдетъ», что «начальство всегда начальство»; другіе совѣтовали «пообождать», «авось что и выйдетъ», «бываетъ, что и изъ палки выстрѣлитъ». Въ концѣ концовъ примирились на мысли — «поживемъ—увидимъ», а «пока что поосторожнѣй съ ними». Однако, истинная сущность гг. землеустроителей раскрылась очень скоро. Всѣ ихъ слезоточивыя разглагольствованія оканчивались такими предложеніями, которыя были «почище любой кабалы», и крестьянское большинство согласилось съ первымъ мнѣніемъ, что «путнаго» отъ этихъ господъ дѣйствительно «ничего не выйдетъ», что цѣль ихъ — «наградить помѣщиковъ», и пассивная «осторожность» смѣнилась упорнымъ противодѣйствіемъ.

Скоро всѣмъ стало ясно, что благодаря землеустроителямъ, цѣны на землю начали расти съ бѣшеной быстротой. Крестьянскій банкъ началъ — если не прямо, то косвенно — конкурировать съ крестьянами, желающими купить землю непосредственно. Во многихъ мѣстахъ—въ томъ числѣ и въ Аткарскомъ уѣздѣ, гдѣ громадное число помѣщичьихъ земель уже продано—приходится наблюдать такіе случаи. Помѣщикъ рѣшаетъ продать землю. Обычно, прежде всего онъ предлагаетъ ее банку. Гг. землеустроители «изслѣдуютъ» землю и назначаютъ опредѣленную цифру, которая обычно выше дѣйствительной стоимости земли и значительно выше той суммы, въ которую помѣщикъ оцѣнивалъ землю семь—восемь лѣтъ назадъ самъ. Зная оцѣнку банка, помѣщикъ вступаетъ въ переговоры см крестьянами, при чемъ, конечно, запрашиваетъ съ нихъ сумму, превышающую банковую оцѣнку. Аргументомъ помѣщика въ этомъ случаѣ всегда является одно и то же: «не

хотите—дѣло ваше, банку продамъ, онъ ужъ столько-то предлагаетъ». А такъ какъ въ большинствѣ мѣстъ Поволжья у крестьянъ полное безземелье (а въ Саратовской губ. въ особенности), то крестьяне волей-неволей покупаютъ землю по помѣщичьей оцѣнкѣ, получая изъ банка ссуду и доплачивая верхи, потому что покупать у банка съ переселеніемъ на хутора охотниковъ находится пока что мало.

II.

При въѣздѣ въ деревню Е—нь со стороны города въ глаза бросается врытый въ землю подгнившій и покачнувшійся столбикъ съ дощечкой. На одной сторонѣ дощечки написано: «Душъ мужского пола 239», а на другой— «Курить на улицахъ деревни воспрещено». Дощечка эта теперь потеряла всякое значеніе и говоритъ лишь о прошломъ: душъ мужского пола въ Е—ни теперь значительно больше, и куритъ на улицѣ всякій желающій.

Раскинута деревня Е. на днѣ оврага, такъ что въ особо снѣжныя зимы почти всю деревню заноситъ снѣгомъ; для проѣзда на большую дорогу и для сообщенія одной избы съ другой прорываютъ канавки и если смотрѣть тогда на деревню съ горы, она кажется гигантской кротовой норой. Весной въ оврагъ стекаютъ десятки ключей, и дно его покрывается водой; тогда избы затопляетъ, и крестьяне поддерживаютъ сообщеніе другъ съ другомъ при помощи досокъ и бревенъ. На одномъ полугорьѣ раскинуты «выселки», куда раньше выселяли новыя выдѣлившіяся семьи; теперь «выселки» слились съ деревней, примыкая къ ней въ видѣ «нагорной улицы». На другомъ полугорьѣ расположены гумна и кладбище.

Въ этой деревнѣ мнѣ пришлось жить нѣсколько мѣсяцевъ, наблюдая дѣятельность гг. землеустроителей. Желающіе видѣть живыя иллюстраціи къ закону 9 ноября, могутъ найти въ д. Е—ни весьма богатый матеріалъ. Меня мало интересовали «тонкости» и «выходы» въ дѣятельности гг. землеустроителей; больше занимало меня настроеніе крестьянъ и ихъ переживанія. Интересно было видѣть, какъ замѣтно зрѣютъ крестьяне умственно, какъ рѣзко измѣняются ихъ взгляды и представленія, какъ гибнутъ вчерашніе идолы и кумиры...

Деревня Е—нь имѣетъ свою очень интересную исторію. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія одинъ помощникъ волостного писаря описалъ исторію Е—ни въ «Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», но съ тѣхъ поръ «воды утекло много», и исторія помощника волостного писаря потеряла все свое значеніе. Правда, до сихъ поръ еще онъ предлагаетъ обществу издать его «работу» отдѣльной брошюрой для назиданія подростающему поколѣнію, но общество не отпускаетъ необходимыхъ средствъ, и «трудъ» гибнетъ въ губернскихъ архивахъ. Говорятъ, что «трудъ» помощника волостного писаря обратилъ на себя вниманіе властей, которыя всю послѣдующую исторію деревни Е., начиная съ 1902 г., кончая настоящимъ временемъ,—объясняютъ примѣнительно къ этому труду. Дѣло въ томъ, что въ «исторіи» этой было указано, будто «старожилы говорили нашимъ дѣдамъ, что до основанія деревни на этомъ мѣстѣ были непроходимые лѣса и въ лѣсахъ этихъ жили разбойники». У администраціи сложилось представленіе, что жители Е. одно изъ разбойничихъ поколѣній и всѣ ихъ выходки объясняются, такъ сказать, наслѣдственностью. Это мнѣніе настолько укоренилось въ нѣкоторыхъ головахъ, что при «усмиреніи» одного изъ «бунтовъ» деревни Е. исправникъ предложилъ радикальное средство: «Это разбойничье гнѣздо съ корнемъ надо бы повывести». Дошло это, навѣрное, и до свѣдѣнія «Новаго Времени», которое, описывая волненія крестьянъ деревни Е. въ 1906 году, назвало ихъ «разбойнымъ взрывомъ бѣшеной черни». Вообще года три—четыре назадъ о деревнѣ Е. говорилось въ печати много; значеніе ея не только для окрестныхъ селъ и деревень, но для крестьянъ всего уѣзда было громадно: ее считали «застрѣльщицей движеній Русской Гуріи»; къ ея рѣшеніямъ и поступкамъ крестьяне прислушивались и довольно часто слѣдовали по пути, указанному е—цами. Теперь о деревнѣ Е. пишутъ мало, но мѣстное значеніе ея по прежнему довольно велико.

Крупное значеніе среди окрестныхъ деревень и мѣстечекъ деревня Е. пріобрѣла главнымъ образомъ потому, что крестьяне ея раньше другихъ начали примѣнять различные способы рѣшенія земельнаго вопроса, и попытки эти всегда производились въ особенно яркихъ и отчетливыхъ формахъ.

Надѣльной земли у крестьянъ Е. «почти совсѣмъ нѣтъ». «Обидѣли насъ надѣлами, такъ обидѣли, что и сказать нельзя». При послѣднемъ передѣлѣ пришлось по 8 бороздъ на душу. «Существовать при такой малой землѣ немыслимо»; жизнь и смерть зависитъ отъ милости окрестныхъ помѣщиковъ; если тѣ сдадутъ землю, крестьяне «на минуту вздыхаютъ»; отказываютъ—крестьяне нищенствуютъ и мрутъ съ голода. Окрестные помѣщики же, къ несчастью для крестьянъ, принадлежатъ къ числу людей, «пользующихся случаемъ». Двое изъ нихъ—типичные кулаки, разбогатѣвшіе отъ хлѣбныхъ ссыпокъ; оба «ни передъ чѣмъ не остановятся, чтобы содрать съ человѣка шкуру». Земли они сдавали лишь на короткій срокъ, тщательно слѣдя за всѣми обстоятельствами, которыя содѣйствуютъ повышенію арендной платы; вызывали искусственно конкурренцію различныхъ деревень и довели арендную цѣну до 25 руб. за тридцатку въ годъ. Третій помѣщикъ — старый крѣпостникъ и самодуръ, ярый крестьяноненавистникъ. Терпя крупные убытки, онъ не сдавалъ крестьянамъ земли ни за какія деньги, если крестьяне недостаточно унижались передъ нимъ или «чѣмъ-либо обидѣли его въ теченіе прошлаго года». Четвертая помѣщица, барыня У—ва, живетъ за границей и земли сдаетъ двумъ городскимъ кулакамъ-хлѣботорговцамъ, которые лишь въ рѣдкихъ случаяхъ пересдаютъ малоплодородные клочки.

Къ этому нужно прибавить, что у крестьянъ нѣтъ «ни прута лѣса, ни клочка выгона». Положеніе такое, что «завяжи глаза, да бѣжи». Крестьяне и пробовали бѣжать въ Сибирь, «на новыя мѣста», но почему-то ихъ задержали, а при «самовольной попыткѣ» вернули обратно съ дороги. Жизнь — по общимъ отзывамъ стариковъ — была значительно хуже, чѣмъ при крѣпостномъ правѣ. Ни на минуту не было увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Ничтожное обстоятельство, какъ ругань пьянаго мужика или шалость дѣтишекъ, стащившихъ яблоко изъ барскаго сада, — могло повести къ тому, что «обиженный» баринъ откажетъ въ землѣ, и придется итти «по кусочки».

Господа же великолѣпно понимаютъ выгоду своего положенія и прекрасно учитываютъ каждое обстоятельство. По-

мимо постояннаго увеличенія арендныхъ цѣнъ на землю, помимо всевозможныхъ штрафовъ и поборовъ, — введены были чисто-холопскія личныя отношенія, доходящія до невѣроятныхъ мерзостей.

Несмотря на все это, долгое время «все было совершенно спокойно». Помѣщики настолько были увѣрены въ забитой покорности своихъ подданныхъ, настолько чувствовали свое могущество, что при всякихъ «слухахъ и предположеніяхъ» заявляли съ лѣнивой улыбкой: «у насъ этого не можетъ быть». Конечно, время отъ времени крестьяне «пошаливали», но все это были единичные случаи отдѣльныхъ смѣльчаковъ, которые сторицей расплачивались за каждое помѣщичье полѣно, за каждый клокъ сѣна... Однако, подъ внѣшнимъ видомъ покорности зрѣла крестьянская озлобленность, лихорадочно работалъ умъ, и, наконецъ, «терпѣніе лопнуло»...

Въ 1902 г. старый крѣпостникъ, владѣлецъ нѣсколькихъ участковъ въ различныхъ мѣстахъ уѣзда и постоянный деревенскій диктаторъ, какъ сумасшедшій, прискакалъ къ исправнику и, задыхаясь, заявилъ, что мужики деревни Е. «взбунтовались и всѣмъ селомъ рубятъ его лѣсъ». Это была первая попытка крестьянъ деревни Е. общими силами улучшить свое положеніе. Попытка эта была жестоко наказана. Крѣпостникъ торжествовалъ, но «спокойствіе жизни» было нарушено; торжество скоро перешло въ скрытую боязнь новыхъ деревенскихъ движеній, которыя не заставили себя долго ждать. Порубки, потравы, увозъ хлѣба и корма, поджоги—все приняло хроническій характеръ и не прекращалось вплоть до 1905 г. То и дѣло помѣщики ѣздили къ исправнику и телеграфировали губернатору объ «озорствѣ» е—цевъ. Принимались крутыя мѣры, обыскивали всѣхъ поголовно, сѣкли, тащили въ тюрьму... Никто, однако, не догадался улучшить условія земельной аренды, никто ни на минуту не задумался посмотрѣть на коренныя причины деревенскаго «озорства». «Виноватыхъ» искали среди двухъ—трехъ человѣкъ деревенскихъ интеллигентовъ, хватали «подстрекателей», но ни что не помогало, движеніе росло, репрессіи лишь озлобляли крестьянъ, и зимой 1905 г. послѣдними было устроено форменное нападеніе на хутора; сожгли усадьбы, увезли хлѣбъ, уничтожили

и растащили цѣнныя вещи. Вмѣсто трехъ прекрасно обстроенныхъ помѣщичьихъ усадебъ остались—сохранившіяся до сихъ поръ—груды пепла...

Изъ города между тѣмъ приходили смутныя вѣсти о какомъ-то манифестѣ, о полномъ раскрѣпощеніи Россіи.

Все создавало увѣренность, что теперь коренной вопросъ—земельный рѣшенъ разъ навсегда; проникнувшись этой увѣренностью, е—цы всѣ дальнѣйшія свои дѣйствія сообразовали съ ней: «перечислили» въ общую собственность барскую землю, отдѣлили участки, которые можно пока что обрабатывать и вообще открыто пользовались барскимъ добромъ. Около избъ появились невиданные доселѣ громадные вороха строевого лѣса и дровъ; крестьянки «на свой фасонъ» передѣлывали барское платье. Никогда, кажется, деревня не была такъ дѣловито-серьезна. На улицахъ группы людей вели дѣловыя бесѣды, читали газеты, листки. Въ городъ былъ посланъ уполномоченный за землемѣромъ для «вѣрной отмежевки, кому что»... Отъявленные пропойцы какъ-то остепенились, стали серьезны и дѣловито обсуждали общіе вопросы...

Но горькое разочарованіе наступило быстро и неожиданно... Казаки, солдаты, обыски, порка, тюрьма...

Для е—цевъ вернулись старыя времена—голода и рабства.

Невѣроятно-озлобленные помѣщики и разговаривать не хотѣли о сдачѣ земли... Начался форменный голодъ...

— Экое дѣло!.. А? Вотъ поди-жъ ты, да и подумай...

— Дѣла, братецъ ты мой, я тебѣ скажу... Одно слово—смерть!..

— Хуже смерти... Смерть что? Закопали тебя и лежи... А здѣсь... Эхъ!..

Въ неопредѣленно-тоскливомъ настроеніи е—цы провели полуголодную зиму, не зная, что будутъ дѣлать дальше. Ходили къ помѣщикамъ, но тѣ все еще «ломались» и не хотѣли разговаривать.

Пронесся слухъ о выборахъ въ Думу; затѣмъ о самой Думѣ. На минуту воскресла надежда. Сначала отправили въ Думу «бумагу» съ изложеніемъ всѣхъ событій, а когда отвѣта не послѣдовало,—отправили троихъ ходоковъ.

— Такъ и скажите тамъ: что если, молъ, не будетъ вашего

распоряженія, остается намъ одно дѣло—помирать,—въ сотый разъ повторялъ старикъ Афанасій Климовъ и давалъ ходокамъ десятки другихъ наставленій.

— Постараемся... Чего ужъ! Всѣ силы приложимъ... Видимъ, чай...

— Подтвердите ужъ... На васъ, молъ, одна надежа...

— Ужъ будьте покойны—одно слово.

— Дѣти, молъ, слезами обливаются... Выхода, молъ, не стало.

— Главнымъ дѣломъ заявите, что кругомъ намъ обида. Ни земли нѣтъ, ни сѣять нельзя. Кругомъ прижимка, и выхода нѣтъ никакого...

Верстъ пять провожала ходоковъ почти вся деревня; кричали пожеланія; крестили... Возвращенія ихъ ждали съ мучительнымъ нетерпѣніемъ; каждый день почти давали телеграммы, ѣздили въ городъ встрѣчать.

Вернулись ходоки, подробно разсказали—гдѣ были и что видѣли.

— Какое же вышло рѣшеніе?

— Обѣщали разобрать дѣло... Вишь идетъ къ нимъ теперича народъ со всей Расеи. Кругомъ, то есть, неправда, такъ совмѣстяхъ они все и разберутъ.

Начали ждать рѣшенія, а пока что продавали послѣдній скарбъ и занимали деньги подъ работу.

Распустили Думу. Вѣсть эта, какъ громомъ, поразила крестьянъ. На нѣкоторое время на всѣхъ напалъ столбнякъ; затѣмъ снова «метнулись» къ помѣщикамъ и снова ничего не добились...

Нужно сказать, что ежегодно изъ Е. человѣкъ 40—50 мужчинъ и женщинъ уходили на заработки «за Волгу», т.-е. въ Покровскую слободу Самарской губ., гдѣ нанимались на время уборки въ крупныя экономіи Самарской и Оренбургской губ. Иногда они возвращались съ заработкомъ рублей въ 20—30, иногда ни съ чѣмъ, но такъ какъ «дома» все равно «дѣлать нечего», то уходили довольно регулярно.

Когда е—цы увидѣли, что «помощи таперича не будетъ» и что «помрутъ они въ самомъ скоромъ времени», рѣшили «попытать счастья» «за Волгой» и тронулись туда почти «всей

деревней». Это было временное переселеніе. Многіе отправились съ семьями, захвативъ лошадь и телѣгу. Многіе рѣшили «остаться гдѣ нибудь навсегда, если подвернется случай».

Точно неизвѣстны всѣ приключенія е—цевъ во время этой поѣздки. Впослѣдствіи они разсказывали, что «за Волгу столько привалило народищу, что шапка валится», нанимали же лишь третью-четвертую часть, цѣны упали до крайности. Послѣ довольно продолжительной канители и цѣлаго ряда забастовокъ большую часть е—цевъ «вернули по этапу», а остальные, полуголодные и оборванные, вернулись мѣсяцемъ позже.

— Гибнетъ деревня! Послѣдніе часы, видно, пришли...

— Злое время наступило, Господи, Твоя воля!

— Что же дѣлать-то, мужички, думайте.

— Ахъ, ты дѣла-то какія! А?!

— Ты отъ нужды, а она за тобой. Вѣрно, видно, сказка-то сказываетъ, что какъ сядетъ она тѣ на шею, то и въ яму ее не зароешь.

Я не буду подробно описывать дальнѣйшія мытарства крестьянъ Е—ни. Ихъ каждому легко себѣ представить. Кто бѣжалъ въ городъ, кто шелъ въ кабалу за кусокъ хлѣба, кто шелъ по міру, кто просто, скрежеща зубами, умиралъ съ голоду. Создались условія, когда никто почти не дорожилъ жизнью; тюрьма не пугала; люди шли «напроломъ». Кое-кто «крѣпился», «подтягивая животы»; писали, ходатайствовали. Но полное разореніе шло быстро и приближалось къ концу. За исключеніемъ десятка зажиточныхъ мужиковъ, нагрѣвшихъ руки при общемъ раззореніи и голодѣ, всѣ видѣли, что «висятъ на волоскѣ» и что «куда нибудь нужно подаваться».

Когда наступили зимніе холода 1907 года, крестьяне сдѣлали отчаянную попытку напомнить о себѣ. Вдругъ 99 процентовъ е—скаго населенія пріѣхали въ городъ и расположились на базарной площади. Крестьяне, крестьянки, дѣти окружили полицейское управленіе.

Вышло начальство.

— Что, бунтовать? Чего вамъ надо? Что вамъ не сидится? Не живется смирно?!. Да я васъ!..

Вышли впередъ старики.

— Мы, ваше благородіе, не токмо бунтовать, но даже хлѣба не ѣмши. Мы пришли законъ искать, потому что чувствуемъ обиду... Ваше дѣло казнить насъ, либо миловать, а домой возвращаться намъ не къ чему: одинъ конецъ. Мы писали, хлопотали—не вышло никакого сполненія. Теперь намъ все равно.

— Берите ребятишекъ!—кричали бабы:—намъ нечѣмъ ихъ кормить... Вы насъ раззорили—вы ихъ и пропитывайте.

— Продовольствія никакого нѣтъ.

— Посмотри на насъ, ваше благородіе, вѣдь, мы хуже шкилетовъ.

— Вернитесь домой! Начальство разсмотритъ ваше дѣло!

— Не желаемъ!

— Умремъ на мѣстѣ!

Конные городовые разогнали толпу. Сопротивлявшихся арестовали. А на другой день двѣ роты солдатъ перевязали е—цевъ и отправили ихъ домой.

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого событія въ Е—нь пожаловали гг. землеустроители приглашать е—цевъ пріобрѣсти въ хуторское пользованіе участокъ земли.

III.

За недѣлю до пріѣзда гг. землеустроителей, въ Е—ни уже начались толки, что «ѣдутъ землю прирѣзывать», «въ Синенькихъ пока остановились—скоро будутъ и къ намъ». Е—нь находится въ участкѣ того самаго ликвидатора, о которомъ говорилось въ началѣ. Собравши крестьянъ, онъ произнесъ передъ ними такую рѣчь:

— Не бунтовство вамъ помогло; долго вы бунтовали и ничего хорошаго не получили. Плохо вамъ живется, но пеняйте на себя—«сама себя раба бьетъ, коли не чисто жнетъ». Вмѣсто того: чтобы въ добромъ сосѣдствѣ жить съ помѣщиками, вы поступили съ ними, какъ разбойники и воры. Вы пошли противъ власти, противъ родины...

— Это какъ же, къ примѣру?..

— Ты, братъ, о дѣлѣ говори, а ругаться нечего: мы и безъ тебя много руганы.

— Противъ власти пошли вы, и съ вами поступили, какъ съ бунтовщиками и измѣнниками. Но власть простила вамъ ваше буйство и беззаконные поступки. Мало того, что простила! Видя нужду вашу, она хочетъ надѣлить васъ землей...

Крестьяне насторожились. Кое-кто снялъ шапку.

— Сейчасъ манифестъ, слышь, читать будутъ...

— Чу-ка, послушамъ, что скажетъ.

— Даютъ вамъ землю, но не въ ней главное дѣло. Главное дѣло—въ умѣніи этой землей пользоваться. При неумѣломъ пользованіи и десять десятинъ на душу не помогутъ.

— Извѣстно—хозяйство нужно, скотина.

— Обзаводка нужна, что и говорить.

— Возьмите вы извѣстные вамъ примѣры—у кого десятина родитъ 20 пудовъ, а у кого втрое; иной землю кое-какъ всковыряетъ, а иной, какъ мать родную, ее любитъ. Въ плохихъ вашихъ урожаяхъ сами вы большей частью виноваты...

— Это ужъ какъ Богъ—дѣло извѣстное.

— Какъ когда уродитъ... Это такъ!

— Происходитъ-же это по двумъ причинамъ: во первыхъ—вбили вамъ какіе-то дураки въ голову, что будетъ вамъ безвозмездная прирѣзка, вѣрите вы этому, ждете и бросили всякую заботу о своей землѣ; а во-вторыхъ, передѣлы ваши виноваты: каждый думаетъ, что черезъ годъ, черезъ два его земля перейдетъ другому, а потому и не обрабатываетъ земли, какъ слѣдуетъ...

— Пьянство тоже вотъ...

— Чего ужъ тутъ...

Но умные мужики, начинающіе понимать, въ чемъ дѣло, насторожились.

— Ты бы, баринъ, къ дѣлу-то поскорѣе переходилъ. Слышали мы все это. Говорилъ бы поскорѣй—откелева будетъ намъ прирѣзка?

— Я говорилъ уже, что прирѣзки не будетъ. А предлагается вамъ участокъ по Булаку; купить вы его должны подворно и переселиться туда на жительство...

— Это мочевинникъ-то?

— Даромъ не надо.

— Подождите, подождите, мужички.

— А какая цѣна будетъ, баринъ?

— 135 на 55 лѣтъ.

— 135?

— Да...

— Дда... Подумаемъ!

— Не подойдетъ, чтобы, къ примѣру, переселяться...

— Родъ тамъ плохой... Совсѣмъ нѣтъ роду...

— И воды нѣту-ти!..

— Подумайте, посовѣтуйтесь. Но знайте, что даромъ вы ничего не получите. Если же заупрямитесь, то и эта земля отъ васъ уйдетъ, и тогда пеняйте на себя.

— А вспоможенье будетъ при построеніи?

— Будете хорошо себя вести—поможемъ, сколько можно.

— То-есть какъ же?

Ликвидаторъ объяснилъ, при какихъ условіяхъ можно разсчитывать на удешевленную покупку лѣса и на ссуду для переселенія. Объясненіе было пересыпано фразами въ видѣ— «пора сознать свои ошибки», «гоните отъ себя всякихъ постороннихъ совѣтчиковъ» и т. п.

— Какую же вы ахинею несли все время!—сказалъ я, возвращаясь вмѣстѣ съ ликвидаторомъ.

— Что станешь дѣлать? Мною получены соотвѣтствующія указанія. Мы—ликвидаторы—въ то же время и агитаторы правительства. Мы должны подчеркивать, что предлагаемый нами путь—единственная возможность для крестьянъ получить землю. Вотъ мы и начинаемъ съ того, что стараемся осудить всѣ иныя попытки.

— Я увѣренъ, что крестьяне откажутся.

— Уломаемъ. Вѣдь, имъ нѣтъ исхода.

— Откажутся; это видно по ихъ настроенію

— Припугнемъ калужанами.

Деревня заволновалась.

— Переселитесь! Поди-ка, попробовай самъ переселись!— кричалъ разоренный крестьянинъ Митрій Максимовичъ. Высокій, худой, съ невѣроятно-длинными руками, въ изодранной рубашкѣ и широкихъ самотканныхъ шароварахъ,—онъ кри-

чалъ и протестовалъ больше всѣхъ. Между тѣмъ, по положенію дѣлъ, ему-то больше другихъ слѣдовало бы ратовать за переселеніе: полуразвалившаяся изба его давнымъ-давно заложена, лошадь продана, постройки полуразобраны на топливо; даже «подъ землю» онъ успѣлъ забрать у лавочника значительный кушъ.

— Поди-ка, переселись, перетащись туда... Тогда ужъ въ ихъ рукахъ будешь: тогда ужъ они въ тебя не такъ вцѣпятся!..

— Не подходяще намъ это!

— Я то говорю, что разоръ это полный: какъ ни-какъ, а здѣсь я должонъ все забросить. Что могу я теперича здѣсь выручить? Ничего. Поселись тамъ, да и гложи кулакъ. А ну какъ не осилишь уплатить какой годъ—тогда что? *Они*, вѣдь, не будутъ разбирать; *они* тѣ не такъ свяжутъ, какъ въ городѣ...

— И говорить тутъ нечего—прямо сказать: не изъявляемъ желанія!

— Ни Боже мой! Ни подъ какимъ видомъ...

— Два брата Кручинскіе, низенькіе, лысые, чернобородые мужики, мызгали по сходу, пробираясь порой между ногъ, хватали мужиковъ за руки, что-то шептали на ухо, прищуривали глаза и прикладывали палецъ къ носу

— Что?

— Да такъ и будетъ.

— Я тебѣ говорю: не безъ ихъ рукъ это дѣло. Дали, чать, по сту манетъ—и готово. Уберите, молъ, ихъ—намъ покойнѣе.

— Не безъ этого!

— Крѣпись, робя! Зубами натягивай, а не поддавайся!

— Возьмите и другое дѣло,—кричалъ Митрій Максимычъ:—перебрались мы, переѣхали... Устроились.. А воды нѣтъ!.. Онъ говоритъ колодези, они тамъ землю вертѣли, а какая она вода—они знаютъ? То-то есть!..

— И то сказать—кажный для себя, а другой могетъ ли подняться? Вѣдь, всѣ, какъ яички, облуплены: здѣсь все надо заново—лошадь тамъ, скотину... У многихъ ли лошади-то остались?

— Не подойдетъ!

— Пусть въ другихъ мѣстахъ дураковъ поищетъ...

— Къ тому же и форситъ: мы, да мы... Коли бы могота-то была, никто бы на рожонъ не полѣзъ.

— Знаемъ мы ихняго брата!

— Я вамъ говорю, что нечисто тутъ. Не безъ господскихъ рукъ дѣло. Разузнать бы, старички, какъ и что? Може оно и по правилу должно, да этотъ валетъ-отъ козырной повернулъ не въ ту сторону.

— По шапкѣ бы его...

— Ну и народъ пошелъ!

Помимо этихъ отдѣльныхъ репликъ и криковъ, серьезные понимающіе мужики произносили длинныя рѣчи, въ которыхъ выясняли значеніе общины, необходимость безвозмездной прирѣзки.

Четыре мѣсяца «бился» ликвидаторъ съ крестьянами и ничего не могъ подѣлать. На слѣдующихъ сходкахъ онъ дѣйствовалъ и убѣжденіями, и лаской, и указаніемъ на безысходную нищету, и угрозой—ничто не помогало. Крестьяне стояли на своемъ.

— Купить—покупаемъ, а переселяться—ни-ни!

— Переселяться намъ никакъ невозможно!

— Не подходитъ!..

Между тѣмъ ликвидаторъ то и дѣло получалъ изъ Петербурга запросы, въ какомъ положеніи дѣло, и скоро ли будетъ окончена сдѣлка. Испортивъ собственной безтактностью и полнымъ незнаніемъ условій деревенской жизни дѣло, ликвидаторъ для оправданія началъ отыскивать «подстрекателей», писать доносы и жалобы и тѣмъ еще больше вооружилъ противъ себя крестьянъ.

— Да поймите же вы,—говорилъ я ему сотни разъ:—что сами вы виноваты: своимъ безтактнымъ началомъ вы возстановили противъ себя крестьянъ и усилили ихъ недовѣрчивость. Если-бы вы толково и съ надлежащимъ уваженіемъ къ крестьянскимъ переживаніямъ приступили къ дѣлу, несомнѣнно, крестьяне согласились бы, и уже во всякомъ случаѣ не было бы той озлобленности противъ васъ, которая есть теперь!

— Не въ этомъ дѣло. Они и теперь согласились бы, да подговариваютъ ихъ здѣсь. Учительница здѣсь одна есть—такъ вотъ къ ней они частенько ѣздятъ... Ну, да я... не погляжу!

— Донесеніе?

— Что значитъ—донесеніе? Я—человѣкъ служащій. Мнѣ поручено опредѣленное дѣло, и я обязанъ указывать на всѣ препятствія, которыя стоятъ на моемъ пути.

IV.

Въ теплый лѣтній вечеръ на кучѣ бревенъ около расположеннаго въ концѣ деревни пожарнаго сарая сидѣло десятка три крестьянъ. Пожарный сарай, расположенный около «столбовой» дороги, ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго крестьянскаго сарая: плетневый, покрытый соломой, онъ представляетъ изъ себя велоколѣпный матеріалъ для огня и неоднократно сгоралъ мѣстѣ съ «сикушей» и бочками для воды. Роль пожарнаго исполняетъ престарѣлый дѣдъ Афанасій, который, обычно, сидитъ на бревнахъ и плететъ лапти. Если сидя на бревнахъ, посмотрѣть направо, то видно могучее чернолѣсье, раскинутое на нѣсколько сотъ десятинъ, великолѣпное чернолѣсье, имѣющее единственный недостатокъ—«оно помѣщичье», налѣво—безконечныя, тоже помѣщичьи, поля, засѣянныя яровымъ, а вдали, за полями, виднѣются трубы винокуренныхъ заводовъ и суконной фабрики.

Въ тотъ день, когда крестьяне собрались около «пожарной»,—въ городѣ была ярмарка, и по дорогѣ тянулись безпрерывныя вереницы телѣгъ... Проѣзжая мимо «пожарной», крестьяне здоровались, а нѣкоторые спрыгивали съ телѣги и дѣлились съ Афанасіемъ «гостинцами»—кусками калача, баранками, воблой...

— Напрасно это... Ну, спасетъ Христосъ... Спасибо.

— Ну, будетъ ужъ. Чего тамъ! Чай, не за худое что даю. Такъ, по душѣ. Возьми, возьми...

— Ну, какъ ярмонка?

— У-у... куда тутъ! Народищу тыщи! казаковъ этихъ нагнали—тьма-тьмущая! «Забастовки» все ждали...

— Ничего все-таки?

— Упаси Господи... Тихимъ и смирнымъ порядкомъ.

— Слава Богу, слава Богу... Ну, а хлѣба какъ—много было?

— Не такъ чтобы, и цѣна высока.

— Кусается?

— Кусается!

Телѣги тянулись безъ конца... Съ дороги несся оживленный говоръ, изрѣдка пѣсни и крики.

«Спрятался мѣсяцъ за ту-у-у-чку,
«Не хочетъ онъ больше гул-л-лять,—

распѣвалъ, слѣдуя за своей телѣгой, молодой крестьянинъ. Жена теребила его за рукавъ: «Будетъ ужъ, Ваня, довольно, люди, вонъ, смѣются»; но крестьянинъ, не слыша ея, жалобно тянулъ свою пѣсню и махалъ руками. На другомъ возу вверхъ лицомъ лежалъ бородатый мужикъ и ругался съ женой. Въ сторонѣ отъ подводъ человѣкъ десять крестьянъ сошлись вмѣстѣ и оживленно бесѣдовали.

Подвыпившіе крестьяне сбросили на минуту саванъ обычной угрюмости, смѣялись и шутили. Женщины въ пестрыхъ обновкахъ щелкали тыквенныя сѣмячки. Глядя на запыленныя лица этихъ людей на минуту забывшихъ будничную тоску и безвыходность, я отдыхалъ душой... Хотѣлось думать, что все то, что терзаетъ этихъ людей ежедневно въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, что всѣ эти картины разочарованнаго унынія, угрюмой злобы, картины полной потери всякой надежды тысячами людей,—что все это минуло безвозвратно, ушло и не вернется никогда; хотѣлось думать, что и завтра и всегда эти люди будутъ веселы, довольны и счастливы... Я закрылъ глаза, и казалось мнѣ, что кто-то могучимъ голосомъ произнесъ вѣщее слово. Встрепенувшіеся люди выбѣжали изъ избы, какая-то легкость... Сразу рѣшены были всѣ вопросы, счастливая улыбка замѣнила злобную угрюмость. Наступилъ вѣчный праздникъ...

— Съ нѣтомъ-то на ярмонку не поѣдешь!—говорилъ между тѣмъ одинъ изъ сидѣвшихъ на бревнахъ.—Богачами мы стали: «въ одномъ карманѣ вошь на арканѣ, а въ другомъ—блоха на цѣпи».

— Зашелъ вчера ко мнѣ Игнатъ—что, говоритъ, дѣлать будемъ? Начальство, говорятъ, за податями ѣдетъ, А я ему: по мнѣ, говорю, хоть Богъ пріѣзжай—у меня нѣтъ ничего.

— Найдутъ!

— Нечего. Самъ бы скорѣе другихъ нашелъ, да не нахожу что-то. Пусть сѣкутъ.

— И какое, братцы вы мои, время пришло: бывало высѣкутъ—и недоимкамъ скостка, теперь и сѣкутъ, и деньги подай.

— Начальства много—денегъ много требуется.

— И сколько теперь развелось этого начальства, Господи Твоя воля! Вотъ ужъ на моихъ глазахъ невѣсть что появилось: земскихъ раньше не было, затѣмъ урядниковъ поставили; теперь стражники, вотъ эти вотъ ливидаторы разные, казенные объѣздчики... Прямо не пересчитаешь!

— И всѣ деньгу беретъ не малую!

— Слышь, нашъ-отъ козырь беретъ трешну въ день.

— А то и поболѣ... Чужихъ денегъ имъ не жалко...

— Вотъ я вамъ скажу какое слово: покупаетъ, напримѣръ, теперь банкъ землю. Чего бы проще отдать ее мужику? Нѣтъ—строятъ хуторъ: пріѣзжаетъ завѣдующій участкомъ, у него писаря, помощники; затѣмъ объѣздчики, лѣсники... И все отъ казны...

— А по моему все лишнее.

— Вотъ и я тоже говорю.

— Теперь, тотъ, въ сосѣднемъ участкѣ сдаютъ землю, вродѣ какъ и помѣщики... къ примѣру, куплена банкомъ для насъ, хошь продовольствоваться—сымай, какъ и раньше...

— Съ лѣсами то же самое!

— Та же исторія... Вы, говоритъ, лѣсъ уничтожаете... Да вы сами-то скорѣе хворостины не оставите... Вонъ въ лѣсномъ оврагѣ все ужъ—тю-тю!..

— На шпалы пошелъ лѣсокъ...

— И на другое тоже... Да не въ этомъ сила—нѣтъ ужъ лѣса, вотъ что!

— Пріѣзжалъ ко мнѣ недавно своякъ изъ Сердобы. Разсказывалъ, такая у нихъ теперь заварилась каша. Земскій, вишь, соблазнялъ ихъ выйти изъ міра, они упрямились. Затѣмъ которые побогаче-то подговорили человѣкъ 400, чтобы, значить, выдѣлиться. Присмотрѣли землю недалеко отъ Турковки. Богатѣямъ-то хотѣлось стать въ видѣ какъ бы помѣщиками, а которые послабѣе-то тоже, какъ и у насъ, по

причинѣ голода. Совсѣмъ было ужъ рѣшили дѣло, да нашлось тамъ нѣсколько людей поумнѣе. «Мы говорятъ, выдѣлимся и на хутора переселимся, но чтобы жить намъ по другому: все чтобы общее—земля, хлѣбъ, скотина, сохи, бороны. Однимъ словомъ, какъ одна семья»! Народъ къ нимъ и присталъ. А кулакамъ-то это не на руку—завыли, загомонили... Ну, дѣло пока что и разстроилось.

— Слыхалъ я, что у нихъ, какъ и у насъ, идетъ передряга.

— Идетъ. А начальство-то, вѣстимо, держитъ сторону тѣхъ, кто побогаче. Вотъ своякъ же разсказывалъ. Есть у нихъ тамъ кулакъ Кузьма Ащеуловъ; арендовалъ онъ мельницу, водяную то-есть. А въ этомъ году міръ ему отказалъ, потому сами хотятъ пользоваться. Вотъ онъ—Ащеуловъ-то—промѣнялъ свою землю съ другимъ мужичкомъ, у котораго земля по рѣчкѣ Саполгѣ противъ кирпичныхъ сараевъ, и строитъ теперь тамъ паровую мельницу. Извѣстно, водяной тогда какой молъ?

— Ну, а что же сердобинцы-то?

— Что подѣлаешь? Начальство держитъ руку Ащеулова. Мужики рѣшили на сходкѣ объявить забастовку ему, то-есть не то, чтобы тамъ силой, а просто не молоть у него хлѣбъ, а кто смелетъ—10 руб. штрафа.

— А что же — выдѣляются все-таки у нихъ въ Сердобѣ-то?

— Пока, говорятъ, нѣтъ никого; главное, какъ и мы же, боязно, да и удобства нѣтъ: ну будетъ скажемъ, на хуторѣ 5—10 дворовъ: не станешь для такого малаго числа строить училищу. А церкви и подавно не выстроишь! Выдѣлись, да и ходи за 15 верстъ.

— Ко мнѣ, вотъ, тоже пріѣзжалъ братъ изъ Куриловки—вотъ гдѣ, говоритъ, горе-то,—никакъ хуже нашего еще! Всю зиму, говоритъ, однѣми тыквами питались. Барыня у нихъ тамъ, такъ прямо со свѣта сживаетъ! Подумайте только: за прогонъ скотины на Терешку заставляетъ 100 десятинъ земли обрабатывать! Кабы зимой земство работы не дало, всѣ перемерли бы, какъ тараканы!

— Намъ, небось, никто не дастъ!

На минуту всѣ замолчали.

— А что, братцы,—началъ вдругъ старшій Кручевскій:— правду ли болтаютъ, что Назарова жена отъ холеры померла?

— Болтаютъ!

— Извѣстно, доктора...

— А можетъ и правда— ты почемъ знаешь?

— Коли говорю, значитъ, знаю! Въ той же Сердобѣ, своякъ говорилъ, начали умирать мужики. Умираютъ, извѣстно—съ голоду, ну, а тѣмъ тоже совѣстно, до другихъ земель можетъ дойти, что народъ съ голоду мретъ. Вотъ и придумали—холера! Пріѣхали доктора, сестры — барышни такія, обученыя. Начались распоряженія, чтобы рубахи въ рѣчкѣ не мыть, коноплей не мочить. Отъ конопли, вишь, воздухъ портится и холера заводится. Видите, говоритъ докторъ, кто погрязнѣе живетъ, тотъ и мретъ! А извѣстное дѣло—кто побѣднѣе, тотъ и погрязнѣе. Ну, мужики и заартачились—дайте, говорятъ, хлѣба, и холеры не будетъ! Затѣмъ начали доктора холеру прививать на руку, въ видѣ воспы, тутъ пошло еще пуще. Старики кричали: «антихристова печать!» Бабы противъ сестеръ взъѣлись: это, говорятъ, не бабы, а переодѣтые солдаты пришли народъ морочить, чтобы, то есть, людей меньше было...

— Пустое все. Я не вѣрю.

— Извѣстно, бабы чего не выдумаютъ!

— Бабы, говорятъ, хотѣли поймать этихъ сестеръ и поглядѣть—кто они мужики, или бабы.

— Дурье!

— Затѣмъ, захворала, говорятъ, одна баба—дали ей лекарство. Она возьми его, да сунь кошкѣ—не ядъ ли, молъ. Кошка понюхала—не ѣстъ. Тогда баба размѣшала его въ молокѣ и опять кошкѣ. Кошка выпила, повертѣлась и сдохла, а въ больницу ходить перестали.

— И еще разъ—скажу: дурачье и—больше ничего!

— А кто е́ знаетъ? Можетъ и того...

— Бабья болтовня...

— Наше вотъ, къ слову сказать, дѣло: умри мы всѣ, и хлопотъ имъ нѣтъ. Тоже всякъ о себѣ норовитъ.

— А не ѣдетъ что-то нашъ хлюстъ-то?

— Пора бы ужъ!

— Такъ, мужички, какъ сказали, такъ и будетъ—не идемъ!

— Землю беремъ, а переселяться не желаемъ!

— А вѣрно ли, что Марью Егоровну будто бы того... заарестовали?

— Слышно было, а толкомъ не знаю.

— Точитъ онъ теперечa на нее зубы!

— Какъ пить дастъ, съѣстъ, а человѣка жалко!

— Эхъ!

На велосипедѣ подъѣхалъ господинъ ликвидаторъ.

— Ну, какъ, братцы?

— Все по-старому!

— До свиданья, господа!

— Счастливой дороги.

V.

Марья Егоровна, судьба которой, какъ видно, была уже рѣшена, очень интересовала меня. Мнѣ хотѣлось поговорить съ этой, столь вліятельной въ деревняхъ, дѣвушкой. Я ни на минуту не вѣрилъ, что она «мѣшаетъ сдѣлкѣ»; ужъ слишкомъ очевидно было, что просто господину ликвидатору нужно было на кого-либо «свалить» собственныя ошибки, и въ ней онъ нашелъ козла отпущенія. Но постоянный ласковый тонъ крестьянъ при разговорахъ о ней, поѣздки къ ней за совѣтами—показывали, что среди крестьянъ она пользуется завиднымъ уваженіемъ и довѣріемъ.

Съ письмомъ знакомаго учителя я отправился въ село С., гдѣ Марья Егоровна учительствовала въ церковно-приходской школѣ.

Въ большомъ, но бѣдномъ и грязномъ селѣ С. двѣ школы: земская и церковно-приходская. Въ послѣдней учится болѣе 150-ти мальчиковъ и дѣвочекъ; учатъ ихъ двѣ дѣвушки-учительницы—Марья Егоровна и ея подруга.

Марья Егоровна получаетъ 10 руб. въ мѣсяцъ и на нихъ содержитъ себя и сестренку. Нѣсколько лѣтъ уже обѣщаютъ выстроить для учительницъ квартиру; даже начали постройку,

но она двигается впередъ какъ-то плохо: ни общество, ни церковь не хотѣли раскошелиться.

Вообще отношеніе крестьянъ къ церковно-приходскимъ школамъ довольно своеобразное: дѣтей они туда посылаютъ, но рѣшительно отказываются взять на себя часть матеріальныхъ издержекъ.

— Что, аль ужъ у нихъ тамъ денегъ въ церкви-то нѣтъ? Полно грѣшить-то! Коли на то пошло, мы лучше свою школу выстроимъ, чѣмъ на поповскую-то платить!

Представители церкви въ свою очередь разсуждаютъ такъ: «разъ посылаете, то расходъ пополамъ надо». Въ результатѣ этихъ переговоровъ и переписокъ квартиры учительницамъ нѣтъ, зданіе школы не отапливается. Бѣдныя дѣвушки влачатъ полуголодное существованіе, преподавая въ холодномъ зданіи мерзнущимъ дѣтишкамъ.

Марья Егоровна живетъ бѣдненько. Квартируетъ она у крестьянина, который за 5 рублей въ мѣсяцъ отдаетъ ей уголъ въ избѣ, «чернаго хлѣба на обѣдъ и ужинъ ей и сестренкѣ» и право готовить пищу въ общей печи. Кромѣ того за 50 коп. въ мѣсяцъ жена квартирохозяина полощетъ Марьѣ Егоровнѣ бѣлье; стираетъ она сама, но «полоскать неудобно передъ ребятишками—все-таки, вѣдь, учительница». Неудобство это признаютъ и квартирохозяева; «здѣсь въ избѣ-то она выстираетъ—никто не увидитъ. А на людяхъ-то неловко. У насъ здѣсь какой народъ-то? Еще и на смѣхъ поднимутъ».

Домъ, въ которомъ квартируютъ сестры, снаружи кажется довольно большимъ, но внутри половину его занимаетъ печка и отгороженная тесовой перегородкой «кухня». Около этой перегородки стоитъ кровать Марьи Егоровны; надъ кроватью виситъ платье, а на стѣнѣ подъ зеркаломъ портретъ Маркса, снимокъ съ картины—«Какой просторъ» и нѣсколько фотографій. Отдѣльнаго стола хозяева не имѣютъ, и заниматься Марьѣ Егоровнѣ приходится за большимъ обѣденнымъ столомъ.

Я сидѣлъ на лавкѣ и разсматривалъ обстановку угла. Становилось немного грустно. Нюрка не спускала глазъ съ Марьи Егоровны, читавшей только что полученное отъ высланнаго въ Архангельскую губ. брата письмо.

— Ну, Нюрка, тебѣ радость: Витя обѣщаетъ прислать денегъ на опредѣленіе тебя въ гимназію.

— А какой я сонъ, Маня, видѣла, — улыбаясь, заговорила худенькая, но живая и веселая дѣвочка — сижу, будто, я около нашей избы въ деревнѣ, маманька корову доитъ, а рядомъ со мной лежитъ Грозный. Вдругъ, будто, по дорогѣ человѣкъ идетъ, худой, запыленный; Грозный, будто, къ нему, да и началъ хвостомъ вилять. Я, будто, кричу: маманя! почему это! Грозный-то не лаетъ на чужого. А маманька-то, будто, мнѣ говоритъ: дура, вѣдь, это Витя...

— Каждому событію у тебя обязательно предшествуетъ сонъ!

— Развѣ нельзя найти отдѣльную комнату?—спросилъ я.

— Рублей за 5—6 можно, конечно. Но намъ это не по силамъ. Здѣсь за 5 руб. мы помимо квартиры имѣемъ еще черный хлѣбъ, иначе, вѣдь, не прокормишься.

— Частныхъ уроковъ нѣтъ здѣсь?

— Лѣтомъ бываютъ, но предпочитаютъ студентовъ. Искали мы съ Нюркой и переписку, и шитье—ничего не вышло.

На печкѣ завозился кто-то, захрипѣлъ; черезъ край свѣсилась лысая голова и начался долгій, удушливый кашель. Голова качалась, плечи вздрагивали, въ груди шипѣло и бурлило.

— Марья Егоровна! Зачерпни-ка, родимая, кваску! Охъ, чуть отдышался!..

Съ печки свѣсились ноги.

— Гость никакъ? Здорово, батюшка! Вотъ, мѣшаю я имъ тутъ. Всѣмъ мѣшаю, а не прибираетъ Господь... за грѣхи, видно. Спасибо, золотая душа... Какъ напьешься, то и полегче.

Старикъ исчезъ въ кучѣ тряпья.

— Трудно вамъ здѣсь заниматься-то?

— Конечно, трудно. Днемъ-то, положимъ, всѣ на работу уходятъ, но днемъ и мы въ школѣ. А вечеромъ ложатся рано, спятъ на полу,—душно становится; свѣтъ мѣшаетъ имъ спать. Сами-то они ничего, положимъ, не говорятъ, но какъ-то неудобно—весь день, вѣдь, работаютъ—измаются...

Видимо, разговоръ тяготилъ Марью Егоровну. Я началъ

распрашивать о сельской интеллигенціи, объ отношеніи крестьянъ. Марья Егоровна разговорилась.

Жизнь учительницы, по ея словамъ — нѣчто ужасное. Не говоря уже о томъ, что ежеминутно приходится «дрожать за мѣсто», самая жизнь то и дѣло находится въ опасности. Въ селѣ имѣется группа союзниковъ-добровольцевъ, въ распоряженіи которой состоитъ десятокъ сельскихъ хулигановъ. Вождемъ и теоретикомъ мѣстныхъ «союзниковъ» является аптекарь. Онъ имѣетъ сношенія съ губернской организаціей и хвалится, что въ «с—комъ отдѣленіи» болѣе двухъ тысячъ членовъ. Въ дѣйствительности «членовъ» въ С—кой организаціи нѣтъ ни одного; аптекарь и окружающіе его пропойцы—вотъ и весь составъ. Вся дѣятельность этой «организаціи» сводится къ доносамъ, подачѣ телеграммъ въ «Русское Знамя» и поѣздкамъ аптекаря въ городъ. Но главнымъ образомъ «организація» выслѣживаетъ, травитъ учительницъ, перехватываетъ письма. Среди крестьянъ «союзникамъ» развернуться нельзя. Крестьянинъ поставленъ въ нѣсколько иныя условія: онъ менѣе зависитъ отъ добровольцевъ, его не могутъ уволить, какъ учителя или вообще человѣка служащаго; въ свой домъ онъ добровольца не обязанъ пускать, когда тому захочется; разговаривать съ нимъ крестьянинъ станетъ только тогда, когда самъ захочетъ. Кромѣ того, въ распоряженіи крестьянина «на всякій случай» имѣются «свои средствія». Самое большее союзнику удастся подвести того или другого крестьянина подъ арестъ, но потомъ самому придется дрожать въ постоянномъ ожиданіи «своихъ средствій».

Другое дѣло—служащій интеллигентъ и особенно служащій въ правительственныхъ учрежденіяхъ. Онъ находится въ полной власти «союзниковъ». Кто бы ни былъ «союзникъ»—священникъ ли, псаломщикъ, приказчикъ, хлѣбный ссыпщикъ, или торговецъ,—онъ въ деревнѣ прежде всего чрезвычайно самоувѣренъ и самолюбивъ. Ему хочется «дѣйствовать», выслуживаться, а для этого одно средство—«открывать», доносить... Чѣмъ больше дѣйствуетъ онъ, чѣмъ больше получаетъ наградъ и поощреній, тѣмъ сильнѣе разгорается аппетитъ. Гдѣ же проявить эту дѣятельность? Какъ удовлетворить ненасытную жажду доносовъ и клеветы? Какъ сказано, съ кре-

стьянами «шутить трудно и опасно»: изрѣдка, конечно, союзникъ дѣлаетъ набѣги и на мужика, но главное поле его дѣятельности—служащая интеллигенція. Въ этой сферѣ онъ мечетъ громы и молніи. Въ мысляхъ онъ открываетъ злодѣйскіе заговоры, спасаетъ отечество, а дѣйствительность подсовываетъ ему заб ую, до невѣроятности сжавшуюся, учительницу, или многосемейнаго фельдшера, людей, рѣдко читающихъ, молчаливыхъ и никуда не ходящихъ изъ дома. Что взять съ этихъ людей? Годны ли они въ заговорщики? Конечно, нѣтъ. И вотъ союзникъ начинаетъ подкапываться, создавать несуществующія преступленія.

— Эхъ, ты, какіе они тамъ! Только четырехъ подлецовъ за вчерашній день повѣсили,—говоритъ онъ фельдшеру, укоризненно посматривая на газету. Фельдшеръ молчитъ.

— Что? По вашему много? Можетъ быть, вы совсѣмъ противъ смертной казни.

— Да я ничего... Конечно... Какъ же...

Если же фельдшеръ что-либо «возразитъ»—доносъ готовъ, союзникъ строчитъ, придумываетъ вдвое... Не останавливается «союзникъ» и «передъ созданіемъ преступленій», въ его распоряженіи имѣется два—три человѣка, всегда готовыхъ кому угодно, что угодно «подбросить» и опять когда угодно и что угодно «показать подъ присягой».

Часто союзники конкурируютъ другъ съ другомъ: одинъ старается перещеголять другого. Какъ волки, рвутъ они беззащитныхъ жертвъ: добычи мало, а аппетиты ненасытны, и безнаказанность полная... Если бы «союзники» имѣли хоть какіе-нибудь шансы свить гнѣзда среди крестьянъ, можетъ быть часть ихъ энергіи направилась бы въ сторону пропаганды своихъ идей, организаціи. Но ничего этого нѣтъ. Вся энергія, вся корыстная злоба направилась на травлю и безъ того придавленныхъ жизнью людей.

Представьте себѣ теперь учителя, пережившаго дни свободы, бывшаго на всероссійскомъ учительскомъ съѣздѣ, сочувствующаго той или иной партіи: или только что пріѣхавшую дѣвушку-учительницу съ широко задуманными планами учить дѣтей и бесѣдовать съ крестьянами; — представьте, что въ селѣ такихъ лицъ меньше десятка, а деревни 1 — 2, что

средства къ жизни они получаютъ исключительно отъ должности, что дѣлу своему они преданы,—и вы поймете ихъ положеніе. Союзники-добровольцы насѣдаютъ на эти жертвы и, если не удастся спровадить ихъ подальше, контролируютъ каждый ихъ шагъ, переиначиваютъ каждое слово, сплетничаютъ, грязнятъ... Учительница сжимается до крайности, боясь разсердить добровольца, соглашается съ болью въ душѣ со всѣмъ, что сболтнетъ союзническій языкъ, — но всего этого мало! Союзникъ ненасытенъ! Поработивъ жертву, онъ дѣлаетъ ее предметомъ своего издѣвательства. И вотъ дѣвушка боится раскрыть при союзникѣ ротъ, улыбается тогда, когда слезы подступаютъ къ горлу, и хочется злобно рыдать; дѣлаетъ то, противъ чего протестуютъ всѣ силы души. Если дѣвушка не вытерпитъ и сбѣжитъ, на ея мѣсто тотчасъ пріѣзжаетъ новая,— кандидатокъ много; добыча освѣжается, съ большей силой доброволецъ налегаетъ на новую жертву.

Аптекарь, — по словамъ Марьи Егоровны, — союзникъ безпокойный и самолюбивый. Онъ «любитъ», чтобы передъ нимъ унижались, трепетали. Чувствуя свою силу, онъ не довольствуется однимъ сознаніемъ этого: ему необходимо проявлять свою силу. И онъ проявляетъ ее: «съѣлъ» почтоваго чиновника, 17-ти лѣтняго юношу, заподозривъ что онъ пишетъ корреспонденціи о союзѣ; чиновникъ именемъ стариковъ-родителей умолялъ редакцію опровергнуть «слухъ»; «слухъ» былъ опровернутъ, но увѣренность аптекаря не поколебалась; травля продолжалась около года, и чиновника уволили. Затѣмъ была «съѣдена» учительница, а теперь всѣмъ заявляетъ, что «очередь за ними».

Товарищъ аптекаря — торговецъ, «участвуетъ» главнымъ образомъ «сборомъ пожертвованій». «Пожертвованія» приходится вносить и учительницамъ; всякій отказъ равносиленъ политическому преступленію. Вообще, отношеніе къ «союзу», вѣрнѣе къ аптекарю,—мѣрило благонадежности. На все аптекарь наложилъ свою лапу — частная жизнь, сношенія другъ съ другомъ, бесѣды съ учениками, — все извѣстно ему, подо все онъ подкапывается, во всемъ «старается найти замѣтку». С—кая интеллигенція забита до невозможности. Прибавьте

къ этой безпрестанной травлѣ полуголодную жизнь, и вы поймете положеніе этихъ тружениковъ...

Но это только одна сторона дѣла. Больнѣе горе еще не въ этихъ двухъ причинахъ. Въ дни свободы учителя и учительницы были учителями и совѣтниками крестьянъ. Крестьяне оцѣнили это, полюбили ихъ, начали считать ихъ «своими», въ отличіе отъ властей и духовенства. Это отношеніе сохранилось и теперь; по традиціи крестьяне во всякую тревожную минуту, съ каждымъ сложнымъ вопросомъ идутъ за совѣтомъ къ учителю и учительницѣ. Искренняя увѣренность, что «учитель свой человѣкъ», что «барышня не обманетъ»,—требуютъ и искреннихъ отвѣтовъ... Болѣе того — часто крестьяне заходятъ по вечерамъ, плотно затворивъ дверь и заглянувъ, нѣтъ ли кого въ сосѣдней комнатѣ, начинаютъ шептать: «А я къ вамъ, барышня, за листками пришелъ; мужики просятъ. Либо книжечекъ нѣтъ ли какихъ?» Все это создаетъ страшную душевную ломку. Учительница знаетъ, что союзникъ не спускаетъ съ нея зоркаго глаза, что каждый визитъ къ ней крестьянина союзнику извѣстенъ; въ то же время обмануть мужика, сказать ему не то, что думаешь,—свыше силъ; сказать ему, чтобы не ходилъ, не поворачивается языкъ. Дѣвушка начинаетъ отговариваться, крестьянинъ смотритъ подозрительнѣе. «Ну, такъ, пока что, прощайте. Извините, что побезпокоилъ. А я больше потому, что до васъ здѣсь была Софья Ивановна, такъ она»... и т. д.

Эта сторона дѣла особенно ужасна для дѣвушекъ, вышедшихъ изъ этой же крестьянской среды, какъ, напр., Марья Егоровна.

Доброволецъ-союзникъ шпіонитъ вездѣ и видитъ все. Онъ распрашиваетъ дѣтей, чему учитъ учительница, не говорила ли, что нѣтъ Бога, что для образованія каменнаго угля нужны были милліоны лѣтъ и т. п. Всякую мелочь учитываетъ доброволецъ и всегда сумѣетъ «съѣсть» свою жертву.

Жизнь превращается въ пытку.

— Я нахожусь въ особо печальныхъ условіяхъ, — говорила мнѣ Марья Егоровна: — во-первыхъ, у меня братъ «политикъ», одного этого достаточно, чтобы смотрѣть на меня «хмуро»; затѣмъ были два — три столкновенія изъ за непо-

сѣщенія мною лекцій аптекаря о холерѣ. Можетъ быть, это были и очень интересныя лекціи, но я серьезно была больна, а затѣмъ работы всегда много: то школьной, то своихъ мелочей пошить, постирать. Ну, а разъ пробѣжала между нами черная кошка, то едва ли я сумѣю сдобровать. До брата бы какъ-нибудь дотянуть!..

— Міръ прокормитъ,—замѣтилъ старикъ.

— Не утѣшай, дѣдушка! Свои-то сироты у васъ съ голоду мрутъ. Да и не останусь я здѣсь въ случаѣ чего.

— Ну, а какъ дѣла съ ликвидаторомъ?

— Говорятъ, донесъ онъ на меня, а правда или нѣтъ — не знаю. Е—скіе крестьяне были нѣсколько разъ, такъ вотъ онъ думаетъ, что я сдѣлку разстраиваю. Обыскъ былъ у меня, да вотъ дѣдушка, спасибо, спасъ: я въ городъ ѣздила, безъ меня здѣсь обыскивали, такъ онъ всѣ мои книжки забралъ къ себѣ на печь подъ тряпки... Особеннаго-то ничего не было, а все-таки...

— Я отъ урядника узналъ,— кидалъ съ печи старикъ: — думаю, надо поглядѣть. Собралъ все, да на печь. А то вотъ въ Славкинѣ, сказывали, былъ случай — нагрянули къ учительницѣ; ее тоже, какъ тебя вотъ,—не было, такъ полмѣшка, говорятъ, увезли. А впослѣдствіи времени и ее забрали. Послѣ время бабы говорили: и знали, молъ, что придутъ, а что запрещено, что нѣтъ — не поймемъ. Повертѣлись, повертѣлись, да и бросили все. А по моему — прячь все, что подъ руку попалось. Лѣзь ко мнѣ на печь, коли есть охота, ищи; а найдешь—мнѣ одно помирать-то, что въ тюрьмѣ, что гдѣ... Одно слово—бабы!..

— Вы говорите — у васъ, собственно, лишь два «союзника?»—спросилъ я Марью Егоровну.

— Два, но лучше, пожалуй, любыхъ петербургскихъ: на все рычатъ, вездѣ имъ дѣло... Съѣдятъ они меня несомнѣнно!..

Я указалъ, что работы здѣсь много, жалованье маленькое, условія необыкновенныя, такъ что должностью едва ли слѣдуетъ дорожить.

— Не знаю, что и отвѣтить вамъ на это. Если меня уволятъ, я не найду должности—это несомнѣнно; но, кромѣ того, я какъ-то привыкла къ школѣ, къ ребятишкамъ, къ крестья-

намъ. Все это стало такимъ дорогимъ, что больно будетъ разстаться.

Мы замолчали.

— Вы говорите о крестьянахъ: — по моему это не самое тяжелое. Вѣдь въ концѣ концовъ крестьяне многое понимаютъ, видятъ шаткость моего положенія, знаютъ участь учительницы и научились беречь насъ. По моему, главная бѣда для насъ—ребятишки. Вотъ гдѣ настоящая мука!

— Въ чемъ же дѣло?

— Ребятишки — народъ любознательный, все имъ надо знать, все они слышатъ и всасываютъ въ себя. Дома-то за послѣдніе годы чего-чего они не наслышались! Со всѣмъ этимъ и лѣзутъ теперь къ намъ. Повѣрите-ли: иногда озадачиваютъ такими вопросами, что не знаешь, что и сказать. Подходитъ какъ-то ко мнѣ девятилѣтній мальчикъ Смирновъ Вася, сынъ зажиточнаго крестьянина.

— Вы, Марья Егоровна, забастовщица?

— Откуда ты это выдумалъ? Кто тебя научилъ?

— Самъ я... — И ушелъ.

Затѣмъ дня черезъ два подходитъ снова.

— Нѣшто забастовщикомъ быть плохо?

— Навѣрное за эти дни думалъ по этому вопросу... А то другой мальчикъ, лѣтъ 12-ти, батюшкѣ отпалилъ: «коли разумъ даетъ Господь, то и мужиковъ не за что сѣчь, ума имъ все равно ужъ не прибавишь!» Мальчикъ сказалъ глупость, можетъ быть, сказалъ ее со словъ старшихъ, но батюшка вышелъ изъ себя, накричалъ на меня, послалъ за отцомъ мальчугана. Конечно, отецъ выпоролъ мальченку, но порками достигаютъ лишь того, что съ нами мальчишки менѣе откровенны.

— Дни три назадъ въ перемѣну слышу такой разговоръ:

— Ты — нищій, ротъ голенищей!

— Не всѣмъ быть богачами! Хорошо, твоя мать три барскихъ пуховыхъ перины-то припрятала. Теперь богатѣи!

— А ты видалъ?

— Всѣ видали! Я, молъ, пушкомъ отъ своихъ куръ торгую. А какой у куръ пухъ? Воры вы и есть!

— Здѣсь вступается третій мальчикъ и начинаетъ доказыватъ, что «если что взято всѣми, то это не воровство. Всѣ

брали!» На этомъ дѣти помирились. Есть у насъ на школьномъ дворѣ громадная куча песку. На дняхъ какъ-то 8-милѣтній карапузъ забрался на ея вершину. «Братцы мои! — закричалъ онъ:—работы нѣтъ, земли нѣтъ, бѣдность одолѣла, начальство притѣсняетъ, — выпью сороковочку и утоплюсь!» затѣмъ щелкнулъ ладонью правой руки о кулакъ лѣвой, пососалъ изъ кулака и скатился по кучѣ внизъ.

Вообще движеніе крестьянъ, разгромъ экономій, пріѣздъ казаковъ, деревенскія нужды, земельныя сдѣлки, — все это даетъ ребятишкамъ неистощимыя темы для вопросовъ, разговоровъ и игръ.

Старикъ жаловался, что съ ребятишками дѣйствительно одна бѣда и разсказалъ, какъ въ сосѣдней деревнѣ два подпаска подожгли барскій хлѣбъ.

— Иногда гляжу я въ глазенки малышу, и кажется мнѣ, что онъ понимаетъ меня прекрасно. А иногда они прямо заявляютъ, что «боитесь, молъ, аптекаря-то, Марья Егоровна!» Въ такія минуты начинаешь понимать, что испугъ настолько въѣлся въ насъ, что его нельзя скрыть даже отъ дѣтей... Не мы возбуждаемъ дѣтскую любознательность, а каждый неумѣстный вопросъ ребенка ставится въ вину намъ, учительницамъ!..

Нюрка внимательно слушала нашъ разговоръ: все это, видимо, ее интересовало, и замѣтно было, что сестры часто на эту тему бесѣдуютъ. Долго Марья Егоровна разсказывала мнѣ о жизни ея товарищей — учителей и учительницъ сосѣднихъ селъ и деревень. Всѣ ея разсказы можно было выразить однимъ словомъ—травля! Сѣрая, полная лишеній жизнь: трудъ, который надо исполнять не такъ, какъ хотѣлось-бы; вѣчныя уступки напору добровольцевъ; постоянная тревога за завтрашній день—вотъ въ чемъ проходитъ жизнь! Приходится обманывать себя, сжиматься, лгать ребятишкамъ, «увиливать» отъ довѣрчивыхъ вопросовъ крестьянъ, и все—во имя куска хлѣба, во имя 10—15 рублей въ мѣсяцъ. Тяжело и грустно!

Пользуясь привилегированностью положенія, «союзники» постепенно захватываютъ въ свои руки все, посредствомъ чего такъ или иначе можно воздѣйствовать на крестьянъ: въ с. К. пять лѣтъ учителя ходатайствовали о разрѣшеніи народныхъ чтеній съ туманными картинами: наконецъ, разрѣше-

ніе было получено, но иниціаторы не долго пользовались этимъ правомъ. Скоро въ дѣло вмѣшался священникъ, затѣмъ крупный хлѣбный торговецъ Кулаковъ; сначала вліяли на выборъ темъ, а теперь захватили дѣло въ свои руки, и, когда въ К. формально открылось «отдѣленіе союза», какимъ-то чудомъ къ нему перешла организація чтеній, разрѣшеніе и техническія приспособленія. Учителя сначала были отодвинуты, а потомъ ихъ попросили «уйти отъ грѣха» и «не мѣшаться». Чтеніями началъ руководить выгнанный изъ какого-то военнаго учебнаго заведенія сынъ помѣщика. Парень этотъ состоитъ и въ комитетѣ «отдѣленія». Онъ уже нѣсколько разъ былъ битъ крестьянами за «приставаніе къ дѣвкамъ».

Любительскіе спектакли въ с. Е. тоже стали монополіей «союзниковъ». Идутъ, конечно, «патріотическія» или скабрезно-скандальныя пьесы, большею частью изъ «домашняго театра» «Родины». А, между тѣмъ, сколько въ свое время было переписки изъ-за этихъ спектаклей! Сколько потрачено силъ, чтобы пріучить крестьянъ посѣщать спектакли! Теперь все дѣлается безъ хлопотъ: «союзникамъ» все дозволено. Но, конечно, и въ народныя чтенія и въ любительскіе спектакли они влили специфическій элементъ, превративши то и другое въ пошлый фарсъ.

Во многихъ мѣстахъ захватили библіотеки и выдаютъ крестьянамъ книги лишь по своему выбору. Во многихъ захватываютъ школы, ставя взамѣнъ уволенныхъ учителей «своихъ людей», всегда невѣжественныхъ и развращенныхъ верзилъ, отпугивающихъ дѣтей отъ школы.

Со всей этой хулиганской разнузданностью приходится считаться учителямъ и учительницамъ. Ребятишки же — это новое поколѣніе—отчасти понимаютъ причину лжи и изворотливости учителей; знаютъ, почему нужно лгать, почему опасна правда, а отчасти принимаютъ ложь за правду и, какъ правду, эту ложь усваиваютъ. По-моему, это самая больная сторона дѣла: въ страхѣ и лжи воспитываются тысячи людей, и это кладетъ на нихъ неизгладимый отпечатокъ. Марья Егоровна больше всего скорбитъ именно изъ за того, что изъ-за 10 руб. въ мѣсяцъ «приходится портить дѣтей, скрывая отъ нихъ истину», а съ другой стороны,—кто можетъ поручиться,

что на ея мѣсто не попадетъ отставной военный писарь-союзникъ, который за эти же 10 руб. въ мѣсяцъ будетъ уже прямо развращать дѣтскія души...

— Я вамъ говорю, что съ ребятами теперь бѣда, нужна особая осторожность, иначе того и гляди подведутъ: то игры, то книгу какую-нибудь притащутъ. Недавно со мной былъ такой случай. Задаю я старшимъ мальчикамъ сочиненіе на тему: «Памятный случай моей жизни». Конечно, предварительно долго разъясняю планъ, привожу примѣры изъ учебника и, наконецъ, совмѣстно обсуждаемъ, какъ нужно писать. Тема эта вовсе не выдумана мною: въ числѣ другихъ темъ она рекомендуется методикой; я не сообразила одного: памятные дни этого поколѣнія въ большинствѣ экстраординары. Ну и получила... Не хотите ли посмотрѣть тетради?

СЛУЧАЙ.

Со мной произошелъ этотъ случай, когда, послѣ забастовки, пріѣхали казаки и старшій начальникъ. То маманька побѣгла за тятенькой, а мнѣ сказала «на улицу не смѣй носа высунуть». Но Василій Модинъ прибѣгъ и сказалъ, что мужиковъ порютъ около гусинаго пруда. Я изнутри наложилъ крючекъ на дверь, чтобы кто не вошелъ, и вылѣзъ въ окошко. Я побѣжалъ къ гусиному пруду. Тамъ казаки были на лошадяхъ, а солдаты съ ружьями, но народу было мало; всѣ разбѣглись. Съ горяча я подбѣжалъ прямо къ казакамъ, но они меня не тронули. Тогда я поглядѣлъ и вижу—стоятъ мужики десятка три, съ ними и лавочникъ Даниловъ и тятянька, а руки у него связаны. Тогда старшій начальникъ, толстый, слѣзъ съ лошади и началъ читать бумагу. Староста вышелъ впередъ, его положили на скамейку и начали пороть. Но онъ не кричалъ. Я весь трясся отъ страху, но не бѣжалъ. Я подошелъ и сталъ рядомъ съ лошадью старшаго начальника. Лошадь вороная, а сѣдло съ красными полосками. Тогда старшій начальникъ увидалъ меня и схватилъ за руку. Я кричалъ, но онъ тащилъ меня къ скамейкѣ. Я думалъ, что меня будутъ пороть, но тятянька сказалъ—не троньте, ваше благородіе, не смыслитъ

еще, но начальникъ сказалъ — это твой сынъ? тятянька сказалъ — мой! Тогда старшій начальникъ сказалъ — ну, ложись! Но тятянька стоялъ. Тогда солдаты взяли его и потащили на скамейку, но тятянька закричалъ — я солдатъ! Тогда они стали его пороть. Я хотѣлъ бѣжать, но старшій начальникъ держалъ меня за руку. Тятянька тоже не кричалъ, но его пороли больше. А старшій начальникъ схватилъ меня за волосы и сказалъ: будешь помнить, какъ за бунты учутъ? — Но я бросился бѣжать и больше ничего не видалъ. Около колодезя я увидалъ Василія Модина. Я закричалъ ему—Васька! Моего тятьку выпороли! И побѣжалъ. Василій Модинъ побѣжалъ за мной. Такъ прибѣгли мы на гумно. Василій трясся отъ страха и плакалъ. Тогда мы зарылись въ солому. Мы хотѣли ѣсть, но боялись итти. Такъ мы и ночевали на гумнѣ!..

Автору, сыну крестьянина средней зажиточности, 12 лѣтъ.

12-ти лѣтняя дочь вдовы подробно описываетъ разгромъ экономіи, причемъ вниманіе ея больше всего привлекъ сгорѣвшій «черненькій теленчикъ». «Что мы должны лучше всего помнить» — такъ озаглавилъ свое произведеніе 9-ти лѣтній сынъ работника волостного старшины. Мальчикъ перечисляетъ заповѣди и съ ужасомъ думаетъ о карахъ, положенныхъ за ихъ нарушеніе. Въ концѣ, въ скобкахъ, добавлено: «продолженія слѣдуютъ». 14-ти-лѣтняя дѣвочка описываетъ, какъ у нихъ ночевали казаки и «все пожрали», а она «сидѣла въ присадникѣ и не спала всю ночь».

СЛУЧАЙ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Когда взяли Витю, то мнѣ было 7 лѣтъ. Отецъ нашъ пришелъ сердитый и сказалъ: «Ну, дождались! Арестовали Витю-то!» Мать наша начала плакать, а онъ сказалъ: «Надо было думать раньше!» Я тоже плакала, а онъ сказалъ—перестать ревѣть! Затѣмъ намъ сказали, что Витю повезутъ въ городъ, то мы пошли на вокзалъ. Какъ его провели мы не видали. Затѣмъ мы всѣ плакали а мать наша сказала—не доживу я теперь до него. Затѣмъ весной пришло письмо, а отецъ нашъ читалъ письмо и плакалъ, а мать наша сказала — безъ Вити и весна не

красна! Затѣмъ мы написали ему письмо, а я написала ему на отдѣльномъ листѣ: «Здравствуй. дорогой братъ Витя! Я очень объ тебѣ соскучилась; пріѣзжай скорѣе». Теперь онъ скоро пріѣдетъ».

Это пишетъ Нюрка, сестренка Марьи Егоровны.

Большинство произведеній посвящены темамъ крестьянской жизни. Порой довольно трудно понять, почему тотъ или иной фактъ зантересовалъ мальчишку. Вотъ—буквально на 12 строкахъ описываетъ, какъ у нихъ «ночевалъ студентъ». Мальчикъ боялся, но «онъ ушелъ, когда я еще спалъ. Я проснулся, а его ужъ нѣтъ». Вотъ и все! Дома, навѣрное, говорили объ этомъ; потому посѣщеніе студента и приняло такой таинственный характеръ. Кое кто пишетъ на старыя темы: памятный день—это елка, или переходъ въ другой классъ съ наградой. 16-ти лѣтній парень пишетъ, что памятный день для него тотъ, когда онъ научился читать. Но больше разсказовъ о казакахъ, о «забастовкѣ на ярмаркѣ» и т. п.

Очевидно, событія послѣднихъ лѣтъ неотразимо запечатлѣлись въ душахъ крестьянскихъ ребятишекъ и не изъ одного «озорства» они задаютъ учительницамъ «коварные» вопросы ..

— Что вы обѣдаете?— спросилъ я Нюрку, когда Марья Егоровна вышла.

— Когда какъ. Утромъ Маня воблу покупаетъ—намъ на два дня хватаетъ. Ѣдимъ съ хлѣбомъ. А обѣдъ варимъ... Когда мясо, когда рыбу, когда постное...

— А постное-то чаще всего,—раздалось съ печки:—морятъ себя изъ за Богъ вѣсть чего. Вѣдь, я говорю—слазайте въ погребъ, наложите огурцовъ и валяйте съ хлѣбомъ; все сытнѣе... И гостя-то угостили бы! Самъ бы я, да силы-то нѣтъ...

— Хорошо тебѣ здѣсь, Нюта?

— Ничего. Только вотъ зимой корову они въ избу пускаютъ.

— Какъ же иначе-то?—пояснялъ старикъ:—извѣстно, какіе у насъ хлѣва-то? Коровѣ тоже холодно. А здѣсь она наберется тепла, ночь-то и терпитъ...

— Ну, а вы какъ живете, дѣдушка? На хутора не думаете переходить?

— Каки тамъ хутора! А выдѣлиться бы надо ему... И то говорю—выдѣлись пока что! Три души, вѣдь, теперь—все-таки кусокъ! Не нынѣ завтра помру, мальчишка тоже на ладанъ дышетъ. Останется безъ всего. Мнѣ-то теперь три аршина только надо... Да и то сказать — своя голова на плечахъ — пусть дѣлаютъ какъ знаютъ...

— Ну, какъ мои «писатели»?—спросила Марья Егоровна.

— Вотъ бы среди кого произвести анкету о крестьянскомъ движеніи.

— Они съ этимъ достаточно знакомы. Къ любой темѣ сумѣютъ пристегнуть свои воспоминанія. А намъ влетаетъ... Мы должны внушать... Но какъ я докажу ребенку, что лучше всего онъ долженъ запомнить первое причастіе или первую исповѣдь, а не порку отца? Мальчуганъ вполнѣ резонно отвѣчаетъ, что исповѣдь онъ забылъ, а порку помнитъ великолѣпно. Я понимаю, что тема воспоминаній вообще для нашего времени рискована, но, вѣдь, ребятишки не могутъ писать отвлеченныхъ разсужденій, то, что ихъ занимаетъ, они сумѣютъ ввернуть всюду. Теперь, вотъ, ограничиваемся одними переложеніями.

Прощаясь со мной, Марья Егоровна сказала.

— Вы знакомы съ ликвидаторомъ — попросите его не травить меня. Даю вамъ слово, что я не виновата въ непріятностяхъ, которыя чинятъ ему мужики... Что я буду дѣлать, если уволятъ до возвращенія брата? Ждемъ его, часы и минуты считаемъ. Только это ожиданіе и силы даетъ. Аптекарь узналъ откуда-то, что я брата жду, такъ еще пуще ѣстъ: встрѣтитъ на улицѣ меня и начинаетъ ругать брата: воръ—вашъ братъ, грабитель и еще Богъ знаетъ что. А вчера въ аптекѣ спросилъ меня, согласна ли я съ тѣмъ, что братъ и его компанія — негодяи! И я должна молчать... Если бы не Нюрка, бросила бы все, кажется, да убѣжала, куда глаза глядятъ, а, вѣдь, ее надо учить... Ей 9 лѣтъ!... Пусть господинъ ликвидаторъ оставитъ меня въ покоѣ—и безъ него тошно!..

VI.

Мѣсяца черезъ два мнѣ снова пришлось поѣхать «по уѣздамъ». Въ числѣ прочихъ мѣстъ, мы заѣхали въ Е—нь. Странная картина представилась нашимъ глазамъ; улицы пусты, у 3—4 избъ заколочены окна и двери. Голодныя собаки съ злобнымъ лаемъ бѣгаютъ по улицамъ, бросаясь на каждаго встрѣчнаго.

Мы подъѣхали къ лавочкѣ.

— Куда у васъ народъ-то дѣвался?

— Разбѣжались кто куда. Больше-то въ Баку, да въ Астрахань уѣхали на работу.

— Да, вѣдь, поздно ужъ?

— Что дѣлать? Съ землей тутъ у нихъ ничего не вышло. Съ голоду помирать тоже не охота, ну и тронулись.

— Что же вызвали, что-ль, ихъ туда?

— Нѣтъ, солдатикъ одинъ пріѣхалъ оттуда. Наговорилъ имъ съ три короба—всѣ и загомонились. Да я такъ думаю, что не иначе, какъ вернутся. Придется имъ не миновать, какъ перейти на хутора.

— Не миновать?

— Не миновать. Не выдержать! Подобрались они больно, а слухи есть, что не находятъ тамъ никакой работы...

— Много народу осталось въ деревнѣ?

— Мало. Семей тридцать всего; поменьше, пожалуй. Говорятъ, вотъ, мужикъ, мужикъ, а все-таки былъ здѣсь народъ—была небольшая торговлишка. А теперь хоть закрывай лавочку; ждемъ только, можетъ вернутся скоро.

— А гдѣ теперь ликвидаторъ?

— Здѣсь гдѣ-то по-близости, въ своемъ же участкѣ. Когда не пошло у него дѣло-то, такъ еще къ нему пріѣзжали тутъ на подмогу два человѣка. Совсѣмъ молодые еще мужчинки, но и они ничего не подѣлали: заупрямились наши-то! По-моему, если говорить по-правдѣ, то и ихъ винить нельзя: землю имъ даютъ самую завалящую. Пыль да пески—никчемная землишка: опасно на нее перебраться.

— Вы сами-то вышли изъ общины-то?

— Вышелъ, но только землей не займаюсь: продалъ свою... Хлѣбомъ хочу торговать.

Чтобы покончить съ выясненіемъ несчастной эпопеи злополучныхъ е—цевъ, я задалъ еще одинъ вопросъ, уже не относящійся прямо къ нимъ.

— Гдѣ теперь Марья Егоровна?

— Уволили ее; вскорѣ тогда, какъ вы уѣхали, ее и отставили. Пріѣзжали они сюда съ Анюткой, дня два никакъ прожили. Гдѣ теперь—сказать не могу. Говорятъ, будто въ городѣ гдѣ-то, а прямо не знаю.

Мы поѣхали дальше.

Пустая деревня, забитыя окна—терзали нервы. Хотѣлось бѣжать скорѣе отсюда и отдохнуть за чѣмъ-либо менѣе тоскливымъ и тяжелымъ. Но мысль сама собой работала въ опредѣленномъ направленіи и подводила итоги первыхъ шаговъ дѣятельности господъ землеустроителей. Два результата были очевидны—разоренная деревня и затравленная, не сдѣлавшая никакого вреда, скромная сельская работница. Эти два итога были ясны и безспорны. Не одни, конечно, гг. землеустроители въ этомъ виноваты—есть основныя, общеизвѣстныя причины. Но, являясь выразителями въ корнѣ ошибочныхъ постановленій, рельефно подчеркивая ихъ и проводя въ жизнь старыми «начальническими» способами и пріемами, гг. землеустроители каждымъ шагомъ своей дѣятельности обостряютъ деревенскія затрудненія.

1909 г.

НОВЫЙ ПОМѢЩИКЪ.

(Изъ записной книжки современнаго деревенскаго наблюдателя).

I.

«Новыми помѣщиками» въ нашихъ мѣстахъ называютъ крестьянъ, выдѣлившихся изъ общины и пріобрѣвшихъ землю въ собственность. Большинство такихъ крестьянъ, помимо надѣльной земли, прикупаютъ и земли окрестныхъ помѣщиковъ, а потому нѣкоторые изъ нихъ округляютъ участки до 50 и 100 десятинъ. Въ настоящее время вокругъ этихъ людей какъ-то сконцентрировалась вся деревенская жизнь. Хорошія, а большей частью дурныя стороны деревенскаго быта связаны съ ними, и исторія какого либо изъ нихъ является какъ бы исторіей всей деревни или села за послѣдніе годы.

Въ Кожниковкѣ типичнымъ представителемъ этой вновь народившейся группы является Карпъ Ѳедоровичъ Вавиловъ. Недавно онъ вышелъ изъ общины и пріобрѣлъ 75 десятинъ у ликвидировавшаго свою землю помѣщика.

Карпъ Ѳедоровичъ—мужикъ умный и смѣтливый. Инстинктивно онъ угадываетъ вѣянія времени, дѣйствуетъ сообразно съ ними, а потому почти всегда безъ промаха. Глубоко сидящіе косые глазки его обычно глядятъ спокойно, но, когда онъ начинаетъ волноваться или «почуетъ добычу», они нервно и безпокойно бѣгаютъ. Въ деревнѣ съ недавнихъ поръ глаза его начали называть «рысьими», а сильно выдающійся лобъ—«бычачьимъ». Говоритъ Карпъ Ѳедоровичъ охотно и много. Когда онъ что либо излагаетъ на сходѣ, рѣчь его льется плавно, то и дѣло встрѣчаются въ ней старые, привычные

крестьянскому уху, обороты. Но какъ только Карпъ Өедоровичъ начинаетъ волноваться—плавность рѣчи замѣняется отрывочнымъ крикомъ, старые обороты исчезаютъ...

Лѣтъ десять назадъ Карпъ Өедоровичъ овдовѣлъ. Собирался жениться вторично, но пришлось женить сына, Григорія, а затѣмъ «какъ-то все не подошлось дѣло», и Карпъ Өедоровичъ вдовѣетъ до сихъ поръ.

Издавна семья Вавиловыхъ считалась зажиточной. Ежегодно они снимали 10 — 15 десятинъ, имѣли 4 лошадей, 3 коровъ и десятка три овецъ. Круглый годъ содержали работника и работницу; посильную помощь оказывалъ и довольно крѣпкій еще старикъ Өедоръ.

Въ деревнѣ мнѣ не разъ приходилось слышать, что богатыми Вавиловы стали съ того времени, какъ старикъ Өедоръ «обокралъ» міръ. Послали его въ слоб. Елань приторговать землю, а если земля окажется подходящей — дать задатокъ. Өедоръ купилъ землю по 25 руб. за десятину, далъ задатокъ, а черезъ недѣлю перепродалъ ее по 40 руб. Вернувшись, онъ заявилъ, что «земля не подходяща» и «покупать ее не слѣдъ». Вѣрно ли это, и какую сумму дала эта операція, до самаго послѣдняго времени было неизвѣстно. Дѣло происходило давно, очевидцевъ осталось мало; Карпу же Өедоровичу тогда было лѣтъ 10, «понятія настоящаго онъ не имѣлъ». Слѣдовательно, и упрекать его не въ чемъ.

Самъ старикъ Өедоръ говорить объ этомъ не любитъ. И когда какой либо пьяный начинаетъ кричать объ этомъ, онъ плюетъ и уходитъ въ избу.

Между тѣмъ, Карпъ Өедоровичъ за интересы міра всегда стоялъ горой; нѣсколько разъ сидѣлъ въ кутузкѣ за грубые отвѣты приставу и за схватки съ земскимъ; никогда не кулачилъ, не «закабалялъ народъ», самъ работалъ за двоихъ и отличался отъ другихъ крестьянъ лишь болѣе обширными посѣвами и зажиточностью.

Карпъ Өедоровичъ умѣетъ читать и писать. Часто читаетъ книги и газеты. Особенно любитъ онъ популярную астрономію и книги историческія. Лѣтъ шесть назадъ по вечерамъ у него собирались степенные мужики, и онъ читалъ имъ «Исторію одного крестьянина». Навѣрное извѣстно, что бы-

вали у него и «запрещенныя книжки», но читалъ онъ ихъ лишь самымъ близкимъ людямъ, къ которымъ питалъ безусловное довѣріе.

При обсужденіи того или иного вопроса, Карпъ Ѳедоровичъ высказывалъ рѣзкіе и опредѣленные взгляды.

— Прижатъ мужикъ! Шутка ли дѣло платить 19 руб. за десятину въ годъ?! Хорошо еще уродитъ Богъ, а какъ нѣтъ?! А вѣдь *они* не разсуждаютъ: имъ вынь, да положь...

Въ планахъ рѣшенія земельнаго вопроса Карпъ Ѳедоровичъ былъ кратокъ: «вся земля должна отойти мужику, а ужъ потомъ мы сами разберемъ, кому что»... Взгляды эти раздѣляло большинство, а потому Карпъ Ѳедоровичъ пользовался уваженіемъ и въ дѣлахъ общества имѣлъ большой авторитетъ.

Начались крестьянскія волненія. То и дѣло въ Кожниковку пріѣзжали крестьяне сосѣднихъ деревень и совѣтовали «приступить». Народъ волновался. На улицахъ собирались толпы возбужденныхъ людей, кричали, спорили... Молодежь трепетала и рвалась что-то совершить... Рѣдко, рѣдко въ комъ радость омрачалась несознанной тоской и скрытымъ опасеніемъ...

Въ эти дни въ Кожниковкѣ не было ни одного пьянаго. Лица всѣхъ были серьезны, словно наканунѣ чего-то большого и важнаго. Ждали какого-то сигнала.

Карпъ Ѳедоровичъ, къ удивленію всѣхъ, рѣдко показывался на улицахъ. Отъ него ждали совѣта, указаній, но онъ то куда-то уѣзжалъ, то сидѣлъ дома. Наконецъ, послали къ нему стариковъ, чтобы шелъ на собраніе. Онъ пришелъ, но и здѣсь молчалъ и гладилъ бороду.

— Какъ же, дядя Карпъ, вѣдь начинать надо?

— Думайте, мужички, дѣло серьезное!

— Да твое-то слово какое будетъ? Корневцы вонъ говорятъ, коли къ воскресенью не начнете, мы всѣмъ селомъ пріѣдемъ.

Карпъ Ѳедоровичъ немного подумалъ.

— Вотъ какъ я думаю: говорить тутъ много нечего, а какъ сходъ постановитъ, такъ, значитъ, тому и быть!..

Сходъ постановилъ вечеромъ идти къ «генеральшѣ», а въ

субботу на винокуренный заводъ. «Землю отобрать въ пользу кожниковцевъ навѣчно, а имѣніе и заводъ уничтожить». «Чтобы не курилось на нашей землѣ это зелье». Староста приложилъ печать, и дѣло было рѣшено.

Вечеромъ вся деревня двинулась къ имѣнію «генеральши». Запрягли лошадей, захватили топоры, вилы, косы и потянулись. Парни рвались впередъ, но старики рѣшили, что впередъ идти нужно имъ и «спервоначала поговорить добромъ». Женщины и ребятишки, несмотря на сердитые окрики старшихъ, двигались за ними. У всѣхъ было веселое настроеніе. Шли, какъ на праздникъ. Карпа Ѳедоровича не было, но Григорій съ женой и старикъ Ѳедоръ были здѣсь.

Вначалѣ шествіе было довольно шумное, но по мѣрѣ приближенія къ экономіи становилось тише и, наконецъ, дойдя до горы, подъ которой была раскинута экономія,—всѣ умолкли. Саженъ за сто отъ хутора остановились; старики пошли «переговорить». Возвращенія ихъ ждали съ нервнымъ нетерпѣніемъ; говорили шепотомъ.

— А что, какъ казаки?

— Ну, и казаки... Постоять надо. На это шли.

— Ребятишки-то напрасно прибѣжали...

— Чего вамъ надо, чертенята? Пошли домой!

Ребятишки попятились, но остановились. Тишина и глухой шепотъ. Фыркаютъ лошади...

Вернулись старики.

— У старосты ключей нѣтъ. Дѣлайте, говоритъ, что хотите... А окромя его на хуторѣ нѣтъ никого...

— Начинать, значитъ, надо?...

— Какъ же, мужички? А?!.

— Чего же думать-то... Приступимъ...

— Ну, Господи благослови!..

Десятокъ парней бросилось къ громадному омету соломы.

— Урррааа!!...

Засвѣтилась спичка. Огонь, перебѣгая съ одной соломенки на другую, въ минуту добрался до вершины, охвативъ весь ометъ. Громадные языки пламени, свиваясь, поднялись къ небу... Тысячи искръ гигантской ракетой взлетали и гасли въ воздухѣ. Сразу стало свѣтло, какъ днемъ... Парни хватали

пуки горящей соломы и совали ихъ въ скирды хлѣба и стога сѣна. Огненное море забушевало на пространствѣ десятковъ саженъ.

— Пошла!.. Ха, ха, ха...

— Вали, робя...

— Жарь!..

Въ страшномъ возбужденіи народъ разбрасывалъ головни, на помѣщичьемъ добрѣ срывая вѣковую злобу.

— Не дурить... Честь-честью...

— Ахъ, Господи Боже мой! Ну и народецъ!..

— Старики къ амбарамъ!..

— Старики!!..

— Хлѣбъ дѣлить!..

Десятки рукъ схватились за громадныя дубовыя бревна... Ударъ, другой и—двери амбаровъ вылетѣли. Народъ хлынулъ въ амбары. Началась безпорядочная свалка. Люди хватали мѣшки съ зерномъ, съ мукой; насыпали хлѣбъ въ боченки, въ кадки, въ полога. Кричали, смѣялись... Въ хаосѣ звуковъ нельзя было ничего понять...

Нѣкоторые отвезли нѣсколько мѣшковъ домой и нагружали телѣги снова. Другіе безпомощно хватались за различныя вещи, тащили ихъ нѣсколько шаговъ, а потомъ бросали въ огонь.

— Эхъ, фуру я не догадался запречь... А... Вотъ вѣдь голова-то...

— Чего?...

— Фуру, молъ, надо бы... Постелилъ полы и валяй...

— Фуру, фуру... А какъ же мнѣ-то вотъ... Безъ лошади-то... Въ карманъ, что ли, сыпать... Положи, дѣдушка Егоръ, мѣшочекъ. Завезешь.

— Эхъ, дуракъ, дуракъ!.. Пошелъ въ конюшню, да и выбралъ любую, пока всѣхъ не разобрали...

— И то вѣдь!..

— Бѣги скорѣй... А то—«мѣшочекъ»... Чудаки!..

Григорій нѣсколько разъ отвезъ телѣги съ хлѣбомъ. Въ разгаръ работы пріѣхалъ и Карпъ Ѳедоровичъ. Телѣги нагружали дѣятельно и поспѣшно.

Ребятишки бѣгали вокругъ горящихъ стоговъ, визжали и разбрасывали горящее сѣно.

Бабы осадили курятникъ, хватали гусей, утокъ, куръ.. Совали въ мѣшки; въ эти же мѣшки на кричащую птицу клали различныя вещи... Кричали и ссорились. Одна вырывала у другой громаднаго индѣйскаго пѣтуха, та защищалась. Пѣтухъ кричалъ и билъ крыльями. Но вотъ ребятишки подожгли птичникъ. Въ раскрытую дверь съ крикомъ бросилась сотня птицъ, метались изъ стороны въ сторону и гибли въ огнѣ.

— Дяденька, а дяденька, дома-то поджигать, что ль?!.

— Спросите дѣдушку Егора...

— Чего спрашивать? Вали, жги... Теперь—мы господа...

— Какъ вали? А, можетъ, тамъ люди...

Снова десятки рукъ ухватились за толстый дубовый пень. Раскачали и ударили въ дверь старостина дома. Дверь съ трескомъ вылетѣла.

— Никого!

— Пусто, значитъ?

— Пусто!

— Вали!..

Горящія полѣнья полетѣли въ выбитыя окна. Дома запылали. Сторожъ помѣщичьей церкви ударилъ въ набатъ. Тревожный звонъ смѣшался съ крикомъ народа и ревомъ пламени.

— Кабы на церковь не перекинуло?!.

— Сохрани Богъ... Поосторожнѣй надо!..

— То-то и я говорю. Ребятишекъ прогнать надо. Долго ли до грѣха!..

Покончивъ съ хуторомъ, народъ бросился къ раскинутому въ саду старинному помѣщичьему дворцу.

Карпъ Ѳедоровичъ — по словамъ крестьянъ — однимъ изъ первыхъ забрался въ роскошныя дворянскія хоромы. Начался разгромъ дома.

— Вотъ что, ребята,—визгливо кричалъ дѣдушка Егоръ,— вещей-то брать не надо бы. Взяли хлѣбушка, скотину и — ладно! А это все пусть горитъ, не надо намъ... Пропади оно пропадомъ...

Но въ шумѣ слова старика пропадали даромъ. Люди уже тащили различные предметы роскошной барской обстановки.

— Вещей-то, молъ, не надо бы брать!.. Эхъ, народъ! — старикъ махнулъ рукой.

Дворецъ загорѣлся съ нижняго этажа. Наверху еще шумѣли люди, выбрасывая въ окна зеркала, мебель, посуду. Внизу подхватывали эти вещи, ломали, бросали въ огонь и тащили на воза.

Къ утру нагруженный обозъ потянулся къ Кожниковкѣ. За нимъ слѣдовали нагруженные люди. Шутили, дѣлились впечатлѣніями. Разсматривали захваченный скотъ.

— Микифоръ Андреянычъ! Далъ бы мнѣ одного сосунка-то. Куда тѣ трехъ-то?

— Хе, хе... Небось не пропадутъ...

— Эхъ, хороши жеребята-то! И хотѣлъ было я поймать одного, да погнался за этимъ чортомъ,—показалъ онъ на привязаннаго къ телегѣ громаднаго быка,—а ты ужъ и подхватилъ всѣхъ трехъ...

— А по-моему бы такъ, ребята: придемъ вотъ домой и раздѣлить кому что... А то вѣдь и то надо сказать: у кого пять подводъ, а у кого нѣтъ ни одной. Грѣшно!

— То же и я говорю. Разъ ужъ такой день, то по Божьи надо!

— А у тебя что въ мѣшкѣ-то, Константинъ Иванычъ?

— Самоваръ.

— Ну-ка, покажи...

Старикъ вынулъ блестящій самоваръ и поднялъ за ручку.

— Никакъ серебряный?

— А кто его знаетъ. Будемъ теперь со старухой чай попивать.

— Ха, ха, ха...

Ребятишки тащили обломки посуды, серебряныя ложки. Одинъ повѣсилъ на себя шпагу съ надписью «за отличіе» и гордо шелъ впереди всѣхъ.

Шествіе замыкала старая Акулина, которая тянула за веревку породистую телку. Та упиралась, мотала головой, бросалась изъ стороны въ сторону. Ребятишки помирали со смѣху, глядя на отчаянныя усилія старухи.

— Гринька! А Гринька! Чего ржешь? Подгони ее сзади-то!

— Сама, бабушка, дотянешь...

— У, у... Зміяты!..

Въ субботу былъ сожженъ винокуренный заводъ; затѣмъ

рубили лѣсъ, дѣлили землю. Не было свободной минуты: то и дѣло собирали сходъ, обсуждали, какъ и что... А черезъ недѣлю въ Кожниковку прибыли войска, окружили ее со всѣхъ сторонъ, начались обыски, безчинства казаковъ, разстрѣлы и порка. Ко всеобщему удивленію у Карпа Ѳедоровича не нашли ничего. Всѣ видѣли, какъ онъ возилъ лѣсъ; всѣ знали, что онъ больше всѣхъ навозилъ хлѣба и вещей; на глазахъ у всѣхъ Григорій увезъ съ завода двѣ бочки со спиртомъ и—все «словно сквозь землю провалилось». Конечно и другіе крестьяне успѣли кое-что припрятать. Даже старуха Акулина какимъ-то чудомъ сумѣла припрятать похищенную телку. Тѣмъ не менѣе, у большинства нашли и хлѣбъ, и скотъ, и вещи... Большинство перепороли; многихъ отправили въ тюрьму. Вмѣстѣ съ помѣщичьими вещами отобрали и собственный хлѣбъ и скотъ. Карпъ Ѳедоровичъ уцѣлѣлъ. Въ домѣ его остановился приставъ и все время хвалилъ его, какъ благоразумнаго и разсудительнаго мужика.

Уваженіе и довѣріе крестьянъ къ нему послѣ этого случая стало падать. Крестьяне заподозрили какой-то «подвохъ», какой-то «обманъ» и замѣтно начали сторониться Карпа Ѳедоровича.

Черезъ годъ пронесся слухъ, что гдѣ-то на сторонѣ Григорій сбываетъ «генеральшины» вещи. Григорій, дѣйствительно, уѣзжалъ куда-то мѣсяца на полтора, но никто не зналъ, куда именно. Карпъ Ѳедоровичъ и виду не показываетъ, что замѣчаетъ охлажденіе крестьянъ. По-прежнему онъ разговаривалъ съ мужиками о дѣлахъ, о думѣ, хотя почему-то сталъ держаться «какъ будто свысока». «Прежде въ немъ сердечности много было, а теперь такъ финтитъ... Тоже знаемъ мы ихняго брата»,—говорили мужики. Но «придраться» пока было не къ чему. Правда, Карпъ Ѳедоровичъ «вышелъ сухимъ изъ воды», но вѣдь это говоритъ только о томъ, что «онъ—мужикъ съ головой» и «можетъ понимать дѣло». Поэтому недовольство открыто не выражалось,—тѣмъ болѣе, что помимо Карпа Ѳедоровича въ деревнѣ было еще съ десятокъ крестьянъ, которые тоже «чисто обдѣлали дѣло». Навѣрное мірское недовольство, въ которомъ была не малая толика зависти и самоукоризны, постепенно бы стерлось, если-бы самъ Карпъ

Ѳедоровичъ «остался прежнимъ». Но онъ замѣтно измѣнился, все меньше и меньше интересовался общественными дѣлами и, наконецъ, открыто выступилъ противъ общества.

II.

Въ первый разъ открыто противъ «міра» Карпъ Ѳедоровичъ выступилъ года черезъ два послѣ разгрома «генеральшина имѣнія». Вскорѣ послѣ разгрома и ухода войскъ крестьяне постановили «закрытъ казенку и не пить вина». Постановленіе было опротестовано, пріѣхало «начальство». Къ счастью, казенка неожиданно, сгорѣла, и вопросъ на время былъ рѣшенъ. Года два никто изъ кожниковцевъ не рѣшался сдать помѣщеніе подъ квартиру. Это въ нѣкоторой степени удовлетворяло поруганное крестьянское самолюбіе.

— Пусть свой домъ дѣлаютъ.

— Кабы этакъ-то да во всѣхъ мѣстахъ, они скоро бы поиначе заговорили...

Какъ вдругъ въ одинъ прекрасный день крестьяне увидѣли на одной половинѣ дома Карпа Ѳедоровича знакомую вывѣску: «казенная винная лавка». Съ недоумѣніемъ смотрѣли мужики и не вѣрили своимъ глазамъ.

— Н-ну и дѣла!..

— Ай да Карпъ Ѳедоровичъ.

Черезъ часъ около казенки стояла толпа озлобленныхъ людей.

— Какъ же такъ, старики? А?!

— Вѣдь это что же такое будетъ?!

— Нѣтъ, по моему за это дѣло...

Крестьяне шумѣли больше и больше. Два стражника тщетно уговаривали «разойтись».

— Выходи, Карпъ! Чего прячешься?!..

— Карпушка, первѣйшій ты негодяй!..

— Блудливъ, какъ кошка, а трусливъ, какъ заяцъ...

— Господи, Господи! Народъ-отъ какой пошелъ... А? За грошъ отца съ матерью продадутъ... Первѣйшій, можно сказать, человѣкъ и пошелъ на такое дѣло!

Вышелъ Григорій и заявилъ, что отецъ уѣхалъ въ городъ и пріѣдетъ черезъ недѣлю.

Долго шумѣли крестьяне; ночью въ домѣ Вавиловыхъ выбили окна. А на утро кое-кто приходилъ спрашивать, начала ли торговать казенка? А кое-кто и выпилъ, пользуясь тѣмъ, что «благо ходить недалеко».

Карпъ Ѳедоровичъ пріѣхалъ дня черезъ четыре и первымъ дѣломъ собралъ крестьянъ.

— Слышалъ я, мужички, что вы на меня сердце имѣете за казенку. И окошки тоже у меня выбили. Такъ вотъ я хочу сказать: напрасно это! Не я—Липатовъ сдалъ бы избу, а вамъ все равно...

— Ну, на меня-то ты не тычь!

— Знаю я, Григорій Петровичъ, зачѣмъ ты въ городъ ѣздилъ. Ужъ лучше помолчи немного. А я такъ порѣшилъ, коли ужъ этому дѣлу быть, отдамъ свою избу. А чтобы міру обидно не было, буду изъ этихъ денегъ 25 руб. въ годъ отдавать на училищу.

— Ишь ты, куда загнулъ!..

— Будетъ тебѣ, Карпушка, хвостомъ-то вертѣть!..

— Нѣтъ, братъ, насъ-то ты не подкупишь!

— Да я бы не токмо что, а всѣ сорокъ отдалъ бы; вѣдь 20 руб. въ мѣсяцъ—деньги!—кричалъ возмущенный и одураченный Липатовъ.

— Не брать, робя, не брать!..

— Не въ этомъ сила! А разъ сказалъ міръ закрыть, значитъ, такъ тому и быть! А ты противъ пошелъ. Не законъ это. Вотъ что. Ты вонъ открылъ его, кабакъ-отъ, и сразу ужъ народъ пить началъ,—волновался дѣдушка Егоръ, почти около самаго лица Карпа Ѳедоровича размахивая бодагомъ.

— Вѣрно, дѣдушка!

— Справедливо, что и говорить!

— Знамо, коли ужъ разъ рѣшили, чего тутъ. Этакъ, пожалуй, всякъ будетъ по-своему,—подступалъ, желая перекричать другихъ, Липатовъ.

— Ну и ты, братъ, хорошъ: орешь, а самъ подъ шумокъ тоже...

— Да порази меня Богъ, если я... Что вы?.. Да вотъ дѣдушка Егоръ тоже скажетъ... Могу ли я на такое дѣло пойти?

— Народъ! Ахъ, Господи... Сядетъ тебѣ на шею, а потомъ выкинетъ 25 руб... Какъ собакѣ кость...

— Не брать!

— Не желаемъ принять! Подавись ты, антихристъ, своими деньгами...

— Іуда Христопродавецъ...

— Постойте, мужички, постойте,—визжалъ Карпъ Ѳедоровичъ,—вы вотъ говорите: міръ рѣшилъ. Вѣдь міръ тогда рѣшилъ, чтобы и вино перестать пить навсегда. Всѣ вѣдь согласились. А развѣ не пьете теперь? Пьете вѣдь, да въ шинкѣ деньги переплачиваете. Какое же это, къ примѣру, правило, казенку нельзя, а чтобы въ шинкѣ, сколько угодно... Вѣдь оттуда же вино-то идетъ... Коли ужъ на то пошло—надо на чистоту! «Давши слово, держись!..» А то сами же рѣшеніе порѣшили, а теперь на меня...

— Онъ вамъ напоетъ, его только послушайте,—волновался Липатовъ.

— Не дѣло ты, Карпъ, затѣялъ. Припомни ты мое слово: не будетъ изъ этого добра. Не такое теперь время, чтобы идти противъ всѣхъ. И безъ того трудно мужику, а коли другъ другу на шею будемъ лѣзть, тяжело всѣмъ придется... Ахъ, какъ тяжело!...

— Вѣрно дѣдушка...

— То же ихъ братъ ой, ой!.. Имъ палецъ въ ротъ не клади...

— Всю руку отъѣдятъ...

— Всего проглотятъ...

Но Карпъ Ѳедоровичъ уже вошелъ въ роль обличителя... Называя мужиковъ по именамъ, онъ высчитывалъ, сколько каждый изъ нихъ пропилъ со времени постановленія.

— И это не стыдно! Открыта казенка, ну и пусть! Вамъ то что? Не пейте—ее и закроютъ... Дѣло не въ томъ, что казенка, а въ томъ, чтобы вино не пить. А мы постановлять постановляемъ, а сами, какъ свиньи, его хлыщемъ!..

— Чего тутъ разговаривать—не брать и все!..

— А ты, Карпъ, помни!..

— Да, ужъ отольются кошкѣ мышкины слезки!..

Народъ разошелся, разговаривая и возмущаясь. Но на

другой день стало ясно, что Карпъ Ѳедоровичъ побѣдилъ. Отказавшись принять деньги, крестьяне, тѣмъ не менѣе, опять собрались у избы Вавиловыхъ.

Ругани было меньше. Всѣ стали уступчивѣе. Кто то потребовалъ, чтобы Карпъ Ѳедоровичъ далъ расписку, что не обманетъ и будетъ аккуратно платить. Умные и понимающіе мужики махнули рукой: «никакого толку не выйдетъ!»—и ушли. Нужно сказать, что Карпъ Ѳедоровичъ «уловилъ моментъ». Въ деревнѣ мѣсяца два уже обсуждался вопросъ объ отопленіи школы и не знали, откуда взять денегъ. Предложеніе Карпа Ѳедоровича рѣшало задачу. Съ другой стороны, дѣло было сдѣлано, казенка открыта. Взять ли деньги, или нѣтъ—она все равно останется. «Съ паршивой овцы, хоть шерсти клокъ»!

Однимъ словомъ, деньги были взяты. Кромѣ того, Карпъ Ѳедоровичъ далъ міру 15 руб. на угощеніе. Отъ этихъ денегъ сначала тоже отказались. Но когда кто то нерѣшительно протянулъ руку и взялъ посмотрѣть новыя трехрублевки, деньги пошли по рукамъ. Кто то спросилъ: «сколько купить»? Отдѣлилась группа обсуждать этотъ вопросъ. Присутствуя при этой сценѣ, я видѣлъ, что всѣ чего то стыдятся, чувствуютъ себя неловко.

— Зачѣмъ вы взяли деньги?—спрашиваю крестьянина, у котораго я жилъ.

— Да нешто я? Нашимъ горлопанамъ только посули, они за бутылку отца съ матерью продадутъ. Мы кричимъ: «не брать», а Миколка Лязгай ужъ за виномъ побѣжалъ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ щедрость Карпа Ѳедоровича была бы оцѣнена иначе. Теперь времена измѣнились: часть крестьянъ вовсе отказалась отъ угощенія: другіе пили, по ихъ словамъ, «съ болью въ сердцѣ», а напившись, ругали Карпа Ѳедоровича, грозили ему: «ну, Карпушка, помни, да не забудь»...

Въ это же время передъ крестьянами Кожниковки съ особенной остротой всталъ земельный вопросъ. «Генеральша», напуганная разгромомъ, значительную часть земли продала, а оставшуюся ни за что не хотѣла сдать «разбойникамъ». Тщетно крестьяне ѣздили къ ней, предлагая чудовищную

цѣну — 35 руб. за десятину въ годъ,—барыня была непреклонна. Осталась единственная возможность существовать на землѣ второй экономіи, принадлежащей мѣстному земскому дѣятелю. Эту землю пока что Кожниковцы и снимали, но земля эта была предназначена къ продажѣ и не сдавалась на долгіе сроки. Неопредѣленность безпокоила крестьянъ, и жили они, главнымъ образомъ, надеждой, что «терпѣть еще не много».

Въ іюнѣ 1907 года хозяинъ этой земли пріѣхалъ въ Кожниковку и предложилъ купить землю по довольно сходной цѣнѣ—110 руб. за десятину. Предложеніе это вызвало много разговоровъ и споровъ. Мысль о безвозмездномъ полученіи всей земли крѣпко сидѣла въ крестьянскихъ головахъ. Кромѣ того, помѣщикъ требовалъ ко дню заключеніи условія по 20 руб. съ десятины наличными, что многимъ было совершенно не подъ силу. Въ то же время крестьяне видѣли, что безъ этой земли у нихъ останутся одни ничтожные надѣлы ($^3/_4$ десятины на душу); понимали, что «разъ эта земля уйдетъ, останется одно—петля!» Послѣ долгихъ обсужденій рѣшили, что «купить не по силамъ», а что надо просить помѣщика «сдать землю въ вѣчную аренду». Неизвѣстно, согласился ли бы помѣщикъ исполнить просьбу крестьянъ, или нѣтъ. Совершенно неожиданно дѣло приняло другой оборотъ. Карпъ Ѳедоровичъ подъ шумокъ крестьянскихъ разсужденій сорганизовалъ «товарищество трехъ деревень»; въ товарищество вошло 38 зажиточныхъ крестьянъ, и оно пріобрѣло всю землю «на наличный капиталъ». Либеральный помѣщикъ немного поморщился, когда ему была предложена эта сдѣлка. Однако, когда ему доказали, что Кожниковцы «все равно землю не купятъ»—«пришлось согласиться». Дѣло было окончено довольно скоро. Явились землемѣры, сняли планы; члены товарищества подѣлили земли, а помѣщикъ на руки получилъ значительный кушъ.

— Ей Богу, мнѣ стыдно и жаль мужиковъ, но войдите вы въ мое положеніе,—говорилъ мнѣ помѣщикъ послѣ сдѣлки,—мужики испорчены листками и глупыми книжонками, которые, какъ видите, ничего, кромѣ вреда, имъ не приносятъ. Я *просилъ* купить, двѣ недѣли ухаживалъ за ними... Не могу же я въ самомъ дѣлѣ. Они люди, но и я—человѣкъ»!..

Когда Кожниковцы узнали, что земля продана, они въ

буквальномъ смыслѣ разинули рты отъ изумленія. Карпу Ѳедоровичу достался клинъ въ 75 десятинъ, верстахъ въ трехъ отъ Кожниковки. Клинъ этотъ примыкалъ къ надѣльными землямъ крестьянъ; съ двухъ сторонъ его окаймляла рѣчка, и земля эта считалась одной изъ лучшихъ.

— Вотъ тѣ на!—говорили крестьяне,—начисто обыграли!..

— Какъ же мы то теперь, Карпъ Ѳедоровичъ, будемъ? Вѣдь, какъ есть не при чемъ... А?!.

— Да я то что же? Вижу: вы не соглашаетесь, а тѣ мужики ужъ сговорились... Надо, думаю, и мнѣ. Что же упускать то? Да и то сказать: не купи мы,—хохлы бы взяли. Теперь вѣдь я ее не ѣсть буду, землю то. Какъ снимали, такъ и будете снимать... Тоже и другіе. А у хохловъ уже не сымешь...

— Ну и дѣла!..

Мнѣніе міра по отношенію къ Карпу Ѳедоровичу опредѣлилось. Въ деревнѣ было нѣсколько довольно развитыхъ мужиковъ; кое-кто изъ нихъ года-два просидѣли въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ интеллигенціей, многому научились и многое понимали. Довольно хорошо понимали они и Карпа Ѳедоровича съ компаніей. Обо всемъ они бесѣдовали со своими односельцами, но подѣлать, конечно, ничего не могли. Ненависть къ Карпу Ѳедоровичу росла, и онъ это видѣлъ. Казалось бы ничего преступнаго Карпъ Ѳедоровичъ не сдѣлалъ: на собственныя деньги купилъ кусокъ земли—вотъ и все. «Въ былое время люди міръ обкрадывали, людей убивали и то ихъ уважали за богатство»? «Что же такое я сдѣлалъ?» Однако общество считало его въ чемъ то виновнымъ, да и въ душѣ Карпъ Ѳедоровичъ чувствовалъ за собой какую-то вину. По крайней мѣрѣ, за эти дни онъ нѣсколько разъ заходилъ ко мнѣ и доказывалъ, что «притѣсняютъ его совершенно напрасно», что «кромѣ хорошаго, ничего для міра онъ не дѣлалъ», что онъ «не какой-нибудь кулакъ» и т. д.

— Да что же вы особенно безпокоитесь-то?

— Какъ же не безпокоиться: теперь какой народъ-то? Они вѣдь на все пойдутъ... Не только лошадь, аль корову—самого убьютъ и виновнаго не будетъ.. Нѣтъ ужъ лучше помириться съ ними какъ-нибудь... Покойнѣе.

Я видѣлъ, что Карпъ Ѳедоровичъ собирается бросить міру подачку и предложилъ ему понизить арендную плату. Однако, это оказалось «не подходящимъ». Карпъ Ѳедоровичъ придумалъ нѣчто иное.

— Вотъ что, мужички,—заявилъ онъ на одномъ изъ частыхъ въ это время сходовъ,—такое теперь время, что нельзя скоро и жить будетъ! Не воръ я, не грабитель, а взъѣлись на меня всѣ пуще псовъ—ругаютъ, грозятъ. А за что—никакъ не придумаю: никого я не обидѣлъ, никому зла не желалъ, а всегда всей душой стоялъ за міръ. Вотъ и теперь: двѣ съ половиной десятины выгона отошли ко мнѣ по причинѣ моей покупки. Какъ извѣстно вамъ, снимали мы ихъ у барина вмѣстѣ съ землей. Теперь я такъ думаю: выгонъ у васъ небольшой, и если отрѣшу я свою землю, вовсе мало останется. Потому хочу я, мужички, такъ сдѣлать: вы мнѣ полторы десятины отъ рѣчки прирѣжьте, а выгонъ весь останется міру. Десятина моя пропадаетъ, ну, да не обѣднѣю.

Крестьяне не согласились на сдѣлку. «Умирать, такъ умирать». Тогда Карпъ Ѳедоровичъ заявилъ, что «выгонъ жертвуетъ міру безъ обмѣна». Подачка эта кое-кого подкупила. «Могъ бы и не дать и все равно подѣлать съ нимъ ничего нельзя». «Разъ даетъ, значитъ, все-таки имѣетъ въ себѣ совѣсть». «Другіе, вонъ, не больно даютъ. Значитъ, какъ-никакъ, а онъ лучше другихъ». Большинство, однако, надъ этими разсужденіями только злобно подсмѣивалось.

— Рады, дураки! Погодите, онъ еще васъ проучитъ... Онъ вамъ покажетъ Кузькину мать! Знаемъ мы хорошо, почему онъ разщедрился: чуетъ, видно, кошка, чье мясо съѣла!

Вскорѣ Карпъ Ѳедоровичъ въ числѣ другихъ 12-ти односельчанъ вышелъ изъ общины. Крестьяне протестовали, грозили; земскій начальникъ разъяснилъ законъ, посовѣтовалъ еще кое-кому выдѣлиться. Пришлось временно смириться.

Купленную землю Карпъ Ѳедоровичъ, дѣйствительно, сдалъ односельчанамъ, но только на одинъ годъ.

— Охъ, Карпъ, накажетъ тебя Господь, запомни ты мое слово!—говорилъ деревенскій патріархъ, дѣдушка Егоръ,—всѣ дѣла я твои понимаю. Хитришь ты, хитришь, а не сдобровать тебѣ!..

— Не каркай, дядя Егоръ, Богъ не выдастъ—свинья не съѣстъ...

— Вотъ Господь-отъ тебя и накажетъ... Увидишь!..

— Не за что: никому никакого зла отъ меня не было.. А тоже всякому свое ближе...

III.

Слова дѣдушки Егора какъ бы оправдались: одно за другимъ на Карпа Ѳедоровича обрушились два несчастья. Осенью 1907 года у многихъ Кожниковцевъ началъ ощущаться недостатокъ въ хлѣбѣ. Въ январѣ начали голодать. Толкнулись къ Карпу Ѳедоровичу. Въ числѣ другихъ отправился крестьянинъ Рыбалкинъ, забитый многосемейный мужикъ, вѣчно голодающій, вѣчно состоящій въ долгу. Вотъ какъ онъ разсказывалъ о своемъ разговорѣ съ Карпомъ Ѳедоровичемъ.

Прихожу я къ нему, сидитъ, книжка въ рукахъ; Григорій съ женой слушаютъ; старикъ на печкѣ возится.

— Здравствуй, Карпъ Ѳедоровичъ.

— Здорово. Ты что?

— Да къ твоей милости, говорю: хлѣбъ, вишь, вышелъ. Самъ-отъ туда-суда, а ребята жевать хочутъ. Не дашь ли пудиковъ пятокъ до нови?

— Тэкъ...—Молчитъ, по столу пальцами барабанитъ. Подумалъ, подумалъ... «Садись — говоритъ — чего стоишь. Подвинься—кричитъ Григорію,—чего развалился, какъ тюлень!..» Сѣлъ я. Онъ ко мнѣ пододвинулся.

— У тебя три души-то?

— Три, говорю, да двѣ дѣвченки.—Онъ опять замолчалъ. Всталъ, согналъ съ лавки кошку, а потомъ опять ко мнѣ.

— Отъ брата давно письмо получилъ?

— Это отъ Петра, что-ль?

— Отъ него.

— Да никакъ недѣль съ пять ужъ.

— Ну, какъ онъ тамъ устроился.

— Живетъ,—говорю.—Пишетъ, рублей сорокъ иной мѣсяцъ выгонитъ,—а самъ думаю: и къ чему это онъ рѣчь ведетъ?

— Чего бы тебѣ къ нему не ѣхать?

— Куды ужъ? Обуза-то у меня, самъ понимаешь. Будь я одинъ! нѣшто сталъ бы я тутъ колотиться? Да пропади все пропадомъ. Заколотилъ избу и—маршъ!

— Самое дѣло. Ребята что-жъ? И ихъ можно увезти. Тамъ братъ, чай, устроитъ. Въ городѣ вотъ тоже видалъ я солдата, тоже изъ Астрахани, ой, говоритъ, хорошо тамъ. Больно хвалилъ.

— Куды экую обузу потащишь? Кабы деньги, еще такъ-сякъ... Такъ какъ же скажешь на счетъ мучки-то?

— Дай, Карпъ!—кричитъ старикъ съ печки.—Ну, думаю, не откажетъ. Тоже онъ побаивается старика-то. Вдругъ онъ меня и огорошилъ:

— Вотъ что, говоритъ, Вася,—это онъ-то мнѣ, а самъ по плечу меня похлопалъ,—вотъ что: муки я тебѣ не дамъ, потому у самихъ едва-едва, да и роздалъ ужъ много, а коли хочешь ѣхать къ брату, катай: денегъ я тебѣ выдамъ.

— Смѣешься, что-ль, говорю, Карпъ Ѳедорычъ?

— Нѣтъ, говоритъ, не смѣюсь. Выдать тебѣ могу рублей, пожалуй, сотни три.

— Это за какую же, говорю, милость? — А самъ думаю: ужъ не работу ли какую дать хочетъ? — А онъ вдругъ мени и ошпарилъ.

— Земля у тебя въ трехъ поляхъ?

— Да.

— Изба твоя около лавочки?

— Да, по лѣвую сторону.

— Такъ вотъ,—говоритъ: продай ты мнѣ избу, продай землю, получай денежки и—съ Богомъ, въ Астрахань.

— Здѣсь я словно остолбенѣлъ. Гляжу и ничего не понимаю. Хочу сказать, а языкъ не ворочается.

— Да при чемъ же, говорю, я-то останусь?

— Другъ любезный! Братъ твой безъ гроша уѣхалъ, да живетъ бариномъ. А ты поѣдешь, можно сказать, съ капиталомъ. — Тутъ Григорій вино подалъ, солонину нарублену, Карпъ поднесъ мнѣ.

— Нѣтъ, говорю, Карпъ Ѳедорычъ, такія дѣла сразу не дѣлаютъ, подумать надо, съ женой поговорить, брату напи-

сать... А то вдругъ не дай Богъ... Да какъ же я тогда... Нѣтъ, ой какъ подумать надо!..

— Ну, думай, думай... я разя тороплю... Коли надумаешь, приходи... Что ты теперь? А съ деньгами ты самъ себѣ господинъ: лавочку откроешь, либо что...

— Пока что, говорю, дай мучицы-то...

— Нѣтъ, говоритъ. Нѣшто я бы отказалъ!—А старикъ-то опять ему: Дай, Карпъ, видишь нужда!—Ну, я вижу, ничего не выходитъ, взялъ шапку да домой».

Долго возмущенный Рыбалкинъ разсказывалъ крестьянамъ о своихъ похожденіяхъ; долго крестьяне качали головами и дивились... Но положеніе не улучшалось. Голодъ распространялся; помощи ждать было не откуда.

— Какъ же это будетъ, братцы? Землю! Да вѣдь, это что же?! Вѣдь это, значитъ, полный раззоръ!—кричалъ Рыбалкинъ. Крестьяне утѣшали, совѣтовали «крѣпиться» и «не лѣзть въ хайло этимъ Іудамъ».

Но ребятишки выли отъ голода; слегла жена; гдѣ можно было взять—взялъ, многаго никто не давалъ, да большинство и не могло дать. А, между тѣмъ, къ Карпу Ѳедоровичу навѣдался еще кое-кто. Большинству въ хлѣбѣ онъ рѣшительно отказывалъ, но намекалъ, что землю купить не прочь.

— Никакъ этотъ живодеръ всю деревню скупить хочетъ?!—дивились крестьяне.—Крѣпитесь, мужички: землю продать—послѣднее дѣло!

Пока были силы, мужички крѣпились. Но силы истощились. Наступило такое время, когда «не только землю, душу чорту продашь» и—стыдясь другъ друга, крестьяне «полѣзли въ хайло».

Примѣръ показалъ отставной солдатъ Ѳедотовъ. Онъ «смѣло», «по-солдатски», «не долго думая», вышелъ изъ общины, продалъ землю, дворъ и уѣхалъ съ женой «въ городъ искать мѣста». Затѣмъ рѣшились еще два—три человѣка. Въ концѣ концовъ отправился къ Карпу Ѳедоровичу и Рыбалкинъ. Къ этому времени у него умерли мальчикъ и дѣвочка, семья стала менѣе громоздкой.

— И то сказать,—храбрился Рыбалкинъ,—нѣшто не одно съ голоду-то помирать, что тамъ, что тутъ... А тамъ, гляди, Господь и оглянется на нашу бѣдность! Вонъ Петръ-отъ...

— Чего ужъ тутъ! На погибель идемъ; чуетъ мое сердце! Да все равно ужъ!—всхлипывала жена. Безвыходность заставила согласиться и ее. Рыбалкинъ получилъ задатокъ.

Къ началу весны изъ общины вышло девять семей, продали землю, а нѣкоторые и избы, чтобы «ништо ужъ не тянуло домой». Карпъ Ѳедоровичъ и его товарищи по покупкѣ земли «работали». Нѣкоторые бѣжали изъ деревни «кто куда», другіе ждали весны, чтобы «уйти на заработки за Волгу и на Кавказъ». Ждалъ весны и Рыбалкинъ. Ему сильно не хотѣлось уѣзжать изъ деревни. Слабохарактерный и забитый, онъ дрожалъ и приходилъ въ ужасъ передъ неизвѣстнымъ будущимъ. Изъ города приходили неутѣшительныя вѣсти: *даже солдатъ* Ѳедотовъ мѣста не находитъ—«нигдѣ нѣтъ ваканціи»—и скоро пойдетъ по міру.

Съ первой оттепелью начали разъѣзжаться. Крестьяне ревмя ревѣли, разставаясь съ деревней. Они пили водку, но она не заглушала ихъ страданій. «Не беретъ! Никакой веселости нѣтъ. Ничѣмъ залить не могу!..» У меня въ эти дни было особенно много посѣтителей. Разспрашивали про то, какъ проѣхать, долго ли придется быть въ дорогѣ? Шепотомъ спрашивали: не слышно ли чего? Нѣтъ ли какихъ распоряженій о землѣ? Что будетъ, если пожаловаться въ Думу? Прощались, плакали... Возвращались съ новыми вопросами. Первыхъ отъѣзжающихъ провожали почти всѣ крестьяне Кожниковки. Какая-то безнадежная грусть лежала на лицахъ людей. Уѣзжающихъ каждый утѣшалъ по своему, но видно было, что рѣдко кто вѣритъ своимъ словамъ, что каждый почти думаетъ, что и ему не избѣжать этой участи.

— Ну, какъ-нибудь! Чего ужъ тутъ... Богъ, чай, не безъ милости... И мы тоже не въ раю остаемся... Сами знаете.

— А можетъ и съ капиталомъ еще вернетесь, всяко бываетъ...—пробуетъ кто-то шутить...

— Охъ, чего ужъ тутъ... Презрѣлъ насъ Господь... На смерть идемъ! — визжала баба, билась на телѣгѣ съ рухлядью, срывалась съ нея, бросалась на шею сосѣдкамъ и выла, причитая...

— Будетъ ужъ, будетъ!.. Эхъ!.. — урезонивалъ ее мужъ, украдкой смахивая слезу.

Отъѣхавъ полверсты, они снова вернулись подъ предлогомъ забытой вещи, еще разъ обошли всю деревню, снова прощались и плакали. Плачъ дѣтей, причитанія бабъ, крики: «Господи, что съ нами будетъ? Умремъ мы, не доживя вѣку!»— все это дѣйствовало невыразимо тяжело. Особенно вліяло это на Рыбалкина. День за днемъ онъ откладывалъ свой отъѣздъ, поджидая «отвѣта отъ брата». Нѣсколько разъ въ это время онъ заходилъ ко мнѣ, въ десятый разъ разсказывая свою исторію, и спрашивалъ, можно ли ему теперь отказаться, «чтобы снова войти въ міръ, а деньги сдѣлать въ видѣ долга. То есть, будто Карпъ-отъ въ долгъ мнѣ ихъ далъ. Пусть разложитъ года на три, либо на пять... Нѣшто я не уплачу?!. Слава Богу, за мной не пропадало!..»

— Можетъ быть, устроитесь съ братомъ?

— Уѣхать-то трудно мнѣ! Вотъ теперь весна, пахать надо, въ лѣсъ тамъ пойдешь, рѣчка вонъ... Тоска меня ѣстъ... Какъ подумаю объ этомъ, то и руки опускаются. Повѣрите ли: ночью сплю, а вдругъ какъ будто шепнетъ кто-то объ этомъ, такъ весь и затрясусь... Проснусь и ужъ до утра не засыпаю. Боязно, главное дѣло... И свои мѣста тоже жалко... Вѣдь выросъ здѣсь!..

— Да вѣдь уѣзжали же вы на работу. Каждый годъ, если не ошибаюсь?

— То на работу. Тамъ я поѣхалъ, а знаю, что въ свое время опять здѣсь буду. А здѣсь навсегда... И изъ міра тоже вышелъ. Какъ есть не при чемъ. Словно отрѣзанный ломоть.

Однажды Рыбалкинъ прибѣжалъ ко мнѣ веселый и взволнованный.

— Письмо отъ Петра. Ну-ка, читайте скорѣе, что онъ пишетъ...

Представьте же себѣ величайшій ужасъ Рыбалкина, когда я прочиталъ ему слѣдующее: «Дорогіе сродственнички! Письмо ваше мы получили и благодаримъ васъ, что вы насъ не забываете... Затѣмъ спѣшимъ увѣдомить Васъ, что единоутробный братъ вашъ Петръ скончался. Осталась я сиротой съ двумя малыми дѣтьми. Ради Христа помогите намъ пріѣхать къ вамъ въ деревню, иначе умремъ мы голодной смертью. Заставьте за себя вѣчно Бога молить! А я и ребятамъ говорю,

что на дядю вся ихъ надежда: съ голоду умереть не дастъ. А мы будемъ ноги ваши мыть, да воду ту пить»... И т. д.

Съ письмомъ въ рукахъ, безъ шапки, Рыбалкинъ побѣжалъ къ Карпу Ѳедоровичу. Однако, къ извѣстію, приведшему Рыбалкина въ такой ужасъ, Карпъ Ѳедоровичъ отнесся довольно спокойно.

— Какъ же будетъ то, дядя Карпъ? Смерть вѣдь! Охъ Господи! Силушки моей не стало! Дядя Карпъ! Пощади ты насъ, помилуй! Вѣчными будемъ твоими работниками! Вѣдь что-то теперь будетъ? А?!

Карпъ Ѳедоровичъ подумалъ, побарабанилъ пальцами по столу. Нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ. Рыбалкинъ бормоталъ и трясъ письмомъ.

— Будетъ Василій, замолчи-ка на минуточку. Вижу, что уѣзжать тебѣ не рука. Я и раньше о тебѣ думалъ. Устроимся съ Божьей помощью. Оставайся у меня работникомъ. Жалованья большого я тебѣ не положу, а кусокъ хлѣба все будетъ. Мужикъ ты смирный, я тебя не обижу... Такъ-то!

— Карпъ Ѳедоровичъ! Да я... Господи! Вѣкъ не забуду!..

— А бабѣ этой ты напиши, что самому ѣсть нечего, ѣхать сюды ей не зачѣмъ.

— Такъ и отпишу.

— Ну, пошли ей рубля три на первый случай. А тамъ въ кухарки пойдетъ, въ няньки... Баба молодая, устроится...

Дрожа отъ радости, Рыбалкинъ бросился къ Карпу Ѳедоровичу въ ноги и залился слезами.

Радостный прибѣжалъ онъ къ женѣ. Путаясь, разсказалъ, какъ ихъ облагодѣтельствовалъ Карпъ Ѳедоровичъ, хвалилъ его и клялся, что «теперь собственными руками перерветъ глотку каждому, кто скажетъ, что Карпъ Ѳедоровичъ живодеръ».

Жена выслушала это извѣстіе спокойнѣе.

— Въ работники, значитъ, изъ хозяевъ-то?

— Да вѣдь это пока что... А тамъ соберемся съ силами, откупимъ землю, а избу новую выстроимъ. Лишь бы малость подняться...

— А объ жалованьи не говорилъ?

— Сказалъ, что не обижу, говоритъ... Ты, говоритъ, смирный мужикъ, и я, говоритъ, понимаю.

Женѣ брата Рыбалкинъ послалъ цѣлыхъ 10 рублей, но просилъ ее не пріѣзжать: «сами сидимъ безъ куска».

Письмо это писалъ Рыбалкину я и со всей убѣдительностью, съ какой только могъ, доказывалъ ей безразсудность ея рѣшенія ѣхать въ деревню, когда самъ Рыбалкинъ не нынѣ—завтра можетъ отсюда уѣхать. Но доказательства мои, очевидно, были недостаточны; эта женщина осталась «при своемъ». Почему-то она была увѣрена, что «въ деревнѣ какъ никакъ она прокормится», а изъ опыта она видѣла, что «въ Астрахани ей съ ребятишками смерть неминучая» и, какъ снѣгъ на голову, она нагрянула къ Рыбалкину.

Къ этому времени Рыбалкинъ уже успѣлъ убѣдиться, что работой у Карпа Ѳедоровича еле-еле прокормишься, и думы о своемъ хозяйствѣ надо оставить навсегда. Новая семья была не подъ силу. Пріѣздъ ея обрекалъ всѣхъ на полуголодное существованіе. Увидѣлъ Рыбалкинъ, что выхода для него нѣтъ никакого; теперь Карпъ Ѳедоровичъ держитъ его крѣпко. Объ этомъ всегда твердилъ и другой работникъ Карпа Ѳедоровича, Макаръ.

— Ну, подумай ты,—говорилъ онъ,—что ты теперь есть за человѣкъ? Двѣ семьи у тебя на рукахъ, земли нѣтъ, избы нѣтъ... Можешь ли ты продовольствовать ихъ? Онъ изъ тебя теперь всѣ соки выпьетъ: мягко онъ стелетъ, да жестко спать! Обо мнѣ что говорить—я одинъ! А ты—эхъ!..

Рыбалкинъ затосковалъ и началъ пить. Деньги замѣтно таяли. Карпъ Ѳедоровичъ хмурился и грозилъ «прогнать».

— Ты у меня, Василій, не дури. Я вѣдь не погляжу, что тамъ то и другое... Нанялся работать—работай. Ишь богачъ нашелся—и день, и ночь у казенки трется.

Рыбалкинъ хмурился и молчалъ.

Въ воскресенье на Ѳоминой недѣлѣ Рыбалкинъ напился сверхъ обыкновенія. Дома скандалилъ съ женой, избилъ сынишку, обозвалъ «дармоѣдами» племянниковъ... Затѣмъ легъ было на лавку, но вскочилъ и съ крикомъ: «пропадай Василій Рыбалкинъ!» бросился къ дому Карпа Ѳедоровича. Подбѣжавъ, онъ схватилъ половину кирпича и съ силой бросилъ въ окно.

— Эй, Карпушка Косой, выходи, антихристовъ сынъ. Я тѣ научу кое-чему! Выходи-ка!..

Карпъ Ѳедоровичъ вышелъ на крыльцо.

— Ну чего ты, дурья голова, шарлатанишь? Какъ тебѣ не стыдно?

— А-а-а... Господинъ хозяинъ! Ваше живодерское сіятельство! Какъ здоровьице? Почемъ хрестьянскую кровь продаете? Что, Іуда, не лопнула утроба-то? Хороша кровь-то человѣчья?!

— Проспись поди, тогда поговоримъ.

На крики началъ собираться народъ. Съ Рыбалкинымъ сдѣлалось что-то невѣроятное. Онъ трясъ обоими кулаками, наступалъ на Карпа Ѳедоровича и кричалъ отчаянно.

— Я то проспамшись! Вотъ тебѣ не мѣшало бы проспаться! «Продай землю!» Землю тебѣ продать? Вотъ я тебѣ продамъ землю! Что ты со мной сдѣлалъ, сукинъ ты сынъ? А? Вѣдь я хозяинъ былъ! Какой ни на есть, а хозяинъ... А теперь что я есть? Работникъ Карпушки душегуба... Воръ ты, воръ, воръ! Да какъ я могу продать тебѣ землю? Скажи, гдѣ такой законъ? Вынь мнѣ его!.. Вѣдь у меня двѣ семьи... Душегубъ ты!..

— Чортъ вамъ велитъ родить-то, прости Господи. Выгоню вотъ завтра изъ избы и будешь знать, какъ лаяться! Тебѣ, дураку, кусокъ хлѣба дали, а ты не можешь чувствовать... Свинья ты безчувственная, свинья и есть...

— Кто свинья? Я—свинья?!.. Ага, кусокъ хлѣба. Ну, хорошо, я тебя сейчасъ поблагодарю! Эхъ, чѣмъ бы? — Онъ осмотрѣлся кругомъ, выхватилъ изъ опрокинутой телѣги сердешникъ и бросился на Карпа Ѳедоровича.

Тотъ отскочилъ внутрь крыльца. Изъ дома выбѣжалъ Григорій. Народу сбѣгалось больше и больше.

— Уйди, Васька!—закричалъ Григорій.

Но Рыбалкинъ былъ въ какомъ-то неистовомъ состояніи. Злоба и горечь душили его. Выкрикивая ругательства, онъ началъ бить окно. Григорій схватилъ топоръ и, бросившись на Рыбалкина, ударилъ его въ високъ. Рыбалкинъ свалился мертвымъ.

Свершилось безсмысленное, дикое убійство, взволновавшее крестьянъ.

Жена убитаго, дѣти его и брата, жена брата голосили.

— Охъ, моченьки моей нѣтъ!—выкрикивала жена,—куда мы теперь дѣнемся? Остались мы горькими сиротинушками. Обобрали насъ, ограбили, а теперь убили оста́льнаго кормильца. Дѣтушки мои милыя, сиротинушки горькія! Убили нашего ро́днаго.

Съ трудомъ оттащили ее отъ трупа. Въ толпѣ начались всхлипыванія бабъ, ревъ ребятишекъ. Мужики шумѣли.

— Неужто же на такихъ разбойниковъ и закона нѣтъ? Что хотятъ, то и дѣлаютъ! Вѣдь этакъ мы, пожалуй, и сами глядимъ, глядимъ, да и...

— Ну, и времячко пришло! Ограбили, убили и — баста. Въ законномъ, можно сказать, порядкѣ!

— Чего тутъ глядѣть-то долго, вытащить Гришку, да въ кругъ.

— Знамо дѣло!..

— Вали, робя!..

— Баба-то, баба-то, сердешная, убивается!

— Надо бы еще! При чемъ она теперь?

Нѣсколько парней бросились къ окнамъ, но ихъ удержали. Ожидали пріѣзда станового.

Убитаго хотѣли перенести въ избу, но Карпъ Ѳедоровичъ запротестовалъ.

— Сами посудите православные: дѣло уголовное, какъ можно? Пусть тутъ лежитъ до начальства. И сердешникъ, мужички, не трогайте. Пусть все, какъ есть. Сами понятіе имѣете—дѣло не шуточное. Пусть видно будетъ, что самъ онъ имѣлъ покушеніе...

— Закашляла жаба!..

— Благодари Бога, Карпъ, время такое, а то бы...

— Время, милый другъ, самое пригожее...

— Подожди, прищемятъ тебѣ хвостъ-то! Больно широко шагать началъ. Помѣщикъ, вишь, теперь, форситъ, какъ губернаторова горничная.

— Говорилъ я тебѣ, Карпъ, накажетъ тебя Господь. Радуйся теперь: оставилъ сиротъ и сына сгубилъ, — замѣтилъ прибѣжавшій съ пчельника дѣдушка Егоръ. Отецъ Карпа Ѳедоровича, старикъ Ѳедоръ, уговаривалъ жену убитаго: Господь все Батюшка! Его святая воля! Онъ казнитъ, онъ и ми-

луетъ. Утѣшься, родная, Карпъ не оставитъ васъ. Пособитъ.

Дѣдушка Егоръ покрылъ убитаго зипуномъ, перекрестился и бросилъ на зипунъ пятакъ. Одинъ за другимъ начали подходить крестьяне; истово крестились и клали пятаки.

Вечеромъ пріѣхалъ приставъ и судебный слѣдователь. Толпа шумѣла и не расходилась.

— Пусть возьмутъ Гришку! Острожникъ проклятый!

— Не расходись, братцы, нечисто дѣло не вышло бы.

— Подкупитъ кривой песъ-отъ. Пусть дастъ подписку о вѣчномъ прокормѣ семьи.

Приставъ ругался. кричалъ. Все было напрасно. Утромъ изъ волости пріѣхали стражники, толпу разогнали, троихъ крестьянъ арестовали «за подстрекательство», неизвѣстно, къ чему.

Понятно, крестьяне заволновались еще больше. Послали дѣдушку Егора къ приставу освободить задержанныхъ.

Дѣдушка Егоръ—типичный деревенскій патріархъ. Въ дни крестьянскихъ волненій этотъ высокій, сгорбленный старикъ, на основаніи библіи и дѣяній апостоловъ, доказывалъ, что «вся земля должна отойти мужику». Худой, изсохшій, онъ ходилъ изъ одной избы въ другую съ проповѣдью своихъ убѣжденій. Я великолѣпно помню его старческій голосъ: «пришла пора, ребята; постоять надо! Лучше немного потерпѣть, чтобы потомъ хорошо было. Мнѣ немного нужно, я о васъ же». Въ дни засѣданій первой Думы изъ Кожниковки посылали его къ депутатамъ съ приговоромъ. И въ Петербургѣ этотъ старикъ ходилъ изъ одной фракціи въ другую, убѣждая депутатовъ «попомнить Кожниковку», потому что «дошли мы до края, а дальше идти некуда. Въ стѣну уперлись».

Въ разгаръ волненій дѣдушка Егоръ былъ отодвинутъ на задній планъ болѣе яркой и рѣшительной молодежью; но когда нагрянули «усмирители», опять крестьяне ухватились за дѣдушку; онъ ходилъ, кланялся и просилъ.

Я помню пріѣздъ въ Кожниковку губернатора. Всѣ крестьяне попрятались въ лѣсу. По улицамъ бѣгали плачущія дѣти. Казаки и солдаты хозяйничали въ избахъ. Съ открытой головой, съ кускомъ сотоваго меда на блюдѣ, дѣдушка Егоръ пошелъ къ губернатору.

— Пощади ужъ, — просилъ онъ, кланяясь въ поясъ, — грѣшны, такъ прости. Напуганъ больно народъ-отъ... Смѣни гнѣвъ на милость...

Губернаторъ посмотрѣлъ на дѣдушку и, видимо, этотъ 85-лѣтній старикъ, съ блюдомъ въ дрожащихъ, костлявыхъ рукахъ подѣйствовалъ и на его бронированную душу.

— На-кось, откушай медку-то... Свѣжій. Возьми ужъ, возьми.

Медъ былъ принятъ. Гроза надъ Кожниковкой на этотъ разъ не разразилась...

Когда лѣтъ десять назадъ черезъ Кожниковку проѣзжалъ покойный Іоаннъ Кронштадтскій, дѣдушка Егоръ и его угостилъ медомъ, былъ обласканъ и удостоился разговора.

Дѣдушка Егоръ хорошо помнитъ крѣпостное право, охотно разсказываетъ о немъ и добрымъ словомъ вспоминаетъ «хорошаго барина Огарева», у котораго онъ въ молодости былъ кучеромъ.

Теперь этотъ старикъ отправился къ приставу, который съ прочимъ начальствомъ остановился въ школьной квартирѣ.

— Вонъ, старый чортъ, — заревѣлъ приставъ, юнецъ, только что выдвинувшійся изъ какой то мелкой полицейской должности за особое усердіе въ дни усмиренія крестьянъ.

— Послушай-ка, батюшка...

— Вооонъ... Разбойники!!. Бунтовать?!. Я вамъ покажу!..

— Послушай-ка на минутку...

— Воонъ!!!—Съ пѣной у рта приставъ подбѣжалъ къ старику и ударилъ его по щекѣ. Слезы въ первый разъ, послѣ многихъ лѣтъ, закапали изъ слѣповатыхъ глазъ дѣдушки Егора. Еще больше согнулась его спина. Задрожали руки. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но не находилъ словъ. Махнувъ рукой, онъ спустился со ступенекъ крыльца и съ шапкой въ рукахъ пошелъ къ ожидающимъ его крестьянамъ.

— Ну, какъ дѣла, дѣдушка?

Старикъ шапкой отеръ глаза.

— Вотъ что я вамъ скажу, ребята... Вѣдь Бога-то нѣтъ! Нѣтъ видно его... Нѣтъ, нѣтъ...

Удивленная толпа смотрѣла на него, не понимая, въ чемъ дѣло.

— Не отпущаетъ, значитъ? — проговорилъ кто-то нерѣшительно.

— Онъ... Онъ меня... по щекѣ, — опять по лицу старика скатилось нѣсколько слезинокъ, — чего ужъ! Умирать давно пора... — Такъ съ шапкой въ рукахъ и побрелъ онъ на пчельникъ.

Какая то искра пробѣжала по толпѣ: пальцы на минуту сжались въ кулаки. Послышались злобные, негодующіе крики. Полные ненависти глаза были устремлены на школьную квартиру.

Кое-кого вызвали допросить въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу Григорія. Къ вечеру Григорія увезли въ городъ, въ тюрьму.

Цѣлый мѣсяцъ Карпъ Ѳедоровичъ ѣздилъ въ городъ, хлопоталъ, просилъ, пока Григорія освободили подъ залогъ.

IV.

Не успѣлъ Карпъ Ѳедоровичъ немного оправиться послѣ этой «возни», какъ на него обрушилась другая непріятность: умеръ его отецъ, старикъ Ѳедоръ. Самый фактъ смерти мало огорчилъ Карпа Ѳедоровича. Старикъ пожилъ довольно; родные и самъ Карпъ Ѳедоровичъ частенько поговаривали, что «пора бы костямъ на мѣсто». Правда, многаго старику было не нужно; куска хлѣба Карпъ Ѳедоровичъ не жалѣлъ. Но старикъ былъ «блажной», «вмѣшивался въ дѣла», мѣшалъ Карпу Ѳедоровичу быть «полнымъ хозяиномъ». При выдѣлѣ изъ общины, напримѣръ, старика съ трудомъ «уломали»... такимъ образомъ, самая смерть вызвала бы лишь искусственную печаль, «для виду».

Но дѣло осложнилось тѣмъ, что послѣ убійства Григоріемъ Рыбалкина старикъ «началъ дурить». Тяжело подѣйствовало на него убійство, но по какой то причудливости старческаго характера еще тяжелѣе—пощечина пристава дѣдушкѣ Егору. Ѳедоръ видѣлъ на своемъ вѣку и не такія формы насилія. Видѣлъ порку, разстрѣлы и давно уже въ немъ сложилась увѣренность, что съ крестьяниномъ всякій можетъ дѣлать, «что угодно». Но, узнавъ объ оскорбленіи

Егора, Өедоръ весь затрясся, долго разсѣянно бродилъ по двору, почти всю ночь стоялъ около иконы и молился. Рано утромъ пошелъ на пчельникъ дѣдушки Егора и пробылъ тамъ весь день. Собравшіеся воровать черемуху ребятишки видѣли, какъ оба старика долго ходили по пчельнику и бесѣдовали. «Өедоръ все больше говорилъ, а дѣдушка Егоръ молчитъ, да головой махаетъ». Вообще, послѣднія событія сблизили стариковъ. Со дня убійства Рыбалкина Өедоръ «зачастилъ на пчельникъ» и проводилъ тамъ цѣлые дни. Неизвѣстно, о чемъ бесѣдовали старики, но Карпа Өедоровича эти визиты сильно безпокоили.

Въ началѣ іюня Өедоръ началъ «прихварывать», а на Петровъ день почувствовалъ себя такъ плохо, что послалъ Григорія за священникомъ. Послѣ «соборованія масломъ» старикъ попросилъ сходить за дѣдушкой Егоромъ и позвать еще кое-кого изъ деревенскихъ стариковъ. Какъ разъ въ это время я былъ на пчельникѣ, и мы бесѣдовали съ дѣдушкой на религіозныя темы. Услышавъ, что Өедору «совсѣмъ плохо», онъ поспѣшно прибралъ инструменты, которыми вытачивалъ ложки, и скорой походкой отправился въ Кожниковку. Я пошелъ вмѣстѣ съ нимъ.

Старикъ Өедоръ лежалъ на лавкѣ въ переднемъ углу. Вокругъ него стояло человѣкъ шесть-семь деревенскихъ стариковъ. Молодой, высокій священникъ разсказывалъ о необычайно удачной рыбной ловлѣ въ прошлую ночь.

Помолившись на образъ, дѣдушка Егоръ подошелъ къ больному.

— Что, Өедоръ, плохо?

— Умираю... Чувствую, что не встану...—Старикъ сдѣлалъ попытку подняться, но не могъ.

Дѣдушка Егоръ осторожно поддержалъ его, поправилъ свѣсившуюся руку.

Нахмурившійся Карпъ Өедоровичъ стоялъ около печки и теребилъ бороду.

Нѣсколько минутъ прошло въ томительномъ, тяжеломъ молчаніи.

— Степанъ не придетъ, видно? — съ усиліемъ спросилъ больной.

— Нѣтъ, батюшка, онъ въ городъ уѣхалъ, на базаръ... Бычка продавать повели...

— А... хорошій бычокъ... Хорошій,..

Снова нѣсколько минутъ молчанія.

— Приподыми-ка меня, Карпъ.

Карпъ Ѳедоровичъ осторожно обхватилъ старика за спину, приподнялъ и подложилъ подушку.

— Да... Сказалъ ты тогда, Егоръ, Бога нѣтъ... Анъ онъ и есть... Есть онъ Господь-отъ... Какіе сны я вижу за это время... Кровь холодѣетъ... Чую, что не будутъ мнѣ прощены...

— Не искушай Господа... Велика его милость... Онъ простилъ разбойника, висѣвшаго на крестѣ. О своихъ мучителяхъ онъ просилъ: «Отче, отпусти имъ!» Всякую раскаявшуюся душу съ радостью встрѣчаютъ ангелы на небесахъ,—утѣшалъ старика священникъ.

— Охъ, тяжко мнѣ, батюшка... Тяжко... Вотъ и теперь все сомнѣваюсь... А ну, какъ Бога-то и впрямь нѣтъ?.. Народъ-отъ больно страдаетъ... Нѣшто ужъ всѣ такъ грѣшны?— Старикъ задыхался и говорилъ съ разстановкой. Священникъ утѣшалъ его, приводя примѣры Божьяго долготерпѣнія.

— Все видитъ Господь! И нужду народную, и страданія— все видитъ и все знаетъ. Сказано: «претерпѣвый до конца спасенъ будетъ». Оглянется Господь и на крестьянина, оглянется и поможетъ ему.

Ровный, тихій голосъ священника дѣйствовалъ на больного успокоительно. Старикъ закрылъ глаза и нѣсколько минутъ пробылъ въ полузабытьи. Присутствующіе шопотомъ разговаривали.

Вдругъ, вздрогнувъ, Ѳедоръ открылъ глаза и подозвалъ всѣхъ къ своей постели.

— Каждую минуту боюсь, что умеръ... Не дожить мнѣ до утра... Охъ!.. Вотъ что, батюшка, и вы, православные... Лежитъ на моей душѣ тяжкій грѣхъ. Говорили здѣсь, что мірскія деньги я притаилъ... Такъ вотъ — правильно это... Егоръ вотъ знаетъ... И Гришка за мои грѣхи наказанъ... Покорыствовался я, окаянный... Можетъ, теперь и мужики наши

не страдали бы такъ... Вольныя тамъ были земли... Добрыя земли... Обманулъ я всѣхъ...

— Ну чего ужъ тутъ... Будетъ...

— Прошлое дѣло... Господь тебя проститъ, а мы сердца на тебя не имѣли...

— Давнее дѣло...

— Худого отъ тебя, Ѳедоръ, не видали... Лихимъ словомъ не помянемъ...

— Я вотъ про что, православные... Простите меня Христа ради...—Старикъ закашлялся и замолкъ.

Отдышавшись, онъ сдѣлалъ попытку подняться. Карпъ Ѳедоровичъ поддержалъ его.

— А ты, Карпъ, слушай... Чтобы тыщу рублей на церковь... Слышали? При всѣхъ вотъ говорю. За грѣхи мои молитесь... И чтобы Васькиныхъ дѣтей... — ужъ хрипя проговорилъ онъ,— кормить... до возраста лѣтъ... Міръ не обижай, Карпъ... Міръ...

Старикъ умеръ. Дѣдушка Егоръ закрылъ ему глаза. Всѣ начали креститься... Священникъ читалъ молитву. Жена Григорія голосила.

— Ну, будетъ!—замѣтилъ ей Карпъ Ѳедоровичъ.— Успѣешь еще, наплачешься...

Похороны старику Карпъ Ѳедоровичъ устроилъ торжественныя «съ выносомъ». На поминкахъ была вся деревня.

— Ошельмовалъ меня старикъ,—говорилъ Карпъ Ѳедоровичъ,—какіе у меня капиталы? Онъ мнѣ тыщи-то и не передалъ... Да ужъ деньги, куда ни шло, можно бы и выбросить... Главное-то дѣло не въ нихъ. И такъ мнѣ проходу нѣтъ, а теперь всякій щенокъ будетъ кричать, что я на воровскія деньги разжился. А что я 35 лѣтъ куска не доѣдалъ—этого никто не видитъ...

Встрѣтившись какъ-то со мною недѣли черезъ три послѣ смерти старика, Карпъ Ѳедоровичъ мелькомъ спросилъ, будетъ ли дѣйствительно завѣщаніе, сдѣланное на словахъ? «Могутъ ли съ меня вытребовать судомъ, или это моя добрая воля?» Я не зналъ законовъ на этотъ счетъ, но посовѣтовалъ деньги отдать во избѣжаніе скандала.

— Я не къ тому, чтобы не платить... Деньги я выкину... Просто интересно знать.

До сихъ поръ я не знаю—уплатилъ или нѣтъ Карпъ Ѳедоровичъ деньги церкви. Но мнѣ отъ многихъ приходилось слышать, что «денегъ старикъ Карпу ничего не давалъ, а самъ спустилъ, потому что въ свое время любилъ выпить и погулять», и «что тысячу Карпу придется платить изъ своихъ».

Смерть старика развязала руки Карпу Ѳедоровичу. Теперь его ничто не связывало, и онъ могъ «развернуться во всю». Съ положеніемъ «новаго помѣщика» онъ быстро свыкся. Хотя отношенія къ крестьянамъ у него по-прежнему были двойственныя, но болѣе опредѣленныя. Рѣшительнѣе прежняго онъ «пользовался случаемъ», и хотя сознаніе какой-то виновности не совсѣмъ въ немъ умерло, но безпокоило оно его значительно меньше. Нерѣшительность постепенно пропадала. Широкій размахъ дѣла увлекалъ. Видно было, что «съ прошлымъ все покончено», и не нынче-завтра отъ нравственной «конфузливости» при особенно рѣшительныхъ «оборотахъ»— не останется и слѣда.

Одно пугало его и не давало возможности чувствовать себя совершенно спокойнымъ и счастливымъ — все растущее озлобленіе крестьянъ. Это, главнымъ образомъ, и понуждало его отъ времени до времени бросать крестьянамъ подачки: кое-кому онъ «почти даромъ» смолотилъ на своей молотилкѣ рожь; другому онъ тоже «почти даромъ» уступалъ на время вѣялку, давалъ небольшія суммы «почти безъ процентовъ» и т. д. Вообще всѣми способами искалъ приверженцовъ и сторонниковъ. Удавалось это ему не такъ, какъ бы онъ хотѣлъ, но все же, помимо десятка «компаньоновъ» по покупкѣ участка, съ Карпомъ Ѳедоровичемъ «дружило» нѣкоторое количество «облагодѣтельствованныхъ» имъ крестьянъ. Дружба эта, правда, была довольно своеобразна и поддерживалась, главнымъ образомъ, «подачками», но все же она давала нѣкоторую опору въ борьбѣ съ «гольтяпой», которая «точила» на Карпа Ѳедоровича «зубы», какъ «точила» она ихъ и на его «компаньоновъ».

Положеніе Карпа Ѳедоровича укрѣпилось. Политическое настроеніе высшихъ сферъ убѣждало Карпа Ѳедоровича, что «отнять землю у него не разрѣшатъ», «деньги, значитъ, не брошены кошкѣ подъ хвостъ»; вмѣстѣ съ этимъ въ немъ поя-

влялась нѣкоторая развязность, желаніе «поломаться» и «показать свою силу».

Но Карпъ Ѳедоровичъ — человѣкъ умный и смѣтливый. Онъ понимаетъ, что теперь «не такое время, чтобы можно было гнуть во всю», что теперь «надо дѣйствовать осторожно и съ оттяжкой». Уѣзжать изъ деревни Карпъ Ѳедоровичъ не думалъ. Слѣдовательно, жить нужно было среди крестьянъ. А возбужденіе ихъ, вызванное событіями послѣднихъ лѣтъ, далеко еще не улеглось. Да и не можетъ оно скоро улечься, потому что создались такія жизненныя условія, которыя постоянно вопіютъ о необходимости «*что-то предпринять, что-то довести до конца*», или какимъ-либо инымъ способомъ—чтобы получилось безъ промаха—начать снова. Правда, народъ въ достаточной степени напуганъ и извѣрился въ свои силы, но есть предѣлы для самыхъ терпѣливыхъ и невзыскательныхъ. Есть предѣлы, когда самые робкіе и трепещущіе начинаютъ озлобленно протестовать, «очертя голову» идутъ на все; правда, обычно они такъ или иначе гибнутъ, но успѣваютъ кое-кому нанести значительный вредъ.

Карпъ Ѳедоровичъ видѣлъ, что «мужикъ началъ глядѣть чортомъ», и Карпъ Ѳедоровичъ понималъ, что понуждаетъ мужика къ этому полная безвыходность и пониманіе причинъ этой безвыходности. Эта полная безвыходность крестьянъ страшила Карпа Ѳедоровича по двумъ причинамъ. Онъ прекрасно понималъ, что «всегда» такое положеніе продолжаться не можетъ: это повело бы къ голодной смерти $^5/_6$ всей Кожниковки. Очевидно, крестьяне добровольно умереть не согласятся. Правда, лѣтъ 10 назадъ вымерла отъ голоду половина Кожниковки и—ничего; все было тихо. Но тогда главной причиной голода былъ неурожай, и народъ, кромѣ того, «мало имѣлъ понятія». Теперь дѣло иное. Положеніе такое, что земли нельзя снять ни за какія деньги, хотя земля эта здѣсь, рядомъ. Значитъ, какой-нибудь долженъ быть выходъ. Лучшимъ выходомъ Карпъ Ѳедоровичъ считалъ тотъ, если бы «этакъ побольше половины разъѣхалось, кто куда, а остальные здѣсь устроились. Работа нашлась бы!» Но изъ деревни бѣжала «самая безпардонная голытьба», да часть молодежи, а остальные «пока что кормились» и довольно откровенно

заявляли, что «безъ новой забастовки не обойтись» и «что не можетъ того дѣла быть, чтобы вся земля не отошла крестьянству». Вотъ это-то особенно и безпокоило Карпа Ѳедоровича. «А что, какъ вдругъ?... Случалось же въ другихъ земляхъ... Копилъ, копилъ... Куска, можно сказать, не доѣдалъ и — вдругъ отберутъ»... «Да нѣтъ, у насъ этого не можетъ быть», успокаивалъ онъ себя. Но достаточно было вспомнить о крестьянахъ, о томъ, что «исхода имъ нѣтъ никакого», и что «такъ они не помирятся», — безпокойная мысль снова лѣзла въ голову. Часто въ это время заходилъ ко мнѣ Карпъ Ѳедоровичъ. Разспрашивалъ, «какъ и что тамъ слышно»; бралъ «почитать» газеты; нѣсколько разъ ѣздилъ въ городъ поговорить «кое съ кѣмъ» и возвращался обычно успокоеннымъ. Но деревенская жизнь, разговоры крестьянъ скоро разбивали спокойную увѣренность, и Карпъ Ѳедоровичъ снова начиналъ «не шутя побаиваться».

Съ другой стороны, безвыходность односельцевъ безпокоила Карпа Ѳедоровича еще и потому, что «если даже земли и не отберутъ, все равно, народъ будетъ блажить, и всегда можно ожидать отъ него всякой пакости». Ужъ и теперь «чуть что, такъ и осыпятъ тебя, какъ волки», а «какъ еще пуще животы-то подведетъ—то ли можетъ быть». Отъ цѣлаго «міра» не убережешься, на всѣхъ жаловаться не пойдешь. Карпъ Ѳедоровичъ «въ свое время» самъ частенько «пошаливалъ» въ помѣщичьемъ лѣсу и на помѣщичьихъ поляхъ, а потому знаетъ, что «ловкій мужикъ всяко дѣло можетъ обдѣлать за милу душу». Теперь ему самому предстояло опасаться за собственныя поля и гумна. Помѣщикъ поставленъ въ этомъ отношеніи въ несравненно лучшее положеніе: у него казаки, объѣздчики; хлѣбъ онъ прямо изъ-подъ жнейки везетъ на молотилку, а потомъ тутъ же на мѣстѣ запродаетъ. Тѣмъ не менѣе, «мужики находятъ все-таки возможность напакостить». Карпу же Ѳедоровичу казаковъ нанимать «не подъ силу», а «одному или съ какимъ-нибудь сторожемъ за всѣмъ не углядишь». Пока еще земля сдана, но Карпъ Ѳедоровичъ считалъ это дѣло не выгоднымъ и съ будущаго года думалъ все обрабатывать «отъ себя».

Много думалъ обо всемъ этомъ Карпъ Ѳедоровичъ и много

эти думы доставили ему непріятностей. Но «взялся за гужъ— не говори, что не дюжъ», отступать поздно, да и не хотѣлось отступать, и, пока что, Карпъ Ѳедоровичъ всѣ силы приложилъ къ тому, чтобы, «дѣйствуя съ оттяжкой», поокруглить участокъ насчетъ надѣльной земли.

Умный человѣкъ Карпъ Ѳедоровичъ, но кое-чего онъ не понималъ, или не умѣлъ понять. Не понималъ онъ, почему крестьяне, несмотря на всѣ его заигрыванья съ ними, несмотря на значительныя подачки, какъ 2½ десятины выгона, «не перестаютъ точить на него зубы». А происходитъ это потому, что среди крестьянъ умѣнье разбираться въ обстоятельствахъ за послѣдніе годы повысилось очень и очень значительно. Крестьяне точно переродились. Народъ выросъ умственно, сталъ сознательнѣе и съ бо́льшимъ уваженіемъ относится къ себѣ. Многое, незамѣтное ранѣе и обычное, теперь тяготитъ, какъ незаконное и безчеловѣчное. Разбиты и ниспровергнуты кумиры, святость которыхъ чтилась сотни лѣтъ.

Во имя свободы и земли, во имя коренного переустройства жизненныхъ условій отдано было неисчислимое количество жертвъ. И вдругъ — въ силу какого-то чудовищнаго сальто-мортале — все, что казалось добытымъ, завоеваннымъ, все, что было уже въ рукахъ — все это улетучилось, а результатами нечеловѣческихъ усилій народа воспользовалась горсть ловкихъ Карповъ Ѳедоровичей. Условія же жизни крестьянскихъ массъ стали во всѣхъ отношеніяхъ значительно хуже. Все это потрясло деревню; на время перепутало понятія крестьянъ, но незыблемымъ и прочнымъ осталось убѣжденіе, что «всегда такое положеніе продолжаться не можетъ», что это лишь временный, недолгій кошмаръ, послѣ котораго ужъ окончательно утвердится то положеніе, которое продолжалось лишь нѣсколько дней и, ярко промелькнувъ, навсегда запечатлѣлось въ крестьянскихъ душахъ.

Понятно, что каждый шагъ Карпа Ѳедоровича крестьянамъ былъ ясенъ. «Я тебя, сукина сына, насквозь вижу, — кричалъ Карпу Ѳедоровичу какой-либо обездоленный имъ мужикъ. — Погоди, милый другъ, — не то теперь время! Ты у меня припомнишь!»

Въ силу необходимости мужикъ «лѣзетъ въ хайло» Карпа

Ѳедоровича, но, закабаляясь, понимаетъ, что Карпъ Ѳедоровичъ пользуется именно его безвыходностью и кромѣ того, увѣренъ, что «въ случаѣ чего этому Карпушкѣ будетъ матъ!..» Съ другой стороны, когда тотъ же мужикъ пилъ выставленное Карпомъ Ѳедоровичемъ по тому или иному случаю вино, или когда «почти даромъ» вѣялъ хлѣбъ на вѣялкѣ Карпа Ѳедоровича, то опять-таки понималъ, что «Карпушка поитъ теперь потому, что труситъ. Видитъ, міръ противъ него, и заигрываетъ». Поэтому и «дружба» его съ «облагодѣтельствованными» была крайне непрочна.

Карпъ Ѳедоровичъ вышелъ изъ общества, но косвенно все же старался вліять на то или иное рѣшеніе «міра». Для этого онъ имѣлъ небольшую, но сплоченную «компанію». Однако, сдѣлать почти ничего не удавалось. Вліяніе перешло къ людямъ, умѣвшимъ смѣло и опредѣленно выражать то, что смутно бродило въ головѣ каждаго.

Много, напримѣръ, попытокъ дѣлалъ Карпъ Ѳедоровичъ, чтобы склонить «міръ» послать приговоръ въ третью Думу съ изложеніемъ цѣлаго ряда нуждъ. Но всѣ попытки разбились объ увѣренность, «что третья Дума барская, обращаться къ ней не стоитъ: все равно ничего не выйдетъ». Вмѣсто общественнаго приговора съ изложеніемъ общихъ нуждъ, пришлось ограничиться частнымъ письмомъ съ десяткомъ подписей и съ указаніемъ на специфическія нужды «новыхъ помѣщиковъ». Фактъ посылки этого письма Карпъ Ѳедоровичъ долго скрывалъ. Крестьяне узнали объ этомъ мѣсяца черезъ два послѣ отправки письма, и, конечно, Карпу Ѳедоровичу пришлось выслушать не мало укоровъ и язвительныхъ замѣчаній.

Карпъ Ѳедоровичъ не разъ говорилъ, что «всѣ его поблажки мужикамъ—ошибка, надо дѣйствовать смѣлѣе. Вѣдь я не разбоемъ занимаюсь». Но въ рѣшительныхъ случаяхъ неувѣренность побѣждала, смѣлость пропадала и, «захвативъ добычу», Карпъ Ѳедоровичъ начиналъ какъ бы оправдываться, старался такъ или иначе задобрить крестьянъ.

Помимо изложенныхъ заботъ, такъ сказать, общаго характера, тяготилъ Карпа Ѳедоровича и предстоящій судъ надъ Григоріемъ. Защитникъ увѣрялъ его, что «дѣло кончится пустяками», но всетаки «камень надъ головой висѣлъ»...

V.

Въ концѣ августа прошлаго года, проходя черезъ Кожниковку, я рѣшилъ зайти къ Карпу Ѳедоровичу. Мнѣ говорили, что за короткій, сравнительно, срокъ со времени моей послѣдней съ нимъ встрѣчи, онъ значительно измѣнился: «боязливость» пропала, «стыдливость» замѣнилась изрядной долей нахальства, съ крестьянами ведетъ борьбу на жизнь и смерть,— вообще «сталъ настоящимъ кулакомъ и жидоморомъ». Поэтому мнѣ очень хотѣлось поговорить съ нимъ и напомнить ему нѣкоторые изъ нашихъ старыхъ разговоровъ. Однако, скоро я убѣдился, что Карпъ Ѳедоровичъ какимъ былъ, такимъ и, остался и, если измѣнился, то очень незначительно.

Двухстѣнная изба Карпа Ѳедоровича заново обита тесомъ; тесовая крыша замѣнена желѣзной, выкрашенной въ ярко-зеленый цвѣтъ. Передъ избой стоятъ двѣ вѣялки, жнейка и пары три плуговъ. Ребятишки и нѣсколько крестьянъ разсматриваютъ жнейку. Подъ широкимъ навѣсомъ крыльца, за маленькимъ столикомъ сидятъ Карпъ Ѳрдоровичъ и знакомый мнѣ крестьянинъ, Обыденышъ... На столѣ бутылка водки и чашка съ малосольными огурцами.

— Добраго здоровья, Карпъ Ѳедоровичъ!

Карпъ Ѳедоровичъ смотритъ, прищуриваетъ глаза и подходитъ къ двери.

— Не признаю что-то... Вы откуда будете?

Такая встрѣча настолько меня озадачила, что нѣсколько секундъ я раздумывалъ, что мнѣ предпринять — уйти ли немедленно, или объяснить, кто я.

— Скоро же вы забыли,—замѣтилъ я, наконецъ,—а вѣдь мы частенько встрѣчались...

— Вотъ поди ты—какъ есть ничего не помню. Ей Богу. Да и то сказать: сколько народу-то перевидишь, всѣхъ нѣшто упомнишь? Да и память-то плоха стала.

Увидѣвъ меня, изъ избы выбѣжалъ Григорій. Поздоровались.

— А я вотъ никакъ не могу признать.

— Будетъ тебѣ, отецъ, ломаться-то, ей Богу. Не люблю я тебя за это. Человѣкъ, можетъ, двадцать разъ у насъ ночевалъ, а ты... Эхъ!

— Ну, замолола мельница... Коли знакомы, заходите. Гостемъ будете.

Приглашеніе меня немного покоробило, но въ этотъ день я прошелъ больше двадцати верстъ. День былъ жаркій. Густая пыль облѣпила меня со всѣхъ сторонъ, набилась въ волосы, въ носъ и въ уши. Хотѣлось умыться, посидѣть въ холодкѣ и вздохнуть. А малосольные огурцы глядѣли такъ заманчиво.

Собесѣдникъ Карпа Ѳедоровича узналъ меня сразу, хотя съ нимъ я видѣлся всего раза три. Григорій вынесъ стулъ.

— Не помѣшаю?

— Нѣтъ, нѣтъ... Да мы, пожалуй, ужъ и кончили. Ну, Ваня, выпьемъ.

Онъ налилъ два стакана и подалъ одинъ Обыденышу.

— Выпить-то я, Карпъ Ѳедоровичъ, выпью, да дѣло-то не того...

— Чего еще? Опять объ старомъ? Плюнь! Все будетъ по-хорошему.

— Чего ужъ тутъ хорошаго...

— Да куда же ты дѣнешься?

— Того ты, дядя Карпъ, не хочешь принять въ разсчетъ, что самъ я былъ хозяиномъ 22 года; вѣдь мы съ тобой почти ровесники. Тяжеленько прямо въ хомутъ-отъ...

— Ну, и народъ вы, прости Господи. Считай ты, Христа ради: десятина земли тебѣ — разъ, огородъ раскинешь — два, скотина будетъ на моемъ кормѣ—три...

— Ну, какой тамъ кормъ! Не знаю я, что-ль, мѣста-то? Слава Богу—не первый годъ живу...

— И семь рублей въ мѣсяцъ... Прямо бариномъ заживешь!

— Како тутъ! Прямо надо говорить — голодъ гонитъ. А то — что ужъ...

Одѣтый въ грязную кумачевую рубаху, въ заплатанныхъ плисовыхъ шароварахъ и стоптанныхъ, валенкахъ, худой и лохматый, Обыденышъ былъ жалокъ до крайности. Брови нахмурены, глаза безпокойно бѣгаютъ. То и дѣло онъ вырывалъ изъ бороды по волосу, разгрызалъ его и выплевывалъ. Говорилъ какъ-то вяло, голосомъ ни на что не надѣющагося человѣка. Ясная, молъ, петля твое предложеніе, Карпъ Ѳедо-

ровичъ, какъ ты тамъ его ни расписывай. Но нужда гонитъ въ эту петлю и волей-неволей придется въ нее лѣзть. Удивительно все это было особенно потому, что Обыденышъ нѣсколько лѣтъ назадъ былъ шустрымъ, «ядовитымъ» мужикомъ, коноводомъ всякихъ протестовъ и оппозицій.

— Такъ по рукамъ, Ваня? Ѣзжай, братъ, и будешь у меня вродѣ, какъ управляющимъ. Ха, ха, ха... Весь надзоръ въ твоихъ рукахъ!..

— 10 рублей, Карпъ Ѳедоровичъ, и чтобы держать двѣ коровы...

— Опять за свое! Что ты думаешь, кромѣ тебя и людей нѣтъ на свѣтѣ? Сказалъ не могу—значитъ, не могу. Двѣ коровы?! Гдѣ ты ихъ возьмешь, двѣ коровы-то?

— А ужъ это не твое безпокойство.

— И съ одной проживешь. То корму нѣтъ, то двѣ коровы... Говорю — хорошо будешь жить... Вонъ у генеральши лѣсники 6 рублей въ мѣсяцъ получаютъ, да живутъ вѣдь...

— Лѣсники... То—лѣсники. У лѣсниковъ мѣсячина полагается. Ты, небось, не будешь мнѣ мѣсячину-то выдавать?..

— Я тебѣ землю даю.

— А когда на ней работать-то?

— Ну, такъ какъ же?

Обыденышъ нервно задвигался. Видно было, что онъ подходитъ къ самому острому вопросу.

— А изъ избы гонишь, значитъ?—спросилъ онъ, понизивъ голосъ.

— Къ осени караулка будетъ готова, а пока что у Рыбалкиной поживете.

— Да вѣдь тамъ двѣ семьи,—закипятился Обыденышъ.— Другъ на дружку, что-ли, лѣзть? И такъ набито, какъ спичекъ въ коробѣ, — глаза его сверкнули злобнымъ огонькомъ, и онъ чаще началъ теребить рѣденькую бороденку.

— Теперь лѣто, другъ Ванюша: тепло. А сварить что понадобится—устроитесь; не больно, чай, много горшковъ-то будетъ?.. Ха, ха, ха...

Карпъ Ѳедоровичъ всталъ, оперся руками въ косяки двери и потянулся.

— Эхъ, духота-то какая! Дождей-бы надо теперь... Такъ, значитъ, Ваня.

Видя, что Карпъ Ѳедоровичъ считаетъ бесѣду оконченной, Обыденышъ молча надѣлъ картузъ и вышелъ.

Карпъ Ѳедоровичъ затворилъ дверь и подсѣлъ ко мнѣ.

— А я, признаться, сразу васъ узналъ, да... мужиченки этого побоялся... Совсѣмъ пустой мужикъ. Сами понимаете, какое теперь время, а на меня они что угодно рады взвалить. Ну, какъ вы?

— Да что я—все по старому...

— По деревнямъ все ходите?

— Какъ видите... Вы вотъ какъ?

— Я... Хе, хе, хе... Съ мужиками все воюю. Такое время, что только ай, да ну-ну... Знаете вѣдь, сами видали...

— Да, не хвалятъ васъ...

— Извѣстно. Поперекъ дороги я имъ сталъ.

— Полегче бы вамъ надо какъ-нибудь...

— Да что? Въ чемъ дѣло-то? Что я, деньги, что-ль, поддѣлываю?

— Не безъ основанія же на васъ обижена безъ малаго вся деревня?

— Да я и самъ не знаю, чего они противъ меня взъѣлись? Ума не приложу! Вишь, ограбилъ я ихъ: землю барскую купилъ, да у нашихъ человѣкъ у пяти тоже взялъ за себя. Такъ вѣдь я деньги плачу за землю-то, а не щепки. Не продавай! Нешто я насильно? Сами лѣзутъ, а потомъ... Вѣдь я каждому говорю: подумай! Вѣдь голова-то на плечахъ у нихъ есть? Вотъ и этотъ, Обыденышъ... Одолѣлъ, прямо одолѣлъ: то денегъ, то хлѣба, то лошадь у него пала; избу продалъ, дѣти наги-босы. Ну, куды онъ дѣнется? Подумалъ, подумалъ—надо пожалѣть человѣка... Даю мѣсто, даю кусокъ хлѣба... Нѣтъ тебѣ — гордыбачитъ! Не хорошо, вишь: хозяинъ онъ. Да какой ты, съ позволенья сказать, хозяинъ, коли у тебя ни избы, ни земли... Много такихъ хозяевъ у церкви съ рукой стоитъ... Хозяинъ...

Карпъ Ѳедоровичъ началъ волноваться. Налилъ два стакана водки, одинъ выпилъ, другой пододвинулъ ко мнѣ.

— А землю у Обыденыша вы купили?

— Я купилъ. Такъ что же это, по-вашему, преступленье?

— Не преступленіе, а это объясняетъ его злобу къ вамъ.

— Вѣдь я ему заплатилъ 145 рублей за десятину. Не мнѣ— другому продалъ бы.

— Задолжалъ, видно, много?

— Просто завертѣлся... Плохое время, нешто я не понимаю. Приперты *они* теперь къ стѣнѣ вплотную и некуда имъ податься. Что вѣрно—то вѣрно. Такъ ты съ *тѣхъ* и требовай, кто на тебѣ сидитъ, ихъ и безпокой. Вонъ у герцога въ нашемъ уѣздѣ 25.000 десятинъ. Насѣдай на него, коли думаешь чего добиться. А здѣсь человѣкъ тридцать лѣтъ по копѣйкѣ собиралъ, купилъ какихъ-нибудь 80 десятинъ,—всѣ и загалдѣли. Всѣ мы дуримъ. Поучили насъ, наставили на разумъ, пора бы, кажется, и понимать. А то, что это такое: ругаютъ, грозятъ. Какой-нибудь пащенокъ, его отъ земли не видать, а онъ тоже оретъ: «живодеръ!» А тѣ рады, что научили дѣтей хорошему. Живодеръ, живодеръ... Но позвольте спросить: какой я живодеръ?

— Вы землю сдадите имъ на новый срокъ?

— Не думаю. Едва ли сдамъ. Да въ одной ли землѣ дѣло? Здѣсь къ каждому, простите, дерьму прицѣпляются. Возьмите такой случай. Пріѣхалъ какъ-то къ намъ жидокъ изъ города, дѣлалъ предлогъ насчетъ машинъ. Поѣхалъ я въ городъ, поглядѣлъ, спросилъ людей, вижу—вещи подходящія. Пріѣзжаю. Вотъ что, говорю, мужички, хотя теперь изъ общества я и вышелъ, но хочу сдѣлать маленькій предлогъ: глядѣлъ, говорю, я въ городѣ машины, жнейки больно хороши и цѣна не дорога, купить бы міру одну на испытокъ. Загалдѣли, зашумѣли — Господи, Твоя воля! «Намъ жать-то нечего!» «Надо прежде купить на чемъ сѣять!» Ну, ладно. Дѣло ваше. Поѣхалъ, взялъ жнею въ разсрочку: пойдетъ, думаю, въ дѣло — уплачу; нѣтъ — назадъ отвезу. Пошла! Съ этихъ поръ дня нѣтъ, чтобы кто не пришелъ: «дай жнеички», да «дай жнеички». Да что вы—ребята, что-ль? — говорю. Что я милліенщикъ, что-ль? У тебя, говорю, Петра, овесъ?— Овесъ.— Двѣ десятины.?—Да. Такъ по 2 рубля, говорю, за десятину скошу. Помялся, помялся, видитъ — цѣна не большая, согласился. Воскресенье я до обѣда скосилъ, получилъ 4 цѣлковыхъ и—

готово! Теперь и за это — «грабитель!» Да вѣдь я говорилъ вамъ! Что же это такое? Обязанъ я, что-ль, передъ вами? Вѣдь въ городѣ онѣ есть, жнейки-то. Купите, кто вамъ мѣшаетъ. Вѣдь по полтинѣ съ души обойдется и того нѣтъ. А то ты дай ему! Изломать, изуродовать, а что потомъ съ него взять? Горсть волосъ... Дамъ я тебѣ машину! Поди купи, да и давай, кому хочешь.

— Жили же вы раньше въ дружбѣ со всѣми; значитъ, можно было ладить?

— Это все потому, что я былъ такой же голоштанный. А вотъ теперь купилъ землю, оказалъ капиталъ — ихъ и беретъ завидка...

— Раньше вы сами часто говорили, какъ тяжела крестьянская жизнь; понимали, что мужикъ не съ жиру бѣсится, а, голодая, ищетъ выхода. Помните...

— Подождите, подождите... Нешто я отказываюсь отъ своихъ словъ? Я и теперь тоже скажу. Порядку никакого нѣтъ — развѣ это не вѣрно... Распущено все, ни въ чемъ нѣтъ толку, и это вѣрно... Говорили вотъ — Дума, Дума... Вотъ собрали ее, сидятъ тамъ, болтаютъ, деньги берутъ, а все безъ толку. Жида тоже пустили въ Думу, зачѣмъ? Какое у него понятіе хоть бы объ землѣ? Да и о другомъ чемъ тоже нѣтъ настоящаго понятія. Ну и болтаютъ ерунду. А мужикъ, знамо дѣло, стиснутъ; туда сунется—ничего: въ другое мѣсто—тоже... И нападаетъ на того, кто поближе, да послабѣе... Я ужъ говорилъ: не въ ту цѣль попадаютъ...

Нѣсколько минутъ мы молчали. Я сравнивалъ прошлаго Карпа Ѳедоровича съ тѣмъ, что изъ него стало теперь, а онъ пилъ водку.

— Нигдѣ никакого порядка. Каждый дѣлаетъ, что хочетъ, ну и, извѣстно, ничего не выходитъ. Знаете, вотъ плачу я теперь 25 рублей въ годъ на училище. А что училища наши? Чему тамъ учутъ? Вѣдь иной разъ думаешь, думаешь—голова кругомъ пойдетъ. Отдаетъ мужикъ мальчишку въ городское училище; шесть лѣтъ платитъ за ученье, за хлѣба. Выучился. Думаете, будетъ отцу помощникъ? Никогда. Сдалъ экзаментъ, пріѣхалъ: «Я, тятенька, хочу въ телеграфисты!» Словно ихъ изъ деревни-то кто коломъ выпихиваетъ. Благо бы дѣти ни-

щихъ, такъ нѣтъ вѣдь — больше дѣти мужиковъ съ капиталомъ. Въ телеграфисты! Въ чиновники! На легкіе хлѣба! Я бы взялъ его, выдралъ возжами разовъ пятокъ—онъ и забылъ бы про телеграфистовъ. А они: «поѣзжай, сынокъ! Дай тебѣ Господь! Не забывай отца съ матерью». Онъ тѣ не забудетъ! Уѣхалъ, женился и — мается вѣкъ на 25 рублей въ мѣсяцъ. А не дай Богъ уволятъ — опять къ отцу: корми! Жену привезетъ, дѣтей. Заставь ее работать: я, говоритъ, изъ духовнаго званія и къ черной работѣ непривычна. Самъ тоже—ни сохи, ни бороны. И садятся старикамъ на шею.

Карпъ Ѳедоровичъ выпилъ три стакана водки.

— Такъ что же, по вашему, учить, что-ли, не надо?

— Нѣтъ, по моему, учить учи, да только дѣлу, а не ерундѣ.

— Какому же дѣлу?

— Какъ учить не надо?—продолжалъ Карпъ Ѳедоровичъ,—всегда я говорилъ и теперь скажу—надо учить. Чѣмъ больше училищъ, тѣмъ лучше: умнѣе мужикъ становится, смышленѣе. Но чему учить? Мы—крестьяне, и крестьянству насъ нужно учить. Лавочниковъ сынъ, вонъ, въ гимназіи. 20 лѣтъ парню, а онъ все учится. Подозвалъ я его какъ-то, показываю жнейку—понимаете, говорю, въ этихъ машинахъ? Нѣтъ, говоритъ, насъ этому не учутъ.—Чему же, говорю, васъ учутъ, позвольте узнать? — Наукамъ разнымъ. — А зачѣмъ они вамъ, мужицкому сыну?—Служить буду. Служить! Такъ тамъ и безъ вашего брата много. Отъ работы отвыкнетъ, да и не пріученъ онъ къ ней; дѣла скоро не найдетъ, куда дѣваться? Валяй къ отцу на шею! Неужели же это порядки? Коли ужъ учить его до женитьбы, тратиться на него, такъ пусть учутъ его тому, что въ деревнѣ требуется. Чтобы всѣ эти сѣялки, вѣялки онъ зналъ; чтобы о землѣ имѣлъ понятіе и насъ бы, дураковъ, на разумъ наставлялъ.

— Есть и такія училища.

— Есть, да не про нашу честь. Знаю, что есть, да отдать-то намъ туда нѣтъ никакой возможности: тамъ три Кати въ годъ надо платить. Да и всего-то ихъ разъ-два, да и обчелся... А такія училища намъ теперь ой, какъ нужны. Да что тутъ говорить. Вы вотъ какъ-то со мной разговоръ имѣли, что за границей земля лучше родитъ — пусть и этому учутъ.

Все, однимъ словомъ, что касательно хозяйства. Года четыре назадъ былъ я по дѣламъ на Дону. Гляжу—засѣяны поля, а чѣмъ—не понимаю. Что — говорю — такое? — Чечевица, говоритъ, называется.—А зачѣмъ она?— За границу идетъ, тамъ, говоритъ, ее жрутъ»... А въ нашихъ, говорю, мѣстахъ этого нѣтъ. — Попробуйте,—говоритъ.— Семъ-ка, думаю, и впрямь попробую. Купилъ мѣшокъ, засѣялъ клинъ съ десятину—немного поменьше. Чуть не вся деревня сбѣжалась глядѣть, какъ взошла. Смѣются. Обмолотилъ, повезъ въ городъ, а она тамъ 2 рублика за пудъ. Вотъ вамъ и смѣшки! Теперь вотъ не смѣются, а чуть лишній клинъ—сейчасъ: «чивичкой надо закидать». Почти всѣ сѣяли, какъ земля-то была. Кабы учили всему этому въ училищахъ, мы давно могли бы знать, что есть такая чечевица, которая идетъ за границу. Можетъ, и другое что на нашей землѣ родится? Мы не знаемъ, и некому насъ научить. Вотъ я и говорю: училища намъ нужны для этого. Знай я хорошо грамотѣ—день и ночь читалъ бы такія книги. А имъ тамъ, въ Думѣ, объ этомъ говорить некогда: у нихъ все рѣчи. Рѣчь такого-то, рѣчь такого-то... Читать тошно.

— Но, однако, Карпъ Ѳедоровичъ, безъ земли и чечевицу сѣять не на чемъ?

— Земли точно мало, ну да и съ этой мы не получаемъ всего, что можно. Вотъ Дума и должна бы постараться: въ Сибири отмежевать участки, что ли, либо что. Кому здѣсь не въ моготу, на казенный счетъ бы переселяли. И имъ хорошо было бы и здѣсь повольготнѣй, да попросторнѣй...

— А не знаете вы правда, или нѣтъ,—спросилъ онъ, немного помолчавъ, — читалъ я въ «Сельскомъ Вѣстникѣ», что съ одного зерна выростаетъ двѣсти?

Я объяснилъ, что зналъ по этому вопросу.

— Вотъ то-то и есть. Можетъ и можно! Вотъ объ этомъ бы писать, да учить насъ. А то что пишутъ въ газетахъ? Телеграммы тамъ, извѣстія—пустое все. Къ чему мнѣ это? Писали бы въ газетахъ, что къ хозяйству относится. Какъ землю удобрять? Какія есть дешевыя машины? Гдѣ какой хлѣбъ родится? Какіе урожаи?—Тогда бы вотъ и въ газетѣ толкъ былъ.

— Есть и такія газеты.

— Что тамъ—«есть!» Гдѣ онѣ? Кто ихъ видитъ? Мужику

нужна своя, мужицкая газета, чтобъ изъ нея онъ обо всемъ имѣлъ понятіе. Тогда и мужикъ умнѣе будетъ, и склоки этой меньше. Вѣдь вотъ, если это правда, что отъ одного зерна— двѣсти, вѣдь это что же? Вѣдь, если это узнать, такъ и горе всѣ забудутъ. Тогда и земли много не потребуется. А гдѣ узнаешь? У кого спросишь?

— Тогда бы всѣмъ лучше и спокойнѣе было, — добавилъ онъ, помолчавъ.

Долго развивалъ мнѣ Карпъ Ѳедоровичъ свои взгляды на положеніе вещей. Разсужденія его были для меня очень интересны, но—увы!—какъ мало осталось въ немъ отъ его прежнихъ, краснорѣчивыхъ разговоровъ объ идеальномъ общинномъ устройствѣ.

— Пора бы вамъ ужъ перестать бунтовать мужиковъ-то,— пошутилъ онъ, прощаясь со мной.

— Слава Богу, я этимъ не занимаюсь.

— Такъ это я, къ слову... Не нынче — завтра опять будетъ у меня съ ними баталія.

— Съ кѣмъ?

— Съ мужиками нашими.

— Изъ-за его же?

— Такъ ужъ... Знаю. Штука одна есть. Помяните мое слово.

VI.

На нѣсколько дней я остановился въ маленькой деревушкѣ Бобронькѣ, верстахъ въ пяти отъ Кожниковки. Дня черезъ два знакомый сотскій сообщилъ мнѣ, что въ Кожниковкѣ происходитъ «небольшая забастовочка», что «на Карпушку Вавилова мужики насѣли». Я отправился въ Кожниковку и увидѣлъ, что «баталія», о которой говорилъ Карпъ Ѳедоровичъ, началась и приняла размѣры гораздо болѣе серьезные, чѣмъ онъ предполагалъ.

Дѣло было вотъ въ чемъ.

Около Кожниковки расположенъ громадный садъ, принадлежащій городскому лавочнику. Много лѣтъ назадъ одинъ крестьянинъ Кожниковки предложилъ «міру» взамѣнъ надѣльной земли дать ему овраги и полугорья въ верстѣ отъ

Кожниковки. «Міръ» согласился, и крестьянинъ развелъ на этомъ мѣстѣ садъ. Постепенно садъ улучшался, разростался и теперь—это одинъ изъ лучшихъ садовъ уѣзда. Теперешній владѣлецъ сада живетъ въ городѣ и лѣтъ 15 подрядъ сдаетъ садъ кожниковцамъ по крайне низкой цѣнѣ — 150 рублей въ годъ. Цѣлое лѣто ребятишки днюютъ и ночуютъ въ этомъ саду, садъ этотъ для нихъ—полное раздолье: тамъ шныряютъ они между кустами крыжовника и малины, наѣдаются до отвала яблоковъ и, вообще, чувствуютъ себя превосходно. Особенно важенъ этотъ садъ въ рабочее время, когда старшіе въ полѣ, а опасность пожара большая.

Часть плодовъ, снятыхъ съ деревьевъ, продавалась на покрытіе аренды; кромѣ того, обычно оставалось по пуду — по два на семью яблоковъ. И вотъ этотъ садъ Карпъ Ѳедоровичъ пріобрѣлъ въ собственность. Въ 1908 г. имъ пользовались еще крестьяне, а съ января 1909 г. онъ переходилъ къ Карпу Ѳедоровичу.

Карпъ Ѳедоровичъ предполагалъ, что срокъ—1-е января—такъ сказать «оффиціальный срокъ», а хозяинъ онъ уже теперь и рѣшилъ заранѣе сдѣлать нѣкоторыя улучшенія. Поэтому, когда плоды были выбраны, онъ рѣшилъ снять свалившійся, полурастасканный плетень и обнести садъ высокимъ тесовымъ заборомъ, съ гвоздями наверху. По обыкновенію, Карпъ Ѳедоровичъ дѣйствовалъ «исподтишка»: кожниковцы не знали о переходѣ сада въ новыя руки до тѣхъ поръ, пока заборъ на половину не былъ выведенъ, и когда ребятишки, собиравшіе остатки плодовъ, увидѣли, что постройкой распоряжается Карпъ Ѳедоровичъ.

Несмотря на то, что на этотъ разъ Карпъ Ѳедоровичъ менѣе, чѣмъ когда-либо, обидѣлъ «міръ»; что ничего преступнаго онъ не сдѣлалъ; что хозяинъ сада воленъ былъ продать его, а Карпъ Ѳедоровичъ, какъ и всякій другой, воленъ купить, несмотря на все это, — все село возстало противъ него, какъ одинъ человѣкъ. Даже «компаньоны» его по покупкѣ земли на этотъ разъ были рѣшительно противъ него.

Шумная толпа окружила домъ Карпа Ѳедоровича. Не успѣлъ онъ разъяснить «какъ и что», не успѣлъ даже «от-

крыть ротъ», какъ въ окна полетѣли кирпичи и полѣнья. Что до такой степени возбудило крестьянъ? Непрекращающіеся ли «подвохи» Карпа Ѳедоровича, или то, что онъ посягнулъ на «земной рай ребятишекъ», или то и другое вмѣстѣ—трудно сказать. Но озлобленность была невѣроятная. Ругались мужики, ругались бабы; ребятишки, мстя за свои владѣнія, осыпали домъ градомъ камней.

Впереди толпы стоялъ Обыденышъ, трясъ кулаками и ругался отборнѣйшей руганью. Рядомъ съ нимъ крестьянинъ въ суконной поддевкѣ что-то кричалъ и билъ себя руками въ грудь. Говорили и кричали, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, всѣ вмѣстѣ; одновременно съ говоромъ однихъ, десятки другихъ просто выкрикивали слова брани, — такъ что въ общемъ получался невѣроятный шумъ, изъ котораго временами вырывались особенно пронзительные и рѣзкіе голоса.

— Шабашъ, робя, отошла ваша лафа...

— Жарь его, сукина сына... Вваливай ему, ребятишки.

— Когда же этому наступитъ окончаніе?..

— Ахъ, негодяй, негодяй!.. Видана ли въ свѣтѣ такая паскуда?!.

— Чего тутъ глядѣть-то—бери его, братцы!..

— Не давать ему сада! Разметать заборъ къ чертямъ!..

— Ну, ужъ теперь, братъ, зубами не вытянешь...

Въ сторонѣ стояли нѣсколько стариковъ и бесѣдовали.

— Вотъ говорятъ: законъ, законъ, гдѣ же онъ законъ-отъ? Нѣтъ его...

— Зналъ я про это,—говоритъ дѣдушка Егоръ,—еще въ ту пору мнѣ покойный Ѳедоръ говорилъ, что закидываетъ онъ удочку насчетъ сада. Да не думалъ я, что пойдетъ онъ на это.

— Гдѣ тутъ о совѣсти толковать? Имъ бы только сграбастать...

— Батюшки! И ребятишекъ ограбилъ!—визжала женщина съ ребенкомъ на одной рукѣ, съ камнемъ въ другой.

Крики взвинчивали толпу. Возбужденіе наростало. Пять-шесть парней схватили слеги и били дверь дома. Другіе выломали окно и ворвались въ избу. За ними бросилась часть толпы. Начался разгромъ. Въ избѣ все было уничтожено:

поломали столы, лавки, разбили посуду, часы, зеркало; порвали попавшееся подъ руку платье.

— Самого-то, самого-то, подлеца прищучьте!..

— Спрятался, собака...

— Надобно же положить конецъ этому дѣлу!

— Домъ-отъ не поджечь ли, робя?

— Вали, братцы!..

Видя, какой характеръ приняло дѣло, часть крестьянъ разошлась по домамъ. Другіе продолжали шумѣть и насѣдать на домъ. Искали Карпа Ѳедоровича.

Вдругъ верхомъ на неосѣдланной лошади, безъ фуражки, въ красной рубахѣ и жилетѣ Карпъ Ѳедоровичъ выскочилъ изъ воротъ. Градъ камней полетѣлъ въ него и въ лошадь.

— Ага, Иродъ!.. Собака!

— Бери его, робя... На уру его, негодника...

Карпъ Ѳедоровичъ метался, стараясь прорвать живую стѣну. Камни и палки летѣли въ него. Обыденышъ схватилъ лошадь подъ узцы и висѣлъ на поводахъ, силясь сдержать перепуганное животное.

— А-а-а!.. Вонъ вы какъ! Среди бѣла дня... Ну, да не на такого напали! Въ городъ поскачу, за казаками! Такъ и знайте! Мошенники!.. — Глаза Карпа Ѳедоровича лихорадочно бѣгали, лицо подергивалось; слова съ трудомъ вылетали изо рта.

— Прямой ты мошенникъ!..

— На что посягнулъ... Не стыдно косымъ зенкамъ-то?

— За казаками хочетъ скакать... Не пускай его, робя!..

— Держи!!.

На помощь Обыденышу бросилось нѣсколько человѣкъ. Лошадь шарахнулась въ противоположную сторону, сбила Обыденыша и въ два прыжка вынесла Карпа Ѳедоровича на дорогу. Карпъ Ѳедоровичъ потрясъ кулаками и поскакалъ.

— Ваше благородіе! — нервно взвизгивалъ онъ, — на казенку... среди бѣла дня... Ограбили! — Такъ и скажу... Погодите вы у меня!.. Ваше благородіе, на казенку...

Вслѣдъ ему полетѣло еще нѣсколько каменьевъ. Но слова его о казенкѣ и угроза казаками озадачили толпу и охладили ея пылъ. Одинъ за другимъ стали расходиться.

— Говорилъ я: полегче... Эхъ, народъ!

— Ну, пойдетъ теперь опять порка.

— Да, надѣлали дѣловъ!..

— Убить бы его, подлеца, надо, и концы въ воду...

— Вѣдь за него, какъ за человѣка, отвѣчать то придется...

— «Міръ» виновенъ и—все дѣло.

— Тоже: «міръ»! много здѣсь осталось; чуть что и разбѣжались всѣ.

— Вотъ что, робята,—совѣтовалъ дѣдушка Егоръ, — кто былъ впереди, аль раньше замѣшанъ — этимъ спрятаться бы надо. И бабамъ тоже. Идите хоть въ лѣсъ всѣ, переночуете. Теперь тепло. Вы тоже, ребятишки, туда бѣжите... Дожили до времячка—нечего сказать!

— И какъ это мы не сообразили насчетъ казенки-то?!

— Что казенка? Не у казенки окошки били, а у Карпушки-душегуба.

— Да вишь у казенки-то тоже выбиты!

— Теперь разговаривать нечего. Въ случаѣ чего — всѣ виноваты.

— Это какъ есть!

Часа черезъ два улица опустѣла. Женщины и нѣсколько наиболѣе замѣченыхъ крестьянъ ушли въ лѣсъ. Остальные попрятались по домамъ. Значительно остыли и парни, такъ что Григорій безъ боязни подошелъ къ нимъ и показывалъ разсѣченный камнемъ високъ.

— Самъ виноватъ!

— Я то при чемъ? Я и не зналъ про садъ. Накликали вотъ бѣду: пріѣдутъ казаки, начнется порка.

— Ну, и чортъ съ ними.

— А Карпъ отъ насъ не уйдетъ, такъ и передай ему.

— Мнѣ что? Мнѣ тоже не сладко.

Затянули пѣсню.

«Послѣдній радостный денечекъ
«Гуляю съ вами я, друзья...

Пѣли съ отчаяннымъ разгуломъ и какой-то дикой страстью... Навѣрное, каждый думалъ, что именно онъ и гуляетъ «послѣдній радостный денечекъ».

— Бросьте, робяты, бросьте,—унималъ дѣдушка Егоръ.

— Все равно ужъ, дѣдушка...

— Бросьте, лучше будетъ!..

Еще разъ двѣ-три сильныхъ звуковыхъ волны всколыхнули мертвящую тишину, и парни начали расходиться.

Прошелъ еще часъ. Тревога достигла высшей степени. Крестьяне бѣгали другъ къ другу и совѣтовались.

— Може и не пріѣдутъ нонѣ-то...

— Кто ихъ знаетъ... Пождемъ... Кабы ночью не нагрянули?

По улицѣ во весь духъ проскакалъ Григорій.

— И этотъ туда же!..

— Змѣй нешто родитъ голубя? Всегда змѣеныша.

Дѣдушка Егоръ съ телѣжкой ѣздилъ отъ одной избы къ другой и собиралъ ужинъ бабамъ и ребятишкамъ, которыя остались ночевать въ лѣсу.

У каждаго ныло сердце. Каждый на себѣ испыталъ казацкое усмиреніе; каждый боялся за себя.

Вернулся, наконецъ, Карпъ Ѳедоровичъ; почти слѣдомъ за нимъ Григорій.

Подъѣхавъ къ избѣ Обыденыша, Карпъ Ѳедоровичъ кликнулъ его на улицу.

— Что, всѣ попрятались?

— Самъ видишь... Есть глаза-то!

— Ну вотъ что, Ваня: я не серчаю. Бѣги изъ избы въ избу и зови мужиковъ на лужокъ противъ училища. Всѣмъ скажи, что въ городѣ я не былъ и сидѣльца просилъ не возбуждать. Тоже самъ понимаю этихъ баши-бузуковъ и имѣю въ себѣ сердце. Скажи, что казаковъ не будетъ, а съ мужиками я хочу поговорить.

Одинъ за другимъ удивленные крестьяне тянулись къ назначенному мѣсту. Никто не понималъ, что еще задумалъ Карпъ Ѳедоровичъ.

— Вотъ поди-жъ ты: песъ, песъ, а имѣетъ душу...

— Не иначе, какъ придумалъ какую новую петлю. Не жду я отъ него ничего хорошаго.

— Послушаемъ, что скажетъ.

Собралась значительная кучка крестьянъ. Явился и Карпъ

Ѳедоровичъ. Работникъ Назаръ и Григорій несли пять четвертей вина.

— Вотъ что, мужички! Какъ вы выбили мои окошки, разгромили вещи, то очень мнѣ непріятно и большой убытокъ. Поскакалъ было я въ городъ къ исправнику, но дорогой раздумалъ: хоть я въ обществѣ теперь и не состою, но ссориться съ міромъ не хочу, а чтобы жить въ вѣчной дружбѣ. Потому вернулся я назадъ и рѣшилъ: простить всѣмъ моимъ обидчикамъ, а по причинѣ моей покупки сада— поставить, какъ у насъ всегда водилось, міру угощеніе.

Карпъ Ѳедоровичъ говорилъ менѣе краснорѣчиво, чѣмъ обычно; говорилъ обиженнымъ голосомъ, растягивая слова. Но слушали его съ большимъ вниманіемъ.

— Ну и человѣкъ же ты, Карпъ Ѳедорычъ! — раздалось изъ толпы.

— По совѣсти поступилъ, что и говорить.

— Да!—неопредѣленно замѣтилъ кто-то.

Вообще же крестьяне обмѣнивались незначительными фразами и качали головами.

Кое-кто отдѣлился отъ толпы и направился къ избамъ.

— Примите, мужички, угощеньице! — Григорій вынулъ изъ мѣшка стаканъ, огурцы, хлѣбъ и началъ разливать водку.

— Значитъ, мужички, миръ?

— Чего ужъ тутъ!..

Руки потянулись за стаканами.

— Не надо бы, робя, вино-то брать отъ него... Зла-то, зла-то сколько онъ надѣлалъ,—протестовалъ дѣдушка Егоръ. Но, видя, что остались лишь тѣ, кого никакими увѣщаніями не убѣдишь,—онъ потянулъ меня за руку.

— Пойдемъ... Пусть лакаютъ... Эхъ, народъ, народъ...

Возвращаясь часа въ два ночи съ пчельника, я на нѣсколько минутъ остановился на лужайкѣ около училища. Вокругъ догоравшаго костра сидѣло и лежало десятка два пьяныхъ крестьянъ. Нѣкоторые спали по близости. Полупьяный и возбужденный Карпъ Ѳедоровичъ сидѣлъ около Обыденыша.

— Кулакъ, кулакъ... Какой я кулакъ? Кулаки васъ обираютъ, а я вамъ работу даю, я людей кормлю, землю вамъ

даю! Пощадилъ ли бы васъ въ такомъ случаѣ кулакъ? Никогда! Онъ бы не токмо что, а шкуру спустилъ бы, да и убытки вернулъ...

— Я вѣдь ничего... Извѣстное дѣло—досадно: ребятишекъ теперь выпустить некуда.

— Да я-то что же — звѣрь, что ль? Собакъ, что ли, на нихъ буду спущать? Да пусть ихъ — лишь бы не пакостили, деревъ бы не ломали...

— Карпуша... Другъ ты милый!—лепеталъ какой то пьяный. — Первый ты есть человѣкъ въ деревнѣ... Мнѣ что? Садъ — садъ... Все равно!..

— Ммолчи... Сволочь, въ рожу дамъ, — пробасилъ кто-то изъ-за костра, приподнялся на рукахъ и снова упалъ на траву.

— Карпуша... А яблоки тамъ — все пустое... Я этихъ яблоковъ въ ротъ не беру... Пустое!..

— Нѣтъ, братцы—не кулакъ я. Какъ въ старину у насъ было, такъ и теперь: въ дружбѣ съ міромъ...

— Вѣрно, ей Богу... Мы тебѣ—ты намъ... Такъ по-Божьи, по хорошему...

— Вѣрно!..

— Карпушка!—закричалъ вдругъ Обыденышъ и, покачиваясь, направился къ Карпу Ѳедоровичу.

Жена Обыденыша схватила его за руку и тащила домой.

— Пойдемъ же... Ваня, пойдемъ!..

— Карпушка! Косой чортъ! Убью! Сукинъ ты сынъ...

— Пойдемъ ради Христа... Моченьки нѣтъ моей...

Обыденышъ силился вырваться, но качался и падалъ на колѣни.

— Карпушка! Живодеръ! Я тѣ...

Какой-то разговорчивый мужиченка держалъ Обыденыша за плечо.

— Ваня... Ну что же! Ну пусть его... Онъ намъ, мы — ему... Такъ по-Божьи... Оставь...

— Ваня, пойдемъ,—умоляла жена.

Обыденышъ рвался, кричалъ и грозилъ кулаками.

Какой-то другой крестьянинъ безъ шапки, съ взлохмаченной головой отдѣлился отъ костра и подошелъ къ Карпу Ѳедоровичу...

— Какой ты есть человѣкъ!.. Погоди ты у меня...

— Да будетъ вамъ, черти, оголтѣлые...

— Ты—воръ, Карпушка... Слышишь ты? Воръ ты, воръ...

— Ну и народъ...

Жена тащила Обыденыша. Время отъ времени онъ останавливался. Грозилъ кулаками и ругался.

Я отправился домой.

Долго въ ночной тишинѣ меня догоняли пьяные крики и ругань.

— Карпушка... Воръ ты, воръ...

— Будетъ вамъ, будетъ...

— Карпушка!..

— Охъ, Господи...

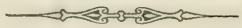
Около лѣса мнѣ встрѣтилась группа запоздалыхъ, возвращавшихся изъ лѣса, ребятишекъ и женщинъ.

— Дяденька, казаки уѣхали?

— Нѣтъ, ихъ вовсе не было... Идите спокойно.

— Ну, слава Тебѣ, Господи!..

1909 г.



ДЕРЕВЕНСКІЙ ИНТЕЛЛИГЕНТЪ.

I.

— Но разсудите-же, наконецъ, вы сами, разсудите, пожалуйста, а потомъ и говорите, потомъ оказывайте вашъ протестъ, сколько угодно; потомъ я буду молчать, слова не скажу... Разсудите: начинается эта земельная исторія,—я ѣду къ нимъ. Такъ и такъ, молъ, товарищи, деревня наша хорошо вамъ извѣстна, народъ, можно сказать, хорошій, стойкій народъ, а главное дѣло, молъ, придерживается къ партіи; скажете, молъ, вы словечко и по вашему словечку и будетъ исполнено. Слушаетъ, папироску покуриваетъ...

— Всѣ, говоритъ, пойдутъ за партіей?

— Всѣ, говорю; а коли останется два-три человѣка, они не могутъ имѣть никакой силы.

Походилъ, походилъ по комнатѣ, сѣлъ около меня и началъ... Говорилъ, говорилъ про крестьянъ, про землю—все хорошо, понятно говорилъ, а вижу я, что насчетъ дѣла ничего онъ не высказалъ. — Да какъ-же, говорю, о нашемъ-то дѣлѣ, покупать, то-есть намъ землю, или нѣтъ?

Опять началъ ходить, а потомъ подходитъ ко мнѣ: этотъ вопросъ,—говоритъ,—у насъ еще не обсуждался, но такъ какъ мнѣ извѣстны взгляды товарищей, то могу сказать тебѣ, что земли покупать не надо.

— Не надо?

— Ни въ какомъ случаѣ! Заявите прямо, что покупать не желаете и другимъ купить не позволите...

— Такъ,—говорю,—на этомъ и стоять?

— Стойте,—говоритъ,—и не поддавайтесь... Съ мѣста,—говоритъ,—не трогайтесь... Потому что, если никто этой земли покупать не будетъ, то должна отойти она вамъ даромъ въ самомъ скоромъ времени.

— Спасибо, говорю.—Поблагодарилъ его; ѣду къ нашимъ. Такъ и такъ,—говорю,—ребята, земли этой покупать ни въ какомъ случаѣ намъ не слѣдуетъ, потому что,—говорю—если всѣ мы забастуемъ, то останется земля эта никчемной и перейдетъ намъ въ самомъ скоромъ времени.

— А какъ, говорятъ, сказали тебѣ тамъ?

— А тамъ, говорю, сказали тоже самое. И по всей Россіи, говорю, никакой покупки произведено не будетъ.

— Ну, а какъ, говорятъ, переводки земли не произойдетъ, что мы будемъ дѣлать тогда?

— А тогда, говорю, будетъ видно. Но только не можетъ того дѣла быть, чтобы земля осталась ни при комъ; и если, говорю, никто покупать ее не будетъ, то долженъ будетъ этотъ банкъ раздать вамъ землю въ самомъ скоромъ времени.

Подумали, подумали мужики, «хотя, говорятъ, дѣло это намъ и не совсѣмъ подходяще, но разъ вся Россія пойдетъ, какъ одинъ человѣкъ, то обособляться намъ нѣтъ никакого смысла». Пріѣзжаетъ этотъ чиновникъ. «Покупаете, говоритъ, братцы?» — «Нѣтъ, говоримъ, ваше благородіе, пообождемъ. Какъ будутъ люди, такъ и мы. А пока впередъ другихъ не сунемся». Началъ онъ насъ усовѣщевать; стоимъ мы, какъ одинъ человѣкъ, и никто не изъявляетъ желаній. Поговорилъ онъ, постращалъ, подъ конецъ дѣла, видя нашу крѣпость, махнулъ рукой и уѣхалъ. Хорошо. Начали ждать мы, что выйдетъ.

Недѣльки, эдакъ, черезъ полторы пріѣзжаетъ ко мнѣ барышня. Такъ и такъ, говоритъ, пріѣхала къ вамъ отъ такого-то, на словахъ, говоритъ, никакой передачи не будетъ, а есть вотъ вамъ письмо, изъ него увидите вы, что надо вамъ дѣлать. «Это, спрашиваю, въ земельномъ дѣлѣ?»

«Ничего, говоритъ, не знаю». Ладно. Читаю письмо. Прочелъ и вижу, что находитъ на меня столбнякъ; понимать—понимаю все, а вѣрить не хочется. Пишетъ онъ мнѣ, что, разсудивъ земельное дѣло, партія рѣшила, что въ тѣхъ мѣ-

стахъ, гдѣ земли нѣтъ вовсе,—вродѣ хоть бы нашего мѣста,—покупать землю надо, но денегъ, вишь, можно не платить.

— Какъ-же это такъ?—говорю этой барышнѣ,—вѣдь мы, говорю, дали полный отказъ, а теперь произошло измѣненіе. Подумайте вы, говорю, какое теперь наше положеніе? Возьмите хоть меня,—говорилъ я народу одно, а теперь поверну въ другую сторону,—кто-же мнѣ дастъ довѣріе и могу-ли я свое уваженіе поддержать?—«Мнѣ, говоритъ, не извѣстно, должно быть, такъ рѣшилъ комитетъ». Комитетъ-то, говорю, комитетъ, но каково можетъ быть мое положеніе? Смутилъ я крестьянъ не покупать земли, а теперь долженъ повернуть оглобли... «Ничего, говоритъ, на это сказать не могу». Съ тѣмъ и уѣхала. Остался я одинъ, началъ обдумывать это дѣло, то-есть, какъ мнѣ теперь подойти къ мужикамъ. Думалъ, думалъ—ничего не выходитъ. Вижу—дѣло плохое; заныло мое сердце, такая охватила злоба на городскихъ товарищей, что и сказать вамъ не могу. Перечить, однако, не захотѣлось—разъ рѣшено для всѣхъ, то, слѣдовательно, и мы должны этого поддерживаться. Собираю мужиковъ. Вотъ, говорю, какое дѣло, мужички: произошла у насъ маленькая ошибочка, дѣйствительно, говорю, землю покупать не слѣдуетъ, но въ тѣхъ мѣстахъ, говорю, гдѣ земли нѣтъ вовсе, тамъ покупать разрѣшается; такъ что ваше дѣло теперь рѣшить—должна у насъ произойти покупка, или нѣтъ? Загалдѣли, зашумѣли, начали ругаться... Это, говорятъ, подвохъ какой-то: то не покупай, то покупай... По нашему-то, говорятъ, надо взять землю, да мы какъ во всѣхъ мѣстахъ, желаемъ...—Такое, говорю, исключеніе дано для малоземельныхъ, то-есть, для тѣхъ, говорю, кому нѣтъ иного выхода. Толковали день, другой, третій—рѣшили землю взять. Меня-же послали къ этому чиновнику въ городъ, чтобы сказать, что беремъ, молъ, землю. Поѣхалъ. Дня черезъ три пріѣзжаетъ чиновникъ съ земскимъ и еще съ какимъ-то молоденькимъ парнишкой, долго говорили съ нами и велѣли послать въ городъ выборныхъ, чтобы сдѣлать, что полагается, по формѣ. Выбрали мужики и меня. Долго мы ѣздили, хлопотали, писали; въ концѣ дѣла сказали намъ, что можемъ мы къ осени землю запахивать. Успокоился я немного; мужики тоже

поприбодрились. Всѣ видимъ, что въ петлю лѣземъ, да дѣло такое, что нѣтъ иного выхода. Да и народъ у насъ, какъ извѣстно вамъ, больше мордва, такой народъ, что гору готовъ везти, лишь-бы не безпокоили его разными вопросами. Согласный народъ, крѣпкій, коли на что пойдетъ, да разжечь-то его трудно. А здѣсь видитъ, что все скоро кончится, хоть и будетъ онъ платить, да лямку тянуть,—за то думать не придется. Вотъ и рады, что мыслей-то никакихъ теперь не надо будетъ питать; сѣлъ снова въ спокойное мѣсто и кряхти. Чудной народъ! надоѣло мнѣ съ нимъ хлопотать страшно. Богъ съ ними, думаю, пора и мнѣ честь знать. Началъ я устраиваться: за тюрьму-то, какъ извѣстно вамъ, все хозяйство свое я распустилъ, за что ни хватишься—ничего нѣтъ. Продалъ корову, купилъ кое-что. Семку въ училище опредѣлилъ... Говорилъ за это время и съ мужиками, какъ и что; о неуплатѣ денегъ тоже все рѣчь, также и другіе разговоры были. Прошло такъ мѣсяца, навѣрное, три. Когда бывалъ въ городѣ, заходилъ и къ нему, да не было его все, такъ и не пришлось мнѣ съ нимъ свидѣться. Вдругъ, вечеромъ какъ-то, подъѣзжаетъ на велосипедѣ. Обрадовался я ему ужасно.—Здравствуйте!—Здравствуйте. Ну, какъ и что?—Начинаю разсказывать ему о нашихъ дѣлахъ; сидитъ, молчитъ. Правильно-ли, говорю, поступили?—Ваше, говоритъ, дѣло. Разъ рѣшили такъ, то такъ тому дѣлу и быть... Но по партіи-то вѣрно-ли будетъ?.—Тутъ онъ мнѣ отлилъ пулю. «Партія, говоритъ, не можетъ устраивать крестьянскія сдѣлки. Не можемъ-же мы взять на себя объѣздку деревень и толкованіе съ крестьянами, какъ поступать имъ въ томъ или другомъ случаѣ. Наше, говоритъ, дѣло другое»... Вотъ тебѣ разъ! Что вы скажете на эти слова? То не покупай, то покупай, то дѣлай, какъ знаешь, а мы въ сторонѣ... Какое-же мы послѣ этого можемъ имѣть уваженіе среди мужиковъ? Да насъ грязной метлой надо гнать за это изъ деревни! Подождите—и будутъ еще гнать... Да и стоитъ, стоитъ...

Взволнованный Илья Кузьмичъ, боясь, что его перебьютъ и не дадутъ высказать всего, что у него накипѣло на сердцѣ, говорилъ часто, угрожающе постукивалъ по столу согнутыми пальцами, то вскакивая съ лавки, то снова садился, опираясь на колѣни руками.

За столомъ сидѣли два крестьянина, учительница земской школы, псаломщикъ и я, проживавшій въ то время въ деревнѣ С-но у Ильи Кузьмича.

Кончивъ свою тираду о «партійныхъ» передрягахъ, Илья Кузьмичъ немного успокоился, провелъ нѣсколько разъ рукой по волосамъ и—ожидая возраженій—началъ прихлебывать чай.

— Товарищъ, о которомъ вы говорите, по моему совершенно правъ,—нарушила минутное молчаніе учительница...

— Правъ?!..

— Да, правъ... Не можетъ-же, въ самомъ дѣлѣ, партія разослать людей по деревнямъ и селамъ для устройства крестьянскихъ сдѣлокъ — вы сами, Илья Кузьмичъ, понимаете, что при теперешнемъ положеніи не хватитъ ни силъ, ни опыта...

— Но позвольте, дорогой товарищъ, кто у васъ этихъ людей проситъ?

— Но какъ же иначе?

— Да зачѣмъ намъ ваши люди?!.. Наладили, прости Господи, одно слово, а какой толкъ въ этомъ словѣ — неизвѣстно. Вы намъ скажите, какъ понимать дѣло и какъ его сдѣлать, а уже мы здѣсь, въ деревнѣ, и безъ вашихъ людей обойдемся... О чемъ теперь пишутъ? То, другое, третье и—все пустяки, все ерунда... Привезли вотъ вы мнѣ листочки о Думѣ, а по-моему одинъ это смѣхъ и никому не нужно. Вѣдь, знали вы, что принятъ, къ примѣру, земельный законъ, вотъ и должны были намъ его растолковать, на всѣ вопросы отвѣтить: выдѣляться изъ міра или нѣтъ? Покупать землю или пообождать? Если покупать, то какъ: черезъ банкъ-ли съ выплатой? всѣмъ-ли міромъ? товариществами-ли? Прямо-ли у помѣщика, или пообождать, когда у него банкъ возьметъ, а потомъ ужъ у банка? Кабы все это было намъ разъяснено, не надо-бы и людей вашихъ. Знали-бы мы, что дѣлать, и поняли-бы, почему это хорошо... А то, что-же это такое? Одинъ мужикъ такъ говоритъ, другой по-своему, шумъ, гвалтъ, а мы стоимъ да помалкиваемъ—разбирайтесь, молъ, мужички, а мы пока что пообождемъ...

— Но, вѣдь, всѣ эти вопросы чрезвычайно сложны и рѣшить ихъ, не изучивъ ряда отдѣльныхъ случаевъ, невозможно.

— А для мужика не сложные? Мужикъ, значитъ, будетъ рѣшать, а вы глядѣть, да учиться... Хорошо! Очень великолѣпно! Мужикъ, пока рѣшаетъ, можетъ быть, въ могилу съ голоду пойдетъ, а вамъ стоять, да посматривать... За то, молъ, потомъ, когда вы рѣшите, мы скажемъ вамъ, правильно или нѣтъ вы поступили... Хорошо! Да зачѣмъ-же вы, позвольте васъ спросить, послѣ этого намъ нужны? Стоять да ушами хлопать?!..

— Правильно! — поддакнулъ угрюмый крестьянинъ Кондратьичъ.

— Но, вѣдь, вы, Илья Кузьмичъ, больше ругаетесь, чѣмъ доказываете. Что-же и какъ по-вашему надо дѣлать?

— По-моему? Въ томъ-то и дѣло, что не спрашивали вы меня, а я васъ спрашивалъ... Приноситъ мнѣ недавно учитель Иванъ Ивановичъ книжку. Почитай, говоритъ, Илья Кузьмичъ, здѣсь о крестьянскихъ волненіяхъ извѣстный, говоритъ, писатель составилъ. Начинаю читать: «мужики такого-то села сожгли имѣніе, захватили свиней барскихъ, сѣли на току, развели костры, начали пить водку и жареной свининой закусывать. Напились, проспались и снова за то-же дѣло. И такъ вплоть до пріѣзда казаковъ». Что это такое? Скажите мнѣ, пожалуйста, гдѣ это такъ бывало? Что вы мужика-то за свинью, что-ли, считаете, въ видѣ той, которую онъ ѣлъ на току? Прочиталъ я эту книжку до половины и бросилъ. Вижу, не знаютъ люди мужика и знать его не хотятъ. Что кому придетъ въ голову, тотъ то и пишетъ. А подъ конецъ дѣла и выходитъ такъ, что того, что намъ надо, никто сказать не можетъ, и того, что мы есть—никто не знаетъ... А по-моему, если ужъ люди, дѣйствительно, желаютъ намъ добра, то пусть узнаютъ все по-настоящему, тогда и у нихъ будетъ о насъ правильное понятіе и намъ они хорошій совѣтъ могутъ оказать.

— Но какъ-же сдѣлать-то это?

— Очень даже просто. Взять хоть-бы вотъ эти хутора. Поѣхалъ, вонъ, господинъ Столыпинъ по губерніи, объѣхалъ хуторскіе поселки и начался крикъ по всей Россіи—хорошо, великолѣпно, блестяще; все, однимъ словомъ, въ порядкѣ. Онъ на этихъ хуторахъ-то, можетъ, часъ какой пробылъ, да

и назадъ, а крику-то надѣлалъ на цѣлый годъ. Всѣ кричатъ—хорошо! А что хорошаго? Никто не знаетъ. Прекрасно—и все тутъ. Вотъ вы бы вслѣдъ за Столыпинымъ-то и отправились туда, посмотрѣли-бы, дѣйствительно-ли тамъ такой земной рай, а потомъ и описали-бы все это въ книжечкѣ. Если тамъ все великолѣпно, то и намъ, значитъ, надо попытать. А не все хорошо — то опроверженіе этому крику вы-бы дать могли.

Илья Кузьмичъ замолкъ. Молчали нѣкоторое время и мы.

— Вотъ, хутора, эти—прямо заноза въ глазу... Столыпинъ осмотрѣлъ, самъ наиглавнѣйшій министръ—великолѣпно. Значитъ—вали, робя, на хуторокъ. А вотъ въ тринадцати верстахъ отъ насъ есть хутора эти самые: хохлы осѣли на землю. Былъ я у нихъ разовъ пятокъ—Господи твоя воля! Да у насъ вонъ самый завалящій мужикъ, какой-нибудь Микиша Ломаный лучше ихъ живетъ. Разселились они каждый на своей землѣ, у всѣхъ землянки; ни хлѣва у него, ни двора; обнесъ усадьбу загородкой въ двѣ жердочки, да землянку вырылъ—вотъ и хуторъ. На десять дворовъ одинъ колодезь. Баба бѣдная, версты за полторы за водой-то хлыщетъ. Огородикъ-бы завелъ—съ водой не сподручно. Пріѣхали ни съ чѣмъ: топоръ понадобится — бѣгаютъ изъ двора во дворъ. Богъ, говоритъ, дастъ, укрѣпимся. Держи руки шире! Укрѣпитесь! Вотъ вамъ и хутора... А зимой занесетъ ихъ—такъ и откопать некому. А господину-то Столыпину и здѣсь было-бы хорошо!..

— Да! Бывалъ и я у нихъ—горе!—замѣтилъ Кондратьичъ.

— Мы то бывали, а вы вотъ, барышня, только по газеткамъ. Скажите мнѣ: много-ли вы о деревнѣ написали, много-ли мужику растолковали и окажется въ конецъ дѣла, что разъ—два, да и обчелся. Во время забастовокъ вы приходили къ намъ, говорили,—мы васъ слушались. А теперь, когда намъ пришлось свое-то дѣло обмозговывать,—мы къ вамъ, а вы—рѣшайте, какъ хотите... Вотъ я и говорю: посмотритъ, посмотритъ мужикъ, что нѣтъ ему ни откуда выясненія, никто теперь, въ трудную-то минуту, къ нему не идетъ, да и отшатнется отъ васъ на вѣки-вѣчные. Меня хоть теперь взять; вѣрилъ я вамъ, любилъ лучше дѣтей родныхъ и оказывалъ

всякую преданность, а теперь сомнѣваюсь я о васъ, потому что не даете вы намъ никакихъ рѣшеній...

Самоваръ былъ выпитъ, Илья Кузьмичъ сказалъ все, что у него «накопилось», учительница перешла къ вопросу о травлѣ, преслѣдованіяхъ и гоненіяхъ; Кондратьичъ полушопотомъ разсказывалъ своему сосѣду о какомъ-то бычкѣ. Разговоръ былъ исчерпанъ; всѣмъ было какъ-то тяжело, какъ-то не по себѣ...

— Молочка не хотите-ли, господа?—предложилъ Илья Кузьмичъ.

Псаломщикъ выпилъ молока, и мы начали прощаться.

— Да, такое-то дѣло, господа-товарищи! Ни взадъ, ни впередъ, что называется... Вышибся мужикъ изъ колеи, а новой еще не пробилъ, вотъ и колеситъ по кочкамъ... Надо что-то дѣлать, а что—никому неизвѣстно... А вы... Ну, да что я на васъ напалъ! Такъ, вѣдь, это! Вы не подумайте... Горько на душѣ-то,—вотъ и вертишь языкомъ-то. Понимаю я тоже, что и вамъ не легко...

II.

Илья Кузьмичъ особенно гордится тѣмъ, что всѣ его дѣды и прадѣды возросли и умерли въ деревнѣ, несмотря на то, что «хорошіе были случаи въ городѣ»; если-бы, хоть при отцѣ, вотъ, взять, въ городъ-то мы перешли, то купцами теперь «могли-бы быть». Илья Кузьмичъ любитъ деревню и особенно любитъ С—но; любитъ его «неизвѣстно почему», любитъ, несмотря на то, что с—цы «народъ самый нестоющій», способный на разные «подвохи», и что съ Ильей Кузьмичемъ они часто «шутили самыя неосновательныя шутки». «Ненадежный народъ с—цы,—часто говоритъ Илья Кузьмичъ: если упрутся, то еще ничего себѣ, а сдвинетъ ихъ кто-нибудь на свою сторону—пиши все пропало. Тогда они тоже упрутся—только на иной ладъ. Одно слово—мордва»!...

Дѣйствительно, за послѣднія пять лѣтъ С—но дало цѣлый рядъ такихъ примѣровъ. Большей частью С—но населено мордвой. Этотъ забитый и терпѣливый народъ, народъ безъ прошлаго, безъ всякихъ традицій, до такой степени сжился

со своей нуждой и вѣчными гореваніями, что жизнь свою—грязную и полуголодную,—считалъ самой нормальной, положенной отъ Бога крестьянству—жизнью. Страшная отсталость, полная безграмотность, вѣчная голодная нужда до такой степени обезличили с—цевъ, до такого крайняго предѣла отупѣнія сковали ихъ мысль, что долгое время движенія крестьянъ ближайшихъ селъ и деревень не производили на с—цевъ никакого впечатлѣнія. Кругомъ жизнь кипѣла и бурлила; ежедневно ставились и рѣшались новые и новые вопросы, а с—цы по прежнему безропотно и терпѣливо тянули свою каторжную лямку, а самые умные изъ нихъ на вопросъ—какъ же думаете вы?—обычно отвѣчали: «да что ты станешь дѣлать съ нашимъ народомъ? Съ нимъ какой можетъ быть поступокъ: взялъ стягъ, загналъ ихъ всѣхъ куда-нибудь во дворъ, а ужъ оттуда и гони, куда надо. А иначе съ нашимъ народомъ поступать невозможно». Помѣщица Бородина, «полная владѣлица» всѣхъ земель, окружающихъ С—но, «твердо вѣрила въ свой народъ», по-своему умѣла его понять и—когда крестьяне сосѣднихъ селъ совершили нѣсколько нападеній на ея лѣсъ и грозили «добраться до хоромъ»,—госпожа Бородина созвала с—цевъ и предложила имъ такую сдѣлку: они будутъ защищать ее, а она за услуги ихъ дастъ имъ по десятинѣ земли на дворъ. С—цы думали не долго. Предложеніе было заманчиво; чувство солидарности съ крестьянами другихъ деревень отсутствовало; широкихъ замысловъ ихъ они не понимали и не хотѣли понять и вотъ—предложеніе было принято. Съ кольями, топорами и вилами въ рукахъ с—цы появлялись у воротъ усадьбы, какъ только проносился слухъ, что мужики той или иной деревни «идутъ». Окрестные крестьяне ненавидѣли с—цевъ до глубины души; но безпрестанныя угрозы и мелкія столкновенія дѣлали с—цевъ лишь болѣе дѣятельными и вѣрными защитниками госпожи Бородиной. Мужики сосѣднихъ деревень грозили, что соберутся вмѣстѣ и разнесутъ все С—но вмѣстѣ съ ихъ «барыней», и неизвѣстно, чѣмъ кончилась бы эта исторія, если-бы въ это время не вернулся съ войны Илья Кузьмичъ.

Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ, онъ положительно «вышелъ изъ себя».

— Ахъ, вы, мошенники! — кричалъ онъ, бѣгая изъ одной избы въ другую.—Что-же это вы надѣлали? А?!

— Будетъ тѣ, что ужъ ты больно-то!.. Ишь... крикунъ...

— Я не крикунъ... Съ вами не кричать, а бить васъ надо.

Но с—цы «уперлись» и сдвинуть ихъ было трудно. Отдѣльные крестьяне согласились съ Ильей Кузьмичемъ, присоединились къ его ругани, но скоро махнули рукой, рѣшая, что «такому дубью хоть колъ на головѣ теши и то никакого проку не выйдетъ». Однако Илья Кузьмичъ самъ былъ человѣкъ характера твердаго: война его научила многому, и онъ рѣшилъ во что-бы то ни стало «обтесать» с—цевъ и «прояснить имъ глаза». На каждомъ сходѣ, на каждомъ маленькомъ собраніи, при каждой встрѣчѣ съ мужиками онъ «долбилъ имъ головы», дѣйствуя то руганью, то лаской, то разсужденіемъ.

— Экій неугомонный человѣкъ, ей-Богу: помолчалъ-бы хоть немного, право слово...

— Да какъ съ вами замолчишь-то, когда вы счастья своего понять не умѣете. Говоришь, говоришь вамъ и все отъ васъ, какъ отъ стѣны горохъ.

— Ты-бы толкомъ говорилъ, коли что... А то плететъ нивѣсть что...

— Много въ васъ вобьешь толкомъ-то. Барыня... Госпожа Бородина...

Пользуясь всякимъ случаемъ, Илья Кузьмичъ насѣдалъ на крестьянъ и «не давалъ имъ житья». Всякое извѣстіе изъ города, изъ газетъ онъ использовалъ для своей агитаціи. А извѣстій въ то время приходило много, одно было неожиданнѣе другого.

— Вотъ какъ Кондольцы-то дѣйствуютъ, вотъ это молодцы, вотъ это по-моему. Имѣютъ люди настоящее понятіе. одинъ стоитъ за другого и всѣмъ будетъ хорошо... Братцы! Да одумайтесь вы, Христа ради, взгляните на себя... Что мы, въ полѣ обсѣвокъ, что-ли? Хуже другихъ, что-ли, мы? Всѣ люди, какъ люди, а мы, какъ Богъ знаетъ что...

— Да ты-то откуда больно ума-то понабрался? Нашелся то-же учитель!

— Я-то набрался, милый мой! Съѣздилъ-бы ты за десять

тысячъ верстъ-то, такъ тоже-бы не съ пустой головой вернулся... Я получилъ свое понятіе и все очень хорошо себѣ представляю... Видалъ тоже людей поумнѣе насъ съ тобой—всю картину они доподлинно мнѣ изобразили и во все я головой моей вникъ. А вы вотъ не больно-то вникаете, ваши головы обухомъ прошибать надо...

Какъ ни странно, но постоянный «зудъ» Ильи Кузьмича возымѣлъ дѣйствіе. Отъ простого отмахиванія, ругани и ироническихъ замѣчаній многіе начали переходить къ внимательному прислушиванію, на многихъ стало «находить раздумье».

— Кто е знаетъ, кабы не ошибиться, ребята...

— И то сказать, вонъ за сколько верстъ человѣкъ таскался, какъ не повстрѣчать умныхъ людей?! А мы здѣсь чего видимъ... Подумать-бы надо...

— Мозговатая голова—что и говорить, другой разъ такое слово скажетъ. что прямо тебя за сердце и щипнетъ.

— Народъ-то у насъ больно пришибленный... Ты ему хоть говори—хоть не говори, а онъ все на своемъ...

— Дойдутъ!—торжествовалъ, слыша такія сужденія, Илья Кузьмичъ,—до всего дойдутъ! Образумятся! Мужикъ сѣръ, а умъ-то у него не чортъ съѣлъ!

Чѣмъ болѣе «образумливались» мужики, тѣмъ болѣе «донималъ» ихъ Илья Кузьмичъ, тѣмъ болѣе онъ входилъ въ себя, развертывался, а иногда и торжествовалъ. Пріѣхавъ какъ-то въ это время ко мнѣ въ сосѣднее село, онъ съ милой счастливой улыбкой вбѣжалъ въ избу; на лицѣ его сіяло торжество; поспѣшно пожимая мнѣ руки, онъ лукаво подмигивалъ; ясно было, что онъ привезъ какую-то интересную новость...

— Ну, что?

— Да ничего...

— Говорите скорѣе, полно вамъ...

— А вы угадайте!

— Да говорите-же!

Добродушная улыбка все время не сходила съ его лица...

— Ей-Богу, вы не повѣрите.

— Ну, полно, въ чемъ дѣло?

— Наши-то, шагъ впередъ сдѣлали... Сегодня на газету денегъ собрали... Ей-Богу—вотъ и деньги съ собой привезъ—

8 руб. Вы ужъ, пожалуйста, выпишите намъ какую получше, да попонятнѣе... Чтобы о деревнѣ побольше...

— Да какъ-же это они такъ?

— Разсказываю я имъ про другія мѣста, какъ тамъ дѣла идутъ. Они слушаютъ, кто вѣритъ, а кто—вранье, молъ... Я, говорю, въ газетахъ самъ читалъ... Начался здѣсь разговоръ. Въ конецъ того рѣшили газету выписать, чтобы все знать и обложили по 2 коп. съ человѣка. Теперь дѣло пойдетъ; только ужъ вы, пожалуйста, газетку-то получше...

Такъ постепенно раскачивалъ Илья Кузьмичъ с—цовъ. Велика была его задача и долго еще пришлось-бы трудиться Ильѣ Кузьмичу, если-бы жизнь и «постороннія причины», эти лучшіе агитаторы нашего отечества, не помогли ему скоро и рѣзко «открыть глаза» с—цамъ.

Какъ только крестьянскія волненія начали понемногу утихать, господа помѣщики немного оправились, вылѣзли изъ своихъ норъ и тотчасъ-же выпустили когти. Госпожа Бородина поблагодарила с—цевъ, заявивъ, что она вѣрна своему слову и даетъ имъ по десятинѣ земли на одинъ годъ.

— То-есть, какъ-же это?

— Обѣщаньице ваше, барыня, было, чтобы отдать намъ земельку навовсе, безъ платежа... Вы ужъ не обижайте мужичковъ-то, а мы за васъ Бога помолимъ.

— Это за какую-же милость-то, позвольте узнать? За то что вы не ограбили меня? За это вы цѣлы остались. Посмотрите вонъ, какъ въ другихъ деревняхъ разбойниковъ-то проучиваютъ... Вамъ того-же, чтоль, хочется? Ну, да будетъ; отфорсили.

Началась брань, взаимныя угрозы. Госпожа Бородина грозила «немедленно призвать казаковъ», а крестьяне кричали, что «за такой обманъ и подвохъ сотрутъ ее съ лица земли вмѣстѣ съ хуторомъ».

— Чего, робя, съ ней долго-то разговаривать? Возьмемъ землю, да и все! Мы себя на всѣ уѣзды опозорили, а она на-ко вотъ—отлила пулю! На годъ! Ишь ты, какъ свиснула! Да подавись ты своимъ годомъ-то!

Илья Кузьмичъ бѣгалъ отъ одной взволнованной группы къ другой.

— Что, братцы? Не говорилъ я вамъ? Подождите теперь, не горячитесь... Обсудимъ все толкомъ, что намъ дѣлать.

— Въ судъ на нее, шлюху!

— Жди тамъ суда! Позвать вонъ мужиковъ изъ Березовки—они ей и зададутъ судъ.

— Подождите, все дѣло испортите. Слушайтесь теперь меня. Завтра привезу я изъ города человѣка, и разъяснитъ онъ намъ это дѣло. Малый онъ съ головой и въ такихъ дѣлахъ дошлый. Одинъ день—не Богъ вѣсть что, а, можетъ, онъ что и посовѣтуетъ.

Согласились обождать обѣщаннаго «человѣка». Рано утромъ Илья Кузьмичъ поѣхалъ въ городъ, а къ вечеру прибылъ и «человѣкъ». Бесѣдъ было много, и самымъ внимательнымъ слушателемъ былъ Илья Кузьмичъ. То и дѣло онъ вставлялъ свои реплики и похвалы.

— Вѣрно!

— Все до единаго слова правильно!

— А мы-то, мы-то дураки... А?!.

— Вотъ, вѣдь, учить-то насъ некому!..

— Ахъ, Господи...

Приблизительно одинаковыя реплики слышались и со стороны другихъ крестьянъ. И если по временамъ, когда «человѣкъ» затрагивалъ слишкомъ острые вопросы, многіе морщились и неодобрительно качали головами, Илья Кузьмичъ обязательно посматривалъ на нихъ и замѣчалъ:

— И это вѣрно! Подождите, дойдетъ и до этого.

«Человѣчекъ» на годъ землю брать не совѣтовалъ, доказывая, что скоро вся земля перейдетъ крестьянамъ.

— Вотъ слышите!—кричалъ Илья Кузьмичъ,—а вы-то, вы-то, какъ поступали!...

«Сговориться нужно, — говорилъ человѣчекъ,—выяснить все, а тогда мы будемъ знать, когда начать и какъ дѣйствовать».

Много разговоровъ надѣлалъ пріѣздъ человѣчка. Провожая его, всѣ просили пріѣхать еще, не забывать ихъ. А какая-то старуха сунула ему на прощанье двѣ масляныя лепешки.

— Закусишь дорогой-то. Возьми!

«Человѣчекъ» взялъ лепешки, поблагодарилъ и уѣхалъ.

Довольный и веселый, Илья Кузьмичъ ходилъ по селу и разъяснялъ непонятныя мѣста произнесенныхъ «человѣчкомъ» рѣчей.

— Начинаютъ вникать!—говорилъ, онъ, потирая руки.— Некому имъ существо дѣла-то было растолковать; тоже люди, вѣдь, человѣчья душа-то... Услышали вотъ правильное-то слово и отмякла душа-то, а какъ наберутся въ голову-то побольше разныхъ мыслей, то и вовсе просвѣтлятся... Я вотъ тоже болванъ-болваномъ былъ, а какъ начали мнѣ въ голову-то взваживать разныя разсужденія, то стало яснымъ для меня всякое число... Прежде тоже ругался, когда темь-то изъ меня вышибали, а теперь благодарю...

III.

Ежегодно въ С—нѣ бываетъ ярмарка; вѣрнѣй, не въ самомъ С—нѣ, а около него, куда на громадную поляну между двумя лѣсами госпожи Бородиной съѣзжаются крестьяне окрестныхъ деревень съ хлѣбомъ, скотомъ и домашними издѣліями изъ дерева. Обычно хлѣба привозятъ довольно много, такъ что всевозможные скупщики и ссыпщики считаютъ выгоднымъ выстроить здѣсь временные амбары, куда и ссыпаютъ крестьянскій хлѣбъ. Рядомъ съ этими амбарами обычно появляется цѣлая улица лавочекъ и палатокъ, принадлежащихъ тѣмъ же скупщикамъ,—съ различными товарами, такъ что, въ большинствѣ случаевъ, скупщики выдаютъ вмѣсто денегъ ярлыки, которые и реализуются въ лавченкахъ.

Въ хорошіе годы народу стекается нѣсколько десятковъ тысячъ; ярмарка тянется цѣлую недѣлю и больше, и с—цы извлекаютъ изъ нея кое-какую выгоду: бабы пекутъ аладьи, мужики запрягаютъ лошадей и развозятъ по ярмаркѣ воду или снопы травы, громко выкрикивая: «лошадей поить, вода ключевая холодная». «Травы зеленой, свѣжей!» Грязныя лачуги и землянки с—цевъ подмываются, чистятся и сдаются подъ квартиры пріѣзжимъ. Въ результатѣ каждый извлекаетъ выгоду въ 3—5 руб., которая является значительнымъ подспорьемъ въ скромномъ крестьянскомъ бюджетѣ.

Въ дни ярмарки С—но оживаетъ: то и дѣло по улицамъ проходятъ веселыя толпы подгулявшихъ крестьянъ; тянутся безконечныя вереницы обозовъ съ товарами и хлѣбомъ; ребятишки толпятся около балагановъ и каруселей; настроеніе с—цевъ за эти дни поднимается; они начинаютъ какъ-бы гордиться; «вотъ, молъ, мы все-таки не хуже другихъ; у насъ ярмонка; другое и богатое село, а, поди-кось, поищи тамъ ярмонку-то». Такъ что къ ярмаркѣ начинаютъ готовиться за мѣсяцъ, за два, а по окончаніи ея о ней говорятъ долгое время.

Но въ 1906 году произошло такое событіе, которое испортило все ярмарочное настроеніе. Совершенно неожиданно «для охраны ярмарки» прислана была сотня казаковъ, которые и размѣстились въ лачугахъ с—цевъ. Помимо нежелательнаго сосѣдства грубыхъ и нахальныхъ гостей, с—цы лишились возможности использовать свои жилища подъ квартиры пріѣзжихъ торговцевъ. За нѣсколько дней до ярмарки начались конфликты и столкновенія. Жалобы не вели ни къ чему; озлобленность крестьянъ ежедневно росла. Когда открылась ярмарка и казаки стали хозяйничать на ней, напали на казаковъ.

Началось нѣчто невѣроятное. Казаки стрѣляли въ многочисленнную толпу, въ казаковъ летѣли горшки, ведра, оглобли и другіе предметы, которые крестьяне бросали изъ наваленныхъ торговцами грудъ; многихъ казаковъ стаскивали съ лошадей и били, чѣмъ попало; торговцы запрягали лошадей и увозили оставшіеся товары. Въ результатѣ три казака были убиты, многіе избиты, а остальные ускакали въ городъ. Ярмарка не состоялась, окрестные крестьяне поспѣшно разъѣхались, торговцы тоже, и все обрушилось на с—цевъ. 26 человѣкъ было арестовано и предано военному суду за убійство казаковъ. Избитый Илья Кузьмичъ спасся какимъ-то чудомъ.

Разбирая оставшіеся отъ грабежа пожитки, бабы выли; увезенныхъ въ тюрьму считали погибшими. Трудно представить себѣ болѣе душу раздирающую картину, чѣмъ была въ то время въ С—нѣ. Вой въ каждой избѣ, вой на улицѣ бабъ, собравшихся въ кучки, истерическіе крики перепуганныхъ

ребятишекъ; группы оживленно толкующихъ крестьянъ; группы крестьянъ, растерянно посматривающихъ на раззоренную деревню и безнадежно всплескивающихъ руками.

Съ перевязанной полотенцемъ израненной головой, съ синяками подъ глазами и кровоподтеками на всемъ лицѣ,— Илья Кузьмичъ, стараясь вызвать улыбку на своемъ страдающемъ лицѣ, бѣгалъ отъ одной группы къ другой и утѣшалъ крестьянъ.

Молчаливый мужикъ Кондратьичъ, рѣдко съ кѣмъ-либо говорившій и большую часть времени проводившій въ своей кузницѣ, вдругъ вышелъ впередъ, взглянулъ на толпу нахмуренными глазами и грубо сказалъ:

— Вѣрно! Правду ты говоришь Кузьмичъ. Грѣшенъ я, думалъ—подкупили тебя... А теперь вотъ всѣмъ ясно... Мы ее, бабу-то Бородину, защищали, но не токмо, какого удовольствія за это не получили, но избили насъ смертнымъ боемъ... Уцѣлѣлъ ты на наше счастье и должны мы теперь тебя слушать и оберегать...

Пріѣхавъ вскорѣ послѣ этого ко мнѣ, Илья Кузьмичъ, не оправившійся отъ полученныхъ побоевъ, долго разсказывалъ о всей этой исторіи.

Пугливая растерянность, охватившая за послѣднее время русское общество, тогда была лишь въ зачаточномъ состояніи. Правда, первая Дума была уже разогнана, реакція расправляла крылья, но все-же у большинства была увѣренность, что «это лишь не надолго», что крупныя перемѣны произойдутъ въ самомъ скоромъ времени. Поэтому всѣ ожидали чего-то, думали, что не нынѣ—завтра кто-то что-то совершитъ; или, по крайней мѣрѣ, что-то начнетъ, а остальныхъ призоветъ на помощь. Увѣренность эта особенно сильна была (сильна она и до сихъ поръ) среди крестьянъ, которымъ часто говорили, что нужно ждать и готовиться.

Пытливый умъ Ильи Кузьмича не мирился, однако, съ этимъ общимъ рѣшеніемъ вопроса. Въ каждый свой пріѣздъ ко мнѣ онъ засыпалъ меня сотней вопросовъ, касающихся всевозможныхъ подробностей.

— Вы не думайте что я не вѣрю... Нѣтъ! Мнѣ просто больно—ошибки-бы опять не вышло. Вотъ что! Дали-бы вы

мнѣ книжечекъ, чтобы составить понятіе. И мужики тоже одолѣваютъ. Говорятъ, Бородиха-то продать землю хочетъ... Всѣ побаиваются... Вотъ поэтому-то я и говорю.

Съ тѣми-же вопросами онъ обращался и къ другимъ знакомымъ, къ которымъ «имѣлъ довѣріе», и у нихъ бралъ книжки, читалъ по цѣлымъ ночамъ, но, какъ видно, это его не удовлетворяло, не рѣшало его вопросовъ, и съ каждымъ днемъ онъ становился болѣе и болѣе озабоченнымъ.

— Вѣдь, вотъ мы мужики-то, ей Богу... Умъ то у насъ тугой... Не могу никакъ я вникнуть. Ну, скажемъ такъ, какъ вы говорите—рано, или поздно, ну, а какъ поздно? Вѣдь, ждать-то намъ теперь никакъ невозможно. Сами вы понимаете наше положеніе. Теперь-бы намъ хоть маленькое какое рѣшеньице!..

И когда ему на подобныя тирады отвѣчали общими разсужденіями, онъ становился печальнымъ и угрюмымъ; торопливо прощался, бралъ новыя книги и уходилъ.

— Не то что-то. Не могу доискаться настоящаго смысла... Сосать меня начинаетъ... Да и мужички тоже...

Вскорѣ Илья Кузьмичъ былъ арестованъ, шесть мѣсяцевъ просидѣлъ въ тюрьмѣ и высланъ на годъ въ Вологодскую губернію.

IV.

Изъ тюрьмы Илья Кузьмичъ не писалъ никому ничего. С—цы, «оставшіеся сиротами», начали падать духомъ. Всѣ боялись, что дѣло его окончится «скверно»: «ужъ слишкомъ видный онъ у насъ человѣкъ». О томъ, какъ чувствовалъ себя Илья Кузьмичъ въ тюрьмѣ, я узналъ лишь изъ письма, которое онъ послалъ мнѣ изъ ссылки.

— Когда меня ввели въ вагонъ, я ни о чемъ какъ-то не думалъ; нѣтъ, нѣтъ, рванетъ за сердце мысль, что одни теперь наши мужики остались и некому ихъ поддержать, а потомъ опять какъ-то забудусь. И такъ всю дорогу. О себѣ начну думать—ничего не выходитъ, къ мужикамъ мысли тянетъ, а о нихъ подумаю—такая начинается тоска, что хоть петлю на шею. Пропадутъ—думаю: только одумываться началъ народъ, только увидалъ вдалекѣ вѣрную-то дорогу и опять остался

безъ поводыря. Ну, думаю чай, какъ-нибудь, устроиться городскіе помогутъ, да и на Кондратьича была у меня надежда большая, хоть въ мысляхъ онъ и не совсѣмъ еще разобрался, а твердость характера имѣетъ... Такъ въ этихъ думахъ и ѣхалъ; а въ тюрьмѣ посадили меня въ большую казарму, народу было много и все хорошій народъ: нашихъ мужиковъ 9 человѣкъ, 6 человѣкъ изъ мастеровыхъ, 4 студента, а одинъ пожилой ужъ господинъ, который служилъ докторомъ въ Б-мъ уѣздѣ. Поздоровался я съ нашими, обрадовались было, а потомъ еще пуще затосковали; поговорилъ съ посторонними господами, вижу—народъ все хорошій, веселый; начали меня обо всемъ распрашивать. Начались у меня съ ними каждодневные разговоры; молодымъ-то я скоро надоѣлъ, потому больно много у меня накопилось мыслей, а тамъ, пожилой-то, на все мнѣ отвѣчалъ, все разсказалъ; о французской и другихъ революціяхъ далъ понятіе. Очистилась моя голова, а сердце затосковало еще больше.—Ну, думаю, сгибнутъ с-цы, какъ мыши подъ пустымъ амбаромъ, потому, какъ извѣстно вамъ, положеніе наше такое, что не можетъ быть большого промедленія. Говорилъ я съ пожилымъ и на этотъ счетъ, но онъ прямо сказалъ, что не берется что-нибудь намъ посовѣтовать и что на волѣ это виднѣе и тамъ, навѣрное, объ этомъ разсужденіе идетъ. Читали мы вмѣстѣ съ нимъ книжки; онъ прочитаетъ какое мѣсто и съ нашими дѣлами сравненіе производитъ. «Видишь, говоритъ, похуже нашего было, а подъ конецъ того дѣла правда вышла на чистоту».—«Если-бы, говорю, возможно было намъ ждать, то имѣлъ-бы я теперь болѣе разсужденія, но наши мѣста меня мучатъ и если разъяснить все это мужикамъ, то будетъ у нихъ большое огорченіе, потому что ждутъ всѣ со дня на день и при нынѣшнемъ положеніи никакое дѣло не мило». Такъ и жилъ я все время. Только скажу вамъ, что каждый день я началъ чего-то ждать; засыпаю вечеромъ и жду, чтобы утро скорѣе, потому что кажется мнѣ, что на завтра что ни на есть должно случиться. И такъ каждый день. Жду, жду—вижу, что ничего не случается, а все жду. Газетку намъ передавали; какъ получишь, бывало, ее, такъ и вопьешься глазами, читаешь и видишь, что идетъ дѣло все хуже да хуже; горько станетъ. А все чего-то ждешь... Объ му-

жикахъ нашихъ доходили до меня вѣсти, что хотѣла Бородиха опять ихъ опутать, но не поддались они; много мы здѣсь этому радовались. Теперь живу въ Никольскомъ уѣздѣ; жить здѣсь осталось 7 мѣсяцевъ 16 дней; затѣмъ опять пріѣду къ вамъ. Мѣста здѣсь землистыя, и хотя не всѣ наши хлѣба родятся, но мужикъ сытъ; деревеньки маленькія: лѣпится 5—10 дворовъ, но избы большущія и для скота полное удобство». И такъ далѣе...

Въ С-нѣю письмо Ильи Кузьмича перечитывалось нѣсколько разъ и всякій разъ слушалось съ глубокимъ вниманіемъ.

— Вишь ты, въ какую даль закинули человѣка... Поживи-ка тамъ, попробовай!

— А мѣста, говоритъ, землистыя!

— Что-же, что землистыя, коли роду нѣтъ. Земли ѣсть не станешь...

— Може, свой какой хлѣбъ есть. Въ другихъ мѣстахъ, говорятъ, разна пища бываетъ.

— Онъ-же разсказывалъ, вонъ, про японцевъ-то... Хлѣба нѣтъ, а есть гяолянъ; его и жрутъ.

— Да!

Послѣ небольшого молчанія:

— Сколько терзали человѣка, а все о насъ не забываетъ. Тянетъ въ свои-то мѣста.

— Что ты думаешь? На чужой сторонѣ и весна не красна!..

— Скорѣе бы пріѣзжалъ ужъ, а то дѣла-то наши... Земля-то Бородихина, слышь, переходитъ къ банкѣ. Сядемъ мы тогда, братцы, по самую шею.

— Слышалъ, чай, 7 мѣсяцевъ и 16 денъ осталось.

— Время долгое...

— Какъ-нибудь дотянемъ.

Такъ какъ въ письмѣ были названы фамиліи крестьянъ, съ которыми сидѣлъ Илья Кузьмичъ, то каждое чтеніе письма вызывало много воплей.

— Съ моимъ-то, голубчикомъ, вмѣстѣ жили... Бѣдная моя головушка!..

— Что-то съ нашими-то будетъ...

— Защити ты ихъ, Господи!..

— Будетъ вамъ, бабы! Экій вы, ей Богу народъ! И безъ васъ тошно.

Такъ жили с-цы, перебиваясь изо дня въ день; каждый день ожидали чего-то; разочарованные въ минувшемъ днѣ, ложились спать, рано поднимались на другой день, снова ждали, бесѣдовали, слушали газеты, комментировали рѣчи депутатовъ второй Думы и глубоко надѣялись. Этой надеждой на скорое лучшее они только и жили; она помогала имъ переносить тяжелыя жизненныя условія; довольствоваться кускомъ чернаго хлѣба; надежда эта и связанные съ ней запутанные и неясные вопросы заставляли послѣдній грошъ отдавать на покупку книги и газеты, въ которыхъ думали найти слова, сразу разъяснявшія все.

Всѣ планы улучшенія жизни, исполненіе общихъ желаній въ С-нѣ связывались съ пріѣздомъ Ильи Кузьмича. Въ своихъ частыхъ изъ ссылки письмахъ онъ подбодрялъ крестьянъ, доказывалъ имъ необходимость торжества ихъ праваго дѣла; въ каждомъ изъ этихъ писемъ я находилъ грустныя, пессимистическія нотки, частыя оговорки: «но если даже сила насъ на время и сломаетъ, зато погибнемъ мы за правое дѣло, какъ погибъ Христосъ и его апостолы». Я понималъ, что— увѣренный въ торжествѣ «крестьянскаго дѣла»—онъ не вѣритъ уже въ скорое наступленіе этого торжества. Но мысль крестьянъ остановилась на одной увѣренности; и пессимистическія нотки писемъ оставались для нихъ незамѣтными.

Кое-кто пробовалъ доказывать с-цамъ, что Илья Кузьмичъ умный человѣкъ, но все-же возлагать на него такихъ надеждъ не слѣдуетъ; что дѣло не въ немъ, а въ общихъ условіяхъ, и такъ далѣе С-цы слушали такія слова скептически.

— Человѣка вы этого мало знаете.

— Тогда онъ сразу насквозь увидѣлъ Бородиху-то. Съ перваго слова заявилъ, что обманетъ. Все по его словамъ и вышло.

— Мы, милый другъ, тоже раньше сомнѣвались, да все по его словамъ вышло.

— Не забудь ты то, что за сколько тыщъ верстъ его въ Японіи-то таскали. Какихъ только людей не видалъ онъ въ тѣхъ мѣстахъ... Извѣстно, что не въ емъ одномъ сила, а а только скажетъ онъ намъ, какъ поступать; разъяснитъ...

— Говорятъ, вонъ, въ городахъ забастовка собирается, а мы хоть-бы что. А онъ въ этомъ дѣлѣ все-бы намъ растолковалъ.

И если кто-либо изъ проѣзжихъ пытался растолковать о «собирающейся забастовкѣ», то это толкованіе никого не удовлетворяло.

— Не то!

— Подходите вы не съ той стороны.

— Суть дѣла, милый другъ, здѣсь захватить надо!

— Да, вѣдь, ничего иного не скажетъ и Илья Кузьмичъ!— начиналъ сердиться толкователь.

— А вотъ увидимъ!

— Не долго ужъ осталось, пріѣдетъ.

А затѣмъ, чтобы успокоить «толкователя», кто-либо добавлялъ:

— Мы не къ тому, что вы неправду говорите, много хорошаго и въ вашихъ словахъ, а только жизни вы нашей—крестьянской—не знаете, потому и упускаете самую суть. Намъ надо знать, какъ сейчасъ намъ быть, сегодня вотъ, завтра, а вы все даете отсрочку.

Пріѣзжій уѣзжалъ, а с-цы снова ходили другъ къ другу, толковали о его словахъ и ждали Илью Кузьмича. Если-бы въ это время кто-либо сумѣлъ имъ неопровержимо доказать неосуществимость ихъ надеждъ и наивность разсчетовъ на Илью Кузьмича, они сразу опустились-бы, потеряли желаніе жить и пьянство, которое въ это время сократилось до минимума,—развилось-бы со страшной силой; или-же послѣ нѣсколькихъ дней полнаго безсилія и неопредѣленности крестьяне распродали-бы свои земли, свой скарбъ и двинулись «на вольные заработки». С-цы позже другихъ крестьянъ столкнулись съ необходимостью борьбой рѣшать вопросы жизни: но они не въ силахъ были учесть опытъ сосѣднихъ деревень, да и нельзя еще тогда было этого сдѣлать. Увѣренность, что все должно измѣниться—окрѣпла, стала непоколебимой. Съ тѣмъже упорствомъ, съ какимъ крестьяне защищали Бородину,— теперь они стояли на новой точкѣ зрѣнія, и сдвинуть съ нея ихъ могли лишь изъ ряду вонъ выходящія событія.

V.

Около кузницы Кондратьича собралась большая группа лицъ. Опершись на громадный молотъ, Кондратьичъ выслушивалъ бабу, съ широкимъ, изрытымъ оспой, лицомъ. Высокая, мускулистая баба производила внушительное впечатлѣніе, и къ ней не шелъ какой-то тоненькій плаксивый голосъ, которымъ она разсказывала о своихъ дѣлахъ.

— Посуди самъ, Кондратьичъ, какъ намъ теперь жить? Матери 80 лѣтъ, я—дѣвка, помощи никакой нѣтъ. Всѣ говорятъ: подождите, подождите, а землю, между прочимъ, всѣ запахали, только мы сидимъ ни при чемъ. Вышла я нынѣ съ сохой на твоей лошади, помаялась, помаялась—ничего не выходитъ. Что-же мы зимой-то станемъ дѣлать?

— Замужъ выходитъ надо!—пошутилъ кто-то изъ толпы.

— Да женихъ-то, вишь, для меня не выросъ...

— Вырости-то выросъ, да заплутался: пошелъ къ тебѣ, а зашелъ въ другую избу.

— Не больно мнѣ ваши женихи-то и нужны: у меня четыре брата, было-бы кому землю-то спахать.

— Да въ томъ-то и дѣло, что теперь ихъ нѣтъ.

— Такъ міръ помочь долженъ: не за воровство они пошли туда.

Два брата этой дѣвушки служили въ солдатахъ, а два сидѣли въ тюрьмѣ по дѣлу убійства казаковъ.

— Что-же, мужички, пошлите завтра, у кого лошади свободны—не великъ, вѣдь, трудъ.

— Гдѣ онѣ теперь, лошади-то?—заволновался худой, тощенькій старичекъ.—Это ранѣ было по пяти лошадей, а теперь и одна не въ каждомъ дворѣ.

— Устаетъ скотинка! Кормъ плохой—съ свово-то поля чуть дождешься.

— Вѣдь ты спахалъ ужъ, дядя Микифоръ?—спросила дѣвушка.

— Спахать—спахалъ, это вѣрно. Да развѣ другихъ дѣлъ мало...Вонъ глину надо мять, кизики... У Ивана, вонъ, лошадь стоитъ...

— Возьми, пожалуй, мою—только на ней пахать съ подпорками надо.

— Эхъ, народъ!—махнулъ рукой сердито кузнецъ.—Говорятъ одно, а дойдетъ до дѣла, начинается табунъ. Словно гору своротить надо... Ладно, Аксинья, я завтра выѣду.

— Да что ты, чудакъ, нѣшто я што... Жалко мнѣ, что-ль... Я такъ, вѣдь! — засуетился старикъ Никифоръ,—коли не Васька, такъ я самъ выѣду... Помогу!

— Ну, вотъ и все!

— Поможемъ, поможемъ... Не тужите, бабы!.. — загудѣли мужики.—Чего тутъ! Пособимъ...

Вдругъ—громадная волна пламени какъ-то сразу вырвалась изъ-подъ крыши крайней избы, моментально обвила ее со всѣхъ сторонъ и заволновалась, посылая къ небу гигантскіе языки...

— Пожаръ!—одновременно крикнула вся толпа и—застывъ на минуту на мѣстѣ,—бросилась къ избѣ.

Вѣтеръ рвалъ снопы съ крыши и разбрасывалъ ихъ во всѣ стороны. На глазахъ безпомощной толпы загорались и сгорали избы... Люди кричали, таскали рухлядь, въ бушующее пламя плескали ведра полу-грязи, выкаченной изъ колодцевъ. Началась обычная трагедія деревенскаго пожара. Сгорѣло 15 избъ, въ томъ числѣ и изба Ильи Кузьмича. Молчаливая жена его и сынишка Семка сидѣли на вытащенномъ изъ огня сундукѣ съ рухлядью и плакали.

Къ ряду старыхъ бѣдъ прибавилась новая, которую нужно было поправлять въ первую очередь.

Жена Ильи Кузьмича послала ему письмо съ подробнымъ описаніемъ несчастья; и можно представить себѣ изумленіе с-цевъ, когда недѣли черезъ три отъ Ильи Кузьмича получилось письмо, въ которомъ онъ проситъ жену продать корову, лишніе пожитки и ѣхать къ нему. Рѣшеніе это мотивировалось тѣмъ, что въ С-нѣ жить теперь нечѣмъ, а въ Никольскомъ уѣздѣ они какъ-нибудь устроятся. Впослѣдствіи Илья Кузьмичъ говорилъ мнѣ, что онъ просто хотѣлъ испытать с-цевъ, серьезно-ли они стали «на новой точкѣ». «Если выпишутъ они меня безпремѣнно,—думаю,—то значитъ всякое согласіе моимъ словамъ давать будутъ»... Такъ, это или

нѣтъ—неизвѣстно, но письмо Ильи Кузьмича взволновало с-цевъ ужасно.

— Жену, вишь, выписалъ... А мы-то какъ-же теперь?

— Ждали, надѣялись...

— Такъ нельзя...

— Мыслимо-ли дѣло!

— Написать ему надо, братцы, что міръ, молъ, не согласенъ тебя отпустить. Пріѣзжай, молъ, потому міру ты требуешься.

— Написать и есть! Такое теперь дѣло, что не обойтись намъ безъ знающаго человѣка. Ждали столько время и вдругъ—на тебѣ! Остаюсь!..

Подумавъ немного, Кондратьичъ сдѣлалъ такое предложеніе: написать Ильѣ Кузьмичу, что такъ какъ онъ нуженъ міру, то устроиться ему міръ поможетъ, а если онъ останется,—то мужики останутся, какъ овцы безъ пастуха, и не будутъ знать, что имъ дѣлать. Тѣмъ болѣе земля Бородиной уже перешла въ банкъ, пріѣзжалъ чиновникъ и предлагалъ с-цамъ купить ее у банка. Жену Ильи Кузьмича уговорили подождать отвѣта, а такъ какъ у той ѣхать въ Вологодскую губерію не было ни малѣйшаго желанія, то она охотно согласилась.

Илья Кузьмичъ не заставилъ себя долго ждать (а ждали его съ большимъ нетерпѣніемъ) и мѣсяца черезъ полтора пріѣхалъ въ С-но.

Пріѣзду его всѣ были безконечно рады; устроили настоящій пиръ, разспрашивали, плакали.

— Теперь пойдутъ наши дѣла!

— Самъ Господь тебя послалъ, Ильичъ! Онъ—кормилецъ!

— Совсѣмъ старикомъ сталъ!..

— Тамъ постарѣешь!..

— Сколько тебѣ теперь лѣтъ-то, Ильичъ?

— Сорокъ три, никакъ...

— Меньше, ты мнѣ ровесникъ!..

— Ну, какъ-же теперь? Что-же намъ дѣлать-то?

— Подождите, братцы, дайте оглядѣться, отдохнуть малость... Говорили мнѣ о нашихъ дѣлахъ, а все-таки надо самому все посмотрѣть...

— Какъ-же, какъ-же... Все тебѣ разскажемъ!..

— Отдохни, отдохни... Приглядись!..

Илья Кузьмичъ поселился у Кондратьича. Первые дни онъ чувствовалъ себя великолѣпно. Ходилъ по полямъ, лугамъ. Остановившись передъ самымъ обыкновеннымъ кустомъ или цвѣткомъ, долго осматривалъ его, съ нѣжностью трогая руками. «Господи! Цвѣточекъ-то, кустикъ-то, полянка-то... Вотъ, вотъ... Какъ сейчасъ, помню»... Съ людьми въ эти дни онъ былъ безконечно нѣженъ и ласковъ: каждаго утѣшалъ, подбодрялъ «Подождите, братцы, подождите! Возьметъ и наша... Дайте немного опомниться народу, передохнуть ему дайте, а затѣмъ ужъ онъ вамъ покажетъ»... Такое состояніе, однако, продолжалось недолго. Скоро Илья Кузьмичъ поѣхалъ въ городъ, отыскалъ знакомыхъ и долго съ ними бесѣдовалъ. Судя по тому, что вернулся онъ хмурый и разстроенный,— видно было, что бесѣды не удовлетворили его. «Опять тоже!—ворчалъ онъ:—Это мы. братецъ мой, давно слышали. Спой что-нибудь поумнѣе... Обширность Россіи, соединеніе силъ... Все такъ... А теперь ты скажи мнѣ—покупать, или не покупать землю!»

Волненіе Ильи Кузьмича было вполнѣ понятно. Пособивъ Ильи Кузьмичу наскоро сбить кое-какую избенку, с-цы чаще и чаще стали лѣзть къ нему, «какъ съ ножемъ къ горлу», чаще и чаще ѣздилъ онъ въ городъ и возвращался оттуда одинаково разстроеннымъ...

Пріѣхавъ въ эти дни какъ-то ко мнѣ, Илья Кузьмичъ тщетно старался улыбнуться. Глубокое горе лежало на его лицѣ, и трудно было скрыть это горе.

— Придется, видно, подлецомъ оказаться!

— Въ чемъ-же дѣло?

— Да какъ въ чемъ? Знаю много и въ тоже время ничего не знаю; къ дѣлу ничего не могу приложить... Вамъ-то это «частичный вопросъ», а мнѣ лучше петля, чѣмъ передъ ними подлецомъ оказаться. Ждалъ меня народъ, надѣялся, выписалъ изъ такой дали; теперь помогъ деньгами, а я за все это только одно и твержу: «подождите, братцы». Они на меня надѣялись, я на городскихъ надѣялся, а въ конецъ дѣла оказалось—и меня надули, и я надулъ.

— Вы преувеличиваете, Илья Кузьмичъ!

— Чего преувеличиваю! Пріѣхалъ сегодня въ городъ, захожу туда-сюда—нѣтъ никого: кто въ арестѣ, кто разбѣжался. А должно было быть самое настоящее собраніе по нашему дѣлу. Я, какъ поѣхалъ, такъ и сказалъ:—Ну, мужички, теперь, молъ, пріѣду съ отвѣтомъ, а вотъ, поди теперь да и думай»...

— Послушайте-ка, Илья Кузьмичъ,—сказалъ я,—вѣдь, вы хорошо понимаете, что съ настроеніемъ одной вашей деревни никакихъ вопросовъ не рѣшишь; въ нашемъ одномъ уѣздѣ восемь волостей, и каково тамъ настроеніе—мы не знаемъ, или знаемъ плохо; какъ они тамъ думаютъ, что надѣются предпринять?—Все это было-бы очень важно. Вотъ вы и скажите с-цамъ—давайте посмотримъ, что въ другихъ деревняхъ? Какъ они покупаютъ землю, или нѣтъ? Какіе у нихъ планы на будущее? Тогда вопросъ будетъ яснѣе и можно будетъ что-либо сказать...

Моя мысль окрылила Илью Кузьмича. Поспѣшно простившись со мной, онъ побѣжалъ въ С-но. Два дня выяснялъ онъ с-цамъ «необходимость посмотрѣть, какъ у людей» и с-цы, наконецъ, убѣдились, что «съ этого именно и надо было начать». Явился вопросъ, какъ это выполнить?

— Извѣстно, Кузьмича послать!

— Пусть походитъ, поспрошаетъ... Онъ привыкши къ этому дѣлу; что стоитъ будетъ, мы ужъ какъ-нибудь соберемъ.

— Такъ и мнѣ думается!—присоединился Кондратьичъ.—Собрать тамъ по скольку съ души и послать.., Посмотритъ, поговоритъ съ другими мужиками и къ намъ!

— Согласенъ-ли, Илья Кузьмичъ?

— Согласиться не долго, да какъ я пойду? Посудите сами—уѣздъ большой, дороги некудыщія, ни родныхъ, ни знакомыхъ въ деревняхъ нѣтъ—скоро-ли я обойду полъ-уѣзда? А хоть бы и обошелъ, кто мнѣ что будетъ говорить?

— Поѣзжай ты теперь на Кондаль,—замѣтилъ старикъ Микифоръ,—живетъ тамъ мой своякъ, затѣмъ въ Федорово, туда Грунька выдана, изъ Бобровки Аграфенина невѣста, въ другихъ, чай, мѣстахъ найдется у кого кто. А пойдешь гдѣ на лошади, гдѣ какъ... Потрудись ужъ для міра-то...

Послѣ нѣкотораго выясненія деталей плана, Илья Кузьмичъ согласился; дня черезъ два съ котомкой за плечами, съ корзиной, въ которой лежали ножи, топоры, ножницы, замки и другія мелочи крестьянскаго обихода,—онъ прощался съ односельцами.

— Торговецъ-то, торговецъ-то! А?!—толкалъ молодой парень своего сосѣда и заливался звонкимъ хохотомъ.

— Глядите, глядите—и поясъ съ крючками... Чистый купецъ!..

— А вы, тово,—сказалъ кузнецъ,—не больно болтайте-то. Вы, бабы, особенно; вамъ, вѣдь, лыки-то привязывать надо: сгубите человѣка; пониматъ надо!...

— Ужъ это первое дѣло!

— По моему, такъ чуть кто пикнетъ, взять возжи, да при всемъ народѣ шкуру-то спустить раза два, вотъ другимъ и не будетъ повадно,—предложила сестра четырехъ братьевъ, которой міръ обработалъ-таки землю, поэтому она теперь душой и тѣломъ предана была мірскимъ дѣламъ.

— Вѣрно, Аксинья!

— Говорятъ «у бабы волосъ дологъ, а умъ коротокъ», а вотъ, поди-ко ты...

— Да!

— Ну, прощайте, братцы!

— Съ Богомъ, Кузьмичъ! Дай тебѣ путь добрый...

— Поосторожнѣй, въ случаѣ чего...

— Какъ-нибудь! А вы, братцы, въ случаѣ чего, жену не оставьте...

— Будь покоенъ! Отъ себя оторвемъ кусокъ, а твоимъ отдадимъ.

— На этотъ счетъ ужъ успокойся!..

— Спасибо вамъ! До счастливаго свиданья!

— Тебѣ спасибо! Трудное дѣло берешь на себя!

Долго въ слѣдъ уходившему Ильѣ Кузьмичу крестьяне кричали—«съ Богомъ!»—«добраго пути!»—и махали шапками.

Опираясь на суковатую дубовую палку, Илья Кузьмичъ отправился «знакомиться съ настроеніемъ уѣзда».

VI.

Мѣсяца черезъ три послѣ этого Илья Кузьмичъ и Кондратьичъ сидѣли у меня. Илья Кузьмичъ разсказывалъ о своихъ приключеніяхъ.

— Въ какую деревню ни приду—вездѣ одно и то же. «Житья,—говорятъ,—нѣтъ, надо что-нибудь дѣлать!» А что дѣлать?—никому неизвѣстно. Какъ-вы,—спрашиваю,—будете?

«Ждемъ, — говорятъ, — какъ другіе, потому мы всегда поддержать готовы, и всѣ на усыгинцевъ! Усыгинцы,—говорятъ, всегда впереди всѣхъ шли, имъ теперь и надо давать команду». Иду къ усыгинцамъ. — Такое дѣло, братцы! Приходитъ наше терпѣніе къ концу, надо что-нибудь дѣлать! Послали меня мужички изъ С-на спросить—не будетъ-ли какого совѣта.—Дѣйствительно, есть у нихъ мужички разсуждающіе; понимаютъ все очень хорошо: тѣ прямо мнѣ и заявили—одно, говорятъ, дѣло большое, а другое—поменьше. Большое дѣло только вся Россія разработать можетъ, а земельная часть—это,—говорятъ,—дѣло наше. Въ этомъ дѣлѣ надо намъ столковаться и дѣлать всѣмъ, какъ одному человѣку—коли покупать землю, такъ покупать всѣмъ, кому она требуется; а коли не брать, то держаться крѣпко и другимъ не позволять.—Какъ-же, говорю,—можетъ совершиться этотъ уговоръ?—«А это, говоритъ,—когда городскіе со всей Россіи свѣдѣнія соберутъ, и всѣмъ по одинаковому объявятъ. Пока-же,—говоритъ,—надо крѣпиться: не соглашаться и не отказываться, въ случаѣ пріѣдетъ чиновникъ—говорить: «дѣло не шуточное, подумаемъ». А если,—спрашиваю,—изъ другихъ мѣстъ пріѣзжать начнутъ?—«Тогда,—говоритъ,—нужно ихъ добромъ образумливать, а не послушаютъ, немного и попугать можно».—А городскіе,—спрашиваю,—бываютъ у васъ?—«Раньше,—говоритъ,—наѣзжали часто, а теперь давно уже не были».—Вижу я, что вездѣ люди больше ждутъ, а чего—не знаютъ и сами. Меня-же давно уже сомнѣніе начало брать, что ничего мы не дождемся и получится у насъ одна каша. Нужно сказать вамъ, что захватилъ я съ собой кое-какія книжонки и въ деревняхъ мужикамъ для прочтенія оставлялъ. Даю и усыгинцамъ.—«Книжки, говорятъ,—хорошія; у насъ они тоже есть,

но только самая сущность въ нихъ изложена, а теперешнихъ нашихъ дѣловъ не касаются».—Такъ,—говорю,—раздавать мнѣ ихъ, или нѣтъ? — «Не мѣшаетъ,—говорятъ,—только дѣйствуй съ опаской».

Хорошо. Иду дальше. Въ какую деревню ни приду — у каждой своя исторія и все — ждутъ. Горе взяло меня! Да чего,—говорю,—вы ждете-то? — «Какъ — чего? Какое ни наесть измѣненіе должно быть! Будетъ извѣстіе — вотъ мы поступимъ». Въ Крюковѣ разсказываютъ мнѣ такую вещь — взяли они у банка землю еще въ девятьсотъ второмъ году; платили до девятьсотъ пятаго, а потомъ три года не платили. Должна была земля эта отъ нихъ отойти, а безъ нее имъ никакой жизни, какъ извѣстно, нѣтъ. Что дѣлать? Подумали, подумали, собрали деньги за всѣ три года — повезли. Не берутъ!

— Не берутъ?—переспросилъ Кондратьичъ.

— Не берутъ! Сроки,—говорятъ,—упущены, если хотите теперь этой землей владѣть, переходите по новому правилу на хутора; тогда и съ недоимки вашей можетъ быть скидка. Когда пришелъ я къ нимъ, у нихъ по этому дѣлу разговоръ шелъ. Услыхали, что я пришелъ, бѣгутъ ко мнѣ.—«Какъ,—говорятъ,—намъ быть въ нашемъ дѣлѣ?»— Я,—говорю,—самъ пришелъ у васъ спросить.—Пробылъ я у нихъ три дня, все время они толковали, но ни къ какому концу не пришли. Тоже рѣшили пообождать.

Много интересныхъ «исторій» разсказалъ намъ Илья Кузьмичъ. Обошелъ онъ добросовѣстно весь уѣздъ, даже въ нѣкоторыя «интересныя» мѣста сосѣднихъ уѣздовъ заходилъ, но, по его словамъ, «вездѣ находилъ одно и то же».

— Такая послѣ этого на меня напала тоска, что поспѣшилъ я скорѣе домой. Иду, утѣшаю себя тѣмъ, что народъ все-таки стоитъ дружно. Есть кое-гдѣ такіе, которые стараются, какъ бы самимъ поскорѣе вывернуться, а большинство все-таки согласно. Мучило меня то, что никогда отвѣта они не дождутся и будутъ—спустя время—дѣлать, какъ Богъ кому на душу положитъ. Прихожу къ нашимъ. Встрѣтили хорошо. Рады. Началъ я имъ передавать, народъ, молъ, вездѣ согласный, но рѣшенія еще нѣтъ. Надо, молъ, пообождать и намъ.—

«Долго-ли ждать-то?»—Нѣтъ,—говорю,—потому что дѣло неотложное. Вижу, особой радости въ нихъ нѣтъ... Прошло такъ съ недѣлю; въ это время ходили ко мнѣ каждый день, то то спросятъ, то другое,—я объяснялъ. А потомъ вдругъ доходитъ до меня слухъ, что земскому мое путешествіе извѣстно, и онъ требовалъ отъ міра послать меня въ Сибирь.—Что-же, говорю, вы братцы, отъ меня скрываете? Ходилъ я по вашему приказанію, исполнялъ все честь-честью и вдругъ такое дѣло?—«Не въ этомъ, говорятъ, суть вопроса; жалко намъ тебя, Кузьмичъ, Богъ знаетъ какъ, и не выдадимъ мы тебя никогда, но грозитъ земскій, то есть, если тебя не исключимъ,—поставить къ намъ казаковъ, и самъ ты долженъ это разсудить. Напуганъ народъ—помнишь тогда, что казаки-то дѣлали? Жалко тебя, а какъ вспомнятъ ярмонку-то, то и задумываются».—Да есть-ли,—говорю,—теперь такіе законы, чтобы человѣка исключить изъ міра?—«Это,—говоритъ,—намъ неизвѣстно, а только земскій такое требованіе предъявилъ». Вотъ такъ штука, думаю. Знаю я нашихъ мужиковъ хорошо—непостоянный народъ. Просить ихъ все-таки,—думаю,—не буду. Пусть рѣшаютъ сами. Устроютъ мнѣ такую «каверзу», дѣло ихъ; уѣду въ Сибирь, и въ Сибири люди живутъ...

— Не сдѣлаютъ этого... Что ты!—замѣтилъ кузнецъ.

— Пусть рѣшаютъ, а только зла я имъ не желалъ... Теперь вотъ сходъ у нихъ идетъ. Мы нарочно ушли съ Кондратичемъ; пусть сами поступаютъ, какъ совѣсть имъ подскажетъ...

— Такъ сейчасъ они о васъ рѣшаютъ?

— Обо мнѣ. Знаю я, что откажутся; по глазамъ ихъ видѣлъ: ласковы ужъ больно.

А на сходѣ въ это время никакъ не могли рѣшить, что отвѣтить земскому.

— Можно ли погубить такого человѣка!

— А казаки-то?

— Что казаки? Умирать, такъ всѣмъ умирать... Сами-же заварили кашу, а теперь, на-ко вотъ, возьмите человѣка. Скушайте!

— Не мыслимо!

— На казаковъ жалобу можно найти. Валяй въ городъ, дѣдушка Микифоръ!

— Охъ, робя! Силушки нѣтъ!..

— По-моему, вотъ что, мужички: пойти просить Кузьмича, чтобы самъ онъ согласіе далъ. Міръ, молъ, не желаетъ тебя наказать, но ты самъ послужи еще разъ міру: спаси насъ. Выдь! Когда-же дѣла наши успокоятся, опять примемъ мы тебя, какъ дорогого гостя,—предложилъ Никифоръ.

— Охъ, не хорошо!

— Получше придумай!

— Нечего придумывать-то!

— Не такой человѣкъ, Кузьмичъ, чтобы не понять! Самъ уйдетъ!..

— Не забывайте, мужички, что выписали мы его сами, и всѣ тогда говорили что безъ него намъ никакъ невозможно! Теперь-же сами человѣка гонимъ!

— Не гонимъ, а просимъ! Придетъ время опять выпишемъ...

— Попросить-бы тебя палкой по шеѣ!..

— Попробуй!

Сходъ разбился на двѣ части. Говорили по-русски и по-мордовски. Толковали долго, и въ концѣ концовъ, приняли-таки предложеніе старика Никифора.

Самъ Никифоръ и еще два старика пошли «увѣдомить» Илью Кузьмича.

— Согласенъ, согласенъ, дѣдушка... Чего тутъ! Нынѣ-же къ вечеру выѣду въ городъ... жену только ужъ не оставьте...

— Ты того, Кузьмичъ... Пойми! Не поминай! Видимъ, что виноваты передъ тобой, да, вѣдь дѣло-то такое!.. Ахъ ты, Господи!

— А о семьѣ не безпокойся! Послѣдній кусокъ отдадимъ...

— Спасибо, спасибо...

— Ахъ ты, дѣло-то какое!.. А?!

— Ну, чего тутъ! Сдѣлано дѣло! спасибо вамъ...

Илья Кузьмичъ не выдержалъ; наклонился надъ столомъ и заплакалъ. Заплакали и старики.

— Будетъ ужъ! Эхъ!

— Кузьмичъ! Ты... того...

— Ѣду, ѣду... Спасибо!..

— Ахъ ты, жизнь наша горькая!..

— Плюнуть-бы надо! А? Дѣдушка Микифоръ!

— Плюнуть, братцы!..

— И то!.. Все равно уже!..

— Нѣтъ, нѣтъ!—запротестовалъ Кузьмичъ,—все будетъ хорошо. Выѣду въ городъ, тамъ и заарестуюсь... Дѣло привычное...

Старики ушли. Кузьмичъ поспѣшно и нервно собрался и къ вечеру уѣхалъ въ городъ... Возвращавшіяся съ работы бабы разсказывали, что то и дѣло Кузьмичъ оглядывался на С-но и рукавомъ отиралъ глаза. А встрѣтивъ ихъ, бабъ—велѣлъ сказать мужикамъ, что не сердится на нихъ и прощается съ ними «на вѣчно».

Хмурые и унылые ходили крестьяне по улицамъ С-на. Всѣхъ грызло нехорошее чувство сдѣланной неправды. При встрѣчахъ старались объ этомъ не говорить, а если разговоръ начинался, то скоро переходилъ въ ссору; вину одинъ сваливалъ на другого и, въ концѣ концовъ, оказывалось, что никто не желалъ высылки Кузьмича, что человѣкъ онъ необходимый, что съ теперешними дѣлами безъ него никакъ не справиться.

— Я прямо сказалъ, что умирать, такъ всѣмъ умирать,—всѣ слышали!

— Ты?! Да ты первый кричалъ, что согласиться!

— Я кричалъ?! Я?! Да какъ у тебя повернулся языкъ сказать такое слово?!..

— Оба вы хороши—сгубили человѣка!

— Мы, что-ль, одни?

— Горлопаны! Вамъ-бы орать только!

— Ты хорошъ! При Кузьмичѣ хвостомъ юлитъ, а безъ него—соглашайтесь, ребята!..

Внимательно прислушивающійся къ этимъ толкамъ, Кондратьичъ отозвалъ въ сторону нѣкоторыхъ серьезныхъ мужиковъ и долго съ ними бесѣдовалъ.

— Приговоръ-то гдѣ?

— Да здѣсь еще...

— Не забрали?

— Нѣтъ. У писаря никакъ.

Снова долгій разговоръ вполголоса и, наконецъ, къ ве-

черу новый сходъ по какимъ-то формальнымъ основаніямъ, найденнымъ писаремъ, приговоръ отмѣнилъ, и Кондратьичъ поскакалъ за Ильей Кузьмичемъ. Съ тѣмъ въ это время произошли новыя приключенія: ни въ тюрьмѣ, ни въ полиціи до полученія приговора его не хотѣли арестовать и совѣтовали ѣхать обратно въ деревню.

Кондратьичъ отыскалъ его у одного изъ знакомыхъ «человѣчковъ», которому онъ разсказывалъ о своихъ неудачахъ.

Встрѣчу Ильѣ Кузьмичу с-цы устроили тріумфальную: версты за три отъ села всѣ расположились по большой дорогѣ и нетерпѣливо посматривали въ сторону города.

— Ѣдутъ!

— Оба?

— Оба!

Толпа побѣжала навстрѣчу быстро катившейся телѣгѣ... Начались объятія, крики. Илья Кузьмичъ забылъ «все»... Крестьяне забыли о земскомъ, и о казакахъ; у всѣхъ какъ-бы камень спалъ съ души...

— Словно затменье какое на насъ нашло тогда! Ей Богу! Подумать страшно.

— Ладно... Всяко бываетъ на свѣтѣ...

— Жизнь-то, говорятъ, пережить—не поле перейти...

— Ну, слава Богу!..

— Все теперь по-хорошему...

Всю дорогу до села крестьяне оживленно бесѣдовали и строили различные планы. Дѣдушка Микифоръ подпрыгивалъ, догоняя другихъ, стараясь ввернуть словцо. Илья Кузьмичъ говорилъ на высокія темы крестьянской солидарности; о необходимости крѣпко стоять одному за всѣхъ и всѣмъ за одного. На радостяхъ крестьяне немного подвыпили, повеселѣли еще-болѣе; забыли на минуту о всѣхъ своихъ нуждахъ и горестяхъ. До самаго утра по деревнѣ ходили группы оживленно-разговаривающихъ людей. Прислушиваясь къ толкамъ крестьянъ, видно было, что разговариваютъ они о лучшемъ будущемъ, о свѣтлыхъ дняхъ и въ разговорахъ своихъ чаще всего поминаютъ имя—Илья Кузьмичъ.

VII.

На предложенія Крестьянскаго банка нужно было дать тотъ или иной, но окончательный отвѣтъ. Чиновникъ заявилъ, что ему надоѣло ждать и выслушивать одно и то-же: «подумаемъ!» О томъ, какъ этотъ вопросъ былъ послѣ долгихъ мытарствъ рѣшенъ, разсказано въ началѣ настоящихъ замѣтокъ. Однако, весь вопросъ этимъ не исчерпанъ: большая часть с-цевъ должна «сѣсть» на хутора, ликвидировавъ свои хозяйства въ С-нѣ.

Илья Кузьмичъ твердо стоитъ на томъ, что переселяться не слѣдуетъ; въ этомъ съ нимъ согласны всѣ; больше другихъ думаетъ онъ надъ вопросомъ, какъ помочь бѣдѣ.

Въ городъ, однако, онъ ѣздитъ гораздо рѣже; всѣхъ знакомыхъ ему «человѣчковъ» разсадили давнымъ-давно по тюрьмамъ, а новые знакомые больше отговариваются тѣмъ, что «ничего неизвѣстно».

— Своимъ умомъ, видно, надо до всего доходить; эдакъ лучше будетъ дѣло-то.

Увлекаясь той или иной мыслью, Илья Кузьмичъ немедленно сообщаетъ ее односельцамъ, вмѣстѣ съ ними разбираетъ и выясняетъ. Это онъ называетъ «шлифовкой мордвы». По вечерамъ часто можно встрѣтить около кузницы группу крестьянъ, а среди нихъ оживленно-разсказывающаго Илью Кузьмича.

Заѣхавъ какъ-то въ С—но, я, къ удивленію, нашелъ Илью Кузьмича слегка выпившимъ.

Сидя на завалинкѣ своей избы, онъ пѣлъ и въ тактъ покачивалъ головой:

«Отпустили крестьянъ на свобо-о-о-ду
«Девятнадцатаго Февраля...»

Протянувъ послѣднее слово, Илья Кузьмичъ началъ всхлипывать и уже рыдающимъ голосомъ пропѣлъ:

«Только землю не дали наро-о-о-ду...»

Послѣ этого уронилъ голову на руки и зарыдалъ окончательно.

— Что съ вами?

— Напился, видите; ругайте теперь...

— Отчего вы плачете-то?

— Душа болитъ—вотъ и плачу. Мужичковъ жалко: мучаются, страдаютъ, ждутъ, а въ результатѣ—одна—кабала за другой... Горько! Надѣются на помощь все, помощи-то, видно, ни откуда не будетъ...

— Эхъ, какъ вы ослабли!

— Не ослабъ, а силъ не хватаетъ. Думаешь, думаешь,—голова идетъ кругомъ, а все никакого толку. Вотъ на хутора надо итти, а что я подѣлаю... А они все надѣются.

Много въ этотъ вечеръ пришлось мнѣ выслушать отъ Ильи Кузьмича упрековъ въ «измѣнѣ», «подвохѣ» и прочемъ.

— Когда мы нужны были, къ намъ всѣ шли, а теперь, какъ намъ надо помочь—никого нѣтъ. Подождите! Народъ пойметъ! Хватитесь, да поздно будетъ. Вамъ литература нужна, книги... А мужику ничего не нужно? Мужикъ дѣлай, какъ хочешь, а вы будете смотрѣть? Такъ, вѣдь?! А потомъ скажете, въ какихъ случаяхъ мужикъ ошибался... А еще—«почему вы плачете?»—О васъ плачу! Васъ мнѣ жалко! куда вы кинулись? Что вамъ надо? Слѣпые вы, что-ль, коль не видите, что мужикъ изъ силъ выбивается? Своего ума у него не хватаетъ! А вы, куда свой умъ дѣваете? Образованные вы люди...

Горько и мнѣ было слушать слова Ильи Кузьмича; много въ нихъ правды. Не возражая, ему я старался успокоить его, переводя разговоръ на другую тему...

Такъ живетъ теперь Илья Кузьмичъ, полный неразрѣшимыхъ вопросовъ, ежедневно выдвигаемыхъ общей и мѣстной жизнью. Громадныхъ усилій, мучительнаго напряженія мысли стоитъ ему выясненіе того, что многіе съ небольшими затратами труда получаютъ на гимназической скамьѣ. Вѣчно нервный, вѣчно суетливый, отзывчивый ко всему, онъ старался вобрать въ себя всѣ деревенскія невзгоды, скорѣе рѣшить всѣ кровные вопросы деревенскаго существованія и—представивъ крестьянамъ все въ ясной и очищенной формѣ,—немедленно двинуть ихъ по вѣрному пути къ лучшему будущему.

Рѣшительный и энергичный, онъ одновременно агитаторъ и вождь; досадно, что настоящая жизнь не даетъ возможности

развернуться его способностямъ, принуждая примѣнять ихъ, главнымъ образомъ, въ мелкихъ дѣлахъ тревожныхъ деревенскихъ будней. Зато смѣло можно сказать, что всѣ свои способности, большую часть своихъ силъ онъ отдаетъ с-цамъ. Учась самъ, онъ учитъ и ихъ. Живя впроголодь, онъ думаетъ объ опредѣленіи Семки въ гимназію. Выучится—все понимать будетъ; ему ужъ и въ городъ ѣздить не придется!

— Поживи ты для себя-то хоть немножко,—часто за послѣднее время говоритъ Ильѣ Кузьмичу жена.

— Подожди немножко! Устроимъ вотъ дѣла и поживемъ!

С-цы понимаютъ, что онъ живетъ для нихъ; и въ трудную минуту, при всякой новой надвигающейся на нихъ тучѣ,—обычно говорятъ:

— Что-же? Устроится какъ-нибудь у насъ Ильичъ!..

1909 г.

НА ХУТОРАХЪ.

(Замѣтки деревенскаго наблюдателя).

I.

— Вишь ты, какъ испакостили землю-то! — хмуро замѣтилъ крестьянинъ д. Туляки, Иванъ Ивановичъ, показывая кнутовищемъ на безчисленное количество бѣленькихъ столбиковъ, разбросанныхъ по полямъ.

— Это что—хутора ужъ пошли?

— Хуторовъ настоящихъ пока что нѣтъ, потому что два года землей они будутъ пользоваться на арендномъ основаніи, пока, то есть, купчая имъ не выйдетъ, — ну, а тамъ должны переселиться.

— Теперь же, значитъ, здѣсь пусто?

— Зачѣмъ пусто: видите постройки раскинуты — кое кто здѣсь уже живетъ... Только, какіе же это, съ позволенія сказать, хутора? У кого шалашъ, у кого землянка... Одинъ, видите вонъ, изъ плетня согнулъ какую-то конуру... Лѣтомъ всѣ почти здѣсь жили, а зимой въ деревни перейдутъ, иначе, какъ кроты, всѣ перемерзнутъ... Хуторяне тоже... Помѣщики!.. Но-о!.. Стала...—сердито крикнулъ онъ на лошадь и, завернувшись въ чапанъ, замолчалъ.

Я зналъ, что послѣ каждой сердитой реплики Иванъ Ивановичъ будетъ молчать довольно долго, и не пытался вызвать его на разговоръ.

Мы ѣдемъ съ нимъ въ Петровскомъ уѣздѣ Саратовской губ. по землѣ, не такъ давно еще принадлежавшей герцогу Лейхтенбергскому, а теперь купленной банкомъ и разбитой на

отруба. До продажи этой земли въ банкъ, ею на арендныхъ условіяхъ и исполу пользовались крестьяне деревень Даниловки, Стараго Славкина, Камаевки, Моревки, Синодскаго и др. Теперь земля эта, какъ и смежная съ ней земля г. Усова, проданы банку и разбиты на 60 отрубовъ по 16 — 18 и по 20 десятинъ каждый. Раньше землями этими пользовались почти всѣ крестьяне указанныхъ деревень, снимая по 1—2 десятины на дворъ. Теперь же, очевидно, земля эта должна перейти въ пользованіе 60-ти хуторянъ, а оставшаяся не при чемъ крестьянская масса должна ограничиться надѣльными землями. Надѣлы же въ этихъ мѣстахъ таковы, что «на нихъ овцу не прокормишь, не токмо семью». Получилось совершенно безвыходное положеніе. Растерянно крестьяне бросаются за совѣтомъ и помощью въ различныя учрежденія и къ различнымъ лицамъ — помощи ни откуда нѣтъ никакой, и вотъ начинаются выдѣлы изъ общины, продажа надѣловъ и бѣгство «на должности» и «на заработки». Характерно, что даже при такомъ совершенно безвыходномъ положеніи въ этихъ мѣстахъ бѣднота «на хутора» идетъ плохо, и 60 отрубовъ до сихъ поръ еще не всѣ разобраны.

Такъ какъ условія во всѣхъ названныхъ деревенькахъ совершенно одинаковы, то для болѣе или менѣе подробнаго ознакомленія съ современнымъ положеніемъ крестьянъ этой мѣстности возьму волостное село—Даниловку. Здѣсь надѣлы 30 саженъ на 60 длиннику въ одномъ полѣ. До самаго послѣдняго времени крестьяне существовали, арендуя земли Усова, герц. Лейхтенбергскаго, Московскаго Лѣсопромышленнаго товарищества. Теперь, какъ сказано, земли первыхъ двухъ владѣльцевъ разбиты на отруба, а экономія Московскаго товарищества въ значительной части распродана «товариществамъ» огаревскихъ и тугускинскихъ кулаковъ, прижимающихъ крестьянъ «не хуже любого помѣщика». Даниловцы, такимъ образомъ, остались при однихъ надѣлахъ. Передъ ними сталъ роковой вопросъ: «что дѣлать, чтобы не умереть съ голоду?»

— Переходите на хутора!—твердили имъ землеустроители.

— Да чего отрубовъ-то? 60 — на десять деревень! Вѣдь это смѣшно сказать!..

— Затѣмъ часть переселится на казенныя земли, а другіе здѣсь устроятся!..

Начали разбирать «отруба», но вскорѣ стало ясно, что «бѣднота этого дѣла не осилитъ»: необходимо было около ста рублей заплатить сразу, затѣмъ въ теченіе двухъ лѣтъ платить арендную плату; за особую плату снимать луга и т. п.

Часть взявшихъ отруба вскорѣ отказались, въ томъ числѣ отказались и бывшіе служащіе имѣнія Усова, тоже мѣстные крестьяне.

— Не по силамъ!

— Соковъ не хватаетъ, братцы мои! Надо искать другое мѣсто пропитанія!.

Такъ что въ силу естественнаго положенія вещей отруба остались за тѣми, «кто побогаче». Богачъ Фомичевъ, имѣющій десятинъ 80 собственной земли, взялъ два отруба; его братъ и племянникъ, люди зажиточные, тоже взяли отруба.

Три-четыре человѣка изъ бѣдноты, «вытянувъ послѣднія жилы», пока что «выдерживаютъ», но «не иначе, какъ и имъ придется бросить». Всего отруба въ Даниловкѣ взяли 25 человѣкъ, нѣкоторые изъ нихъ по два и по три: на себя и сыновей. Не мало пришлось мнѣ здѣсь выслушать горькихъ сѣтованій.

— Что же это за законы пошли? А?! У него и такъ 80 десятинъ и ему же еще два отруба... Виданное ли дѣло?

— Кто же это тамъ у васъ въ Петербургѣ, распоряжается?!

— Вѣдь жить нельзя!.. Сами вотъ видите! Ну, при чемъ теперь мы? Что же будетъ? А?!..

Какъ я ужъ сказалъ, бѣднота идетъ по линіи наименьшаго сопротивленія: выходитъ «въ собственники земли», поспѣшно продаетъ свою «собственность» и идетъ искать пропитанія въ другомъ мѣстѣ.

Въ Даниловкѣ выдѣлилось съ этой цѣлью человѣкъ 60, а кромѣ нихъ есть значительное количество «желающихъ». Земли ихъ скупаетъ тотъ же Фомичевъ, на моихъ глазахъ за безцѣнокъ пріобрѣвшій двѣ души у одинокаго крестьянина, Карпа Сопина.

Послѣ этихъ бѣглыхъ замѣчаній понятно, почему крестьяне, а въ томъ числѣ и Иванъ Ивановичъ, который везъ

меня «на хутора», такъ озлоблены на хуторянъ. Въ нихъ видятъ людей, предавшихъ міръ, во имя своекорыстныхъ цѣлей перебѣжавшихъ на сторону врага... Съ другой стороны и врагъ этотъ, въ свою очередь, оказываетъ перебѣжчикамъ всякое покровительство и всегда въ ущербъ оставшемуся большинству...

— Что же, Иванъ Ивановичъ, пойдемте посмотримъ, какъ живутъ хуторяне?..

— Я то видалъ ужъ! Какіе они хуторяне, когда у нихъ домовъ нѣтъ!.. Помѣщики тоже—корову на приколѣ держутъ... Ѣду какъ-то, кричу имъ: куръ-то, говорю, на приколъ посадите, а то передеретесь изъ-за нихъ!.. Идите, вонъ, въ шалашъ, тамъ кто-то копошится...

Въ шалашѣ копошились старикъ и два парня.

Они убирали солому на своемъ отрубѣ; старикъ же и жилъ здѣсь, «въ видѣ караульщика».

— Откуда Богъ несетъ?

— Пріѣхалъ вотъ посмотрѣть, какъ вы живете?

— Какая еще здѣсь жисть: такъ себѣ — маемся... Взяли вотъ два отруба, а что выйдетъ—Господь знаетъ!

— Урожай хорошій былъ у васъ?

— Урожай, слава Богу, да толку-то отъ него мало. Думали вотъ скотинкой обзавестись, а глядь, платить, вишь, опять надо. Рублей теперь ста четыре заплатили, а сколько пойдетъ въ счетъ—неизвѣстно.

— Что же переселяться не думаете?

— Какъ не переселяться — придется! Дѣло-то такое, что силъ мало... Дадутъ, говорилъ чиновникъ намъ, полторы сотни монетъ, а на нихъ что подѣлаешь? Лѣсовъ у насъ нѣтъ, семья у меня большая. На будущій годъ, може, перевернемся какъ— переселимся...

Ожидая, по телеграммамъ корреспондентовъ г. Столыпина, увидѣть красивенькіе, новенькіе домики, усовершенствованныя земледѣльческія орудія, плодоперемѣнную систему, клеверъ, тимофѣевку и пр. и пр.,—я былъ глубоко разочарованъ, увидѣвъ этотъ пастушескій шалашъ, двѣ бороны съ деревянными зубьями, маленькій одноколесный плужокъ и токъ, на которомъ въ ручную, лопатами вѣяли овесъ.

— А можетъ еще,— продолжалъ старикъ,— и помилуютъ насъ, т. е. землицу оставятъ, а сюды, на отшибъ-то не погонятъ... Не все ли имъ равно, здѣсь-ли я живу, тамъ-ли?... А намъ это тяжело. Раззори тамъ избу, — да уйди сюды, на юры-то... Не слышно тамъ объ этомъ?

— Ничего не слышалъ. — Мы простились и поѣхали дальше.

— Вотъ старый чортъ! — замѣтилъ Иванъ Ивановичъ. — Говорилъ я ему: не осилишь, кумъ. (Кумъ онъ мнѣ)! Нѣтъ, вишь, попробую. Ну, вотъ пробуй! Онъ все думаетъ—не переселятъ, помилуютъ. Поговорятъ, говоритъ, поговорятъ, да такъ и оставятъ... Они тѣ оставятъ!.. Только полѣзь чорту въ пасть-то!..

Черезъ полверсты Иванъ Ивановичъ снова остановился.

— Зайдите вотъ къ этому, такой же голоштанный!

Пройдя поле, усѣянное подсолнечными кореньями, я на берегу оврага, въ которомъ бѣжалъ ручеекъ, нашелъ землянку. Въ крышѣ ея вставлено небольшое окно. Почти ползкомъ я пробрался внутрь землянки. Привыкнувъ немного къ темнотѣ, осмотрѣлся и увидѣлъ картину нищеты и полнаго раззоренія. Маленькое, въ квадратную сажень помѣщеніе, темное, сырой земляной полъ; при каждомъ ударѣ затворяющейся двери съ потолка сыплется земля, засаривая глаза и набираясь въ волосы цѣлой кучи бѣлокурыхъ ребятишекъ. Всѣ они какіе-то блѣдные, вялые, подслѣповатые... Грязныя, порванныя рубашки, какіе-то опорки на подобіе сапогъ, вмѣсто обуви... Сбившись въ уголъ, на кучу тряпья, дѣтишки удивленно посматривали на меня... Какъ разъ подъ дырой въ потолкѣ, заставленной оконной рамой, сидѣлъ, обросшій волосами, крестьянинъ среднихъ лѣтъ и подшивалъ валенки.

Я поздоровался и объяснилъ цѣль своего пріѣзда.

— Да какъ живемъ? Смотрите сами вотъ — плохо пока живемъ, а что дальше будетъ,—не знаю.

— Когда же думаете переселяться?

— Переселился ужъ, видите. Денегъ на избу только еще не получилъ. Весной, Богъ дастъ, выстроюсь.

— А домъ продали ужъ?

— Какой у меня домъ? Такъ, избенка была — продалъ...

Лошадь у меня совсѣмъ пошла подъ исходъ. Что ни куплю, все не ко двору—колѣютъ. А то нешто продалъ-бы: какъ ни какъ, а все лучше этой норы-то. Иначе нельзя было: лошадь надо, а взять негдѣ... Вотъ и продалъ...

Онъ сердито провернулъ въ подошвѣ валенка дыру, запустилъ въ нее съ обѣихъ сторонъ концы дратвы, размашисто стянулъ и постучалъ по подошвѣ молоткомъ.

— Да, не любитъ меня скотина. Вотъ эта послѣдняя лошадь: въ пятницу купилъ ее, далъ овса и схватило ее сразу животомъ, въ субботу обрекъ ее на продажу, въ понедѣльникъ вывелъ, продалъ. Пятерку убытку взялъ. Говорятъ, шерсть надо подбирать къ мази; всякія у меня были лошади: сѣрая, гнѣдая, карыя—ужъ онѣ меня доняли. Не живетъ скотина. Свинью купилъ недавно—шесть цѣлковыхъ далъ—вотъ какая свинья была—ужасть! До Тройцы дожила — околѣла... Корову завелъ—стѣнь-стѣнью, кормъ тоже не плохой—и никакого прибытка. Околѣла!.. Люди въ десять разъ хуже меня кормятъ, и лошади гладки, а у меня и кормъ не въ кормъ... Аль и такъ бываетъ: допустимъ, кормъ ей дашь хорошій, она его въ навозъ обратитъ... Гдѣ же тутъ выдюжить! Народъ мы куле-возовый... Вотъ и сижу безъ скотины!

— Ну, а съ платой какъ управляетесь?

— Это за землю, что-ль?

— Да.

— Какъ сказать? Пока тянусь, а тамъ видно будетъ... И не взялъ бы я этотъ отрубъ, да дѣлать-то ничего не осталось... Вѣдь здѣсь какое дѣло? Если разсказать, цѣлый разсказъ получится!

Онъ швырнулъ валенокъ.

— Идите, я вамъ участокъ покажу, а то у насъ и сѣсть-то не на что.

Мы вышли.

— Умеръ у меня отецъ. Остался я хозяиномъ, да долговъ тоже на свою шею захватилъ 900 рублей. Отецъ-то передъ смертью завертѣлся съ дѣлами, да похоронить его надо было... Начали мы съ женой работать. Что ни добудемъ — въ эту прорву: долги платимъ. Хоть и не посылалъ мнѣ Господь особаго счастья, но въ такомъ содержаніи, я могъ-бы изъ

долговъ повылѣзть. Но послѣдніе четыре года вытрясли меня изъ-за-нѣту: сгорѣла изба два раза, неурожаи, скотина ко двору не приходится; при отцѣ всякій скотъ жилъ, а теперь ничего нельзя завести. Пришло время платить 200 рублей, а у меня и двугривеннаго нѣтъ. «Отдавай, говоритъ, за долгъ надѣлъ». А я-то, говорю, какъ? «А ты возьми отрубъ». Думалъ, думалъ—судиться неохота! Махнулъ рукой и все пошло прахомъ! Получилъ 24 рубля доплаты, работали съ женой, затѣмъ желудей набрали сто мѣръ, продали за 10 рублей, — скопили такимъ манеромъ 98 рублей и взяли отрубъ. Теперь живемъ... Такъ что послѣ отца, я въ хорошемъ видѣ не пожилъ ни капельки, но на живомъ все заживетъ, лишь бы Богъ далъ здоровья!

— А чѣмъ вы пашете?

— Своего-то плуга нѣтъ, пока что, беру тутъ у одного мужичка.

— Своими силами обрабатываете землю?

— Нѣтъ, нешто осилишь! Около 16-ти десятинъ вѣдь. Нанимать приходится. Подсолнышки вотъ сѣялъ этотъ годъ— опять плохой урожай! Не везетъ мнѣ какъ-то!

Когда я сѣлъ въ телѣгу, Иванъ Ивановичъ не преминулъ сдѣлать свои замѣчанія.

— Вотъ взялъ отрубъ, подержитъ годикъ-другой, — броситъ, и перейдетъ этотъ отрубъ тому же Фомичеву. Такъ что лѣтъ черезъ пять останется отъ этихъ 40 дураковъ человѣкъ десять, и вся земля будетъ ихняя, а остальные пойдутъ къ церкви ручку протягивать!.. Но-о! Шалопай чортовъ!..

Осмотрѣли еще десятокъ отрубовъ, и вездѣ та же картина временности, неустойчивости. Конечно, далеко не вездѣ была та вопіющая нищета, которую я встрѣтилъ въ землянкѣ «несчастнаго» хуторянина. Отруба зажиточныхъ крестьянъ представляютъ изъ себя громадныя поля, куда люди приходятъ лишь на работу; шалашъ или мазанка здѣсь не являются жилыми помѣщеніями для семей, а служатъ временнымъ пристанищемъ лицъ, охраняющихъ наваленный кругомъ хлѣбъ. Хутора для зажиточныхъ выгоднѣе аренды. Уплативъ 75 руб. за отрубъ сразу, крестьянинъ будетъ въ дальнѣйшемъ платить 10—11 руб. за десятину въ годъ. Имѣя для этого запасный

капиталецъ, зажиточный мужикъ всегда съумѣетъ перевернуться, и ему не придется отдавать хлѣбъ за безцѣнокъ раньше времени. Вполнѣ понятно, что отруба для такихъ крестьянъ благодѣяніе; они весьма охотно благодарятъ за нихъ, посылаютъ какія угодно телеграммы, а при осмотрахъ хуторовъ людьми, власть имѣющими, заявляютъ, что «лучше хуторовъ ничего не можетъ и быть».

— Ну, а какъ съ переселеніемъ?—спрашиваю одного такого хуторянина.

— Зачѣмъ намъ переселяться? Начальство насъ не тревожитъ; построю здѣсь хорошій хуторъ, съ весны будемъ переѣзжать сюда, въ видѣ, какъ на дачу, а на зиму можно будетъ поселить какого-нибудь гольтяпая, онъ и караулитъ... Рѣшать хозяйство въ Даниловкѣ мнѣ нѣтъ смысла, тамъ домъ, хозяйство, а тутъ хуторъ...

— Вы изъ Даниловки?

— Да, оттуда. Тамъ у меня тоже земля. Это кто тамъ землю продалъ, тому, дѣйствительно, есть смыслъ переселяться сюда, а намъ смысла нѣтъ.

При такихъ условіяхъ, хуторъ зажиточнаго крестьянина будетъ, конечно, процвѣтать. Но зажиточный крестьянинъ хорошо жилъ и до земельной реформы, а вѣдь такихъ людей ничтожный процентъ; не они голодаютъ; не въ ихъ средѣ болѣзненно чувствуется необходимость прирѣзки... Въ Даниловкѣ больше пяти сотъ душъ, и если изъ нихъ, какъ сказано, 25 человѣкъ взяли отруба, то положеніе остальной то массы не только не улучшилось, но сдѣлалось безвыходнымъ... «Кому же,—думалъ я,—въ концѣ концовъ оказываетъ выгоду такъ называемое землеустройство»? Отвѣтъ ясенъ: прямую выгоду, которую можно учесть уже сейчасъ, оно приноситъ зажиточнымъ крестьянамъ, улучшая ихъ и безъ того хорошее положеніе.

— Господа!—говорилъ мнѣ одинъ землеустроитель,—ваши разсужденія не логичны: не понимаю, почему условія, хорошія для богатаго—для бѣднаго становятся плохими. Вѣдь тѣ же бѣдняки, арендуя эти земли, платили 25 руб. за десятину, теперь они будутъ платить 10—11 руб. Вѣдь выгода прямая!

Арендная цѣна въ 25 руб., конечно, кабальная аренда, и не мы будемъ ее защищать. Но что положеніе бѣдноты даже при этой арендѣ было лучше, чѣмъ теперь, когда земля разбита на отруба,—это несомнѣнно. Во-первыхъ, даже при желаніи всѣ крестьяне отрубовъ взять не могутъ: отрубовъ лишь 60, а крестьянъ, пользовавшихся этой землей, многія сотни. Во-вторыхъ, для громаднаго большинства сразу внести 100 руб. совершенно не по силамъ. Въ третьихъ, если даже бѣднякъ «скопитъ» 75—100 рублей,—это въ корень подрываетъ его хозяйство, а на хуторъ онъ переходитъ окончательно разореннымъ; такъ что даже при благопріятныхъ урожаяхъ ему возможно будетъ лишь выплачивать банковскій долгъ и съ грѣхомъ пополамъ прокормиться. Всякій же неурожай, всякое несчастье въ видѣ падежа скота, пожара и т. п. ведетъ къ тому, что бѣднякъ пропускаетъ сроки, и его гонятъ съ хутора. Въ дальнѣйшемъ я приведу рядъ данныхъ, подтверждающихъ это; теперь же необходимо указать еще, что самый фактъ обязательности ежегодной крупной платы подавляюще дѣйствуетъ на бѣдняка; послѣ благополучной первой уплаты онъ ужъ начинаетъ думать о слѣдующей, и такъ—55 лѣтъ! 55 лѣтъ постояннаго безпокойства, постоянныхъ опасеній, что «не внесешь въ срокъ и хуторъ отберутъ!». Разсужденія на эту тему приходится слышать чаще всего.

Снимая раньше десятину за 25 рублей, бѣднякъ закабалялъ себя помѣщику. Часть арендной суммы приходилось отработать, часть уплатить наличными; если затрата силъ окупалась тѣмъ, что бѣднякъ имѣлъ кусокъ хлѣба—бѣднякъ былъ спокоенъ; если урожайный годъ давалъ ему нѣкоторый избытокъ, на будущій годъ бѣднякъ снималъ двѣ десятины. Теперь же, взявъ отрубъ, онъ долженъ платить за 16 десятинъ, которыхъ при одной лошади и скверныхъ средствахъ обработки онъ не въ силахъ обработать своими силами. На шею бѣдняка взваливается непосильная тяжесть, и не мудрено, что часть взявшихъ отруба бросаетъ ихъ, или не уплачиваетъ во время и лишается отрубовъ. Ниже я приведу рядъ примѣровъ бѣгства съ отрубовъ и выгона съ хуторовъ; въ одной Орловской губерніи такихъ примѣровъ можно набрать значительное количество.

Такимъ образомъ, жизнь намѣтила уже два типа хуторовъ: хутора богачей, имѣющіе будущность, и хутора бѣдноты, влачащіе жалкое существованіе, заранѣе обреченные на гибель, а отчасти гибнущіе и теперь.

II.

— Гдѣ же здѣсь настоящіе-то хутора?—спрашиваю крестьянъ с. Даниловки.

— Настоящіе-то? А это вотъ по дорогѣ въ Тугузку. Какъ доѣдете до завода, забирайте влѣво, тамъ эти самые хутора и пойдутъ.

Въ это время къ группѣ, съ которой я велъ бесѣду, подкатила телѣга, и изъ нея поспѣшно выпрыгнулъ низенькій, безбородый мужиченко. Суетясь и торопясь, онъ привернулъ лошадь и подбѣжалъ къ крестьянамъ.

— Будемъ здравствовать. О чемъ бесѣда?

— А ты съ чего сорвался, словно угорѣлый?

Крестьяне засмѣялись.

— Я такъ себѣ, домой ѣду. Вижу компанія собралась, ну и подвернулъ.

— Компанія, да ты то намъ не компаньонъ,—острилъ отставной солдатъ.—Вотъ вы хутора спрашивали,—обратился онъ ко мнѣ,—это тоже вотъ хуторянинъ... Помѣщикъ!

— Свези, Тимофей, барина въ свое имѣніе: ему посмотрѣть интересно!

За полтинникъ Тимофей согласился довести меня до своего хутора—22 версты. Получивъ деньги, онъ повеселѣлъ и суетливо началъ подтягивать супонь.

— Не довезетъ бѣлогривый-то!—усомнился кто-то изъ крестьянъ.—Помѣщикъ, а лошадь, что твой одеръ...

— Бѣлогривый-то? Бѣлогривый, братцы у меня съ обновочкой: двѣ переднія ноги подковалъ ему. Ногами забираетъ теперь превосходнѣйшимъ манеромъ... Да,—добавилъ онъ философски,—кому что требуется: подкуй корову—ногой не двинетъ, а лошади подкова ходу прибавляетъ.

— Тебя, видно, кто-нибудь подковалъ: больно ты скоро на отрубъ-то перескочилъ,—острилъ неугомонный солдатъ.

— Какъ поголодаешь побольше, и ты перескочишь, и не подкованный... Ну, поѣдемте!

— Съ Богомъ!

Мы тронулись. Потрусивъ немного по улицамъ Даниловки, бѣлогривый поплелся медленнымъ шагомъ: очевидно, двѣ подкованныя ноги мало помогали истощенному животному. Закуривъ трубку и сплюнувъ нѣсколько разъ на хвостъ бѣлогривому, Тимофей замѣтилъ:

— Не любятъ меня мужички-то, обижать не обижаютъ, а смѣху много.—Затѣмъ, немного помолчавъ, прибавилъ:— А по моему напрасно: рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ,— гдѣ лучше.

— А лучше теперь тебѣ на хуторѣ-то?

— Нѣтъ, хуже!

— Зачѣмъ же ты перешелъ?

— Дѣло такое вышло: мало своей-то земли, чуть-чуть не вышелъ я въ нищіе, а тутъ денегъ обѣщали. Ну, я свою-то землю по боку и на отрубъ. Только далъ я маху: выдали мнѣ полторы сотни рублей, и чуть-чуть я на нихъ построился...

— Ну и что-же?

— Ничего, вотъ увидите... А вы сами-то теперь отъ кого ѣдете?

— Отъ себя.

— Не то, что отъ банка?

— Нѣтъ.

— Просто полюбопытствовать, значитъ?

— Вотъ, вотъ... А вы изъ Даниловки?

— Нѣтъ, только жилъ я здѣсь раньше въ имѣніи, работалъ. А потомъ сторожемъ здѣсь въ одномъ селѣ въ училищѣ служилъ. Учитель тамъ тоже былъ одинъ у насъ—все любопытствовалъ на счетъ хуторовъ... Да такъ и погибъ.

— Уволили?

— Нѣтъ, самъ повѣсился.

Началъ моросить дождь. Завернувшись въ армякъ, я смотрѣлъ на необъятныя поля зеленѣющихъ озимей... Все бѣлые колышки, разставленные правильными рядами и четырехъугольниками.

Почему-то вспомнился мнѣ Аракчеевъ съ его поселками, дорожками и березками.

Нѣсколько неожиданно для меня Тимофей вынулъ изъ-за пазухи сотку, щелкнулъ о ладонь лѣвой руки, выпилъ, закусилъ кренделемъ и, посмотрѣвъ на меня, произнесъ:

— Съ утра маковой росинки во рту не было. Занять сюды ѣздилъ рублишка три, а имъ смѣхъ.

— Видите большой столбнякъ-то пошелъ по полю? Это собственники отъ общественниковъ размежевались: по правую-то сторону будутъ собственники, а по лѣвую общественники... Тоже кутерьма идетъ теперь у нихъ...

Онъ задергалъ лошадь, похвалилъ дождь и, придвинувшись ко мнѣ, продолжалъ съ видомъ мужика степеннаго и умнаго:

— И нельзя не быть кутерьмѣ,—потому каждый день другъ друга они подсиживаютъ... Забѣжитъ, скажемъ, жеребенокъ отъ собственниковъ къ общественникамъ—тѣ нѣтъ, чтобы взять прутъ, да согнать, а загоняютъ... Штрафы кладутъ другъ на друга,—извѣстно, зло ширится. Я ни тѣхъ, ни другихъ не хвалю... Всѣ хороши...

На минуту мы замолчали.

— Вотъ подите, какая началась путаница: раньше были просто крестьяне и все... А теперь пошли собственники, хуторяне, общественники, и все другъ на друга зубы скалятъ. Вотъ какая началась свара... Нечего сказать—заварили кашу...

Поднявшись на полугорье, мы увидѣли разбитое на отруба поле. Часть отрубовъ была уже разобрана: повсюду были разбросаны ометы соломы, груды колоса; кое гдѣ торчали шалаши, выстроенные для временнаго пристанища караульщиковъ, два—три запоздалыхъ пахаря взрывали землю подъ озимь. Все поле производило впечатлѣніе громаднаго гумна, на которомъ рѣдко-рѣдко разбросаны стожки сѣна, груды соломы, одонья хлѣба... Жилыхъ помѣщеній, за исключеніемъ хибарки Тимофея, нѣтъ; очевидно, владѣльцы отрубовъ или «не собрались еще съ силами», или боятся строиться «до совершенія купчей».

Въ этомъ мѣстѣ разбросаны были всѣ отруба, но часть крестьянъ принуждена была бросить ихъ.

— Посыкнулись было изъ Огаревки четверо, да на попятный...

Мнѣ самому пришлось разговаривать съ этими четырьмя огаревцами:

— «Не осилишь! Вѣдь это какой хомутъ-то! Надѣть-то его можно, а выдюжишь-ли? Мекали мы и такъ и сякъ—ничего не выходитъ. Судите сами: одно дѣло деньгами доймутъ, а затѣмъ—переселеніе это, долженъ я все продать, сломать и жить тамъ, какъ медвѣдь. Тяжело безъ людей-то. Здѣсь я выйду вечеромъ,—народъ свой, съ тѣмъ слово перекинешь, съ другимъ о другомъ поговоришь; бѣда хоть какая—все на людяхъ легче.

— И то надо еще сказать: народъ въ обиду входитъ! Не любятъ у насъ, чтобы изъ общества выходили, либо хутора брали: зла то, можетъ, они и не сдѣлаютъ, а глядѣть будутъ звѣремъ. Житье-ли это? Думали, думали: соки, молъ, изъ тебя сосать будутъ, а удовольствія никакого. Ну ихъ къ Богу! Отказались...

— Благополучія нѣтъ, вотъ что главное! Вотъ у меня три парня—отрубовъ на нихъ не даютъ, а парни на возрастѣ лѣтъ. Подрастутъ—что я буду съ ними дѣлать? Разбить по пяти десятинъ, три избы поставить? Вѣдь это,—если Господь пошлетъ мнѣ вѣку, черезъ семь лѣтъ будетъ на 15 десятинахъ то четыре хутора...

— При такой малой землѣ, что-же будетъ? Платить за нее плати, а просвѣта никакого... Чуть что, сейчасъ скажутъ: ты собственникъ, тебѣ прирѣзки не можетъ быть...

— Да, не подходитъ намъ!

Нѣсколько человѣкъ д. Тугузки тоже взяли было отруба, внесли по 30 рублей задатку, но тоже отказались. Мотивы, приблизительно, тѣ же самые.

— Примѣры у насъ есть теперь, глядимъ и все видимъ: кто побогаче-то хорошо устраивается, имъ можно и отруба брать, а бѣдноту до крайности засасываетъ. Вонъ огаревскій Иванъ Ивановичъ—ему можно и отруба брать; вы не глядите, что онъ въ лапоткахъ ходитъ и одной полы полушубка не достаетъ: у него денегъ груда. Недавно какъ-то человѣчекъ изъ города сотенную мѣнялъ, Иванъ Ивановичъ лба не поморщилъ, отсчиталъ ему. Вотъ эти люди съ наличнымъ-то капиталомъ устроются. И имъ эти отруба—лафа! А намъ

гдѣ-же? Кто побѣднѣе-то, видите, какъ живетъ? Хоть того-же Тимофея возьмите—тянется, тянется; въ ниточку вытянулся человѣкъ, а, того и гляди, выскочитъ съ хутора-то.

— Задатокъ вернули вамъ?

— Вернули. Чиновникъ и спорить не сталъ: «наша, говоритъ, земля безъ людей не останется; не хотите—дѣло ваше: вотъ вамъ ваши деньги».

— На надѣлахъ, значитъ, остались?

— На надѣлахъ. Не знаемъ, что и дѣлать? Туда лѣзть не по силамъ, а здѣсь не прокормишься. А вѣдь мы не то чтобы нищіе, побѣднѣе насъ въ Тугузкѣ много найдется. Они-то что будутъ дѣлать?»

Ѣхавшій со мной Тимофей всѣ эти сѣтованія находилъ совершенно справедливыми.

— Извѣстно, въ уголъ двинуты... А только подѣлать намъ ничего нельзя.

— Гдѣ-же твой-то хуторъ?

— А вотъ за горкой-то. Ѣду утрось тутъ, а Дермидонтовъ Ванька съ женой стоятъ около озими, да ревутъ. Клинъ то этотъ ихній былъ, а они продали его Захару Ивановичу. Теперь ужъ его озимь-то. А они ходятъ теперь всходы глядѣть, да ревутъ.

— У нихъ нѣтъ теперь земли-то, значитъ?

— Извѣстно, нѣтъ. Откуда ей быть, землѣ-то? Отрубъ берутъ теперь, да никакъ, слышно, проулюлюкали денежки то. теперь вотъ и воютъ. Извѣстно, дурье!.. А вотъ и хуторокъ мой...

— Я первый на хутора-то осмѣлился, — самодовольно говорилъ Тимофей, показывая мнѣ свои владѣнія, — тамъ мужики кричатъ, кто одно, кто другое. А я говорю: коли, говорю, на то пошло,—переселюсь, ваше благородіе, позвольте деньги. Первый я; видите, ни одной избы нѣтъ кругомъ, а я уже тутъ посиживаю.

Владѣнія Тимофея, по совѣсти говоря, видъ имѣютъ довольно жалкій. Изба, правда, новая, крытая свѣжей соломой, но до такой степени маленькая, что напоминаетъ болѣе дѣтскую игрушку, чѣмъ человѣческое жилье. Надворныхъ построекъ никакихъ, если не считать какого-то небольшого шалаша, не

то крытой ямы, гдѣ ночуетъ скотина. Дворъ не огороженъ. Около избы свалена куча глины, часть ея размята ногами Тимофеевой жены, а сама жена обмазываетъ избу. Двѣ дѣвочки ведромъ таскаютъ глину. Худая, измученная женщина, въ послѣднемъ періодѣ беременности, приняла сначала меня за землеустроителя и нахмурилась. Узнавъ затѣмъ, что пріѣхалъ «просто такъ», какъ-то жалко улыбнулась и пригласила въ избу.

— Вишь ты, сволочи! Опять кто-то по озимымъ ѣдетъ!— закричалъ вдругъ Тимофей и бросился къ дорогѣ.

— Это Ванька галченокъ: онъ всегда нарочно.

— Эй ты—куда тѣ чортъ несетъ! Аль нѣтъ для тебя дороги-то.

— Да лошадь вотъ...—слышалось что-то съ заѣхавшей на озимь телѣги...

— Я тѣ дамъ лошадь...—Претъ на озими, какъ тотъ...

— Ну, ты помалкивай!

— Проваливай, проваливай, язевый лобъ!

Мужикъ лѣниво свернулъ на дорогу.

— Вотъ всегда такъ,—обратился ко мнѣ Тимофей,—словно имъ слаще по озими то ѣхать... Вѣдь и лошади тяжело, а все со зла... Прямо нехристи!

Въ избѣ Тимофея было нѣсколько уютнѣе, чѣмъ въ землянкѣ хуторянина. Здѣсь столъ, лавки, кровать. На стѣнахъ лубки: «Мученіе св. великомученицы Варвары», «Семь ступеней жизни человѣка» и карикатура: громадный казакъ проглатываетъ нанизанныхъ на копье японцевъ.

Третья дочь Тимофея, дѣвочка лѣтъ семи, ставила самоваръ.

— Видите, вотъ наше житье; не гнѣвимъ Бога, только бы выбраться малость. Колодезь вотъ скоро начну рыть. Теперь неудобство это: за водой ѣздить приходится; боченка настоящаго нѣтъ, а въ кадушкѣ, пока везешь—расплещешь все. Мы ужъ и полотнищемъ закрывали, нѣтъ,—все полъ-кадушки расплещешь. Дорога у насъ вода, экономить приходится. Тоже много требуется воды то; скотину гоняю туда поить, да теперь ужъ ворчать начали общественники. Воды имъ жалко, прости Господи! А такъ ничего, живемъ хорошо: хлѣбъ есть...

— Дай Богъ. Поправляйтесь!

— Вотъ насчетъ дровъ тоже. Каждый прутъ покупной: хорошо еще здѣсь въ пяти верстахъ пристань въ лѣсу. За три раза дали мнѣ пять возовъ сушника, а то вѣдь въ городъ за дровами то придется ѣздить.

— Это какъ за три раза?

— А три раза въ городъ дрова я имъ отвезъ, а за это въ видѣ благодарности сушникъ мнѣ дали. Надо на зиму то запасать.

Изъ суетливаго мужиченка Тимофей здѣсь, въ «своихъ владѣніяхъ», превратился въ печально-задумчиваго мужика, которому, несомнѣнно, многое «сосало сердце».

Тяжелое впечатлѣніе производила его одинокая лачужка, печально торчащая на холмикѣ. Кругомъ ни кустика, ни овражка,—ничего, что могло бы хоть сколько нибудь разнообразить картину тоскливаго одиночества. Люди попадаютъ сюда лишь случайно: либо изъ «озорства», либо поправить порвавшуюся въ дорогѣ упряжь. Одиночество, видимо, давило и Тимофея.

— Вѣдь это, пока что, мы одни то: къ веснѣ начнутъ другіе переселяться. Какъ же? Народу много будетъ. Не вѣкъ же одни. Мнѣ то все равно. Жена, вонъ скучаетъ; подругъ, ей, вишь, не достаетъ. Что подѣлаешь? Потерпѣть надо! И хуже жили, а помогъ Господь!.. Анъ, дѣло и поправилось...

— Ну, ужъ хуже то не жили,—замѣтила жена.

— Какъ не жили? Да взять хоть съ отцомъ то—нешто сравнительно? Отецъ мой,—обратился онъ ко мнѣ,—надо прямо говорить, былъ лютый песъ. Хоть и грѣшно отца ругать, но нѣтъ у меня для него иного названія. Песъ смердящій—больше ничего. Деньгу имѣлъ, а скаредъ былъ лютый; до того доходилъ, что куръ по утрамъ щупалъ, чтобы мы не могли яичко украсть; все у него было на счету, все подъ замкомъ. Работаемъ, бывало съ женой день и ночь, а отрады никакой: каждымъ кускомъ дѣлаетъ попрекъ. Чѣмъ старѣе, тѣмъ жаднѣе становился; въ концѣ концовъ, озвѣрѣлъ, какъ волкъ. жену мою началъ бить. Я самъ-то человѣкъ тихій, а онъ бивалъ ее смертнымъ боемъ. Ну, а меня онъ ничѣмъ пронять не могъ: онъ лается, а я молчу; онъ съ кулаками, а я

на печку подъ тулупъ. Видитъ онъ, что не такой я человѣкъ— какую выкинулъ штуку? Разъ при людяхъ отлилъ мнѣ пулю: «слышишь, говоритъ, Тимошка, вѣдь ты мнѣ не сынъ; не сынъ, говоритъ, ты мнѣ; твой отецъ, говоритъ, Терешка Слюнявый». Стоимъ мы съ матерью—лица на насъ нѣтъ: стыдобушка! Однако, затаилъ я это дѣло въ своемъ сердцѣ. Началъ онъ вечеромъ приставать къ женѣ, а я подошелъ къ нему и говорю: «такъ я, говорю, не сынъ тебѣ?»—«Нѣтъ, говоритъ, Тимоша, не сынъ».—Здѣсь я развернулся, да ка-а-акъ ему дамъ по харѣ! Онъ съ ногъ. «Отца родного, я бы не ударилъ, а чужому человѣку довольно надъ нами измываться». Вотъ какъ жили, а ты говоришь, хуже не было.

— Тоска больно ѣстъ, живемъ, какъ звѣри. Хоть бы лѣсъ былъ, что-ли, а то вѣдь зимой здѣсь ни въѣзду, ни выѣзду... Человѣка рѣдко увидишь, а и придетъ кто, такъ не съ добромъ.

— Погоди малость. Весной вотъ огородъ разведемъ, палисадникъ, цвѣтовъ насадимъ...

— Насадишь!..

— Что вы сѣяли этотъ годъ?—прервалъ я тяжелый разговоръ.

— Яровое нынѣ у меня было: просо, овесъ. Больше-то овса. Уродился хорошо, а цѣна соскочила: по 40 безъ копѣйки продалъ.

— А чѣмъ пашете?

— Я сохой жарю. Весной вотъ думаю плужокъ взять, а пока не собрался. Чиновникъ тоже говорилъ намъ «плуги, говоритъ, надо покупать». Не все сразу, понемножку обзаведемся всѣмъ.

— Говорили здѣсь, что годокъ другой поплатимъ, а потомъ отмѣна будетъ. Не слыхали?—спросила жена Тимофея.

— Не слышалъ.

— А здѣсь говорили.

— Можетъ быть. Дай Богъ.

— А то вѣдь эдакъ-то изъ силъ выбьешься.

За чаемъ Тимофей долго разсказывалъ мнѣ о «своей жизни». Много горя пришлось испытать этому человѣку. «Только одна печь по мнѣ не ходила, а то всѣмъ били». И

вотъ онъ убѣжалъ отъ людей. Убѣжалъ, а тоскуетъ о нихъ, хотя и скрываетъ это подъ видомъ внѣшняго безразличія. Переселился на хуторъ, думая здѣсь найти «тихую пристань», старается увѣрить себя, что «теперь все пойдетъ по-хорошему» и въ то же время сомнѣніе отравляетъ его спокойствіе, въ перспективѣ лишь «злоба» общественниковъ, да ежегодный взносъ 150 руб.

— Выдержитъ-ли Тимофей?—спрашивалъ я самъ себя. Самъ онъ, обстановка, перспективы будущаго, все говорило—едва ли, скорѣе не выдержитъ!..

Я ночевалъ у Тимофея. Рано утромъ разбудилъ меня его нервный визгъ.

— Вѣдь этакъ жить нельзя! Опять лошадей по озими пасли! Что же это такое? дождей нѣтъ; земля—пыль; вѣдь она—лошадь то—теперь озимь съ корнемъ вырываетъ. Я жаловаться буду. Знаю я, чьи это продѣлки...

Сердитый запрягъ онъ для меня лошадь и всю дорогу неистово хлесталъ ее прутомъ.

— Ну, и народъ! а!? Долго ли такъ раззорить человѣка? нѣтъ, я буду по иному: возьму топоръ, и какъ увижу кого, прямо по башкѣ!..

— Вы бы добромъ какъ-нибудь.

— Ну ихъ къ чорту! Собаки...

А въ Даниловкѣ, среди крестьянъ, онъ снова превратился въ суетливаго мужиченку, робкаго и забитаго. Парни смѣялись надъ нимъ, надъ его лошадью, сбруей, а онъ молчалъ и виновато улыбался...

III.

Мнѣ надоѣло ѣздить по мѣстамъ, гдѣ хуторяне дѣлаютъ лишь «первые шаги». Нищета ихъ, суетливость, безпричинное метаніе изъ стороны въ сторону, жалобы на банкъ, на общественниковъ,—все это наводило мучительную тоску. Хотѣлось поскорѣе увидѣть хоть какое нибудь довольство, силу и увѣренность въ себѣ. Пойдешь въ деревню—тамъ крестьяне, угрюмые, озлобленные, жалуются на полную безвыходность, на то, что «хутора эти въ разоръ ихъ раззорили». На хуто-

рахъ—или жалобы на общественниковъ, или молчаливая тоскливая угрюмость...

Гдѣ же довольные «съ бодрыми лицами»?

— Что же? Свезу!—отвѣтилъ мнѣ лѣсникъ Андрей Ивановичъ на просьбу свезти меня на ближайшіе хутора.

Мы выѣхали на его «кривушкѣ».

Хутора эти расположены верстахъ въ трехъ отъ деревни Тугузки. Построены они на землѣ, принадлежавшей ранѣе Даниловской экономіи. «Кривушка» домчала насъ довольно быстро. Здѣсь поселокъ изъ четырехъ избъ. Расположены онѣ подрядъ, образуя маленькую уличку. Передъ домами роется колодецъ, позади ихъ протекаетъ небольшой ручеекъ. Дворы еще не обгорожены, но есть уже кое-какія надворныя постройки.

По обыкновенію, хуторяне приняли меня сначала за банковскаго чиновника и начали излагать мнѣ цѣлый рядъ жалобъ. Узнавъ же, что я «отъ журнала», примолкли и лишь послѣ довольно продолжительнаго знакомства стали говорить со мной болѣе откровенно. Всѣ они люди болѣе или менѣе зажиточные. На четыре двора они взяли десять отрубовъ (больше 150 десятинъ), при чемъ двое взяли по три отруба, на себя и сыновей.

Домики ихъ новенькіе, но крыты соломой и отличаются микроскопичностью: всѣ четыре домика построены изъ осины—самаго дешеваго матеріала; одинъ сарай, одинъ амбарчикъ. У каждаго домика сѣни, покрытыя, но еще не огороженныя. Около двухъ избъ лежатъ плуги; на улицѣ валяется испорченная ручная вѣялка.

Трое изъ этихъ хуторянъ имѣютъ надѣльныя земли и избы въ деревнѣ, четвертый же, наиболѣе бѣдный, продалъ избу и землю. Изба этого четвертаго еще стоитъ безъ оконъ, и самого его видѣть мнѣ не пришлось.

— За окошками въ городъ поѣхалъ: холода наступаютъ...

Хуторяне показали мнѣ амбаръ. Весь онъ занятъ грудой овса, оставленнаго «для себя». Овесъ плохо провѣянъ и плохо очищенъ.

— Для себя вѣдь, не на продажу—объясняютъ хуторяне.

Имѣютъ хуторяне головъ 15 скота, который распредѣ-

ляется крайне неравномѣрно: у одного шесть головъ, у другого двѣ. Сдѣлать какіе-либо выводы о нихъ довольно трудно, но у троихъ изъ нихъ, очевидно, всѣ признаки зажиточности.

— Ну, какъ поживаете?

— Ничего себѣ. Вѣдь начали только, не знаемъ, какъ Богъ дастъ.

— Что сѣяли этотъ годъ?

— Яровое—овесъ, подсолнышки; урожай, слава Богу.

— Продали?

— Продали. Овесъ низко стоялъ, а подсолнышки продали рубль шесть гривенъ.

— Грызовые сѣяли?

— Масличные. Грызовые опасно: ухода много надо за ними.

— Въ банкъ внесли?

— Внести-то внесли. Да не поймемъ ничего. Заплатили рублей по двѣсти, а говорятъ опять надо скоро платить.

— Вы какъ взяли-то?

— Какъ взяли? Какъ всѣ берутъ. Сказали намъ, по 10 рублей за десятину въ годъ придется; вотъ и взяли.

— Живете, значитъ, хорошо?

— Жить бы можно, кабы вода была. Начали, вонъ, колодезь копать, а воды нѣтъ. Что тутъ дѣлать? Бѣжитъ, вонъ, позади насъ ручеекъ, и вода въ немъ хорошая, и плотинку мы поставили, а пользоваться нельзя. Ручеекъ-то, вишь, бѣжитъ черезъ Даниловскій винокуренный заводъ, такъ тамъ спускаютъ въ него барду. Ну, и мутятъ воду. Какъ спустятъ, такъ горе одно—въ ротъ взять нельзя, и скотина не пьетъ. Жаловаться теперь хочемъ.

— Вы бы съ заводомъ поговорили сначала.

— Говорили. Нашъ, говорятъ, ручей, что вы съ ними подѣлаете?

— Что же вы дѣлаете, когда спускаютъ эту дрянь?

— Ѣздимъ за водой. Верстъ за пять приходится ѣздить-то; изъ колодезей въ Тугузкѣ намъ не даютъ, такъ въ прудъ приходится ѣздить.

— Съ тугузцами-то, значитъ, въ ссорѣ живете?

— Мы-то что же? Мы ничего. Они вотъ на насъ зубы

точатъ. Плохого мы имъ ничего не сдѣлали, а они все грозятъ: прямо говорятъ, что въ случаѣ чего—на васъ раньше помѣщиковъ пойдемъ.

— По дорогѣ вотъ тоже,—добавилъ другой хуторянинъ,—не даютъ намъ ѣздить. Не смѣй-де ѣздить-то? Говори, говори. да мóлай...

— Ну, уже это дѣло ихъ: хотятъ позволятъ, хотятъ. нѣтъ.

— Какъ ихъ?

— По дорогѣ всѣ ѣздятъ! Вѣдь вы вотъ не общественникъ, а ѣхали по дорогѣ,—почему же намъ нельзя? Не убавится отъ этого дороги-то!

— Просто злость они на насъ имѣютъ. Землю эту они, вишь раньше снимали...

Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ я узналъ, что трое хуторянъ зимой будутъ жить въ деревнѣ, а здѣсь поселятъ сыновей или родственниковъ, а лишь четвертый будетъ жить здѣсь «завсегда».

— Опасно все-таки домъ отъ деревни продать! Пусть будетъ и здѣсь, и тамъ. Разъ ужъ нужда одолѣетъ, тогда другое дѣло, а пока потерпимъ.

— А надѣлы?

— Надѣлы тоже намъ надобятся. Сдаемъ мы ихъ. Земель теперь порожнихъ нѣтъ, цѣна стоитъ хорошая, вотъ и сдаемъ своимъ же мужикамъ. Такъ что продавать намъ не рука.

Хуторяне эти—народъ многосемейный; но у троихъ изъ нихъ дѣти уже взрослыя и не нуждаются въ образованіи. Четвертый же имѣетъ ребятишекъ школьнаго возраста, какъ разъ онъ-то именно и продалъ свой деревенскій домъ и надѣлы; для него вопросъ объ ученіи ребятъ стоитъ ребромъ. Мужикъ онъ умный, разсудительный; самъ онъ заявляетъ, что учить ребятъ необходимо, но «совершенно ничего не можетъ сдѣлать».

— Если для четырехъ домовъ школу-то выстроить, такъ это обойдется дороже, чѣмъ въ гимназіи. А въ село посылать не рука: на хлѣба отдать не по силамъ; возить каждый день—возни больно много, а пѣшкомъ нешто зимой ихъ пустишь? Здѣсь волковъ однихъ прорва; да какъ метель поне-

сетъ, матушка, такъ большой съ дороги собьется... Не знаю, что ужъ и дѣлать!

— Да еще общественники говорятъ, что въ свою школу не будутъ пускать нашихъ ребятишекъ. Свою, говорятъ, стройте.

— Ну, школа-то, положимъ, земская.

— Земская, а они не пустятъ. Что ты съ ними подѣлаешь? Не то что въ школу, въ церковь не хотятъ пускать. Молиться—молись, а вѣнчайся вокругъ сосны. А у насъ и сосенъ-то нѣтъ къ тому же.

— А вѣнчаться и въ городѣ можно.

— Извѣстно, не будемъ жить не вѣнчаны. Только къ тому я, что злоба-то ихъ какова? Прямо вѣдь не мытьемъ, такъ катаньемъ донимаютъ...

— Поговоривъ со мной о разныхъ дѣлахъ, самый пожилой изъ хуторянъ спросилъ:

— Вы говорите, вотъ отъ газеты ѣздите, по хуторамъ-то?

— Отъ журнала. Разъ въ мѣсяцъ выходитъ.

— Зачѣмъ же журналу этому деньги тратить, посылать васъ?

— Чтобы всѣ знали, какъ вы живете.

— Правительство, значитъ, объ насъ безпокоится...

— Нѣтъ, не правительство. Это частные люди.

— Народу теперь къ намъ ѣздитъ—Господи твоя воля! То одинъ, то другой... На-дняхъ, вотъ тоже, генералъ пріѣзжалъ отъ «союза русскаго народа». Представительный господинъ, толстый такой... Погоны—во!—показалъ онъ на четверть вышины отъ плеча. Черезъ плечо—онъ показалъ разстояніе отъ плеча до жилета—лента; на груди—растопыренными пальцами онъ провелъ по груди—ордена. Предлогъ дѣлалъ насчетъ «союза». Записывайтесь, говоритъ.

— Ну и что же вы?

— Записались. Главное потому, что пужалъ онъ насчетъ земли, а затѣмъ и слова такія: «за царя, говоритъ, за родину постойте»... Такъ что записались.

— Напрасно.

— А что? Аль обманъ какой?

— Конечно, обманъ. Я разъяснилъ, что такое «союзъ» и каковы его цѣли.

— Вишь ты! А мы что знаемъ? Извѣстно, народъ темный! Вотъ опять пріѣдетъ—спросимъ его: зачѣмъ чиновники къ намъ всякіе ѣздятъ?

— Народъ мы любопытный,—сострилъ парень.

— Не то, что любопытный, а вновь все это, ну, господа—и имѣютъ интересъ.

— Нужно посмотрѣть, какъ вы живете и другимъ дать совѣтъ, стоитъ переходить, или нѣтъ?

— Это точно. Мы тоже вотъ боялись, а теперь, на насъ глядя, може, и еще кто выищется...

Вопросъ о топкѣ для жилыхъ хуторянъ, какъ и для Тимофея, стоитъ ребромъ. Послѣдній ближайшій лѣсъ сводится. Близко время, когда хуторянамъ за дровами придется ѣздить въ городъ.

— Запасаемъ, пока что. Да на десять лѣтъ не напасешь.— При прощаньи старикъ спросилъ меня:

— Не слышно тамъ—говорятъ, что заставятъ насъ надѣлы продать.

— Не знаю.

— А вы ужъ, пожалуйста, при случаѣ насчетъ барды-то скажите тамъ. Какъ-нибудь, молъ, устроимся—только пить нечего: вода сидитъ низко, а здѣсь барда.

— Хорошо, напишу.

— Ужъ сдѣлайте милость.

— Скажите, по вашимъ, вотъ, словамъ, вы и въ деревнѣ хорошо жили,—а зачѣмъ же вы перебрались сюда?

— Да все какъ получше хочется! Своей землицы хочется. Купили вотъ, выплатимъ—она и наша; своя кормилица... А тамъ мало; на съемѣ были, а теперь и съему нѣтъ. Поэтому и перешли.

— Думаете выдержите?

— Мы-то, Богъ дастъ, осилимъ, а сосѣдъ—вотъ едва ли!

— Обнищалъ больно—ни у него телѣги, ни у него топора, за всѣмъ по дворамъ бѣгаетъ. Вотъ теперь яровое было у насъ и рожь-то ему покупать приходится. А тамъ опять платежи! Трудно и намъ, а ему—не дай Господи!..

Отъ этихъ хуторянъ я поѣхалъ въ небольшой хуторской

поселокъ близъ Ключей, гдѣ проживалъ нѣсколько дней у очень интереснаго хуторянина Егора Ивановича.

Егоръ Ивановичъ—дворовый. До переселенія на хуторъ онъ не засѣвалъ около 20 лѣтъ, но хлѣбопашество любилъ «всей душой». Идеаломъ его было—сдѣлаться хозяиномъ и на собственной землѣ молотить свой хлѣбъ.

— Больше мнѣ ничего и не надо было! Да гдѣ ужъ—думаю, бывало—не доживу: 55 лѣтъ мнѣ, сколько думалъ сколотить деньжонокъ, да такъ и не сколотилъ... А глядь—эти хутора...

Егоръ Ивановичъ видалъ всякіе виды: онъ служилъ тюремнымъ надзирателемъ, служилъ полицейскимъ; съ этой должности его уволили за неблагонадежность старшаго сына. Онъ думалъ, что «вѣкъ придется дожить въ лѣсникахъ»,—его послѣдней должности, но судьба рѣшила побаловать его передъ концомъ жизни.

Когда Егоръ Ивановичъ служилъ лѣсникомъ, «съ мужикомъ былъ строгъ», но до обычной теперь дикости и безшабашной наглости никогда не доходилъ. «Если я ловилъ мужика, то представлялъ его въ контору,—вотъ и все... А иногда и отпускалъ». Бить же «не позволялъ себѣ никогда», за «мелочи», какъ вязанка дровъ, или пара лыкъ, «подъ штрафъ не подводилъ», а иногда и самъ разрѣшалъ «набрать сушнику истопели на двѣ». Но особенно пріятно въ немъ было то, что къ крестьянину онъ никогда не питалъ ненавистной злобы, столь характерной для помѣщичьихъ служащихъ, воспитанныхъ при новыхъ порядкахъ.

Онъ любилъ крестьянъ, входилъ въ мелочи крестьянскаго хозяйства и уважалъ ихъ несравненно больше, чѣмъ полицейскихъ, стражниковъ, и прочихъ чиновныхъ людей деревни...

Уединенная жизнь въ лѣсу какъ бы подготовила его къ уединенной жизни на хуторѣ. Онъ любитъ читать и до сихъ поръ все свободное время проводитъ за чтеніемъ книгъ, преимущественно библіи и евангелія. Книги эти онъ знаетъ прекрасно и часто цитируетъ изъ нихъ подходящія къ разговору мѣста.

Я знаю Егора Ивановича лѣтъ десять, и мнѣ было особенно интересно, какъ будетъ отзываться о жизни на хуторахъ

этотъ влюбленный въ землю и привыкшій къ одиночеству человѣкъ.

Представьте же себѣ мое удивленіе, когда онъ съ первыхъ же словъ началъ приводить обычныя для хуторянъ жалобы.

— Да вѣдь вы, Егоръ Ивановичъ, двадцать лѣтъ дорывались до земли?

— Такъ что же? Земля землёй, а хлѣбъ-то нужно тоже.

— Неужели же и хлѣба нѣтъ?

— А вы что думали?—И Егоръ Ивановичъ высчиталъ, что-за покрытіемъ платежей, у него останется едва-едва на сѣмена.

— Затѣмъ то̀ посудите: Нюрку вотъ учить надо, а силъ нѣтъ... Вѣдь въ городѣ надо держать, ближе нѣту школы, а вѣдь это 6 руб. въ мѣсяцъ. Гдѣ ихъ взять?..

— Ну, а въ лѣсникахъ вы были, что стали бы дѣлать?

— Тогда у меня домишко въ городѣ былъ; квартиранты жили, они за квартиру взяли бы Нюрку. Теперь сюды переѣхалъ, домъ продалъ,—одна и отрада только, что самъ хозяинъ... Куда ни кинь, ничего нѣтъ: въ церковь сходить 6 верстъ; пожарной поблизости нѣтъ; скажемъ такое дѣло—кладбища, и того нѣтъ... Трудно!

Затѣмъ Егоръ Ивановичъ перешелъ на общую тему.

— Всѣмъ плохо! Злое время! Сказано: прійде время, благодать св. Духа уничтожится... Вмѣсто жертвенниковъ воздвигнуты будутъ кумиры... Волъ, привязанный у яслей, не сможетъ нести своего ярма... Пришло это время, ой, пришло! Св. отецъ, толкуя это мѣсто, говоритъ, что, волъ это—духовенство. Бывало патріархи обличали, стращали судомъ Божіимъ, ни бояръ, ни князей не страшились; а нынѣ всѣ на того, кто послабже: на мужика... Былъ у насъ тутъ голодъ, мордва мерла, какъ мухи,—вотъ бы отцу духовному возвысить свой голосъ, монастырю открыть свою житницу,—а они народу хлѣбъ изъ проценту давали... Гибнетъ мужикъ!..

Вечеръ. Жена Егора Ивановича—ровесница ему по годамъ—стройная женщина, со слѣдами былой красоты, поставила на столъ самоваръ.

Избушка Егора Ивановича маленькая, но довольно чистая: зеркало, часы, шкафъ, — предметы, пріобрѣтенные десятокъ лѣтъ назадъ. На угольникѣ стоитъ откуда-то попавшій бюстъ Толстого, по стѣнамъ полочки съ посудой и книгами. Вообще было довольно уютно.

За чаемъ мы отвлеклись отъ хуторской темы и горячо спорили о религіи. Вдругъ, въ самый разгаръ спора, громадная собака Егора Ивановича, Громилка, съ злобнымъ лаемъ пронеслась мимо окна и бросилась къ дорогѣ.

Мы выбѣжали на дворъ.

— Что за люди?—крикнулъ Егоръ Ивановичъ.

— Уйми, пса-то, Егоръ Ивановичъ, экъ его расходился... Свой, свой... Долой ты, лѣшій...

— Громилка, назадъ...

Подошелъ мужикъ низенькаго роста, съ горбами на спинѣ и на груди... Маленькое толстое лицо его—безъ усовъ, безъ бороды, больше походило на личико истощеннаго ребенка, и говорилъ онъ какимъ-то тоненькимъ, пѣвучимъ голосомъ.

— Съ чѣмъ пришелъ, Петровичъ?

— Несчастье, Егоръ Ивановичъ, корова что-то дуется...

— Такъ за ветеринаромъ надо...

— Вотъ лошадки не дашь-ли?

— Возьми, возьми...

Петровичъ поспѣшно началъ запрягать «кривушку».

— Что у тебя съ ней?

— И ума не приложу: схватило въ одночасье, и мыла давалъ, а все нѣтъ...

— Дуется?

— Какъ гора... Пыхтитъ, пыхтитъ, а толку нѣтъ...

— Ну, поѣзжай съ Богомъ...

Долго Егоръ Ивановичъ смотрѣлъ въ слѣдъ удалявшемуся Петровичу и задумчиво качалъ головой.

— Не дай Богъ, не дай Богъ... Послѣдняя корова...

— Пойдемте къ нему, Егоръ Ивановичъ...

— Да надо пойти... А то одни они тамъ; у меня хоть Громилка...

Мы отправились.

— Не повѣрите, до какой степени привыкъ я къ лѣсу!

Жить безъ него не могу... Выйду, вечеромъ, и кажется мнѣ, что дерева качаются и шумятъ... Скучно безъ лѣса-то.

— Скучно?

— Скучно. Лѣсокъ бы, ручеекъ... Ну и повеселѣе... А такъ скучно...

— Ходятъ къ вамъ сосѣди-то?

— Такъ изрѣдка; больше по дѣламъ: кто за ведромъ, кто за телѣгой... Все я хорошо справилъ, да, видно, не на прибыль пойдетъ, а на разоръ—не осилишь. Старѣть начали съ бабой; изъ силъ бьемся, а прибытокъ небольшой. Нюрку бы на ноги поставить... А есть и хуже насъ; насъ за богачей считаютъ, думаютъ: въ лѣсникахъ деньги скопилъ...

Маленькая избенка безъ двора, безъ построекъ—вотъ и весь хуторъ Петровича. Окна заткнуты тряпьемъ и соломой! Внутри—печь, кровать, столъ, лавки,—все привезено «изъ дому», т. е. изъ деревни. Ребятъ пятеро. Одинъ грудной лежитъ въ зыбкѣ, а четверо вмѣстѣ съ матерью стоятъ вокругъ занявшей почти всю свободную часть избы большой коровы.

Съ мучительной тревогой семья смотрѣла на корову. Мать подносила ей ко рту кусокъ соленаго хлѣба...

— Возьми, рыженушка, возьми...

Корова лизнетъ хлѣбъ, мотнетъ головой и снова опуститъ ее, тяжело отдуваясь.

— Не беретъ, Гавриловна?

— Нѣтъ!..

— Эхъ, горе-горькое...

До пріѣзда ветеринара мы бесѣдовали на всевозможныя темы. Гавриловна разсказывала мнѣ исторію переселенія на хутора.

— Вѣдь, сами вотъ видите, и Егоръ Ивановичъ скажетъ, что все правда... До того дошло, что отрубей не стало... Голодали по три, по четыре дня... Вѣрите-ли? Бывало, самъ-то завернется съ головой въ чапанъ и лежитъ, а я обойму ребятишекъ руками и воемъ... Смерти ждали...

— Ну, ты, Гавриловна, не вспоминай это... Прошло время это и—слава Богу!..

— Я къ тому, что они вотъ спрашиваютъ: почему мы порѣшили? Жили мы раньше въ Петровскѣ и держали крендель-

ной курень—жили хорошо... Затѣмъ пошли эти курени чуть не въ каждомъ домѣ—дѣло подшиблось... Продали мы курень, собрали деньжонокъ, сняли землю подъ бахчу. Посадили арбузы... Хорошіе было арбузы взошли—душа любовалась. Вдругъ—погибли въ одночасье: градомъ посбило. Здѣсь, одно къ одному, телку у насъ увели...

— Придетъ, говорятъ, бѣда—растворяй ворота...

— Да!.. Пишемъ въ Сердобскъ къ деверю—выручай! Никакого отвѣта... Метнулись туда, метнулись сюда—ничего! Вотъ здѣсь мы и взвыли... Грѣшница и я—беретъ меня зло, а я все на него хочу свалить.—Что ты, говорю, лежишь все, какъ байбакъ? Вѣдь пролежни скоро будутъ!? — «Ѣдемъ, говоритъ, въ деревню»...—Подумали, подумали—другого выхода нѣтъ...

— Всегда такъ вотъ: поѣдетъ человѣкъ легкой жизни искать, а глядь, дѣло-то и того... не такъ поворачиваетъ...

— Пріѣхали въ деревню... Работали лѣто, сколотили деньжонокъ, призаняли—открыли лавочку... Все было хорошо, да начали мы приторговывать книжками. Во время забастовки спросъ на нихъ былъ большой... Глядь—обыскъ, мужа увезли въ Петровскъ...

— Шепнулъ, видно, кто...

— Не иначе. Покуда держали его тамъ, здѣсь все раззорилось... Пріѣхалъ черезъ два года—вездѣ хоть шаромъ покати... Ну и рѣшили осѣсть на землю... Какъ здѣсь Господь устроитъ насъ—неизвѣстно...

Долго Гавриловна монотонно говорила о «своей жизни». Много горя пришлось испытать ей съ мужемъ; нужда цѣпко схватила ихъ своими щупальцами, и едва ли хуторъ поможетъ этимъ людямъ «вздохнуть хоть немного»... А впрочемъ,—судите сами. Вмѣсто ожидаемой ссуды въ 150 руб. Петровичъ получилъ лишь 75; на переселеніе и постройку пришлось занять; онъ занялъ подъ залогъ надѣла на какихъ-то чудовищныхъ условіяхъ. Переселеніе и платежи банку поглотили все. А земля подъ хуторомъ оказалась «послѣ ржи», такъ что Петровичу пришлось сѣять «рожь на рожь». Естественно, что урожай былъ самый ничтожный: чечевица уродилась хорошо, но цѣна на нее стояла низкая, такъ что первый годъ не только не далъ какого-либо излишка, но на по-

крытіе платежей пришлось продать лошадь... «15 десятинъ не дали ничего»,—говоритъ жена Петровича. Не дали они, конечно, Петровичу съ семьей, а банкъ свою долю получилъ... Теперь Петровичъ надѣется, что «поможетъ земство». Дали бы рубликовъ сорокъ — лошаденку бы купилъ... А то дюже тяжело»!..

Выслушавъ «исторію» Гавриловны и Петровича, я простился съ ними, а черезъ нѣсколько дней простился и съ Егоромъ Ивановичемъ. Хотѣлось посмотрѣть, какъ живутъ хуторяне въ другихъ губерніяхъ. Я поѣхалъ въ Казанскую, а потомъ въ Орловскую губерніи.

IV.

Въ той части Ливенскаго уѣзда Орловской губ., которую пришлось мнѣ посѣтить, подъ хутора разбито четыре имѣнія: Великаго Князя Андрея Владиміровича—пять тысячъ десятинъ; Полякова—900 десятинъ; Набокова—400 десятинъ и Корфа—600 десятинъ. Всего, слѣдовательно, подъ хутора разбито около семи тысячъ десятинъ. Размѣръ хуторской площади для Ливенскаго уѣзда опредѣленъ максимально въ 9 десятинъ: такая площадь подъ каждый хуторъ и отрѣзана; отступленія допущены лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда по условіямъ размежеванія не представлялось возможнымъ достигнуть полнаго уравненія,,—тогда подъ хутора отводились клинья въ 10—12 десятинъ.

Такимъ образомъ, нарѣзано было побольше шестисотъ хуторовъ, которые и разобраны мѣстными и пріѣзжими крестьянами. Какъ и вездѣ, большая часть разбитыхъ подъ хутора земель раньше находилась въ пользованіи окрестныхъ крестьянъ, которые арендовали по 1—2 десятины: теперь земли эти перешли въ пользованіе всего 600 семей, изъ которыхъ большая половина пріѣзжихъ изъ другихъ губерній и уѣздовъ. Это обстоятельство, главнымъ образомъ, и создаетъ почву непримиримаго антагонизма мѣстныхъ крестьянъ къ хуторянамъ.

Какъ въ Казанской, Саратовской и другихъ губ., здѣсь съ перваго взгляда бросается въ глаза упорное нежеланіе переселяться. Землю берутъ охотно, но переселеніе идетъ туго. «Собирая всѣ силы», крестьяне «переходятъ на пять процентовъ», переплачиваютъ массу лишнихъ денегъ, лишь бы остаться въ деревнѣ. Въ результатѣ—участки разобраны всѣ, а переселилось всего 160 человѣкъ, главнымъ образомъ, пріѣзжихъ, или тѣхъ изъ окрестныхъ крестьянъ, у которыхъ «не было никакой возможности отвертѣться».

Всѣ разговоры о преимуществахъ близости земли къ жилью, всѣ подсчеты малой затраты рабочихъ силъ не ведутъ ни къ чему. По этому поводу мнѣ пришлось говорить съ завѣдующимъ участкомъ.

— Что вы подѣлаете?—говорилъ онъ—своей собственной пользы не понимаютъ. Говоришь имъ, говоришь, а они все на своемъ. Опасно,—видите-ли! Чего же, спрашиваю, вы опасаетесь? «Перейдешь, говоритъ, а глядь силовъ-то и не хватитъ. Тогда и съ хутора-то сгонятъ и въ деревнѣ всего лишишься». Вотъ вы и поговорите съ ними: Прямо, хоть колъ на головѣ теши...

— Значитъ, большая часть участковъ отдана безъ переселенія?

— Пока, да. Да что вы хотите? Сначала, какъ разбили землю-то, совсѣмъ не хотѣли брать; нѣкоторымъ я прямо насильно навязалъ; затѣмъ другіе уѣзды оповѣстили. Изъ другихъ мѣстъ начали переселяться, а наши уперлись, какъ быки, и стоятъ! Въ то время у насъ распоряженіе было, чтобы главнымъ образомъ отдавать участки съ переселеніемъ, поэтому о пяти процентахъ мы не разглашали. А теперь, какъ узнали про пять-то процентовъ, такъ и повалили валомъ. Каждый теперь только и ждетъ, чтобы кого-либо согнали, а онъ норовитъ перехватить его участокъ.

— Но вѣдь безъ переселенія цѣли правительства не совсѣмъ достигаются?

— Видите, въ чемъ дѣло: въ циркулярѣ комитета по землеустроительнымъ дѣламъ (отъ 12 іюня 1907 года за № 17) сказано, что доходъ, который крестьянскій банкъ выручаетъ отъ сдачи купленныхъ имъ имѣній въ аренду, не покрываетъ

платежей, которые самому банку приходится нести по выпускаемымъ свидѣтельствамъ. Это и операціи банка затрудняетъ, и крестьянамъ не выгодно, такъ какъ всѣ убытки накладываются на земли, и продажныя цѣны приходится повышать. Съ другой стороны, сдавать земли до тѣхъ поръ, пока найдутся желающіе переселиться, невыгодно еще и потому, что крестьяне при арендѣ землю истощаютъ; выпашетъ участокъ, а потомъ и продавай его, какъ знаешь. Поэтому лучше безъ переселенія продать, лишь бы продать... Вотъ этимъ мы и руководствуемся! А кромѣ того это не такъ ужъ и опасно: если они сейчасъ не переселяются, потомъ переселятся. Изъ семей будутъ выдѣлы—вотъ ихъ и будутъ сюда отдѣлять: какъ увидятъ преимущество единичной собственности, то потекутъ!

— Чѣмъ же вы сами объясняете это упорное нежеланіе переселяться?

— Глупостью мужицкой! Вѣдь у насъ въ 61 г. и на волю многіе не хотѣли итти.

Однако, разговоры съ крестьянами показываютъ, что руководятъ ими въ данномъ случаѣ болѣе существенныя обстоятельства. По ихъ словамъ, сдѣлка сама по себѣ закабаляетъ съ двухъ сторонъ: во первыхъ, непосильными денежными платежами, а во вторыхъ, полнымъ отсутствіемъ свободы въ пользованіи и распоряженіи землей. Земли участка, о которомъ идетъ рѣчь, продаются крестьянамъ по цѣнѣ 170—220 р. за десятину, смотря по качеству ихъ. Вполнѣ понятно, опредѣленіе качества въ высшей степени условно, и крестьяне неопровержимо доказываютъ полную въ этомъ смыслѣ безпорядочность: плохія земли оцѣнены въ 220 р., хорошія въ 170 руб. и т. д. Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ, до полученія «данныхъ», земля считается въ арендномъ пользованіи, и платить за нее приходится 6% оцѣночной суммы; при оцѣнкѣ въ 220 руб., за хуторъ въ 9 десятинъ приходится платить 118 руб. 80 коп. въ годъ. Если принять во вниманіе только площадь ежегоднаго посѣва (6 десятинъ)., то арендная цѣна будетъ около 20 руб. за десятину въ годъ. Цѣна для этихъ мѣстъ нѣсколько ниже обыкновенной, но для бѣднаго крестьянина она непосильна, потому что ему прихо-

дится брать такое количество десятинъ, для обработки котораго не приспособлено его хозяйство: нѣтъ ни скота, ни орудій обработки... Приходится или сдавать часть земли, что запрещено впредь до окончательной уплаты разсроченнаго долга и погашенія залога *) подъ страхомъ «обращенія на заложенное имущество взысканія», или часть земли оставлять незасѣянной. Понятно, что при такихъ условіяхъ, крестьянинъ едва-едва уплачиваетъ аренду, а за работу «часто и соломы не остается». Договоръ требуетъ аккуратныхъ взносовъ въ опредѣленные сроки; дальше я приведу примѣры, до какого безчеловѣчнаго педантизма доходитъ это требованіе.

И вотъ къ данному сроку крестьянинъ «за что ни попало» продаетъ все, что возможно, и тащитъ деньги,—«иначе сгонятъ».

Все это происходитъ на глазахъ крестьянъ, чутко прислушивающихся къ хуторской жизни. Если первые шаги этой жизни ставятъ людей въ положеніе постояннаго трепета и боязни, «какъ бы не согнали», то каково же отношеніе будетъ потомъ, когда крестьянинъ окончательно порветъ съ деревней, и всѣ надежды его будутъ возложены только на хуторъ... При всякой, даже частичной неуплатѣ, съ хуторовъ гонятъ довольно безцеремонно; понятно, что при такихъ условіяхъ находится мало желающихъ все порвать съ деревней и жить только хуторомъ...

Землеустроители Ливенскаго уѣзда хвалились мнѣ, что за хуторянами почти нѣтъ недоимокъ, слѣдовательно, зажиточность ихъ внѣ сомнѣнія. Но вѣдь всѣ недоимочники согнаны съ земли, участки у нихъ отобраны, а многимъ ли извѣстно, путемъ какихъ нечеловѣческихъ лишеній оставшіеся собрали причитающіеся платежи?

Вотъ умный и разсудительный хуторянинъ Иванъ Кирилловичъ. Въ буквальномъ смыслѣ человѣкъ этотъ работаетъ день и ночь. Помимо обработки земли, онъ плететъ лапти, валяетъ и подшиваетъ валенки, лѣчитъ скотъ и, по его словамъ, «что ни заработаетъ, все садитъ въ эту прорву».

---

*) См. пункты 2 и 3 договора.

— Я дворовый и, когда жилъ однимъ только своимъ ремесломъ, такой нужды и заботы не видалъ. А теперь только и работаешь, что на нихъ.

— Зачѣмъ же вы взяли хуторъ?

Иванъ Кирилловичъ вогналъ топоръ въ бревно, которое онъ обтесывалъ, и, остановившись, какъ то удивленно посмотрѣлъ на меня.

— Да какъ же безъ земли то?

— Вѣдь жили же вы безъ земли.

— Жилъ! Мало ли, что жилъ; безъ хлѣба тоже приходилось живать...

— Сами же говорите, что раньше лучше было.

Иванъ Кирилловичъ молча посмотрѣлъ на меня и, какъ бы удивившись безнадежности моего непониманія, сѣлъ на бревно.

— Позвольте папиросочку.

Мы закурили.

— Если хотите вы знать, такъ двадцать лѣтъ уже, какъ я только и думалъ о томъ, какъ свою рожь на свое гумно свезу; жену, вонъ, спросите.

— Крестьянское хозяйство вы любите очень, что ли?

— Самъ не знаю. Сердце такое: вижу, къ примѣру, другіе снопы везутъ, а мнѣ къ груди подступаетъ. Теперь хоть и тяжеленько, а все таки легче...

— Довольны, значитъ?

— Чѣмъ же я могу быть доволенъ? Вы, вотъ, образованный человѣкъ, послушайте, да и сами рѣшайте.

— Хуторъ мой 9 десятинъ; взялъ я его по 220 руб., задатку внесъ 20 руб. Третій годъ вотъ «данныхъ» все нѣтъ, плачу 6% аренды, теперь за два года выплатили,—за третій просятъ, а въ счетъ уплаты это не засчитываютъ; данныя тоже на мой счетъ; шутя, шутя надо класть 25 руб. Получу данныя,—побольше ста въ годъ придется платить. Вотъ и высчитайте!.. А надо прямо говорить: при переселеніи я разорился въ разоръ!..

Затоптавъ папироску, онъ пригласилъ меня осмотрѣть свои владѣнія.

— Надоѣло тоже на покупномъ то хлѣбѣ... Зачѣмъ земля?

Какъ зачѣмъ земля? Земля кормитъ, потеплѣе на душѣ, поближе къ землѣ-то!

— Смотрите, вотъ озимь. Вотъ одна полоса, вотъ другая; сѣяны вмѣстѣ. На одной, вонъ, словно клеверъ, а на другой почти нѣтъ ничего...

— Почему же это?

— Одинъ любитъ землю, а другой такъ себѣ; одинъ каждый комочекъ руками перетретъ, а другой сковырялъ кое-какъ и въ сторону. Плуги, говорятъ, плуги!.. Да и плугомъ иной хуже сохи пашетъ. Любовь нужно, стараніе... Всякъ, говорятъ, спляшетъ, да не какъ скоморохъ! Вонъ мой тесть сѣетъ, броситъ горсть—у него ровнѣе сѣялки ложится... Я къ тому это, что самъ теперь работать разучился. Ко всему надо сызнова привыкать...

Мы шли по узкой межѣ и Кирилловичъ долго разъяснялъ мнѣ, какъ съ «одного взгляда» можно отличить вспашку плуга и сохи.

— Ну, какъ нынѣшній годъ хорошо управились съ дѣлами?—спросилъ я его.

— Какъ вамъ сказать? Вѣдь сызнова все начинается то; нѣтъ ничего, все купить, завести надо, а деньги всѣ идутъ въ банкъ.

— Дали бы пять лѣтъ льготы, тогда можно бы опериться, а то трудно. Было у меня три десятины ржи и три ярового, рожь была плоха—собралъ до 70 пудовъ, овса пудовъ 200. Оставилъ на зиму пудовъ 60 ржи, а остальное все продалъ. Овесъ отдалъ 37 коп., а рожь 72,—вотъ и считайте, сколько получилъ. Уплатилъ банкѣ, и остался шишъ съ масломъ!.. Дѣло ясное. Не переселяться бы—такъ туда-сюда, а то въ долги впалъ, раззорился, — вотъ и трудно подняться!.. Все начисто продалъ. На сѣмена ничего, ничего не осталось... Лошаденку думалъ обмѣнять съ придачей... Теперь, видно, до будущаго года...

— Но вѣдь и тогда будетъ старая исторія?

— Говорятъ, что скидка суммы будетъ. А такъ-то, извѣстно, не осилить.

———

Крестьяне неохотно идутъ на хутора, предпочитая пять процентовъ, т. е. вносятъ добавочный задатокъ въ суммѣ 5% съ покупной стоимости участка. Тогда они могутъ не переселяться, игнорируя всѣ преимущества близости жилья къ землѣ, о которыхъ имъ такъ много говорятъ землеустроители и земскіе начальники.

Конечно, покупка безъ переселенія не спасаетъ крестьянъ отъ тяжелой казенной опеки, но за то они остаются дома и могутъ, какъ угодно, распоряжаться своими постройками.

Казенная опека парализуетъ всякую самостоятельность и больно чувствуется, крестьянами хотя условія договора являются обычными для банковскихъ сдѣлокъ, напр.:

Пунктъ 2: а) Обязуюсь безъ согласія банка не отчуждать, не закладывать и не подвергать раздѣлу имущество.
б) Не отдавать въ наемъ безъ согласія банка и не получать отъ лицъ, съ коими заключены договоры по этому имуществу, наемной платы, болѣе, чѣмъ за годъ впередъ.
в) Не продавать и не сносить находящихся на землѣ строеній.
д) Допускать представителей банка во всякое время къ осмотру земли и находящихся на ней строеній и прочаго имущества. И т. д.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, какъ въ Орловской губерніи, всѣ участки разобраны и имѣется значительное количество кандидатовъ, всякое неисполненіе этихъ и другихъ подобныхъ имъ пунктовъ ведетъ къ тому, что землю продаютъ другому, «съ хутора гонятъ»... Вообще не церемонятся, оправдываясь пунктами IV и XII договора, которые гласятъ:

Пунктъ IV: „Означенную арендную плату я обязуюсь уплатить въ указанные сроки, *и во всякомъ случаѣ до свозки урожая съ поля аренда должна быть уплачена* полностью“.

Пункнтъ XII: „Въ случаѣ неуплаты въ одинъ изъ установленныхъ сроковъ арендной платы, *или же неисполненія одного изъ пунктовъ сего договора отдѣленіе вправѣ, безъ обращенія къ суду, расторгнуть договоръ, причемъ внесенныя въ банкъ деньги остаются въ пользу банка, и арендаторъ обязанъ по первому требованію передать землю со всѣми посѣвами*, а постройки и все находящееся на участкѣ имущество свое убрать въ 3-хъ мѣсячный срокъ со дня объявленія о томъ; послѣ указаннаго срока все неубранное съ участка поступаетъ также въ пользу банка безплатно“.

И вотъ, скованный такими условіями хуторянинъ только и думаетъ о томъ, «какъ бы не просрочить», «какъ бы хватило»... А при приближеніи срока онъ продаетъ все, что возможно, и на что есть покупатель и — несетъ... Большую часть бюджета хуторянина поглощаютъ платежи; немудрено, что многимъ приходится «вдвое хуже ѣсть»; и «отказывать себѣ во всемъ».

Вотъ еще одинъ примѣръ.

Хуторянинъ Павелъ Петровичъ имѣетъ отца, брата, жену и четверыхъ дѣтей. Вотъ бюджетъ его, записанный съ его словъ.

Доходъ нынѣшняго года.

3 десятины ржи	210	пудовъ
2 десятины овса	160	„
1 десятина проса	70	„

Изъ этого урожая продано:

Ржи 200 пудовъ	146	рублей
Овса 100 мѣръ	24	„
Проса 50 пудовъ	40	„
Итого . .	210	рублей

Расходъ по ноябрь мѣсяцъ:

Уплачено въ банкъ	120	рублей
Отдано долгу	38	„
Сапоги себѣ	4	„
Сапоги сыну	6	„
Покупки себѣ и ребятамъ	5	„
Расходы на пищу	17	„
Итого . .	190	рублей

Ржи на ѣду и сѣмена не осталось. Осталась, правда, солома, но она пойдетъ на топку. Однако, и часть соломы придется продать.

По словамъ Павла Петровича, ему необходимо было купить:

Телѣгу	6	рублей
Корову	45	„
Плугъ	5	„

и массу хозяйственныхъ мелочей, но все это пришлось отложить до будущаго года...

Первый разъ я встрѣтилъ Павла Петровича у него на хуторѣ. Онъ только что уплатилъ въ банкѣ, «свалилъ гору съ плечъ» и находился въ возбужденномъ состояніи.

— Ну, слава Богу! Теперь шабашъ! Весь годъ самъ себѣ хозяинъ... Заработаю что—хочу пропью, хочу проѣмъ... Мое дѣло! Никто мнѣ не указчикъ!..

— Себѣ-то мало осталось,—замѣтилъ старикъ.

— Пустое! Аль ужъ не прокормимся? Что ты, ей Богу, тятенька! Эка выдумалъ!.. Пустое...

— Почему вы,—спрашиваю я,—совсѣмъ не оставили ржи?

— Рожь убрали вѣдь раньше. Овесъ съ просомъ поздній хлѣбъ, а насчетъ денегъ приспичило... Прям-во!.. По горло... Ну, и пошабашили...

— Все туда же пойдетъ,—замѣчаетъ старикъ.

— А руки-то на что... Ей Богу, съ тобой, тятенька, разговаривать нельзя... Михаилъ Трофимычъ обоихъ обѣщалъ взять. А тамъ, гляди, и просо поднимется въ цѣнѣ... Во, его сколько еще...

— Трудно, Паша...

Дѣлая свои бюджетныя выкладки, Павелъ Петровичъ всѣми способами старался преувеличить цифру доходности, въ чемъ его ежеминутно изобличалъ старикъ.

— Чего самъ то себя обманываешь!..

— Тятенька, да вѣдь первый годъ... Переселились, задолжали. Перво-то время вездѣ вѣдь трудно... Дай срокъ — наладимъ дѣло...

— Старикъ-отъ, онъ... того,—шепнулъ онъ мнѣ на ухо,—ему все хуже кажется: ему на заваленкѣ не съ кѣмъ посидѣть: чуть вечеръ и плетется въ деревню... Привыкнетъ.

Поговоривъ о хуторской жизни, Павелъ Петровичъ принялся меня распрашивать.

— Зачѣмъ же это вамъ знать, какъ мы живемъ?

— Чтобы всѣ знали. Я напишу объ этомъ,—другіе прочтутъ и будутъ знать: идти имъ на хутора или нѣтъ.

— Вонъ какое дѣло!.. Коли такъ, мое такое слово: не совѣтуйте! Землю пусть берутъ, а переселяться—ни, ни!..

— Вы же вотъ переселились.

— Я—другое дѣло: я изъ другой губерніи, а будь я

здѣсь... Притѣсненіе большое!.. Съ голоду все таки и мы не умремъ... Дома-то еще хуже было... Внесли вотъ деньги, очистились, а потомъ... Вѣрно ли я говорю, тятенька?

Старикъ молчалъ.

Я простился съ ними, а дней черезъ десять снова встрѣтилъ Павла Петровича въ с. Воловѣ, въ лавкѣ знакомаго торговца.

Около прилавка двѣ деревенскія дѣвки выбираютъ ситецъ. Хозяину, какъ видно, ужъ надоѣло развертывать имъ новыя и новыя «штуки», и онъ дѣлалъ это довольно лѣниво.

Павелъ Петровичъ скромно стоитъ въ углу.

— Тебѣ чего?—не разъ обращается къ нему хозяинъ.

— Я подожду... Отпусти ихъ... Мнѣ торопиться некуда...

— Да ты по какому дѣлу-то?

— По своему... Я подожду...

Дѣвки выбрали, наконецъ, подходящій ситецъ и ушли.

— Ну, что же ты?

Павелъ Петровичъ нерѣшительно подошелъ къ прилавку.

— Отказалъ намъ Михалъ Трофимычъ-то...

— Такъ я-то что же? Хозяинъ я, чтоль, надъ нимъ?..

— Вотъ Ваську на зиму отдать надо...

— Къ кому?

— Може, ты взялъ-бы...

— Да къ чему онъ мнѣ? Голова хорошая!..

— Изъ хлѣба бы, что ль... Хоть какъ-нибудь...

— У меня, братецъ, не богадѣльня.

— Такъ... А мы такъ мекали: поработаетъ онъ у тебя, а ты намъ... зимой хлѣбца...

— Нѣтъ, братъ, и думать перестань.

— Не подойдетъ?

— Ничего не выйдетъ...

— Такъ... Вишь, дѣло какое...

Обѣими руками онъ надѣлъ шапку, но, дойдя до двери, обернулся еще разъ.

— Можетъ, возьмешь?

— Нѣтъ, братъ, не расчитывай... Просо привози, ссыплю.

— Гдѣ оно, просо-то? Просо, просо... По людски надо...

— Ну, братъ, ты самъ помѣщикъ...

Я вышелъ вслѣдъ за Павломъ Петровичемъ.

Нѣсколько минутъ онъ простоялъ около двери, затѣмъ еще болѣе нерѣшительно отправился въ слѣдующую лавку...

V.

Говоря о хуторахъ Саратовской губерніи, я отмѣчалъ уже два, рѣзко отличающіеся другъ отъ друга, типа хуторовъ: это — хутора крестьянъ зажиточныхъ и хутора бѣдняковъ. Особенно рѣзко отличаются эти типы въ Орловской губерніи. Уже по одному внѣшнему виду можно опредѣлить, къ какому разряду относится тотъ или иной хуторъ: хутора бѣдняковъ представляютъ изъ себя крошечныя, наполовину врытыя въ землю избушки, безо всякихъ надворныхъ построекъ, одиноко разбросанныя на значительномъ одна отъ другой разстояніи; хутора богатыхъ крестьянъ,—если крестьянинъ переселился,— рѣзко выдѣляются размѣромъ и отдѣлкой дома, прочными надворными постройками и изобиліемъ разбросаннаго вокругъ корма и соломы.

Въ концѣ октября я ѣхалъ по хуторской дорогѣ, проложенной на бывшихъ владѣніяхъ великаго князя. Крестьянинъ, который меня везъ, къ хуторамъ относится совершенно безразлично: самъ онъ «землей давно не занимается», и въ немъ нѣтъ обычной для общественниковъ какой-то озлобленной ненависти къ хуторянамъ (интересно, что озлобленность эта выражается въ постоянномъ подчеркиваніи всѣхъ—даже самыхъ малѣйшихъ отрицательныхъ сторонъ хуторской жизни. «Вотъ перешли... Посмотрите вотъ, какъ живутъ»... И въ перечнѣ отрицательныхъ сторонъ часто являются такіе факты, которые самимъ хуторянамъ кажутся вполнѣ естественными. «За топоромъ другъ къ другу бѣгаютъ,—нешто это хозяева?»).

По обѣ стороны дороги разбросаны хуторки, гдѣ одинъ, гдѣ два, рѣдко три подъ рядъ. То и дѣло встрѣчаются ямы невѣроятной глубины—нѣкоторыя саженъ по 20 и болѣе: это господа землеустроители рыли колодцы для хуторянъ, но такъ какъ воды не оказалось, то ямы эти такъ и забросили, для чего-то, впрочемъ, вставивши въ нихъ срубы изъ прекраснаго дуба. На ямы эти ходятъ «любоваться» крестьяне окрестныхъ деревень и при этомъ о хозяйственности господъ землеустрои-

телей высказываются очень нелестныя мнѣнія. Всего такихъ «колодцевъ безъ воды» по дорогѣ намъ встрѣтилось болѣе двадцати; нѣкоторые изъ нихъ начали уже обваливаться, потому что крестьяне растаскали срубы: «что же имъ даромъ-то, пропадать».

— Когда начали здѣсь копать, то старики прямо сказали: воды, говорятъ, ваше благородіе, здѣсь нѣтъ—это, говорятъ, намъ доподлинно извѣстно. «Не ваше, говорятъ, дѣло, копай». Ну, и копали... Намъ какое дѣло? Все кое-какая работишка... А теперь вотъ...

Хутора, разбросанные по обѣ стороны дороги, представляютъ изъ себя очень печальную картину. Вотъ какая-то въ буквальномъ смыслѣ, конура безъ сѣней, безъ двора и даже безъ крыши. Около нея «гомозится» мужикъ, загибая плетень... Вотъ сбитая изъ досокъ и обрѣшеченная хибарка, кругомъ запаханная; для выхода на дорогу оставлена узенькая тропочка; между тѣмъ въ хибаркѣ живутъ, и неизвѣстно, какъ они проѣзжаютъ на дорогу. Тамъ—изба, сдѣланная изъ двухъ рядовъ плетня, промежутки между которыми забиты землей; двѣ бабы и дѣвченка обмазываютъ наружныя стѣны... Гдѣ просто поставленъ какой-то сарай, гдѣ землянка,—и во всѣхъ этихъ крошечныхъ помѣщеніяхъ гнѣздятся люди, устраиваются, работаютъ, платя банку.

Вообще большинство хуторовъ здѣсь слѣдуетъ отнести къ типу наиболѣе бѣдныхъ и жалкихъ. Кое-гдѣ встрѣтится порядочная избенка, а потомъ опять землянки и пещеры троглодитовъ.

Вотъ мѣсто, гдѣ торчитъ нѣсколько кольевъ, валяются кирпичи отъ разобранной печи, солома,—явные остатки жилья.

— Что это такое?—спрашиваю моего возницу.

— А это мужикъ одинъ... Перешелъ было на хуторъ, а потомъ силовъ-то не хватило. Перебрался сюда, перетащился, а потомъ на попятный... Ушелъ... Здѣсь избенка его стояла...

— Гдѣ онъ теперь?

— Въ Сибирь, говорятъ, тронулся...

Хлѣбъ съ полей въ большинствѣ мѣстъ свезенъ, но кое-гдѣ остались еще неубранные снопы, сложенные въ пятерки и скирды.

— Почему не убранъ этотъ хлѣбъ,—вѣдь сгніетъ?

— Что подѣлаешь? Вишь, законъ такой, чтобы не убирать, пока не заплатишь банкѣ. Вотъ хлѣбъ и стоитъ. Мужикъ смолотилъ-бы его, продалъ,—вотъ ему и уплата, а теперь рыщетъ вездѣ, ищетъ занять, а кто дастъ такую сумму? Вотъ добро и гибнетъ...

Богатые хуторяне живутъ, главнымъ образомъ, въ лощинѣ; издалека видны ихъ крытыя желѣзомъ избы; тамъ у нихъ и ручеекъ и земля получше; здѣсь-же, по дорогѣ, бѣднота и только бѣднота... И «подняться» пока нѣтъ никакой надежды: всевозможныя придирки, педантическая точность срока уплаты, а, главнымъ образомъ, непосильные платежи совершенно истощаютъ хуторянъ, и недаромъ всѣ они увѣрены, что «въ скоромъ времени будетъ сбавка суммы».

Опишу подробно нѣсколько хуторовъ.

Хуторъ Василія Никишина. Маленькая избенка, перенесенная изъ села. Такъ какъ часть бревенъ оказалась гнилой, то избенка вышла низенькой и уродливой. Надворныхъ построекъ никакихъ нѣтъ. При посѣщеніи мною этого хутора, Никишинъ городилъ какую-то клѣть изъ соломы для лошади. Маленькія сѣни служатъ въ то же время и амбаромъ; здѣсь два сусѣка—для овса и ржи, оставленныхъ на зиму. Весь скотъ Никишина состоитъ изъ одной больной лошаденки. Самъ онъ высокій, худой, съ густой копной взлохмаченныхъ волосъ, смотритъ какъ-то боязливо и тревожно. Надѣлъ свой онъ еще не продалъ, но нужда заставила сдать въ аренду.

— Ссуды мнѣ не выдали еще,—вотъ моя бѣда... Такъ подтянулъ брюхо, что не дай Господи...

Мы вошли въ избу. Трудно представить себѣ большую бѣдность и нищету. Одна комнатка четыре шага въ длину и четыре въ ширину, низенькая, темная... Треть избы занимаетъ печка; грязный самодѣльный столъ и двѣ лавки по стѣнамъ. На одной лавкѣ въ углу стоитъ сундукъ съ рухлядью, двѣ кадушки съ мукой, порванная сбруя... Въ другомъ углу мѣшокъ съ зерномъ, двѣ лопатки, вилы, какія-то полѣнья и доски.

— Некуда дѣть-то,—все въ избу и тащишь... На дворѣ оставить боязно: другой не изъ корысти, а изъ озорства возьметъ, да броситъ въ яму... Озорниковъ у насъ много...

Грязный закопченый потолокъ—ребенокъ рукой достанетъ. Земляной полъ представляетъ изъ себя смѣшанную грязь со слѣдами сапогъ и лаптей.

Около стола на лавкѣ сидятъ больные ребятишки.

— Придетъ, говорятъ, бѣда, отворяй ворота... Замучился я съ ребятишками. У одного и болѣзнь-то такая, что не поймешь: выскочитъ это у него на боку шишка, а почему—Богъ вѣдаетъ. Я уже и теръ, и подъ полушубокъ надъ паромъ сажалъ—ничего не помогаетъ. Видите,—какъ есть шкелетъ...

Дѣйствительно, ребенокъ худой, блѣдный, съ ввалившимися глазенками, сильно походитъ на скелетъ. Все время онъ испуганно смотрѣлъ на насъ, и, несмотря на всѣ усилія съ нашей стороны, не сказалъ ни одного слова.

— Ну, скажи же господамъ, какъ тебя зовутъ!

Мальчикъ молчитъ.

— Что у тѣ языкъ что-ли отнялся? Экій дуракъ—ну, скажи!

Ребенокъ начинаетъ грязными кулаченками тереть глаза и всхлипываетъ...

— Эхъ, дуракъ, дуракъ, въ твою пору въ училищу ходятъ... А ты... Эхъ, дуракъ!..

Никишинъ укоризненно покачиваетъ головой и, обратившись къ намъ, безнадежно разводитъ руками.

— Что хотите вотъ, то и дѣлайте!

У другого сынишки Никишина все лицо покрыто сыпью и ранами.

Этому мальчику, повидимому, года три. Онъ смотритъ на насъ испуганно, время отъ времени истерически взвизгивая и заливаясь слезами.

— Вотъ и у этого тоже, Богъ знаетъ, что! Золотуха не золотуха... Кабы не ковырялъ еще... А то чешется, видно, у него. Расковыряетъ болячки-то и оретъ, а послѣ еще больше... А что подѣлаешь? Не руки же связывать ему? Говорятъ, сѣру ѣсть надо... Къ доктору вотъ съѣздить хочу...

Разсказывая о своемъ житьѣ-бытьѣ, Никишинъ началъ съ того, что хлѣба у него не только не останется на сѣмена, но и для ѣды не натянетъ... Что будетъ дѣлать,—неизвѣстно, и вся надежда на полученіе ссуды.

— Изъ силъ выбились. Сами посудите: работниковъ—я да жена, на каждый пустякъ все нанять, да нанять надо... и сами работаемъ, не покладая рукъ. Подняться тяжело. Оглушили сразу-то платежами, вотъ мы и присѣли... Все равно. что человѣкъ въ гору лѣзетъ—чуть вскарабкается, а его опять внизъ столкнутъ...

Какъ и большинство хуторянъ, переселеніе свое на хуторъ Никишинъ объясняетъ безпросвѣтной нуждой, нищетой и голодомъ. «Отъ хорошей жизни развѣ поѣхалъ бы сюда? Что хорошаго? Въ лучшій годъ кусокъ хлѣба, можетъ, будетъ, ну а въ деревнѣ и этого не было... За то тамъ на людяхъ... По привычкѣ къ людямъ-то, скучно здѣсь. Лошадь съ лошадью стоятъ вмѣстѣ и то свыкнутся, а человѣкъ и подавно».

Всего дѣтей у Никишина четверо, но помощниковъ еще нѣтъ. Все приходится дѣлать самому и женѣ. Непрекращающіяся болѣзни ребятишекъ Никишинъ объясняетъ полнымъ ихъ безпризоромъ, но къ этому, конечно, необходимо прибавить царящія въ избѣ грязь и сырость, скудость питанія, скверную воду.

Колодца у Никишина нѣтъ—«воды не оказалось». За водой ѣздятъ въ Хитрово, на каждую поѣздку нужно затратить нѣсколько часовъ,—вполнѣ понятно, что воду приходится экономить. При одной лошади, которую разрываютъ на десять частей, эти поѣздки за водой—истинное горе.

— Посуды настоящей нѣтъ—другой разъ такъ подойдетъ. что ночью кричатъ «пить», а вездѣ сухо. Большой-то потерпитъ, а у ребятъ разума нѣтъ: имъ вынь, да положь —Зиму вотъ ждемъ—тогда снѣгъ станемъ таять—все полегче будетъ.

Эти терніи хуторской жизни—непосильные платежи, одинокая жизнь, отсутствіе внѣшнихъ удобствъ—заставляютъ быть осторожнымъ, не особенно расчитывая *только на хуторъ*. До сихъ поръ Никишинъ крѣпится и не выходитъ изъ общины.

— На всякій случай. Опасно, пока что. Вдругъ не выдержишь какой годъ и сгонятъ. Дальше видно будетъ: коли оперимся, можно будетъ подать изъ общины и выдѣлить особнякъ, а теперь въ случаѣ чего—всетаки прицѣпка... Тяжело это только: я вотъ переселился, а пожарные плачу. Нужно такъ

говорить, что не дай Богъ грѣха — всѣ вмѣстѣ съ избой сгоримъ; тамъ они и не увидятъ, а плачу!

О землеустроителяхъ Никишинъ высказалъ нѣсколько горькихъ замѣчаній: «не съ того конца они начинаютъ! Все, что говорятъ,—вѣрно, а дѣлаютъ насупротивъ. Коли хотятъ они сдѣлать изъ насъ хозяевъ, — дай подняться! Вылѣзть-бы хоть немножко, вздохнуть полегче, а тогда и платить можно. Теперь же ты отъ нужды, а нужда за тобой — никакъ ее за хвостъ-то поймать не можно! Считаютъ, что скотину нужно хорошую держать, землю навозить, траву сѣять, — все вѣрно, а все попусту... Я вотъ продалъ хлѣбъ, заплатилъ, а самому занимать придется... Повременили бы годковъ пятокъ дошибать-то»...

Земли теперь у него 9 десятинъ, а лошаденка одна, другой скотины нѣтъ: солома цѣликомъ идетъ на топку; соха деревянная, борона и—все! Вообще инвентарь, приспособленный къ обработкѣ надѣла. Улучшеніе этого инвентаря не мыслимо, въ виду того, что на платежъ банку идутъ не избытки дохода, а весь доходъ, включая и значительную часть того, что необходимо на прокормленіе. Никишинъ бьется, какъ рыба объ ледъ, и вполнѣ понятно, какой горькой ироніей являются для него брошюры: «Какъ выбрать хорошую лошадь», «Какъ выбрать хорошую корову», «Какъ получить большой урожай» и т. д. Ему совѣтуютъ заводить племенной скотъ, вводить новые пріемы обработки земли, а условія жизни побуждаютъ его нанять кого-нибудь съ его сохой или ковырять землю на своей больной лошади... Его учатъ, какъ выбрать хорошую корову, а «ребятишки забыли ужъ, какой цвѣтъ молоко имѣетъ, не только, какъ его ѣдятъ».

Такимъ образомъ, совѣты, по существу правильные, вызываютъ у человѣка лишь горькую улыбку, а брошюрками, можетъ быть, цѣнными и полезными, играютъ ребятишки.

При жалобахъ хуторянъ на непосильные платежи, землеустроители твердятъ одну и ту же заученную фразу: «вводите такіе-то пріемы, земля будетъ лучше родить». Понятно, сколько въ этомъ трагическаго комизма! Никишинъ, напр., великолѣпно понимаетъ, что удобреніе необходимо, что хорошая лошадь лучше плохой, что плугъ лучше сохи и т. д. Но

что же дѣлать? Исходныя точки у хуторянъ и землеустроителей совершенно различны.

Землеустроитель говоритъ: дѣлай вотъ что, тогда урожаи будутъ хорошіе, доходность земли повысится, а пока плати! Хуторянинъ же разсуждаетъ иначе: дайте немного оправиться, окрѣпнуть, не подрывайте дѣломъ всякія наши начинанія,— тогда я введу все, что вы совѣтуете, и буду платить.

Какъ среднее между двумя этими точками зрѣнія, является ожидаемая всѣми «сбавка платежей»!

Хуторовъ, въ родѣ только-что описаннаго, здѣсь несомнѣнное большинство. Никишинъ живетъ одинъ, но кое-гдѣ по два и по три такихъ хуторка поставлены рядомъ, и въ каждомъ изъ нихъ, за рѣдкимъ исключеніемъ,—вы встрѣтите ту же нужду, тѣ же жалобы...

Совершенно иную картину представляютъ изъ себя хутора богатыхъ хуторянъ. Я говорилъ уже, что они выдѣляются и по своему внѣшнему виду, и совершенно не тѣ здѣсь взгляды и разсужденія. Да и понятно! Богатые хуторяне были богатыми крестьянами задолго до законовъ о землеустройствѣ. Хутора для нихъ, — какъ я уже говорилъ, — лишь льготная форма аренды, помимо хуторовъ многіе изъ нихъ имѣютъ и другія средства къ жизни. Денежные запасы даютъ имъ возможность безо всякаго ущерба для хозяйства производить различные платежи. Хутора явились для нихъ счастливой неожиданностью; правдой и неправдой они стараются захватить по два и по три хутора. Всѣ положительныя стороны землеустройства приносятъ выгоду только богатымъ хуторянамъ, и имъ ли послѣ всего этого не хвалить «благодѣтельный законъ!»

Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ этихъ мѣстъ.

Крестьянинъ деревни Казаково-Спасское, Матвѣевъ, имѣетъ 40 десятинъ собственной земли. Мужикъ изстари зажиточный и крѣпкій получилъ два хутора.

Крестьянинъ деревни Натальевки, Колобашкинъ. Онъ имѣетъ 60 десятинъ собственной земли; скупилъ около пятнадцати надѣловъ у крестьянъ, вышедшихъ изъ общины, и вообще является типичнымъ «новымъ помѣщикомъ». Хорошо онъ жилъ до закона 9 ноября; законъ этотъ далъ ему возможность «задаромъ почти» скупать надѣлы, а теперь всѣ

старанія его направлены на пріобрѣтеніе хуторовъ. Недавно 14 хуторянъ согнаны, какъ недоимщики, и Колобашкинъ на подставныхъ лицъ поспѣшилъ захватить изъ этихъ четырнадцати хуторовъ львиную долю. Къ концу осени онъ получилъ уже пять хуторовъ.

Крестьянинъ Сѣдыхъ, изъ семьи, имѣющей свою землю. Семья Сѣдыхъ, богатѣйшая на цѣлую окрестность, имѣетъ прекрасныхъ заводскихъ лошадей. Лучшій въ деревнѣ домъ. Сѣдыхъ получилъ два хутора, лучшіе по положенію и качеству земли.

Лавочникъ и бахчевникъ Сахаровъ получилъ хуторъ рядомъ съ селомъ.

Такихъ примѣровъ можно привести порядочно. и одинъ бѣглый перечень лицъ показываетъ уже, что эти хуторяне съ Никишинымъ, наприм., общаго ничего не имѣютъ. Послѣдняго гонитъ на хуторъ нужда и полная безвыходность,—этихъ же жажда захватить какъ можно больше земли, желаніе увеличить зажиточность и улучшить и безъ того хорошее положеніе.

Никишину переселяться было необходимо: онъ не въ силахъ внести пять процентовъ; полученіе ссуды въ нѣсколько десятковъ рублей для него необходимо; богатые же хуторяне переселяются лишь тогда, когда это выгодно имъ: иногда, выдѣляя лишняго члена семьи, иногда по чисто хозяйственнымъ соображеніямъ. Если же переселеніе ни съ какой стороны не выгодно, они и не переселяются, выстраивая на землѣ риги для хлѣба и избушку для караульщика...

Понятно, что у такого хуторянина нѣтъ постояннаго кошмара «какъ уплатить?» Хлѣбъ у него на поляхъ не задержится, хуторъ не отнимутъ... Той испуганной забитости, той боязни визитовъ землеустроителей и чиновниковъ, которая характерна для большинства,—здѣсь нѣтъ и въ поминѣ. Напротивъ, здѣсь полная самостоятельность и независимость...

Вотъ хуторъ переселившагося богатаго крестьянина. Съ перваго взгляда видно, что хозяйство у него—«полная чаша». Большой шестистѣнный домъ, крытый желѣзомъ, громадный дворъ, обнесенный высокимъ плетнемъ, изобилуетъ надворными постройками. Три—четыре лошади, столько же коровъ, десятка два овецъ. Топятъ и здѣсь соломой, но навозъ сво-

зится въ поле, и идетъ на удобреніе. Здѣсь есть и плужки, и бороны съ желѣзными зубьями. Вода въ колодцѣ есть, но «ее заѣла вша», и для питья она не годна, за водой ѣздитъ работникъ. Ѣздить далеко, но отрывать отъ работы послѣднюю лошадь не приходится.

Ефимъ Ивановичъ встрѣчаетъ насъ очень любезно, охотно говоритъ о своемъ хозяйствѣ, то и дѣло отвлекаясь въ сторону вопросовъ обще-политическихъ.

— Овса я совсѣмъ не продавалъ: смысла нѣтъ! Цѣну совсѣмъ сбили... Послѣ новаго года, Богъ дастъ, поднимется.

— А платежи какъ же?

— Скотину продать пришлось. Урожай нынѣ Господь послалъ, цѣна на скотину поднялась... А мнѣ, что ни дай, надо продать, корму не хватитъ.

Высокій, чернобородый съ лысиной во всю голову Ефимъ Ивановичъ говоритъ, не торопясь, какъ бы обдумывая каждую фразу.

Мы сѣли пить чай.

— Нарѣжь солонины!—обратился онъ къ невѣсткѣ,—да яблоковъ достань!

— Говорите вотъ вы, овецъ на другихъ хуторахъ сводятъ, а что вы думаете? Сведешь... Какъ есть сведешь!.. Теперь польза отъ нихъ небольшая, а кормъ въ цѣнѣ. Овца ѣстъ хоть и аккуратно, а много; покупать — не выгодно, потому что наземъ отъ овцы никудышный, а своего корму мало. Я вотъ сѣялъ этотъ годъ вику съ овсомъ—ѣдовый кормъ. дорого только обходится...

Въ домашнихъ распорядкахъ Илья Ефимовичъ — человѣкъ стараго закала: невѣстокъ и ребятишекъ онъ за одинъ столъ съ собой не сажаетъ... Ребятишки толпятся около стола, завистливо поглядывая на чай и яблоки.

— Вы чего лѣзете? Пошли! Аль три дня не ѣли...

— Да,—говоритъ онъ, потирая лысину,—новая жизнь! Со всѣхъ сторонъ новая... Кто знаетъ—къ лучшему ли?

— Самъ себѣ хозяинъ—вотъ что главное. Здѣсь я на землѣ воткну кустъ,—онъ вѣкъ мой, никто не отниметъ. Помощь всякая, совѣты... Какъ они не нужны? Вотъ вамъ книжечка: «Кормовой буракъ и какъ его сѣять».—Они же намъ

роздали, хорошіе совѣты. Хочу попробовать—много не буду, а полъ-десятинки раскину... Авось и выйдетъ что!

— Два брата насъ—оба старики ужъ, дѣти съ бородами... Тѣсно стало, все равно приходилось другой домъ дѣлать... А здѣсь вотъ эти законы вышли... Подумали, подумали—хуже не будетъ! Два хутора у меня; старшій то сынъ считается какъ бы выдѣлимши... Что же? Оглядимся вотъ,—можно и ему избенку построить...

Послѣ чая Ефимъ Ивановичъ показалъ мнѣ свое хозяйство. Овцы стоятъ въ «загонѣ»; выпускать некуда; на озимя Ефимъ Ивановичъ пускаетъ только телятъ. Лошадей и коровъ приходится путать, что не мало огорчаетъ Ефима Ивановича.—Скотинѣ просторъ нуженъ... Эдакъ съ нея вся живость сойдетъ... Думаю, думаю, а не знаю, какъ рѣшится это дѣло... Земли мало! Еще бы хуторка два, вотъ съ этой то стороны, тогда и выгонокъ оставить можно бы.

— Хорошо бы, Ефимъ Ивановичъ, если бы всѣ хуторяне жили такъ, какъ вы!?

— Да вѣдь мы всегда хорошо жили. Бога не гнѣвимъ! Платежи большіе—вотъ что прижимаетъ всѣхъ... Я вотъ и то думаю—лучше раззориться, а все срока въ три уплатить. Иначе вѣдь что же выходитъ? Оцѣнили землю въ 200 рублей, а выплатить то по шести сотъ придется съ процентами и другими сборами. Тяжело!..

Особенно любопытно сравнивать хутора типа Никишина съ хуторами Сахаровыхъ и Сѣдыхъ, когда тотъ и другой хуторъ расположены рядомъ, въ «одной четверткѣ». Тогда одинъ хуторъ оттѣняетъ особенности другого; положительныя и отрицательныя стороны хуторской жизни выступаютъ ярче и выпуклѣе.

Крестьянинъ Прытковъ—дворовый. У него два сына: старшій портной, только что вернувшійся съ дѣйствительной службы; другой сынъ—подростокъ, помогающій въ работѣ; жена, старуха мать—всѣ работаютъ. По сравненію съ Никишинымъ, Прытковъ, какъ видно, имѣетъ крупное преимущество. Несмотря на это, однако, живетъ Никишинъ—чуть чуть побѣднѣе Прыткова. Рядомъ съ избенкой Прыткова—плохенькой, уже пошатнувшейся на бокъ, находятся избы еще двухъ

хуторянъ: богатаго и крайняго бѣдняка, почти полной копіи съ Никишина.

Богатый крестьянинъ перешелъ на 5% и поставленную «для близиру» избенку заколотилъ.

Караульщикъ ему не нуженъ, потому что обязанность эту безвозмездно исполняютъ Прытковъ и его бѣдный сосѣдъ. Мѣстомъ своимъ богатый крестьянинъ воспользовался для постройки громадной риги, въ которую свободно помѣстилось бы пять избенокъ Прыткова вмѣстѣ съ дворовыми постройками. Въ ригѣ хранится хлѣбъ и кормъ. Самъ хозяинъ живетъ на хуторѣ лишь во время уборки хлѣба, а зимой лишь изрѣдка наѣзжаетъ за кормомъ: кромѣ хутора, крестьянинъ этотъ имѣетъ «земельку на сторонѣ», все время жилъ зажиточно. Хуторъ онъ пріобрѣлъ «на всякій случай» и избытками доходности легко покрываетъ необходимые платежи.

Другое дѣло Прытковъ. Какъ и всѣ дворовые (а на хуторахъ ихъ довольно много), онъ ухватился за землю потому, что «очень уже наголодался по землѣ». Почти всѣ дворовые въ одинъ голосъ говорятъ объ этомъ голодѣ, какъ объ основной причинѣ, побудившей къ переселенію.

— Больно ужъ землицы хотѣлось!.. Стосковались по землѣ.. дорвались вотъ теперь до нея и забыли все! Рады—одуматься еще не успѣли.

Такъ разсуждаетъ жена Прыткова, сознаваясь въ то же время, что «если прямо сказать—житье совсѣмъ плохое».

— Перевезтись дорого стало: вѣдь изба, амбаръ—это все изъ деревни. Избу чуть новымъ лѣскомъ подновили.

Кромѣ амбара, никакихъ построекъ у Прыткова нѣтъ. При пріѣздѣ моемъ на его хуторѣ старикъ плелъ клѣтушку для коровъ.

— Прутья у насъ даромъ.—Только землю очищай... Вотъ беремъ—хотя работа тоже трудная; съ корнемъ брать надо.

Въ низенькой избенкѣ обычный для хуторянъ грязный земляной полъ, тѣснота и копоть. Довольно крѣпкій еще старикъ, наголодавшійся по землѣ, весь ушелъ въ свое хозяйство и очень неохотно оторвался отъ работы для разговора со мной.

— Нельзя сказать, какъ на хуторахъ!.. Кому хорошо, а кому плохо... Нашихъ шабровъ возьмите: одинъ-отъ съ голоду умираетъ, семья заѣла... Можно-ли ему вытягивать? Извѣстно, сгонятъ не нынѣ-завтра! А вотъ что напротивъ-то—богатый: видишь, ригу-то какую сворочалъ? Хлѣбъ здѣсь держитъ. Ему хорошо... Извѣстно—земли прибытокъ, живетъ тамъ въ деревнѣ... А плата одинакова... Видано ли такое дѣло? А? Вѣдь это что-же будетъ? Кто побогаче, тѣмъ и земля получше, и стѣсненья такого нѣтъ, а кто нищій—тому никакъ подняться не даютъ. Чуть что—сейчасъ давай! Неси!.. Вѣдь ему вонъ, сосѣду-то, сейчасъ ѣсть нечего... А у этого полна рига.. Даютъ землю безъ разбору: «кто поспѣлъ, тотъ и съѣлъ»...

На вопросъ о томъ, какъ живется ему самому, старикъ махнулъ рукой.

— Насъ нечего брать въ примѣръ: мы дворовые! Хлѣба и у насъ не хватитъ, придется занимать. Ну, да такъ думаю—сынъ что нибудь заработаетъ. Портной онъ—по деревнямъ пойдетъ.

— Хорошо еще вотъ на счетъ воды,—говорилъ между тѣмъ солдатъ,—колодезь у насъ казенный, вода хорошая и глубина небольшая—10 саженъ. А то нѣтъ здѣсь воды-то, либо сушь, либо вша ѣстъ: видали, чай, когда ѣхали? Даромъ деньги только выкинули!.

— Какъ думаете, осилите все таки?

— Кто знаетъ? Съ горяча-то вѣдь не замѣтно. Вцѣпились въ землю зубами и сидимъ пока что... А коли сковырнутъ, тогда...—Старикъ махнулъ рукой и пошелъ плести изгородь...

Въ избѣ ихъ сосѣда я засталъ однихъ ребятишекъ, которые съ печки испуганно высовывали свои головенки. Въ этой избѣ, похожей больше на нору, уже полное отсутствіе всякой мебели. Одинъ сундукъ съ оторваной крышкой замѣнялъ все.

— Гдѣ отецъ?

— Уѣхалъ въ городъ.

— А мать?

— Не знаю...

— Когда вернется?

— Не знаю...

— Не скажутъ,—шепнулъ мнѣ проводникъ,—иногда нарочно прячутся... Не всегда хорошіе гости къ намъ ѣздятъ.

Онъ какъ то криво, двусмысленно усмѣхнулся...

VI.

Большей частью мнѣ приходилось встрѣчаться съ хуторянами въ критическіе моменты ихъ жизни—вскорѣ послѣ переселенія, передъ уплатой банку и т. д. Вполнѣ естественно, что мысль ихъ въ это время была направлена на подведеніе итоговъ своей доходности и всевозможныя бюджетныя выкладки... Подводя итого своего бюджета, громадное большинство ихъ въ одинъ голосъ говоритъ, что «на зиму ничего не остается», что придется или лѣзть въ долги къ кулакамъ или просить ссуду. И это особенно характерно—при благопріятномъ урожаѣ прошлаго года—именно для хуторянъ. На этой почвѣ, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ пришлось мнѣ бывать, довольно часто происходятъ курьезныя недоразумѣнія: напр., въ Чистопольскомъ уѣздѣ Казанской губ. товарищъ министра Лыкошинъ нашелъ, что хуторяне благоденствуютъ, а мѣстный земскій начальникъ въ это время проситъ земскую управу оказать хуторянамъ помощь для пріобрѣтенія хлѣба и скота.

На подобныя противорѣчія жизни приходится наталкиваться то и дѣло. «Невозможно при нашихъ дѣлахъ свести концы съ концами»,—вотъ общее мнѣніе хуторянъ, и мнѣніе это заглушаетъ всѣ разсужденія о прелестяхъ хуторской жизни...

— Вѣдь 55 лѣтъ такъ!—говорятъ хуторяне,—гдѣ же здѣсь поправиться...—Въ деревнѣ плохо, а здѣсь еще хуже.

На вопросъ, почему «здѣсь еще хуже»?—начинается безконечный рядъ разсказовъ о томъ, что «если даже и выплатишь во-время—все равно нѣтъ никакого спокойствія», что жить одному, какъ волку, скучно», что «дичать тоже никому не интересно» и т. д. Въ одинъ голосъ хуторяне доказываютъ, что будни ихъ жизни полны специфически хуторскихъ трагедій, которыхъ невозможно предусмотрѣть и устранить.

И эти будничныя трагедіи мелкихъ людей, трагедіи постоянныя и неустранимыя,—часто бываютъ настолько тяжелы, что, право, онѣ не могутъ окупить экономическія преимущества хуторской жизни, если бы даже такія преимущества и были.

Вотъ нѣсколько маленькихъ, бѣдныхъ хуторковъ около Ивановки *). Обычная для хуторовъ грязь и нищета. Около колодца толкутся нѣсколько мужиковъ и бабъ. Издалека видно, что они о чемъ то оживленно бесѣдуютъ, махаютъ руками, заглядываютъ въ колодецъ.

— Надо же быть такому грѣху!..

— Ахъ ты, Господи.

— Царство небесное... Новопреставленныя душеньки въ рай пойдутъ...

— Подбѣгаю это я,—разсказываетъ вертлявая бабенка,—а она мечется.—Что же, спрашиваю, кума? Ребятъ, говоритъ, кумушка, не видать что-то...—Меня такъ всю и замутило.—Не въ колодези-ли, говорю?—Здѣсь Митричъ подбѣжалъ. Спустили мы его, а онъ тамъ сердешный... Совсѣмъ ужъ закоченѣлъ... Мать-то обморокомъ накинуло, какъ Митричъ-то его вынулъ...

— Будетъ, тетенька, будетъ, не убивай себя...

— Извѣстно, не воскреснетъ...

Худая растрепанная баба истерически визжитъ и лѣзетъ къ колодцу... Нѣсколько рукъ хватаютъ ее, оттаскиваютъ... Захлебываясь въ собственныхъ слезахъ, она рвется изъ рукъ, кусаетъ ихъ, отбивается...

— Видишь ты, къ колодезю всѣ лѣзутъ...

— Умомъ помрачилась. Показываютъ ей его, а она—это, говоритъ, не мой, мой тамъ, и все къ колодезю, все къ колодезю...

— Дайте мнѣ его! Дайте мнѣ его!..

— Будетъ ужъ! Эхъ!.. Бабы!..

— Дайте мнѣ его!

— Что ты—ей Богу! Опомнись ужъ! Чего же подѣлаешь? Божья, видно, воля!

---

*) Орловской губ. Ливенскій уѣздъ.

— Эхъ ты, случай-то какой...

Обезсилѣвшая баба затихаетъ. Ее осторожно кладутъ на кучу соломы.

— Въ чемъ дѣло, братцы?

— Ребенокъ въ колодцѣ утопъ. Второй случай ужъ вотъ.

— Какъ же не утонуть? Совсѣмъ почти безъ струба колодезь! Нешто это струбъ? Вѣдь здѣсь чуть чего и—тамъ!

— Тоже и родители хороши!.. Ушедши, воды не оставили... Извѣстно, дите малое: хочетъ пить и лѣзетъ къ колодезю. Понятія настоящаго нѣтъ, а чуетъ, что вода тамъ, ну и лѣзетъ...

— Оставили имъ воду то, да они, вишь, пролили ее.

— Пролили, а взять негдѣ, сунуться не къ кому... Въ деревнѣ бы къ шабрамъ зашелъ, напился, а здѣсь...

— Эхъ ты, жизнь горемычная...

Разговоръ тотчасъ переходитъ на темы хуторской жизни. самый фактъ, возбудившій эти разговоры, на минуту какъ бы забывается.

— Вѣдь, если по правдѣ-то говорить, такъ ребятишкамъ здѣсь не житье, а каторга... Что они? Живутъ, какъ звѣри—ни имъ поиграть не съ кѣмъ...

— Одно слово, дичаютъ!

— Ѣду я какъ-то изъ городу,—говоритъ сердитый старикъ, упрекавшій родителей утонувшаго ребенка,—а по грязи Володька Никаноровъ шлепаетъ; Дуньку тоже тащитъ за руку. Куды вы, говорю? «Въ деревню, говоритъ, съ ребятишками поиграть...»—Это вы, говорю, пять верстъ лѣзете изъ такого пустяка?—«Насъ, говоритъ, маманька пустила...» Вотъ, и поговори съ ними...

— И то, дѣдушка, надо сказать—скучно! Здѣсь большому тоска, а ребятамъ и подавно. Хоть вотъ моего Сеньку взять—его на привязи не удержишь. Чуть чего—и въ деревню!—замѣчаетъ серьезный Иванъ Захаровичъ.

— У нихъ тоже—товарищи и друзья!.. Сойдутся—водой не разольешь!..

— Что и говорить...

На нѣсколько минутъ вниманіе разговаривающихъ привлекаютъ новыя рыданія бабы. Ее ведутъ въ избу и укла-

дываютъ на постель. Затѣмъ одинъ за другимъ снова собираются около колодца. Нѣкоторое время молчатъ.

— Ты вотъ, Иванъ Захарычъ, говоришь — большому тоска, а я тебѣ скажу — хуже: другой разъ страхъ беретъ. Вѣдь одинъ въ полѣ не воинъ: зайдетъ кто, перерѣжетъ, недѣли двѣ и не узнаетъ никто.

— Знаешь Василія-то? — спрашиваетъ въ свою очередь Иванъ Захаровичъ.

— Слыхалъ!

— А что съ нимъ? — спрашиваю я.

— Прибѣжалъ какъ-то къ намъ въ дерезню. Часовъ двѣнадцать ночи ужъ было. Стучитъ, что есть мочи, къ попу. Тотъ, извѣстно, испугался, выбѣгъ къ нему. «Что ты, говоритъ, треба что-ль какая?» — «Пустите, говоритъ, Христа ради, въ избу». — Попъ пустилъ и видитъ, что человѣкъ самъ не въ себѣ. «Что, спрашиваетъ, съ тобой? — «Боюсь, говоритъ, батюшка! Страшно мнѣ. Тамъ на хуторѣ стучится кто-то»... — «Воры, что-ль?» — «Должно, говоритъ, воры», а самъ весь дрожитъ, какъ листъ. Попъ собралъ человѣка четыре, побѣжалъ на хуторъ. Глядь — тамъ жена Василія тоже безпокоится: мужа ищетъ. «Закричалъ, говоритъ, вскочилъ, какъ полоумный, и бросился бѣжать». Оказалось — все спокойно, никого нѣтъ, а ему просто попритчилось...

— Что же съ нимъ теперь?

— Да что теперь? Кажную ночь, какъ заснетъ и начинаетъ его дергать—вскочитъ, затрясется, и въ деревню: спасите, кричитъ, убиваютъ! Совсѣмъ сошелъ съ ума!

— Мнительный человѣкъ!

— Мнительный—не мнительный, а бываетъ такъ, что и взаправду шалятъ. Вотъ въ верстѣ отъ меня къ мужичку ночью нагрянули буяны, взять ничего не взяли, а перепугали всѣхъ. Мужикъ и жена хорошіе были люди, а теперь испорчены на всю жисть. Дѣти тоже дурачками стали.—Сказавъ это, Иванъ Захаровичъ нахмурился.

— Не привыкъ народъ, а буянамъ здѣсь раздолье. Въ деревнѣ какъ-никакъ, а людно, а вѣдь здѣсь, какъ пень въ степи: хоть кричи, хоть не кричи...

Иванъ Захаровичъ переселился на хуторъ, но принци-

піально—врагъ хуторовъ. Онъ аккуратно посѣщаетъ лекціи гг. землеустроителей, читаетъ книжки, которыя они раздаютъ хуторянамъ, и всѣ разсужденія его всегда сводятся къ опроверженію доводовъ лекцій и брошюръ. Чѣмъ больше онъ говоритъ, тѣмъ больше волнуется, начиная всякое свое возраженіе съ фразы: «они, вотъ, говорятъ...»

— Они, вотъ, говорятъ — хлѣбъ тебѣ возить недалеко... Хорошо! Но скажите, какой мнѣ толкъ, коли весь хлѣбъ я должонъ за 30 верстъ въ ссыпку вести. Онъ на корню, хлѣбъ-отъ, а я ужъ знаю, что онъ не мой. Заплати, потомъ убирай!.. Но позвольте, чѣмъ я буду платить?!. Какой же это есть законъ? Павелъ Борискинъ вонъ на семь денъ въ холодную посаженъ за самовольный уборъ хлѣба, да и съ участка грозятъ согнать: какое, говорятъ, имѣлъ право убрать и смолотить? А того не хотятъ понять, что можетъ человѣку ѣсть нечего? Плачетъ мужикъ, ревмя реветъ... Переселился, раззорился и чуть что, пошелъ вонъ!.. Вотъ такъ законы пошли! Вѣдь у него, у Борискина-то, все здѣсь—и зерно, и солома, и скотинка: есть, кажется, что описать въ случаѣ чего... Нѣтъ — сиди! Пошевелиться не смѣй! При крѣпости и то этого не было! Мужикъ съ хутора ни соломенки, ни зернышка не вывезъ, а сиди!.. Ты, говорятъ, можешь запродать! Да позвольте! Вамъ-то какое дѣло, коли я къ сроку деньги представлю?

— Развѣ только Борискинъ? Много ихъ... такихъ-то...

— Я къ примѣру взялъ... Всѣ мы подъ камнемъ ходимъ— чуть что и хлопнетъ по затылку... Говорить ужъ объ этомъ надоѣло...

— А кто велѣлъ переходить? — спросилъ сердитый старикъ.—За уши, что ли, васъ тащили? На меня, братъ, глядѣть нечего, я старикъ—55 лѣтъ не проживу.

— Кто велѣлъ? Нужда велѣла — вотъ кто! Нужда, дѣдушка. Ты думаешь, отъ хорошей жизни люди въ петлю-то лѣзутъ?.. Самъ понимаешь—мнѣ тебя учить нечего...

— То-то и оно... Здѣсь-то изжили, что ль, нужду-то? У твоего сосѣда вѣдь вонъ лошадь на приколѣ удавилась?

— У моего..

— То-то и есть! Въ деревнѣ-то она, може, и по сей день

ходила бы, а здѣсь онъ ея лишился... Одна только и была лошаденка и той теперь нѣтъ... Вотъ и живи!..

Иванъ Захаровичъ замолчалъ. Сердитый старикъ говорилъ именно то, что могъ сказать и самъ Иванъ Захаровичъ, поэтому спорить было нечего.

Кто-то перевелъ было разговоръ на бабу и утонувшаго ребенка, но здѣсь многаго сказать было нельзя, да и вопросъ этотъ входилъ въ область обыденныхъ хуторскихъ трагедій.

— Да, дѣла,—вырвалось у кого-то.

— Неужели ужъ такъ плохо? — спрашиваю я послѣ нѣкотораго молчанія.

— Не всѣмъ плохо! Кое-кому и хорошо! — И въ сотый разъ приходится выслушать, что «тѣмъ, кто побогаче—хутора лафа», что «подняться нѣтъ силъ», что «на первомъ шагу дошибаютъ»...

— А главное — порядку нѣтъ никакого... Кто куда хочетъ, тотъ туда и гнетъ... И никто ничего не понимаетъ. Какіе тамъ законы? Кто ихъ видалъ? Вонъ у Ольшанскихъ и у Студеновскихъ скандалъ былъ: два года землей не пользовались, а деньги просятъ... За что? Законъ, говорятъ... Вотъ ты и поди...

— Ну, и мы тоже хороши, дядя Иванъ, возьми дороги хоть: вѣдь всѣ распаханы?..

— Распаханы!..

— А ѣздить гдѣ? Изъ-за дорогъ-то скандаловъ побольше. У Андріанова то съ Смѣляковымъ изъ-за чего побоище то вышло? Изъ-за дороги вѣдь... У Семенова...

— Ты мнѣ не разсказывай: самъ побольше тебя такихъ исторій знаю. Оттого и есть, что порядку нѣтъ. Мужикъ каждой бороздой дорожитъ... Уступить никому не охота, вотъ и будутъ другъ у друга хлѣбъ мять...

Начались новые разсказы о столкновеніяхъ хуторянъ другъ съ другомъ, о нищетѣ, о непорядкахъ и т. п. Казалось, не будетъ конца этимъ разсказамъ, однообразнымъ и тоскливымъ, какъ и самая жизнь хуторянъ. И лишь, когда совсѣмъ стемнѣло и пошелъ дождь, крестьяне начали расходиться...

— Мы ужъ какъ нибудь... Ребятишекъ жалко, вотъ что главное! Дичаютъ!

— Дичаютъ, это вѣрно...

— Да!

— Вотъ теперь хуторъ отъ хутора — во какое разстояніе, а пройдетъ годковъ пятьдесятъ, вокругъ каждаго хутора деревня будетъ...

— Плодится народъ...

— Опять земли не будетъ...

— И мы не выплатимся еще...

Такія фразы долетали отъ шедшихъ впереди меня крестьянъ...

«Мы какъ-нибудь... Намъ не привыкать... Ребятишкамъ вотъ плохо», — то и дѣло приходится слышать отъ хуторянъ. И, дѣйствительно, положеніе хуторскихъ ребятишекъ, по моему, самая больная сторона хуторской жизни. Вопросъ не только въ томъ, что имъ негдѣ учиться, что на долгое время большинство ихъ обречено на безграмотность и на невѣжество... Помимо этого, ребятишки въ своей дѣтской жизни лишены всего: у нихъ нѣтъ ни игръ, ни товарищей. Одиночество не такъ отражается на взрослыхъ, какъ на нихъ. Все вниманіе свое ребятишки принуждены сосредоточить на злобахъ дня жизни ихъ хутора. А такъ какъ эти злобы дня, преимущественно, безпокойны и трагичны, то дѣтишки, какъ и старшіе, живутъ въ состояніи вѣчнаго трепета...

Общеизвѣстный фактъ, что ребятишки въ своихъ играхъ копируютъ жизнь взрослыхъ, на хуторахъ принимаетъ иной характеръ: замкнутые въ стѣнахъ своей избы ребятишки *живутъ* жизнью взрослыхъ, впитывая въ себя переживанія большихъ. Ви жизни большихъ нѣтъ радостей — нѣтъ ея и въ жизни ребятишекъ. Входя въ избу хуторянина, вы видите ютящихся гдѣ-нибудь въ углу ребятишекъ, хмурыхъ и молчаливыхъ.

— Чего вы все въ избѣ третесь? Шли бы на дворъ...

Ребятишки идутъ, но черезъ нѣсколько минутъ возвращаются и снова забиваются въ уголъ.

— Играть не съ кѣмъ!..

— Другъ съ другомъ играйте...

— Скучно.

Знакомый врачъ, близко соприкасающійся съ жизнью хуторянъ, говорилъ мнѣ, что ребятишки хуторянъ хилѣе и апатичнѣе деревенскихъ. Объясняетъ онъ это полнымъ одиночествомъ, которое все вниманіе дѣтей сосредоточиваетъ на жизни большихъ. Нѣтъ ничего, что могло бы развлекать дѣтей, отвлекая ихъ мысль въ другую сторону. Не даромъ вѣдь они за пять верстъ ходятъ поиграть съ товарищами!..

Больно становится на душѣ, когда думаешь, что при такихъ условіяхъ растетъ новое поколѣніе.

Что выйдетъ изъ нихъ? Хмурые, апатичные, озлобленные на судьбу и людей люди...

Впрочемъ, за то они привыкнутъ къ одиночеству, и имъ не придется «привыкать къ хуторской жизни»...

VII.

За невзносъ платежей, вѣрнѣе, за несвоевременную доставку ихъ—въ томъ участкѣ Ливенскаго уѣзда Орловской губ., гдѣ я наблюдалъ жизнь хуторянъ, было «согнано» за послѣднее время 14 человѣкъ, а трое отказались сами въ виду полной невозможности выплачивать.

У тѣхъ и у другихъ, по ихъ словамъ, пропало по 20 руб., внесенныхъ ими въ видѣ задатка, и арендная плата за два года.

Какъ среди хуторянъ, такъ и среди общественниковъ «отобраніе участковъ» является самой злободневной темой. Нужно сказать, что общественники относятся къ этому съ нѣкоторымъ торжествомъ. «Вотъ, молъ, видите теперь, каково это дѣло? Чуть что, и полетѣлъ»... «Мы, молъ, раньше говорили это—не вѣрили, теперь посмотрите на дѣлѣ». Бѣдные хуторяне еще болѣе съеживаются, еще болѣе трепещутъ, а богатые поспѣшили завладѣть участками тѣхъ, которыхъ «согнали». Послѣднее обстоятельство порождаетъ много нелестныхъ для землеустроителей слуховъ и толковъ. Въ одинъ голосъ крестьяне говорятъ, что участки бѣдняковъ потому и отобраны, что ихъ нужно было передать зажиточнымъ крестьянамъ. Почему явилась необходимость этой передачи. — крестьяне объясняютъ очень просто: это почему-то выгодно землеустроителямъ...

У кого и почему отобрали участки? Завѣдующій участкомъ говоритъ, что отобрали у самыхъ «нестоющихъ» крестьянъ, у которыхъ не было серьезнаго намѣренія переселиться. Они намѣренно не платили аккуратно, не внесли бы и арендной платы, но имъ пригрозили судомъ... Вѣрно ли это? Крестьяне говорятъ, что нѣтъ...

Бѣднѣйшій крестьянинъ Никита Новиковъ вложилъ въ землю все, что могъ, продалъ и заложилъ послѣднее, остался «безъ корки хлѣба» и все таки у него не хватило пятнадцати рублей. Участокъ былъ отобранъ. Разоренный крестьянинъ остался не причемъ.

— Въ разоръ меня раззорили!—плачетъ мужикъ.—Что я теперь буду дѣлать?..

Бѣгая изъ одной избы въ другую, онъ разсказываетъ объ этомъ «поступкѣ» съ нимъ и до сихъ поръ не вѣритъ, что участокъ отобрали у него въ «серьезъ».

— Можетъ такъ еще... Постращаютъ только... А тамъ опять...

Еще трагичнѣе положеніе крестьянина Алферова. У него семь человѣкъ дѣтей, оставшихся теперь «безъ хлѣба». Вотъ какъ онъ разсказываетъ свою печальную исторію.

Всю жизнь мою я маюсь... Свѣтлой минуты не припомню... Взялъ участокъ—думалъ вздохну, анъ дѣло еще хуже пошло. Сами «день не ѣмши—два дня такъ», а туда неси... Носилъ, носилъ—силъ не стало... Какъ есть въ чистую раззорился... Послѣдній разъ не хватило десяти рублей. Побѣжалъ туда, побѣжалъ сюда—нѣтъ. Ну что же подѣлать? Нѣтъ, такъ изъ пальца не высосешь! Продать нечего, занять негдѣ...

— И что же?

— Да ничего.. Согнали! Не извѣстили даже... Пришелъ въ контору, а тамъ объявляютъ: «участокъ твой проданъ—можешь очищать»...

— За что, говорю, помилуйте!

— За недоимку.

— Да я что же буду дѣлать? Вѣдь у меня семь человѣкъ дѣтей!

— Это, говоритъ, дѣло не наше!.. Законъ...—Богъ ихъ знаетъ, какіе у нихъ законы-то: мы ихъ не читали. Сманили, а потомъ—законъ!..

— Что же вы теперь думаете дѣлать?

— Жаловаться буду... Мнѣ извѣстно, кому мой участокъ то попалъ...

Я не буду передавать разсказъ Алферова о томъ, какъ онъ прибѣжалъ, какъ полоумный, домой прямо изъ конторы, «какъ заревѣли ребятишки», какъ онъ «метался за помощью»,— все это легко представить всякому. Фактъ, что мужикъ раззоренъ; желая улучшить свою жизнь, онъ превратился въ нищаго...

Не менѣе трагична и «исторія» крестьянина д. Александровки Мурашкина. У него пятеро дѣтей. Нищета, безземелье, хроническій голодъ понудили его «кинуться къ участку». Онъ кинулся. «Кряхтѣлъ, опять голодалъ, но пока были силы— несъ!». Что было, все продалъ. Не хватило пустякъ.

— Нельзя-ли. говорю, дать отсрочку?

— Нельзя.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Вѣдь у тебя корова есть!

— Есть.

— Продай ее, вотъ тебѣ и деньги.

А ребятишки то какъ? Вѣдь молоко все-таки... питаніе...

— Какъ знаешь!...

Мурашкинъ продалъ корову. Но покупателя пришлось искать долго. «Кто побогатѣе-то видитъ, что мнѣ петля, и даетъ за корову самую малость... Сами понимаете—если вдругъ продать—всегда пойдетъ за безцѣнокъ... Метался-метался— такъ за пустякъ и отдалъ.—Но все же къ сроку Мурашкинъ не поспѣлъ. Денегъ въ конторѣ не приняли, участокъ отобрали, и бѣднякъ остался безъ хутора и безъ коровы...

— Вѣдь вы, говорю, раззорили меня!..

— Законъ!..

— Но какой же это законъ, что пускать людей по міру?

— Ну, это, говоритъ, дѣло не твое... Вотъ когда, говорятъ, ты будешь законы писать, пиши хорошіе!..

Приведенные примѣры типичны для «согнанныхъ», поэтому я не буду перечислять другихъ крестьянъ, съ которыми мнѣ пришлось бесѣдовать. Всѣ они объясняютъ недоимку нищетой; поспѣшную продажу ихъ участковъ «придиркой»; всѣ

они наиболѣе бѣдны; всѣхъ за участки заставила «ухватиться» нужда...

Примѣры эти прекрасно подтверждаютъ мысль, которую то и дѣло высказываютъ хуторяне: «на волоскѣ висимъ, чуть что и сковырнутъ: все всаживаемъ, съ каждымъ днемъ больше и больше нищаемъ, а чуть чуть натягиваемъ...

Эта постоянная боязнь, что «сковырнутъ» изъ-за пустяка, эти ежедневные наглядные примѣры, какъ изъ-за пустяковъ «сковыриваютъ»—рождаютъ угнетенное и подавленное настроеніе. Этимъ и объясняется полное отсутствіе у хуторянъ жизнерадостности, веселья... Всѣ они хмурые, задумчивые... Разговариваютъ неохотно и на всякаго пріѣзжаго смотрятъ съ боязливой задумчивостью...

Всегда гнететъ одна и та же мысль: «чуть что и сгонятъ»... Характерно, что и болѣе зажиточные хуторяне и тѣ «всегда побаиваются»... Ихъ фонды, конечно, болѣе прочны, но—«все можетъ случиться»...

Описывая хуторянина Василія Никишина, взятаго мною за типичнаго представителя бѣдныхъ хуторянъ, я говорилъ уже, какъ гнететъ его эта мысль. Крестьянинъ с. Студенова Грибановъ нѣсколько зажиточнѣе Никишина. Продавши домъ, надѣлъ, задолжавъ «побольше шести полусотъ», онъ собралъ 1200 руб. и всѣ ихъ «всадилъ въ участокъ». Семейное положеніе дало ему возможность взять два хутора, и теперь, по его словамъ, «онъ только думаетъ о томъ, что не нынѣ—завтра продадутъ»...

— Покою нѣтъ. Остался не при чемъ, доходъ такой, что чуть не плачу; ѣсть стали вдвое хуже... Чую, что не устоять мнѣ...

Начинаются математически точные подсчеты, неопровержимо доказывающіе, что «изъ долговъ при такихъ дѣлахъ никакъ не вылѣзть»...

О лишенныхъ участковъ хуторянахъ мнѣ пришлось говорить съ однимъ очень симпатичнымъ священникомъ. Мнѣнія его особенно интересны потому, что до самаго послѣдняго времени онъ былъ рѣшительнымъ сторонникомъ хуторскихъ хозяйствъ. Теперь же, послѣ наблюденій жизни хуторянъ,—священникъ пришелъ къ тѣмъ же выводамъ, которые дали и мои наблюденія.

— По обязанности моего сана мнѣ часто приходится бывать у хуторянъ, видѣть ихъ въ горѣ, и въ радости... Скорѣе, чѣмъ кому либо другому, они открываютъ мнѣ свою душу, и я долженъ прямо сказать, что большинство ихъ живетъ изъ рукъ вонъ плохо... Во всѣхъ отношеніяхъ плохо... У многихъ скота нѣтъ вовсе, хлѣба на зиму не хватитъ, а о тѣхъ, которыхъ согнали съ земли. и упоминать нечего...

— Чѣмъ вы объясняете это?

— Причинъ много—переселеніе раззоряетъ людей, а съ перваго же шагу платежи—оправиться не даютъ; «дошибаютъ», какъ они говорятъ... Для чиновниковъ, которые осматриваютъ хутора, все кажется лучше, чѣмъ въ дѣйствительности... Нужно сказать вамъ, что дѣйствительное положеніе сами хуторяне отъ нихъ скрываютъ: боятся! Скажи, говорятъ, всю правду то, а они и сгонятъ съ хутора—скажутъ, платить будетъ нечѣмъ. Вотъ и прихорашиваются. А мнѣ виднѣй: ѣздилъ я за «новиной»—къ кому ни пріѣду, ведетъ къ сусѣку: смотрите, батюшка,—нѣтъ! И вѣрю. Прихожане меня любятъ и никогда не обманываютъ. Недавно вотъ одинъ за другимъ эти согнанные начали бѣгать... Прибѣжитъ—реветъ: «батюшка, заступись!» А я что могу подѣлать? Утѣшать совѣстно, слушаю, да молчу... Не знаю, чѣмъ кончится эта затѣя. Одно ясно для меня: народнаго горя она не избудетъ... Многіе сбѣгутъ—повѣрьте моему слову. Въ первый годъ ужъ 17 человѣкъ, чего вамъ еще? Всѣ кричатъ — въ разоръ раззорили! Конечно, кое-кто и наживется... Богатые еще лучше поправятся. Колобашкинъ, вонъ, 60 десятинъ имѣетъ, а еще взялъ пять хуторовъ на подставныхъ лицъ. Этимъ выгодно... А участки эти, которые Колобашкинъ взялъ, какъ разъ и принадлежатъ тѣмъ, которыхъ согнали...

Все это видятъ крестьяне, все великолѣпно понимаютъ и посвоему учитываютъ...

VIII.

Въ октябрѣ 1910 г. въ Ливенскомъ уѣздѣ Орловской губ. открылась первая, прославленная потомъ на всю Россію, «сельскохозяйственная выставка скота и продуктовъ полеводства хуторскихъ хозяйствъ». На выставку имѣли право приводить скотъ

лишь хуторяне, уже выселившіеся на участки. Описывая эту выставку, какой-то губернаторскій чиновникъ впадаетъ въ такой лирическій экстазъ, что пишетъ о томъ, чего не было въ дѣйствительности: плоды собственнаго воображенія выдаетъ за факты, а фактамъ даетъ ложное освѣщеніе. «Выставленный скотъ, и продукты полеводства дали такой результатъ двухлѣтней самостоятельной хозяйственной дѣятельности хуторянъ, котораго нельзя было получить въ теченіе полувѣковой сельско-хозяйственной работы въ общинѣ» *). Но по единогласному отзыву всѣхъ компетентныхъ лицъ—выставленный скотъ ничѣмъ не отличался отъ обыкновеннаго крестьянскаго скота. Опубликованное ранѣе условіе, что на выставку будетъ приниматься рогатый скотъ не моложе 6 мѣсяцевъ и не старше 5—6 лѣтъ—въ дѣйствительности не соблюдалось: принимался скотъ всѣхъ возрастовъ. Оффиціальное лицо, присутствовавшее на выставкѣ, категорически утверждало при разговорѣ со мной, что «принимали скотъ 8—9 и болѣе лѣтъ. «Въ настоящее время всѣхъ выселившихся хуторянъ въ этомъ участкѣ—160. Могли они представить на выставку скота любого возраста—147 головъ. На одного хуторянина приходится менѣе 1 головы рогатаго скота. Но всѣ ли 147 головъ принадлежали выселившимся хуторянамъ? Положительно утверждаю, что это не такъ. Во-первыхъ, оффиціально выяснилось, что скотъ приводили крестьяне, взявшіе отруба, но еще не переселившіеся; во-вторыхъ, нѣкоторые такъ называемые «хуторяне» привели по 3—6 головъ скота. Такимъ образомъ, на дѣйствительныхъ хуторянъ остается количество очень ничтожное.

Описывая хутора, я говорилъ о дворовомъ Прытковѣ. Я видѣлъ его корову, за которую онъ получилъ «денежную награду» въ 3 руб. Обыкновенная крестьянская коровенка, цѣна которой 30—35 руб. То же и у другихъ *настоящихъ* хуторянъ, имѣющихъ коровъ. Дѣло только въ томъ, что многіе изъ нихъ рогатаго скота не имѣютъ вовсе.

Изъ 147 хуторянъ, выставившихъ скотъ,—пишетъ казенное перо,—74 получили денежныя награды, а трое—почет-

---

*) «Орловск. Вѣстн.» № 256. 1910 г.

ныя награды департамента земледѣлія: двѣ бронзовыя и одну серебряную медали за отличное содержаніе и кормленіе рогатаго скота». Поразительно фальшиво звучитъ эта громкая тирада. Что это за «хуторяне», получившіе медали за отличное содержаніе и кормленіе скота? Серебряную медаль получилъ *управляющій имѣніями крестьянскаго банка—Калинниковъ*, выставившій *три головы* рогатаго скота. Въ число «хуторянъ» г. управляющій попалъ потому, что при разбивкѣ на хутора имѣнія В. Кн. Андрея Владиміровича, за нимъ осталась помѣщичья усадьба въ 28 десятинъ съ великолѣпными каменными постройками. Понятно, что г. Калинниковъ можетъ имѣть хорошо откормленный скотъ; очень можетъ быть, что скотъ его получилъ медаль вполнѣ заслуженно, но какое отношеніе имѣетъ это къ крестьянскимъ хуторамъ?

Бронзовую медаль получилъ богатый лавочникъ Захаровки Сахаровъ, о которомъ я уже говорилъ. Человѣкъ этотъ имѣетъ земельку, недавно взялъ отрубъ, но на него еще не переселился. Имѣетъ въ Захаровкѣ великолѣпный домъ, лавочку. Хуторъ для него — лѣтняя резиденція. Третью медаль получилъ богатый мужикъ, купившій второй княжескій хуторъ съ постройками при д. Ивановкѣ.

Вотъ вамъ три «хуторянина», отлично содержащіе и кормящіе скотъ! Повѣрьте, господа, что люди эти отлично кормили скотъ задолго до 1906 года!..

А настоящіе хуторяне? Онъ получили денежныя награды отъ 1 до 10 руб., при крайне поощрительной оцѣнкѣ ихъ скота!..

Дай Богъ хуторянамъ великолѣпнаго скота и всяческой зажиточности! Но теперь у громаднаго большинства ихъ нѣтъ ни того, ни другого.

Выставлены были кое-какіе корнеплоды. Но кто ихъ выставилъ? Лукъ, напр., выставилъ «хуторянинъ» Сахаровъ, много лѣтъ занимающійся бахчевнымъ дѣломъ. Въ теченіе его долголѣтней практики, несомнѣнно, у него родился лукъ и лучшаго качества. Гдѣ же «результаты», которыхъ нельзя получить въ теченіе полувѣковой работы въ общинѣ?»

«*Многіе* изъ крестьянъ уже завели люцерну»... Любопытно, кто эти «многіе?» Вотъ я объѣздилъ хутора и не

нашелъ этихъ «многихъ». Не понимаю, откуда взялъ ихъ губернаторскій чиновникъ!..

Заключая свой дифирамбъ, чиновникъ пишетъ: «до какой степени хутора, какъ сельско-хозяйственная система землевладѣнія, отвѣчаетъ экономическимъ потребностямъ мелкаго собственника и насколько выгоды хуторского хозяйства оцѣнены крестьянами, можно судить по факту, что товарищество, купившее землю графа Комарова, расположенную по сосѣдству съ Захаровскими хуторами, *раздѣлило свою землю на хутора самостоятельно, безъ участія землеустроительныхъ органовъ, послѣ многолѣтняго владѣнія на общинныхъ началахъ, какъ только увидѣло живой примѣръ хуторского хозяйства у Захаровцевъ*».

Фактъ, дѣйствительно, очень важный, если бы только онъ существовалъ.

Обращаюсь къ видному земскому дѣятелю, стороннику хуторской системы.

— Вѣренъ этотъ фактъ?

— Положительно утверждаю: выдумано все отъ слова до слова. Комаровцы и не думали выходить на хутора. Да и смысла имъ нѣтъ никакого.

Обращаюсь къ управляющему имѣніями крестьянскаго банка.

— Выдумано. Вообще здѣсь много неточностей. Комаровцы живутъ по старому.

Спрашиваю у комаровцевъ.

— Вѣрно ли это?

— Нѣтъ, живемъ, какъ жили!

Гораздо любопытнѣе, какъ выставка эта, — приведшая въ такой восторгъ казеннаго корреспондента, — отразилась въ пониманіи хуторянъ.

— Вы были на выставкѣ?

— Какъ же, 3 рубля получилъ за корову.

— Разскажите, какъ это было.

— Да, чего, умора!.. Просто комедь ломали. Разослали сначала намъ афиши. Начали мы толковать. Потомъ чиновникъ ѣдетъ: «гони, говоритъ, скотъ!» «Незавидный, молъ,

ваше благородіе!» «Ничего, говоритъ, валяй». Ну, что же, разъ говоритъ—надо вести, а тамъ денегъ еще обѣщали. Вымыли мы съ бабой корову—погналъ я. Пришелъ — тамъ все форменно: флаги, мѣсто для начальства, дорожки песочкомъ посыпаны, елочки понатыканы. Посмотрѣли корову, записали. Гляжу: народу много; есть и не хуторяне: мужикъ знакомый съ комаровской земли 6 головъ привелъ. Спрашиваю сосѣда: разѣ это, говорю, хуторянинъ? Вѣдь онъ собственникъ! «Все равно, говоритъ, начальству хочется, чтобы головъ больше было». Ну, говорю, ладно,—дѣло не наше. Гляжу—Сахаровъ съ лукомъ стоитъ, а говорили, чтобы только скотъ. Потѣха! Торгуешь, что ли? спрашиваю. «Нѣтъ, говоритъ, начальству поглядѣть любопытно». Какой-то чиновникъ смотритъ коровъ и любуется. «Я, говоритъ, люблю такихъ. Ростъ не великъ, а молочисты». Мы молчимъ.

— Дальше что было?

— Дальше—подошелъ ко мнѣ одинъ тоже нашъ хуторянинъ и говоритъ: «Слышалъ, говоритъ, четыре заводскихъ бычка для насъ привели: хуторянамъ, вишь, раздавать будутъ». — Кому же? — спрашиваю. «А это, говоритъ — неизвѣстно». Въ это время пріѣхалъ чиновникъ. Посмотрѣлъ скотину. «Все, говоритъ, въ порядкѣ». Затѣмъ началъ намъ говорить: «старайтесь, говоритъ, и мы васъ наградимъ». Сосѣдъ-отъ мой опять подъ бокъ мнѣ тычетъ: «какъ кончитъ, говоритъ, бери его на руки и качай» — Зачѣмъ? — спрашиваю. «Тогда, говоритъ, бычекъ попадетъ тебѣ безпремѣнно». — Когда кончилъ онъ, я хочу схватить его, а боюсь. Гляжу: другой нашъ шустрый мужиченко ужъ подбѣжалъ къ нему и цапъ за ноги. Мы за нимъ. Кто за руки, кто подъ спину подталкиваетъ... Я боялся было, а потомъ вижу—онъ доволенъ. Потомъ стали награды раздавать: кто первый-то схватилъ, тому красненька попала, а мнѣ трешна. Бычкомъ тоже обдѣлили. Такъ что напрасно только тратилъ я свои силы. Мужики тоже ругались. «Лучше бы, говорятъ, эти деньги поровну намъ раздѣлили, потому что всѣ мы всегда готовы уважить».

— Кому же попали бычки?

— Одинъ управляющему, а остальные три — богатымъ мужикамъ. Спрашивали мы тогда: «почему же намъ-то, ваше

благородіе?» «Вы, говоритъ, народъ бѣдный и настоящаго прокорму не можете имѣть; а бычкамъ, говоритъ, нужна холя, потому что они — скотъ нѣжный. Для коровъ же вашихъ они всегда должны оказывать содѣйствіе по рублю за каждый разъ». Мужики вошли въ обиду: «мы, говорятъ, день потратили, а главная добыча пошла богачамъ. Вѣдь, говорятъ, если по рублю за разъ брать, то на эти деньги бычка очень даже хорошо можно прокормить». Но никакого вниманія не было.

— Этимъ дѣло и кончилось?

— Кончилось. Пригналъ я корову домой—гляжу: кое-кто изъ другихъ хуторовъ пришелъ.—«Какъ, говорятъ, дѣла?» — «Трешну, молъ, получилъ». Надо бы, говорятъ, могарычи».— «Ладно», говорю. — Разсказалъ имъ про бычковъ; здѣсь съ горя всю трешну мы и пропили.

— Для чего это выставка была?

— Кто ихъ пойметъ. Начальству, видно, скотину нашу желательно было поглядѣть. А тамъ выбрали кто побогаче и наградили бычками...

Эти четыре бычка — злоба дня для хуторскихъ разговоровъ. Дѣло въ томъ, что спеціально для крестьянъ, выселившихся на хутора, на счетъ казны куплены были четыре бычка—чистокровные сементалы. О бычкахъ этихъ разговоръ шелъ давно, и многіе на нихъ разсчитывали. Розданы они были: одинъ «хуторянину» Калинникову, а три — зажиточнымъ крестьянамъ. Роздали ихъ на такихъ условіяхъ: кормить три года, уступая на ставку *только коровамъ хуторянъ*, по 1 рублю за случку. Деньги идутъ въ пользу «хуторянина», содержащаго бычка. Черезъ три же года бычекъ поступаетъ въ полную собственность «хуторянина».

— Кто побогаче, тѣмъ и награда, и бычки...

— Знали бы, лучше бы не гоняли скотину на эту выставку...

— Рука руку моетъ...

— Только обѣ грязныя дѣлаются...

— Нѣтъ, по моему, пожаловаться начальству, — только и всего.

— «Хуторяне» тоже. Куда угодно примажутся...

— Имъ бы только взять...

Такимъ образомъ, на выставкѣ, какъ и въ жизни, рѣзко вырисовались два типа хуторянъ: богатые, пользующіеся всѣми преимуществами хуторской жизни и казенной опеки, и громадное число бѣдняковъ, имѣющихъ по одной скотинкѣ, которымъ больше обѣщаютъ, чѣмъ дѣлаютъ... О хуторянахъ, вовсе не имѣющихъ скота,—нечего и говорить... И выставка въ концѣ концовъ показала одно: скота у хуторянъ мало и качество его незавидно...

О такомъ итогѣ выставки единодушно говорятъ какъ сами хуторяне, такъ и мѣстные общественные дѣятели. Всѣ говорятъ, что въ рамкахъ помпезной обстановки скотъ хуторянъ и сами они производили довольно жалкое впечатлѣніе... И только всѣмъ довольные гг. землеустроители нашли возможнымъ и изъ этой выставки сдѣлать выводъ о благоденствіи хуторянъ...

1910 г.

ПРОЛЕТАРИЗАЦІЯ ДЕРЕВНИ.

(Замѣтки).

I.

Предсѣдатель совѣта министровъ П. А. Столыпинъ, однажды въ засѣданіи Государственнаго Совѣта между прочимъ, сказалъ: «что дѣло землеустройства не безплодно, что вашъ усидчивый трудъ по окончательной разработкѣ этого закона не останется безъ результата, доказываетъ одно поразительное явленіе, явленіе быть можетъ, недостаточно учитываемое, а быть можетъ и нарочно замалчиваемое,—это горячій откликъ населенія на законъ 9 ноября, это пробудившаяся въ населеніи энергія, сила, порывъ, это то бодрое чувство, съ которымъ почти одна шестая часть домохозяевъ общинниковъ перешла уже къ личному землевладѣнію. Господа, болѣе 10 милліоновъ общинной земли, перешедшей въ личную собственность, болѣе 500.000 заявленій о желаніи устроиться на единоличномъ хозяйствѣ, болѣе 1.400.000 десятинъ, уже отведенныхъ къ однимъ мѣстамъ, вотъ то живое доказательство, которое я принесъ сюда, чтобы засвидѣтельствовать передъ вами, что значитъ живая неугасимая сила, свободная воля русскаго крестьянства. И безразсудно было бы думать, что такіе результаты достигнуты по настоянію правительственныхъ чиновъ».

Если очистить этотъ отрывокъ рѣчи отъ лирики и пафоса, то видны будутъ два положенія: законъ 9 ноября далъ колоссальнѣйшіе результаты, результаты исключительно положительные, и достигнуты они безъ всякаго «настоянія прави-

тельственныхъ чиновъ», лишь въ силу «горячаго отклика населенія».

Эти два положенія, которыя въ разжиженномъ видѣ ежедневно предподноситъ и «Россія», не совсѣмъ вѣрны. Прежде всего удивительно, что какъ г. Столыпинымъ, такъ и всѣми популяризаторами его рѣчей упускается «одно поразительное явленіе, явленіе, быть можетъ, недостаточно учитываемое. а быть можетъ и нарочито замалчиваемое»,—это массовая продажа выдѣлившимися крестьянами своихъ земель. Затѣмъ, не совсѣмъ вѣрно, что «чины правительства» идутъ на встрѣчу лишь доброй волѣ крестьянъ, а не принуждаютъ ихъ къ выдѣлу всѣми правдами и неправдами.

Цѣлая рать землеустроителей, земскихъ начальниковъ, добровольцевъ всѣхъ сортовъ—ведутъ въ деревнѣ безпрерывную агитацію, стараясь доказать крестьянамъ, что выдѣлъ изъ общины возродитъ деревню, создастъ условія свободной и зажиточной жизни. Въ своихъ рѣчахъ эти агитаторы довольно открыто заявляютъ, что «этого хочетъ Государь», что «тѣмъ, которые исполнятъ Его волю, и Онъ поможетъ во всякихъ нуждахъ и бѣдахъ». Прибѣгаютъ и къ другимъ пріемамъ: крестьянинъ Ѳедоръ Кириллинъ разсказываетъ, напр., что въ Новоторжскомъ у. Тверской губ. земскій начальникъ 4 уч. г. Богдановичъ, на волостномъ сходѣ климовской, прудовской и мѣтновской волостей, давалъ такія поясненія: «братцы! все равно васъ раздѣлятъ... Этого не миновать!.. Лучше ужъ вамъ самимъ промежду себя заблаговременно раздѣлиться! Кто раньше сдѣлаетъ заявленіе, тому и земля лучше достанется, такъ какъ онъ можетъ выбирать и знать, что ему хорошо, что плохо. А кто останется, тому придется ужъ остатками пользоваться».

Примѣровъ — заманчивыхъ обѣщаній и посуловъ, угрозъ, открытаго покровительства тѣмъ, кто пожелаетъ выдѣлиться,— можно привести, сколько угодно. Когда же и это не помогаетъ, то прибѣгаютъ къ способамъ нѣсколько экстраординарнымъ. Въ Балашовѣ—по словамъ «Саратовскаго Листка»— произошла такая сценка: «Земля и воля! Манифестъ! Счастливый день русскаго народа! Пять копѣекъ»!—кричатъ на базарѣ 1-го марта какіе-то молодцы, окруженные толпой мужи-

ковъ. Многіе изъ крестьянъ торопливо вынимаютъ пятаки и покупаютъ «манифестъ». Около читающихъ собираются кучки. Всѣ напряженно ловятъ слово чтеца. Но скоро соображаютъ, что имѣютъ дѣло съ черносотенной «землей и волей». Публика разочарована. Многіе бранятся». И въ другихъ очеркахъ мнѣ приходится поминать о пріемахъ агитаціи землеустроителей за «землю и волю», которыя дастъ крестьянамъ законъ 9 ноября. Очень часто «чины правительства» превращаются въ агитаторовъ народниковъ, и рѣчи ихъ трудно отличить отъ рѣчей краснорѣчиваго соціалиста-революціонера.

Однако, однихъ «чиновъ правительства» и добровольцевъ-патріотовъ часто оказывается недостаточно. Констатируя это, г. пермскій губернаторъ рекомендуетъ—на съѣздѣ земскихъ начальниковъ—привлечь къ агитаціи «волостныхъ старшинъ, писарей и наиболѣе развитыхъ крестьянъ».

Полчище хвалителей закона 9 ноября охватило своими щупальцами деревню и безпрестанно «долбитъ крестьянскія головы», обѣщаетъ, угрожаетъ, обманываетъ... Но это далеко не всѣ способы «настоянія правительственныхъ чиновъ». Есть еще одинъ—это, такъ сказать, денежное поощреніе. 27-го іюня 1908 г. былъ утвержденъ особый журналъ совѣта министровъ о выдачѣ крестьянскимъ банкомъ ссудъ на покупку крестьянами земли у частныхъ владѣльцевъ. Въ пунктѣ 1,*а* этого журнала ссуду при покупкѣ земли единоличнымъ владѣльцемъ опредѣлили въ 90, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ 100 проц. А для общественниковъ и крупныхъ товариществъ пунктъ *г* назначаетъ лишь 80 проц. оцѣнки банка. Еще отчетливѣе тенденція эта проведена въ циркулярахъ главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ о денежной помощи при землеустройствѣ. Общій мотивъ ихъ—оказывать всякое содѣйствіе, безвозмездную денежную помощь выходящимъ изъ общины и переселяющимся на хутора [1]). Помимо денежной помощи, выдѣляющимся обѣщаются и даются всевозможныя льготы по отпуску лѣса изъ казенныхъ дачъ (Правила 17 марта 1907 г. Особенно см. пунктъ 1).

---

[1]) См. цирк. отъ 26 февр. 1907 г. № 18;—разъясненія комитета по землеустр. дѣламъ нижегор. губернатору отъ 19 марта 1907 № 624—952 и т. д.

пріобрѣтенію улучшенныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій, племенного скота и т. д. Ко всѣмъ этимъ циркулярамъ и распоряженіямъ необходимо добавить еще послѣднее циркулярное обращеніе г. Столыпина къ земствамъ объ оказаніи агрономической помощи хуторянамъ. Многія земства очень резонно заключали, что «агрономическая помощь одинаково необходима какъ хуторянамъ, такъ и общественникамъ», и что «выдѣлять хуторянъ въ особую категорію привилегированныхъ крестьянъ» — значитъ «искусственно увеличивать число желающихъ выдѣлиться». Другія земства пошли на встрѣчу этому созданію «привилегированныхъ группъ» и ассигновали значительныя суммы для поддержки хуторского хозяйства.

Всѣ эти бѣгло отмѣченныя мѣропріятія показываютъ, насколько результаты землеустройства достигнуты, безъ «настоянія правительственныхъ чиновъ». Въ самомъ дѣлѣ: если законъ 9 ноября дѣйствительно «удовлетворяетъ назрѣвшей потребности деревни», то неужели для проведенія его потребовались бы такія безпримѣрныя поощренія и понуканія, такая многотысячная рать агитаторовъ и пропагандистовъ? Возьму маленькій примѣръ: въ настоящее время въ деревнѣ «назрѣла насущнѣйшая потребность» въ свободѣ слова и собраній. Дайте крестьянамъ эту свободу, и вамъ не нужно будетъ посылать въ деревни полчища чиновниковъ для убѣжденія крестьянъ пользоваться этой свободой: они воспользуются ею безо всякихъ «настояній», и «поощреній». Съ закономъ же 9 ноября происходитъ нѣчто иное.

Однако, я далекъ отъ мысли, что всѣ крестьяне выдѣляются, благодаря «настоянію». Констатируя, что такое «настояніе» производится въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, я признаю, что двѣ группы крестьянъ выдѣляются почти добровольно. Это—крестьяне, выдѣляющіеся для продажи земли, и крестьяне, выдѣляющіеся для того, чтобы округлить надѣлы путемъ пріобрѣтенія земли у первыхъ.

II.

Продажа надѣльной земли происходитъ усиленнымъ темпомъ. Я говорилъ уже, что г. Столыпинъ «замолчалъ» этотъ

фактъ, а между тѣмъ въ деревняхъ онъ является самой болѣзненной злобой дня. Обнищаніе крестьянъ—въ смыслѣ продажи ими надѣловъ—совершается съ быстротой, которой не ожидали самые рѣшительные противники столыпинскаго закона.

Вотъ соотвѣтствующая таблица:

ГУБЕРНІИ:	Число домохозяевъ, укрѣпившихъ надѣлы къ 1 мая 1909 г. [1].	Изъ нихъ къ 1-му сентября продали [2].	Цѣна, по которой продавалась надѣльн. земля за дес. [3].
Воронежская	16.675	1.063	86 руб.
Екатеринославская	61.772	11.751	134 „
Кіевская	14.175	2.298	200 „
Курская	51.620	5.935	129 „
Новгородская	12.102	1.116	16 „
Орловская	53.737	3.789	94 „
Пензенская	23.846	1.728	75 „
Полтавская	4.135	1.273	151 „
Псковская	6.574	1.127	55 „
Рязанская	14.696	3.774	84 „
Самарская	55.416	5.285	33 „
Саратовская	32.248	1.425	50 „
Симбирская	22.693	1.099	57 „
Смоленская	12.609	1.524	56 „
Ставропольская	12.070	1.527	70 „
Таврическая	40.430	9.775	128 „
Тамбовская	24.408	3.621	106 „
Тульская	9.602	1.454	90 „
Уфимская	22.891	1.704	35 „
Харьковская	38.513	5.289	86 „
Херсонская	49.358	6.917	120 „
Черниговская	5.077	1.364	85 „

Всего къ 1-му мая 1909 г. крестьянъ, укрѣпившихъ надѣлы по всей Россіи, было 778.263 съ количествомъ земли въ 5.917.030 десятинъ. Изъ нихъ къ первому сентября продали только по 39 губерніямъ болѣе ста тысячъ домохозяевъ съ 419.788 десятинами. При этомъ средняя цѣна продаваемыхъ надѣловъ по 39 губерніямъ была 63 руб. за де-

---

[1]) Оффиціальныя данныя.

[2]) Свѣдѣнія, опубликованныя газетой „Россія“. т. е. данныя тоже оффиціальныя.

[3]) Среднее, высчитанное авторомъ по количеству проданной земли и общей суммѣ, полученной за нее, по губерніямъ.

сятину, а средняя банковская цѣна въ это время равнялась 126 руб. 17 коп. за десятину. Слѣдовательно, крестьяне свои надѣлы продавали по цѣнамъ вдвое низшимъ, чѣмъ тѣ, по которымъ они покупаютъ у банка.

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что крестьяне, укрѣпившіе надѣлы, продаютъ ихъ усиленно; что продаютъ наиболѣе бѣдные и малоземельные крестьяне по цѣнѣ, которую имъ предложатъ односельчане. Въ самомъ дѣлѣ: продали землю въ среднемъ 20% всѣхъ выдѣлившихся; земли же имъ принадлежитъ менѣе 10%. Однако, эти данныя требуютъ нѣкоторыхъ оговорокъ. Сюда внесены лишь сдѣлки, совершенныя нотаріальнымъ порядкомъ. Кромѣ этихъ сдѣлокъ, въ деревняхъ сплошь и рядомъ совершаются частныя сдѣлки, отобраніе надѣловъ за долги и иныя формы замаскированной продажи. Въ Пензенской губ. мнѣ сплошь и рядомъ приходилось наблюдать такія сцены: задолжавшій крестьянинъ передаетъ свою землю кредитору въ аренду, конечно безплатную, до тѣхъ поръ, пока не будетъ вовращенъ долгъ.

— Почему же ты не продашь землю? Вѣдь дороже взялъ бы!

— Жалко все таки... Можетъ наклюнется работенка, глядь, и уплачу. Тогда земля опять моя...

Конечно, земля такъ у кредитора и остается, а работенка если и наклевывается, то заработка едва-едва хватаетъ на жизнь.

Отчасти этимъ, повидимому, объясняется и несоотвѣтствіе цифръ сдѣлокъ по продажѣ надѣловъ въ оффиціальныхъ отчетахъ съ цифрами, которыя приводятъ частные наблюдатели. Вотъ нѣсколько примѣровъ. По оффиціальному отчету въ Ставропольской губ. надѣлы продали 1527 домохозяевъ, а по свѣдѣніямъ корреспондента «Рѣчи»,

за два года лишились земли 5300 дворовъ, при чемъ не мало дворовъ владѣли болѣе чѣмъ однимъ надѣломъ. Общая цифра проданныхъ крестьянскихъ надѣловъ выразится около 6360. Скупкой надѣловъ земля сосредоточивалась въ однихъ рукахъ. Случаи покупки 30, 40 и болѣе надѣловъ были нерѣдки. Общая площадь всей проданной земли равна, приблизительно, 44520 десятинъ (средній крестьянскій надѣлъ съ выпасами, выгонами и прочими угодіями принимается въ 7 десят.).

Средняя продажная цѣна за десятину—40 руб. Цифра эта колеблется между 25 и 65 руб., преобладающая же продажная цѣна 45 руб. За всю площадь проданной за эти два года крестьянской земли вы-

ручено въ среднемъ 1.780.800 руб. (помѣщичьи земли и земли, продаваемыя земельными и крестьянскимъ банками, идутъ не ниже 125 р. за десятину). Не болѣе 50 проц. всѣхъ сдѣлокъ по продажѣ совершено за наличный разсчетъ. Были примѣры покупки крестьянскихъ надѣловъ крестьянскими обществами, но попытки эти встрѣтили противодѣйствіе со стороны администраціи.

Объ усиленной продажѣ земель въ Орловской губ. сообщаетъ «Новое Время». По свѣдѣніямъ этой газеты, продажа происходитъ усиленно, и число продающихъ съ каждымъ годомъ увеличивается. Такъ,

въ 1907 г. продано было въ десяти уѣздахъ Орловской губерніи за исключеніемъ Ливенскаго и Елецкаго уѣздовъ— 421 домохозяиномъ 1732½ десят. за 139.895 руб., по *81* р. за десятину. Въ 1908 г. продано 263 домохозяевами 882⅓ десят. за 84,447 р., по *96* р. за десятину. Совершенно другую картину представляетъ собою продажа надѣльныхъ земель въ 1909 г.: 2,355 домохозяевами продано уже 16,741⅓ десят. за 594,771 р., всего по *35* р. за десятину. Въ нынѣшнемъ году за истекшіе два мѣсяца тоже много продано такой земли. Крестьянъ постоянно можно видѣть во всѣхъ нотаріальныхъ конторахъ.

Приблизительно одинаковый процессъ происходитъ въ губерніяхъ—Саратовской, Московской, Владимірской, Смоленской, Самарской, Черниговской и др. Отовсюду сообщаютъ о переходѣ земель въ однѣ руки по самымъ низкимъ цѣнамъ, при чемъ цифры сдѣлокъ сообщаютъ несравненно болѣе высокія, сравнительно съ оффиціальными.

Низкія же цѣны объясняются двумя причинами: отсутствіемъ конкурренціи покупателей и спѣшностью продажи. Какіе слои крестьянъ выдѣляются и продаютъ земли, кто эти земли скупаетъ, изъ оффиціальныхъ отчетовъ не видно. У отдѣльныхъ администраторовъ, правда, изрѣдка вырываются искреннія признанія, какъ, напр., у тамбовскаго губернатора, который на съѣздѣ по землеустроительнымъ дѣламъ Тамбовскаго, Козловскаго и Кирсановскаго у.у. принужденъ былъ констатировать, что «плодами закона 9 ноября воспользовались не наиболѣе обезпеченные крестьянскіе слои, какъ это слѣдовало бы ожидать, а деревенская голытьба, поспѣшившая укрѣпить свои надѣлы, чтобы потомъ продать землю», — но

подобная искренность рѣдка. Для болѣе подробнаго выясненія этого приходится обращаться къ наблюденіямъ частныхъ лицъ.

III.

Нѣсколько мѣсяцевъ мнѣ пришлось жить въ Грязовецкомъ уѣздѣ Вологодской губ. Случаи выхода изъ общины здѣсь почти равняются случаямъ продажи. Въ д. Андраково въ первую голову выдѣлилась старуха Харламиха. Узнавъ какимъ-то образомъ, что надѣлъ она можетъ «прикрѣпить и продать».—старуха рѣшила «взять хоть сколько-нибудь—все равно умру, даромъ пойдетъ обществу» За надѣлъ въ пять слишкомъ десятинъ ей предложили 115 рублей. Харламиха взяла эти деньги и уѣхала «доживать послѣдніе годы въ городѣ».

Три-четыре бѣдняка, задолжавшіе столько, что «никогда не уплатить», выдѣлились и отдали землю за долги, получивъ по 10 руб. добавочныхъ. Въ д. Эсюткино выдѣлился крестьянинъ Буланинъ — типичный деревенскій гуляка. «Копаль» по ремеслу, онъ ходитъ изъ одной деревни въ другую, роетъ и поправляетъ колодцы, лѣтомъ ходитъ на поденщину къ помѣщикамъ. Продать землю — давнишняя его мечта. Узнавъ, что продать, наконецъ, можно, онъ немедленно вышелъ изъ общины и началъ искать покупателя. Однако, видя рѣзко-отрицательное отношеніе крестьянъ къ выходу изъ общины и выдѣленію земель, никто долго не соглашался купить у Буланина надѣлъ. Охотникъ нашелся только тогда, когда Буланинъ рѣшилъ отдать свои пять десятинъ за 100 руб., съ разсрочкой на пять лѣтъ. Получивъ пять руб. въ задатокъ, Буланинъ купилъ на нихъ охотничьи сапоги, въ которыхъ и щеголяетъ теперь по деревнямъ и на помѣщичьихъ работахъ. Благодаря такому оригинальному способу «выхожденія въ собственники», Буланинъ сталъ знаменитостью на цѣлую окрестность. Въ отдаленныхъ отъ Эсюткина деревняхъ при разговорѣ о выходѣ изъ общины приходится слышать:

— Да вѣдь какъ выйти-то? Опасно больно! Чуть чего и

продашь землю за дарма... Вонъ онъ, Буланинъ-то выдѣлился, а теперь—настоящій гулиганъ.

Въ д. Степково первымъ продалъ землю Павелъ Пименовъ, портной, много лѣтъ уже живущій въ Москвѣ; землю онъ продалъ, такъ какъ до выдѣла земля эта «все равно никакого дохода не давала», потому что «владѣло ей общество». Понятно, что выдѣлъ этотъ осложнился нежеланіемъ крестьянъ «выпустить» Пименова, и на этой почвѣ произошло много конфликтовъ. Чтобы скорѣе избѣжать столкновеній съ обществомъ, Пименовъ продалъ землю «почти ни за что» и уѣхалъ въ Москву.

Особенно много типичныхъ случаевъ выдѣла и продажи можно наблюдать въ Саратовской губ. Здѣсь выдѣляются, преимущественно, бѣдняки. Землю они отдаютъ за долги и бѣгутъ на заработки.

Въ «Совр. Мірѣ» мнѣ приходилось уже говорить объ Огаревкѣ Петровскаго уѣзда. Село это типично потому, что оно прошло всѣ фазы борьбы за землю. Теперь тамъ происходитъ обычный для деревень процессъ: въ рукахъ богатыхъ крестьянъ скопляются общинныя, а частью и помѣщичьи земли; бѣднота бѣжитъ искать заработковъ. Возражая на это, саратовская газета «Волга» говоритъ:

> Мы великолѣпно знаемъ Огаревку, знаемъ, въ какомъ положеніи тамъ отрубное хозяйство.
>
> Отрубники засѣяли чечевицей свои паровыя поля, обычно лежащія у общинниковъ пустыми, и получили по 120 пуд. съ десятины, продали по 50—60 коп. за пудъ, получивъ, такимъ образомъ, по 60—70 р. за землю, пролежавшую бы непроизводительно исключительно ради пастьбы на ней скота.

Не знаю, хорошо-ли извѣстно «Волгѣ» положеніе дѣлъ въ уѣздахъ. Недавно я снова былъ въ Огаревкѣ, и первое, что бросается въ глаза—это половина почти заколоченныхъ избъ.

— Гдѣ у васъ народъ?

— Разно разъѣхались: кто въ городѣ на заработкахъ, кто въ городѣ въ тюрьмѣ. Выдѣлилось здѣсь значительное число крестьянъ, но переселился на участокъ, пока что, одинъ Иванъ Зеленцовъ. Имѣетъ онъ десятину на полторы души и живетъ далеко не завидно. Продажа надѣловъ идетъ здѣсь

бойко: зажиточный мужикъ Петръ Кузьмичъ Бѣловъ купилъ уже четыре надѣла; Бѣловъ скупаетъ надѣлы у стариковъ и у тѣхъ, «которые прокармливаются въ городѣ», и т. д.

— Почему вы продаете землю?

— Что дѣлать? Ѣсть нечего, долги одолѣли... Прямо такъ надо говорить, что копѣйки *такъ* нигдѣ не займешь — все подъ землю! Вонъ Павелъ Шестеркинъ вздумалъ жениться, а не на что! Занялъ подъ землю, а теперь и совсѣмъ продалъ.

— Что же онъ дѣлаетъ?

— Работникомъ на барскомъ дворѣ живетъ!..

Десятки разсказовъ все объ одномъ и томъ же: на надѣлахъ не проживешь, въ деревнѣ заработка нѣтъ, а богачи даютъ въ долгъ исключительно подъ землю.

Процессъ выхода изъ общины и типы выдѣляющихся крестьянъ въ настоящее время выяснены совершенно. Ясно, что выдѣляющіеся изъ общины крестьяне дѣлятся на три совершенно различные типа.

На первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ уходъ не только изъ общины, но въ большинствѣ случаевъ и изъ деревни. Крестьяне именно затѣмъ и выдѣляются, чтобы, продавъ землю, разъ навсегда покончить съ крестьянскимъ хозяйствомъ. Сюда же относятся и тѣ изъ выдѣляющихся общинниковъ, которые, состоя юридически членами общины и имѣя, слѣдовательно, земельные надѣлы — фактически въ деревнѣ давно не живутъ, земли свои или сдаютъ односельчанамъ, или ими (землями) по своему усмотрѣнію распоряжается община. Значительное количество петербургскихъ, московскихъ, владимірскихъ и другихъ рабочихъ, до послѣдняго времени находящихся въ общинахъ и несущихъ связанныя съ этимъ повинности—выходятъ изъ общинъ и продаютъ земли. Юрисконсульства при профессіональныхъ союзахъ крупныхъ промышленныхъ центровъ указываютъ на фактъ постояннаго обращенія къ нимъ рабочихъ за совѣтами по поводу выхода изъ общины. Такимъ образомъ, эта категорія выдѣляющихся состоитъ изъ пролетаріевъ, связанныхъ съ общиной лишь юридически, и изъ деревенской бѣдноты, бѣгущей въ города и пополняющей ряды чернорабочаго пролетаріата. Газетами

отмѣченъ фактъ необычайнаго наплыва въ этомъ году чернорабочихъ во всѣ крупные города, особенно въ Петербургъ (грузчики, катали и т. п.) и въ города Поволжья. Анкеты профессіональныхъ союзовъ и разговоры съ этимъ ищущимъ работы людомъ показываютъ, что большинство этихъ людей съ деревней и землей разстались навсегда; часть же, продавъ пахотныя земли, оставила за собой избу и усадьбы.

Второй типъ выдѣляющихся составляется изъ крестьянъ, желающихъ по тѣмъ или инымъ — преимущественно семейнымъ и общиннымъ — соображеніямъ укрѣпить за собою количество земли, находящееся въ данное время въ ихъ распоряженіи. Уменьшившееся количество — послѣ послѣдняго передѣла душъ, желаніе передать надѣлъ родственнику, не входящему въ общину, и т. п. причины побуждаютъ крестьянина «выйти въ собственники земли». Ничего общаго съ хуторскимъ хозяйствомъ выдѣленіе это не имѣетъ: въ большинствѣ случаевъ крестьянинъ закрѣпляетъ за собой тѣ участки, которые находились въ его пользованіи; черезполосица такъ черезполосицей и остается; тѣмъ не менѣе въ подобныхъ случаяхъ выдѣляющіеся встрѣчаютъ рѣзкое противодѣйствіе со стороны общины, теряющей, обычно, нѣсколько десятинъ земли.

Наконецъ, третій типъ—тотъ самый «нормальный выходъ изъ общины на отруба», который исключительно и пропагандируется агентами правительства. Въ этомъ случаѣ крестьянинъ закрѣпляетъ за собой участки по хозяйственнымъ причинамъ; требуетъ нарѣзки земли въ одномъ мѣстѣ, иногда огораживаетъ свой участокъ и переноситъ на него избу.

Очевидно, земли продаютъ главнымъ образомъ лица первой и второй группъ; при чемъ первая продаетъ земли цѣликомъ, а вторая, обычно, тотъ или другой клинъ на покрытіе неотложныхъ нуждъ.

Елизаветградская газета, разсказывая о переходѣ земель «въ цѣпкія руки», говоритъ, между прочимъ, о мотивахъ, по которымъ продаютъ земли выдѣляющіеся второй категоріи:

Одинъ продаетъ двѣ десятины изъ семи, чтобы сдѣлать дочери приданое, упуская изъ виду, что двѣ десятины земли были бы лучшимъ приданымъ, обезпечивающимъ новую семью на первыхъ порахъ;

другой продаетъ столько же, чтобы купить лошадей и заняться извозомъ и т. д. въ этомъ родѣ.

А вотъ и другіе мотивы. „Насъ двое съ бабой, дѣтей нѣтъ“, говорилъ въ прошломъ году пьянчужка-старикъ, „а земли 7 десятинъ: вотъ продамъ двѣ десятины, и будемъ мы съ бабой и сыты и пьяны; черезъ два года продамъ еще двѣ, тамъ—остальныя три, и доживемъ съ бабой до смерти, а обществу землю оставить не желаю“. Не знаю, хватитъ ли ему до смерти 7-ми десятинъ, но проданныхъ въ прошломъ году 2-хъ десятинъ на два года не хватило, и въ этомъ году онъ продалъ еще двѣ десятины.

Теперь необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ, кто скупаетъ земли. Въ большинствѣ мѣстъ земли скупаются деревенскими богатѣями, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ скупаютъ цѣлыя площади. Такъ, въ Тамбовѣ на съѣздѣ «с. р. н.».

присутствующими на немъ крестьянами былъ приведенъ примѣръ одного бывшаго купца второй гильдіи, приписавшагося теперь къ крестьянскому обществу и предпринявшаго скупку крестьянскихъ земель; былъ также приведенъ другой примѣръ неутвержденія однимъ земскимъ начальникомъ приговора общества о покупкѣ общиной 120 десятинъ освобождающейся изъ-за переселенія въ Сибирь однообщественниковъ надѣльной земли, каковую землю имѣютъ въ виду пріобрѣсти волостныя должностныя лица. Однимъ членомъ съѣзда было указано, что въ его обществѣ подготовляется крупная покупка 600 десятинъ надѣльной земли въ однѣ руки [1]).

Въ московской губ. «земли скупаютъ, преимущественно, кулаки» [2]); Во владимірской губ., «крестьяне продаютъ надѣлы кулакамъ [3]), въ саратовской «земли скупаютъ мѣстные богачи», при чемъ въ петровскомъ у. земли скупаетъ торговецъ хлѣбомъ Василій Васильевичъ Сапаринъ, пріобрѣвшій болѣе 10 надѣловъ. Въ Малой Сердобѣ земли скупаются богачами Стрѣльниковымъ и Бочкаревымъ; въ орловской губ.. въ ливенскомъ у., скупаетъ Колобашкинъ и т. д. Достаточно сказать, что появились спеціальныя профессіи скупщиковъ

---

[1]) „Русское Слово“.

[2]) Ib.

[3]) Изъ той же тамбовской губ. корреспондентъ газеты „Рѣчь“ сообщаетъ: „Площадь надѣльной земли деревни Ольховки, моршанскаго уѣзда, тамбовской губерніи равняется всего 240 десятинамъ. Изъ этого числа 100 десятинъ, т. е. почти половину надѣла всей деревни. скупилъ мѣстный мелкій торговецъ Юдинъ и затѣмъ подалъ въ уѣздный съѣздъ ходатайство о выдѣлѣ ему всей этой земли къ одному мѣсту“.

надѣльной земли, которые, покупая у однихъ, перепродаютъ другимъ съ барышемъ, и комиссіонеровъ, налаживающихъ сдѣлки...

Процессъ, слѣдовательно, совершается быстро—и конца ему не видно...

IV.

Изъ предыдущихъ бѣгло набросанныхъ замѣтокъ видно, что пролетаризація—вѣрнѣе пауперизація—деревни совершается «съ энергіей и силой», во всякомъ случаѣ не меньшей, чѣмъ процессъ выхода изъ общины. Замалчивать это явленіе нельзя: слишкомъ рѣзко и наглядно вырисовалось оно на фонѣ деревенской жизни. Слѣдовательно, жонглировать цифрами «укрѣпившихъ землю въ собственность» слѣдуетъ съ большой осторожностью. Въ 1908 г. въ Государственной Думѣ г. Столыпинъ заявилъ, что число выдѣлившихся изъ общины равняется двумъ милліонамъ; 15-го марта 1910 г. въ Государственномъ Совѣтѣ онъ понизилъ эту цифру до 1.700.000 домохозяевъ. Цифра эта несомнѣнно преувеличена. Но если даже согласиться, что она именно такова, то отсюда далеко не слѣдуетъ, что всѣ эти «около 1.700.000 домохозяевъ» превратились въ «крѣпкихъ землѣ крестьянъ», созданіе которыхъ имѣлъ, главнымъ образомъ, въ виду законъ. Значительная часть выдѣлившихся успѣла—по крестьянской терминологіи—превратиться въ «голоштанниковъ», т. е. продали землю и навсегда распрощались съ деревней.

1909 годъ былъ урожайнымъ. Тѣмъ не менѣе процессъ продажи земель не только не уменьшился, но по сравненію съ 1908 г. значительно усилился. «Что-же будетъ,—пишетъ мнѣ крестьянинъ орловской губ. ливенскаго у. Иванъ Назаровъ,—если Богъ пошлетъ неурожай? Всѣ земли, вѣдь, перейдутъ кулакамъ. Теперь взаймы никто хлѣба не дастъ иначе, какъ подъ землю. Пока народъ крѣпится, а какъ голодъ подведетъ животы, такъ на все пойдутъ... Такъ думаю я, что изо всего села нашего останется дворовъ двадцать, и вся земля имъ перейти должна». Концентрація земель уже теперь отмѣчена даже оффиціальными данными: по свѣдѣніямъ землеустроительныхъ комиссій, въ 39 губерн. Европейской Россіи къ 1 сен-

тября 1909 г. продали свои участки 82.274 домохозяина, а пріобрѣли ихъ 67.975 домохозяевъ, имѣющихъ, кромѣ того, свои надѣлы, а отчасти и скупившихъ помѣщичьи земли. Пріобрѣтая по 50 иболѣе десятинъ, зажиточные крестьяне живутъ великолѣпно, и ихъ-то исключительно и подсовывали г. Столыпину землеустроители, когда онъ осматривалъ хутора и отруба. Говоря о «горячемъ откликѣ населенія», объ «энергіи, силѣ, порывѣ и бодромъ чувствѣ крестьянъ», г. Столыпинъ руководствовался, главнымъ образомъ, своими наблюденіями при поѣздкѣ. Между тѣмъ о поѣздкѣ его въ деревняхъ говорятъ не иначе, какъ въ ироническомъ духѣ, и разсказываютъ рядъ курьезовъ. Вотъ, напримѣръ, разсказъ корреспондента «Русскихъ Вѣдомостей»: «Потребовалось показать министру хорошіе хутора. Съ этой цѣлью повезли его въ меннонитскую колонію, дѣйствительно представляющую собой цвѣтъ земледѣльческой культуры, устроили «настоящую», какъ выразился одинъ чиновникъ, встрѣчу, съ аркой и т. п.

— Вотъ теперь я вижу,—сказалъ министръ,—насколько благосостояніе поднимается у лицъ, живущихъ отрубами или хуторами. До сего времени я еще колебался!..

Однако, показывая министру меннонитскіе хутора, сопровождавшія его лица забыли сказать ему одну подробность, а именно, что хозяева, приведшіе его въ восторгъ, имѣли по 65-ти десятинъ и больше на дворъ».

Изъ своихъ наблюденій я могъ бы разсказать еще большіе курьезы, но о нихъ въ слѣдующихъ замѣткахъ о жизни хуторянъ и «собственниковъ». Несомнѣнно одно—бодраго чувства въ деревѣ нѣтъ вовсе. Есть растерянная озлобленность, есть полная безпомощность, есть непримиримая ненависть «собственниковъ» къ общественникамъ—и наоборотъ. Деревня раскололась на рядъ враждующихъ группъ. Ихъ взаимная, внутренняя вражда отвлекаетъ вниманіе крестьянъ отъ такъ называемой высшей политики, и это единственный плюсъ для г. Столыпина.

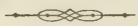
Вообще же въ деревнѣ происходитъ то, на что указалъ депутатъ Бѣлоусовъ въ рѣчи о законѣ 9 ноября: «Бѣднота выдѣляется и продаетъ землю; зажиточные крестьяне скупаютъ надѣлы разорившихся общественниковъ. Среднее крестьянство

остается въ общинѣ и ждетъ—«что изъ этого выйдетъ?» Всѣ эти группы враждуютъ одна съ другой, вступая въ постоянные конфликты. Объ улучшеніи земледѣльческой культуры, о рѣшеніи аграрнаго вопроса въ Россіи—говорить еще слишкомъ рано».

Къ этому необходимо добавить, что, продавая надѣлы, бѣднота бѣжитъ въ города «на заработки» и уже теперь чрезмѣрнымъ предложеніемъ чернорабочихъ силъ уменьшаетъ до крайности заработную плату.

Въ Поволжьѣ и московскомъ промышленномъ районѣ это явленіе наблюдается теперь наиболѣе рѣзко.

1910 г.



ЧЬЕ ПРЕСТУПЛЕНІЕ?

I.

Деревня все болѣе и болѣе привлекаетъ вниманіе печати и общества. Не проходитъ дня безъ того, чтобы въ той или иной газетѣ, въ томъ или иномъ журналѣ не появилось обобщающихъ статей о деревенской жизни и деревенскомъ настроеніи. Вышло не мало книгъ, въ которыхъ сдѣланы попытки дать общую картину положенія деревни. Характерно, что большинство статей и книгъ на тему о деревнѣ написаны людьми праваго, или прямо черносотеннаго лагеря,—поэтому всѣ онѣ съ опредѣленной правой тенденціей и съ опредѣленными выводами. Не менѣе характерно и то, что выводы этихъ людей одного лагеря никогда не сходятся, а иногда прямо противоположны.

Обычная схема этихъ писаній такова: рисуется ужасная картина всевозможныхъ пороковъ и преступленій, называется это «обычными деревенскими буднями», и дѣлается первое заключеніе—«вотъ итоги общиннаго хозяйства!». Затѣмъ, розовой краской набрасывается жизнь на хуторахъ, въ стихахъ и прозѣ воспѣвается идиллія хуторской жизни, гдѣ царствуетъ избытокъ во всемъ, гдѣ смягчаются нравы, гдѣ «Новое Время», «Россія» и «Земщина» неотъемлемо присутствуютъ за образами и въ рукахъ крестьянъ. Эта идеальная картина даетъ матеріалы для второго вывода—вотъ результатъ благодѣтельныхъ казенныхъ реформъ!

Иногда у авторовъ, трактующихъ о деревнѣ, происходитъ «раздѣленіе труда»: одни спеціализируются по части деревен-

скихъ безобразій, другіе по части восхваленія казенныхъ реформъ. Эта спеціализація ведетъ къ тому, что безобразія получаются невозможно-безобразны, а выгоды казенныхъ реформъ рисуются такими красками, что у каждаго «текутъ слюнки» отъ зависти. Возьмите книгу Родіонова—«Наше преступленіе» и книгу Бѣльскаго о хуторахъ, возьмите статьи Меньшикова о «Крестьянскомъ террорѣ» и статьи А. Столыпина объ идилліи хуторской жизни, возьмите, наконецъ, рѣчи членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, и вы найдете одно и тоже: адъ какой-то представляетъ изъ себя крестьянская жизнь, одно «отрадное явленіе»—хутора! Отсюда дѣлается понятный выводъ—помогайте правительству въ его реформахъ деревенской жизни, и современный адъ замѣнится раемъ хуторской жизни...

Чрезмѣрная услужливость, однако, иногда приноситъ и вредъ тѣмъ, кому стараются прислужиться. Такъ оказалось и въ данномъ случаѣ: авторы, воспѣвающіе реформы, перестали считаться съ рамками прислужничества и создали невѣроятную путаницу. Едва вы успѣваете узнать отъ одного автора, что всѣ деревенскія «безобразія веліи» родила и родитъ община, что хутора и отруба являются живой водой для разлагающагося общиннаго трупа, какъ другой, не въ мѣру пылкій Пиндаръ казенныхъ реформъ возглашаетъ: «Общины нѣтъ! Она уничтожена, она разсыпалась, какъ карточный домикъ, при первыхъ шагахъ землеустроительной политики»!

Прекрасно,—думаете вы,—общины нѣтъ, нѣтъ того зла, отъ котораго проистекали «всяческія безобразія»; конечно, «безобразія» эти сразу не исчезнутъ, но разъ вырванъ корень—они, несомнѣнно, будутъ замѣтно таять. Однако, успокоиться на этомъ вамъ не даютъ: третій авторъ приводитъ цифры поджоговъ и,—какъ дважды два—доказываетъ, что за послѣдніе два-три года поджоги возросли въ невѣроятной степени, и что виновата опять-таки община», та самая, которой—по выводамъ предыдущаго автора—нѣтъ, которая «разсыпалась, какъ карточный домикъ».

Въ чемъ-же дѣло?—удивленно спрашиваете вы. Никакого противорѣчія нѣтъ,—отвѣчаетъ «Новое Время»,—община разсыпалась, но—къ сожалѣнію,—вмѣстѣ съ ней уничтоженъ и

положительный ея институтъ,—«порка»! Идеалъ, слѣдовательно, въ хуторахъ и поркѣ. Но здѣсь опять-таки тѣ-же цифры поджоговъ васъ разочаровываютъ: онѣ говорятъ, что въ то время, когда розга и нагайка свободно гуляла по мужицкимъ спинамъ,—цифра поджоговъ успѣла сдѣлать наибольшій скачекъ вверхъ...

Какъ видите, масса статей не даетъ никакой общей картины, выводы въ статьяхъ противорѣчатъ посылкамъ, рецепты оказываются далеко не радикальными. И чѣмъ больше читаете вы эти статьи, тѣмъ большій сумбуръ получается въ вашей головѣ, и вы отказываетесь понимать — почему учащаются «безобразныя явленія» деревенской жизни, что порождаетъ ихъ, кто виновенъ въ этомъ «преступленіи» и когда они исчезнутъ...

Попробуемъ разобраться. Въ чемъ проявляются тѣ деревенскія «безобразія» и «преступленія», о которыхъ такъ много кричатъ за послѣднее время? Изъ книги Родіонова—«Наше преступленіе», и изъ книги Ермолова, изъ статей Меньшикова и другихъ можно сдѣлать выводъ, что проявляются они въ насиліяхъ надъ помѣщиками, поджогахъ, буйствахъ, порчѣ скота, убійствахъ и т. д. Частью эти «преступленія» направлены противъ помѣщиковъ, а главнымъ образомъ крестьяне направляютъ ихъ другъ противъ друга. «Преступленія» всегда описываются ярко и образно, но никогда ни слова не говорится о томъ, каково экономическое положеніе «преступника», и каковы отношенія его къ объекту «преступленія». А между тѣмъ это очень интересно, и, можетъ быть, какъ разъ эта-то сторона дѣла и выясняетъ причину «чрезмѣрнаго увеличенія преступленій».

Въ отношеніи помѣщиковъ крестьяне начинаютъ проявлять «невиданныя до сихъ поръ личныя насилія!? Даже во время мужицкихъ погромовъ насилій надъ личностями не было, а теперь—то и дѣло,—то оскорбляютъ, то бьютъ». Но вѣдь до «мужицкихъ погромовъ», послѣ ихъ и въ настоящее время сами помѣщики, по отношенію крестьянъ, считали и считаютъ позволенными всякія средства и теперь завопили о деревенскомъ хулиганствѣ» и «террорѣ» исключительно потому, что мужикъ началъ протестовать и «давать сдачи».

Здѣсь не мѣсто рѣшать положительная это черта, или отрицательная,—важно констатировать фактъ—«мужикъ даетъ сдачи», и помѣщики это называютъ «терроромъ». Въ Петровскомъ уѣздѣ Саратовской губ. есть помѣщикъ «генералъ» Аплечеевъ. Почему онъ называлъ себя «генераломъ», неизвѣстно, но десятки лѣтъ онъ велъ себя съ крестьянами по генеральски: издѣвался надъ ними всевозможными способами. Поймаетъ, напримѣръ, на своемъ сѣнокосѣ мужика съ вязанкой травы, приказываетъ его связать и начинаетъ «распоряжаться» надъ связаннымъ съ «семихвосткой».

— Ѣшь, сукинъ сынъ, траву! Жри!..

— Батюшка...—молитъ мужикъ, катаясь по землѣ.

— Жри, а то запорю!..

— Отецъ...

— Ну?!!

Мужикъ начинаетъ жевать сѣно. Довольный баринъ смотритъ на интересное зрѣлище и протестуетъ, когда мужикъ отбрасываетъ толстыя—«несъѣдобныя»—былинки. Насладившись въ достаточной мѣрѣ любопытной картинкой, «генералъ» замѣчаетъ.—Ну, чѣмъ они не скоты! — облагаетъ мужика штрафомъ и отпускаетъ [1]). Хлестать нагайкой, бить «по рожѣ», «выбивать зубы», «сворачивать скулы»,—все могъ г. Аплечеевъ. Но вотъ теперь мужики «перестали покоряться» и «даютъ сдачи». Посмотрите, съ какимъ удивленіемъ и негодованіемъ кричитъ г. Аплечеевъ:—«онъ меня толкнулъ». Можно подумать, что мужикъ разбилъ дарохранилище. Послѣ каждаго «толчка» г. Аплечеевъ кричитъ о насиліяхъ, буйствахъ и хулиганствѣ. «Врачу, исцѣлися самъ» и подумай—кто пріучилъ крестьянъ «толкаться»?

Въ Новгородской губерніи—тамъ-же, гдѣ живетъ и авторъ «Нашего преступленія», мнѣ, между прочимъ, разсказывали такой случай: управляющій одного имѣнія систематически, въ теченіе ряда лѣтъ,—обсчитываетъ крестьянъ-поденщиковъ, а иногда выдаетъ имъ фальшивые рубли. При каждомъ возвращеніи, при каждомъ протестѣ онъ «бьетъ по зебрамъ» и

---

[1]) Подробно объ этомъ «генералѣ» разсказано въ газетѣ «Совр. Слово», въ статьѣ—«Дикій баринъ».

«гонитъ въ шею» изъ конторы. Все это было «обычнымъ», «нормальнымъ» явленіемъ.

Но вотъ... мужики начали «давать сдачи», а одинъ—наиболѣе «развращенный»—«смялъ» сердитаго барина. Подобное «хулиганство» повело къ воплямъ объ «ужасахъ» деревенской жизни, объ «одичаніи мужика», «террорѣ надъ помѣщиками», а г. Родіоновъ сѣлъ писать «Наше преступленіе». Какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, я вовсе не отрицаю увеличенія «безобразныхъ» явленій современной деревни. Въ своихъ замѣткахъ о деревнѣ я неоднократно констатировалъ это. Въ данномъ случаѣ я хочу показать, что пріемы гг. Родіоновыхъ ошибочны; вѣдь, если описать одинъ годъ жизни упомянутаго управляющаго, то «преступленій» набралось бы вдесятеро больше, чѣмъ описано г. Родіоновымъ. А затѣмъ легко было бы обобщить и сдѣлать выводъ—«смотрите, какіе у насъ помѣщики».

Я ограничусь этими двумя фактами дикаго отношенія помѣщиковъ къ мужику, хотя подобныхъ фактовъ—фактовъ обыденной жизни—я могъ бы привести десятки даже изъ своихъ личныхъ наблюденій. Мордобой, ругань, издѣвательства настолько укоренились въ домашнемъ обиходѣ помѣщиковъ, настолько привыкли они къ тому, что все это принимается, «какъ должное», что всякій протестъ приводитъ ихъ въ ужасъ... Мужикъ «далъ сдачи»!—это-ли не возмутительно!

Не всегда, конечно, причинами крестьянскихъ «безобразій» бываютъ личныя насилія; часто причины эти кроются въ земельныхъ отношеніяхъ, но и тогда происходитъ то же «даваніе сдачи». Когда прежде иной помѣщикъ закабалялъ и «разорялъ въ разоръ» цѣлыя деревни, люди молчали и «влачили лямку»,—теперь, такъ или иначе, начинаютъ протестовать, «перестали покоряться», и снова крики о «террорѣ». Результатомъ чего являлось это «мужицкое дебоширство», я постараюсь выяснить дальше, пока же важно констатировать: крестьяне перестаютъ благодарить за полученныя пощечины и зуботычины, за «денной грабежъ» и «открытое надувательство» и иногда «даютъ сдачи». «Сдача» эта не всегда проявляется въ видѣ «толканія», иногда она принимаетъ болѣе

серьезныя формы, но, по существу, всегда является только сдачей...

Гораздо сложнѣе причины увеличенія «безобразныхъ явленій» въ отношеніи крестьянъ другъ къ другу. Какъ я уже сказалъ, увеличеніе это необходимо признать. Безпрестанные конфликты, оканчивающіеся дракой, убійствами, поджогами и порчей скота стали «бытовымъ», обычнымъ явленіемъ деревенской жизни. Они съ каждымъ днемъ растутъ, и конца имъ не видно, такъ что разобраться въ нихъ въ высшей степени важно.

II.

Не такъ давно еще кражи внутри деревни являлись настолько исключительнымъ событіемъ, что каждая кража служила матеріаломъ для долгихъ разговоровъ. «У помѣщиковъ пошаливали, но воровать другъ у друга считалось чѣмъ-то невѣроятнымъ». Воромъ, въ концѣ концовъ, оказывался или «пришлый человѣкъ», или «самый, что ни на есть, завалящій мужикъ»... Драки происходили чаще, особенно среди парней на почвѣ «нашихъ дѣвокъ» и игры въ орлянку. «По пьяному дѣлу» дрались и мужики, но драки этого рода быстро забывались, часто ссорящіеся на другой день сходились, «какъ ни въ чемъ не бывало». Поджигателей избивали и чинили жестокій самосудъ, и поджогъ, вмѣстѣ съ конокрадствомъ, считались ужаснѣйшими изъ преступленій.

Были конфликты, было много «темныхъ людей», но никогда они не носили характера той озлобленной мстительности, той безпрерывности, какой они носятъ теперь. Кромѣ того, и отношеніе къ различнымъ «преступленіямъ» стало иное.

Слушая деревенскіе толки о преступленіяхъ, вы находитесь въ полномъ недоумѣніи: почему такъ быстро измѣнились воззрѣнія людей? Почему озлобленность другъ противъ друга приняла затяжной, постоянный характеръ? Бывало, конечно, и раньше, что люди и семьи враждовали цѣлые годы, но на эти случаи большинство смотрѣло, какъ на рѣдкія, крайне нежелательныя исключенія. Теперь же, напротивъ, исключеніемъ стало отсутствіе вражды къ опредѣленнымъ лицамъ и группамъ... Общественникъ не назоветъ вамъ собственника и

хуторянина безъ прибавленія довольно рѣзкаго эпитета; собственникъ отзовется объ общественникахъ не иначе, какъ съ прибавленіемъ слова «горлодралы» и т. д. Сдѣлать какую-либо «гадость» хуторянамъ — доблесть для парня изъ общественниковъ и наоборотъ... Вообще — непримиримая вражда, порой безъ всякихъ видимыхъ причинъ. Однако, причины эти есть, и очень глубокія причины и, разобравшись въ нихъ, приходишь къ выводу, что конца этой вражды не видно...

Чтобы выяснить, какимъ образомъ крестьяне научились «давать сдачи», и что породило непримиримую ненависть различныхъ крестьянскихъ группъ другъ къ другу, — интересно прослѣдить жизнь деревни за послѣдніе годы. Для примѣра, возьму наиболѣе типичную деревню изъ многихъ, жизнь которыхъ мнѣ пришлось наблюдать. Это С—но Саратовской губ., — деревня, которую послѣдніе пять лѣтъ превратили изъ «покорной» и тихой, какъ стоячее болото, въ бунтующій и кипящій котелъ.

С-но—большей частью населено мордвой. Надѣлы здѣсь—$^1/_2$ десятины на душу. «Недороды» приняли хроническій характеръ и стали настолько нормальнымъ явленіемъ, что болѣе или менѣе сносный урожай является неожиданностью. Невѣжество, безграмотность, чуть-ли не полное одичаніе были замѣтны даже для крестьянъ окрестныхъ деревень и селъ, и слова:—эхъ ты, с—кій мордвинъ!»—считаются ругательными.

Крестьянскія движенія сосѣднихъ деревень нисколько не отразились на с-цахъ, и когда кругомъ кипѣла и бурлила жизнь, и казалось, не нынѣ-завтра разрубленъ будетъ, наконецъ, вѣковой гордіевъ узелъ, и многому будутъ подведены итоги,—с-цы попрежнему оставались безучастны.

Помѣщица Б., *) «полная владѣтельница» земель, окружающихъ С-но, отлично понимала настроеніе «своихъ крестьянъ».

— Я твердо вѣрю въ своихъ мужиковъ!—величественно заявила она на уѣздномъ совѣщаніи помѣщиковъ о мѣрахъ борьбы съ крестьянскими волненіями, — я управлюсь безъ казаковъ!

И долгое время управлялась.

*) О приведенныхъ ниже эпизодахъ разсказано въ очеркѣ «Деревенскій интеллигентъ».

Она созвала с-цевъ и предложила имъ сдѣлку: они должны защищать ее отъ возможныхъ нападеній, а она за эту услугу дастъ имъ по десятинѣ на дворъ безплатно. Предложеніе было принято, и с-цы, не страшась угрозъ сосѣднихъ крестьянъ, которые ихъ возненавидѣли, ретиво несли свою «охранную службу».

Какъ видите, деревня «идеальная» во всѣхъ отношеніяхъ. Поджоговъ и убійствъ за все время существованія деревни было нѣсколько случаевъ, и двѣ семьи «острожниковъ» вамъ могъ назвать любой мальчишка. Никакіе замыслы агитаторовъ, никакія козни заговорщиковъ и подстрекателей не расшевелили бы такъ быстро с-цевъ, какъ сдѣлали это событія трехъ-четырехъ послѣднихъ лѣтъ!

Наступило «успокоеніе». Помѣщики оправились, вылѣзли изъ норъ и «гнѣздъ», куда загнала ихъ боязнь крестьянскаго нашествія, и тотчасъ-же принялись «учить». Помѣщица Б. лично противъ «своихъ» крестьянъ ничего не имѣла, но противъ крестьянъ вообще «имѣла многое», а такъ какъ с-цы все-же крестьяне, хотя и съ «очень хорошимъ норовомъ»,—то по законамъ логики—ненависть ея обрушилась и на с-цевъ. Правда, она поблагодарила ихъ, заявила, что «своему слову вѣрна», и даетъ имъ по десятинѣ на одинъ годъ, въ видѣ безплатной аренды, а арендувообще повысила въ полтора раза.

Крестьяне были увѣрены, что по десятинѣ они получатъ «въ вѣчность»; «поступокъ» барыни заставилъ ихъ на нѣкоторое время «опѣшить», затѣмъ они «загомонили», напомнили про «обѣщаньице»—«Не обижайте ужъ мужичковъ-то... Помилосерствуйте для крестьянства-то»,—кланяясь, говорили старики, но барыня видѣла, что«теперь время не то», что теперь церемониться нечего. Она «твердо подтвердила свою волю»; сердилась, кричала: «не за то-ли вамъ дать, что вы разбойниками не были, ну, да за это вѣдь учатъ—сами видите» и т. д.

Въ первый разъ въ жизни, можетъ быть, с—цы «возмутились», «заволновались» и проявили «упорство».

— Обманъ! Не брать на годъ!..

Возмущались, главнымъ образомъ, тѣмъ, что ихъ «заста-

вили даромъ потратить время»,—«вѣдь ежели-бы поденно, и то мало по рублю за такое дѣло взять», но кое-кто говорилъ уже и о томъ, что «передъ другими не гоже! Въ такое дѣло вбучились, что прямой скандалъ»!..

Несомнѣнно, и этотъ «обманъ» забылся бы довольно скоро. «Поломавшись», крестьяне помирились-бы на безплатной годовой арендѣ, если бы новыя событія въ корнѣ не нарушили ихъ соннаго равновѣсія, не разбили деревню на рядъ враждующихъ группъ.

Какъ сказано, неурожаи въ С—нѣ были «нормальнымъ явленіемъ; такъ какъ надѣлы здѣсь ничтожны, то крестьяне арендовали землю у помѣщицы. Раньше она давала землю и «исполу», но неурожаи показали ей невыгоду такой системы, и она стала отдавать землю исключительно въ аренду. Въ концѣ каждаго посѣвнаго года, крестьяне оставались «и безъ хлѣба, и въ долгу»; однако, увѣренность, что «когда-нибудь да уродиться-же»!—вела къ тому, что долгъ въ теченіе зимы отрабатывали, а къ веснѣ снова брали землю.

1907-й годъ былъ «совсѣмъ голодный», и всѣ надежды «въ смыслѣ пропитанія» крестьяне возложили на ярмарку, которая въ С—нѣ, вѣрнѣй, около него,—бываетъ ежегодно.

Съ ярмаркой связано безконечное количество надеждъ. Спрашиваютъ-ли у крестьянина долгъ, нужно-ли купить необходимую вещь, идетъ-ли онъ занимать хлѣбъ,—обычно твердитъ одно и то-же:

— Вотъ какъ-нибудь надо дотянуть до ярмарки, тамъ, Богъ дастъ, заработаю!..

По окончаніи ярмарки крестьяне начинаютъ возить на вокзалъ хлѣбъ ссыпщиковъ: плата въ это боевое время бываетъ хорошая,—такъ что надежды на ярмарку вполнѣ понятны.

Произошло, однако, событіе, которое «изгадило все», и сыграло крупную роль въ дальнѣйшей жизни С—на. По словамъ одного крестьянина, событіе это «много тумана повывѣтрило изъ мужицкихъ головъ». «Для охраны ярмарки» была прислана сотня казаковъ, которые и размѣстились въ избахъ с—цевъ. «Недоразумѣнія» между крестьянами и казаками начались съ самаго начала, а кончились они очень скоро форменнымъ сраженіемъ.

Когда началось усмиреніе, наиболѣе пострадавшими оказались смирные С—цы. Они поплатились карманомъ и спиною.

Съ барыней Б. отношенія сразу испортились. Мужики при встрѣчѣ уже не кланялись до земли, а хмуро отворачивались.

Это событіе разбудило «сонное царство».

— Если вы такъ, то ладно-же!—сказала, въ свою очередь, помѣщица и продала землю крестьянскому банку.

Пріѣхали землеустроители, начали «кроить и рѣзать землю», предлагая крестьянамъ выходить изъ общины и переселяться на отруба. Если въ защиту помѣщицы, въ отстаиваніи «заработанной десятины», крестьяне выступали, «какъ одинъ человѣкъ», то здѣсь, въ вопросѣ о выходѣ изъ общины и переселеніи, деревня—въ зависимости отъ зажиточности людей—сразу раскололась на рядъ рѣзко противоположныхъ группъ. Одни выдѣлялись, требуя вырѣзки землю къ одному мѣсту; другіе брали отруба и готовились къ переселенію; третьи, выдѣляясь, — продавали землю; четвертые, наконецъ, скупали ее. Столкнулись противоположные интересы, началась вражда.

— Нешто я продалъ-бы тебѣ, собакѣ, землю, ежели бы ярмонка-то состоялась?! А?.. Грабь теперь, пускай по міру!

— Извольте видѣть—отрѣжь ему мою землю! Да какъ ты это могъ допустить въ свою башку?

Однако, участокъ отрѣзаютъ, и старый хозяинъ всячески старается «насолить» обидчику и радуется всякому его несчастію.

Я не буду подробно описывать процессъ разслоенія С—на. Укажу лишь, что въ настоящее время 16 домохозяевъ тамъ вышло на отруба, 22 продали надѣлы, 6—надѣлы и усадьбы, 86 укрѣпили землю въ собственность и 102 остались въ общинѣ. При чемъ четверо изъ числа укрѣпившихъ землю за безцѣнокъ скупили проданные 28 надѣловъ.

Какъ при укрѣпленіи надѣловъ, такъ при продажѣ и покупкѣ ихъ, происходило и происходитъ безконечное количество конфликтовъ, такъ что С—на теперь не узнать: ежедневныя ссоры, драки, угрозы. «Люди буквально не выносятъ другъ друга,—пишетъ мнѣ знакомый учитель,—нена-

висть одной части деревни къ другой настолько велика, что до смерти забиваютъ забѣжавшую собаку, калѣчатъ скотъ. Близкіе родственники превратились въ злѣйшихъ враговъ, готовыхъ растерзать другъ друга... Каждую ночь бьютъ окна, ломаютъ изгороди, ловятъ враговъ и бьютъ до полусмерти; за лѣто было 11 пожаровъ,—и все на почвѣ земельныхъ исторій... И не видно, чтобы все это скоро кончилось»!..

III.

Подробно на предыдущемъ примѣрѣ я остановился не только потому, что «перерожденіе» крестьянъ С—на произошло, такъ сказать, на моихъ глазахъ, а потому. главнымъ образомъ, что примѣръ этотъ именно типиченъ. Буйными и неугомонными крестьянъ сдѣлали исключительно «внѣшнія условія». Эти же внѣшнія условія породили и царящія въ настоящее время въ С—нѣ «безобразія». Если эти общія «внѣшнія условія» могли такъ «переродить» мертвую и вялую деревню,—можно представить, что дѣлаютъ они съ живыми деревнями. Здѣсь конфликты достигаютъ высшаго предѣла, и у людей не предвидится не только скораго мира, но даже перемирія...

Деревня раскололась на собственниковъ, хуторянъ, общественниковъ и пролетаріевъ. Собственники, большей частью,—крестьяне наиболѣе зажиточные: выдѣляясь, они захватываютъ часть общественной земли; кромѣ того, нѣкоторые покупаютъ надѣлы односельцевъ. Уже этимъ однимъ они возбуждаютъ массу неудовольствій; надѣлъ, обычно, продается въ силу безвыходности, часто продавать вынуждаетъ предстоящая буквально голодная смерть; продаютъ всегда съ болью въ сердцѣ... А здѣсь еще, пользуясь безвыходностью, покупщикъ «прижимаетъ», предлагаетъ до смѣшного малую цѣну. Въ концѣ концовъ, послѣ долгой брани и укоровъ, земля продается, но продавецъ уже «затаилъ злобу»..-

— Онъ меня въ разоръ раззорилъ; нищимъ я сталъ черезъ него... Ну, да погоди»... И т. д.

Конфликты происходятъ не только между различными группами, на которыя раскололась деревня,—но и внутри этихъ группъ; бѣдняки хуторяне съ злобной завистью

смотрятъ на хуторянъ богатѣевъ, захватившихъ лучшіе участки, собственники малоземельные съ боязливой тревогой смотрятъ на собственниковъ, скупающихъ надѣлы, потому что, какъ сказано, при выдѣлѣ большихъ участковъ къ одному мѣсту землеустроители не разбираютъ, укрѣплена земля или нѣтъ; общественники «точатъ зубы» на собственниковъ за излишекъ отрѣзанной земли, на хуторянъ за то, что имъ отданы земли, которыя раньше арендовало все общество, на тѣхъ и другихъ вмѣстѣ за то, что «измѣнники міру». Наконецъ, оставшіеся безъ земли деревенскіе пролетаріи, послѣ долгихъ попытокъ «устроиться въ городѣ», снова бѣгутъ въ деревню, наниматься въ работники къ людямъ, купившимъ ихъ земли, или ходятъ «день не ѣмши—два дня такъ», раззоренные, озлобленные, «готовые на все»! Понятно, что при такомъ настроеніи достаточно мелкаго, ничтожнаго повода, чтобы создался острый конфликтъ. Въ Огаревкѣ Саратовской губ. на дняхъ бычекъ общественника «разыгрался» и посшибалъ снопы на полѣ собственника. Послѣдній «загналъ» бычка и потребовалъ 15 руб. выкупа. Общественники заволновались; съ кольями и вилами отправились на выручку бычка. Собственники вступились за «своего»,—произошло сраженіе. Бычокъ былъ отбитъ, но судъ присудилъ въ пользу собственника 10 руб. Деньги были уплачены («хотя и бычишка-то, прахъ его побери, не стоитъ этой суммы»), но отношенія создались невозможныя: начали поголовно «загонять» другъ у друга все—включая куръ—и требовать выкупа. Ребятишки намѣренно загоняютъ вражескую корову на свое гумно, чтобы отецъ получилъ выкупъ... Судъ обычно удовлетворяетъ иски собственниковъ и отказываетъ общественникамъ; послѣдніе пускаютъ въ ходъ «свои средства» И все изъ-за неумѣстной игры бычка!..

Въ Орловской губ., около с. Волово, къ хуторянину въ колодезь попала собака. Сама-ли она утопилась отъ горькой жизни, или кто-либо бросилъ ее изъ мести хуторянину,—неизвѣстно. Собрались хуторяне, вытащили собаку, осмотрѣли. Оказалось, что при жизни собака принадлежала общественнику. Хозяинъ клялся, что собака сдохла отъ голода, и онъ «никакъ съ недѣлю уже выбросилъ ее въ заваль». Хуторяне

не повѣрили и потребовали крупную сумму «на освященіе колодца». Чрезмѣрность требованія возмутила общественниковъ.

— Больно жирно будетъ.

— Не все попу, и намъ на угощенье...

— За какой рожонъ?

— Не бросай собакъ въ колодцы...

— Песъ ее бросалъ, а не я...

— Песъ собаку бросилъ—чудно что-то...

Послѣ долгихъ споровъ, произошла свалка, затѣмъ судъ и т. д.

Подобныхъ примѣровъ, гдѣ пустой случай ведетъ къ кровавымъ конфликтамъ, можно привести сколько угодно. Всѣ они кончались судами и местью. Месть же выражается въ поджогахъ, увозѣ хлѣба, избіеніяхъ, а иногда и убійствахъ... Готовые же на все, обезземеленные крестьяне не останавливаются и передъ грабежами, «пропадать, такъ пропадать!»

«Окна выбьемъ, домъ сожгемъ,
«Сами въ каторгу пойдемъ!..»

IV.

Изъ предыдущихъ замѣтокъ видно, что авторы сообщеній о «безобразныхъ выходкахъ мужика по отношенію помѣщиковъ», о чрезмѣрномъ ростѣ преступленій въ деревнѣ за послѣдніе годы», — во многомъ правы. Да, поджоги, воровство, убійства, — растутъ; съ болью въ сердцѣ это приходится констатировать. Однако, причины этого роста лежатъ не въ томъ, что «община воспитала звѣрскія наклонности», не въ томъ, что «революціонеры зародили въ головахъ крестьянъ несбыточныя ожиданія», невозможность осуществленія которыхъ ведетъ къ «буйству», и не въ томъ, наконецъ, что «отмѣненъ положительный институтъ общины — порка». Причины кроются въ насильственномъ раздробленіи деревни на рядъ группъ, въ постоянномъ покровительствѣ богатымъ людямъ деревни, въ ущербъ и безъ того раззореннымъ бѣднякамъ.

Что же?—спросятъ меня,—развѣ лучше было бы, если бы описанное здѣсь С-но осталось въ томъ же положеніи «стоя-

чаго болота?» Какъ бы то ни было, но, вѣдь, теперь тамъ «бурлитъ жизнь». «Стоячее болото», конечно, ужасно, и не будемъ защищать его неприкосновенность; но, вѣдь, оно могло быть всколыхнуто инымъ путемъ, иными средствами... Такими именно, которыя не вызвали бы этой безнадежной злобы, не сдѣлали нищими тысячи людей и не создали тѣхъ «безобразныхъ явленій», о которыхъ такъ много говоритъ правая печать. Что это за средства — извѣстно каждому, кто прислушивается къ требованіямъ, выражаемымъ частью крестьянства...

Теперь колесо завертѣлось... Разсчитывать, что антагонизмъ, вызванный земельной, а отчасти и соціальной перегруппировкой,—можно устранить путемъ суровыхъ мѣръ, или увеличеніемъ церковно-приходскихъ школъ и военнымъ строемъ—наивно. Нужно понять, что въ деревнѣ создались группы малоземельныхъ и безземельныхъ, положеніе которыхъ безысходно. Поиски выхода—для этихъ группъ—вопросъ жизни и смерти; онѣ ищутъ выхода и будутъ искать, примѣняя въ своихъ поискахъ не всегда позволительныя средства. Смѣшно думать, что «земельный вопросъ въ Россіи рѣшенъ закономъ 9 ноября». Далеко не рѣшенъ. Рѣшеніе его удалось отодвинуть и—можетъ быть — надолго, но результатомъ этого и явились «безобразныя явленія», которыя становятся «нормальнымъ порядкомъ» деревенской жизни, и конецъ которымъ положитъ лишь дѣйствительное рѣшеніе земельнаго вопроса.

Теперь, кажется, можно отвѣтить на вопросъ, поставленный въ заголовкѣ этихъ замѣтокъ: чье преступленіе—быстрый ростъ темныхъ деревенскихъ явленій?

И помѣщикъ Родіоновъ, назвавшій свою книгу о деревнѣ—«Наше преступленіе»—выбралъ удачный заголовокъ.

1910 г.

ДЕРЕВЕНСКІЯ КАРТИНКИ.

I.

Петръ Васильевичъ Терехинъ—крестьянинъ умный и, по его словамъ, «порядочно захватившій ума при отсиживаніи въ тюрьмѣ»—при каждой встрѣчѣ убѣждаетъ меня, что «деревня теперь не то, что раньше», что «мужика теперь надо раскусить, да раскусить». Въ чемъ выражается это измѣненіе деревни и мужика, Петръ Васильевичъ сказать затрудняется и, не приводя яркихъ примѣровъ, отдѣлывается общими разсужденіями.

— Возьмите хотя бы меня въ примѣръ: много ли я понималъ раньше-то? А теперь все для меня какъ на ладони...

— Но много ли такихъ, какъ вы?

— Есть малая толика... Раньше мужикъ слѣпымъ былъ, а теперь глаза у него открылись. Теперь, братъ, не то; теперь ты его голыми руками не схватишь...

— То-то и дѣло, что берутъ... На вашихъ глазахъ вѣдь берутъ и проглатываютъ еще чище, чѣмъ прежде...

— Проглатываютъ... Глотаютъ съ большимъ удовольствіемъ, но только теперь мужикъ это понимаетъ. Кто и почему глотаетъ—мужику извѣстно, потому что другой онъ жизни хлебнулъ... У Щедрина, вонъ, Салтыкова баранъ непомнящій во снѣ только барана-то свободнаго увидалъ, и то съ тоски померъ. Не сладкимъ, видно, свой хлѣвъ-то, баранья жизнь, да бараньи занятія показались... Что же мы—хуже скотины, чтоль? Хоть чуть-чуть, а дохнули новой-то жизни,

а теперь опять въ хлѣвъ... Другой, какъ во снѣ свѣтлые-то деньки вспоминаетъ: сонъ, молъ, былъ хорошій, да проснулись плохо, а другой и побольше что смыслитъ...

Мы сидимъ съ нимъ около амбара; мимо проходитъ урядникъ, ведя за узду лошадь.

— Господину генералъ-губернатору поклонъ съ кисточкой,—остритъ Петръ Васильевичъ. «Генералъ-губернаторъ» хмурится. Крестьяне хохочутъ.

— Не любитъ,—замѣчаетъ Петръ Васильевичъ.—Они этого недолюбливаютъ, чтобы надъ ними смѣяться, имъ уваженія надо...

— Почетъ имъ, какъ коту сало,—соглашается подсѣвшій къ намъ сосѣдъ.

— Было время, уважали, а теперь пусть повременятъ... Заслужить его надо, уваженіе-то, тогда получай его, сколько угодно, а нагайкой да кулакомъ ты его не заслужишь...

— Страхъ этими инструментами наведешь, а чтобы уваженіе—сомнительно...

— Страхъ и бѣшеная собака наводитъ, никакихъ заслугъ для этого не надо... Но только какой ты начальникъ, если тебя боятся? Вотъ,—обращается Петръ Васильевичъ ко мнѣ,—раньше урядникъ у насъ первымъ человѣкомъ считался, бывало, свадьба ли, крестины ли—почетный гость, а теперь...

— Теперь я бы, Богъ знаетъ, чего не взялъ знаться съ ихъ братомъ...—добавляетъ сосѣдъ.

— То-то и есть...

Поговоривъ еще на тему о томъ, что мужикъ теперь «свою гордость имѣетъ», Петръ Васильевичъ ведетъ меня къ своему зятю, переселившемуся на отрубъ. Зять Петра Васильевича принадлежитъ къ числу счастливцевъ среди получившихъ отруба. Спустившись подъ горку и перейдя мостикъ черезъ рѣку, мы вступили въ полосу «единоличныхъ хозяйствъ». Картина обычная—гдѣ землянка, гдѣ шалашъ, гдѣ красивенькій домикъ съ ярко-красной желѣзной крышей. Навстрѣчу намъ попадается священникъ, шлепающій по грязи около телѣги, нагруженной пирогами, хлѣбами, лепешками и иными продуктами доброхотнаго жертвованія. Въ потертой рясѣ, порыжѣлой скуфейкѣ, длинныхъ сапогахъ—священникъ хлещетъ лошадь возжами, ругая отставшаго сторожа.

— Добраго здоровья, батюшка,—кланяется Петръ Васильевичъ.

— Здравствуйте.

— Хорошъ возокъ-то, батюшка, награждаютъ православные-то...

— Иди, иди съ Богомъ...—сердито ворчитъ священникъ.

— Иду, батюшка, иду, не сердитесь...

— Ну, и иди!

— За апостолами, небось, телѣги не слѣдовали... «Не стяжайте и не угождайте чреву», а сами—возокъ въ пору лошади везти...

— Иди отъ грѣха...

— Иду... До свиданія!

Встрѣтивъ отставшаго сторожа, Петръ Васильевичъ не преминулъ уколоть и его...

— Клюнулъ, Семенычъ?

— Есть малая толика... Къ зятю шагаете?

— «Не упивайтесь виномъ—въ немъ бо есть блудъ!» Эхъ вы, стяжатели! Къ зятю иду.

— Побѣгу, а то заругаетъ...—мигаетъ на священника сторожъ.

— Бѣги, бѣги... Отцы духовные...

— Не любятъ,—говоритъ онъ мнѣ, когда сторожъ отошелъ на порядочное разстояніе...—Вы думаете, почему попъ-то разсердился? Мало собралъ—вотъ почему! Бывало, за новью-то пойдетъ—подводъ пять везетъ, а теперь скупо. Плохо молятся—вотъ и даютъ плохо... Дать не жалко, если есть и давали. А теперь у кого и есть, не даютъ.

— Почему же?

— Умнѣе стали... Въ нашей округѣ учительница три года за попа въ школѣ ребятъ закону учила, а денежки по 30 рублей въ годъ онъ себѣ въ карманъ клалъ. А потомъ, когда на нее эти деньги повернуть хотѣли, «не годится—говоритъ:—у святого причастія не бываетъ и въ церковь не ходитъ; а потому прошу, говоритъ, ее удалить...» Вотъ мужики теперь и говорятъ: ничего давать не будемъ.

Помолчавъ немного, какъ бы давая возможность обдумать разсказанный случай, Петръ Васильевичъ продолжалъ:

— Корыстолюбія у нихъ сколько угодно, и народъ это понимаетъ. Вотъ теперь хоть хуторянъ взять,—изъ-за нихъ недавно у священниковъ чуть драки не вышло. Одинъ говоритъ: они моего прихода, потому что раньше въ моемъ приходѣ состояли... А другой говоритъ: мнѣ ничего не извѣстно, потому, разъ послѣ пересела они у меня,—значитъ, мои. Долго они тутъ ругались, а народъ глядитъ да хохочетъ...

Такіе мелкіе факты измѣненія крестьянскихъ взглядовъ и отношеній встрѣчались на каждомъ шагу, и Петръ Васильевичъ не упускалъ случая каждый изъ нихъ для себя и другихъ отмѣтить. Проѣзжаетъ на тройкѣ земскій, и никто изъ группы, стоящей около лавочки, не снимаетъ шапки,—Петръ Васильевичъ подмигиваетъ мнѣ и улыбается; прочитываетъ онъ въ «Копѣйкѣ», что крестьяне одного села выслали палача, немедленно разсказываетъ объ этомъ всѣмъ и, слыша въ отвѣтъ: «такъ ему, сукину сыну, и надо!»—снова подмигиваетъ и покручиваетъ усъ; узнаетъ, что нѣсколько крестьянъ повезли дѣтей въ земскую гимназію,—торжеству его нѣтъ предѣла! «Вали, братцы! Захватывай побольше ума въ голову! Бери всѣ дѣла въ свои руки!» Находитъ у одного деревенскаго парня «Исторію революціи» Минье, хватаетъ меня за руку и тащитъ убѣдиться, что парень прочелъ и хорошо понялъ книгу...

Несомнѣнно, что деревня за послѣдніе годы значительно измѣнилась. Крестьяне пережили послѣднюю войну, пережили волненія и усмиренія, выбирали въ Думу и теперь переживаютъ правительственную землеустроительную политику. Многое они, конечно, поняли... И едва ли не больше всего другого просвѣтила ихъ землеустроительная политика.

Въ самомъ дѣлѣ, на глазахъ крестьянъ совершаются такія явленія, которыя представляются имъ вопіющимъ нарушеніемъ всякой справедливости. И все это дѣлается подъ покровомъ закона, такъ что—по выраженію Петра Васильевича—«самый глупый, наконецъ, скажетъ: да что же у насъ за законы»! Всѣ закулисныя стороны землеустроительной политики, всѣ ходы, которые, казалось бы, трудно понять и распутать самому опытному казуисту, крестьяне понимаютъ и объясняютъ совершенно правильно. Оказывается, что надѣяться на что-то,

ждать, что «кто-то облагодѣтельствуетъ», «дастъ поддержку»— безсмысленно. И вотъ начинается лихорадочная работа ума, попытки отвѣтить на вопросъ—что дѣлать?

II.

Вопросъ «что дѣлать»? современная деревенская жизнь ставитъ на каждомъ шагу. Въ безвыходное положеніе люди становятся не только тогда, когда игнорируютъ отвѣты на этотъ вопросъ землеустроителей, но и тогда, когда точно исполняютъ всѣ ихъ совѣты и предложенія.

Вотъ мы съ Петромъ Васильевичемъ подходимъ къ хутору его зятя. Къ концу нашего пути начался дождь и пробилъ насъ до костей. Дождь льетъ почти безпрестанно уже второй мѣсяцъ. Въ концѣ августа неубранный хлѣбъ гніетъ въ полѣ, гніетъ на гумнахъ, и обрадованные было хорошимъ урожаемъ люди пріуныли, ходятъ, какъ опущенные въ воду. Дождь повыбилъ хлѣбъ, рожь проросла въ снопахъ и вмѣсто ожидаемыхъ ста пудовъ на десятину едва ли придется собрать 20—30 пудовъ плохого зерна.

Въ избѣ зятя Петра Васильевича собралось человѣкъ десять крестьянъ и ожидаютъ статистика «для переписи». Прерванный нашимъ приходомъ разговоръ скоро возобновился.

Говорили о вредѣ дождя, о столкновеніяхъ съ общинниками, о платежахъ. Дождь настроилъ всѣхъ довольно мрачно. То и дѣло смотрѣли на небо и качали головами.

— Потопъ! Всемірный потопъ...

— Восьмой десятокъ живу на свѣтѣ, а такихъ дождей объ это время не припомню,—говоритъ старикъ Селезенкинъ,— былъ точно одинъ августъ дождливый, но такого не было...

— А что, баринъ,—обращается онъ ко мнѣ:—правду ли болтаютъ, что это комета сотрясеніе надѣлала?

— Пустяки.

— Я тоже говорю—не иначе, какъ Божье попущеніе...

— За что же?—спрашиваетъ Петръ Васильевичъ.

— Знамо за грѣхи,—безнадежно заключаетъ старикъ.

— Да какіе у насъ грѣхи то, дѣдушка? Я такъ понимаю, что если говорить по Писанію, то за нашу жисть въ раю наше прямое мѣсто.

— Мели!

— Да, ей Богу, адъ-то у насъ здѣсь...

— А ты терпи.

— Вѣдь и терпѣнью конецъ бываетъ. Что ни день, то новая выдумка; что ни выдумка, то мужику на шею!

— Это вѣрно!—соглашаются крестьяне.

— Единственно можно сказать, что не умираешь съ голоду, а чтобы прибытокъ—ни, ни...

— Что хотятъ, то и дѣлаютъ!

— Да! Встрѣчаю вчера на базарѣ (яблоки я возилъ туда) мужика изъ Тормозова. Слово за слово, и разсказываетъ онъ мнѣ о своихъ дѣлахъ. Все общество у нихъ перешло въ собственники и укрѣпили надѣлы. Хорошо, укрѣпили... Послѣ этого времени кто началъ продавать землю, а кто скупать. Нѣкоторые, говоритъ, десятинъ по 50 скупили...

— Цссс...

— Да ну?

— Вѣрно говорю, да не къ тому дѣло. Староста Афанасій Ивановъ купилъ 4 надѣла, получилось у него со своими-то 14 десятинъ, вотъ онъ и началъ просить вырѣзать ихъ къ одному мѣсту.

— Вишь, стерва!..

— Да вѣдь земля-то, чу-ка, укрѣплена?

— Въ томъ-то и дѣло, что вся укрѣплена. Они и укрѣпили-то потому, чтобы не давать кулакамъ выкраивать покупную землю. А землемѣръ пріѣхалъ и вырѣзалъ старостѣ тамъ, гдѣ онъ указалъ. Откорналъ 14 десятинъ и уѣхалъ. Извѣстно, староста началъ опахивать, а мужики—чья земля отошла—получай клинья! Вотъ вамъ и законы!..

— Такъ укрѣпленную землю и отрѣзалъ?

— Такъ и отмахнулъ! У мужиковъ акты, а подѣлать ничего не могутъ...

Нѣсколько минутъ всѣ молчатъ. Довольный произведеннымъ впечатлѣніемъ, разсказчикъ достаетъ изъ кармана початую осьмушку махорки и вертитъ папироску. Затянувшись нѣсколько разъ и сплюнувъ въ уголъ, онъ подвигается къ столу и съ явнымъ намѣреніемъ окончательно «оглоушить» слушателей, продолжаетъ:

— За старостой другіе богатые мужики.

— Ну?

— Ну и вырѣзали! Общество подало прошеніе въ землеустроительную комиссію. Мы—пишутъ—по совѣту вашему укрѣпили землю всѣ, съ общаго согласія, чтобы, то есть, ее не клинить, а теперь вы насъ обезземеливаете. Потому-де никому не охота собирать за ними опашки, а имъ давать унавоженную землю. Въ комиссіи сказали: не наше дѣло!—Чье же, спрашиваютъ мужики — дѣло-то? — Подавайте въ окружный судъ!—Подали они теперь въ судъ, но думаютъ, что толку не будетъ.

— Ничего не выйдетъ!

— Такое время теперь—кто поспѣлъ, тотъ и съѣлъ. Вѣдь думашь, думашь,—голова кругомъ! Чѣмъ, къ примѣру, виноватъ мужикъ, что Афанасьевъ, аль тамъ Ивановъ его землю захотѣлъ? Рѣжь въ этомъ мѣстѣ—и все! Мужики навозили, навозили землю-то, вдругъ—разъ и готово! Бери, что Ивановъ дастъ!.. Дѣла!..

— Тоже и тѣ хороши, Ивановы-то ваши! Я бы съ ними не сталъ судиться-то, я бы поиначе...

— Чего же ты сдѣлаешь?

— То и сдѣлаю—выберу ночь потемнѣе, да...

— Ну, братъ, за это нашего брата не хвалятъ...

— Все одно!...

Неразбериха и путаница охватили деревню, и вопросъ—что дѣлать?—встаетъ на каждомъ шагу не только передъ общественниками.

— Что дѣлать?—спрашивали тормозовцы годъ назадъ.—Укрѣпляйте землю,—отвѣчали землеустроители.—тогда будете жить хорошо!—Тормозовцы укрѣпляютъ, имъ выдаются документы, въ которыхъ описаны ихъ участки, начерчены планы. Каждый, какъ на ладони, видитъ свой участокъ, начинаетъ унаваживать его и считается хозяиномъ до тѣхъ поръ, пока какой-нибудь Ивановъ, поглаживая бороду, не скажетъ: «къ этому мѣсту гоже бы, ваше благородіе»! «Хозяинъ» недоумѣваетъ, широко открываетъ глаза, первое время думаетъ, что это шутка. Но землемѣръ серьезно беретъ цѣпь, серьезно

начинаетъ мѣрить; Ивановъ, серьезно-истово перекрестясь, берется за плугъ и опахиваетъ.

— Вотъ такъ законы пошли!..—вырывается, наконецъ, у остолбенѣвшаго «хозяина».—Съ чѣмъ же я-то?

— Не мое дѣло,—равнодушно отвѣчаетъ землемѣръ.

— Зако-о-о-ны...

— Можешь жаловаться.

— Да ужъ, извѣстное дѣло, такъ не оставимъ. Ужъ это, сдѣлайте милость, извините! Тоже вамъ, ваше благородіе, палецъ въ ротъ не клади.

— Чт-о-о?

— Ничего. Мимо проѣхали. Тамъ все разъяснится...

Черезъ часъ «хозяинъ» сидитъ съ компаніей за бутылкой и въ сотый разъ разсказываетъ фактъ «денного грабежа». Всѣ возмущены. Возмущены обидой, нанесенной бѣдному человѣку и особенно явнымъ и беззастѣнчивымъ покровительствомъ богатѣю.

— Ты вотъ что, Максимъ, — ты, братъ, этого дѣла такъ не оставляй!

— Я?! Я до царя дойду! Я имъ пропишу законы! Я имъ покажу!..

— Валяй!..

— А этому Ванькѣ—охъ! Удружу я ему штуку!.. Будетъ онъ меня помнить по гробъ жизни...

Я намѣренно подробно остановился на этомъ примѣрѣ, потому что онъ выясняетъ многія темныя стороны деревенской жизни. Явное покровительство богатымъ въ ущербъ бѣднякамъ ведетъ къ тому, что всѣ болѣе или менѣе зажиточные люди спѣшатъ захватить одинъ-два надѣла и вырѣзать къ одному мѣсту. Начинается соревнованіе въ скорости захвата наиболѣе унавоженныхъ и удобныхъ земель. Тѣ же, чьи земли захватываютъ, — бѣгутъ въ суды искать «закона». Никогда въ деревняхъ не было столько сутяжничества, сколько теперь! Одни идутъ искать «закона», но когда оказывается, что и законъ на сторонѣ богатыхъ, прибѣгаютъ къ «своимъ средствіямъ»—поджогамъ, кражѣ, порчѣ скота и хлѣба... За это тащатъ ихъ въ судъ... Въ одномъ селѣ я познакомился съ крестьяниномъ, который одновременно ведетъ 27 дѣлъ.

Въ деревняхъ появились «ходатаи по земельнымъ дѣламъ»; ходатаи эти — люди мало-грамотные и невѣжественные — пишутъ просьбы, заявленія и получаютъ мзду съ обѣихъ тяжущихся сторонъ. Интересно, что люди, прежде чѣмъ приступить къ «своимъ средствіямъ», настойчиво пытаются отстоять свое право инымъ путемъ: двое крестьянъ, отецъ и сынъ, разсказывали мнѣ, что они, проигравъ дѣло въ судахъ, подавали прошеніе и въ Государственную Думу, и въ Совѣтъ Министровъ, и даже въ Святѣйшій Синодъ; ничего не вышло. Дѣло ихъ—по ихъ словамъ — правое, а «разъ такъ, то сами пропадемъ, ну да и ему удружимъ». Попробуйте разговорить этихъ людей—ничего не выйдетъ.—Намъ едино гибнуть-то, и въ Сибири люди живутъ!..

— Что это за законъ—богатому все, а бѣдный хоть умирай!..

— И кто это, братцы мои, такой законъ выдумываетъ?!.

— Извѣстно, не нашъ братъ. Свой, видно, для своего старанье прилагаетъ...

III.

— Все для богатыхъ! — такое сѣтованіе слышится не только отъ общественниковъ: къ нему присоединяется большинство собственниковъ и хуторянъ. И каждый шагъ землеустройства подтверждаетъ, что выводъ этотъ — все для богатыхъ!—создался не безъ основаній.

Когда живешь въ деревнѣ и знакомишься съ такими деталями землеустройства, которыя ускользаютъ отъ бѣглаго наблюдателя, то невольно поражаешься той картиной, которую представляютъ собой всѣ части землеустроительной работы. Происходитъ какая то земельная вакханалія! Малоопытные, незнакомые съ условіями деревенской жизни люди кроятъ и рѣжутъ землю по какимъ-то причудливымъ, непонятнымъ на взглядъ планамъ, — а жадная толпа охотниковъ до наживы, въ большинствѣ своемъ ничего общаго съ крестьянствомъ не имѣющихъ, нетерпѣливо ждетъ конца операціи, протягивая руки за лучшими кусками. И въ концѣ концовъ оказывается, что люди, кроящіе землю, всегда почему то рѣжутъ землю именно такъ, чтобы обязательно получились жирные куски, которые обязательно и попадаютъ въ

предназначенныя руки. — Въ карманъ-то, въ карманъ-то поболѣ норови! — вотъ что слышится въ каждомъ шагѣ землеустройства...

По рѣкѣ Птани въ Ефремовскомъ уѣздѣ Тульской губ. разбитъ подъ хутора довольно значительный участокъ. Отрубовъ понадѣлано больше сотни; всѣ они разобраны; но переселилось пока 25—30 домохозяевъ. Даже человѣкъ, ничего не понимающій въ разверсткѣ земли, при взглядѣ на планъ этихъ отрубовъ поразится странностью нарѣзки: отруба по р. Птани, противъ деревни Любимки, по размѣру больше другихъ, имѣютъ почти квадратную форму, съ небольшимъ наклономъ къ рѣкѣ; отруба вглубь участка начинаютъ принимать причудливыя формы трехугольниковъ и многоугольниковъ. Между ними встрѣчаются отруба шириною 60 саж., длиной больше версты, отруба въ видѣ буквы *S* и другихъ художественно-фантастическихъ формъ. Среди этихъ всевозможныхъ геометрическихъ фигуръ кое-гдѣ попадаются почти квадратные участки, хорошо приспособленные для единоличнаго хозяйства.

Та же исторія въ бывшемъ имѣніи Мосолова, въ Силинѣ и другихъ мѣстахъ.

— Если бы я хотѣлъ компрометировать землеустройство,— говорило мнѣ близкое къ землеустройству лицо,— я бы безо всякихъ коментаріевъ напечаталъ планы отрубныхъ участковъ. Этого было бы довольно!

Чѣмъ объясняется эта безпорядочность? Можетъ быть, различіемъ качества земли, близостью воды, сообщеніемъ съ мѣстомъ сбыта? Ничего подобнаго! Участки по р. Птани — наилучшіе во всѣхъ отношеніяхъ; самые же далекіе участки,— участки и наиболѣе мелкіе,—поставлены опять таки во всѣхъ отношеніяхъ въ самыя худшія условія. Неужели просто преступная небрежность? Землеустроители именно такъ и говорятъ, оправдываясь необходимой спѣшностью работы. Крестьяне же утверждаютъ, будто клинья получились потому, что необходимо было вырѣзать наилучшіе участки, и ихъ вырѣзали, не считаясь съ тѣмъ, каковы будутъ остальные.

— Вотъ видишь ты участокъ съ лощинкой-то?

— Ну?

— Такъ вотъ его выдѣлять имъ надо было, а по сторонамъ, извѣстно, остались клинья. Ужъ это обязательно такъ бываетъ.

— Почему же его нужно было выдѣлить въ первую голову?—удивляетесь вы.

— А потому, что земля на ёмъ жирнѣе и лощинка.

— Такъ что же?—продолжаете вы ничего не понимать.

— То же самое. Получился, слѣдовательно, не участокъ, а яичко.

— За то вѣдь другіе никуда не годны.

— Такъ тѣ и пошли нашему брату, а получше—богатымъ.

— Развѣ для нихъ вырѣзали особо?

— Особо или не особо—намъ неизвѣстно, а только попали имъ что ни на есть удобные участки.

— Всѣмъ?

— Кто просилъ, тѣмъ дали.

И начинается длинный рядъ примѣровъ. Лучшіе участки по р. Птани—напротивъ д. Любимки—получили мѣщане: Никита Соломатинъ, Александръ Соломатинъ, Дмитрій Пантелѣевъ, Петръ Соломатинъ и др. Степень зажиточности этихъ мѣщанъ характеризуетъ то обстоятельство, что всю плату за участки они предлагали внести сразу; однако, банкъ не согласился принять всю плату и назначилъ разсрочку на 10—13 лѣтъ. Всѣ эти богатѣи, предлагавшіе внести деньги сразу—, получили ссуды на переселеніе, а многіе хуторяне-нищіе (въ дальнѣйшемъ приведу примѣры) не получили ссудъ, несмотря на слезныя просьбы и ходатайства.

Въ Силинѣ лучшій участокъ получилъ богатый волостной старшина. Землевладѣлецъ Волковъ, имѣющій два собственныхъ участка въ 75 и 40 десятинъ, и еще арендующій 340 десятинъ, получилъ два участка. Мельникъ Долговъ—деревенскій капиталистъ—получилъ прекрасный участокъ. Самъ Долговъ на участкѣ не живетъ и цѣликомъ сдаетъ его Волкову «подъ картошку». Волковъ это—мѣстный воротила. Онъ имѣетъ крахмальный заводъ и, какъ 340 десятинъ арен-

дованной земли, такъ и собственную засѣваетъ картошкой. Сынъ священника с. Владиміровскаго, бывшій виноторговецъ, Николай Вьюновъ, получилъ хорошій участокъ. На участкѣ онъ выстроилъ амбаръ и холостыя строенія, обрабатываетъ его наемнымъ трудомъ, а самъ живетъ у отца. Господская усадьба въ Любимкѣ отдана мѣщанину. Самъ онъ служитъ, а на участкѣ поселилъ младшаго брата... И т. д. и т. д.

Такими свѣдѣніями васъ засыпаютъ со всѣхъ сторонъ, и остается впечатлѣніе, что во время земельной вакханаліи всѣмъ лучшимъ воспользовались присосавшіеся къ деревнѣ ловкіе люди. Какъ видно, происходитъ это очень просто. Мѣщане, напримѣръ, издавна занимаются торговлей. Разъѣзжая по деревнямъ, они скупаютъ скотъ, кожи; снимаютъ сады. Въ тяжелое для деревень время за безцѣнокъ съ торговъ скупаютъ крестьянскую рухлядь; потомъ все это продаютъ крестьянамъ же съ хорошей для себя выгодой. Однимъ словомъ, они извлекаютъ изъ деревни все, что можно извлечь. Узнали они, что мужичкамъ предлагаютъ участки земли,—дѣло выгодное! Въ ходъ пускается множество незамѣтныхъ, но вліятельныхъ винтиковъ и колесиковъ и—лучшіе участки въ ихъ рукахъ. Ухвативъ участки, они сознаютъ, что получили ихъ «не совсѣмъ по закону», что «могутъ отобрать» и торопятся закрѣпить сдѣлку, предлагая сразу всю сумму.

— Покрѣпче такъ будетъ, ваше благородіе!

— Пустяки! Аль деньги лишнія?

— Оно точно, что въ торговомъ дѣлѣ капиталъ требуется, но... опаско...

— Пустяки!

— Такъ что не безпокоиться?

— Нисколько.

Успокоенный мѣщанинъ, которому «капиталъ», дѣйствительно, требуется,—становится смѣлѣе и проситъ ссуду. Даютъ и ссуду. То же происходитъ съ сидѣльцами винныхъ лавокъ, богатыми кулаками и иными господами, крѣпко впившимися въ деревенское тѣло. «Дѣло, вродѣ, какъ выгодное. Надо попробовать!» Пробуютъ и получаютъ лучшіе куски...

— Почему такая странность?—спрашиваю одного изъ мѣстныхъ землеустроителей: вѣдь, дѣйствительно, лучшіе участки попали деревенскимъ хищникамъ!..

— Мужики сами виноваты: намъ предписали понадѣлать возможно больше хуторовъ, а крестьяне ломаются. Тотъ же Терехинъ, который теперь кричитъ о беззаконіи, тогда больше всѣхъ кричалъ, что брать не надо. Что же прикажете дѣлать? Доложить, что нѣтъ желающихъ,—скажутъ: не энергиченъ; вотъ и раздавали, кому придется. Потомъ уже, когда лучшіе-то участки повыбрали, полѣзли мужики. Ну и получили заваль.

Когда съ подобнымъ же вопросомъ обращаешься къ крестьянамъ, то начинаются толки о «фальши въ жеребіи», о «прогусариваніи деньжатъ», что «жеребій раньше обѣщали, т. е. на счастье—кому какой, а потомъ...» «Деньги-то онѣ, братъ, ого-го!..».

— Вонъ онъ Никита-то... сунулъ...

— Болтаютъ, что такъ...

— Самъ хвалился, что хоть, говоритъ, и вошелъ въ разоръ, за то теперь на одной бахчѣ семьсотъ выручилъ.

— Се-е-е-мь сотъ?

— Какъ одну денежку!..

— Изъ такихъ денегъ сунешь...

— При такомъ обстоятельствѣ дѣла дашь... Да!

— Ну и порядки, скажу я вамъ, пошли...

— По закону объегориваютъ... Дѣл-а-а...

Чья тутъ вина, не берусь судить, но какъ бы то ни было, такіе разговоры приходится слышать на каждомъ шагу: лучшіе участки попали деревенскимъ хищникамъ, а деревенская бѣднота получила малопригодные клинья...

Вотъ еще нѣсколько фактовъ изъ многихъ, собранныхъ мной во время послѣдней поѣздки *). Въ томъ мѣстѣ, гдѣ

---

*) По порученію редакціи «Русск. Бог.» я ѣздилъ въ Тульскую и Тамбовскую губ. Черезъ двѣ недѣли по моемъ пріѣздѣ въ Тульскую губ. полиція предложила мнѣ выѣхать, заявивъ устами урядника, что «на счетъ хуторовъ теперь строго»! Пользуюсь случаемъ здѣсь поблагодарить статистиковъ, оказавшихъ мнѣ содѣйствіе при наблюденіяхъ жизни хуторянъ и предоставившихъ богатый матеріалъ для знакомства съ землеустройствомъ.

мѣщане получили лучшіе куски по р. Итани, бѣднякамъ дали безплодные клинья: участокъ № 104—всего въ 4 десятины—получилъ многосемейный бѣднякъ, участокъ № 103—3 десятины — получилъ Корташовъ, по его словамъ, «не умершій доселѣ съ голоду со всей семьей потому только, что въ Москвѣ сынъ работаетъ и красныхъ по шесть подаетъ ежегодно». Любимовскіе крестьяне получили самые дальніе участки, а участки, примыкающіе къ любимовскимъ землямъ, получили мѣщане. Въ Овсянниковѣ бывшее мосоловское имѣніе роздано пришлымъ и богатымъ, а овсянниковцы, арендовавшіе это имѣніе, не получили ничего. Иванъ Михайловичъ Бородкинъ — деревенскій банкиръ, «процентщикъ», снабжающій деньгами крестьянъ и помѣщиковъ, — имѣетъ лавку и 10 десятинъ собственной земли. Отецъ его былъ старостой у помѣщика и «скопилъ деньгу». Когда силинское общество рѣшило купить землю у помѣщицы Соколовой, Бородкинъ былъ ходатаемъ этого общества—результатомъ «ходатайства» и явились собственныя 10 десятинъ. Кромѣ того, Бородкинъ укрѣпилъ за собой три надѣла. «Не сдѣлай я этой крѣпи, — говоритъ онъ, — ничего бы мнѣ не досталось: плодится народъ, какъ мухи!» Этотъ крестьянинъ получаетъ прекрасный участокъ. Торговецъ и пчеловодъ Силаевъ—тоже, а деревенскіе нищіе ходятъ, просятъ, кланяются и ихъ «гонятъ въ шею». Если же и даютъ, наконецъ, то отдаленный и негодный клинъ, «лишь бы заткнуть глотку!..»

— Вамъ предлагали— вы ломались: теперь земли нѣтъ!

— Точно что былъ предлогъ...

— То-то и есть...

— Все для богатыхъ, какъ есть... — бормочетъ крестьянинъ, выходя отъ землеустроителя.

И—повторяю — полная безвыходность, полная безнадежность хоть какъ-нибудь осмыслить, хоть что-нибудь понять въ томъ, что творится въ деревнѣ, рождаетъ въ бѣднякахъ злобу и противъ законовъ, и противъ тѣхъ богатыхъ, которыхъ эти законы «лелѣютъ и холятъ»...

— Съ закономъ, братъ, я ничего не подѣлаю, а тебѣ уважу!..

— Наскрозь всѣ дистанціи прошелъ, а толку не добился,—разсказываетъ крестьянинъ Силинъ, — нѣтъ и не бу-

детъ! — вотъ и всѣ отвѣты. А все онъ, все Васька — вездѣ былъ, навилялъ хвостомъ, по его вездѣ и дѣлаютъ... Ну, да погоди!.. — Дѣло въ данномъ случаѣ идетъ о свободномъ участкѣ, на который было нѣсколько претендентовъ и который попалъ «Васькѣ»... Десятки такихъ случаевъ разжигаютъ злобу, «подливаютъ масла въ огонь» и достаточно незначительнаго повода, чтобы создался острый конфликтъ. Жеребенокъ, пробѣжавшій по озими, попытка проѣхать «не по своей дорогѣ», или «не по своему мосту», похороны на общественномъ кладбищѣ,—все это ведетъ къ схваткамъ, потомъ начинается сутяжничество и «свои средствія»...

Крестьянская масса видитъ, что прямую выгоду отъ ликвидаціи помѣщичьихъ земель получили: банкъ, помѣщики и богатые люди деревни. Въ Тульской губ. банкъ купилъ земли В. Кн. Николая Николаевича при сельцѣ Травинѣ по 148 р., а крестьянамъ продалъ по 180—200 руб. за десятину; земля Трухачева куплена по 153 руб., а продана по 180—200 р. и т. д. По общему отзыву земля эта не стоитъ и банковскихъ цѣнъ, слѣдовательно — банкъ, дѣлаетъ повышенную оцѣнку, а этимъ вздуваетъ цѣны земель вообще. Помѣщикъ А. В. Афанасьевъ говорилъ мнѣ, что за короткое время цѣна его земли поднялась съ 138 руб. до 165, благодаря конкурренціи банка съ крестьянскими обществами, желающими купить землю.

Малоземельные же крестьяне остались совершенно не при чемъ: надѣлы малы, да и ихъ разорвали вышедшіе «въ собственники»; арендовать негдѣ. Если же и остались небольшія помѣщичьи имѣнія, сдающіяся въ аренду, то арендная плата такова, что съ земли невозможно выручить даже ее. За четыре года операціи банка повысили аренду съ 14 до 27 руб. за десятину, — это второй плюсъ помѣщикамъ отъ землеустройства.

Какъ видно, крестьяне имѣютъ всѣ основанія говорить, что «все это придумано только для богатыхъ»...

IV.

При описанныхъ пріемахъ ликвидаціи земель получились хутора двухъ совершенно противоположныхъ типовъ: бога-

тые, прочные, «на которые любо-дорого посмотрѣть» и нищенскіе, отъ которыхъ приходишь въ ужасъ и «дни которыхъ сочтены».

Землеустройство затрагиваетъ два крыла деревни: богачей, извлекающихъ отъ хуторовъ наибольшую выгоду, и умирающихъ съ голоду бѣдняковъ, которые ищутъ «хоть какого-нибудь исхода». Средній крестьянинъ — какъ общее правило — землеустройствомъ не затронутъ совершенно, а если затронутъ, то отрицательно—ликвидаціей арендуемыхъ имъ земель.

Типы богатыхъ и бѣдныхъ хуторовъ въ каждомъ поселкѣ рѣзко бросаются въ глаза.

Вотъ Петръ Наумовичъ Бочковъ. Красивый бодрый старикъ. Густые, бѣлые, какъ снѣгъ, волосы падаютъ на плечи. Одѣтъ въ чистую казинетовую поддевку, смазные сапоги.

Хозяйство у него прекрасное, земли около 15-ти десятинъ. Скота много:

Лошадей	3
Коровъ	2
Быковъ	2
Овецъ	30
Телятъ	3

Какъ видно, навозу получается много, земля поэтому хорошо удобрена. Урожай до сихъ поръ собираетъ хорошій. Постройки прочныя, красивыя; банку платитъ аккуратно. Знаетъ, что весь долгъ его банку 3345 руб., а ежегодная плата 150 руб. 30 коп. Надѣлъ не укрѣпляетъ, изъ боязни поссориться съ обществомъ. Избу въ деревнѣ не продалъ.

— Кто è знаетъ,—говоритъ онъ,—дѣло съ хуторами этими не сурьезное. Не прочно чувствуется. То на хутора гнали, а то возьмутъ метлу, да всѣхъ и сметутъ...

— Почему вы переселились на хуторъ?

— Тѣсно въ обществѣ-то. Я-то, положимъ, и раньше много земли снималъ, да цѣны одолѣли. Здѣсь сподручнѣе: платить меньше.

— Хорошо, значитъ, живете?

— Не гнѣвимъ Бога—первыми людьми и въ деревнѣ считались!

Осматривая хуторъ, вы повсюду видите признаки зажиточнаго и прочнаго хозяйства: окованныя желѣзомъ телѣги, запасныя сани, изобиліе сельско-хозяйственныхъ орудій. Видно, что человѣкъ засѣлъ крѣпко и боится не того, что не уплатитъ, а что «тамъ могутъ раздумать»; «для бѣдноты какъ будто сдѣлано, а бѣднота осталась не при чемъ—это вѣрно, этого не скроешь—всякъ видитъ! Дойдетъ до верховъ-то и низвергнутъ насъ. А такъ бы жить можно»! Пока у него еще трехполье, но думаетъ «раскинуть семь полей».

— Ѳедору Петровичу Зенину агрономъ устроилъ—хорошо! Погляжу вотъ еще годокъ, какъ у него выйдетъ, а тогда можно и попытать.

«Попытаетъ» и, несомнѣнно, успѣшно.

— Семь разъ отмѣрь, а одинъ отрѣжь. Съ буху-то не всегда хорошо бываетъ... Да... Вотъ, говорятъ, бѣдность, бѣдность, а чуть обмолотили хлѣбъ—на базаръ. По 53 рожь-то отдали, а она, Богъ дастъ, до рубля дойдетъ...

— Въ банкъ людямъ надо платить.

— То-то и есть, что въ банкъ! Какъ не разсчитаютъ тамъ люди! Одной рукой ссуду даютъ, а другой хозяйство разоряютъ. Нѣтъ, я пообожду—овецъ продалъ паръ пять...

Почти рядомъ съ Бочковымъ живетъ Прокофій Прокофьевичъ Соколовъ. Здѣсь вы встрѣчаете картину совершенно противоположную. Живетъ онъ въ землянкѣ семи аршинъ въ длину и шести въ ширину. Треть землянки занимаетъ печь, полъ земляной, съ крыши сыплется земля. Столъ, лавка, кровать для женатаго сына,—вотъ и вся мебель, но она занимаетъ почти все пространство. Семья состоитъ изъ хромого старика 72-хъ лѣтъ, его жены, двухъ сыновей съ женами, дочери-вдовы и шестерыхъ ребятишекъ. Попробуйте втиснуть въ землянку эту массу людей и вы поймете, каково имъ живется!

Старикъ съ гладко зачесанными длинными волосами и длинной бородой раньше служилъ въ помѣщичьей конторѣ. Сыновья—одинъ портной, другой столяръ—работы по спеціальности не имѣютъ: портной живетъ при отцѣ, а столяръ живетъ караульщикомъ въ саду.

Участокъ у нихъ въ $7^1/_2$ десятинъ, и даже въ лучшіе годы прокормиться съ него нельзя.

— Откуда онъ хлѣбъ-то,—сердито говоритъ старикъ,— голодали въ прошломъ году и теперь будемъ. Въ конторѣ хорошо было: 8 руб. получалъ и хлѣба вдоволь. Бывало войдешь въ общую застольную—рай!

— Какъ-же жить-то думаете, Прокофій Прокофьевичъ?

— Какъ хочешь, такъ и живи! Мое мѣсто видите какое— сидѣнье, да леканье,—чужой хлѣбъ ѣмъ... Нынче овесъ вонъ портится, почернѣлъ, цвѣту настоящаго нѣтъ... Съ чего уплатишь? Прошлый годъ на ѣду постройку продалъ, и то не хватило!.. При участкѣ лѣсокъ есть—рубить не велятъ. Срубъ стоитъ— отдѣлать не на что. Пять разъ писалъ, а ссуды не даютъ.

Такъ несвязно и угрюмо жалуется старикъ. Понятнѣе и бойче объясняетъ дѣло его невѣстка. Молодая, красивая женщина съ ребенкомъ на рукахъ подходитъ къ дѣлу прямо.

— Лѣтомъ въ салашѣ жили—день не ѣмши, два дня такъ, а мужиковъ въ острогъ посадили. Были тутъ колодезники и сказали мужикамъ, чтобы работать на колодезяхъ. Мужики работаютъ, а денегъ не даютъ. Пойдутъ просить—имъ говорятъ: вы пьяницы; они говорятъ: куда намъ пьянствовать, когда намъ ѣсть нечего! А сами колодезники, дѣйствительно,— не пролей капли! Мужъ говоритъ мужикамъ: что-же, говоритъ, ребята, вѣдь попьянствуютъ, да и были таковы; надо настоять. Выдай, да выдай деньги, а то работу бросимъ. Мы, говорятъ, день и ночь работали, намъ ѣсть нечего. Не знаю, куда колодезники поѣхали и наговорили на мужиковъ. Взяли всѣхъ въ острогъ и продержали двѣ недѣли. А колодезники у Зениныхъ напили, наѣли на 12 рублей, уѣхали и не заплатили.

— Заверни языкъ-то,—останавливаетъ старикъ.

— Не правда, чтоль? Рабочее время, а мужики сидятъ, мы безъ хлѣба. Тоже намыкались горя-то и конца ему не будетъ.

— А ты зареви!

— А ты, батюшка, не ревѣлъ?.. Законы теперь пошли— жить нельзя! Былъ у насъ, господа, раньше другой участокъ. Оторвало здѣсь мужику ногу на молотилкѣ, онъ умеръ. Жена и продала намъ мужнинъ участокъ—куда, говоритъ, онъ мнѣ теперь. Заплатили мы 150 руб., изъ ничего собрали,

засѣяли овсомъ—израсходовались. А она возьми да снова замужъ выйди. Вотъ согнали насъ и ничего не дали, и овесъ себѣ убрали. Тогда вотъ батюшка-то и плакалъ...

— Ребятишки вотъ еще все болѣютъ, — продолжала невѣстка.—Съ мальчикомъ ѣздила я къ доктору—отъ ноги пахнуть стало; они говорили—такъ, ничего, пройдетъ. Теперь до кости разъѣло, сами сдѣлали лекарство, мажемъ,—не проходитъ. Ходить пересталъ мальчишка-то!

— Я говорилъ тогда фершалу,—вставилъ старикъ:—привить надо! Не сталъ прививать. Я ругалъ, ругалъ его... Болѣзнь такая повальная...

— Какъ-же думаете прожить этотъ годъ?

— Какъ прожить? Ссуды ждемъ. Дадутъ—такъ уплатимъ банкѣ и пропитаемся, а нѣтъ—что хошь, то и дѣлай...

— Какъ прожить, господа, какъ хошь, такъ и живи,—добавляетъ невѣстка,—не было-бы ребятишекъ и горя не было-бы, а теперь прямо голодъ на насъ претъ. Чего здѣсь скрывать-то? Може умремъ, а може и промаемся... Только жисти настоящей нѣтъ и не будетъ.

Я заинтересовался біографіею Прокофія Прокофьевича, и вотъ что я узналъ. Послѣ «крѣпости» онъ, какъ дворовый, земли не получилъ и началъ искать работы. Спеціальностью его была «письменная часть», и послѣ долгихъ поисковъ и скитаній онъ находитъ, наконецъ, конторскую работу. Получаетъ гроши, но за то имѣетъ возможность радовать свою душу «общей застольной». Съ помощью этой застольной онъ воспитываетъ дочь и сыновей. Между тѣмъ, времена начинаютъ измѣняться: на его мѣсто въ контору предлагаютъ свои услуги «люди съ образованіемъ»—недоучки изъ гимназій, духовныхъ семинарій, городскихъ училищъ и много иного голоднаго народа. Старикъ не выдерживаетъ конкуренціи этихъ «молодыхъ» и—остается безъ мѣста. Женатые сыновья, существующіе со своими семьями тоже благодаря кускамъ этой-же «застольной», остаются лишь при заработкѣ, котораго едва-едва хватаетъ «на кашу ребятишкамъ». И вотъ—начинается періодъ голода, нищеты, займовъ и попрошайничества. «Каждый кусокъ въ ту пору—говоритъ старикъ,—поровну дѣлили. Думали—пропадемъ. Глядь, эти участки и

обозначились. Хуже не будетъ—думаемъ. Скопировали задатокъ и перешли сюда».

Здѣсь,—какъ видите,—на участокъ погнала полная безвыходность. Здѣсь нѣтъ даже обычной для дворовыхъ «тяги къ землѣ», желанія хоть какой-нибудь осѣдлости; «хоть какъ-нибудь продовольствоваться нѣкоторое время, а тамъ видно будетъ»,—вотъ мотивъ переселенія на хуторъ. Мотивомъ этимъ руководствуется и вся деревенская бѣднота. Но этотъ мотивъ—«если некуда, то хоть на хутора»—характеренъ.

Приведу разсказъ другого хуторянина.

— Сказалъ мнѣ отецъ,—я самъ съ голоду умираю, иди, какъ хошь, такъ и живи... Что станешь дѣлать? Говорю: давай выдѣлъ!—Вотъ тебѣ лошадь и телѣга.—Запрягъ я лошадь, положили женинъ сундукъ, выѣхали со двора, а куда ѣхать не знаемъ. Плачемъ въ три ручья, а исхода нѣтъ никакого. «Поѣдемъ къ батюшкѣ»,—говоритъ жена. Поѣхали. Ѣдемъ, молчимъ, слезы такъ и катются. Семнадцать верстъ проѣхали—слова другъ другу не сказали. Пріѣхали. Отецъ ейный—старикъ сурьезный: что,—говоритъ, — объѣдать пріѣхали. Мы въ ноги. Ну,—говоритъ,—живите. Стали мы работать, но только дѣла нѣтъ никакого. Силы-то кажется гору своротилъ-бы а земли клинъ, вотъ и сидимъ безъ дѣла. Прямо стыдно ложку въ руки взять. Посовѣтовались ночью съ женой,—надо говорю,—итти въ работники. Она плачетъ, а говоритъ—иди! Такъ мнѣ послѣ этихъ ейныхъ словъ стало горько, хоть въ рѣчку. Думалъ я, признаться, что жена отговаривать станетъ,—какъ-нибудь, молъ, перебьемся, а она прямо: иди! Прожилъ я въ работникахъ одиннадцать лѣтъ! Работы много, а прибытка никакого. Если бы вамъ разсказать про всю мою жисть-то въ работникахъ, такъ прямо бы ахнули. Одно скажу: за одиннадцать лѣтъ и тестю я не помогъ, и женѣ не подавалъ, и самъ едва пропитывался. А тутъ дѣти пошли. Прямо хоть умирай. Вотъ въ это-то, другъ, время и пошли эти хутора. Призываетъ меня тесть: «не цѣлый,—говоритъ—вѣкъ жить тебѣ въ работникахъ; случай подходящій,—бери участокъ». Какъ услышалъ я эти его слова,—вѣришь ли,—слезы такъ и полились. Опять мы съ женой ему въ ноги. Хотъ умремъ, говоримъ, только на своемъ

мѣстѣ. Старикъ онъ хорошій, тоже заплакалъ.—Умирать,—говоритъ,—вамъ нечего, а берите бычка и лошадь. Пошелъ я послѣ этого къ отцу, разсказалъ все ему. Онъ малость поломался.—далъ, говоритъ, я тебѣ лошадь, а ты ее проѣлъ. Я въ слезы. Въ концѣ концовъ далъ двѣ овцы и онъ. Такъ вотъ и сконобожили мы денегъ на задатокъ.

— Ну, а потомъ?

— Взяли участокъ. Пришли мы на этотъ участокъ—прямо ни съ чѣмъ. Прямо надо говорить, ни съ чего начали! Пришли съ женой на участокъ, ребятишки у тестя. Помолились, обошли его кругомъ, сѣли посередкѣ и глядимъ другъ на друга. Нѣтъ ничего, а на душѣ тоски какъ бы нѣтъ вовсе. Она поглядитъ на меня — засмѣется, а я, на ея смѣхъ глядючи, прямо въ хохотъ пускаюсь. А отчего смѣемся — сами не знаемъ. Только скоро одумались. «Ну,—говорю,—надо начинать». Перво на перво снялъ я съ себя сапоги и послалъ ее за котелкомъ, да за ложками. Ушла она, а самъ я тѣмъ временемъ палатку раскинулъ, набралъ щепокъ, палокъ, помету коровьяго, разложилъ костерикъ, — жду! Пришла она; за сапоги,—говоритъ,—лавочникъ далъ рупъ двадцать. Ну и то,—говорю,—слава Богу. Сварили картошки, хлѣба нарѣзали—ѣдимъ, а на душѣ кошки скребутъ... Вотъ съ чего я началъ свой хуторъ. И если есть теперь у меня землянка, да кусокъ хлѣба, то денно и нощно мы Господа за это благодаримъ!..

— Какъ же теперь?

— Теперь, если получу я ссуду, то укрѣпимся мы на этотъ годъ хорошо. А не получу,—смерть неминучая. Потому дождикъ все испортилъ; прокормиться, Богъ дастъ, прокормлюсь, но платежу нѣтъ. Это говорю прямо!

Участокъ этого хуторянина (фамилія его Семеновъ)—6 десятинъ. Семья, правда, небольшая: онъ, жена и двое дѣтей, но все же прокормиться на участкѣ ему очень трудно. Вотъ уже два года онъ сдаетъ по одной десятинѣ за 11 рублей и одну десятину пускаетъ исполу. Въ результатѣ: прошлый, очень урожайный годъ онъ уплатилъ

банку съ помощью тестя, а этотъ годъ всѣ надежды его возложены на ссуду, и если ссуды не будетъ, то онъ самъ признается, что съ участка «полетитъ турманомъ».

Я говорилъ уже, что богатые мѣщане ссуды давнымъ давно получили, а Прокофій Прокофьевичъ, Семеновъ и цѣлый рядъ другихъ нищихъ ссудъ до сихъ поръ почему-то не получили. А между тѣмъ для этихъ людей ссуды — жизнь или смерть, мѣщане же совершаютъ на эти ссуды коммерческіе обороты!..

— Во-о-о-тъ! — говоритъ мнѣ Петръ Васильевичъ, показывая всѣ эти, по его словамъ, «мерзости», — видите вотъ: мужикъ практику получаетъ! Онъ, братъ, видитъ... Хоть общинники хуторянъ и не долюбливаютъ, но хуторяне получаютъ свое просвѣщеніе мозга... Вся эта бѣднота съ нами пойдетъ, не бѣда, что хуторяне. Ужъ вы мнѣ это повѣрьте!..

V.

Съ первыхъ же шаговъ хуторской жизни между богатыми и бѣдными хуторянами рѣзко намѣтилась линія раздѣла. У хуторянъ нѣтъ никакихъ общихъ интересовъ, общихъ задачъ, которые хоть временно объединяли бы ихъ въ стремленіи къ какой-либо обще-хуторской цѣли. Въ общинѣ часто бываютъ случаи, когда она выступаетъ, какъ одинъ человѣкъ. При столкновеніяхъ съ помѣщиками, съ сосѣдними деревнями въ общинѣ объединяются богатые и бѣдные, всѣ дружно отстаиваютъ общіе интересы. У хуторянъ нѣтъ такихъ общихъ интересовъ. Здѣсь каждый за себя; поэтому здѣсь сразу начались конфликты и антагонизмы. Всякій старается урвать что-либо себѣ, не считаясь съ тѣмъ, какъ это урываніе отразится на сосѣдѣ. А такъ какъ урывать можно, главнымъ образомъ, у землеустроителей, то всякій старается забѣжать раньше другого, «заискать» и выслужиться. Вообще процвѣтающая на хуторахъ система подачекъ, наградъ «за хорошее поведеніе», развиваетъ въ хуторянахъ лесть, прислужничество и поддакиваніе. Всякое возраженіе, всякій протестъ ведетъ къ тому, что землеустроитель «обходитъ» грубіяна въ дѣлежѣ того или иного блага. Вотъ, напримѣръ, комиссія «подарила» хуто-

рянамъ описываемой мѣстности нѣсколько десятковъ яблонь. Началась бѣготня, поклоны. Въ концѣ концовъ яблони получили тѣ, за кѣмъ «были заслуги». Въ чемъ выражались эти заслуги—извѣстно лишь землеустроителямъ, но подачка «избраннымъ» вызвала завистливую злобу и рядъ нареканій.

Ефимъ Леонтьевичъ Семинъ разсказываетъ такую исторію.

— Пріѣхалъ ко мнѣ управляющій банковскій, и дернулъ меня нечистый сказать, что прудъ, молъ, у насъ неспособный. А ему это непріятно! Вотъ онъ меня и подсидѣлъ. Какъ пришелъ срокъ—плати! Всѣмъ далъ отсрочку, а мнѣ запретилъ хлѣбъ вѣять. Я просилъ, просилъ милости до 15-го—не моги! Какъ начнетъ кри́кать—мѣста нѣтъ никакого! Пропустилъ я сроки, и оштрафовали на семь рублей. Вотъ какъ съ начальствомъ говорить-то!

Какъ видите, за участокъ берутъ человѣка цѣликомъ, запрещая даже имѣть свои сужденія о «неспособности пруда». Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли быть что-либо плохо у гг. землеустроителей?

У землеустроителей есть среди хуторянъ любимчики, которыхъ «награждаютъ» въ первую очередь, есть «люди на замѣчаніи», которыхъ «не нынѣ—завтра спихнутъ»; есть и шпіоны, подробно докладывающіе, кто и въ чемъ «преступаетъ» землеустроительные законы и наказы. Понятно, что все это ведетъ къ взаимной ненависти, а порой и угрозамъ.

Часто къ этимъ «хуторскимъ» причинамъ взаимной озлобленности присоединяются причины старыя, перешедшія въ наслѣдство отъ общины. Такъ что въ общемъ большинство хуторянъ живетъ другъ съ другомъ «на ножахъ».

Хуторяне Модинъ и Зотовъ постоянно враждуютъ и судятся. Достаточно самаго незначительнаго повода и каждый изъ нихъ бѣжитъ съ жалобой. Тѣ самые «ходатаи», о которыхъ я уже говорилъ, получили отъ нихъ не одинъ десятокъ рублей. Модинъ—дегтярь, человѣкъ зажиточный. На участкѣ у него кирпичныя постройки; скота—пятьдесятъ шесть головъ; есть двѣ вѣялки, молотилка. Вообще—типичный богатый хуторянинъ. Зотовъ живетъ въ ригѣ и строитъ землянку на зиму. Скота у него—одинъ подтелокъ; землю отдаетъ исполу. Однимъ словомъ—типичный бѣднякъ. Ни съ тѣмъ,ни съ другимъ раз-

говаривать мнѣ не пришлось, и исторію ихъ я узналъ отъ Петра Васильевича.

Какъ-то онъ пришелъ ко мнѣ и пригласилъ къ своему другу, Егору Силантьевичу Кидину, у котораго остановился книгоноша. Въ избѣ Кидина собралось порядочно крестьянъ. Разговоръ шелъ о томъ, что жить въ деревнѣ «стало немыслимо», что «во всѣхъ смыслахъ хоть волкомъ вой»: нищихъ расплодилось «тьма тьмущая», воровъ «сила невиданная»; парни «отъ рукъ отбиваются»—пьянствуютъ, безобразничаютъ, воруютъ; почти ежедневно «то сямъ, то тамъ убійство»; что земли поблизости распроданы и снимать приходится за тридцать верстъ; что «правительство только о хуторянахъ и думаетъ» и т. д., и т. д. Вообще, картина деревенской жизни получалась мрачная и безпросвѣтная. Объясняли эти явленія различно: кто близостью «послѣднихъ дней», кто слишкомъ высокимъ жалованьемъ депутатамъ («нѣтъ, кабы заставили ихъ поголодать—они бы по иному заговорили!»); кто отсутвіемъ строгости; самъ хозяинъ, гласный земства, находилъ, что «причина всего—мало училищъ», но соглашался, что и «пороть тоже эдакихъ хулигановъ не мѣшаетъ»... Тема была унылая, но разговоръ шелъ оживленно.

— При эдакихъ порядкахъ обидѣть человѣка—плевое дѣло! А одинокаго, вродѣ какъ я,—пустякъ! Нашъ братъ теперь долженъ ухо держать востро,—говоритъ книгоноша.

— Для нихъ изуродовать человѣка—разлюбезное дѣло!

— Имъ это вродѣ игры...

— Возьми такой случай: прихожу въ Тетеркино, село большое, и народъ, можно сказать, образованный: три училища, городъ близко, двѣ церкви, кажется,—могли бы имѣть понятіе? Прихожу—всѣ вдрызгъ! Престолъ справляютъ. На улицахъ дымъ коромысломъ: крики, пѣсни, гармоньи; кто цѣлуется, кто дерется... Обступили меня: «показывай!» Нечего дѣлать—разложилъ книжки.—Картинками не торгуешь?—Нѣтъ, говорю, теперь нѣтъ.—Начали трепать книжки, передаютъ изъ рукъ въ руки, пачкаютъ. Ну, думаю, теперь имъ не до книжекъ: продашь на два пятака, а растащутъ да перепортятъ на цѣлковый. Началъ укладывать. «Нѣтъ, ты, говорятъ, повремени»! «Завтра», говорю. «Сдѣлай одолженіе—

уважь мужиковъ»! То, другое... Обступили, кричатъ... Вдругъ два парня оттолкнули меня, схватили сумку, да въ толпу: начали книжки раскидывать. Всѣ закричали, загоготали, хватаютъ, рвутъ... Бросился я было за ними, кто-то далъ мнѣ подножку—я въ грязь носомъ... Хохочутъ. Имъ шуточки, а человѣкъ на мѣсяцъ безъ куска...

— Ну, и какъ же ты?

— То есть что?

— Привлекъ ихъ?

— Кого привлекать-то? Судъ да дѣло—собака съѣла; мнѣ съ этимъ возится некогда. На утро собрали мнѣ три рубля—вотъ и все! Досадно, что безъ толку все—и книжекъ-то ни у кого не оказалось: всѣ перервали, замяли въ грязь. На другой день ребятишки изъ грязи выбирали... Вотъ вамъ и образованный народъ!..

Крестьяне посѣтовали на пьяницъ, пожалѣли книгоношу, который говорилъ серьезно, отчетливо. Хозяинъ, къ которому разсказчикъ, главнымъ образомъ, обращался, ничего не возразилъ. Снявъ съ ногъ валенки, онъ потрогалъ подошвы большими пальцами, почему-то покачалъ головой и поставилъ валенки на печку.

Остриженный «подъ ерша», востроглазый парень хихикнулъ, но, увидя строгій взглядъ книгоноши, замолчалъ.

На минуту водворилось общее молчаніе. Хозяйка начала накрывать на столъ.

— Народъ, дядя, у насъ, дѣйствительно, бѣдовый: у насъ въ лѣсу недавно мужика ограбили, два рубля вытащили и сапоги сняли. Деньги,—разсказывалъ потомъ,—Богъ съ ними; три версты, говоритъ, по грязи въ чулкахъ бѣжалъ, до сей поры ногами маюсь.

Этотъ примѣръ «народнаго озорства» привелъ другой парень—Андрейка, деревенскій серцеѣдъ, ухарь и гармонистъ. Въ избу вошло еще нѣсколько крестьянъ «послушать». Хозяйка поставила на столъ чашку съ кислымъ молокомъ и груду лепешекъ.

— Присаживайся,—пригласилъ хозяинъ. Книгоноша помолился и сѣлъ.

— А ты, Петръ Василичъ?

— Нѣтъ, я уже... Спасибо.

— А то закусилъ бы!

— Кушайте на здоровье.

— Откуда будешь? — спросилъ одинъ изъ крестьянъ книгоношу.

— Какъ тебѣ, отецъ, сказать? Ходимъ отъ торговца Сытина, гдѣ день, гдѣ два... А если интересуешься родиной, то я рязанскій...

— А тебѣ, Андрейка,—началъ вдругъ хозяинъ,—о такихъ вещахъ надо помалкивать!

— О какихъ такихъ?

— Да вотъ о мужикѣ-то ограбленномъ.

— Почему это?—вызывающе спросилъ Андрейка.

— Такъ. Помалкивай въ тряпочку, глядишь—оно и лучше будетъ. Вотъ они,—обратился хозяинъ къ книгоношѣ, кивая головой на Андрейку,—они съ тобой говорятъ, а потомъ сами же тебя и оберутъ.

— А ты видалъ?

— Это ужъ дѣло мое.

Андрейка замолчалъ.

— Все это точно бываетъ, но я скажу такъ, что и не озлобиться народу невозможно,—вступился за Андрейку Петръ Васильевичъ,—не все на парня, скажи и за парня.

— Я къ тому это, Петръ Василичъ, что онъ про ограбленнаго въ лѣсу упомянулъ. Извѣстно, вѣдь, чьи это продѣлки.

— А я опять скажу, что народъ накопилъ въ себѣ большую злобу; не на комъ ему горе-то сорвать, вотъ и ѣстъ другъ друга.

— Ѣстъ! Да ты ѣшь-то хоть съ разборомъ. Найди хоть прицѣпку какую ни-на-есть. А то такъ, по волчьи, ни съ того, ни сего, взялъ да съѣлъ. Это хорошо говорить со стороны, а какъ самого начали бы кусать—по иному бы заговорилъ.

— Кусали и меня, Силантичъ; больнѣе блохъ кусали!..

— Кусали, кусали... Пріѣхали къ намъ лѣтомъ,—снова обратился къ книгоношѣ хозяинъ,—два китайца. Какъ и твое же вотъ дѣло, торгуютъ, только не книжками, а ситцемъ. Народъ смирный, очесливый, никому вреда отъ нихъ никакого.

Что же ты думаешь? Вотъ эти кошачьи-то обгрызки сдѣлали имъ удовольствіе: косы поотрѣзали! Намъ-то это хи, хи, хи, да ха, ха, ха, а китайцу коса дороже жизни! Законъ у нихъ такой: безъ косы онъ, къ примѣру, не китаецъ, а такъ себѣ... Свои-то ихъ, безкосыхъ, не принимаютъ. Слезами обливались китайцы-то! А вѣдь такъ, ни за что ихъ изобидѣли...

— Ты, Силантичъ, знаешь Зотова?—прервалъ хозяина Петръ Васильевичъ.

— Это хуторянина что ли?

— Да. Высокій, черный мужикъ. Изъ Чулкова.

— Ну, знаю.

— А знаешь, почему онъ на хуторъ перешелъ?

— Почему?

— А вотъ почему: нагрянули къ нимъ за податями; обыкновенно—у кого есть, отдали, а у кого опись имущества начали. Къ первому, къ нему, къ Зотову отправились за этимъ дѣломъ. Стражники съ понятыми начали вытаскивать изъ избы вещи, а онъ блѣдный, какъ мертвецъ, облокотился на плетень, стоитъ и молчитъ, словно языкъ у него отнялся. Урядникъ его спрашивать начнетъ, а онъ дергаетъ себя за бороду, мотаетъ головой, какъ лошадь, да бормочетъ: «Мое, мое... Вали все въ груду!.. Валяй»! Только отъ него и словъ. Когда все повытаскали, онъ взглянулъ въ окошко, да къ уряднику. Хочетъ засмѣяться, а зубы стучатъ. «Иконы-то что же, говоритъ, не вынесли»? Что-о?—тотъ ему.—«Иконы-то, молъ, забыли, господинъ урядникъ».—Онѣ у тебя въ золотѣ что ли?—«Все равно ужъ... Очищайте все ужъ... За одно ужъ»... «Ужъ» да «ужъ»—только отъ него и словъ!

— Къ чему ты клонишь, Петръ Василичъ, не могу я взять въ толкъ?—спросилъ хозяинъ.

— Дѣйствительно, вродѣ какъ бы не туда поѣхалъ...—замѣтилъ одинъ изъ слушателей...

— Вѣдь цифра эта намъ всѣмъ доподлинно извѣстна...

— Слушайте дальше—оно и видно будетъ. Хорошо! Распоряжаются, значитъ, зотовскимъ имуществомъ, а народъ собрамши стоитъ, да ушами хлопаетъ. Кто вздохнетъ, кто головой махнетъ, а кто руками разведетъ.—Дѣла!—вздохнетъ одинъ.—Такія, братецъ мой, дѣла скажу тебѣ, что ай да ну,

ну!. Ахъ, ты, Господи, твоя воля! Переговариваютъ такъ по-мужицки между собой, а соображенья никакого не дѣлаютъ. На дворѣ тѣмъ временемъ ужъ куръ начали ловить. Въ это время вотъ и подбѣжалъ къ нимъ ихній же мужикъ Илья Кузьмичевъ, человѣкъ умнѣющій, и если бы не пилъ,—первая была бы голова въ деревнѣ. Хорошо! Подбѣгаетъ онъ къ нимъ и первое дѣло вопросъ:

— Не началось еще?

— Что не началось?

— Продавать-то, говорю, не начали еще?

— Нѣтъ, говорятъ,—товаръ пока раскладываютъ. А ты покупать торопился?

— Не только, говоритъ, я не покупать, но и вамъ не совѣтую. Даромъ, говоритъ, не берите. Пусть ихъ себѣ все забираютъ.

Признаюсь, я тоже не могъ понять, какое это имѣетъ отношеніе къ вопросу объ «озорствѣ», но такъ какъ слышалъ уже о Зотовѣ и его сутяжничествѣ съ Модинымъ, то заинтересовался. Кромѣ того я зналъ, что Петръ Васильевичъ любитъ начать издалека, чтобы неожиданно «огорошить» выводомъ; поэтому рѣшилъ, что всѣ подробности о несчастіяхъ Зотова онъ приводитъ не безъ основаній.

— Извѣстно, народъ сразу не уговоришь... Одинъ кричитъ: «покупатели найдутся»!—другой: «не мы, такъ другіе»! Кузьмичевъ на нихъ: «братцы, кричитъ, не берите грѣха на душу. Сегодня, говоритъ, у него, завтра у васъ»! Схватилъ одного богатенькаго за руку, оттащилъ въ сторону, да на колѣни передъ нимъ... «Чего ты ко мнѣ лѣзешь?—кричитъ тотъ,—какой я покупщикъ? Шлею, разѣ, возьму»... «Ни шлею, говоритъ, ничего, ни синь пороха... Кровь, говоритъ, вѣдь это!..» Народъ зашабутился.—«Извѣстно не брать», кричатъ,—«пусть везутъ!—И подводъ не давать!—Гони, робя, лошадей въ лѣсъ»!—Пока они такъ кричали, глядь на дворѣ-то Зотова ужъ и продажа началась. Перво-на-перво почти на рукахъ вынесли трехнедѣльнаго жеребенка. Худенькій, ноги тоненькія. Поставили его на полъ, а онъ трясется, трясется, да бухъ на колѣни! Опять поднимутъ; пока за шею, да за задъ поддерживаютъ—стоитъ. Поставили середь двора. Имъ смѣхъ:

«Вотъ конь—такъ конь! Кому нуженъ конь? Налетайте»! Всѣ молчатъ, переглядываются. Зотовъ почти всю бороду выдралъ себѣ, глядя, какъ добро-то расхищали. Извѣстно, жеребенокъ онъ, може, хуже хорошей кошки, може, онъ и впрямь смѣха достоинъ, да хозяину-то онъ дорогъ! Видитъ Зотовъ, что никто не беретъ, повеселѣлъ малость. Отошло отъ сердца-то. А тѣ навязываютъ:—Ну, что же, говорятъ,—вы? Лошадь добрая, если четыре подпоры, то и стоять можетъ! Чья какая цѣна будетъ этому лихачу. Всѣ молчатъ. *Тѣ* уже сердиться начали.—Вы, говорятъ, не больно форсите,—мы покупателей найдемъ.—Полтинникъ!—раздается вдругъ изъ толпы. Всѣ такъ и ахнули! Глядятъ, анъ дегтярь Модинъ впередъ лѣзетъ. Подошелъ къ жеребенку, осмотрѣлъ, похлопалъ по шеѣ, по брюху—Коли, говоритъ, хорошенько покормить, такъ и впрямь конь будетъ хорошій.—«Что-жъ ты, собака, въ полтинникъ то цѣнишь?—кричитъ Зотовъ,—за жеребенка шутя, шутя пять монетъ надо дать». Тотъ мнется. Такое-де дѣло... Набьютъ-де еще... Ну, рупъ цѣна этому коню!..—Дальше дѣло извѣстно: «рупъ за жеребенка! Кто больше? Рупъ—разъ, рупъ—два, рупъ—три... Твой жеребенокъ, заверни, братъ, его въ пеленки и неси домой»!.. Нужно сказать, что эту часть разсказа всѣ прослушали съ большимъ вниманіемъ. Даже хозяинъ, который вначалѣ усмѣхался и пожималъ плечами, какъ бы удивляясь, къ чему человѣкъ несетъ всю эту канитель,—даже онъ подъ конецъ заинтересовался. Книгоноша, который тѣмъ временемъ кончилъ ѣсть и теперь пришивалъ ремень къ сумкѣ, изрѣдка покачивалъ головой и произносилъ: «ай, ай, ай... дѣйствительно! ишь ты змѣй»!.. Оживленнѣе всѣхъ слушалъ Андрейка.

Когда шла рѣчь о покупкѣ жеребенка, парень не выдержалъ:

— Я бы такую ехидну... Я бы не потерпѣлъ!..

На что хозяинъ замѣтилъ:

— Ну, да ты, конечно... Про тебя всѣ четыре говорили...

— Купилъ дегтярь жеребенка,—продолжалъ Петръ Васильевичъ,—словно плотину прорвало: полѣзли одинъ за другимъ. Зотовъ совсѣмъ осѣлъ. Жена и ребятишки ревутъ, съ жеребенкомъ прощаются, цѣлуютъ его. А Модинъ опять къ

вещамъ. Выбралъ двухъ циплаковъ, взялъ въ руки по одному, похлопываетъ ими, какъ рукавицами.—Сколько за циплаковъ-то?—спрашиваетъ. Тѣ, извѣстно, просятъ свою цѣну назначить. — Пятиалтынный, — говоритъ. — Ну, кто больше? Нѣтъ? Твои циплаки. Зажарить бы одного надо.—Въ какой нибудь часъ раскупили всѣ вещи. Начальство уѣхало, а мужики около Ивана Кузьмича собрались. А Иванъ-то Кузьмичъ сидитъ на бревнѣ, да горько, горько плачетъ. Кто утѣшаетъ его, кто покупателей ругаетъ, однимъ словомъ, идетъ разговоръ. И то, надо сказать, иной и не купилъ-то ничего, потому что не на что. Самъ Иванъ Кузьмичъ говорилъ мнѣ, что и такіе разговоры были:—Ни за что, молъ, пошли вещи! Вотъ кабы деньги—хомутъ совсѣмъ почти новый!—Передо̀къ вотъ тоже... У меня никудышный передо́къ-то...—Извѣстно, народъ только что говоритъ, а въ душѣ многіе и завидовали... Есть, только, въ Чулковѣ кузнецъ Кондратій, высокій такой, всегда молчитъ, ходитъ сгорбившись; силищу ему Господь далъ, что медвѣдю; подкову сломать ему все равно, что два раза плюнуть. Такъ вотъ этотъ кузнецъ подошелъ вечеромъ къ дому дегтяря и стучитъ въ окно.—Кто тамъ?—Выдь-ка, Яковъ, на минутку.—Это ты, Кондратій? Сейчасъ выду.—Какъ вышелъ Модинъ-то, кузнецъ со всего размаха какъ шаркнетъ его по рожѣ. Тотъ кубаремъ!..

— Молодецъ! Это по моему!—не утерпѣлъ Андрейка.

— И стоитъ...—раздался одобрительный гулъ.

Довольный Петръ Васильевичъ продолжалъ:

— Это ты за что? — спрашиваетъ Модинъ.—За что почтешь?—и ушелъ. А ночью парни выбили у Модина окошки... И гумно у него вскорѣ сгорѣло... Теперь я спрошу тебя, Силантичъ, кто тутъ виноватъ: тѣ, что Зотова грабили, парни, или Модинъ?

Закончивъ этимъ вопросомъ свой разсказъ, Петръ Васильевичъ, выпилъ квасу и—готовый къ схваткѣ,—посмотрѣлъ на хозяина.

— Во-о-отъ ты къ чему велъ...

— Къ этому самому. Къ тому и пришелъ, съ чего началъ: «не все на парня, скажи и за парня!» Въ Чулковѣ тоже нашлись такіе: «галашничество, молъ, хулиганство!» Куз-

нецъ-то вотъ и не молодой человѣкъ, да не выдержалъ! А въ парнѣ кровь горячая...

— По моему еще мало ему,—замѣтилъ Андрейка.

— Не въ ту сторону загнулъ ты, Петръ Васильичъ: мы про Фому, а ты про Ерему. Мы про баловство говорили... Примѣрно, китайцы, аль вотъ человѣкъ про себя случай разсказалъ... А ты... Это совсѣмъ другое.

— Озорства много,—вставилъ книгоноша.

— Разорили Зотова, ограбили и—за щеку! Что хочешь, то и дѣлай. Началъ онъ послѣ этого пить, такъ закрутилъ, что спустилъ все, что осталось отъ расхищенія.

— Здѣсь запьешь!—сказалъ одинъ изъ крестьянъ, какъ видно прекрасно понимающій Зотова.

— Какъ еще загуляешь-то... Оно скребетъ, залить хочется,—добавилъ другой.

— Какъ пошли хутора-то, онъ и записался. Землю продалъ, избу продалъ—живетъ теперь въ рыгѣ, да и оттель не нынѣ-завтра турнутъ... Разорить человѣка очень не трудно, а подняться...

— Модинъ тоже два участка взялъ.

— Какъ-же? Нашъ пострѣлъ—вездѣ поспѣлъ!

— Говорятъ: «чужое добро въ прокъ нейдетъ», а вотъ вѣдь шибко живетъ мужикъ!..

— Живетъ до время...

— Вотъ у насъ тоже былъ случай...

Одинъ за другимъ, крестьяне разсказали десятокъ случаевъ, одинъ другого возмутительнѣе, одинъ другого невѣроятнѣе. Въ каждомъ изъ нихъ люди гибли жертвами «новыхъ вѣяній», которыхъ не могли усвоить и понять. Старикъ, продавшій землю въ разсчетѣ на то, что «все равно у нихъ отберутъ», а потомъ понявшій ошибочность этого разсчета и повѣсившійся; парень, убивающій отца за то, что въ отсутствіе парня отецъ продалъ домъ и землю и перешелъ къ «полюбовницѣ»; мужикъ, посаженный въ тюрьму за то, что продалъ участокъ тремъ покупателямъ по очереди; разореніе изъ-за тюрьмы, тюрьма изъ-за «забастовочки», «забастовочка» изъ за выдѣла въ собственники... и т. д. и т. д. Чаще всего повторялись фразы—«вышелъ въ нищіе», «какъ пошли эти

хутора», «продалъ онъ участокъ»... Вездѣ оказывалось, что «чужое добро шло въ прокъ», что пословица эта потеряла свое значеніе и что въ силѣ иныя пословицы: «отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ» и «на кого Богъ, на того и добрые люди». Выяснилось еще, что разсказъ Петра Васильевича бросилъ нѣкоторый свѣтъ на «темныя» стороны деревенской жизни, что всякое почти «безобразіе» въ видѣ убійства, грабежа, поджога имѣло въ основаніи конфликтъ на почвѣ продажи земли, выдѣла, разоренія, доноса; что парни не всегда «съ жиру бѣсятся», а часто бунтуютъ отъ духовной и умственной голодовки, часто протестуютъ. Другое дѣло—хороши, иль нѣтъ ихъ элементарныя формы протеста, но самый фактъ учащенія этихъ протестовъ ярче всего говоритъ за необходимость коренного переустройства деревни... Такъ что—какъ ни странно—въ концѣ концевъ договорились до того, что находили «отрадныя» стороны во многихъ «темныхъ явленіяхъ». Словъ нѣтъ—многія явленія печальны, но побужденія къ нимъ часто самыя прекрасныя.

— Нѣтъ, други!—кричалъ Петръ Васильевичъ,—народъ становится умнѣе! Терпѣть перестаетъ, и многимъ это не по вкусу! Подождите, какъ станетъ во весь ростъ-то, такъ... о-го-го!..

— А всетаки и лишняго озорства много,—настаивалъ хозяинъ,—чѣмъ виноваты китайцы?

VI.

Въ Тульской губерніи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, минувшимъ лѣтомъ производилось статистическое изслѣдованіе «единоличныхъ хозяйствъ». Статистики приходили къ единогласному выводу, что картина получается очень мрачная, и что представить имъ придется далеко не тѣ свѣдѣнія, какихъ отъ нихъ желаютъ получить. Приведу картину опроса хуторянъ статистиками, наиболѣе типичную изъ тѣхъ, которыя мнѣ пришлось видѣть.

Большая крестьянская изба раздѣлена на двѣ части: въ передней за столомъ сидятъ статистики, вызываютъ хуторянъ

и опрашиваютъ. Въ задней—десятка два хуторянъ ждутъ очереди, сидятъ на лавкахъ, на полу; разговариваютъ шепотомъ.

— Чепеленковъ!—вызываетъ статистикъ.

Подходитъ высокій, худой мужикъ, безъ усовъ, безъ бороды; русые лохматые волосы; одѣтъ въ вышитую рубашку, пиджакъ; въ рукахъ держитъ картузъ съ зеленымъ околышемъ. Говоритъ отрывисто, съ лица не сходитъ виноватая улыбка.

— Сколько земли у тебя на хуторѣ?

— Надо быть, на двухъ-то участкахъ 19 десятинъ.

— Когда переселился?

— Прошлаго года къ пахотѣ.

— Надѣлы гдѣ?

— Продалъ за годъ до высела, за 300 рублей.

— Ссуду получилъ?

— Сто рублей получили; съ 14-го года, значитъ, пойдетъ платежъ.

— Другихъ долговъ нѣтъ у тебя?

— Какъ не быть: тотъ годъ весь хлѣбъ продалъ для банка; пришлось занять 75 пудовъ у купца Конькова, а платить чтобы деньгами по семи гривенъ пудъ.

— Всю землю самъ обрабатываешь, или часть сдаешь?

— Три десятины общественникамъ сдаю, по 13 рублей за десятину.

— Почему дешево? помѣщичьи земли вѣдь идутъ по 24 рубля?

— Не даютъ больше, то-то нужда-то наша!

— Что сѣялъ этотъ годъ?

— Ржи три десятины; овса—четыре: картошки—одну; проса—осьминникъ; гороху—осьминникъ; гречихи полнивы.

— Навозъ возилъ?

— Нѣтъ; гдѣ его возьмешь навозу-то? Одна лошадь, да и та на привязи; покосу нѣтъ, лѣсу нѣтъ—ходитъ по пару, да по жнивѣ...

— Садъ, огородъ есть у тебя?

— Какіе у насъ сады!.. Ничего нѣтъ.

— Теперь скажи: какія у тебя постройки и сколько стоятъ?

— Изба безъ сѣней, крыша соломенная, стоила сто рублей; рыга, скажемъ, 15 рублей; привезъ изъ деревни.

— Игнатъ! Дороже цѣни, сгонятъ!—кричатъ изъ второй половины.

Тише тамъ! Еще что у тебя есть?

— Соха, борона деревянная, телѣга, сани, хомутъ. Все изъ деревни, здѣсь ничего не нажилъ.

— Этотъ годъ прокормишься?

— Гдѣ же, баринъ, прокормиться, когда я все до зерна продалъ! Овесъ продалъ 48 коп., рожь—50,—а Конькову надо платить по 70, вонъ какое дѣло-то! А здѣсь аренды 114 рублей!..

— Какъ же думаешь жить-то?

— На васъ; ваше благородіе, одна надежда... Овецъ по три рубля продалъ, все въ эту прорву ушло, въ банкъ!

— Заработки есть какіе-нибудь?

— Какіе у насъ заработки? Одну жену съ ребятишками зимнее время не бросишь, вѣдь у меня ближе шести верстъ человѣка нѣтъ. Одинъ, какъ пень...

— Колодезь есть?

— Колодезь у насъ, баринъ, хорошій!—съ довольной улыбкой тянетъ хуторянинъ.

— Землеустроители выкопали?

— Да, какъ же... Колодезь—не жалуемся...

— Когда его выкопали?

— Я то не помню. Говорятъ, что лѣтъ тридцатъ.

— Когда?!

— При баринѣ Вяльцовѣ еще, баринъ такой былъ... Мы его ужъ не застали...

У другого стола опрашиваютъ Ефима Леонтьевича Семина, о которомъ я уже упоминалъ, говоря, какъ опасно заявлять о «неспособности пруда».

Это—молодой рыжій мужикъ; въ зимнемъ полушубкѣ, грязныхъ лаптяхъ. Говоритъ оживленно.

У него четыре сына, старшій женатъ, младшему—7 лѣтъ. Участокъ въ 16 десятинъ. Было посѣяно:

Ржи . . . . . 5 десятинъ
Овса . . . . . 5 »

Картошки . . . . полнивы
Проса . . . . . осьмина.

Землю не навозитъ. «Навозу нѣтъ; солому не паримъ—продалъ всю»!.. Надѣлъ сдалъ на 4 года за 40 руб., повинности платитъ арендаторъ.

— Не продалъ. Лѣтось было дѣло, нарывался одинъ,—нѣтъ, утерпѣлъ! Не стоитъ изъ-за него колупаться—точно, да и денегъ недостатокъ, а все таки въ арендѣ 4 года пройдутъ, опять моя земля.

Зиму думаетъ жить въ деревнѣ: «хату поставилъ, да не отдѣлалъ; не миновать зимовать здѣсь»!

Хлѣбъ весь продалъ, оставивъ лишь «себѣ на пропитаніе». И цѣны и ссыпка дурная!.. Надо мной смѣются—рано продалъ; это вотъ за погодкой, а то бы давно всѣ его сбыли для завѣдующаго. Дай лишь проведрится,—такъ ой, ой какъ попрутъ.

— Сколько стоитъ твой участокъ?

— Да нешто я знаю!

— А если взыщутъ тысячъ пять?

— Съ начальствомъ что подѣлаешь? Меня вонъ управляющій-то за что оштраховалъ?—Дальше приводится переданный уже разсказъ о «неспособномъ прудѣ».

— Огородъ, садъ есть?

— Когда тутъ заниматься-то этимъ? И такъ голова кругомъ! Ахъ ты, Господи Боже мой,—развѣ обзаведешься?! Картошки тоже почему мало сѣялъ, управляющій спрашиваетъ. Картошкѣ не дешева цѣна—ей надо 12 мѣръ на десятину. Дали бы окопироваться и картошку посадимъ!

— Слушайтесь начальства, а то хуторъ отберутъ—шутитъ статистикъ.

— Да мы бы и счастливы были, кабы не было-то ихъ! Они намъ голову вскружили! Какая намъ отъ нихъ польза? У меня два парня въ Питерѣ жили, по 150 руб. въ годъ подавали, а теперь вызвалъ ихъ сюда на работу. Ну и сидимъ, да ждемъ милости банка. Помилуетъ—выдюжимъ, нѣтъ...—Онъ протягиваетъ руку, показывая, какъ просятъ милостыню.

— На кого сдѣланы данныя?—спрашиваетъ статистикъ.

— Все на себя. Очень легко, почета не будетъ. Онъ тѣ—сынъ-отъ—такъ шагнетъ, что... Полнивы не дастъ... Все на себя! Запишите, ваше благородіе, что управляющій-то оштраховалъ,—я хотѣлъ на съѣздъ подать, да боюсь, какъ бы тамъ еще больше не наложили!..

Приведу еще нѣсколько наиболѣе интересныхъ показаній.

Тихонъ Гриненковъ, сѣдой, бородка обдергана, глаза впалые, лицо въ морщинахъ. Одѣтъ въ рваный ярмякъ и лапти.

— Проѣли деньги всѣ. Нечѣмъ платить, милости прошу.

— Да не мое это дѣло,—волнуется статистикъ,—въ контору вызовутъ за деньгами.

— Съ деревней своей—шабашъ теперь, ничего нѣтъ, куды я дѣнусь?

— Скажи лучше, почему ты перешелъ на хуторъ?

— Всѣ участки наши врозь и никакой общинности нѣтъ; у меня братъ самъ-четвертъ; у дяди семьи семь человѣкъ, да насъ восемь... Вотъ какое многолюдство! А земля тамъ никудышная; вотъ и перешли. Теперь взять негдѣ — хлѣбъ проросъ... Оттяжку надо!

Дворовый Игнатъ Дорофеевъ, шорникъ. Человѣкъ веселый, неунывающій. На положеніе свое смотритъ съ юмористической точки зрѣнія.

— Почему перешелъ на хуторъ?

— Общество заѣло! Вѣдь насъ, дворовыхъ, они прямо грызутъ, что волки. Заведешь коровенку—плати имъ за выгонъ; платить — платишь, а всякій оретъ: «Ишь навелъ табунъ-то! Ишь распустилъ»! Особенно эти горлопаны-то! — Передразнивалъ онъ горлопановъ довольно удачно, произнося слова въ носъ. Хуторяне хохотали.

— И здѣсь не то, чтобы рай... Вода замучила — разъ! Банкъ замучилъ — два! Никогда я безъ бѣлаго хлѣба въ праздникъ не бывалъ, а сегодня сѣлъ за столъ съ чернымъ— инда заплакалъ!..

— Не боишься, что сгонятъ?

— Мнѣ бояться нечего: наше дѣло мастеровое. Взялъ дратву, да шило, сѣлъ за работу и пошло дѣло: «сію ми-

нуту-съ! сію минуту-съ!» Глядь-къ вечеру и полтина. Жалко одного — не досталъ образованія! — Говоря это, Дорофеевъ жестикулировалъ и показывалъ, какъ начнетъ дѣйствовать шиломъ и дратвой, чѣмъ опять возбудилъ смѣхъ. Веселый человѣкъ, а положеніе его не изъ завидныхъ: изъ опроса выяснилось, что «этотъ годъ не протянетъ».

— Эхъ, ужъ и закручу я, коли сгонютъ, ваше благородіе!..

— Мастеровой гдѣ не пьетъ,—замѣчаетъ кто-то изъ крестьянъ.

— Да, ужъ! Попыталъ, не вывезетъ—въ галахи! Такова судьба видно!..

Степановъ — низенькій, щупленькій; лицо красное; одѣтъ въ рваную австрійскую куртку со свѣтлыми пуговицами; изъ одной полы куртки вырванъ значительный квадратъ.

— Земля въ обществѣ клиньями; къ одному мѣсту, ваше благородіе, общество не позволитъ; потому она, земля-то, у дворовъ у насъ унавожена, а дальше нѣтъ.

— Вырѣжутъ!

— Хорошо бы тогда знать, а то голодалъ, голодалъ и— продалъ. А какъ продалъ — совсѣмъ сталъ несчастнымъ. Ну, и перешелъ на хуторъ.

— Что у тебя есть теперь?

— Плужокъ дали, какъ же! Эмильлипгартовскій...

— А еще что?

— Пока его только и высидѣлъ. Нужда! Того мало, того не хватаетъ! Спасибо, подъ вексель далъ сосѣдъ, а то бы и сгибнулъ...

— Подъ процентъ далъ?

— Нѣтъ, ради уваженія... Ну поработали ему недѣли двѣ...

— Скотъ есть?

— Всей скотины у меня, ваше благородіе, поросенокъ, да лошадь. Была корова, да продалъ—30 рублей не хватало банку.

— Урожай хорошій?

— Нѣтъ, никудышный. Хлѣбъ тоже никудышный... Въ обществѣ, ваше благородіе, мнѣ усадьбу не даютъ. Оно, общество-то, что хочетъ, то и дѣлаетъ: съ нимъ разговоры коротки!..

Я беру наиболѣе интересныя мѣста изъ показаній крестьянъ, потому что общія условія у нихъ, приблизительно, одинаковы. Изъ богатыхъ на этотъ разъ былъ опрошенъ одинъ Бочковъ, о которомъ я уже говорилъ. Черезъ нѣсколько дней въ числѣ десятка бѣдняковъ нашелся еще Ереминъ, у котораго хуторъ «процвѣтаетъ», который во всякомъ случаѣ жалуется меньше другихъ.

Ереминъ говоритъ горячась; руки то держитъ въ карманѣ, то опирается ими на стулъ; довольно молодъ, крѣпокъ. Изъ его опроса выяснилось, что живетъ онъ хорошо, но хуторской жизни вообще не хвалитъ. Участокъ его—15 десятинъ; плата общая 2990 руб.; въ годъ 127 руб. 20 коп. На участкѣ—домъ, постройки и рига («на четырехъ парахъ — хорошая рыга!!») Скота:

Лошадей: двѣ по	40	руб.
Двѣ молодыя »	35	»
Корова	55	»
Телка	15	»
Овецъ («нынѣшній годъ онѣ всѣ перекотились») 16 по . .	4	»
Свиней («пуда по полтора») 3 по	8	»

Инвентарь: плужокъ двухлемешный («лѣтомъ купилъ!»); борона, дробачъ («дробачъ у меня форменный!»), борона съ желѣзными зубьями и вѣялка. Телѣги двѣ новыя, сани, два хомута («по пятерику смѣло цѣни!»), пахотныхъ 3 хомута. И т. д.

Для уплаты банку продалъ:

Ржи 100 пудовъ	по	— 53	коп.
Овса 35 четвертей . . .	»	3 р —	»
Картошки 100 пудовъ .	»	— 13	»
Соломы на		6 р. —	»

— Хлѣбомъ платилъ аренду, тотчасъ же выложилъ. Вотъ такъ, оправдаешь годъ и—слава Богу!

— Осталось самому на зиму?

— Голодать не буду. Вѣдь у меня сынъ въ Царскомъ Селѣ работаетъ.

— Много высылаетъ?

— Рублей 75 въ годъ подаетъ. Тамъ тоже они знаютъ, какъ ихъ расходовать-то!

— Почему ты перешелъ на хуторъ?

— Снималъ я раньше землю въ Воскресенскѣ, а теперь, вишь, она отошла банку. Вотъ и приходится бѣжать, гдѣ попросторнѣе. Тѣсно въ деревнѣ-то!

— Много раньше снималъ?

— Рублей на 200—300 въ годъ.

— Лучше здѣсь жить, чѣмъ въ общинѣ?

— Просторнѣе. А вообще не поймешь: голда, колгота, а прибыли особой нѣтъ. Такъ думаю, что даже при среднемъ урожаѣ—трудно что-либо отложить.

— Землю навозишь?

— Вывезъ 20 возовъ... По малости навозимъ!..

Выходя послѣ опросовъ немного вздохнуть, мы со статистиками уже на улицѣ были окружены хуторянами.

— Помощи надо безпремѣнно!..

— Прошенье пишите въ комиссію.

— Безъ помощи, господа, не обойдешься... Трудно! Вотъ и дѣдушка скажетъ!

— Мнѣ 77 лѣтъ, батюшки,—подошелъ къ намъ старикъ,—я прошеньевъ этихъ написалъ—числа нѣтъ: и въ окружный судъ, и въ съѣздъ писалъ—нигдѣ нѣтъ толку! Только на высочайшее имя Господь не привелъ. Я старшиной былъ; по милости Божьей отъ министра двѣ благодарности получилъ...

— Да ничего мы не можемъ сдѣлать! Толкомъ вѣдь вамъ говорятъ!..Наше дѣло переписать васъ и—все!

Хуторяне недовѣрчиво посмотрѣли на насъ и начали лѣниво расходиться...

VII.

— Вонъ, они, лизоблюды-то пошли!—говорятъ общественники, показывая на проходящихъ хуторянъ,—имъ, братъ, хорошо—имъ и Дума, и комиссіи всякія, все для нихъ... Они съ голоду не помрутъ!..

— И хорошо, ей Богу, этимъ общественникамъ!—разсуждаютъ хуторяне...—Придутъ за податями—далъ трешку и повременятъ; голодъ—земство поможетъ, а здѣсь все аккуратно въ срокъ подай. Не заплати и полетишь!..

Но «хорошаго» мало, какъ у общественниковъ, такъ и у хуторянъ. Да хуторяне и сами знаютъ, что «трешка» не всегда спасаетъ, примѣръ Зотова на лицо. Но таковы ужъ люди: находясь въ одинаково-тяжелыхъ условіяхъ, они всегда стараются отыскать преимущества въ положеніи другихъ. Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ, но крестьянъ Тульской губерніи этотъ годъ наградилъ лишеніями и голодомъ: хуторяне многіе полетятъ съ хуторовъ «турманомъ», а многіе изъ общественниковъ превратятся въ кандидатовъ на хутора. Ежедневно бѣдняки продаютъ земли, проѣдаютъ деньги; зимой же ожидается повальная продажа и разореніе. И все это надѣлалъ несвоевременный дождь! Выпади онъ въ другое время—сколько радости и счастья принесъ бы онъ людямъ!.. А теперь крестьяне ходятъ, безнадежно опустивъ голову. «Раззоръ! Что тутъ дѣлать? А? Не иначе, какъ въ Сибирь, либо на хуторъ придется подаваться»!..

Получается порой странный круговоротъ: голодъ заставляетъ мужика продать общинную землю, онъ продаетъ, бѣжитъ въ городъ на заработки: въ городѣ находитъ тотъ же голодъ, ту же, если не бо́льшую нищету, тогда онъ «подается» на хуторъ. Черезъ годъ его сгонятъ съ хутора, онъ бѣжитъ снова въ городъ, затѣмъ снова къ землѣ, куда-нибудь въ другую губернію или Сибирь и т. д. Мнѣ приходилось много встрѣчать такихъ «постоянныхъ кочевниковъ», и въ другой разъ я остановлюсь на этомъ явленіи русской жизни подробно. Не всѣ, конечно, попавшіе въ городъ, возвращаются снова къ землѣ: кое-кто находитъ мѣсто, кое-кто наполняетъ ночлежки, питается Христовымъ именемъ, а въ минуты безвыходности крадетъ и грабитъ.

— Ну, укажите! Дайте хоть какой выходъ! Что дѣлать-то?! Нельзя же такъ! Что же это?—Такія фразы приходится въ деревнѣ слышать то и дѣло Никто, конечно, не можетъ указать «выхода» и научить, «что дѣлать». Мужикъ «своимъ умомъ» доходитъ до того или иного рѣшенія.

Иногда «оттягиваетъ гибель», но чаще «гибнетъ». Даже такіе люди, какъ Петръ Васильевичъ, на всякой мелочи констатирующіе «просвѣщеніе мужика», и они становятся въ тупикъ передъ сложными вопросами и твердятъ одно: «соображать надо»!

— Соображать-то, соображать, но и ѣсть тоже охота... Пока соображаешь, анъ ноги и протянулъ.

— Ну, думай...

— То то и дѣло, милый другъ, надо думать. Все, какъ будто, ясно, а ничего не понимаешь?.. Запутали они насъ хуторами, да отрубами... Разобрать ничего нельзя!

И вотъ эта «невозможность разобраться», это отсутствіе перспективъ, «уголъ»—злоба дня современной деревни... Какъ крестьянинъ разберется во всѣхъ вопросахъ деревенской жизни, какъ рѣшитъ ихъ—не знаю. Съ мучительнымъ напряженіемъ мужикъ старается «осилить», «преодолѣть» путаницу, бросается на хутора, въ собственники—иногда устраивается, а чаще, запутывается» еще больше. Нѣкоторые кончаютъ самоубійствомъ. И это характерно, потому что десятъ лѣтъ тому назадъ самоубійство въ деревнѣ было исключительнымъ явленіемъ...

1911 г.

БУДНИ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ.

I.

Въ морозный ноябрьскій вечеръ я сидѣлъ въ крестьянской избѣ и подводилъ «итоги дня». Наблюденія за день были очень скудны: драка собственника съ общественникомъ, буйство пьянаго «бывшаго революціонера» Ивана Бондаря и похороны церковнаго старосты. Наиболѣе «интересное» изъ этихъ наблюденій—«буйство Бондаря». Сначала онъ плакалъ и полнымъ голосомъ пѣлъ запрещенныя, по его мнѣнію, пѣсни (я находилъ эти пѣсни вполнѣ дозволенными); затѣмъ началъ бѣгать за ребятишками. Поймаетъ какого-нибудь трехлѣтняго мальчугана и—несмотря на отчаянный визгъ послѣдняго—начинаетъ «приставать».

— Семка, кто я? Скажи?! хулиганъ?!

Мальчонка продолжаетъ неистово ревѣть. Бондарь вынимаетъ конфетку и, тыкая ею въ носъ ребенку, твердитъ:

— Ну, хулиганъ я или нѣтъ? Говори же... Ну?!.

Увидя лакомую вещь, мальчишка замолкаетъ, третъ кулаченками глаза.

— Ну, кто же я?..

— Кулика-а-анъ.

— Вотъ молодецъ! Вѣрно! Хулиганъ я и есть. Обрѣзаны крылья у соколика... Эхъ!..

— Будя, Иванъ! Домой пора, — унимали мужики. Но Иванъ продолжалъ допросъ ребятишекъ о своемъ хулиганствѣ до тѣхъ поръ, пока—раззадоренные конфетками—они отъ обороны не перешли къ нападенію. Бѣгая и вертясь около Бондаря, они начали хохотать и кричать...

— Хулиганъ!.. Хулиганъ!.. Хулиганъ!

А одинъ, прыгая на одной ножкѣ, припѣвалъ: «Иванъ-хулиганъ, Иванъ-хулиганъ!» Увидя плоды своей науки, Иванъ разсвирѣпѣлъ, поймалъ «сочинителя» и больно отшлепалъ его; потомъ началъ гоняться за другими ребятишками, уже далеко не съ мирными цѣлями.

— Кто? Я—хулиганъ?! Да какъ вы могли допустить это въ свою голову?! Я?! Ахъ, вы...

Здѣсь уже «въ серьезъ» вступились взрослые, и, послѣ непродолжительной схватки, Ивана заперли въ амбаръ, гдѣ онъ тотчасъ и заснулъ...

Это деревенское «событіе», повторяю, было наиболѣе интересно; оно заслоняло и «дѣловую драку» собственника съ общественникомъ, и похороны старосты «съ выносомъ». Пока я разбирался въ этихъ «событіяхъ», хозяйка принялась соломой топить «галанку»; дымъ свободно проходилъ ко мнѣ въ щели тесовой перегородки, и я намѣревался было сбѣжать къ сосѣду, какъ въ комнату вошелъ пожилой крестьянинъ.

— Дѣльце вотъ одно: не знаю, какъ тутъ и быть!..

Въ настоящее время проѣзжему человѣку жить въ деревнѣ нѣтъ никакой возможности: во-первыхъ, съ перваго же дня пріѣзда на васъ обращаютъ вниманіе власти и тщательно слѣдятъ за каждымъ вашимъ шагомъ, часто дѣлая непрошенные визиты; во-вторыхъ, крестьяне осаждаютъ васъ тысячами вопросовъ, созданныхъ землеустройствомъ. Если вы категорически оттолкнете крестьянъ, они не менѣе категорично оттолкнутъ васъ, и жизнь въ деревнѣ потеряетъ всякій интересъ: если вы согласитесь оказывать имъ мелкія услуги и давать посильные совѣты,—у васъ не будетъ отбою отъ просителей, и полиція скоро вышлетъ васъ за вредную дѣятельность. Я избралъ второй исходъ и, конечно, довольно скоро былъ высланъ.

— Что за дѣльце?—спросилъ я мужика.

— А вотъ, прочитайте.

На бумагѣ, которую онъ мнѣ подалъ, я прочелъ слѣдующее:

Копія съ рѣшенія Силинскаго Волостного Суда.

«По жалобной книгѣ № 161. 1910 г. августа 23-го дня

крест. с. Силина Ст. Гавр. Юхинъ принесъ жалобу, что онъ и Молчинъ купили въ Тульскомъ отдѣленіи Крестьянск. Поземельн. Банка участокъ земли пополамъ, теперь Молчинъ не даетъ ему, Юхину, получить его половину». Слѣдуютъ подписи предсѣдателя суда и дѣлопроизводителя Головина. Затѣмъ слѣдуетъ «протоколъ засѣданія»:

«Юхинъ изложилъ жалобу. Молчинъ подтвердилъ жалобу, заявивъ, что онъ не даетъ земли потому, что Юхинъ ничего не платитъ. Свидѣтели не спрошены. Рѣшеніе по книгѣ рѣшеній № 138: 1910 г. октября 30-го дня Силинскій Волостной Судъ нашелъ: 1) что жалоба Юхина вполнѣ основательна; 2) изъ договора 9 ноября 1908 г. видно, что тяжущіеся съ общаго согласія купили участокъ № 38, задатокъ дали 100 руб. 50 коп.; изъ нихъ Молчинъ получилъ отъ Юхина 50 руб. 25 коп., то ясно сказано, что отвѣтчикъ Молчинъ купилъ участокъ земли № 38 не на свои одни средства, а съ помощью просителя Юхина; 3) отвѣтчикъ Молчинъ самъ обязался обрабатывать участокъ съ кр. Юхинымъ по равной части и всѣ платежи Банку и проценты платить пополамъ и отвѣтчикъ Молчинъ обязался какъ просителю, такъ и его наслѣдникамъ въ пользованіи участка никогда не отказывать, но въ договорѣ не сказано того, какъ объяснилъ отвѣтчикъ Молчинъ, что онъ не допуститъ до пользованія просителя Юхина участкомъ потому, что онъ не платитъ никакихъ платежей, а если бы было это сказано въ договорѣ, тогда другое дѣло было бы. На основаніи документа тяжущіеся не должны отбивать другъ у друга участки земли. А потому на основаніи изложеннаго и руководствуясь 125 и 145 ст. Об. Пол. о Кр., изд. 1902 г.—Рѣшено: предоставить право просителю Юхину пользоваться половиной участка земли съ отвѣтчикомъ И. И. Молчинымъ на основ. документа отъ 9 ноября 1908 г., и онъ, проситель, обязанъ уплатить всѣ слѣдуемые платежи Банку и брать отъ Молчина при всякой уплатѣ денегъ росписки». Подписи предсѣдателя и судей.

— Ну, что же? — сказалъ я, прочтя документъ, — слава Богу! Вѣдь, вамъ присудили...

— Какъ мнѣ?!

— Да, вѣдь, вы Юхинъ?

— Какъ Юхинъ? Я Молчинъ... Нѣтъ, какой Юхинъ! Именно, настоящій Молчинъ я и есть!..

Здѣсь пришлось удивиться мнѣ. Дѣло въ томъ, что крестьяне сплошь и рядомъ берутъ участки банковской земли въ «компаніи» двухъ, трехъ и болѣе человѣкъ. А такъ какъ «по закону»,—вѣрнѣй, банковскимъ правиламъ,—это недопустимо, то купчая дѣлается на одно лицо. Всѣ участники покупки поровну вносятъ платежи, поровну пользуются землей до тѣхъ поръ, пока тому, на чье имя сдѣлана купчая, не придетъ охота «послать компаньоновъ къ чорту». Тогда всѣ платежи ихъ, а часто трудъ по обработкѣ и сѣмена пропадаютъ; все забираетъ одинъ, и здѣсь всякіе суды безсильны. Такихъ фактовъ можно привести сколько угодно. Всѣ они очень трафаретны, и, если далеко не всѣ оффиціальные владѣльцы гонятъ своихъ компаньоновъ, то вовсе не «по добротѣ сердца»; просто «одному не совладать съ платежами», и волей-неволей приходиться «принимать долю» и дѣлиться землей. Ко мнѣ «за совѣтами» приходили обычно тѣ, кого выгнали ни съ того ни съ сего»; въ данномъ же случаѣ, какъ видно, пришелъ тотъ, кто хотѣлъ выгнать. Кромѣ того, по всему видно было, что онъ дѣйствительно обиженъ, по крайней мѣрѣ, такъ думаетъ.

— Въ чемъ же дѣло?—спрашиваю я.

— А въ томъ, что Степка платить ничего не хочетъ!

— Какъ не хочетъ?

— Очень просто: на тебя, говоритъ, купчая—ты и плати! А судъ, вишь, не вникъ въ это дѣло и землю ему присудилъ, такъ что теперь онъ безданно, безпошлинно будетъ жить на моей шеѣ.

— Но у васъ есть какой-то документъ?

— Есть. Извольте посмотрѣть...

ДОГОВОРЪ.

1908 г. ноября 9-го дня крестьяне Тульской губ. Ефремовскаго у., Силинской волости, села Силина, Иванъ Ивановичъ Молчинъ и Степанъ Гавриловичъ Юхинъ, заключали сіе

условіе на покупку участка у крестьянскаго банка, что изъ земли Соколовой, при с. Силинѣ, подъ № 38, пользоваться въ равныхъ частяхъ и на уплату Молчину 100 руб. 50 коп., изъ коихъ я, Молчинъ, получилъ отъ Юхина 50 руб. 25 коп. Всѣ повинности платить пополамъ и участокъ раздѣлить на равныя части. Отказать отъ пользованіи купленной половинной части участка Юхину, а равно и наслѣдникамъ, я, Молчинъ, не имѣю права. А если мнѣ, Молчину, откажетъ банкъ, то условіе сіе уничтожаемъ.—И. И. Молчинъ. С. Г. Юхинъ. 1909 г. марта 21-го настоящій договоръ въ Силинскомъ Волостномъ правленіи явленъ, что свидѣтельствую. Волостн. Старш. Загонинъ, съ подлинн. вѣрно—Волостн. писарь Д. Головинъ».

— Почему же вы не предъявите расписки завѣдующему участкомъ?

— Представлялъ, какъ же... Но только онъ не обращаетъ вниманія... На меня же накричалъ. Ты, говоритъ, обманщикъ! Какой ты, говоритъ, къ чорту хуторянинъ, коли дробишь землю! Тебя въ тюрьму за это надо! Точно что, по закону, надо каждому осѣсть на участокъ въ видѣ хутора. У насъ же, видишь, силъ не было по одинаркѣ-то, вотъ мы со Степкой-то и условились. Потому мы землю взяли для пользованія, а не къ тому, чтобы переселяться. Между прочимъ — задатокъ онъ внесъ, а больше платить не желаетъ, а судъ, вишь ты, сталъ на его сторону. Теперь ты и пойми: передъ банкой я отвѣтчикъ: какъ срокъ—вынь да положь, а Степка и въ усъ не дуетъ. Судъ-отъ, вишь, его больно ободрилъ...

— Что же теперь дѣлать?

— Вотъ за этимъ-то я къ вамъ и пришелъ... Если теперь мнѣ подать въ съѣздъ, то все одно до платежу я не успѣю, а если не уплачу—отберутъ участокъ, пропадутъ и задатокъ и работа... Такъ нельзя ли вамъ его постращать: за такія, молъ, дѣла не хвалятъ. А деньги у него теперь есть—пусть поплотится...

— Не знаю какъ... А много платить вамъ?..

— Въ участкѣ у насъ поболѣ десяти десятинъ, а платить 1.820 р., въ годъ сойдетъ рублей подъ сто... Кабы Степка-то платилъ, ничего бы, а то все придется бросить—потому за

него я не плательщикъ... Пять красныхъ—не воробей начихалъ; такой суммы мнѣ взять негдѣ...

Молчинъ мялъ въ рукахъ шапку и нерѣшительно топтался. Видно было, что онъ хочетъ сказать что-то еще, но не рѣшается. Я попросилъ оставить до утра документы, которыхъ онъ выложилъ цѣлую пачку. Подѣлать, конечно, ничего нельзя было, но мнѣ хотѣлось подробно ознакомиться съ этимъ дѣломъ.

— Такъ вы того... постращайте Степку-то: въ газетахъ, молъ, пропишу, либо что... А то прямо надо сказать—дѣла мои идутъ подъ исходъ... Надѣлъ-то, вишь, того... нѣтъ ужъ надѣла-то... Такъ ежели съ участка сковырнутъ, пропащее дѣло. Сами понимаете—двинуться мнѣ некуда...

Я обѣщалъ поговорить съ Юхинымъ, хотя заранѣе зналъ, что изъ этого рѣшительно ничего не выйдетъ. И, дѣйствительно, не вышло ровно ничего.

Юхинъ оказался человѣкомъ «себѣ на умѣ». Онъ тоже началъ съ того, что «большую ему Иванъ Ивановичъ нанесъ обиду».

— Думашь такъ все по-хрестьянски, а глядь—оно выходитъ наоборотъ. Ежели бы вы знали, сколько я ему этихъ деньжищъ переплатилъ, такъ не токмо что за годъ,—за пять лѣтъ платежу бы хватило. Росписокъ точно что по глупости я не бралъ: неужли же, думалъ, свой братъ хрестьянинъ сгонитъ съ земли? Въ такое время самому себѣ, видно, и то съ опаской можно довѣрять, это въ прежнее время по Божьи-то дѣлалось...

— Но, вѣдь, участокъ у Молчина отберутъ...

— Такъ неужели же я за него плательщикъ? У меня, вѣдь, не быкъ отелился... Вижу я, что къ тому онъ и гнетъ: забралъ у меня деньги и—«за щеку»... Понялъ я теперь, что онъ есть за человѣкъ, и, не заключи я съ нимъ росписки, смахнулъ бы онъ меня съ участка, какъ соринку. Ну, да бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ...

Дѣло ясное. Предстоитъ долгая тяжба, будутъ писать въ Сенатъ, въ Государственную Думу, на Высочайшее имя... А тѣмъ временемъ одинъ изъ нихъ, а, можетъ быть, и оба будутъ согнаны съ земли, разорятся и пойдутъ «на заработки», предварительно примѣнивъ «свои средствія»...

Въ Силинѣ есть старикъ Константинъ Безпаловъ. Низенькій, толстый, голова лысая, лицо круглое, красное, борода клиномъ. Безпалову семьдесятъ лѣтъ, но онъ суетливъ и игривъ, какъ ребенокъ. Особенность его состоитъ въ томъ, что теоретически онъ разрѣшаетъ всякій казусъ и изо всякаго положенія находитъ выходъ. Раньше къ этому деревенскому Соломону ходили за совѣтами десятки деревень, но послѣ того, какъ за нѣкоторые изъ его совѣтовъ кое-кто попалъ въ тюрьму, другіе поплатились ссылкой—число кліентовъ сократилось. Два сына въ деревнѣ и одинъ въ Москвѣ обезпечиваютъ жизнь старика; дѣлать ему нечего, и безъ кліентовъ онъ сильно скучаетъ.

Едва успѣлъ я отворить дверь Безпаловой избы, какъ старикъ схватилъ меня за руки и, подтащивъ къ столу, крикнулъ:

— Полюбуйтесь, порадвойтесь... Вотъ—плачетъ, реветъ, какъ корова передъ пожаромъ...

За столомъ сидѣли молодые крестьянинъ и крестьянка и, дѣйствительно, ревѣли. Мужикъ «ушелъ въ плечи» и всхлипывалъ сдержанно, изрѣдка махая рукой, какъ бы сердясь на надоѣдливыя слезы; баба выла «во-всю», и меня поразило изобиліе слезъ, которыми она намочила столъ, руки, концы платка, и которыя ручьями лились изъ ея глазъ.

— Въ чемъ дѣло, Константинъ Пудычъ?

— Говорю, раздвойтесь: добились своего... Утѣшайтесь!..

Я не зналъ ни мужика, ни бабы, но такая ужъ привычка была у Безпалова, что онъ всякую вину за людскія несчастія валилъ на перваго встрѣчнаго. Потомъ онъ разбирался и находилъ настоящаго виноватаго, но первому встрѣчному всегда приходилось плохо.

— Отказали Ефрему-то,—сердито бросилъ мнѣ старикъ, немного помолчавъ.

— Въ чемъ отказали?

— Въ землѣ отказали! Въ чемъ, въ чемъ? Третью недѣлю, прости Господи, живетъ человѣкъ, и ничего ему невдомекъ: въ землѣ отказали!

Я понялъ только одно, что говорить о дѣлѣ Юхина теперь не время. Безпаловъ бѣгалъ по избѣ, теребилъ бороденку, «ерепенился», какъ выражалась его старуха.

— Что у васъ лохань-то не вынесена?—крикнулъ онъ вдругъ на жену сына,—полуночники! Лясы только точите... Кнута на васъ нѣтъ!

— Ну, теперь пошелъ...—проворчала старуха.

— И пойду! Что же теперь человѣку-то дѣлать? Вотъ онъ сидитъ; ну, куда его приткнуть?! Зако-о-нники!!..

— Я што ль землю-то оттягала?

—Что ты можешь здѣсь понять? Оттягала... Съ твоимъ ли умомъ оттягать землю?!.. Косы тебѣ оттягать надо—вотъ что... Оттягала...

Мужикъ пересталъ всхлипывать, утерся полой полушубка и смотрѣлъ на меня; баба продолжала ревѣть.

— Разскажите, что у васъ за несчастье?

— Вотъ въ чемъ у нихъ несчастье,—отвѣтилъ старикъ,—обманули его насчетъ земли, судился онъ, и вотъ—теперь отказали.

Изъ дальнѣйшей бесѣды я понялъ слѣдующее: отецъ плачущей женщины, Семенъ Синичкинъ, продалъ свой надѣлъ. Покупщикъ—мѣстный кулакъ—не давалъ старику денегъ на руки, а поилъ его «вдоволь» водкой, заявляя, что деньги старикъ получитъ чистоганомъ при совершеніи купчей. 31-го іюля покупщикъ напоилъ старика «вдрызгъ» и повезъ въ городъ къ нотаріусу. Въ городѣ старикъ «съ перепоя» умеръ, но купчая была совершена. Неизвѣстно, при какихъ условіяхъ была совершена купчая. Денегъ у мертваго не оказалось, а покупщикъ заявилъ, что «вручилъ полностью». Очевидно, купчая была совершена при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, потому что нотаріусъ г. Ефремова Ивановскій отказался ее совершать, и пришлось обратиться къ другому. Покойный старикъ—неграмотный и пьяный—оставилъ безъ куска хлѣба дочь, ея мужа и дѣтей.

— Ну, разбери теперь, въ чемъ здѣсь дѣло! Разбери!—потирая руки, суетился старикъ,—ага, разобралъ?! Вотъ, вотъ... Все по формѣ—и купчая, и все прочее... А, можетъ, эта купчая-то при мертвомъ совершена?! Ну?! Вѣдь, старикъ умеръ 31-го и купчая отъ 31-го... Гдѣ же законъ?

Этотъ вопросъ такъ и остался открытымъ. Гдѣ законъ—никто изъ насъ не зналъ. Правда, старуха хотѣла успокоить

насъ пословицей, что «законы святы, да исполнители лихіе супостаты», но мы на этомъ не помирились. Старикъ дошелъ до того, что заподозрилъ святость нѣкоторыхъ законовъ, а для меня дѣло, хотя и было ясно съ моей точки зрѣнія, но мою «точку» никто изъ присутствующихъ принять не хотѣлъ.

— Это, братъ, дѣло далекое. Ты намъ выложь, какъ теперь поступить... Вотъ, что главное,—твердилъ Безпаловъ.

— Такое, господинъ, дѣло, что нѣтъ у насъ выхода... Исхода мы никакого не имѣемъ—вотъ въ чемъ главное дѣло. Лишился я земли—что мнѣ дѣлать? Ума никакъ приложить не могу. Къ должностямъ не приспособленъ, а въ деревнѣ чистый матъ...

— Добрый жерновъ все мелетъ, найдешь работу. Будетъ день—будетъ и пища,—успокаивалъ старикъ. Но успокоенія его были нерѣшительны: это видѣлъ я, понималъ и мужикъ. Поэтому мужикъ не успокаивался, а просилъ «человѣчка», который могъ бы «подать дальше»; я доказывалъ, что «дальше подать» необходимо, хотя былъ убѣжденъ, что изъ этого «дальше» ничего хорошаго не будетъ.

Жерновъ землеустройства мелетъ все. Мужикъ этотъ попалъ подъ жерновъ, и ему предстоитъ быть смолотымъ. По его виду ясно было, что онъ прекрасно понимаетъ это и самъ, но хочетъ бороться до конца, испытать всѣ средства, прежде чѣмъ обратиться къ «своимъ средствіямъ».

Уходя, я кратко разсказалъ Безпалову «дѣло Юхина». Дѣло это старика совершенно не заинтересовало.

— Это, братъ, сплошь да рядомъ. Не одинъ обманулъ.— такъ другой. Учить теперь мы ихъ съ тобой опоздали: ихъ надо было учить, когда они поперекъ лавки укладывались... Такихъ дѣловъ здѣсь не пролѣзть... Вотъ этого мужика жалко!..

Было уже поздно. Къ дракамъ и похоронамъ прибавились болѣе серьезныя впечатлѣнія. На день было довольно...

II.

Каждый день въ деревушкѣ, гдѣ жилъ я,—какъ въ цѣломъ рядѣ и окрестныхъ деревушекъ—начинается и кончается приблизительно одинаково: утромъ—за завтракомъ—дѣлятся впе-

чатлѣніями прошлаго дня, днемъ начинаются дѣла и «происшествія». Отличительной чертой современныхъ деревенскихъ происшествій является однообразность ихъ причинъ. Достаточно любое изъ нихъ бѣгло прослѣдить отъ начала до конца, какъ станетъ ясно, что всегда прямо или косвенно причиной является земельный вопросъ. Не говоря уже о конфликтахъ, прямо вызываемыхъ выдѣломъ изъ общины, сдѣлками, переходомъ на банковскіе отруба, конфликтахъ постоянныхъ и увеличивающихся съ каждымъ днемъ,—даже чисто семейныя драки и ссоры въ конечномъ счетѣ вызываются тѣми же «земельными дѣлами». Въ дер. В. тихій и трезвый мужикъ Корасевъ, девятнадцать лѣтъ «въ мирѣ и ладахъ» прожившій съ женой,—вдругъ началъ «лущить ее, какъ сидорову козу». Каждый день изъ избы Корасевыхъ несется отчаянный крикъ, каждый день къ окнамъ сбѣгаются десятки любопытныхъ, которые уже знаютъ, что «послѣ лупцовки» Семенъ станетъ передъ женой на колѣни и будетъ умолять о прощеніи. И это дѣлаетъ трезвый человѣкъ.

— Какъ тебѣ не грѣхъ!—говоритъ Семену старикъ Безпаловъ, часто навѣщающій В-ку,—эдакое число лѣтъ прожилъ ты съ женой, до сѣдыхъ волосъ оба дожили, и такое у васъ мордобитіе! Вѣдь, за это и въ судѣ могутъ пощунять...

— Господи!—Дѣдушка Константинъ! Да неужли же во мнѣ нѣтъ ума? Вѣдь, четырнадцать человѣкъ прижили съ ней!.. Вѣдь... Эхъ!..

— То-то и есть, что ты дуракъ, въ томъ все и объясненіе поступка... Будь ты поумнѣй—не сталъ бы ты позанапрасну калѣчить человѣка...

Семенъ тяжко вздыхаетъ и опускаетъ глаза къ землѣ.

— Нѣтъ!—говоритъ онъ, махнувъ рукой,—пропащее мое дѣло—либо порча вошла въ меня, либо что.

— Дурь вошла въ тебя, а не порча!..

— Какъ вспомню я обиду—силъ нѣтъ! Такая злость беретъ, что, кажется, убилъ бы всѣхъ и убѣжалъ. Не иначе, какъ надлежитъ мнѣ изъ-за этого Ваньки сгинуть!..

— Да жена-то при чемъ, чурбанъ елховой?!... Какое жена-то имѣетъ къ этому касательство?!...

— Развѣ я ее виню?!... Говорю, злобу сорвать не на

комъ—вотъ въ чемъ причина... Ограбили меня за милу душу и... живи, какъ знаешь?!.. Неужто это порядки?!...

Оказывается, что Корасевъ «повѣрилъ на слово» своему «большому дружку Ванькѣ», и купилъ вмѣстѣ съ нимъ 12 десятинъ банковской земли; что Ванька «оказался негоднымъ подлецомъ» и согналъ Корасева; что, въ разсчетѣ на купленный участокъ, Корасевъ продалъ половину надѣльной земли и—теперь «нищій въ полномъ комплектѣ»...

— Такъ ты бы, дубина, съ Ванькой и воевалъ! Съ женой-то зачѣмъ мудришь?!...

— Онъ теперь, Ванька-то, почтальономъ—его, братъ, не достанешь... У него работникъ на участкѣ-то... Ну, да я и до работника доберусь...

Можно цѣлый день проговорить съ Корасевымъ и кромѣ того, что «Ванька сгубилъ его», что «злость свою не на комъ ему вылить», что «жена въ этомъ дѣлѣ дѣйствительно не при чемъ»,—ничего не узнаешь. А между тѣмъ вечеромъ, когда мужъ и жена остаются одни,—начинается обычная потасовка...

Вообще—всевозможныхъ происшествій и стычекъ на почвѣ земельнаго вопроса теперь такъ много, что на нихъ перестали обращать вниманіе и говорятъ о нихъ, какъ о самыхъ обычныхъ явленіяхъ. Если слышишь разсказъ о томъ, какъ «ловко Петька Ереминъ обшерстилъ Павлушку Картузова», то можно быть увѣреннымъ, что завтра услышишь, какъ «здорово Павлушка долбонулъ Петьку». По началу той или иной деревенской исторіи легко можно предсказать ея продолженіе, какъ и по любой фазѣ продолженія можно легко предугадать начало. Одного нельзя сказать—когда подобныя исторіи перестанутъ начинаться и когда онѣ кончатся...

Съ первыхъ дней жизни въ деревнѣ поражаешься необычайнымъ спокойствіемъ, съ которымъ сплошь и рядомъ разсказываются самыя возмутительныя вещи. Но скоро начинаешь привыкать не только къ разсказамъ, но и къ самимъ этимъ «возмутительнымъ вещамъ»,—спокойно смотришь, спокойно слушаешь и разсказываешь другимъ. И мнѣ думается, что эта «невозможность возмущаться»,—это спокойное констатированіе ужасныхъ фактовъ, а порой и гибели семей—наиболѣе тревожная сторона деревенскаго настроенія.

— Вишь ты, согнали Степана съ хутора-то,—теперь шабашъ!..

— Да ужъ теперь дѣло его ау! Бери суму и на теплыя воды...

— Видалъ я сейчасъ ихъ: у-у, ревутъ...

— Ревутъ?

— Такъ, братецъ мой, воютъ, что морозъ беретъ... Да!..

— Погляжу я, робя, на этихъ хуторянъ—горе съ ними, и смѣху тоже немало. Прибѣгаетъ какъ-то ко мнѣ Шиловъ Евдокимъ, разстроенный такой, голова взъерошена...—Купи, говоритъ, плугъ!—Какъ же, говорю, ты можешь продать казенный плугъ, вѣдь, онъ у тѣ на выплатѣ!—Я, говоритъ, очистилъ. Присталъ съ ножемъ къ горлу—купи да купи! Точно, плужокъ я собирался давно купить, только брала меня опаска. Спросилъ волостного. Тебѣ-то, говоритъ, какое дѣло? Если надо, взялъ да купилъ. Сторговались мы съ Шиловымъ за пять рублей; привезъ онъ мнѣ плугъ, получилъ деньги... Недѣли не прошло—опять бѣжитъ.—Дай, говоритъ, плужокъ на часокъ.—Ну, говорю, дядя Евдокимъ—это не правило, я тебя не просилъ, самъ ты навязалъ, а теперь «на часокъ»...

— Да къ чему это ему на часокъ-то?

— Комиссія, вишь, пріѣхала осматривать хутора. Такъ по бумагѣ у него значится плугъ, а плуга нѣтъ. Такъ вотъ онъ и просилъ показать имъ. Въ концѣ дѣла далъ я ему на этотъ показъ плужокъ за полтину, и съ этого раза пошло: рѣдкій мѣсяцъ не прибѣжитъ... Рубля два, никакъ, я перебралъ съ него за показъ...

— Потѣха!..

— Завертѣлся мужикъ, думаетъ все перевернуться, а перевертка-то плохая. Повертится, повертится—и голову подъ крыло...

— Это какъ есть!.. А почему? Начали не съ того конца, вотъ народъ и страдаетъ...

— Истинно такъ...

Разсказывается еще десятокъ случаевъ необходимой гибели, и, рѣшивъ, что тотъ или другой долженъ погибнуть, уже самый фактъ гибели только констатируютъ...

— Я говорилъ, вѣдь, тогда...

— На волоскѣ висѣлъ онъ, это точно... Вотъ Максимъ Горкинъ тоже скоро скувыркнется...

То обстоятельство, что крестьяне знаютъ малѣйшія детали хозяйственной жизни другъ друга, даетъ имъ возможность дѣлать предсказанія почти безошибочно. И; если вы услышите, что «поговариваютъ, будто Петруха хочетъ продать землю»,— можете быть увѣренными, что не нынѣ-завтра Петруха землю дѣйствительно продастъ. А если Петруха продалъ землю, то заранѣе можно сказать, что въ скоромъ времени «между разговоромъ» вамъ скажутъ: «Были мужики въ городѣ, Петьку встрѣтили—галашничать началъ. Андрей Ивановъ гривенникъ ему далъ... Вотъ оно какъ—безъ земли-то!...»

На другой день послѣ того, какъ Молчинъ разсказалъ мнѣ свою «непріятность» съ Юхинымъ, я отправился къ старому либералу, бывшему мировому посреднику—Григорьеву. Имѣніе Григорьева—одно изъ немногихъ, уцѣлѣвшихъ въ Ефремовскомъ у. отъ ликвидаціи. Часть имѣнія старый либералъ по довольно высокой цѣнѣ сдаетъ крестьянамъ, а другую—большую—часть обрабатываетъ самъ. Ежедневно въ домѣ Григорьева можно встрѣтить самую разношерстную публику, трактующую о современныхъ деревенскихъ порядкахъ. Здѣсь и землеустроители, и разорившіеся помѣщики, и учителя, и земцы, и статистики, и разный другой людъ, съ дѣломъ и безъ дѣла толкающійся въ деревнѣ, что-то выясняющій, что-то старающійся доказать... Скука сгоняетъ этихъ людей къ Григорьеву; здѣсь они пьютъ, ѣдятъ и безъ конца спорятъ. Споры эти рѣдко бываютъ интересны, но часто тотъ или иной изъ спорящихъ въ доказательство своего положенія приводитъ любопытные факты, и вотъ—отчасти ради этихъ «фактовъ», отчасти съ цѣлью отдохнуть отъ крестьянскихъ разговоровъ—я изрѣдка навѣщалъ Григорьева. На этотъ разъ у Григорьева сидѣло нѣсколько статистиковъ, два землемѣра, ветеринарный врачъ, управляющій крупнымъ имѣніемъ высокопоставленнаго лица и немало людей неопредѣленныхъ профессій. Когда я вошелъ, «оживленіе» было полное: за двумя столами играли въ карты, за большимъ столомъ пили водку закусывали... «Споры» велись страстные.

— Сто сорокъ хуторовъ, братъ, это не метафизика, это, братъ, не соціализація... Пять бубенъ... Да-съ, это дѣло, а не болтовня!..

Никто изъ присутствующихъ не торопился доказать, что сто сорокъ хуторовъ—это соціализація; управляющій обвелъ всѣхъ глазами и добавилъ: «Да, не соціализація!. »

— Маленькій шлемъ въ червяхъ,—заявилъ священникъ и быстро сложилъ карты, опасаясь любопытныхъ глазъ.

— Пасъ... Критики мы превосходные, а создать что-либо—посылай за другими! На это насъ нѣтъ!.. Такъ я думаю... Да-съ.

— Играть, такъ играть... Разговаривать можно послѣ,—протестовалъ ветеринаръ.

— Разговоръ, какъ я узналъ потомъ, начался съ «любопытнаго случая», который на этихъ дняхъ пришлось наблюдать статистику. Въ с. В. шестидесяти-пятилѣтній крестьянинъ укрѣпилъ за собой надѣлъ по требованію дѣвицы, къ которой старикъ былъ неравнодушенъ. Когда дѣло было оформлено, дѣвица вышла за старика; но старикъ вскорѣ послѣ «медового мѣсяца» заболѣлъ и умеръ. Дѣти попросили мачеху убраться, откуда пришла; однако, оказалось, что старикъ у священника составилъ «бумагу», гдѣ все «отписалъ женѣ». И вотъ теперь двадцатилѣтняя женщина гонитъ и изъ дому и съ земли двухъ уже сѣдѣющихъ «пасынковъ» съ кучей дѣтей; «будетъ! натерпѣлась я отъ нихъ!..» Теперь баба выходитъ вторично замужъ, а мужики пока-что бѣгаютъ по судамъ и грозятъ «скорѣе убить эту шлюху, чѣмъ отдать ей добро». Разсказавъ этотъ случай, статистикъ добавилъ, что, по его мнѣнію, «безъ уголовщины здѣсь не обойдется». «Баба—ой, какая острая, а мужики изъ себя выходятъ! Здѣсь, говорятъ, каждая щепка нашимъ горбомъ нажита.

— Завѣщаніе не утвердятъ,—авторитетно заявилъ хозяинъ, когда-то бывшій мировымъ посредникомъ.

— Почему?—спросилъ управляющій.

— Потому, что имѣніе нажито сыновьями, и старикъ не могъ имъ распорядиться ..

— Дудки-съ, Андрей Васильевичъ,—дудки-съ!.. Насчетъ избы спорить не буду, а земля женина...

Завязался споръ; старикъ Григорьевъ волновался, стучалъ по столу, управляющій говорилъ самодовольно, съ вѣсомъ, пересыпая фразы словечками вродѣ: «да-съ! такъ-то-съ! такое-то дѣло!..» Въ споръ вмѣшались землемѣры, богатая помѣщица. Говорили всѣ сразу, не слушая другъ друга, приводили факты, случаи изъ прошлаго. Затѣмъ перешли на землеустройство, и здѣсь управляющій быстро «побилъ» всѣхъ.

— Сто сорокъ хуторовъ?! — кричалъ Григорьевъ.

— Сто сорокъ-съ!.. Я завѣдывалъ этими участками и знаю... Впрочемъ, не вѣрите—сосчитайте сходите, благо не поздно! Хе, хе, хе! Такъ-то Андрей Васильевичъ, сто сорокъ...

— Предположимъ, что сто сорокъ; но вѣдь, это капля въ морѣ для цѣлой окрестности,—волновался статистикъ—вѣдь, это...

— Подождите, молодой человѣкъ, подождите-съ! Главное не горячитесь... Сто сорокъ—это не много; одна капля, а не бочка! Не бочка-съ... Но, вѣдь, это первый шагъ! Первое, такъ сказать, выступленіе, и такой результатъ! А гдѣ—скажите вы мнѣ—плоды вашей дѣятельности? Что вы сдѣлали, кромѣ словъ, болтовни?—Управляющій повернулся изъ-за карточнаго стола къ статистику и ехидно смотрѣлъ на него, какъ бы ожидая, что тотъ вынетъ изъ кармана результаты дѣятельности и полностью представитъ для всеобщаго обозрѣнія.—Ну-съ?

Статистикъ вскочилъ съ дивана, подбѣжалъ къ столу и почти истерически крикнулъ:

— Да развѣ вы намъ давали что-нибудь дѣлать? Развѣ вы не душили въ самомъ зародышѣ дѣло и дѣятелей при первомъ шагѣ ихъ выступленій?..

— Справедливо! Я помню, когда еще мы—мировые посредники...

— Знаемъ, Андрей Васильевичъ,—знаемъ-съ! Скажите, какую земельную реформу вы предложите теперь? Конфискацію? Муниципализацію? Они вамъ, собственники-то, конфискуютъ! Они за землю зубами держатся... Новую программу вамъ выдумать надо; вы будете надъ программами голову ломать, а мы хутора насаждать... Такъ-то-съ!..

Самодовольный видъ управляющаго, полупренебрежительное отношеніе къ оппонентамъ, его усмѣшки и подмигиванія злили всѣхъ насъ; всѣ мы старались привести неопровержимые аргументы противъ казеннаго землеустройства въ его цѣломъ, но управляющій только посмѣивался...

— Порывы у васъ благіе... Мечтательные порывы... Но все это маниловскій супъ отъ чистаго сердца... Дѣло надо дѣлать, господа... Хутора растутъ, община разрушается... А вы тянете старую волынку... Ей-Богу, ничего у васъ не выйдетъ!

— Не знаю я, господа, кто изъ васъ правъ,—вмѣшался въ разговоръ священникъ,—не мое дѣло судить, а грѣха и съ этими новыми законами немало...

— Какіе же это особые грѣхи-съ вы имѣете въ виду?—выжидательно уставился управляющій на священника...

— Всякіе! Зависть, наушничество, ссоры постоянныя...

— А раньше не было этого?

— Было, но не въ такой пропорціи... Теперь братъ на брата звѣремъ глядитъ... Пріѣхали вчера за мной два мужика, пригласили на требу. Ѣду съ ними и слышу, что это они промежъ себя какъ-то чудно разговариваютъ...

— «Я ему твержу,—говоритъ одинъ—законъ такой есть, а онъ наклонился ко мнѣ подъ ухо, да шепнулъ: «а пѣтушка, говоритъ, хочешь?»

— «Тсс... Те-те-те...

— «Да, меня инда въ жаръ бросило! Отъ него, думаю, станетъ...

— «Онъ на это имѣетъ способность... За такія слова надо прямо къ уряднику...

— «Ну, нѣтъ... Я другую махину подвелъ... Послалъ скорѣе жену за бутылкой, для вида помирился...

— «Ну?

— «Ну, а потомъ сталъ я его подкарауливать... А когда онъ слегòй-то получилъ, то-есть, по затылку, то двѣ недѣльки пролежалъ... Такъ разметало, что пища не шла, вскочитъ, выпьетъ квасу—и опять подъ тулупъ...

— «За такія дѣла стоитъ...

— «Да. Теперь очухался, меня караулитъ... Ну, а я

сказалъ его Гаврюшкѣ: передай, молъ, отцу—судиться мнѣ съ нимъ некогда, а чуть-что, не пощажу: топоръ—топоръ, вилы—вилы...»

— Слушалъ я, слушалъ ихъ разговоры и спрашиваю:

— Съ кѣмъ это, говорю, у тебя такое кровопролитіе?—И разсказываетъ онъ мнѣ, что съ роднымъ братомъ, изъ-за земли. Старшій, вишь, вышелъ изъ общества и взялъ участокъ, а младшій работалъ въ Москвѣ и подавалъ въ деревню деньги. Неизвѣстно ужъ, за какія дѣла младшаго-то разочли и этапомъ выслали домой; старшій же теперь его не принимаетъ... Вотъ и воюютъ!..

— Къ чему же, батюшка, относится вашъ примѣръ?—спросилъ управляющій.

— Къ тому, что грѣха много... Такіе «фактики», вѣдь, на каждомъ шагу, вѣдь, отъ нихъ житья нѣтъ.

— Но къ разговору-то нашему какое это имѣетъ отношеніе?

— Если хотите, имѣетъ кое-какое отношеніе и къ разговору. Вы вотъ все говорите—хутора, хутора... Сто сорокъ да сто пятьдесятъ... А поглядишь—такъ одна это видимость! Изъ ста-то сорока третья часть по-двое, да по-трое участокъ взяли, третья часть сдаютъ земли, а остальные, пожалуй, будутъ и настоящіе хуторяне...

— Вотъ! Вотъ это самое хотѣлъ сказать и я!—заволновался статистикъ.—Разладъ въ деревню вы внесли, а пользы отъ вашей работы пока-что не видно. Вы запишете у себя цифру сто сорокъ и суете ее всюду; отъ васъ эта цифра летитъ въ Тулу, къ ней прибавляютъ другія въ родѣ вашихъ и шлютъ въ Питеръ, а тамъ дѣлаютъ выводы, рѣшаютъ вопросы, а цифрамъ-то вашимъ, въ концѣ концовъ—грошъ цѣна!..

— А дороже не дадите? Прибавьте малость...

— Батюшка подмѣтилъ и мою мысль,—вмѣшался Григорьевъ,—именно, двѣ трети фикція, а расколъ внесенъ большой... Всѣ эти драки, поджоги,—ваше, господа, дѣло...

Управляющій бросилъ карты, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ.

— А доказать свои слова вы, господинъ статистикъ, сумѣете?—остановился онъ передъ взволнованнымъ юношей.

— Сколько угодно!..

— Цифрами и фактами?

— Да, матеріалами моихъ изслѣдованій.

— То-то... Смотрите, не ошибитесь... А дождь никакъ пересталъ?—обратился онъ ко всѣмъ, посмотрѣвъ въ окно.

— Пересталъ...

— Пятый часъ! Эге-ге... Ѣхать, ѣхать...

Всѣ засуетились, заспѣшили... Торопливо простились съ хозяиномъ. Послышались крики кучеровъ, хлюпанье лошадиныхъ ногъ... Черезъ четверть часа хозяинъ отвелъ насъ со статистикомъ въ комнатку наверху. Статистикъ долго не спалъ, ворочался и нервничалъ...

— Цифры ему! Я ему дамъ такія цифры, что... А то сто сорокъ хуторовъ...

III.

Неизвѣстно, представилъ ли статистикъ г. управляющему надлежащія свѣдѣнія или нѣтъ. Мнѣ думается, что такія явленія, какъ покупка участка двумя-тремя лицами исключительно для пользованія, едва ли возможно подвергнуть цифровому учету: крестьяне тщательно скрываютъ подобные случаи, и всплываютъ на свѣтъ они лишь тогда, когда возникаетъ конфликтъ, и дѣло доходитъ до суда. Мнѣ извѣстно десятка два такихъ случаевъ, и меня они интересовали, главнымъ образомъ, какъ поводы къ безконечнымъ конфликтамъ, тяжбамъ и «своимъ средствіямъ». Но, несомнѣнно, подобные факты должны быть приняты во вниманіе и при критической провѣркѣ казенныхъ цифръ, къ которымъ вообще нужно подходить съ большой осторожностью. Что же касается сдачи хуторянами земель, отведенныхъ подъ хутора, то здѣсь въ распоряженіи статистиковъ оказался богатый матеріалъ, который заставляетъ на цифру 140 смотрѣть нѣсколько иначе.

Приведу изъ этого матеріала нѣсколько наиболѣе интересныхъ данныхъ:

Хуторяне.	Сколько десят. въ участкѣ.	Цѣна участка.	Годовая плата.	Цѣна посѣвной десят. въ годъ.	Сколько десят. сдаетъ.	По какой цѣнѣ за посѣвн. десят.	Разница съ годовой платой банку за десят.
			р. к.	р.		р. к.	р. к.
А	12	1990	85 6	10	3	7 —	3 —
Б	11	1900	81 —	11	3	5 50	5 50
В	10	1690	72 —	10	2	8 —	2 —
Г	10	1600	68 40	9	2	8 —	1 —
Д	12	1970	83 70	10	3	7 50	2 50
Е	10	2020	88 1	12	3	9 —	3 —
Ж	9	1530	64 80	11	3	7 —	4 —
З	13	2240	103 —	11	2	8 —	3 —
И	10	1920	81 90	12	2	9 —	3 —

Изъ этой таблички видно, что хуторяне, или владѣльцы участковъ, сдаютъ отъ $^1/_4$ до $^1/_3$ части своей земли и притомъ сдаютъ по цѣнѣ гораздо низшей, чѣмъ та, которую они сами платили банку. Слѣдовательно, хуторяне приплачиваютъ банку за земли, которыя обрабатываютъ общественники. Это на первый взглядъ странное явленіе объясняется двумя причинами: необходимостью тотчасъ же получить всю арендную сумму сразу и—такъ сказать—конспиративностью сдѣлокъ. Условіе, заключенное крестьянами съ банкомъ, обязываетъ ихъ «не отдавать въ наемъ имущества безъ согласія банка»; если же къ банку обратиться за разрѣшеніемъ сдать треть земли въ аренду, землеустроители посмотрятъ на это косо: «какой же ты хуторянинъ»-!—скажутъ, и возможно, что при первомъ удобномъ случаѣ съ участка сгонятъ. Кромѣ того, обнаружить передъ банкомъ свою малосостоятельность—значитъ лишиться всевозможныхъ ссудъ, льготъ и подачекъ. И вотъ хуторяне сдаютъ землю келейно, по секрету. На этой почвѣ можно наблюдать множество курьезовъ. При мнѣ, напр., одно довольно внушительное лицо осматривало поля хуторянина.

— Это твоя ржица-то?

— Такъ точно, вашескородіе...

— Видишь, какой хлѣбъ?! Былъ ли у тебя когда такой въ общинѣ-то?

— Гдѣ ужъ тамъ?!.. Извѣстно, воля Божія... Но такъ что...

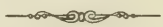
— То-то и есть...

Между тѣмъ «ржица» эта принадлежала общиннику, арендовавшему у хуторянина $1^1/_2$ десятины.

— Прямо чуть скрозь землю не провалился,—разсказывалъ потомъ хуторянинъ,—въ глаза ему поглядѣть боюсь. А ну, думаю, какъ знаетъ?!..

Но на этой же почвѣ происходитъ немало и конфликтовъ. Иногда хуторяне, получивъ впередъ для уплаты банку арендныя деньги и допустивъ арендатора къ обработкѣ и посѣву,— «гонятъ его въ шею». Судъ, обычно, становится на сторону хуторянина, и арендаторъ сплошь и рядомъ разоряется. Тогда начинается борьба своими средствами, изобиліе которыхъ сдѣлало ихъ будничнымъ явленіемъ...

1911 г.



СЛУЧАЙ.

I.

— За Ѳедоромъ послать надо, Тихонъ Михайлычъ, для признанія!

Волостной старшина, плечистый мужикъ, съ широкимъ лицомъ, на которомъ блестѣли маленькіе, какъ горошины, глаза,—раздѣлилъ ладонью на-двое свою густую бороду, взялъ въ каждую руку по половинѣ, покрутилъ, поднесъ ко рту сначала правую часть, затѣмъ лѣвую, обгрызъ концы волосъ и тогда лишь лѣниво произнесъ:

— Отпусти, Ильичъ, чего же... Пускай къ отцу идетъ... Обрадуетъ отца-то... Я его, псенка, въ зыбкѣ зналъ. Помню, когда мать и брюхата-то имъ была. Пускай къ отцу идетъ... Обрадуетъ отца-то...

— Да, ужъ сюрпризецъ... Хе-хе... Франтъ...—Писарь подмигнулъ на Мироненко и сунулъ ему бумагу.

— Распишись.

Мироненко, сутуловатый человѣкъ лѣтъ 28-ми, одѣтый въ потрепанное городское пальто, узенькіе, короткіе брюки, прилипшіе къ его ногамъ, въ хлюпающихъ штиблетахъ, подошелъ къ столу. Писарь еще разъ окинулъ взглядомъ его продолговатое лицо цвѣта какао съ молокомъ, съ тощей растительностью, широкимъ лбомъ и, отчеканивая слова, произнесъ—пишите:

— «Обязуюсь безъ разрѣшенія надлежащихъ властей не выѣзжать за предѣлы села Славкина». И подпись вашу. Затѣмъ мѣсяцъ и число...

Пока Мироненко писалъ, юркій писарь смотрѣлъ ему черезъ плечо, изрѣдка показывая на него большимъ пальцемъ старшинѣ, подмигивая и покачивая головой.

— Можно идти?

— Можете... До пріятнѣйшаго свиданія.

Мироненко напялилъ мокрую, помятую шляпченку, захватилъ съ лавки узелокъ и направился къ двери.

— Долго въ узилищѣ-то изволили пробыть-съ? — крикнулъ вслѣдъ писарь.

— Три года...

— Срокъ хорошій... Иная баба за такой срокъ троихъ ребятъ родить успѣваетъ... Хе-хе... Ну-съ, съ Богомъ.

Мироненко вышелъ.

II.

Ѳедоръ Силантьевичъ Мироненко сидѣлъ за столомъ и велъ бесѣду съ мѣстнымъ богачемъ Колодкинымъ и сыномъ Петромъ. Предметомъ бесѣды было намѣреніе Ѳедора Силантьевича продать надѣлъ и навсегда переселиться въ городъ. Колодкинъ, скупившій уже въ Славкинѣ нѣсколько надѣловъ, одобрялъ это рѣшеніе, Петръ протестовалъ. Изрѣдка изъ-за перегородки высовывалась жена Ѳедора и вставляла свои замѣчанія. На столѣ стояла бутылка водки, блюдо съ арбузомъ и хлѣбъ.

— Пропадай видно, Ѳедоръ Силантьичъ, было твое время, да прошло.

— А ты не суйся, куда не надо, — волнуется Петръ. — Ты вотъ выпилъ вина и не можешь имѣть понятія; проспись, подумай, да съ людями посовѣщайся... А то заладилъ...

— Тебѣ, Петръ, шастнадцать лѣтъ, а мнѣ скоро 60 стукнетъ... Такъ-то! Было время, когда и я первымъ человѣкомъ въ Славкинѣ былъ. По шести лошадей держалъ, овцамъ, бывало, счету нѣтъ... Тогда, видно, я имѣлъ понятіе... А теперь что? Не вѣрятъ люди, уваженія не имѣютъ... И хорошо! Такъ намъ и надо! Въ свое время и я такихъ, какъ я теперешній, не уважалъ...

— Допивать надо, а то прокиснетъ, — сострилъ Колодкинъ, наливая рюмки.

Выпили. Ѳедоръ Силантьевичъ подперъ лицо руками и нѣкоторое время смотрѣлъ на ломти арбуза. Петръ бѣгалъ изъ угла въ уголъ, мялъ крошки хлѣба и бросалъ въ лохань.

Колодкинъ, остриженный подъ ерша, приглаживалъ мокрой ладонью волосы. Изъ половины за перегородкой слышалось хлюпанье взмѣшиваемаго кулакомъ тѣста.

— Ты вотъ, Петя, все какъ-то не по-людски говоришь: мы съ твоимъ отпомъ не первый годъ другъ друга знаемъ; росли вмѣстѣ! Ежели — говоря къ примѣру — онъ пожелалъ продать землю — не я — другой возьметъ; его товаръ — мои деньги. Здѣсь вольному воля!.. Мы по-людски, по совѣсти, а ты говоришь—обманъ...

— Я не про обманъ, а вообще... Не дѣло онъ задумалъ, куда мы дѣнемся?.. Тоже надо и объ этомъ подумать. Ну, я въ солдаты пойду, а Дунька съ чѣмъ останется? Я вотъ про что!..

— И какъ все сразу рушилось! Одно за другимъ! Правду, видно, старики говорятъ—коли не повезетъ, такъ не повезетъ! Какъ опонкрутила меня эта бахча тогда на двѣ тыщи, то и пошло... За что ни возьмись — разоръ! Потомъ Егора посадили тамъ, пересталъ подавать деньги... Вотъ и докатился. А у меня, братъ, карахтеръ такой: коли сидишь на землѣ, будь настоящій хозяинъ, а такъ, голодранцемъ — это не кадрель... Ослобони другому землю и уходи... Продамъ. уѣду, а тамъ, какъ Богъ...

— Думай, Силантьичъ, думай... Въ случаѣ чего—скажи...

— И думать ему нечего—вмѣшалась Анна Гавриловна,— не уѣдемъ мы никуда. И ѣхать намъ некуда. Не везло, а Богъ дастъ, и повезетъ... Онъ вѣдь не безъ милости... Похуже насъ люди живутъ, да не бѣгутъ...

— Не твое это, мать, дѣло... Мѣси тамъ свои хлѣбы!..

— Вотъ и мое! Небось, какъ за больное-то задѣнетъ — мое дѣло, я бѣгай, а тутъ не мое... Не поѣдемъ мы съ Дунькой...

— Ну и ладно, ну и Богъ съ вами; бросайте меня. Возьму котомку, пару лаптей, уйду на богомолье. Нѣтъ моихъ силъ жить здѣсь при моемъ разорѣ. Живите одни...

— Понесъ!..—сердито замѣтилъ Петръ.

Колодкинъ вылилъ остатки водки. Петръ злобно смотрѣлъ на него, но водку все-таки взялъ и выпилъ.

— А ты, Гавриловна?

— Спасибо...

— А то выпей одну...

— Нѣтъ, не надо...

Старикъ Ѳедоръ совсѣмъ осовѣлъ, фыркалъ и утиралъ глаза. Колодкинъ поднялся, собираясь уходить.

— Будемте здоровы пока!

— Дай Богъ здоровья...

— Въ случаѣ чего, значитъ...

— Въ монастырь уйду, въ монастырь... Въ тихую обитель... Будетъ, помаялся... Господи! Шесть лошадей имѣлъ, овцамъ счету не зналъ... Нищій!..

— Теперь затянулъ волынку,—тошно въ избѣ сидѣть. Я, мама, пройдусь...

— Куда ты, дождикъ-то какой!

— Я около избы.

— Ну, иди.

Петръ надѣлъ картузъ и вмѣстѣ съ Колодкинымъ вышелъ изъ избы. Дождь хлесталъ немилосердно. Простившись съ Колодкинымъ, Петръ сталъ подъ застрѣху, раздумывая, стоитъ ли мокнуть для того, чтобы навѣстить сорокинскую Марьку, или нѣтъ. Рѣшивъ, что стоитъ, Петръ двинулся впередъ, но не успѣлъ сдѣлать и десяти шаговъ, какъ къ нему, шлепая босыми ногами и разбрасывая брызги, подбѣжала сестренка Дунька. Лицо дѣвочки горѣло отъ быстраго бѣга, глазенки блестѣли, съ волосъ лила вода. Схвативъ брата за руку, она взволнованно заговорила:

— Чу-ка, Егоръ пріѣхалъ. Околъ лавочки ужъ. Домой идетъ, а народъ надъ нимъ смѣется. Етапомъ пригнали... Иди, встрѣтимъ.

Петръ оттолкнулъ ее и пошелъ въ избу.

III.

— Да, оконфузилъ ты меня, Егоръ! Такъ оконфузилъ, что лучше бы я отдалъ послѣднюю корову. Говорилъ я тебѣ и писалъ—не послушалъ, теперь пеняй на себя.

Такъ на другой день за обѣдомъ говорилъ Ѳедоръ Силантьевичъ. Онъ былъ съ похмѣлья, разбитъ и говорилъ лѣнивымъ, упавшимъ голосомъ. Егоръ молча очищалъ картошки, макалъ ихъ въ соль и ѣлъ съ хлѣбомъ. Анна Гавриловна стояла около перегородки, подперевъ рукой щеку. Петръ смотрѣлъ то на Егора, то на хлѣбъ, то на картошку. Вчера, когда Егоръ вошелъ въ избу, отецъ уже храпѣлъ. Петръ встрѣтилъ брата злой улыбкой. — Вотъ еще нахлѣбникъ! — сказалъ онъ матери. Мать долго плакала и причитала. Произошло именно то, что разсчитывалъ встрѣтить Егоръ. Еще въ тюрьмѣ, когда кончился срокъ, и ему объявили, что онъ будетъ этапомъ отправленъ на родину — Егоръ представлялъ себѣ эту большую, грязную комнату съ землянымъ поломъ, лавками, столомъ, большой лоханью подъ глинянымъ рукомойникомъ. Ясно видѣлъ онъ младшаго брата—хмураго, высокаго юношу, съ черными глазами и шапкой курчавыхъ волосъ. Петръ давно сердился на брата: сначала онъ былъ недоволенъ отъѣздомъ Егора, затѣмъ упрекалъ его, что «мало подаетъ денегъ». Зналъ поэтому Егоръ, какъ его встрѣтитъ братъ; зналъ, что отецъ будетъ говорить жалкія слова, а къ вечеру напьется, начнетъ плакать и сѣтовать.

Все это Егоръ пережилъ и перечувствовалъ и въ тюрьмѣ, и во время этапа; теперь же, когда все это происходитъ въ дѣйствительности, онъ почти не замѣчаетъ этого, думая совершенно о другомъ. Какъ жить здѣсь? Что дѣлать? Хватитъ ли терпѣнья переносить постоянное брюзжанье, постоянные попреки и укоры? Начиналась тяжелая тоска, сразу отравившая первые шаги свободной жизни.

— Такъ оконфузилъ ты меня, Егорка, что стыдно людямъ глаза показать. Уйду я отъ васъ. Живите, какъ хотите!..— брюзжалъ Ѳедоръ Силантьевичъ.

— Будетъ гудѣть-то! И что это у тебя за привычка скулить?!.—сердито сказалъ Петръ,—Дѣло дѣлать надо. Народу прибавилось теперь, работники есть, работу надо искать...

Онъ посмотрѣлъ на Егора; упорное молчаніе брата, медленное, лѣнивое пережевываніе картошки,—злило Петра; ему хотѣлось придумать какую-нибудь особенно колкую, больную фразу, чтобы заставить Егора говорить, сердиться. Тогда

Петръ обрушился бы на него съ грубой руганью, бросилъ бы кусокъ хлѣба, взялъ шапку и вышелъ. За нимъ выбѣжала бы мать и стала бы упрашивать, но онъ—голодный и злой—не вошелъ бы въ избу. — Ѣшьте! — отвѣтилъ бы онъ матери и—только. Но Егоръ молчалъ, приходилось сидѣть, злиться. Горечь и обида подступали Петру къ горлу, онъ боялся, что потекутъ слезы и злился еще больше.

— Не скусна пища-то?—бросилъ Петръ брату.

— Я привыкъ ко всему.

— Небось въ городѣ-то... коклеты... Хи-хи...

— Картошка тамъ дороже иной катлеты...

— Все-таки... супы... А здѣсь хлѣбъ...

Петръ силился вспомнить еще какое-нибудь названіе городскихъ кушаній, чтобы уколоть брата, но ничего не вспомнилъ. Рѣшительно поднялся изъ-за стола.

— Ну, я на гумно... Ты идешь, что-ль?—обратился онъ къ отцу...

— Охъ, спина ломитъ, полежу... Егоръ вотъ...

Егоръ пошелъ за братомъ... Ему хотѣлось уйти куда-нибудь, остаться одному и привести въ порядокъ свои мысли. Обдумать все, рѣшить, придти къ какому-нибудь выводу... Запуталось все, переплелось... Идя за Петромъ, онъ силился что-то придумать, обратиться къ кому-то за совѣтомъ и помощью.

— Иди, что-ль!—крикнулъ Петръ,—работникъ...

Егоръ вздрогнулъ, прибавилъ шагу.—Ничего не рѣшишь, ничего не выдумаешь: бѣжать некуда, жить здѣсь—ужасъ!.. Первые шаги жизни здѣсь, первыя встрѣчи говорили о томъ, что дальнѣйшая жизнь превратится въ сплошной кошмаръ.

— Иттить, такъ иди!—опять крикнулъ Петръ; Егоръ заторопился и нагналъ брата.

Выходя изъ села, они встрѣтили группу крестьянъ съ цѣпами на плечахъ. Крестьяне съ большимъ любопытствомъ смотрѣли на Егора, подсмѣивались.

— Ишь ты, Егорка-то...

— Чисто баринъ, порази Богъ...

— Люцинеръ... Ха-ха-ха...

— Чего вамъ надо, дурье!—крикнулъ Петръ,—и ты—люцинеръ тоже, дай по загривку крайнему-то, онъ и отстанетъ...

— Попробовай, ишь ты, давальщикъ...

— Что же, глядѣть, что-ль, стану?!.,

— Давальщикъ...

Егоръ поспѣшилъ уйти. Новая волна мыслей нахлынула на него. Хотѣлось понять, почему люди эти, такъ недавно сжигавшіе помѣщичьи усадьбы и жертвовавшіе жизнью для защиты агитаторовъ,—такъ скоро люди эти забыли все и смѣются надъ нимъ. Забыли ли? Или просто ничего не понимали и не знаютъ о тѣхъ переживаніяхъ и порывахъ, которые привели его въ тюрьму? Онъ не думалъ говорить съ крестьянами, но почему-то увѣренъ былъ, что они сразу полюбятъ его, будутъ съ нимъ добры и ласковы...

IV.

Цѣлую недѣлю лилъ дождь. Сжатый хлѣбъ гнилъ, проросталъ и осыпался. Оторванные отъ работы люди ходили другъ къ другу, горевали, били о полы руками...

Казалось, что небо со всѣхъ сторонъ обложено толстымъ слоемъ сѣрыхъ солдатскихъ шинелей, что вѣчно будетъ лить дождь, и никогда не исчерпается бездонная масса. Улицы превратились въ сплошныя лужи грязи. Маленькая, почти высохшая рѣченка пѣнилась и бурлила; сорвала мостъ, мельницу и вышла изъ береговъ.

Мироненко сидѣли дома. Петръ злился, ругалъ дождь: старикъ охалъ, время отъ время выходилъ въ сѣни и потягивалъ изъ бутылки, которую онъ пряталъ въ мѣшокъ съ рожью. Егоръ по цѣлымъ днямъ лежалъ на лавкѣ, стараясь справиться съ роемъ мыслей, и не могъ, даже не зналъ, что это за мысли—какой-то хаосъ быстро смѣняющихся представленій, безъ конца и начала, безо всякой связи. Заводъ, товарищи, тюрьма, деревня... Затѣмъ—почему-то полеты на аэропланахъ, много денегъ... Опять деревня, братъ, заводъ.

— Будетъ лежать-то, вѣдь пролежни будутъ, принесъ бы воды хоть,—обращалась къ нему Анна Гавриловна. Егоръ приносилъ воды и снова ложился на лавку.

Тоска!

Какъ-то вечеромъ онъ пошелъ въ волость попросить почитать книжку. Писарь Ильичъ, увидя его, подмигнулъ сторожу, притворно-вѣжливо справился, чѣмъ можетъ служить.

— Книжечекъ? Какія у насъ книги... Законы, только законы-съ... Нѣтъ, нѣтъ... Хе-хе... До пріятнѣйшаго...—Онъ снова подмигнулъ сторожу, а когда Егоръ вышелъ, залился звонкимъ хохотомъ...

— Ишь, ты чтецъ!.. Ха-ха-ха... Нѣтъ, братъ, поживи по нашему...

Съ Петромъ произошло уже нѣсколько схватокъ. Тоска озлобила и Егора; онъ пересталъ молчать, и часто они ругались злобно и ѣдко...

— Будетъ вамъ... И безъ васъ тошно!—говорилъ отецъ и шелъ въ сѣни. Мать качала головой и утирала глаза.

Въ воскресенье дождь пересталъ. Небо не было ясно, но на немъ появились свѣтлыя пятна и полосы... Вѣтеръ рвалъ тучи, бросалъ по небу клочья. Клочья таяли, свѣтлыя пятна сливались... На небѣ шла схватка, и вѣтеръ помогалъ вёдру...

Чѣмъ болѣе свѣтлѣло небо, тѣмъ болѣе свѣтлѣли лица крестьянъ.

— Слава Тебѣ, Господи!

— Хоть бы недѣльку подержалось...

— Дай ты, Микола Милостивый...

— Кабы такіе-то дни, дяденька, въ три дня высушитъ...

— Какъ есть...

Къ Мироненко опять зашелъ Колодкинъ, опять на столѣ появилась бутылка водки, пирогъ съ кашей, въ сотый разъ начались разговоры о продажѣ земли. Поднесли Егору, онъ отказался, но на вторую просьбу согласился, выпилъ рюмку, другую... Водка оживила его. Онъ началъ вмѣшиваться въ разговоръ, спорить... Еще нѣсколько рюмокъ, и Егоръ почувствовалъ, что тоска начинаетъ пропадать, яма, въ которой онъ считалъ себя похороненнымъ, имѣетъ много выходовъ и не все еще погибло. Мысль, что онъ умнѣе и развитѣе родныхъ и Колодкина, впервые мелькнула въ головѣ Егора, и ему хотѣлось доказать это имъ.

— Земля, земля... А подумаешь, такъ земля для кого мать, а для кого и мачеха... Другой здѣсь разстроится, а

переѣдетъ въ городъ—глядишь, черезъ годъ купецъ,—говорилъ Колодкинъ, потирая стриженую голову.

— Одно слово... Вотъ я—шесть лошадей имѣлъ, помѣщикъ нашъ по 500 у меня занималъ, а теперь на те—вотъ...

— Рѣшай, Силантичъ. Рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ, гдѣ лучше. Что ты, не человѣкъ, что-ли? Посмотри, вонъ другіе—знаешь Герасима?

— Какъ же?

— Открылъ пивную въ городѣ и живетъ... Теперь рукой не достанешь!..

— Не рука намъ продавать,—замѣчаетъ Петръ.

— Стыдно тебѣ, дядя, на такое дѣло его подговаривать...

— Молчи, мать... Не твое дѣло! Что я—ребенокъ, что-ль? Самъ понимаю!

— А вы много купили участковъ?—спросилъ Колодкина Егоръ.

— Мы-то? Да кто ихъ считалъ!.. Просятъ вотъ такъ-то по знакомству, и дѣлаешь уваженіе... У насъ другое дѣло—мы косами торгуемъ...

— И землей не брезгаете, какъ видно!..

— Покупаемъ по знакомству.

— То-то, я вижу, вы больно часто отца-то начали посѣщать...

— Съ отцомъ твоимъ, другъ, мы росли вмѣстѣ... Спроси-ка его, сколько у васъ дѣловъ-то было общихъ...

— Много было, Егоръ, много...

— Читалъ я, что вотъ такіе кулаки всю землю по Россіи заграбастываютъ, а народъ нищаетъ...

— Какіе же такіе кулаки?

— А вотъ въ видѣ васъ,—въ Егорѣ что-то проснулось, поднялось, онъ подошелъ къ Колодкину вплотную,—въ видѣ тебя, вотъ! Такіе, какъ ты, бываютъ кулаки и глотаютъ народъ. Широка у васъ глотка, а утробы ненасытны—вы не знаете конца... Ну, да подождите, лопнутъ утробы-то...

— За такія, братъ, слова...

— Не пугай! Убирайся лучше къ чорту!..

— Ну, ты не распоряжайся больно-то—вступился Петръ,—ишь, распорядитель. Не твоя изба и не гони...

— Да видишь ты, зачѣмъ онъ ходитъ сюда...

— Къ отцу ходитъ, не къ тебѣ... Нахлѣбникъ!

— Слушай, Петръ: хлѣбомъ ты меня не кори, здѣсь моихъ денегъ не мало тоже сѣло—знаешь, чай?

— На это ты старшій сынъ, наслѣдникъ.

— Мнѣ ничего не надо:..

— Не надо, а жрешь...

— Я не про ѣду говорю... Кусокъ хлѣба заработаю ..

— Работникъ... Волостной вонъ по всему селу смѣется, какъ ты за книжками приходилъ... Читатель!... Заработалъ много, а пріѣхалъ нищимъ!

— Будетъ вамъ, Христа ради, дайте уйти мнѣ отъ васъ, дѣлайте тогда, что хотите...

— Будетъ, будетъ, ребята, я не сержусь... Выпьемъ вотъ...—уговаривалъ Колодкинъ.

Егоръ хотѣлъ убѣжать изъ избы, но рука какъ-то сама потянулась за стаканчикомъ, и онъ выпилъ вмѣстѣ съ другими.

— Такъ-то лучше! Тебѣ же, Егоръ, я вотъ что скажу—иди ты на винокуренный заводъ, проси работы... Ты мастеровой, слесарь, тамъ тебѣ и мѣсто. А у насъ съ твоимъ характеромъ ты не проживешь...

— Не проживетъ... Говорилъ я ему...

— Разлюбезное дѣло: постукивай молотомъ, да получай денежки...

— Вотъ видишь, Егоръ! Ты обругалъ человѣка, а онъ тебѣ способствуетъ...

Егоръ вышелъ на улицу. Небо было совсѣмъ ясно, коегдѣ лишь боязливо прятались рѣденькія кружева облаковъ, расплываясь и тая... Около избы толпился народъ, слышался веселый, бойкій говоръ, смѣхъ, визгъ... Изъ-за церкви неслись отрывки пѣсенъ...

1911 г.

ДНЕВНИКЪ АГИТАТОРА.

ПОВѢСТЬ.

ДНЕВНИКЪ АГИТАТОРА.

(Изъ посмертныхъ записокъ И. А. Коновалова).

12-е мая.

Нервы мои снова начинаютъ «пошаливать»... Каждое утро я встаю съ больной головой, независимо отъ того, много или мало я сплю. Ночью я обычно переживаю то, что было днемъ—говорю на митингахъ и сходкахъ, участвую во всевозможныхъ совѣщаніяхъ. Аппетитъ пропалъ уже нѣсколько дней, и я питаюсь молокомъ и пивомъ... Настроеніе тоскливое... И самое скверное это то, что нельзя понять, отчего все чаще и чаще кто-то покусываетъ мое сердце... Я все болѣе и болѣе начинаю убѣждаться въ томъ, что мнѣ не слѣдуетъ ни на минуту освобождаться отъ своихъ дѣлъ. Покуда заваленъ ими, пока безпрестанная дѣятельность захватываетъ всего, тоски нѣтъ, напротивъ, чувствуешь себя очень жизнерадостно... Можетъ быть, потому, что нѣтъ времени о чемъ-либо думать. Не думаешь и покоенъ. Но вотъ освободился на день-два, и начинается какое-то мучительное самоковыряніе... Является безпричинная тоска и недовольство... Въ такіе часы необходимо быть одному—присутствіе другихъ увеличиваетъ страданія. Изволь-ка отвѣтить хотя бы Герасиму, отчего скверное настроеніе. Онъ не пойметъ, да и не захочетъ понимать. Вѣдь, мы—оффиціальные пропагандисты жизнерадостности. И вдругъ безпричинная душевная боль! Развѣ это не пережитки буржуазности, не находящей точки прило-

женія своихъ силъ?!.. Герасимъ, навѣрное, сказалъ бы что-нибудь въ такомъ родѣ и началъ бы подтрунивать... Надоѣдаетъ все это страшно! Какъ это не хотятъ понять люди, что въ душѣ моей отцѣпился какой-то крючечекъ, сорвалось что-то, и трудно все пустить по-старому. Вѣдь, я великолѣпно вижу, что какой-то переломъ случился съ большинствомъ изъ насъ. Мы, правда, недостаточно искренни другъ съ другомъ, мы притворяемся, но каждый по себѣ понимаетъ другого. Когда Герасимъ начинаетъ говорить мнѣ о буржуазной разочарованности, я великолѣпно понимаю, что, какъ только выберется свободная минута у него, онъ тоже будетъ лежать на кровати, грызть ногти, и проклятое «что-то», безпрестанно укалывающее меня, несомнѣнно, и его не оставляетъ въ покоѣ... И, придя къ нему въ эту минуту, я непремѣнно говорилъ бы ему о буржуазной разочарованности... А онъ смотрѣлъ бы на меня и досадовалъ, что я пришелъ... Непонятно, почему мы оба лицемѣримъ... Очевидно, потому, что каждый стыдится сознаться, что въ его душѣ существуетъ неудовлетворенность...

Когда бываешь заваленъ дѣломъ, только и думаешь о томъ, какъ бы освободиться скорѣе, отдохнуть, почитать. А когда освобождаешься, обычно ничего не успѣваешь сдѣлать... Ходишь изъ угла въ уголъ и стараешься привести въ систему свои мысли... Сегодня цѣлый день не читалъ ничего, кромѣ Шерлока Хольмса, а сейчасъ, ночью, не могу простить себѣ, что безплодно провелъ день. Весь день подгвазживая себя, теперь стараюсь успокоиться и заснуть.

13-е мая.

Сегодня видъ у меня, очевидно, было особенно скверенъ, потому что я обратилъ на себя вниманіе моихъ товарищей. Теперь мы настолько заняты, что обращать вниманіе на состояніе другъ друга некогда... Очевидно, я чертовски переутомленъ, разъ на меня вниманіе все-таки было обращено.

— Вы больны?

— Кажется, я совершенно здоровъ.

— Онъ переутомленъ, какъ и многіе изъ насъ... Помимо шутокъ, намъ нуженъ отдыхъ... Въ концѣ концовъ, мы свалимся!..

— «Подожди немного, отдохнешь и ты...»

— Плоская шутка!

— Но что же дѣлать? У насъ очень мало силъ... Моментъ важный... Устали мы всѣ... Не бросить-ли ужъ работу всѣмъ и поѣхать на дачу?

— Нужна замѣна!

— Совершенно справедливо. Но, можетъ быть, она у васъ имѣется въ виду?

— Что же, значитъ, итти до тѣхъ поръ, пока не падешь, какъ коночная кляча. Мы не хотимъ понять, что дѣятельность наша малопродуктивна. Ну, какіе мы вожди?!.. Посмотримъ серьезно другъ на друга... Всѣ мы больны и нервны. Да и не удивительно, если принять во вниманіе, что такой жизнью мы живемъ четвертый годъ... Мнѣ кажется, что всѣ мои нервы кто-то наматываетъ на кулакъ и не сегодня-завтра вырветъ ихъ съ корнемъ..,

— Это, милый мой, философія, психологія, психіатрія, но не исходъ. Дай намъ замѣну, и мы отдохнемъ, можетъ быть... Говорю: «можетъ быть» потому, что увѣренъ—многіе изъ насъ не смогутъ отдохнуть...

— Почему?

— Почему? Да по той простой причинѣ, что безъ революціи, безъ постоянной жгучей атмосферы мы не сумѣемъ жить... Не сумѣемъ! Каждый изъ насъ мечтаетъ объ отдыхѣ въ деревнѣ, гдѣ ничего нѣтъ, кромѣ природы и книгъ, но, когда судьба посылаетъ намъ этотъ отдыхъ, мы не особенно долго имъ пользуемся...

— Значитъ, мы, подобно некрасовскому герою, можемъ «жить, пока на ходу»?

— Конечно. И, чѣмъ быстрѣе, чѣмъ отчаяннѣе ходъ, тѣмъ лучше наша жизнь... Словъ нѣтъ—усталость въ насъ замѣчается, но она проявляется все больше въ зависимости отъ того, что мельчаетъ наше дѣло. Перефразируя Маркса, я скажу: мы нервничаемъ и хандримъ не отъ излишка нашей дѣятельности, а отъ невозможности дѣйствовать такъ, какъ бы мы хотѣли. Ужъ какъ, кажется, не изнервничаться въ 1905 году, когда мы спали по 3 часа въ сутки, а, насколько мнѣ помнится, никто объ этомъ и не заикался, а теперь—

усталость замѣтна на всѣхъ... Мнѣ кажется, это объясняется еще тѣмъ, что мы самые чуткіе барометры политической атмосферы и лучше другихъ понимаемъ, что грозы и бури въ скоромъ времени не предвидится...

— Поэтому?

— Поэтому... Поэтому надо стараться сгустить тучи...

Я не вступалъ въ разговоръ товарищей, но слушалъ его внимательно... «Ага,—думалъ я,—червячекъ-то, какъ видно, всѣхъ васъ точитъ»... Хотя я это зналъ и раньше, но мнѣ стало нѣсколько легче отъ того, что я нахожусь въ довольно обширной компаніи «неспокойныхъ»...

День прошелъ незамѣтно, и къ вечеру въ душѣ водворилось безразличіе... Это обычно. Умъ заполняется цѣлымъ рядомъ задачъ и вопросовъ нашей обычной жизни, и некогда думать о чемъ-либо другомъ. Вечеромъ мы возвращались вмѣстѣ съ Герасимомъ и молчали почти все время. Мнѣ не хотѣлось говорить о томъ, что дѣлалось днемъ, а больныхъ струнъ я боялся коснуться.

Молчаніе нарушилъ Герасимъ.

— Какъ тебѣ нравится принятое рѣшеніе?

— Мнѣ все казалось, что вопросъ не настолько важенъ, чтобы такъ долго ломать по поводу него копья... Вѣдь, въ концѣ концовъ, практическаго значенія онъ имѣть не будетъ... Резолюція такъ и останется резолюціей...

— Конечно, это такъ. Поэтому-то, кажется мнѣ, мы и чувствуемъ усталость. Силы тратятся, нервы натягиваются, а въ результатѣ—пустота... Раньше была дѣятельность, а теперь суетливость...

— Но, вѣдь, есть же въ этомъ извѣстный смыслъ?

— Боюсь, что только для насъ... Намъ нужно что-нибудь дѣлать, иначе мы останемся не у дѣлъ. Безъ революціи мы, какъ рыба безъ воды... Мнѣ думается все, что наша теперешняя дѣятельность не что иное, какъ борьба за существованіе...

— То-есть?

— Да взять хотя бы меня. Я—конторщикъ по своей профессіи и агитаторъ... О первомъ я забываю очень часто, а послѣднимъ живу. Безъ послѣдняго не представляю себѣ жизни хотя бы на полгода... А теперь сознаніе все больше

и больше мнѣ подсказываетъ, что скоро я останусь въ дѣйствительности только конторщикомъ, а агитаторомъ въ потенціи... А это равносильно смерти... И вотъ я голосую за резолюцію, въ которой говорится: необходима широкая агитація...

— Значитъ, ты не вѣришь въ революцію?

— Глубоко вѣрю; иначе я не сталъ бы жить ни одной минуты!..

— Такъ работай для нея, какъ возможно въ настоящее время.

— Чудакъ. Весь вопросъ въ томъ, хватитъ ли у меня силъ ждать... А ты увѣренъ, что движеніе начнется въ скоромъ времени?

— Въ очень скоромъ—нѣтъ...

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты отвѣтилъ утвердительно,— сказалъ онъ, немного помолчавъ. Мы простились.

Удивительно, что я только сегодня узналъ, что Герасимъ— конторщикъ... Все время я его зналъ, какъ блестящаго агитатора...

14-е мая.

Герасимъ—конторщикъ! Вотъ мысль, съ которой я никакъ не могу освоиться. Человѣкъ, который произноситъ такія великолѣпныя рѣчи, котораго встрѣчаютъ всегда громомъ аплодисментовъ, котораго частенько укалываетъ буржуазная пресса, вдругъ занимаетъ такую скромную должность. Я почему-то никакъ не могу представить его за работой въ конторѣ... Это наводитъ на странныя мысли... Но кѣмъ же, въ концѣ концовъ, онъ долженъ быть? Вѣдь, всѣ мы представители пролетаріата... Но нѣтъ, все-таки не то... Лучше бы слесарь или литераторъ... Итакъ, въ періодъ революціоннаго затишья онъ останется только конторщикомъ... Странно, хотя такъ естественно. Такъ понятно. Цинциннатъ тоже послѣ великихъ подвиговъ шелъ заниматься скромнымъ трудомъ. Смѣшно. Нѣтъ, все это ерунда, ерунда... Я не знаю, какова профессія Нила, но слышалъ, что онъ приказчикъ... Бывшій приказчикъ... Что же, онъ тоже долженъ тогда итти отмѣривать ситцы или взвѣшивать колбасу... Но развѣ это «стыдно»? Не въ этомъ дѣло. Дѣло въ сопоставленіи... Какая-то

Вопросъ этотъ меня болѣе, чѣмъ поразилъ. Я никогда не разговаривалъ съ товарищами на подобныя темы.

— Вотъ гдѣ отгадка твоей хандры! Ужъ не влюбился ли ты безнадежно?!

— Брось шутить. Это и скверно, что я не влюбился. Но еще сквернѣе кажется мнѣ то, что до сихъ поръ я объ этомъ не думалъ.

— Что же тебя заставило думать?

— Чортъ знаетъ, что! Скорѣе всего тысячи безпорядочныхъ мыслей, которыя послѣдніе дни сводятъ меня съ ума. Но, ты, вѣдь, увильнулъ отъ вопроса...

— Да что тебѣ сказать... Кажется... За послѣдніе годы нѣтъ... Лѣтъ семь тому назадъ было что-то въ этомъ родѣ. Но, говоря по совѣсти, я объ этомъ не думалъ тоже—не приходилось и не было времени.

— Этого отвѣта приблизительно я и ожидалъ. И тебя не тяготитъ это?

Вопросъ былъ для меня неожиданъ. Тяготитъ ли меня это? Кажется, нѣтъ. Хотя бывали минуты, когда какъ будто хотѣлось полюбить, но жизнь забрасывала мысли объ этомъ слоемъ другихъ...

— До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ.

— А сколько тебѣ лѣтъ?

— Двадцать четыре.

— Ты не считай меня сумасшедшимъ за эти вопросы. По-моему, это очень важно. И, чѣмъ больше я по этому поводу думаю, тѣмъ больше кажусь себѣ человѣкомъ нѣсколько однобокимъ. Жизнь, что ли, такъ складывается! Вѣдь, мы уже не смотримъ на вопросъ о бракѣ подобно героямъ Мордовцева. У насъ другіе идеалы, другія точки зрѣнія. А, между тѣмъ, получается что-то неладное. Я немного неправъ былъ, когда сказалъ, что до сихъ поръ я по этому поводу совершенно не думалъ. Былъ даже такой случай, когда мнѣ мучительно хотѣлось съ кѣмъ-либо на эту тему побесѣдовать... Но стыдно было... Произошло это въ разгаръ революціи... Всѣ силы направлены были въ опредѣленную точку, а здѣсь вдругъ... эта исторія.

— Ты что же, полюбилъ, что ли?

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что не знаю самъ. Ты, конечно, помнишь тотъ періодъ, когда всѣ хотѣли быть революціонерами. Былъ митингъ въ консерваторіи... Ну, я былъ тамъ, говорилъ... А потомъ... Чортъ знаетъ, какія дурацкія сплетенія... Потомъ у меня не было ночевки... Одна изъ консерваторокъ согласилась пріютить меня у себя. Знаешь, что тогда дѣло за ночевками не стояло. Любой либералъ охотно отворялъ двери для нашего брата... Всю дорогу мы молчали, я даже не обратилъ вниманія на ея лицо...

— Не за лицо же ты полюбилъ ее?

— Опять казенная фраза... Дѣйствительно, я отступилъ въ данномъ случаѣ отъ программы и полюбилъ ее, совершенно не зная ея убѣжденій и партійности. Хотя, по всей вѣроятности, у нея не было ни убѣжденій, ни партійности. Итакъ, мы пришли въ ея комнату. Обычная комната курсистки. Только рояль указывала на нѣкоторое отличіе,.. Я былъ усталый и хотѣлъ спать... Ей же хотѣлось побесѣдовать со мной... Я, конечно, осилилъ сонъ, и мы бесѣдовали... Нѣкоторыя мысли ея заинтересовали меня. «По-моему,—говорила она, напримѣръ,—коли отдаться чему-либо, такъ всей душой, всѣми силами... Чтобы каждый атомъ былъ пропитанъ этимъ... Я вотъ люблю музыку, но, если бы не она, такъ я всѣ силы свои отдала бы революціи... Потому что это тоже поэзія»... Не помню, что я говорилъ. Очевидно, какія-либо казенныя фразы. А, можетъ быть, что и дѣльное... Не помню совершенно. Но вдругъ она сказала фразу, которая далеко отбросила мой сонъ. «Я могла бы полюбить, напримѣръ, васъ, но въ этомъ случаѣ музыки не бросила бы, съ ней я переплетала бы мою любовь и въ музыкѣ бы ее выражала». Вотъ те и на! Я осмотрѣлъ ее съ ногъ до головы, и мнѣ она показалась красавицей. «Я тоже могъ бы полюбить васъ»,—брякнулъ я.

— Ну, а она?—заинтересовался я.

— Она? Она отвѣтила мнѣ однимъ словомъ. «Полюбите»!

— Чѣмъ же кончилось?

— Кончилось тѣмъ, что на другой день я ушелъ, обѣщая зайти. А потомъ... зайти какъ-то не удалось... Постепенно все это изгладилось, а вотъ теперь воскресло... Вос-

кресло съ такой яркостью, съ такой силой, что порой доставляетъ мнѣ страданія... И удивительно то, что тогда я не разглядѣлъ ее какъ слѣдуетъ и скоро почти совсѣмъ забылъ ея лицо, а теперь она стоитъ передо мной, какъ живая...

— Отчего же ты не сходишь къ ней?

— Теперь поздно: она вышла замужъ...

— Однако, она поторопилась!

— Такъ вотъ, тогда мнѣ частенько хотѣлось съ кѣмъ-либо поговорить на эту тему. Одинъ разъ я тебя хотѣлъ позвать къ ней вмѣстѣ съ собой, но... уроды мы какіе-то!..

— Другую полюбишь.

— Если бы это зависѣло отъ меня, полюбилъ бы... Теперь стыдиться не стану. Но сознаніе, что *то* нужно ликвидировать, мучительно.

— Да, вѣдь, ты же ея все время и не вспоминалъ.

— Очевидно, безсознательно, не давая себѣ отчета, я любилъ ее все время... Впрочемъ, все это ерунда...

Я посмотрѣлъ на Герасима и впервые понялъ, что онъ очень красивъ и строенъ. Черты его лица очень тонки, а глаза выразительны и нѣжны. Удивительно, что, зная Герасима болѣе трехъ лѣтъ, я только въ первый разъ какъ слѣдуетъ разсмотрѣлъ его лицо. А каковъ изъ себя Нилъ?— подумалъ я и не могъ отвѣтить.

— Какъ, по-твоему, Нилъ красивъ?

— Не знаю. Вотъ Павелъ, тотъ несомнѣнный красавецъ.

Однако, какой пустой и ненужный разговоръ! Тѣмъ не менѣе, меня онъ невольно заставилъ много думать о прошломъ. Какъ я ни старался воскресить прошлое, найти тамъ хоть что-либо похожее на любовь, ничего не было... Впрочемъ, нѣтъ, нѣтъ! Кое-что всетаки было... Въ Самарѣ я работалъ въ нелегальной техникѣ вмѣстѣ съ Марусей. О ней говорили, что это дѣвица аристократическаго происхожденія. Отецъ ея—князь какой-то древней фамиліи, и къ намъ въ технику она попала почти случайно. Желая оказать революціи хоть какое-нибудь содѣйствіе, она въ княжескихъ хоромахъ хранила бомбы. Дѣло это раскрылось, и ей пришлось скрываться. Работа въ подпольной техникѣ самая скверная изъ всѣхъ революціонныхъ работъ. Она скорѣе всего раз-

страиваетъ нервы и истощаетъ силы. Кромѣ того, мы работали въ періодъ безденежья. Касса комитета пустовала, и намъ приходилось вести полуголодную жизнь. Все это, конечно, не располагало къ идилліи. Однако, исключительность ли обстановки, то ли обстоятельство, что мы лишь въ недѣлю разъ имѣли возможность выглянуть на свѣтъ Божій и коекого увидѣть, сблизили насъ настолько, что между нами начали создаваться какія-то особыя отношенія. Выражались они въ пожатіи рукъ, въ мелкихъ услугахъ другъ другу... И я все больше и больше началъ сознавать, что я люблю Марусю. Курьезно, что я сказалъ ей объ этомъ во время печатанія срочной прокламаціи. Къ утру намъ необходимо было изготовить десять тысячъ.

— Вы не устали, Маруся?

— Нѣтъ, во время работы я становлюсь какой-то безчувственной. А вы?

— Я съ вами не устаю никогда!

— Почему же со мной?

— Не скажу! Это касается чувствъ. А вы сейчасъ безчувственны.

— Говорите, говорите: я вся—одно чувство.

— Что же, вы хотите формальнаго признанія? Развѣ вы не замѣчаете, что я васъ люблю!

Квартирка наша освѣтились особымъ свѣтомъ, стала уютной и радостной. Работать было весело. Мы смѣялись, строили планы будущаго... Въ ту ночь я былъ счастливъ, какъ никогда. «Я люблю тебя, Викторъ,—говорила она,—люблю такъ нѣжно, такъ страстно и мучительно. Съ тобой я готова итти всю жизнь, готова умереть хотъ сейчасъ... Мнѣ любовь наша особенно дорога еще потому, что она скрѣпляется свѣтомъ нашей общей идеи. Не смѣйся, но мнѣ кажется, что отъ этого станка свѣтятъ на насъ лучи нашей идеи. Вѣдь, не даромъ же мы работаемъ. Что-нибудь да приноситъ наша работа. Я всегда думаю о томъ, что листки, которые я набираю, попадутъ темному человѣку и, можетъ быть, пробудятъ въ его головѣ новыя мысли, смягчатъ его огрубѣлость... И это одухотворяетъ мою скучную работу, а теперь это будетъ одухотворять и мою любовь, глубокую и страстную,

какъ море». Насъ арестовали черезъ недѣлю послѣ этого, мнѣ удалось бѣжать, а гдѣ она? Помню, ее приговорили къ двумъ годамъ крѣпости: куда она дѣлась потомъ, не знаю. Вотъ любовь—первая и единственная... Герасимъ заставилъ меня вспомнить объ этомъ, и мнѣ досадно, что въ моей душѣ воскресло то, что было забыто. А вдругъ, какъ у Герасима, и у меня воскреснетъ любовь... А вмѣстѣ съ ней тоска и муки? Нѣтъ, нѣтъ, только не это... Не могу же я страдать за далекое прошлое... Не хочу! Ужъ если періодъ бездѣлья неизбѣжно рождаетъ потребность въ любви, то можно полюбить другую...

Но какъ не хорошо, однако, то, что я вдругъ занялся какими-то пустяками. То ломаю голову надъ вопросомъ, какъ мы переселимся въ подполье, то вдругъ о любви... Ну, первое понятно—это, такъ сказать, вопросъ дня... Да и здѣсь нечего вдаваться въ особыя подробности... Но почему же, чортъ возьми, опять какіе-то когти начинаютъ рвать сердце? Почему хочется кричать отъ какой-то боли? Тоска, доходящая до боли физической! Почему?

16-е мая.

Порой, какъ и сегодня, всѣ мои мысли о подпольѣ и прочемъ начинаютъ казаться мнѣ смѣшными и странными. Я ихъ склоненъ просто считать временной нервной усталостью. Сегодня у меня день необычайнаго подъема. Рано утромъ ко мнѣ пріѣхала мой другъ Роза. Съ Розой у меня давнее знакомство. Я впервые встрѣтилъ ее гимназисткой въ одномъ изъ поволжскихъ городовъ. Она много помогала намъ въ нашей работѣ, и всѣ любили ее за серьезный и вдумчивый характеръ. Пріѣздъ ея былъ меня пріятнымъ сюрпризомъ. Она уже совсѣмъ взрослая дѣвица, много читала и теперь поступаетъ въ университетъ... Въ характерѣ ея, кажется, произошла рѣзкая перемѣна: ко многому она относится критически и далеко не склонна принимать на вѣру сужденія авторитетовъ... Мы долго говорили о прошломъ, а потомъ вмѣстѣ отправились на митингъ.

Митингъ былъ очень удаченъ. Въ лѣсу собралось довольно много рабочихъ. Обстановка очень поэтична. Лощина на

краю обрыва заполнена была народомъ. Кое-гдѣ мерцало тусклое пламя костровъ. Въ отверстія между сплетшимися вершинами деревьевъ глядѣло звѣздное небо. Обстановка создавала повышенное настроеніе... Отсутствовалъ обычный страхъ пріѣзда казаковъ, всѣ воодушевились, пѣли и строили широкіе планы. Говорятъ, что рѣчь моя была очень хороша, но мнѣ больше нравилась рѣчь Герасима. Онъ говорилъ какимъ-то надтреснутымъ, рыдающимъ голосомъ, и въ рѣчи его было столько красоты и силы, что всѣ мы были загипнотизированы. Въ лѣсу совершенно темно. Всѣ слились въ какую-то темную, таинственную массу, изъ средины ея вылетаютъ страстные звуки его рѣчи... Одну минуту меня кольнула неопредѣленная мысль, почему такъ внимательно смотритъ на Герасима Роза... Но я тотчасъ же засмѣялся самъ надъ собой и прогналъ эту глупую мысль. Митингъ продолжался до утра, а съ разсвѣтомъ мы всей массой двинулись въ городъ. Разошлись воодушевленные и радостные съ пѣніемъ пѣсенъ... Мы пошли съ Розой, и я совершенно не чувствовалъ усталости.

— Часто въ Петербургѣ бываютъ такіе митинги?

— Раньше были довольно часто,—неопредѣленно отвѣтилъ я.

— А теперь?

— Нѣсколько рѣже. Полиція рыщетъ всюду, и собраться удается съ большимъ трудомъ.

— Хорошо, очевидно, быть агитаторомъ?

— Послѣ митинговъ я чувствую себя хорошо.

— А кто тотъ, что такъ красиво говорилъ о развитіи индивидуальности при соціалистическомъ строѣ?

Этотъ вопросъ снова укололъ меня. Мнѣ почему-то стало очень непріятно, что Роза заинтересовалась Герасимомъ. Явилось желаніе затушевать сильное впечатлѣніе его рѣчи, но я своевременно подавилъ это желаніе.

— Это нашъ агитаторъ, Герасимъ.

— Онъ бываетъ у васъ?

— Иногда.

И чего она такъ заинтересовалась имъ? Впрочемъ, какое мнѣ до этого дѣло? Не могу же я заставить ее интересо-

ваться только мной! Она свободна въ выборѣ... Но въ какомъ выборѣ?—ловлю я себя на мысли, и мнѣ становится смѣшно. Вездѣ и всюду виноватъ Герасимъ! Внушилъ мнѣ необходимость влюбиться, и вотъ я хватаюсь за первую встрѣчную... Впрочемъ, она, вѣдь, очень красива... Ерунда, братецъ мой! Прочь, дьявольское навожденіе! Ха, ха, ха... Получается настоящій романъ въ подпольѣ. А Маруся? Но что же Маруся? Что было? Ничего не было... Тоже романъ въ подпольѣ за типографскимъ станкомъ... Но почему же тогда эта колкая боль отъ ея вопросовъ о Герасимѣ? Вопросъ... Впрочемъ, это, очевидно, обыкновенное самолюбіе, соревнованіе... Главное, меньше думать на эту тему... Гораздо полезнѣе обдумать рѣчь для завтрашняго митинга... Тѣмъ болѣе, что тамъ будетъ Роза... Но почему «тѣмъ болѣе»?

17-е мая.

Цѣлый день спалъ, а вечеромъ произошла слѣдующая исторія: митингъ собрался на старомъ мѣстѣ, начались обычныя рѣчи, страстныя и возбуждающія... Во время рѣчи рабочаго неожиданно появилась полиція и неожиданно же открыла стрѣльбу по убѣгающимъ. Я бросился къ начальствующему офицеру, но былъ сбитъ прикладами. Говорятъ, много раненыхъ. У одного изъ нихъ мы сейчасъ были съ Розой на квартирѣ. Это уже пожилой рабочій. Онъ лежитъ на грязныхъ лохмотьяхъ деревянной кровати. Жена и дѣти не плачутъ уже—«всѣ слезы выплаканы». Удивительное дѣло. Когда мы вошли, раненый улыбнулся, и первыми словами его было:

— Смотрите, въ грудь раненъ... Не бѣжалъ... Не въ спину... Извѣстное дѣло, голыя руки, что съ ними подѣлаешь... Въ грудь, на вылетъ... Можетъ, какъ-нибудь еще смаюсь, оправлюсь... Кто знаетъ!.. Сергѣй былъ у меня сегодня... Немного раньше васъ ушелъ... Такъ я все ему передалъ—связи и все такое... На всякій случай... Вотъ, вѣдь, какое дѣло—боли особой нѣтъ, а силы слабнутъ...

Я крѣпко пожалъ ему руку, почему-то взглянулъ на Розу и тотчасъ поймалъ себя на некрасивой мысли... Мнѣ стало досадно и стыдно... Раненый не выпускалъ моей руки

и тихо гладилъ ее... Хотѣлось, рыдать, рыдать безъ конца...

Утромъ онъ умеръ...

18-е мая.

Былъ у Нила. Я попалъ къ нему въ первый разъ, и меня поразила его обстановка. На стѣнахъ десятки снимковъ съ картинъ извѣстныхъ художниковъ. Этажерка завалена книгами новѣйшей русской и иностранной беллетристики... Обычныхъ для насъ брошюръ почти нѣтъ, зато послѣдніе номера почти всѣхъ журналовъ, сборниковъ и альманаховъ... Я пришелъ къ нему по дѣлу, но странный подборъ книгъ заставилъ задать нѣсколько вопросовъ, и завязался разговоръ.

— Неужели ты читаешь все это?

— Конечно. Почему же не читать?

— Какой смыслъ тратить время на чтеніе этой декадентщины. Я понимаю—Гауптманъ, Метерлинкъ, но наши русскіе писаки едва ли дадутъ много новаго... Да за ними и не угоняешься... Всѣ они очень плодовиты...

— Кого ты называешь нашими писаками?

— Да вотъ всѣ эти Зиновьевы, Сологубы, Чулковы, Блоки...

— Они, по-твоему, совершенно не годны и не нужны?

— Почти. Особенно мало проку отъ нихъ теперь... Помимо нихъ, у насъ существуетъ широкая литература. Пишутъ всѣ они по опредѣленному шаблону, и тратить время на прочтеніе этого вороха и скучно и нецѣлесообразно.

— Съ чьихъ словъ ты высказываешь эти сужденія?

Этотъ вопросъ меня кольнулъ.

— Вопросъ, кажется, не Богъ вѣсть какой важности: можно имѣть и свои сужденія.

— Ты не обижайся. Я спросилъ такъ потому, что нахожу въ повтореніяхъ тобой обычныхъ у насъ разсужденій нѣкоторую неполноту... Нужно было добавить о разложеніи буржуазнаго общества и о писателяхъ, какъ выразителяхъ вкусовъ этого разлагающагося общества. Тогда все было бы въ порядкѣ.

— Но, вѣдь, это не возраженіе!

— Совершенно вѣрно. Но что же прикажете возражать противъ этого? Разберемъ аргументацію по пунктамъ: эти писатели однообразны и безсодержательны. Но, вѣдь, ты дѣлаешь такой выводъ, не прочитавъ ни одного изъ этихъ писателей. Да если бы ты и прочелъ одно-два произведенія, этого было бы недостаточно: худы ли, хороши они, но каждый имѣетъ свою собственную индивидуальность. Значитъ, чтобы выводить заключеніе, нужно все-таки произведенія перечитать. Это разъ. Если они выразители вкусовъ разлагающейся буржуазіи, читать ихъ тѣмъ болѣе необходимо, хотя бы для изученія вкусовъ и привычекъ своего врага. Но главное, конечно, не въ этомъ. Я думаю, односторонность не только не полезна для агитатора, но и вредна. Вредна потому, что намъ приходится сталкиваться со всѣми слоями общества, и мы должны быть всесторонне подготовлены, а не высказывать трафаретныя мысли. Да, кромѣ того, и въ средѣ нашей стихіи—пролетаріата—все больше и больше начинаютъ раздаваться такіе вопросы, которые не укладываются въ рамки трафаретнаго мышленія. Не дальше какъ вчера мнѣ задали, знаешь, какой вопросъ—объяснить «Балаганчикъ». Задалъ его знакомый тебѣ Ѳедоръ. Что же, по-твоему, я долженъ былъ просто сказать, что это ерунда!.. Повѣрь, что Ѳедоръ не удовольствовался бы подобнымъ толкованіемъ...

— Но гдѣ же время для всего этого? Вѣдь, мы же такъ чертовски заняты?

— Для чтенія беллестристики времени нужно немного. Я, напримѣръ, читаю ее между дѣломъ—на конкахъ, во время обѣда, вечеромъ... По совѣсти говоря, натолкнулъ меня на это по существу незначительный случай. Я присутствовалъ при спорѣ одного нашего товарища съ художницей. Все время мнѣ мучительно стыдно было за товарища, который свое невѣжество въ этой области старался замаскировать рѣзкой критикой. Стыдно, въ концѣ концовъ, стало и ему, потому что онъ понялъ, что одной статьи Луначарскаго для спора со спеціалистомъ мало... Не думай, что люди такъ наивны, что не понимаютъ, въ чемъ тутъ дѣло!

— Ужъ не поэтому ли ты и навѣшалъ эти картинки?

— Нѣтъ, не поэтому. Навѣшалъ ихъ я еще раньше. Помоему,—да это и по чьему угодно,—агитаторъ долженъ быть человѣкомъ всесторонне образованнымъ. Правда, мы находимся въ такихъ условіяхъ, при которыхъ все достигается съ громаднымъ трудомъ, но это не даетъ еще намъ права на все махать рукой со словомъ—«ерунда»!

— А съ чьихъ словъ говоришь ты?—уязвилъ я его.

— Очевидно, все это сказано раньше меня, но я «дошелъ своимъ умомъ».

— Ты и не замѣчаешь, что самъ впалъ въ другую крайность: обложилъ себя кучей беллетристики, навѣшалъ два десятка фотографій и вообразилъ, что все это всестороннее образованіе. Сознайся, что это наивно. Другое дѣло, если бы мы имѣли возможность систематическаго изученія. У насъ дорогъ каждый часъ, и тратить его теперь, полупроизводительно даже, мы не имѣемъ права: это—преступленіе. При лучшихъ условіяхъ политической жизни мы будемъ смотрѣть иначе.

— Только смотрѣть?

— Конечно, и поступать. Я, вѣдь, не отрицаю важности знакомства съ искусствомъ, признаю великое значеніе его; но разъ у меня нѣтъ возможности, разъ это идетъ во вредъ моей революціонной дѣятельности, я говорю, что надо ждать.

— Ждать и быть невѣждой?

— Въ этой области, да!

— А читать всѣ брошюры, которыми заваленъ книжный рынокъ, ты находишь время?

— Поскольку это необходимо для моей дѣятельности.

— Ну, такъ я скажу тебѣ, что нѣкоторыя изъ художественныхъ произведеній обогатили бы твою рѣчь въ десять разъ болѣе, чѣмъ десятокъ иныхъ брошюръ..

Споръ затянулся, и я ушелъ съ какимъ-то тяжелымъ сознаніемъ, что я не разбилъ аргументаціи Нила. Что онъ правъ во многомъ, это такъ, но что же дѣлать, разъ органически нѣтъ возможности стать человѣкомъ образованнымъ всесторонне? Силъ такъ мало, а дѣлъ, хотя и мелкихъ, такъ много, что времени совершенно не хватаетъ... Развѣ по примѣру Нила вдаться въ крайность? Смѣшно... Нѣтъ, лучше

ужъ буду урывать, поскольку возможно... «Примѣнительно къ возможности»... Любопытно поговорить по этому поводу съ Розой!..

Сегодня у насъ крупные аресты... То и дѣло сообщаютъ о новыхъ плѣнникахъ... На оставшихся дѣла все прибавляется... Вотъ тутъ и занимайся изученіемъ!..

19-е мая.

Аресты продолжаются... За ночь арестовано болѣе двадцати человѣкъ. Герасимъ едва спасся и ходитъ понурый и задумчивый. Хотя послѣдніе дни, вообще, онъ рѣдко бываетъ веселъ... По всему видно, что ему необходимъ отдыхъ... Похороны убитаго товарища едва не привели къ новому столкновенію. Всѣ мы какъ будто нѣсколько растерялись и едва успѣваемъ смыкать свои ряды... Думать о чемъ-либо некогда. Всѣ мысли заняты однимъ—сохранить организацію... Долженъ былъ притти домой въ 8 ч. вечера, чтобы поговорить съ Розой, но не могъ, и вернулся лишь въ 2 ч. ночи.

Всѣ увѣрены, что надвигается полоса событій... Ждемъ и лихорадочно готовимся... Герасимъ пересталъ вѣрить всему...

— Ты думаешь, что на самомъ дѣлѣ начнутся событія?

— Глубоко вѣрю въ это.

— И они приведутъ къ побѣдѣ?

— Можетъ быть.

— «Блаженъ, кто вѣруетъ»... Хотя я сомнѣваюсь въ твоей глубокой вѣрѣ... Какъ и въ вѣрѣ всѣхъ васъ... Не съ закрытыми же глазами смотрите вы на положеніе вещей?...

— Что же думаешь ты?

— Я говорю о томъ, что вижу... Настроеніе самое скверное... Нужно что-либо изъ ряда вонъ выходящее... Нужны такія гигантскія силы, какихъ у насъ нѣтъ!..

— Чего ты волнуешься-то?

— Меня все волнуетъ... Все! Понимаешь ты—все! И волнуетъ, что я слышу много пустыхъ словъ... Вѣрю въ событія! Но что же, въ концѣ концовъ, это за событія будутъ такія при вялой массѣ и вождяхъ безъ политической проницательности!.. Вѣдь, мы—вожди пассивнаго настроенія, не что иное... Зачѣмъ же болтать безъ толку и смысла...

— Ты усталъ!

— Не болтай вздора. Усталъ не одинъ я... Я не обманываю себя и открыто заявляю: близокъ періодъ, когда придется только начинать все сначала... Только начинать!.. И я могу доказать это! Да и вы всѣ чувствуете, понимаете это, но боитесь сознаться!..

Окончательно человѣкъ растрепалъ свои нервы... Отъ меня онъ побѣжалъ какой-то качающейся походкой... И мнѣ показалось, что онъ зарыдалъ... Я начинаю понимать, что съ нимъ творится... Событія, несомнѣнно, втолкнутъ его въ прежнюю колею... А теперь ему нужно успокоиться...

20-е мая.

Наши обычныя занятія принимаютъ сѣрый и суетливый характеръ. Нѣтъ огня, который одухотворялъ бы дѣятельность и создавалъ бы особую притягательную силу къ ней. Это вполнѣ понятно, впрочемъ. Хотя на очереди и есть одинъ серьезный и важный вопросъ, но теоретически, такъ сказать, онъ уже рѣшенъ, а практическое рѣшеніе его зависитъ не отъ насъ. А въ ожиданіи практическаго рѣшенія этого вопроса мы вертимся вокругъ вопросовъ мелкихъ и пустыхъ... Въ самомъ дѣлѣ, сегодня нѣсколько часовъ потратили на разговоры о недостаткѣ силъ и необходимости отстранить одного товарища, провинившагося въ томъ, что рѣзко отозвался по поводу послѣднихъ рѣшеній партіи.

Вечеромъ у меня была Роза, и я бесѣдовалъ съ ней на тему, затронутую Ниломъ. Она во всемъ соглашалась съ нимъ, а потомъ разговоръ перешелъ на общія темы.

— Чѣмъ больше я развиваюсь, тѣмъ становлюсь болѣе пугливой... Раньше я ни о чемъ не думала, просто отдавала свои силы революціи—на что-нибудь, молъ, пригодятся... А теперь вотъ начинаю думать и чувствую, что, серьезно говоря, я мало на что годна. Ну, что, въ самомъ дѣлѣ, я могу дѣлать теперь? Быть секретаремъ какого-нибудь подрайона меня уже не интересуетъ: хочется работы болѣе живой и творческой. Для пропагандистки у меня мало силъ и знаній... Вотъ и стоишь въ нерѣшительности... Со мной совершается странная исторія: жизнь безпрестанно меня об-

гоняетъ... То, что я знаю теперь, вполнѣ было бы пригодно два года назадъ. А теперь то, что извѣстно мнѣ, стало извѣстно всѣмъ, въ томъ числѣ и рабочимъ; жизнь выдвинула новые вопросы, съ которыми мнѣ нужно снова знакомиться... А когда я усвою новое, опять будетъ поздно: оно ни для кого уже не будетъ новымъ...

— Много дѣлъ, въ которыхъ вы были бы очень полезны. Нужно только поменьше философствовать, а дѣлать, что посильно, вѣря, что и это приноситъ свою пользу.

— Плохой отвѣтъ. Вѣдь, такъ, какъ я, теперь разсуждаютъ тысячи... Вотъ, молъ, сначала научимся сами, а потомъ начнемъ другихъ учить... Вспомните нашихъ старыхъ товарищей: большинство изъ нихъ «ликвидировали первый періодъ» и засѣли за серьезную подготовку ко второму... Этимъ, пожалуй, и объясняется, что интеллигенція теперь отхлынула...

— Въ концѣ концовъ, она и должна была отхлынуть.

— Конечно, но каково многимъ изъ ея членовъ? Вѣдь, временно отстраняешься не потому, что не хочешь дѣлать, а потому, что чувствуешь свое безсиліе и безполезность. Ну, на что годна, напримѣръ, я? Техническія функціи, посильныя мнѣ, можетъ исполнить любой рабочій и знаетъ онъ не меньше моего. Значитъ, буду я пятымъ колесомъ въ телѣгѣ, лишнимъ человѣкомъ... А мысли о томъ, что ты человѣкъ лишній, отравляютъ жизнь и убиваютъ силы... Вы знаете, въ нашемъ городѣ образовалась «коллегія самоубійцъ». Между прочимъ, состояла въ ней и я. Мы пришли къ заключенію, что въ жизни мы лишніе люди, и что самое лучшее для насъ очистить мѣсто для другихъ. По очереди мы должны были отправляться на тотъ свѣтъ. Двое кончили самоубійствомъ, кажется, на-дняхъ кончитъ еще одинъ... Значитъ, это не пустая болтовня, а вопросъ жизни и смерти...

— Вотъ въ томъ-то и бѣда, что мы слишкомъ много философствуемъ... Вы вотъ почему-то утверждаете, что для революціи вы безполезны. А я думаю, что это не такъ, и вся ваша аргументація гроша мѣднаго не стоитъ... Вѣдь, работаютъ же у насъ тысячи подобныхъ вамъ и находятъ себѣ дѣло! И посмотрите, какъ ихъ любятъ рабочіе!.. Какъ

они довольны своими болѣе сознательными товарищами... Главное дѣло не въ томъ, чтобы практически заткнуть собою какую-нибудь дыру въ партіи, а въ сближеніи съ рабочими, въ пониманіи ихъ психологіи и стремленій... Идите къ нимъ, отдайте чистосердечно и искренно свои силы—тогда они полюбятъ васъ, и въ васъ явится жизнерадостность... Смѣшно, въ самомъ дѣлѣ, собралось десятокъ усталыхъ и разочарованныхъ головъ, создали какую-то нелѣпую теорію и давай стрѣляться... Это выходъ слабыхъ!

— Въ томъ-то и дѣло, что всѣ мы принадлежимъ къ числу этихъ слабыхъ. Ваши слова для меня не удивительны. Я согласна отдать свои силы, искренно и чистосердечно, но при условіи, что отъ этого будетъ хоть какая-нибудь реальная польза... А безъ этого ничего не получится...

— И вы будете ныть и любоваться своей тоской?

— О себѣ я еще не рѣшила: вѣдь, я членъ «коллегіи самоубійцъ».

Она сказала это съ улыбкой, но я ужаснулся при мысли, что она можетъ покончить съ собой. Неужели у меня не хватитъ силъ возбудить въ ней жизнерадостность и пріохотить къ работѣ?

— Знаете что, Роза? Мнѣ думается, вамъ не мѣшаетъ посидѣть немного въ тюрьмѣ... Это далеко отброситъ всѣ ваши «кислыя мысли»,—пошутилъ я.

— Скверно, что насъ не за что туда сажать!—серьезно отвѣтила она.

Чортъ знаетъ, что такое! Какъ повсюду начала хныкать публика! Одинъ Меньшиковъ только не унываетъ... И меня опять начинаетъ покусывать червячокъ безпричинной тоски. Нѣтъ, нѣтъ, да и заноетъ... О чемъ? Почему? Что случилось?—начинаю я спрашивать самого себя и не могу дать опредѣленнаго отвѣта...

21-е мая.

Возмутительнѣе всего то, что отдѣльные моменты моего сквернаго настроенія начинаютъ сливаться въ одну безпрерывную линію... Тоскливое состояніе теперь начинаетъ появляться и во время работы. Только на митингахъ оно уле-

тучивается совершенно. Митинги вливаютъ въ меня новыя силы и бодрость. Я какъ бы оживаю отъ соприкосновенія съ рабочими... А митинги устраивать труднѣе и труднѣе... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно невозможно: рыщутъ казаки, пѣшая и конная полиція... Настроеніе рабочихъ неопредѣленное, озлобленно-выжидательное... Неизвѣстно, во что это выльется!..

22-е мая.

— Ты, Герасимъ, говорилъ вотъ на-дняхъ, что слѣдуетъ полюбить...

— Говорилъ, ну, и что же?

— Мнѣ кажется, что ты не обдумалъ условій нашей жизни. Предположимъ, я полюбилъ; что дѣлать дальше?

— Смѣшно! Люби ее, дай ей бездну счастья, женись!..

— Вотъ, вотъ... Я полюбилъ, далъ счастье, женился... Послѣдствія женитьбы извѣстны — появляются дѣти... Что мнѣ дѣлать тогда? При благопріятныхъ условіяхъ, положимъ, я съ трудомъ прокормлю жену и дѣтей, но это отниметъ у меня большую половину времени... А если меня арестуютъ, посадятъ, вышлютъ—тогда что?

— Вотъ ты раскладываешь все, какъ по картамъ, у тебя и получается чепуха. Конечно, если тебѣ при женитьбѣ необходимъ уютный уголъ, обстановочка, ты долженъ или вѣчно быть холостякомъ или бросить революцію. Но развѣ обстановочка ужъ такъ необходима? Развѣ безъ нея не можетъ быть счастья? Не тебѣ доказывать это. Заяви своей будущей женѣ о томъ, что можетъ произойти, предупреди ее заранѣе... Спроси, согласна ли будетъ она кочевать съ тобой по Сибири или, можетъ быть, голодая съ дѣтьми, ждать, пока ты благополучно вернешься. Скажи и о томъ, чему посвящена твоя жизнь, докажи ей необходимость посвятить жизнь этому же... Да вѣдь, это же такъ понятно... Посмотри, вокругъ насъ немало женатыхъ...

— Но не всѣ они хорошо живутъ. Счастливы немногіе.

— По своей же глупости. Не сговорились раньше, не провѣрили силъ и привычекъ другъ друга. Если ты женишься на дѣвицѣ, которая не можетъ жить меньше чѣмъ съ тремя

горничными, конечно, ты будешь самымъ несчастнымъ человѣкомъ: тебя убьетъ вѣчная погоня за рублемъ... «Руби дерево по себѣ»!

— Но, вѣдь, любовь-то не спрашиваетъ, сколько кому нужно горничныхъ!

— Тогда старайся измѣнить ея характеръ и привычки до женитьбы... Потрудись надъ этимъ. Чѣмъ сильнѣе будетъ твоя любовь, тѣмъ легче удастся тебѣ переродить будущую жену. Если же не сумѣешь, откажись, задуши любовь, забудь...

— Боюсь, что чаще всего намъ придется душить любовь и забывать!

— Кому какъ... Можетъ быть, мы, агитаторы, особенно требовательны,—смѣясь, закончилъ онъ.—Да ты что, жениться, что ли, хочешь?

— Не думаю. Просто хотѣлось узнать твой взглядъ. А дѣти?

— Что дѣти? Многаго они не спросятъ...

— А какъ ты смотришь на предупрежденіе?

— Вопросъ субъективный... Мнѣ думается, здѣсь не можетъ быть принципа. Лично я высказываюсь противъ...

— При всякихъ условіяхъ?

— При всякихъ...

23-е мая.

Когда я начинаю думать, для чего я веду съ Герасимомъ такія бесѣды, какъ, напримѣръ, вчера, то мнѣ все кажется, что скоро въ моей личной жизни долженъ наступить какой-то переворотъ... Какой—я не знаю пока самъ, но предполагаю, судя по тому, что такъ часто выдвигаю вопросы житейскаго характера... Вѣдь, то, что вчера мнѣ говорилъ Герасимъ, для меня далеко не ново. Все это я и самъ говорилъ неоднократно и говорилъ менторскимъ тономъ... Теперь такъ же говоритъ Герасимъ...

Едва ли мнѣ придется когда-либо примѣнить къ дѣлу его совѣты, но все же они какъ бы распутываютъ одну нить изъ общаго узла странностей... Какъ-то не хочется думать ни о чемъ, что касается лично тебя, гонишь эти мысли, а онѣ

надоѣдливо лѣзутъ въ голову... Сегодня два часа думалъ о прошломъ, ворочался на постели, нервничалъ... Все искалъ логическихъ путей, которые привели меня къ революціи... И, конечно, ничего не нашелъ, кромѣ общихъ мѣстъ.

Отецъ мой—бывшій полицейскій. Теперь онъ служитъ лѣсникомъ, получая 6 руб. въ мѣсяцъ. Когда родился я, у отца было уже четверо дѣтей, и я далеко не былъ желаннымъ. Жили мы въ маленькомъ уѣздномъ городишкѣ и въ большинствѣ случаевъ жизнь вели полуголодную. Понятно, какое воспитаніе могъ дать намъ отецъ. Мы росли подъ постояннымъ страхомъ голодной смерти, непосредственно слѣдующей за увольненіемъ отца... Не удивительно, что отецъ дрожалъ за свою должность, низкопоклонничалъ, пріучая къ этому и насъ. То и дѣло мы носили надзирателямъ и ихъ женамъ букеты ландышей, корзины грибовъ и ягодъ, которыя намъ удавалось собрать въ лѣсу. Семи лѣтъ я поступилъ въ приходскую школу, а потомъ, по наставленію учителей, и въ городское училище. Учиться я любилъ, но еще болѣе любилъ читать и думать о прочитанномъ. Отецъ тѣмъ временемъ выдалъ замужъ старшую сестру, влѣзъ въ долги, загубивъ въ то же время и ея жизнь. Сестра вращалась въ кругу полубуржуазныхъ подругъ, много читала и строила радужные планы. Сапожникъ-мужъ, конечно, скоро выколотилъ изъ нея всѣ иллюзіи... Изломанная и разочарованная, она превратилась въ плохую жену и хилую мать... Карьера моя имѣла очень опредѣленный путь. По окончаніи училища передо мной было два выхода: или писецъ въ полиціи или почтово-телеграфный чиновникъ. Я избралъ послѣднее. Служилъ, получалъ награды и повышенія, но доволенъ не былъ... Вотъ здѣсь-то и является вопросъ: откуда взялась та безпричинная, мучительная тоска, которая съѣдала меня безпрестанно? Почему все мнѣ казалось немилымъ и отвратительнымъ, а жизнь совершенно ненужной? Вѣдь, помимо меня, въ конторѣ было полдюжины другихъ товарищей, которые ничего лучшаго и не желали. Почему же меня терзалъ како-то непонятный демонъ?! Это задача, рѣшеніе которой не въ моихъ силахъ... Но, вѣдь, только это, одно это и толкнуло меня на путь революціи...

Отецъ строилъ широкіе планы. Его идеаломъ было пріобрѣсти кусокъ земли и заняться земледѣліемъ. Онъ не могъ себѣ представить, что настанетъ, наконецъ, моментъ, когда онъ будетъ ѣсть хлѣбъ, собранный со своего поля, когда онъ сброситъ съ себя «полицейскую шкуру»... Этотъ моментъ пока еще не насталъ. Одну шкуру онъ замѣнилъ другой, едва ли не худшей... Тоска заставила меня искать утѣшенія въ книгахъ. И имъ я посвятилъ все свободное время... А потомъ? Потомъ все пошло обыкновенымъ путемъ. Я познакомился съ умными людьми, понялъ, что надо дѣлать, и дѣлалъ... По неопытности я скоро попался и болѣе двухъ лѣтъ сидѣлъ въ тюрьмѣ... Затѣмъ сталъ человѣкомъ нелегальнымъ, подпольнымъ... Жизнь шла періодами: половина въ тюрьмѣ, половина на волѣ... Была одна цѣль, которая и преслѣдовалась съ неумолимой настойчивостью...

Но вотъ теперь почему-то опять начинается тоска, которой не было и въ поминѣ цѣлыхъ шесть лѣтъ! Опять рисуются смутные образы, и нѣтъ силъ понять ихъ и осмыслить... Чего, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ нужно? Меня любятъ въ нашемъ кругу, жизнь моя не безполезна... Чего же не хватаетъ? Вотъ этого-то я и не знаю... Вотъ это-то и способно привести въ бѣшенство. Отчасти причина кроется въ томъ, что дѣятельность суживается и не способна захватить всего... Остается пустота, которую нечѣмъ заполнить... Кругозоръ становится шире и шире... А потомъ, очевидно, я не на шутку усталъ... Это, наконецъ, нужно принять за данное... И съ этимъ необходимо считаться... Ха, ха, ха! Я уловилъ себя на скверной мысли: отдохнуть съ кѣмъ-нибудь, заняться изученіемъ науки и искусства... Ну, да, конечно... Не хватало еще дачи въ Ялтѣ, съ роскошной обстановкой!.. Комизмъ!

Сонъ былъ тяжелый и тревожный... Снилось, что земля вдругъ одѣлась черной пеленой, и въ воздухѣ летали зловѣщія крикливыя птицы... Онѣ соединялись въ причудливыя стаи и готовились на кого-то напасть... Я проснулся больной и усталый...

27-е мая.

Всѣ эти дни были заполнены спѣшной и нервной работой... Мы были заняты день и ночь; некогда было думать о чемъ-либо, не относящемся къ революціи... Говорить пришлось много, такъ что подъ конецъ мы говорили хриплыми и разбитыми голосами... Настроеніе, кажется, начинаетъ подыматься... Это очень замѣтно, и только пессимисты въ родѣ Герасима относятся къ этому подъему недовѣрчиво. Вчера мы надъ нимъ немало смѣялись, но онъ все твердитъ, что «посмѣется тотъ, кто будетъ смѣяться послѣднимъ... Хотя тогда будетъ не до смѣха»!

Словно солнце выглянуло изъ-за тучъ... Пока какъ-то робко и недовѣрчиво, но уже въ достаточной степени привѣтливо... Приготовились мы, кажется, довольно хорошо. Все на своемъ мѣстѣ и всѣ по своимъ мѣстамъ...

Два раза видѣлся съ Розой. Первый разъ мелькомъ, спѣшилъ по дѣлу и едва успѣлъ поздороваться. Второй разъ—сегодня—вели довольно продолжительную бесѣду о надвигающихся событіяхъ. Мнѣ досадно, что Роза такъ же мало вѣритъ въ нихъ, какъ и Герасимъ.

— Я, конечно, мало въ курсѣ дѣла. Но я чутьемъ слышу, что едва ли что выйдетъ. Въ воздухѣ чего-то не хватаетъ: недостаточно наэлектризована атмосфера...

— Ну, это слишкомъ субъективный показатель.

— Можетъ быть. Но, вѣдь, я и высказываю свое мнѣніе.

— Скажите, Роза,—неожиданно спросилъ я,—какъ вы смотрите на бракъ?

— Не понимаю... Конечно, я не противъ брака...

— Не въ томъ дѣло. Могли бы вы стать женой человѣка, который заранѣе не обѣщаетъ вамъ обезпечить средства къ жизни вашихъ дѣтей, за которымъ, наконецъ, вамъ пришлось бы, можетъ быть, ѣхать въ Сибирь или ждать его возвращенія?

— Я не думала на эту тему. Отчего же, однако... Если бы я полюбила, то, конечно, вышла бы за него, не считаясь ни съ чѣмъ...

Мы пробовали читать «Садъ пытокъ» Мирбо, но усталость помѣшала мнѣ, и я поспѣшилъ домой...

Мнѣ кажется, я не шутя начинаю любить Розу... Дѣйствительно, это былъ бы сюпризъ довольно неожиданный... Но что, однако, говоритъ за это?.. Мнѣ пріятно съ ней встрѣчаться, создается нѣжное, хорошее чувство... Пустое, братъ, пустое... Это тебя Герасимъ загипнотизировалъ!.. Настроеніе сегодня очень хорошее... Пустого мѣста какъ будто нѣтъ вовсе... Авось, все уладится...

28-е мая.

Рано утромъ сегодня ко мнѣ прибѣжалъ взволнованный Герасимъ.

— Случилось нѣчто чертовски скверное... Нилъ сошелъ съ ума!

— Нилъ?!

— Нилъ, Нилъ!... Проснись, пожалуйста, нужно немедленно итти къ нему.

— Да что съ нимъ? Онъ, вѣдь былъ такъ спокоенъ всегда...

— О чемъ здѣсь говорить?!. Спокоенъ, спокоенъ... Ты, влѣзалъ, что-ли, въ его душу? Почемъ ты знаешь, что происходило въ немъ подъ маской внѣшняго спокойствія?.. Вѣдь, мы не знаемъ другъ друга... Мы знаемъ одно—кто голосовалъ за какую резолюцію.... Старая, непоправимая исторія!..

— Чего ты кричишь на меня, какъ будто я виновенъ въ сумасшествіи Нила?!.

— Всѣ мы виноваты... Эта наша общая вина. Нилъ—одна изъ самыхъ чуткихъ и нѣжныхъ натуръ среди насъ... Нѣжныхъ,—говорю я и повторяю это! Нѣжность его—не сентиментальная нѣжность, старающаяся всѣхъ облобызать, а тонкое пониманіе души товарища, участливое отношеніе къ его страданіямъ... Ты вотъ не знаешь, кто я и что я... А Нилъ знаетъ... Двѣ недѣли назадъ у меня заболѣла дифтеритомъ сестра... Денегъ ни гроша... Не зналъ, что и дѣлать! Если бы я обратился къ тебѣ, ты не понялъ бы, пожалуй, какъ это можно въ такое время возиться съ больной сестрой... А Нилъ... Ну, да чего тамъ говорить... Идемъ...

— Недавно я былъ у Нила, и онъ доказывалъ мнѣ необходимость перечитывать всѣ декадентскія писанія...

— Идемъ же!..

Въ квартирѣ Нила было много товарищей... Самъ онъ сидѣлъ около стола, какъ мнѣ показалось, по обыкновенію спокойный и разсудительный. Только глаза говорили о чемъ-то болѣзненномъ и ненормальномъ.

— Здравствуй, Нилъ...

— Ага! И вы... Очень радъ... Чѣмъ больше, тѣмъ лучше!

— Ты здоровъ?

— Болѣе, чѣмъ когда бы то ни было... Я развиваю маленькую теорію и охотно выслушаю оппонентовъ... Ей Богу, наконецъ, удивительно, что люди, исписавшіе всѣ эти горы бумаги, не додумались до такого пустяка... Пустяка, всѣмъ яснаго и понятнаго... Но этотъ незамѣченный умными людьми пустячокъ... хе, хе... несомнѣнно, сыграетъ громадную роль въ дѣлѣ освобожденія народовъ... Я говорю: для перерожденія человѣчества нужно только девять милліардовъ рублей! Только—и больше ничего!.. Уровень сознанія, концентрація и все прочее, это—дѣло десятой степени... Девять милліардовъ, и больше ничего не нужно... По-моему, большинство давно доросло до пониманія новыхъ общественныхъ формъ... Просвѣщать и агитировать безполезно. Необходимо начать практическое дѣло... Меня пойметъ каждый, чуть-чуть знакомый съ четырьмя правилами ариѳметики... Неугодно ли, я сдѣлаю маленькій подсчетъ?

— Ваша теорія вполнѣ ясна,—нерѣшительно прошепталъ кто-то.

— Ясна? Ну, конечно, теперь она понятна всякому простаку... Но, повѣрьте, сдѣлать ее понятной было довольно трудно... Вы видите эти груды исписанныхъ бумагъ? Это я подводилъ итоги, дѣлалъ подсчеты... Я работалъ цѣлыя ночи... Честное слово! Я не только выработалъ цифровой фундаментъ, но и намѣтилъ общій планъ выкупа... Да, выкупа!.. Подождите, подождите... Нужно понять, какъ и что... Нужно соразмѣрить время ликвидаціи и трату силъ... Ахъ, Боже мой! Я такъ и зналъ, что начнутся безконечные споры... Къ дѣлу! Къ дѣлу, Бога ради! И такъ много было ненужныхъ

страданій... Вѣдь, голова шла кругомъ отъ той неразберихи, въ которой мы запутались... У меня часто мозгъ жгло, какъ будто вмѣсто него голова наполнялась расплавленнымъ желѣзомъ...

— Успокойся, Нилъ. Ложись спать, а завтра мы приступимъ къ дѣлу.

— Спать?! Благодарю покорно! Глубоко признателенъ! Да кто вы, наконецъ, товарищи или уличная сволочь?! Кто вы? Послѣ этого вы хотите, чтобы я васъ уважалъ! Неугодно ли; они меня посылаютъ спать теперь, когда все кончено, налажено... Когда достаточно одного дружнаго усилія...

Нилъ нервно зашагалъ по комнатѣ.

— Идите спите вы, я знаю, куда мнѣ обращаться за помощью... Идите, залѣзьте въ ваши норы, забейтесь подъ шубы и почивайте... Можетъ быть, вы заснете очень крѣпко... Такъ крѣпко, что не услышите и грохота революціонной бури... Идите, спокойной ночи...

— Да успокойся же, Нилъ... Никто не уходитъ...

— Вы просите революцію! Я клянусь своей жизнью... Просите! А я... Я уже слышу ея громовое приближеніе... Я вижу богатырскія схватки смѣлыхъ и гордыхъ... Закройте глаза—развѣ вы не улавливаете приближающагося гула?! Развѣ онъ идетъ мимо вашихъ ушей! Говорите же, иначе я перестану уважать васъ... Что вы какіе-то безчувственные, какъ старыя туфли... И лица ваши ничего не выражаютъ... Рѣшительно ничего!..

Что дѣлать?.. Я видѣлъ безпомощность на всѣхъ лицахъ... Всѣ думали одно, но каждый боялся первый высказать это. Вѣдь, ясно, кажется... Человѣкъ психически боленъ, его нужно лечить... Нужно свезти въ больницу... Но когда я начиналъ объ этомъ думать, когда сознавалъ, что онъ уже выбылъ изъ нашихъ рядовъ мнѣ было невыразимо больно. И это проклятое слово: «везти»!.. Какъ будто вырѣзаетъ кусокъ мяса изъ твоего тѣла...

Нилъ волновался и становился безпокойнѣе и тревожнѣе... Онъ то безпорядочно разсуждалъ, не обращая никакого вниманія на насъ, то что-то шепталъ и размахивалъ руками...

— Хе,—вдругъ озлобленно-иронически обратился онъ къ намъ,—спать? Значитъ, спать?! Молодцы! Исторія вспомянетъ васъ за это! Спать наканунѣ великихъ событій! Что вы смотрите на меня, какъ совы?! Вы уже проспали одинъ подъемъ! Проспите и еще, проспите второй, третій... Будете спать, пока и васъ не сметутъ вмѣстѣ съ прочимъ историческимъ хламомъ... Мы же спать не будемъ... Нилъ не заснетъ! Вы помните мою «дружину Нила»? Я удивляюсь, какъ у насъ все скоро забывается... А, вѣдь, когда я показывался съ ней на Невскомъ, насъ провожали бурей энтузіазма... Я помню наши схватки. Нилъ всегда былъ впереди... Мы наводили ужасъ на казаковъ... Нилъ—стало нарицательнымъ словомъ... Всѣ хотѣли быть Ниломъ... Какъ скоро, однако, у насъ все это забывается...

Онъ смѣялся озлобленно, а потомъ рыдалъ и жаловался на головную боль.

Пришелъ знакомый психіатръ. Всѣ облегченно вздохнули. Почему? Вѣдь, никто не вѣрилъ, что онъ вылечитъ Нила.

— Есть ли надежда?

— Трудно сказать... Нужно поспѣшить отправить въ лечебницу.

— Это необходимо?—неизвѣстно для чего спросилъ Герасимъ.

— Необходимо... Если и есть надежда вылечить, то только тамъ...

— Но какъ сказать объ этомъ ему?

— Нужно пригласить на какое-нибудь собраніе...

Мы съ Герасимомъ вышли. Мучительная тяжесть давила душу. Хотѣлось рыдать, упасть на землю. Мнѣ не разъ приходилось видѣть какъ люди умираютъ подъ пулей, страданія ихъ вызывали злобу и жажду мести... А здѣсь какой-то непонятный, тоскливый ужасъ...

— Я думаю, болѣзнь Нила имѣетъ связь съ грядущимъ застоемъ,—замѣтилъ Герасимъ.

— Ты думаешь, что его «изысканія» хоть сколько-нибудь серьезны...

— Мнѣ кажется, онъ мучительно искалъ новыхъ путей...

29-е мая.

Политическая атмосфера сгущается... Реакціонный разгулъ переходитъ границы мыслимаго... Собираться почти невозможно. Повсюду войско, полиція и агенты охраны.. Аресты продолжаются безпрерывно. Хватаютъ безъ разбору правыхъ и виновныхъ. Мы собираемся по нѣскольку человѣкъ подъ постоянной угрозой провала... Нервы натянуты до высшихъ предѣловъ... Скорѣе бы хоть какой-нибудь выходъ... Сегодня ходилъ на митингъ, но, по обыкновенію, его разогнали. Намъ долго пришлось лазить по кочкамъ и болотамъ... Вернулись усталые, съ тяжелымъ чувствомъ безцѣльно потраченнаго времени...

Учесть настроеніе рабочихъ немыслимо. Всѣ они озлоблены, но озлобленность загадочная и нерѣшительная... Удивительно, что въ этотъ моментъ въ большинствѣ проснулось стремленіе къ саморазвитію... Много читаютъ, пріобрѣтая книги на послѣдніе гроши. Полубуржуазная пресса обсуждаетъ настроеніе на всѣ лады... Смѣшно, до какой степени мало она понимаетъ это «настроеніе»...

30-е мая.

Послѣ безсонной ночи и дѣлового дня вечеромъ катались на лодкѣ... Настроеніе было хорошее. Шалили, брызгали водой, пѣли пѣсни... Промокшіе и усталые пили чай у Петра. Хотѣлось быть веселымъ, отрѣшиться хоть на минуту отъ проклятыхъ вопросовъ дня и чувствовать себя просто человѣкомъ...

— Не къ добру, кажется, мы развеселились не въ мѣру...

— Веселье всегда хорошо...

— Вы не чувствуете, что у насъ какъ будто кого-то недостаетъ?

— Нила!

— Кто слышалъ, какъ онъ себя чувствуетъ?

— Скверно. Болѣзнь принимаетъ тяжелыя формы...

Всѣ нахмурились...

— Не правда ли, здѣсь его отсутствіе мало замѣтно?

— Оно очень замѣтно т а м ъ...

— Да... Это порой меня бѣситъ. Выпвырнетъ судьба человѣка изъ нашихъ рядовъ, и на другой день онъ уже забывается... Изрѣдка вспомнитъ кто,—вотъ хорошій, молъ, былъ агитаторъ. И все... А такой чистосердечной боли въ насъ нѣтъ...

— За всѣхъ не говори...

Опять всѣ молчали и хмурились.

— Нилъ былъ не только хорошій агитаторъ, но и красивая, чарующая личность... Быть можетъ, даже слишкомъ красивъ для нашей среды... Конечно, я говорю о красотѣ душевной.

— Онъ, кажется, понималъ кое-что въ искусствѣ,—замѣтила Роза.

— По сравненію съ нами, даже очень много понималъ... Да главное дѣло не въ этомъ! Онъ говорилъ только то, что чувствовалъ и переживалъ. Главное достоинство агитатора—искренность и отсутствіе фальши!.. Въ немъ это достоинство было, какъ ни въ комъ изъ насъ...

— У насъ на заводѣ его очень любили,—горячо замѣтилъ Кириллъ, умный и образованный слесарь.—И любили именно за то, что онъ всегда говорилъ то, что думалъ, и первый бы пошелъ на то, что совѣтовалъ другимъ.

— Въ моей жизни была одна минута, которую я называю не иначе, какъ подлой. Меня послали на громадный заводъ агитировать за забастовку. Я былъ противъ забастовки, противъ всѣми силами моей души—и пошелъ, подчиняясь рѣшенію большинства. Всѣ, въ томъ числѣ и я, знали, что, если заводъ забастуетъ, его закроютъ на неопредѣленный срокъ... Люди останутся безъ куска хлѣба... Хорошо въ этомъ случаѣ тому, кто вѣритъ, что это голоданіе принесетъ революціи пользу, но я этому мало вѣрилъ. И вотъ при такихъ условіяхъ я началъ свою рѣчь. Судите сами о моей искренности... Мнѣ хотѣлось, чтобы рабочіе схватили меня, избили, выгнали... А они вмѣсто этого довѣрчиво прислушивались къ моимъ словамъ... Забастовка прошла. Заводъ закрыли... Всякій разъ послѣ этого, когда я проходилъ мимо этого завода и видѣлъ его темныя стекла, мнѣ хотѣлось рыдать, и я проклиналъ себя...

— Нилъ бы на это не пошелъ.

— Да какъ разсуждать-то здѣсь? Забастовка, дѣйствительно, принесла пользу, а, не подчинись я большинству, этой пользы могло бы не быть...

— Нилъ былъ агитаторъ-художникъ... Я думаю, что потеря его незамѣнима...

— Тѣмъ болѣе, если интеллигенція будетъ продолжать свое повальное бѣгство.

— Дѣло не въ интеллигенціи; у насъ появляется своя, рабочая интеллигенція. Мнѣ думается, вопросъ въ томъ, имѣемъ ли мы, вообще, возможность посвятить хотя бы сколько-нибудь времени на изученіе того, что въ данное время второстепенно. Я говорю о художествѣ.

— Кириллъ правъ,—сказалъ я,—надѣяться на притокъ интеллигенціи извнѣ нужно перестать. Она отхлынула, и Богъ съ ней... Многаго, чего-либо новаго она уже не дастъ. А недостатокъ интеллигентныхъ силъ ускоритъ развитіе ихъ въ средѣ рабочихъ...

— Положимъ, дать-то она кое-что и дастъ... Вѣдь, нельзя закрывать глаза на то, что среди интеллигенціи вообще, а буржуазной въ особенности значительно больше всесторонне образованныхъ и развитыхъ людей, чѣмъ у насъ... Я не говорю—почему... Причины вполнѣ понятны, но считаться съ этимъ слѣдуетъ...

Кириллъ нервно поднялся съ мѣста и началъ ходить. Онъ обдумывалъ возраженіе на послѣднія слова Герасима.

— Я не согласенъ съ тобой, Герасимъ... Можно говорить, конечно, объ отдѣльныхъ лицахъ, но отнюдь не о всей массѣ... Правда, у буржуазіи больше ученыхъ, но процентное отношеніе невѣждъ значительно больше пролетарскаго. Вотъ я перечту тебѣ нашихъ капиталистовъ... Гдѣ здѣсь интеллигентность? Туши изъ мяса, жира, и пошлости... Какія у нихъ знанія? Все почерпнутое изъ учебныхъ заведеній забыто, а вновь ничего не пріобрѣтено... Литературу они читаютъ только порнографическую, картины покупаютъ, на которыхъ много голаго тѣла... Знаю я и учащуюся молодежь. Но, ей Богу, и тамъ сплошное невѣжество... Конечно, въ области спеціальныхъ вопросовъ они во много разъ развитѣе

нашего, но политическая зрѣлость ихъ порой ниже нашей. Есть исключенія, конечно. Но и среди учащейся молодежи исключенія эти замѣтны, какъ мухи въ молокѣ... И—что мнѣ кажется особенно важнымъ—въ этой средѣ мало потенціальнаго стремленія къ широкой образованности, среди рабочихъ значительно, несоизмѣримо больше... Мнѣ думается, достаточно чуть-чуть измѣниться политическимъ условіямъ, и пролетаріатъ опередитъ всѣ классы... Отдѣльныя же лица у насъ есть уже и теперь... И такъ въ каждой средѣ лишь отдѣльныя лица, можетъ быть, среди насъ ихъ меньше, и они не такъ развиты, но зато въ насъ больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, неудержимаго стремленія къ саморазвитію...

— Мы живемъ въ буржуазномъ строѣ. Вполнѣ понятно, что среди буржуазіи больше людей съ широкимъ образованіемъ... У насъ же интеллигентныхъ силъ мало; вполнѣ понятно, что безъ прилива интеллигентныхъ силъ извнѣ намъ въ настоящее время обойтись трудно...

— Слава Богу, никто не говоритъ, что отъ насъ убѣжала вся интеллигенція... Пролетарская интеллигенція останется съ нами. Бѣгутъ временные попутчики—ну, и скатертью имъ дорога...

Въ концѣ разговоръ опять принялъ характеръ ожесточеннаго спора по вопросу, будетъ ли новый подъемъ въ скоромъ времени... Герасимъ захандрилъ.

— Мнѣ надоѣло спорить... Ваши аргументы я слышу не первый разъ... Событія покажутъ, кто правъ... Послѣднее мое слово—въ близкомъ времени новаго подъема могутъ ожидать лишь люди, политически близорукіе...

— Такъ же рѣшительно можно сказать обратное...

— Сколько угодно...

Роза ночевала сегодня у меня. Что я люблю ее, въ этомъ сомнѣній нѣтъ... Любовь созрѣла совершенно незамѣтно... Но вотъ теперь я и не знаю, что дѣлать дальше... Теоретически, конечно, вопросъ рѣшается просто. Вотъ она сидитъ—подойти, взять ея руку и сказать все... Если отвѣтитъ отказомъ, встрѣтить это гордымъ спокойствіемъ и т. д. Но вотъ сейчасъ, когда нужно это сдѣлать, оказывается, вовсе не такъ легко... Что будетъ? Предположимъ, она меня любитъ... Что

же дѣлать? Итти отдыхать вмѣстѣ съ ней «въ благовонной древесной тѣни»? Но тогда она перестанетъ любить... Вѣдь она меня можетъ любить, лишь какъ энергичнаго, дѣятельнаго революціонера... Работать вмѣстѣ съ ней? Но, вѣдь, ея взгляды мнѣ извѣстны; сейчасъ она не хочетъ работать... Работать одному, предоставивъ ей жить, какъ она хочетъ? Единственно возможный исходъ... А вдругъ дѣти?.. Фу, чортъ возьми! Что за дурацкія мысли! Думать, куда дѣть медвѣжью шкуру, не убивъ медвѣдя.. Сначала нужно поговорить съ ней...

1-е іюня.

Когда мнѣ сообщили сегодня, что Павелъ разстрѣлянъ, я нисколько не удивился.. Не потому, что ожидалъ чего-либо подобнаго, а просто потому, что я перестаю чему-либо удивляться... Прежде всего, во мнѣ заговорило чувство самосохраненія: я немедленно уничтожилъ карточку, на которой былъ снятъ вмѣстѣ съ нимъ... Но, вѣдь, у него остался такой же экземпляръ... А вдругъ онъ найденъ.. Но не безразлично ли, въ концѣ концовъ?.. Впередъ наука—никогда не слѣдуетъ сниматься вмѣстѣ съ товарищами по работѣ...

За что же, однако, разстрѣляли Павла? Былъ молодой, талантливый, жизнерадостный человѣкъ и погибъ, несомнѣнно, случайно... Имя его потонетъ въ общей цифрѣ казненныхъ, прибавивъ къ ней единицу... И все... Странно. Говорятъ, что онъ произносилъ рѣчь на улицѣ около заводовъ... Затѣмъ началась перестрѣлка, и его захватили раненаго... А затѣмъ судили и... разстрѣляли... Чортъ знаетъ, что такое... Хорошо, однако, что не повѣсили... Впрочемъ, всѣ пути ведутъ къ Риму... Интересно, какое впечатлѣніе произведетъ это на Герасима...

Полиція то и дѣло нападаетъ на группы рабочихъ и безпощадно избиваетъ ихъ... Публика частью трусливо спряталась въ свои норы, частью озлобилась и собирается, не обращая вниманія ни на что. Участились террористическіе акты... Жизнь обезцѣнена до крайности... Замѣтно, что въ рабочихъ разгорается жажда убійства и мести... На собраніяхъ болѣе всего привѣтствуются рѣчи рѣзкія и безпощадныя... Каждый

террористическій актъ повышаетъ уровень возбужденности... Во что же, наконецъ, во что это выльется?!.

Мнѣ поручено было произвести митингъ на улицѣ, между двумя рядами фабрикъ. Я пришелъ ранѣе назначеннаго времени. На улицѣ—обыкновенно въ это время тихой и безлюдной—замѣчалось нѣкоторое оживленіе... Необыкновенный наплывъ полиціи и «агентовъ». Долгій опытъ пріучилъ узнавать ихъ съ перваго взгляда по рысьимъ глазамъ и искусственной безпечности... «Очевидно, смѣтили»,—подумалъ я и боялся, что митингъ не состоится...

Устало и глухо пыхтѣли фабричныя трубы... Съ фабрикъ несся безпорядочный гулъ, который возбуждалъ и наэлектризовывалъ...

За минуту до звонка вышла фабричная администрація... Мастера трясли другъ другу руки и поспѣшно расходились... Какой-то толстый господинъ въ котелкѣ и бѣломъ кителѣ съ массивной цѣпочкой шептался съ приставомъ... Я тихо шелъ по тротуару...

— Всѣ мѣры приняты...

— Я указываю на то, что теперь, именно въ настоящее время, это было бы особенно вредно,—многозначительно подчеркнулъ онъ.

«Очевидно, директоръ»,—мелькнула у меня мысль... Одинъ за другимъ прорѣвѣли фабричные гудки... Тревожно забилъ колокольчикъ... Сторожа широко распахнули ворота фабрикъ... Первыми во всю прыть выбѣжали фабричные подростки...

— Пришелъ?

— Здѣсь...

Густой толпой повалила рабочая масса... Женщины съ котелками и узлами, очевидно, предупрежденныя о митингѣ, конфузливо тѣснились на тротуарѣ.

— Тише! Не расходись никто!

— На средину улицы... Товарищи, сюда...

Въ одну минуту улица была запружена пятитысячной толпой народа...

— Тише! Ораторъ будетъ говорить...

Я успѣлъ успокоиться... «Товарищи»,—началъ я, и сразу всѣ умокли. Я видѣлъ тысячи устремленныхъ на меня до-

вѣрчивыхъ глазъ, ожидающихъ совѣта и призыва... Я говоривъ на обычную тему. Черезъ полчаса всѣ разошлись бы, и на улицѣ снова водворилась бы сонная тишина.

Но они не хотѣли этого...

— Полиція!

— Тише, провокаторъ!.. Продолжайте, товарищъ...

Задніе ряды оттѣсняли полицію... Я говорилъ во весь голосъ...

Но настроеніе было нервное и тревожное... Въ заднихъ рядахъ начался шумъ... Всѣ поминутно оглядывались туда...

— Рразойдись!..

— Ни съ мѣста... Тише... Продолжайте, товарищъ...

Но продолжать при такихъ условіяхъ было немыслимо... Немыслимо было и скрыться...

— Товарищи, казаки!..

— Тише расходитесь...

— На фабрики, товарищи! Запирай ворота! — успѣлъ крикнуть я... Полиція бросилась въ мою сторону.

— Оратора, оратора защищай... Это подлость... Трусы!

— Гдѣ ораторъ?!.

— Въ средину его... На фабрики!..

Неизвѣстная рука сорвала съ меня шляпу и замѣнила ее засаленной фуражкой... Я въ моментъ былъ затертъ въ толпу и вмѣстѣ съ ней втиснутъ на фабричный дворъ...

Улица опустѣла... И я не знаю, въ кого давали залпы... Во весь опоръ казаки промчались по улицѣ, потомъ вернулись обратно... Вернулись и начали обстрѣливать фабричныя ворота...

— Расходись задними воротами...

Но люди были озлоблены и нервны... Въ казаковъ полетѣли полѣнья, камни, куски желѣза...

— Они уходятъ... Ускакали... За артиллеріей поѣхали...

— Теперь расходись...

— Пѣсню!..

— Пѣсню! Пѣсню!..

Пѣли нервными, взвизгивающими голосами...

Постепенно всѣ разошлись...

Оказывается, немного позднѣе прибыла не артиллерія, правда, но рота солдатъ...

Около фабричныхъ воротъ я встрѣтилъ Розу...

— Боже мой! Зачѣмъ вы здѣсь?!.

— Я здѣсь была все время..,

— И не скрылись за ворота...

— Нѣтъ... Вѣдь, я же изъ «коллегіи самоубійцъ»

У меня мелькнула мысль сказать ей о своей любви... Но обстановка была слишкомъ необычайна, да и я взволнованъ...

На улицѣ насъ встрѣтила какая-то пьяная женщина съ бутылкой водки...

— Вотъ онъ, ораторъ-то... Ге... Ораторствуй... Ну?

Вблизи стояла полиція. Мы уѣхали на извозчикѣ.

2-е іюня.

Наконецъ, становится досадно... Герасимъ, какъ злой геній, на все кладетъ печать своей разочарованности... Если ты усталъ, пересталъ вѣрить, если силы твои выдохлись и размякла энергія, иди отдыхай... Отстранись на время и не наводи тоски на другихъ. Въ верхахъ нашихъ идетъ усиленная и дѣятельная работа, мы тоже лихорадочно готовимся... А онъ бродитъ, какъ тѣнь, твердя вездѣ и всѣмъ: ничего не выйдетъ!..

Это же онъ доказывалъ и на собраніи рабочихъ. Конечно, нельзя насильно заставить человѣка молчать, но его рѣчи, несомнѣнно, вредны... Онѣ дѣйствуютъ охлаждающе, какъ ушатъ ледяной воды...

Событія идутъ съ такой быстротой, что не сегодня-завтра можетъ произойти Богъ знаетъ что... Всѣ, рѣшительно всѣ чего-то ждутъ... Мы, агитаторы, готовы... Къ чему, однако? Готовы итти, куда угодно... Всѣ силы распредѣлены... Всѣ на сторожѣ... Времени свободнаго совершенно нѣтъ... Роза два раза была у меня, ждала, но я не могъ притти...

Герасимъ доказываетъ, что вчерашній митингъ только подтверждаетъ его слова... Что же тогда должно подтверждать наше мнѣніе?..

Ей Богу, онъ озлобитъ противъ себя всѣхъ!..

На конкѣ, въ пивныхъ—всюду разговоры о сегодняшнихъ событіяхъ... Всѣ чего-то ждутъ... Только близорукій можетъ не замѣтить этого...

— Говорятъ, готовится забастовка.

— Слышно...

— Озлобленъ народъ... Будетъ дѣло!—ежеминутно слышишь со всѣхъ сторонъ...

Навѣрное, будетъ...

Поэтому-то особенно и досадно, что нѣтъ, нѣтъ, да и кольнетъ сомнѣніе... А что, какъ Герасимъ правъ... Что дѣлать тогда? Все начинать снова? Ого... Нѣтъ, этого не будетъ... Не будетъ!

Впрочемъ, если даже и снова—вѣдь, это не такъ ужъ страшно.

Несомнѣнно, періодъ будетъ болѣе коротокъ... Вѣдь, сознаніе проникло въ самые отдаленные углы... Но, вѣдь, и они готовятся, и они учатся... Духомъ, конечно, не падаемъ, какъ говоритъ Кириллъ... Снова, такъ снова... Отдохнемъ и опять за дѣло...

Отдохнуть же нужно несомнѣнно... Устали рѣшительно всѣ...

4-е іюня.

— Ну... Ну, кто былъ правъ?!. Кто, чортъ бы васъ побралъ!.. Учли настроеніе массъ... Барометры... Старыя туфли вы, а не вожди...

— Да, вѣдь, еще ничего неизвѣстно... Не выяснено.

— Будетъ вамъ, господа... Перестаньте дурачить себя и другихъ... На кого вы разсчитываете?!. Кто тѣ, наивные, которые повѣрятъ вамъ теперь?..

Герасимъ былъ взволнованъ въ высшей степени.

— Но чего же ты-то горячишься!.. Ты, ни минуты не вѣрившій, въ возможность иного исхода?! Ты кажется, болѣе другихъ долженъ быть хладнокровенъ...

— Я горячусь потому, что оказался дуракомъ въ собственныхъ глазахъ... Я видѣлъ и великолѣпно понималъ, что вы для опредѣленія температуры пролетарскихъ массъ щупаете свой собственный пульсъ... Но я, поддаваясь вашему

гипнозу, обманывалъ себя... Строилъ иллюзіи и жилъ ими... Я сознаюсь, что это было глупостью... А теперь я вд войнѣ озлобленъ на васъ, какъ на безталанныхъ болтуновъ, и на себя—за наивность на минуту повѣрить вамъ...

— Но, вѣдь, конференція еще не вынесла рѣшенія...

— Довольно, товарищи... Пролетарское настроеніе не каучуковый шаръ, который можно раздувать, приложивши къ собственнымъ губамъ. Если бы настроеніе было, если бы въ массахъ ярко билъ огонь борьбы, онѣ не ждали бы вашего рѣшенія... Помимо васъ онѣ давно были бы на улицѣ, и никакія силы не способны были бы ихъ сдержать... Разъ этого нѣтъ, разъ онѣ почти спокойно снесли оплеуху, разъ онѣ ждутъ рѣшеній конференцій и собраній, значитъ, настроенія для побѣдоноснаго возстанія нѣтъ... Согласитесь съ этимъ и поставьте временно надъ вопросомъ точку.

— Неизвѣстно... По всѣмъ свѣдѣніямъ, забастовка пройдетъ и будетъ приличной.

— Ого! Шутники... Приличной—очень скромно!.. И то хорошо. Но, вѣдь, вы лучше меня знаете, что отвѣчать на происшедшія событія приличной забастовкой очень неприлично... И если этого не понимаете вы, пролетаріатъ это превосходно понимаетъ...

— Что же ты думаешь?

— Что я думаю, я говорилъ много разъ... Вѣроятнѣй всего, не будетъ ровно ничего, и это лучшій исходъ... Можетъ быть, произойдетъ «приличная» забастовка... Тогда получится грандіозный скандалъ... Конечно. Первая волна схлынула... Нужно готовиться къ новому, можетъ быть, къ девятому валу...

— А скоро онъ будетъ, по-твоему?

— Не думаю, что-бъ очень... Кризисъ промышленности, по всѣмъ видимостямъ, проходитъ. Наступаетъ расцвѣтъ... Пролетарское море временно войдетъ въ чисто экономическое русло... Но это же подготовитъ слѣдующей волнѣ особую силу... Я не знаю одного только, годны ли мы будемъ тогда... Вѣроятнѣе всего, явятся новыя силы, которыя используютъ наши ошибки и нашъ опытъ...

Ничего, рѣшительно ничего... Не вѣрится этому, не хо-

чется вѣрить. Въ городѣ такъ тихо, такъ обыденно, какъ будто бы не произошло ровно ничего... Все идетъ своимъ чередомъ... Утромъ я встрѣчалъ, какъ и всегда, десятки занятыхъ обычнымъ дѣломъ, дѣломъ житейскимъ и мелкимъ... Все это какъ-то странно для сегодня...

Еще вчера утромъ, когда я выходилъ изъ дома мнѣ все казалось, что я опоздалъ... Что улицы уже покрыты баррикадами, что гулъ мести воодушевилъ тысячи... Честное слово, я серьезно вѣрилъ въ это и удивился, найдя все по старому... Я доказалъ себѣ, что вѣсть не разнеслась еще повсюду, что не всѣ еще узнали о происшедшемъ, и отложилъ «событія» на сегодня... Но сегодня тоже ничего... Ничего!

По прежнему дымятъ фабричныя и заводскія трубы, и тысячи рукъ бьютъ, вертятъ, стругаютъ... Но почему же они не схватились за оружіе и камни?.. Почему вмѣсто обычнаго мурлыканья заводскихъ пѣсенъ изъ устъ ихъ не вылетаютъ нервные звуки борьбы и мести... Я уже не вѣрю, что завтра не будетъ похоже на сегодня... Будетъ то же самое... Скучный, томительно-скучный рабочій день, полный суетливости и мелкихъ нуждъ. И ничего нельзя подѣлать... Нѣтъ силъ, которыя заставили бы вздрогнуть и раскачаться спокойную массу... «Настроеніе пролетаріата не каучуковый шаръ, который можно раздувать, приложивъ къ собственнымъ губамъ».

Все вошло въ старое русло... Герасимъ сталъ только конторщикомъ, Нилъ только приказчикомъ... Впрочемъ, Нила нѣтъ... А чѣмъ я? Однако, чѣмъ же? Человѣкомъ съ нелегальнымъ паспортомъ и безъ опредѣленныхъ занятій... Безъ опредѣленныхъ... Но, вѣдь, не прекратится же рѣшительно все... Развѣ ужъ такъ сразу все замретъ и насъ выкинетъ за бортъ?! Конечно, нѣтъ... Дѣла много, много... Лишь бы были силы...

Однако, ужъ приходится, сгибаясь, лѣзть въ подполье... Хватаютъ, хватаютъ и хватаютъ безъ конца... Если даже мы и сумѣемъ снова втиснуть себя въ подполье, то полѣзетъ ли туда за нами пролетаріатъ? Не захочетъ ли онъ искать новыхъ путей?!.

6-е іюня.

Ничего не произошло новаго... Мы разбросаны въ разные углы и не можемъ отыскать другъ друга... Герасимъ застрѣлился, но это прошло почти незамѣтно... Всѣ силы заняты сохраненіемъ организаціи... Если это удастся, будетъ превосходно.

Застрѣлился Герасимъ сегодня утромъ, очевидно, окончательно убѣдившись въ правотѣ своихъ предположеній. Въ правотѣ ихъ теперь уже не сомнѣвается никто. И удивительно какъ-то: застрѣлился онъ, оказавшійся правымъ, а не мы, надъ кѣмъ такъ жестоко смѣялись событія... Не произошло ровно ничего: все по старому, даже значительно хуже... Говорятъ, что массы недовольны пассивностью партій... Какъ будто событія зависятъ только отъ партій...

У меня не хватило силъ пойти къ гробу Герасима: я боялся увидѣть на его мертвомъ лицѣ укоръ намъ всѣмъ... Говорятъ, что этотъ укоръ на его лицѣ сохранился... У него хватило силъ выпустить въ себя двѣ пули... Въ запискѣ, оставленной имъ, всего нѣсколько словъ: «Революціонная волна, которая давала цѣль моей жизни, умерла. Вмѣстѣ съ ней умираю и я. Ждать другой нѣтъ силъ... Крѣпко жму руки товарищей». Красиво, но неправильно. Если обобщить эту мысль, то, вѣдь, всѣмъ намъ придется отправляться на тотъ свѣтъ. Ошибочно и то, что только эта революціонная волна давала цѣль и смыслъ его жизни... Это очень узко. До цѣли, можетъ быть, будетъ десятокъ волнъ...

Мнѣ думается, что борьба, каковы бы ни были ея результаты, должна живить и закалять... А пораженіе—лишь вливать энергію.

Что касается лично меня, то я усталъ... Безъ отдыха я буду мало полезнымъ работникомъ... Этой чисто физической усталостью я объясняю и все усиливающееся тоскливое настроеніе... Дѣйствительно, и во мнѣ временно какъ бы пропала цѣль... Но эта цѣль непосредственная, вопросъ дня... Но далеко не цѣль всей жизни...

Но все же какой-то недостатокъ въ моемъ механизмѣ имѣется... Вотъ надъ опредѣленіемъ его и слѣдуетъ поду-

мать... А въ головѣ какая-то путаница. Мысли вертятся въ безпорядочной пляскѣ, и нѣтъ силъ придать имъ хотя какую-нибудь систему.. Какъ только закрываю глаза, вижу тысячи огненныхъ круговъ, которые вертятся съ одуряющей правильностью... А въ ушахъ шумитъ безпрестанно...

Тѣломъ Герасима завладѣла полиція, и мы не знаемъ, гдѣ онъ схороненъ, и куда дѣть купленный нами вѣнокъ..

Троихъ уже нѣтъ изъ нашей тѣсной агитаторской семьи— Нилъ, Герасимъ, Павелъ... На смѣну имъ, конечно, явились новые товарищи, но... все же что-то тяжелое и грустное наполняетъ душу... не сегодня-завтра каждаго изъ насъ ожидаетъ участь одного изъ выбывшихъ... Не это страшитъ... Нѣтъ... Страшно то, что люди гибнутъ, погружаясь въ неизвѣстность... Скоро улетучатся ихъ имена... Выдвинутся новыя силы... И всѣ забудутъ нервнаго и страстнаго Герасима съ его больной, но жгучей и сильной рѣчью... Забудутъ художника-агитатора Нила, забудутъ Павла...

Но что-нибудь все же послѣ нихъ останется... Вѣдь не даромъ же они произносили рѣчи, не напрасно имя Нила пока еще не сходитъ съ рабочихъ устъ?..

7-е іюня.

Какъ случилось то, что я сегодня сказалъ Розѣ о своей любви, для меня непонятно. Произошло это какъ-то неожиданно, случайно... Мы разговаривали о смерти Герасима. Разговоръ носилъ характеръ спора. Роза доказывала, что Герасимъ поступилъ, какъ герой, какъ натура тонкая и чуткая... Онъ сознавалъ, что силъ до новаго подъема у него не хватитъ, а жить безъ борьбы онъ не могъ... Выходъ самый благородный... Я не соглашался, что у Герасима не хватило силъ, объясняя его самоубійство разочарованностью...

— И вы увидите, что по его путямъ пойдутъ и нѣкоторые другіе...

— Вполнѣ вѣрю... Но все же сказать, что буржуазная разочарованность коснулась Герасима, смѣшно. Вѣдь это не случайный попутчикъ вашъ, а чистокровный сынъ пролетаріата... Какъ болѣе чуткая личность, онъ лучше другихъ понималъ пролетаріатъ и умеръ вмѣстѣ со смертью пролетар-

скаго подъема... Вамъ не жутко сознавать, что онъ умеръ, а мы живы?

— Нисколько... Я начинаю привыкать къ гибели товарищей...

— А мнѣ такъ очень жутко... Не знаю, почему...

— Вы жалѣете его?

— Помимо этого, я понимаю его... Понимала, то-есть.

— А меня вы не понимаете?

— Вы—характеръ другого рода.

— Который характеръ болѣе близокъ вамъ?

— Конечно, Герасима... Вы же знали это...

Нѣсколько минутъ мы молчали...

— А какъ вы думаете, Роза, различіе характеровъ можетъ помѣшать любви?

— Въ семейной жизни, говорятъ, это приноситъ большія несчастія...

— Я васъ спрашиваю это потому, что... я васъ люблю... Т. е. я люблю васъ, какъ женщину, какъ любятъ жену и невѣсту... А не какъ друга...

— Признаніе?

— Не шутите... Мнѣ мучительно тяжело...

— Что же, вы рѣшили обзавестись семьей и хозяйствомъ?

— Зачѣмъ вы шутите?.. Будьте, Бога ради, серьезны... Вамъ, вѣдь, нужно сказать о вашихъ отношеніяхъ ко мнѣ...

— Мои отношенія? Да они же понятны—очень хороши... А вотъ отвѣтъ на признаніе я вамъ дамъ черезъ нѣсколько дней... Хорошо?

— Вы какъ будто смотрите на это недостаточно серьезно?

— Нѣтъ, я очень серьезна...

Я чувствовалъ себя ужасно глупо. Сыгралъ какую-то мальчишескую роль и сыгралъ ее неумѣло... По-школьнически... Вѣдь, когда я думалъ объ этомъ, въ моей головѣ было такъ много мыслей... Хорошихъ словъ... Я думалъ говорить о счастьѣ, о совмѣстной работѣ.. О совмѣстномъ чтеніи и развитіи... А получилось чортъ знаетъ что!.. Да и моментъ выдался самый неподходящій—едва остылъ трупъ Герасима, неудачи послѣднихъ дней... Глупо! Ужасно глупо! За кого она теперь будетъ меня считать?!. Да что же это, чортъ по-

бери, за нерѣшительность такая, неумѣнье искренно и просто спросить!.. Но вѣдь, я же и спросилъ искренно и просто... Вольно ей было придавать разговору шутовской характеръ...

Что же она отвѣтитъ?.. Конечно, что-нибудь о несвоевременности и т. д. А я, дуракъ, воображалъ, что она бросится ко мнѣ на шею... Можетъ быть, заплачетъ... Скажетъ: я горда твоей любовью! Теперь я счастлива! А потомъ? Да не все ли равно, что было бы потомъ... Одно мгновеніе это влило бы въ меня новыя силы... А теперь? Глупая неопредѣленность!..

Новая волна тоски... Кажется, я начинаю понимать Герасима...

8-е іюня.

Я начинаю понимать, что моя любовь создавала мнѣ надежды и иллюзіи. Не отдавая себѣ отчета, я видѣлъ въ этомъ нѣкоторый выходъ изъ создавшейся душевной путаницы... Мучительно сознаваться въ этомъ самому себѣ, но это такъ... Я иронически думалъ объ отдыхѣ вмѣстѣ съ кѣмъ-либо, но въ то же время страстно желалъ подобнаго отдыха...

Свою совѣсть, протестующую и негодующую, я старался усыпить проклятыми словами: «мнѣ нуженъ отдыхъ»... А теперь потеряна и эта смутная, неопредѣленная надежда... Нужно искать что-либо иное, другой выходъ...

Реакція не парализовала нашей дѣятельности, но сузила ее до крайности... Растерявъ другъ друга, мы собираемъ небольшія группы, не зная, о чемъ говорить и что предпринять... О какомъ-либо широкомъ размахѣ дѣятельности не можетъ быть и рѣчи. Самыя отчаянныя попытки ведутъ къ неудачамъ... Какъ будто въ городѣ остались полиція, войска и шпіоны, а прочіе люди попали сюда случайно и чувствуютъ себя неловко въ незнакомомъ мѣстѣ... Я пробовалъ устроить митингъ на одномъ изъ самыхъ неспокойныхъ заводовъ. Но натолкнулся на апатію рабочихъ, отсутствіе энергіи и желанія... Собралось мало рабочихъ, вялыхъ и торопливыхъ... Было только скучно...

А когда возвращаешься къ себѣ, острая тоска охватываетъ всего... Какъ раненый звѣрь, мечешься по комнатѣ...

Мелькаютъ мысли, что все погибло... Что не нуженъ ни я, ни другіе... Мысли, ясно указывающія на слабость...

И вотъ я стараюсь пріободрить себя, указывая себѣ на то, что подобныя думы—проявленіе слабости и усталости... Но здѣсь, какъ искра, мелькаетъ новая мысль... не нужно закрывать глаза на то, что есть... Не слѣдуетъ закрывать себѣ глаза...

А затѣмъ вдругъ всплываетъ Роза... Любовь... И все перемѣшивается въ расплывчатый хаосъ изъ отрывковъ и воспоминаній...

Сегодня вдругъ я началъ жалѣть себя... Вѣдь, я не жилъ вовсе чисто личной жизнью... Я не знакомъ съ цѣлымъ рядомъ сторонъ ея... Чувствуя себя, какъ рыба въ водѣ, въ революціонномъ морѣ, я безпомощенъ при иной житейской мелочи... Подполье дало одностороннее развитіе, почти атрофировавъ нѣкоторыя стороны души... Герасимъ, Нилъ были поставлены въ лучшія условія: они жили въ семьѣ, среди своихъ... Они не порвали такъ безпощадно со всѣмъ, что не касается революціи... А я?! Шесть лѣтъ въ подпольѣ и тюрьмахъ... Кругозоръ сузился до тюремныхъ стѣнъ...

Вздоръ все это! Досадно за такія мысли! Право, кажется, я начинаю презирать себя... Вѣдь, думать такъ, это значитъ... Чортъ знаетъ, что такое!..

Роза... Любовь... Но что Роза? Что любовь? Въ нѣсколько дней создалъ самъ себѣ глупый капризъ и теперь ковыряюсь въ своей душѣ... «Но, вѣдь, она тебя не любитъ... Сознайся въ этомъ»! И ладно, и превосходно... Нѣтъ никакой помѣхи... Отдамся весь революціи, брошусь въ ея грозное море снова... Вѣдь, лишь благодаря ей я до сихъ поръ не сошелъ съ ума и такъ крѣпокъ физически.. «А гдѣ революція? Гдѣ это море? Она въ твоей головѣ, мой милый! Она одна изъ тысячи твоихъ безконечныхъ иллюзій! Ты обманываешь самъ себя... Теперь нѣтъ революціи, нѣтъ Розы, нѣтъ любви... Остался только уродливо-развитой «человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій»!.. Ложь! Гнусная, проклятая ложь! Понимаешь ты, проклятый искуситель?! Понимаешь? Я вѣрю, вѣрю и буду вѣрить... «Вѣрь... Блаженъ, кто вѣруетъ»... Я вѣрю, да... И понесу эту вѣру другимъ... Огненнымъ, стра-

стнымъ словомъ я растоплю ледъ разочарованности, огнемъ зажгу сердца усталыхъ... Вѣрю, страстно и глубоко вѣрю... «Иди, говори... Тебя не будутъ слушать... Надъ тобой посмѣются, какъ надъ фанатикомъ... Иди»!.. Будутъ слушать... Будутъ...

Хочется рвать на себѣ волосы, кричать и мстить безпощадной местью...

Читать нѣтъ силъ... Прочитанная страница тотчасъ забывается... Получается какой-то вздоръ...

10-е іюня.

Я не знаю, для чего Роза повела меня въ этотъ богатый, буржуазный домъ... Мнѣ не хотѣлось итти, но явилось желаніе посмотрѣть, какъ живутъ тамъ, и я пошелъ... У Розы, я думаю, была мысль поставить меня въ растерянное положеніе... Коварная мысль, скверно характеризующая Розу... Мнѣ кажется, попытка ей не удалась... Или, по крайней мѣрѣ, удалась не вполнѣ...

Роскошь обстановки не произвела на меня никакого впечатлѣнія... Я не оглядывался по сторонамъ, не показывалъ никакого восхищенія...

Въ гостинной было довольно многолюдно... Кромѣ хозяина и хозяйки, вся молодежь изъ категоріи «маменькиныхъ дѣтокъ». Дѣвицы въ нарядныхъ платьяхъ, съ цвѣтами въ волосахъ. Зачѣмъ я попалъ въ эту компанію?

Встрѣтили меня очень радушно... Предложили чай, вино и закуски.

Разговоръ у нихъ не клеился. Перекидывались отдѣльными фразами. Полный не по лѣтамъ гимназистъ разсказывалъ о томъ, что онъ видѣлъ въ театрѣ.

— Начала она ломаться и сбрасывать съ себя по штучкѣ. Поломается—сброситъ, поломается—сброситъ... А потомъ осталась совсѣмъ безъ ничего...

— Хе-хе-хе...

— Брось, Владимиръ... Не разсказывай гадостей.

— Ей-Богу... Ну, здѣсь и началось: кто свиститъ, кто хлопаетъ... Шумъ поднялся...

— А ты что дѣлалъ?

— Я хлопалъ...

— Вамъ скучно?—шепнула мнѣ Роза.

— Любопытно...

Ко мнѣ подсѣли двѣ дѣвицы-хозяйки... Очевидно, съ цѣлью развлекать меня...

— Намъ о васъ говорила Роза...

— Что она вамъ говорила?

— О странностяхъ всей вашей компаніи...

— Я, къ сожалѣнію, не знаю ни одной изъ этихъ странностей... Странностей въ вашей компаніи, мнѣ кажется, значительно больше...

— Какія же?

— Смотрите сами...

Мы замолкли... Кто-то сѣлъ за рояль и началъ бренчать.

— Вы любите музыку?

— Такой, какъ эта, не люблю...

— А какую же?

— Хорошую...

— Исай Исаевичъ играетъ недурно...

— Можетъ быть... Значитъ, у насъ разные вкусы...

Другая все время молчавшая дѣвица начала съ глупости:

— А у васъ развѣ носятъ воротнички и галстуки?

— Что вы, господа, съ неба, что ли, свалились? Или Роза наговорила вамъ всякаго вздора, или вы шутите...

— Намъ говорили, что всѣ революціонеры ходятъ въ блузахъ и шляпахъ съ широкими полями.

— А вы гдѣ учились?

— Въ Смольномъ.

— Недавно вышли оттуда?

— Недавно...

— Ну, вы еще не разъ станете въ непріятное положеніе. «Воспитаніе» не скоро выдохнется...

— Намъ говорили, что соціалисты грубы, неопрятны. Они отрицаютъ науку, искусство. Ихъ идеалъ—пиво и водка...

— Глупцы вамъ много могли сказать вздора... Но кто мѣшаетъ вамъ самимъ познакомиться съ ученіемъ соціалистовъ... Вѣдь, вы грамотны?

— Конечно... Вѣдь, я же...

— Мнѣ тоже пришлось слышать, что институтки—сплошныя невѣжды...

— И теперь вы убѣдились въ этомъ?

— Я васъ совершенно не знаю...

— Викторъ, вы невозможно рѣзки,—шепнуза Роза.

Мнѣ непріятно стало, что я пришелъ сюда, что Роза учитъ меня такту.

— Я знаю, какъ вести себя, Роза... Вамъ не придется за меня стыдиться...

— Да чего вы злитесь?..

Я кивнулъ головой присутствующимъ и вышелъ...

Чудная, мѣсячная ночь... Какъ хорошо теперь въ лѣсу!

Но и въ лѣсу, какъ и дома, терзалъ и рвалъ рой неотвязныхъ мыслей.

Ночевалъ у рабочаго. Утромъ дома нашелъ записку Розы: «Вы нервничаете... Вчера вашъ уходъ взволновалъ всѣхъ... Дѣвицы думали, что вы обидѣлись... Спѣшите отдохнуть и полечиться».

Ладно, ладно... Теперь меня, кажется, ничто не способно «задѣть». Я окончательно рѣшилъ сдать всѣ свои дѣла, отдохнуть и подзаняться. Рѣшилъ безъ чьихъ-либо совѣтовъ..

Мнѣ становится досадно, что я говорилъ Розѣ о любви... Съ той минуты ея отношенія ко мнѣ измѣнились. Какъ будто она начинаетъ смотрѣть свысока... Не рано ли, милая Роза? Посмотримъ!..

13-е іюня.

Организація сохранена... На смѣну павшихъ стали новыя силы.. Аппаратъ, слѣдовательно, готовъ, и, хотя дѣлать ему покуда почти нечего, мы довольны и веселы... Перекличка сдѣлана—всѣ въ сборѣ... Снова за трудъ! Пусть нѣтъ широкаго размаха: капля по каплѣ камень долбитъ... Радуюсь, что не удались планы реакціи... Что организація цѣла... Радуюсь тому, что хоть маленькая работа, но все же есть... Я беру на мѣсяцъ отпускъ... Въ мѣсяцъ работа разрастется... А тогда я, отдохнувшій и успокоившійся, «снова брошусь въ бой кипучій»..

Я снялъ себѣ маленькую комнату на краю города, около

лѣса... Всѣ дѣла свои я сдалъ другому и теперь хожу на собранія, какъ гость. Посмотрѣть, послушать. И все... Сразу неудобно какъ-то бросить все и заняться самимъ собой. Вотъ я и отвыкаю постепенно, понемногу... Мнѣ кажется, что теперь и нервы мои понемногу приходятъ въ порядокъ... Страданія же я объясняю тѣмъ, что все еще довольно близокъ общему дѣлу, что все еще живу имъ... И, когда на собраніяхъ обсуждается тотъ или другой болѣе близкій мнѣ вопросъ, я волнуюсь, начинаю горячиться, чего бы, какъ «гостю», дѣлать не слѣдовало...

Читать тоже еще не началъ... Хочу сначала «отдышаться», регулярно поѣсть... Вообще, пожить чисто животной жизнью...

Товарищи вполнѣ понимаютъ меня... Живы ли еще передъ ними образы Нила и Герасима, или на мнѣ очень замѣтна усталость,—не знаю. Но всѣ такъ ласковы, такъ близки... Ни одной шутки... Никто не подтруниваетъ надъ моимъ «отпускомъ»...

Иногда даже говорятъ комплименты...

— Вы, товарищъ Викторъ, навѣщайте насъ время отъ времени: безъ опыта нашихъ «старшихъ» братьевъ намъ будетъ трудненько.

— Я же лишь на одинъ мѣсяцъ.

— Все-таки... Кто знаетъ, что можетъ случиться въ мѣсяцъ!?

Мылые, дорогіе друзья!... Они, навѣрное, меня любятъ такъ же, какъ я ихъ... Какъ только снова начну «работать», постараюсь всѣхъ узнать поближе... Кто они, откуда... Буду знать ихъ, какъ людей, а не только, какъ партійныхъ работниковъ... Тогда создастся еще большая близость... Еще дружнѣе, еще единодушнѣе будетъ трудъ... Интересно, какъ это я проживу цѣлый мѣсяцъ безъ дѣла... Давно я не жилъ такъ... Въ тюрьмѣ, конечно... Но, вѣдь, тюрьма — другое дѣло... Хотя и въ тюрьмѣ живешь или стараешься жить той же атмосферой...

А теперь цѣлый мѣсяцъ совершенной свободы... Дѣлай, что хочешь, иди, куда желательно... Читай, гуляй, поѣзжай въ деревню—никакого запрета, никакихъ обязательствъ... Но вотъ—тоска... Почему же она не уходитъ вмѣстѣ съ прош-

лымъ? Почему не является свѣтлая жизнерадостность?!. Ну, да явится и все это... Нужно нѣсколько свыкнуться съ новымъ положеніемъ... «Старый котъ на покоѣ»... Но какой же старый? 24 года... Да и, наконецъ, всѣ признаютъ, что мнѣ необходимо отдохнуть... Не капризъ же это, не лѣнь.

Въ окно моей комнаты виденъ лѣсъ... Видны улица и сады... Воздухъ чудный... По вечерамъ я долго сижу на окнѣ и прислушиваюсь въ отдаленному городскому шуму... Роза не была у меня нѣсколько дней... Исторію съ «любовью» я считаю конченной... Тяжело и больно въ этомъ сознаться, но это такъ... Не надо думать объ этомъ...

14-е іюня.

Сегодня я выходилъ лишь на два-три часа повидать товарищей... Все остальное время былъ дома... Ходилъ въ лѣсъ, но почему-то стало скучно... Вернулся черезъ полчаса и засталъ Розу.

— Здравствуйте, отшельникъ... Чего это вы спрятались?

— Отдыхаю и наслаждаюсь жизнью...

— Вотъ какъ мы!.. Хорошо?

— Недурно...

Пили чай и болтали о разныхъ разностяхъ. А, уходя, Роза бросила мнѣ:

— Вы еще не забыли, что сдѣлали мнѣ предложеніе?

— Розочка... Я живу вами... Я такъ люблю васъ...

— Ну, смотрите же... Не забывайте этого...

— Могу ли я забыть?!. Роза, останьтесь... Поговоримъ...

— Мнѣ нужно итти...

Я схватилъ ея руки и сжалъ ихъ въ своихъ... Мнѣ хотѣлось цѣловать ихъ, цѣловать Розу...

Она загадочно, нерѣшительно смотрѣла на меня!.. Чуть замѣтно улыбалась...

— Останьтесь...

Она освободила одну свою руку изъ моихъ и гладила мои волосы... Такъ ярко, такъ свѣтло было на душѣ...

— Милый мой, хорошій, славный другъ... Наивный только.

— Останьтесь, Розочка!.. Неужели вы уйдете сейчасъ?..
— Не могу. Меня ждутъ..
— Ну, хоть скажите что-нибудь.
— Что?
— Отвѣтьте, о чемъ просилъ тогда...
— Скоро вы узнаете все...

Она ушла. Я видѣлъ, какъ она торопливо шла по улицѣ и сѣла на конку... Деревья такъ ласково шелестѣли листьями. Дышалось легко. Разочарованіе смѣнилось увѣренностью...

Но почему же я «наивный»? Милая, искренняя дѣвушка...

16-е іюня.

Нѣтъ, мнѣ рѣшительно не годится жить здѣсь... Рѣшительно... Едва уснувшую на минуту тоску безпрестанно будятъ всевозможныя событія и столкновенія... Порой какой-нибудь ничтожный случай воскрешаетъ въ душѣ тоску, такія муки, что рѣшительно не знаешь, что дѣлать...

Сегодня, безцѣльно шляясь по улицамъ, встрѣтилъ знакомаго рабочаго... Радостно поздоровались.

— А мы, товарищъ Викторъ, все насчетъ митинга подумываемъ... Посовѣтоваться съ вами хотѣли. Казаки у насъ въ заводѣ-то, только немного ихъ и кое-кого изъ нихъ мы приручили. Такъ что, думаемъ, если минутъ на пятнадцать— вполнѣ возможно... Публику расшевелить.

— Конечно, это хорошо...

— Такъ вы дайте свой адресокъ. Мы, въ случаѣ чего, сообщимъ... Вы подойдите къ воротамъ, а то прямо на заводъ съ утра можно... Такъ походите по мастерскимъ.

Я далъ адресъ...

Есть ли возможность сказать, что я въ отпуску, отдыхаю?.. Нельзя... Ни въ коемъ случаѣ... Рабочій удивленно и странно посмотрѣлъ бы на меня, и въ головѣ его обязательно мелькнула бы мысль: «тоже обуржуазился»...

Можно съ увѣренностью сказать, что митингъ этотъ не удастся, какъ не удались сотни другихъ, проектируемыхъ въ послѣдніе дни... Неудачи озлобляютъ, заставляютъ публику нервничать... Но попытки все-таки продолжаются...

Мысли снова принимаютъ нежелательный оборотъ, на-

правляясь къ перспективамъ... Вмѣстѣ съ невозможностью рѣшить ихъ вливается тоска и горечь... Нѣтъ, нужно ѣхать куда-нибудь вдаль, изолироваться на нѣкоторое время, иначе отдыхъ превратится въ невыносимую полосу страданій...

Настроеніе настолько не спокойно и не уравновѣшено, что до сего времени я положительно не могу читать... Мысли путаются, и книга валится изъ рукъ. Хожу по комнатѣ, какъ въ одиночкѣ, и думаю неизвѣстно о чемъ... Безпорядочно мысли перескакиваютъ съ одного вопроса на другой, и, когда спрашиваешь себя, о чемъ же ты думаешь такъ лихорадочно и нервно, какіе рѣшаешь вопросы,—никакого отвѣта дать нельзя... Такъ себѣ, о чемъ-то разномъ, непонятномъ... Ужъ не схожу ли я съ ума?

21-е іюня.

Завтра ѣду на Волгу... Далѣе жить такъ нѣтъ силъ... Пустая, безтолковая, мучительная жизнь... Вотъ четыре дня не выходилъ никуда изъ комнаты... Живу, какъ звѣрь въ берлогѣ, и страдаю отъ безсодержательности собственной жизни... Тоска неизвѣстно о чемъ грызетъ безпрестанно, пропалъ аппетитъ, и, по выраженію моей хозяйки, я «сталъ похожъ на шкелетъ»... Что же это за самоистязаніе такое!..

Нужно привести въ порядокъ свои мысли, послѣдовательно отвѣтить на каждую...

Кончилось ли всё? Нѣтъ, несомнѣнно, нѣтъ... Настроеніе массъ, повысившійся уровень ихъ политической требовательности, озлобленность на экономическія неурядицы—все говоритъ противъ этого... Глубоко ли я вѣрю во все это? Убѣжденъ ли? Несомнѣнно. Постоянное столкновеніе съ рабочими подтверждаетъ теоретическія выкладки...

Если такъ, въ чемъ же дѣло? Тоска послѣ неудачи, что ли? Но, вѣдь, неудача разочаровываетъ лишь слабыхъ. Это я говорилъ тысячу разъ, и себя слабымъ никогда несчиталъ... Если, тѣмъ не менѣе, тоска на лицо, значитъ, или я слабѣйшая дрянь, вопреки всѣмъ моимъ мыслямъ, или неудача можетъ повергнуть въ тоску и не однихъ только слабыхъ...

Но, вѣдь, это не отвѣтъ, не объясненіе... Оно не умень-

— Останьтесь, Розочка!.. Неужели вы уйдете сейчасъ?..
— Не могу. Меня ждутъ..
— Ну, хоть скажите что-нибудь.
— Что?
— Отвѣтьте, о чемъ просилъ тогда...
— Скоро вы узнаете все...

Она ушла. Я видѣлъ, какъ она торопливо шла по улицѣ и сѣла на конку... Деревья такъ ласково шелестѣли листьями. Дышалось легко. Разочарованіе смѣнилось увѣренностью...

Но почему же я «наивный»? Милая, искренняя дѣвушка...

16-е іюня.

Нѣтъ, мнѣ рѣшительно не годится жить здѣсь... Рѣшительно... Едва уснувшую на минуту тоску безпрестанно будятъ всевозможныя событія и столкновенія... Порой какой-нибудь ничтожный случай воскрешаетъ въ душѣ тоску, такія муки, что рѣшительно не знаешь, что дѣлать...

Сегодня, безцѣльно шляясь по улицамъ, встрѣтилъ знакомаго рабочаго... Радостно поздоровались.

— А мы, товарищъ Викторъ, все насчетъ митинга подумываемъ... Посовѣтоваться съ вами хотѣли. Казаки у насъ въ заводѣ-то, только немного ихъ и кое-кого изъ нихъ мы приручили. Такъ что, думаемъ, если минутъ на пятнадцать— вполнѣ возможно... Публику расшевелить.

— Конечно, это хорошо...

— Такъ вы дайте свой адресокъ. Мы, въ случаѣ чего, сообщимъ... Вы подойдите къ воротамъ, а то прямо на заводъ съ утра можно... Такъ походите по мастерскимъ.

Я далъ адресъ...

Есть ли возможность сказать, что я въ отпуску, отдыхаю?.. Нельзя... Ни въ коемъ случаѣ... Рабочій удивленно и странно посмотрѣлъ бы на меня, и въ головѣ его обязательно мелькнула бы мысль: «тоже обуржуазился»...

Можно съ увѣренностью сказать, что митингъ этотъ не удастся, какъ не удались сотни другихъ, проектируемыхъ въ послѣдніе дни... Неудачи озлобляютъ, заставляютъ публику нервничать... Но попытки все-таки продолжаются...

Мысли снова принимаютъ нежелательный оборотъ, на-

правляясь къ перспективамъ... Вмѣстѣ съ невозможностью рѣшить ихъ вливается тоска и горечь... Нѣтъ, нужно ѣхать куда-нибудь вдаль, изолироваться на нѣкоторое время, иначе отдыхъ превратится въ невыносимую полосу страданій...

Настроеніе настолько не спокойно и не уравновѣшено, что до сего времени я положительно не могу читать... Мысли путаются, и книга валится изъ рукъ. Хожу по комнатѣ, какъ въ одиночкѣ, и думаю неизвѣстно о чемъ... Безпорядочно мысли перескакиваютъ съ одного вопроса на другой, и, когда спрашиваешь себя, о чемъ же ты думаешь такъ лихорадочно и нервно, какіе рѣшаешь вопросы,—никакого отвѣта дать нельзя... Такъ себѣ, о чемъ-то разномъ, непонятномъ... Ужъ не схожу ли я съ ума?

21-е іюня.

Завтра ѣду на Волгу... Далѣе жить такъ нѣтъ силъ... Пустая, безтолковая, мучительная жизнь... Вотъ четыре дня не выходилъ никуда изъ комнаты... Живу, какъ звѣрь въ берлогѣ, и страдаю отъ безсодержательности собственной жизни... Тоска неизвѣстно о чемъ грызетъ безпрестанно, пропалъ аппетитъ, и, по выраженію моей хозяйки, я «сталъ похожъ на шкелетъ»... Что же это за самоистязаніе такое!..

Нужно привести въ порядокъ свои мысли, послѣдовательно отвѣтить на каждую...

Кончилось ли всё? Нѣтъ, несомнѣнно, нѣтъ... Настроеніе массъ, повысившійся уровень ихъ политической требовательности, озлобленность на экономическія неурядицы—все говоритъ противъ этого... Глубоко ли я вѣрю во все это? Убѣжденъ ли? Несомнѣнно. Постоянное столкновеніе съ рабочими подтверждаетъ теоретическія выкладки...

Если такъ, въ чемъ же дѣло? Тоска послѣ неудачи, что ли? Но, вѣдь, неудача разочаровываетъ лишь слабыхъ. Это я говорилъ тысячу разъ, и себя слабымъ никогда несчиталъ... Если, тѣмъ не менѣе, тоска на лицо, значитъ, или я слабѣйшая дрянь, вопреки всѣмъ моимъ мыслямъ, или неудача можетъ повергнуть въ тоску и не однихъ только слабыхъ...

Но, вѣдь, это не отвѣтъ, не объясненіе... Оно не умень-

шаетъ мукъ, а лишь увеличиваетъ путаницу мыслей... Ясно одно, что эти дьявольскія муки вызваны не нашими неудачами или, вѣрнѣй, не однѣми этими неудачами.

Чѣмъ же, въ такомъ случаѣ?

Неудачей въ любви? Но, вѣдь, и это же не такъ ужъ важно... Да и что, серьезно говоря, это за любовь, внезапно явившаяся и не давшая ничего, кромѣ глупаго положенія?.. Да и люблю ли я Розу? Что значитъ любить? Когда я думаю о Розѣ, во мнѣ создается мучительно пріятное настроеніе, хочется видѣть ее, ласкать... Когда думаю, что она меня не любитъ,—мнѣ больно, досадно на себя... Не видя ея долго, я начинаю волноваться, мнѣ чего-то недостаетъ... Начинаются страданія... Любовь ли это? Не знаю... Нужно съ кѣмъ-нибудь поговорить или почитать побольше на эту тему...

Любитъ ли Роза меня? Мнѣ хочется думать, что да... Я не могу заставить себя думать иначе, и если иногда начинаю думать «на всякій случай», то получается пустота... Какъ будто безъ Розы нѣтъ ничего—ни жизни, ни природы, ни цѣли... Конечно, все это пустяки, и я спѣшу выбросить ихъ изъ своей головы...

Неудачи въ любви я пока еще не вижу и не знаю, какъ на мнѣ отразится эта неудача...

Значитъ, существуетъ что-то еще, чего я или не знаю, или скрываю отъ себя намѣренно... Но что же, что же, наконецъ?

Вчера и позавчера находился подъ впечатлѣніемъ ужасной сцены... Это маленькая ничтожная страничка жизни... Мнѣ только теперь пришлось столкнуться съ ней, а потому она потрясла меня, на минуту парализовала всѣ мои мысли...

Инстинктивно какъ-то я забрелъ въ одинъ изъ заводскихъ кварталовъ. Шла работа, пыхтѣли паровики, ожесточенно били паровые молоты, визжало и стонало желѣзо... Улица наполнена дымомъ и гарью... По обыкновенію, здѣсь никого не было, кромѣ полиціи и людей, «одержимыхъ холопскимъ недугомъ»...

Вдругъ улица оживилась... Наполнилась толпой народа... Наполнилась криками, шумомъ и выстрѣлами... Это произошло неожиданно-быстро... Словно всѣ эти кричащіе люди упали изъ воздуха или появились изъ земли!..

— Держи, эй, держи!..

— Сторонись, съ дороги прочь!.. Уходи!..

Отрывисто и рѣзко звучали выстрѣлы...

Я прижался къ стѣнѣ... Мимо меня пронесся мальчикъ съ большой копной бѣлыхъ, вьющихся волосъ... Лицо—блѣдное, какъ полотно, глаза блестятъ болѣзненно...

Машинально, но вѣрно онъ стрѣляетъ въ перегородившаго ему путь полицейскаго перескакиваетъ черезъ его трупъ, на бѣгу стрѣляетъ въ преслѣдователей...

Я не знаю, зачѣмъ присоединился къ бѣгущей за нимъ толпѣ... Всѣхъ насъ влекло не желаніе схватить его, а простое, низкое любопытство узнать, чѣмъ это кончится...

— Держи грабителя!

— Эй, эй, эй!.. Грабитель!.. Держи...

Околоточный одинъ за другимъ произвелъ полдюжины выстрѣловъ. Стрѣляли полицейскіе и добровольцы...

— Шустеръ...

— Ишь ты, все мимо да мимо...

— Онъ раненъ, да крѣпится... Жисть свою спасаетъ...

— А, вѣдь, уйдетъ...

— Пожалуй!

— Нѣтъ, онъ усталъ... А ихъ, вишь ты, все новые да новые...

Юноша на минуту остановился, прицѣлился и свалилъ приблизившагося къ нему околоточнаго...

— Здорово бьетъ!..

— Не по-ихнему...

— Третьяго человѣка сваливаетъ...

— Уйдетъ!

— Догонятъ... Гдѣ тутъ уйти!..

— Пари на цѣлковый, идетъ?

— Дуракъ! Здѣсь человѣкъ гибнетъ, а онъ пари... Чучело!

— А ты что, аль изъ ихъ компаніи?

— Цѣлы у тебя зубы-то?

Экспропріаторъ замѣтно отставалъ... Впереди толпы за нимъ неслись мальчишки... Нѣкоторые изъ нихъ догоняли его и отбѣгали на тротуары... Всѣмъ становилось ясно, что онъ погибъ... Въ перерѣзъ ему бросились двое на извозчикѣ...

— Мальчики, палку ему подъ ноги-то, палку бросьте...
— Поди, брось самъ... Прыткій какой!..
— Камнемъ его, с. с-на!..
— Еще одного свалилъ!.. Ахъ, Господи!..
— Дорого жисть свою человѣкъ продаетъ...
— Всякому дорога!
— Не воруй...
— Это вѣрно...
— Время-то какое, Господи Боже ты мой... Сегодня цѣлъ, а завтра Богъ вѣсть...
— Да, ужъ времячко...
— Экое дѣло!..

Сдѣлавъ еще два выстрѣла, экспропріаторъ упалъ... Преслѣдователи кучей навалились на него... Началась кровавая свалка...

— Убьютъ!.. Убьютъ...
— Убили ужъ... Чего тамъ убьютъ!
— Въ котлету обратили человѣка... Звѣри!..
— А онъ-то четверыхъ... У нихъ тоже дѣти...
— Ты суди, предай казни... А не звѣрствуй...
— Теперь готовъ...
— Конечно. А то «уйдетъ»... Гдѣ ужъ тутъ уйти...
— А бываетъ, что и уходятъ.
— Бываетъ... А этому гдѣ уйти, когда такая погоня.
— Совсѣмъ еще молоденькій...
— А стрѣлять мастеръ.
— Стрѣлять, ой, ой... Хоть въ стрѣлковый батальонъ...

Трупъ положили на извозчика... Дворники начали замывать кровь...

— Расходись... Чего не видали!
— Какъ держать, такъ иди, а теперь расходись...
— Иди, иди...
— Былъ человѣкъ и нѣтъ... Вотъ она, жисть-то наша...

Меня и сейчасъ преслѣдуетъ испуганное и энергичное лицо этого юноши...

Мнѣ вспомнился разсказъ Короленки: «Мгновеніе»... Очевидно, и этотъ юноша въ послѣдней схваткѣ испыталъ минуты, которыя стоятъ цѣлой жизни...

22-е іюня.

Я ѣду на Волгу... Поѣздъ стучитъ, трясется и взвизгиваетъ... Вагонъ полонъ люда чуть ли не всѣхъ возрастовъ и сословій... Жарко, душно... На площадку выйти невозможно: черезъ минуту покрываешься густымъ слоемъ пыли и копоти...

На лицахъ всѣхъ нервозность и усталая сосредоточенность...

Въ одномъ отдѣленіи со мной помѣстилось нѣсколько крестьянъ и два дьякона. Одинъ довольно молодой, полный и крѣпкій мужчина. Круглое, блестящее лицо его ежеминутно покрывалось потомъ, который онъ смахивалъ полотенцемъ, приговаривая всякій разъ:

— Ну, и жара! Никакъ въ аду и то легче будетъ!..

Другой дьяконъ—старый, низенькій старичокъ, суетливый и словоохотливый. Тонкимъ голоскомъ онъ все время жаловался на «время», на «порядки»: «Сборовъ совсѣмъ нѣтъ... Жить скоро станетъ нечѣмъ»!.. . . . . [1])

27-е іюня.

Волга на меня производитъ тяжелое впечатлѣніе. Она, кажется мнѣ, лучше, чѣмъ что-либо другое, показываетъ нашу обнищалость, хищничество и дикость... Видно, что гибнетъ эта могучая рѣка подъ медленнымъ, но безпрестаннымъ натискомъ песковъ. Все больше и больше наносовъ и мелей. Въ безпрестанной борьбѣ съ песками гибнетъ растительность береговъ.

Лѣса уничтожаются, частью уничтожены уже безпощадно и хищнически... Десятки пароходовъ и баржъ гуськомъ пробираются другъ за другомъ... Съ каждымъ годомъ суживается линія плаванія, чаще и чаще приходится измѣрять глубину, замедляя ходъ судна... Жалкій видъ имѣютъ эти суда, жмущіяся другъ къ другу, не имѣющія надлежащаго простора и шири. Скована свобода хода, возможность широкаго и вольнаго удара. А давно ли воды Волги не имѣли

---

[1]) Пропускъ въ рукописи.

конца и предѣла? Трудно было измѣрить ихъ бездонную глубину, и суда беззаботно летали по ея волнамъ, не боясь песковъ и не зная мелей... Но пришелъ хищникъ, наложилъ свою лапу на великую рѣку, опустошилъ ея берега, и рѣка гибнетъ въ гнѣвномъ и злобномъ безсиліи...

Вода сѣрая и мутная... Кажется, что собраны здѣсь всѣ слезы народа, вся кровь, вытекшая изъ его жилъ, и несутся въ невѣдомую даль народные стоны и злоба...

Я пристально смотрю въ воду, и мнѣ начинаетъ казаться, что Волга таитъ что-то злобное и могучее... Что она намѣренно притворяется разбитой и безсильной, ожидая момента, когда можно будетъ собрать всѣ силы своихъ волнъ и разразиться могучей, всесокрушающей бурей... И разорвутъ эти мощныя волны цѣпи, сдерживающія вольный полетъ, губящія и мертвящія... Широко и свободно польются свѣтлыя воды...

— Вишь ты, гибнетъ рѣка-то...

— Что и говорить... Мельчаетъ...

— Дать бы ее вотъ теперь въ руки американцевъ... Господи Боже мой! Чудеса бы сотворили...

— Куда тутъ... Броненосцы бы ходить стали...

— А у насъ...

Начинаются долгіе и скучные, какъ сѣрый день, разсказы о грабежахъ и хищеніяхъ...

— Вотъ тебѣ и землечерпалка... Да-съ! Съ одного мѣста выкачиваетъ, на другое валитъ... А потомъ наоборотъ... Пользы ни на грошъ, а деньги таютъ...

— А карманы толстѣютъ...

— Да... Вотъ у насъ, можетъ знаете, Иванова Петра Лаврентьевича... Этимъ нажилъ капиталы...

Начинается разсказъ про Петра Лаврентьевича, про его грабежи, обманы и надувательства, наполнившіе золотомъ его бездонные карманы. И въ разсказахъ этихъ не было ни досады, ни ненависти къ грабителю, а преклоненіе передъ его умомъ, ловкостью и зависть, что всѣ эти подлости придумалъ онъ, а не говорившіе, и что наполнены его карманы, а не ихъ...

Тоска наполняла душу... Создавалось мучительное, безъ-

исходное положеніе... Когда же люди станутъ лучше? Когда станутъ понимать они, въ чемъ настоящее счастье?!.. Много еще нужно силъ, много слезъ, много страданій...

Когда я послѣ двухгодичнаго одиночнаго заключенія былъ выпущенъ на свободу, то чувствовалъ себя очень странно и неловко. Мой жизненный кругозоръ сузился до тюремныхъ стѣнъ, и я долго не могъ освоиться съ жизнью внѣ тюрьмы.., Просыпаясь, я нѣкоторое время лежалъ на постели, ожидая звонка, и лишь потомъ соображалъ, что я на свободѣ и никакихъ звонковъ здѣсь не можетъ быть... Подходя къ окну, я удивлялся, почему нѣтъ рѣшетокъ, и минутами являлось желаніе выпрыгнуть въ окно и скрыться... Мнѣ трудно было оріентироваться среди улицъ и домовъ, и долгое время безъ путеводителя я былъ человѣкомъ безпомощнымъ. Въ головѣ перепутывались всѣ улицы и перекрестки, дома сливались въ общую громаду... Не безъ труда сталъ я снова нормальнымъ человѣкомъ...

Нѣчто подобное испытываю я и теперь... Для меня, напримѣръ, очень странно, что окружающіе меня люди мало заняты вопросами партійнаго характера, что вопросъ этотъ не играетъ сколько-нибудь значительной роли въ ихъ жизни... Люди пьютъ, ѣдятъ, любуются солнечнымъ закатомъ, страстно спорятъ о вопросахъ мелкихъ и незначительныхъ, а политика для нихъ что-то или очень далекое и второстепенное или вовсе постороннее. Я, конечно, понимаю, отчего это. Могу убѣдительно и краснорѣчиво объяснить это, но, все-же, смутное удивленіе то и дѣло рождается въ моей душѣ, и приходится изгонять его, убѣждать себя, смѣяться надъ собой...

«Что же, ты предполагалъ, что всѣ, съ кѣмъ бы ты ни повстрѣчался, будутъ такъ же пропитаны партійнымъ духомъ, какъ люди твоей среды? Что они, подобно вамъ, интересуются всѣми мелочами вашей жизни?.. Можетъ быть, обсуждаютъ резолюціи и директивы?! Ха, ха, ха»...

«Да нѣтъ же, нѣтъ... Я вовсе не думалъ этого... Не думалъ ни одной минуты, но разъ были такіе могучіе общенаціональные подъемы — должно же въ сознаніи людей остаться что-нибудь! Должны же они хоть немного интере-

соваться тѣмъ, каковы результаты этого подъема, что далъ онъ и что дѣлать дальше... Вѣдь, теперь тоже особое время... Происходитъ настойчивая ликвидація всѣхъ пріобрѣтеній народа. Отобрано почти все... Да не почти, а совершенно все... Что же, развѣ это для нихъ безразлично?!.. Развѣ это не ихъ дѣло?»

«Но нельзя же безпрестанно твердить объ этомъ... Вѣдь, теперь періодъ паники при отступленіи... Люди боятся другъ друга... А ты хочешь, чтобы они всѣмъ и каждому твердили о своихъ политическихъ взглядахъ... Смѣшно»...

«Но на что же тогда разсчитывать? Гдѣ твердая опора дальнѣйшихъ событій? Въ чемъ же залогъ успѣха»?

Опять снова и снова встаетъ старый вопросъ... Слѣдуетъ ли поставить крестъ надо всѣмъ или нѣтъ?.. Какія данныя за и противъ... И такъ безъ конца...

Съ мучительной настойчивостью сегодня встаетъ передо мной моя жизнь... Досадно за себя за многіе свои поступки... Все, что не касается дѣла, проходило у меня вяло и некартинно.

Въ думахъ все рисовалось значительно сильнѣе, красивѣе... А когда я старался осуществить свои мысли, даже когда имѣлъ возможность дѣлать это, получалось что-то тусклое, а порой и смѣшное...

Взять хотя бы мою любовь къ Розѣ. Когда я думаю объ этомъ, хочется сказать ей много хорошаго, красиваго и сильнаго: самую любовь обставить такими условіями, чтобы она была чарующе-привлекательна, чиста и глубока, какъ борьба за идею... Но почему же, чортъ возьми, почему получается что-то уродливое и смѣшное? Встаетъ картина моего объясненія, и становится стыдно и больно... Почему получилось такъ... грустно?..

Вотъ что я писалъ сегодня Розѣ: «Другъ мой! Ненаглядное дитя! Всѣ мысли мои съ тобой; я мысленно ласкаю тебя, честное, дорогое созданіе! Мнѣ хочется быть вмѣстѣ съ тобой и снова сказать тебѣ о моей любви, о томъ, какъ тяжело мнѣ не видѣть моей дорогой дѣвушки! Я хочу реальной ласки, хочу видѣть твои чудные глаза и забыться на минуту въ обаяніи твоей чистоты... Какъ богиня, стоишь ты

предо мной, чистая и ясная, далекая всего обыденнаго и прошлаго... И мучительно кто-то твердитъ мнѣ, что ты— идеалъ свѣтлый и недосягаемый... Ты начинаешь говорить, и я слышу твой голосъ. Онъ ласкаетъ мой слухъ, и въ словахъ твоихъ я ловлю чарующую прелесть... Роскошная и чудная, какъ весна, ты достойна такого же совершенства, какъ ты сама, и я боюсь за свою любовь, нѣжную, какъ лепестки весеннихъ цвѣтовъ... Клочекъ неба съ двумя звѣздами виденъ сквозь узкое окно моей каюты, и чудится мнѣ, что это ты смотришь на меня и улыбаешься мнѣ ласково и дружески... Дорогая! Мнѣ хочется взять часть своихъ силъ, своего счастья и бросить къ твоимъ ногамъ, чтобы ты была весела и счастлива... Мучительно тянется однообразное время... Только ты разнообразишь его, давая матеріалъ моей мысли. Картины счастья рисуетъ мое воображеніе... Пропадаетъ охота ѣхать дальше... Хочется вернуться къ тебѣ, быть съ тобой»...

Я отослалъ Розѣ это письмо, а потомъ раскаялся... Имѣю ли я право писать ей такія письма? вѣдь, она ничѣмъ не дала понять, что любитъ меня... Ни одного намека! Можетъ быть, она любитъ другого? Можетъ, это письмо попадетъ ему въ руки... Создадутся необоснованныя предположенія, страданія... Зачѣмъ? Чего я добиваюсь? Если даже она любитъ меня, имѣю ли я право связывать ея жизнь со своей, заставлять ее переживать всѣ невзгоды и лишенія, свойственныя моей профессіи?.. Чортъ знаетъ!..

Но какое, впрочемъ, мнѣ дѣло до того, что ее кто-то любитъ? Развѣ я не могу, не долженъ любить?!. Развѣ счастье этого рода не отведено на нашу долю... Чортъ возьми! Она не любитъ меня? Тогда я буду бороться за ея любовь! Я приложу всѣ силы къ тому, чтобы завоевать эту любовь... Страданія другого... Подумаешь!.. Но развѣ я не страдаю отъ однихъ предположеній? Развѣ не буду страдать въ тысячу разъ сильнѣе, когда узнаю, что предположенія—фактъ? Почему долженъ страдать *я*, а не другой? Что за дурацкое, безсмысленное самотреченіе? Нѣтъ, этого не должно быть и не будетъ... Не будетъ!..

29-е іюня.

Мой «отдыхъ» принимаетъ довольно странный характеръ... Тоска и спутанность мыслей съ каждымъ днемъ не только не уменьшаются, но принимаютъ болѣе и болѣе убійственный характеръ... Каждый день я жду, что новое, все разъясняющее наступитъ на другой день, что на завтра все измѣнится, все станетъ хорошимъ и яснымъ... Отъ Рыбинска до Ярославля, отъ Ярославля до Нижняго... Все кажется, что неопредѣленность зависитъ отъ парохода, отъ пассажировъ... Что достаточно сѣсть на другой пароходъ, перевалить какую-то черту, и все пойдетъ по-новому, по-хорошему...

Но день идетъ за днемъ... Все тѣ же лица, скучныя, сѣрыя мысли и слова... Тоска и однообразіе...

Должно же привести это къ какому-либо концу... Не можетъ это продолжаться всегда...

Досадно то, что здѣсь у меня какъ-то ни съ кѣмъ нѣтъ общихъ интересовъ...

Вотъ учитель семинаріи... Высокій, сутуловатый мужчина съ карими бѣгающими глазками, широкимъ лицомъ и огромной черной шевелюрой. Онъ очень словоохотливъ. Охотно разсказываетъ о семинаріи, объ учителяхъ... Приводитъ много интересныхъ фактовъ и анекдотовъ... Разсказываетъ о цѣломъ рядѣ столкновеній съ дирекціей и высшимъ начальствомъ. Его охотно слушаютъ, смѣются... Для всѣхъ онъ— желательный собесѣдникъ... Сельская учительница, зубной врачъ находятъ много общихъ темъ... Бесѣдуютъ, спорятъ... Время у нихъ проходитъ разнообразно и весело... Человѣкъ пять учащейся молодежи всѣхъ заражаютъ искреннимъ— безпричиннымъ, кажется мнѣ,—весельемъ... Играютъ на рояли, поютъ... Бѣгаютъ по площадкѣ, наталкиваясь на пассажировъ, хохочутъ... Цѣлыя ночи проводятъ на носу, прижавшись другъ къ другу, молчатъ, смотрятъ на Волгу и берега... А я какъ бы оторванъ отъ всѣхъ... Начинаю разговоры съ учителемъ, и скоро мнѣ становится скучно, досадно... Мысли учителя начинаютъ казаться мелкими и ненужными, анекдоты его пошлыми и некрасивыми... Злоба приливаетъ

къ сердцу... Хочется обличить передъ всѣми его пустоту и невѣжество, его пошлость и забитость.

— «Одинъ нѣмецъ путешествовалъ по Россіи по желѣзной дорогѣ. По-русски онъ читалъ плохо: только то, что написано крупными печатными буквами. И въ свою записную книжку заносилъ названія всѣхъ станцій, черезъ которыя проѣзжалъ... Необычайно было его удивленіе, когда, подводя итоги своей поѣздки, онъ увидѣлъ, что всѣ станціи, записанныя имъ, носятъ названія «Для мужчинъ» или «Для женщинъ». Экій безталанный этотъ русскій народъ!—печально замѣтилъ нѣмчура:—даже названій станцій придумать не можетъ... И какъ это они разбираются?!»

Учитель кончилъ. Неудержимый взрывъ хохота...

— Чортъ знаетъ... Ха, ха, ха... И придумаетъ же человѣкъ...

— А потомъ пишутъ въ своихъ газетахъ о нашемъ невѣжествѣ...

— Свое невѣжество на насъ переносятъ...

— Да... «Для мужчинъ»!.. Чудакъ...

Меня душитъ злоба... Анекдотъ этотъ я слышалъ давно. Еще тогда, когда въ почтово-телеграфной конторѣ старались убить время праздной болтовней... И теперь здѣсь, среди болѣе или менѣе развитыхъ людей, учитель, воспитатель юнаго поколѣнія, не находитъ иной темы для разговора... Неужели же и ему чужды вопросы политической жизни? Неужели и онъ стоитъ въ сторонѣ отъ борьбы за новую счастливую и свѣтлую жизнь? Неужели довольствуется впечатлѣніемъ, которое производитъ на слушателей разсказами дурацкихъ анекдотовъ? Хочется унизить его, пристыдить...

— Да, вѣдь, это же старо, какъ міръ...

— Старо!.. Хе, хе... Не все старое плохо... Не все... Есть и хорошее...

— Но ваши анекдоты уже совсѣмъ не хороши... Вы думаете сказать остроумное, а говорите глупости.

— Можетъ быть... Хе, хе... Для кого какъ...

— Удивляюсь, какъ это у васъ нѣтъ иныхъ темъ для разговора...

— Не все же заниматься философіей... Наконецъ, станетъ скучно...

— Но вамъ, воспитателю юношества, кажется, не мѣшало бы быть немного серьезнѣй... А вы все играете какую-то шутовскую роль...

— Не всегда серьезность хороша... Въ данномъ случаѣ вы—не юношество, и васъ не нужно, вѣдь, воспитывать.

Я смотрѣлъ на окружающихъ и видѣлъ, что сочувствіе ихъ не на моей сторонѣ. Всѣ они болѣе благосклонны къ учителю, который смѣшитъ ихъ и доставляетъ имъ удовольствіе... А на меня бросали подозрительные и недовѣрчивые взгляды... «Кто его знаетъ,—говорили эти взгляды—можетъ быть, это хорошій человѣкъ, можетъ быть, шпіонъ, который «подъѣзжаетъ»?.. Вообще, съ нимъ нужно держаться поосторожнѣе»... Осторожно держались они, скученъ и досадливъ для нихъ былъ я... Мы подозрительно смотрѣли другъ на друга и молчали, изрѣдка обмѣниваясь ничего не значащими фразами.

Пробовалъ я подойти и къ учащейся молодежи. Вотъ здѣсь, думалъ я, несомнѣнно, есть свѣтлые порывы и широкія задачи... Вѣдь, это люди, въ которыхъ есть зародышъ будущаго, это носители этого будущаго... Съ ними у меня, агитатора до мозга костей, найдется много общаго... Они скорѣе всего поймутъ меня, и я пойму ихъ... Я подходилъ къ нимъ, начиналъ разговоръ...

— Куда вы ѣдете?

— Никуда... Совершенно никуда... Вотъ ѣдемъ до Астрахани, а потомъ обратно.

— А потомъ?

— Потомъ?.. Не знаемъ... Можетъ быть, опять въ Астрахань...

— Вы отдыхаете, значитъ?

— Да, конечно... Вѣдь, цѣлый годъ, представьте себѣ, ученіе, политика... Нервы ни къ чорту не годятся... Теперь обо всемъ забыли... Отдыхаемъ, стараемся быть веселыми и успокаиваемъ свои нервы...

— Но, вѣдь, теперь очень серьезный политическій моментъ...

— Что прикажете дѣлать?.. Опредѣленныхъ задачъ у насъ нѣтъ, а такъ себѣ, вертѣться въ области желаемаго, не

интересно и безполезно... Вѣдь, теперь никто ничего не дѣлаетъ...

— Кое-кто кое-что все-таки дѣлаетъ...

— Да что же... Убѣждаютъ себя люди, что дѣлаютъ что-то... Только убѣждаютъ, а такъ, вообще, вѣдь, ничего нѣтъ... Настроеніе повсюду упадочное...

— Ну, и что же?

— Да ничего... Мы вотъ отдыхаемъ... Отдыхаютъ и другіе... А что будетъ потомъ, не знаемъ... Нужно будетъ что дѣлать—будемъ дѣлать, утихнетъ все—будемъ учиться...

Они отдыхаютъ, но, вѣдь, отдыхаю и я... Разница, очевидно, въ томъ, что они умѣютъ пользоваться отдыхомъ, а я не умѣю... Я и къ отдыху стараюсь примѣшать задачи политическаго момента... У меня получается путаница... Вѣдь, нужно же, въ концѣ концовъ, признать, что теперь всѣ отдыхаютъ... Отдыхаютъ крестьяне. Отдыхаютъ, занятые своими хозяйственными дѣлами, отъ политической жизни... Отдыхаютъ рабочіе... И, если мы стараемся показать, что не отдыхаемъ, а что-то дѣлаемъ, то дѣятельность наша — понятіе условное... Мы выдумываемъ себѣ дѣятельность — и она, выдуманная, непонятна массамъ... Массы считаютъ ее лишней и ненужной... Но, можетъ быть, это не такъ... Можетъ быть, это только предположенія человѣка уставшаго, съ развинченными нервами?.. Вѣдь, я уѣхалъ, я вдали отъ людей, которые работаютъ, которые находятъ точку приложенія своихъ силъ...

А Герасимъ? А Нилъ? Почему погибли эти люди? Почему они ушли, рѣшивъ, что теперь точку приложенія ихъ силъ найти нельзя?... Почему?!

Но развѣ Герасимъ для меня авторитетъ? Вѣдь, помимо него, остались десятки, сотни, тысячи другихъ, которые иначе смотрятъ на вещи, которые хоть что-нибудь да дѣлаютъ... Несомѣнно, вѣдь, что Герасимъ человѣкъ разочарованный, усталый... Онъ погибъ потому, что исчерпалъ всѣ свои силы, что у него не было новаго запаса... А у меня развѣ есть особый запасъ? Почему же я тогда такъ чуждъ людямъ, которые меня окружаютъ? У нихъ совершенно иные интересы, иныя задачи... Они отдыхаютъ и только... И смѣются надо мной,

когда я къ своему отдыху стараюсь примѣшать что-то особое... Они находятъ это искусственнымъ... Они понимаютъ, навѣрное, что это особое я стараюсь примѣнять такъ себѣ, для себя... Что особаго, серьезнаго значенія это не имѣетъ и не можетъ имѣть... Что же дѣлать? Вѣдь, я ѣду отдыхать и сейчасъ долженъ отдыхать... Значитъ, нужно забыть все, кромѣ того, что касается отдыха... Нужно постараться слиться съ ними... Но какъ отбросить отъ себя всѣ вопросы? Какъ забыть ихъ? Какъ выкинуть изъ головы проклятое «а если»? Какъ!

Вотъ на это-то и нѣтъ силъ. Вотъ этого-то я и не могу рѣшить въ ту или иную сторону... Если они спокойно могутъ говоритъ: «будемъ ждать», то я не могу этого сказать...

30-е іюня.

Весь день провелъ внизу, «въ артельной»... Здѣсь легче дышалось... Чувствовалось что-то родное и близкое... Пассажировъ здѣсь очень много: преимущественно ѣдущіе на заработокъ рабочіе и крестьяне... Лежали на нарахъ, пили чай, играли въ карты... Веселый парень съ громадной копной перепутанныхъ волосъ игралъ на гармоникѣ, присвистывалъ и припѣвалъ...

— Бросилъ бы ты пилить-то

— Заткни уши, коль не охота слушать...

И снова на минуту остановившійся музыкантъ, наклонялъ голову и заводилъ безконечный рядъ веселыхъ частушекъ...

Пожилой крестьянинъ вслухъ читалъ газету, комментируя и разъясняя отдѣльныя мѣста... Это былъ типичный деревенскій патріархъ, съ длинной бородой, красивымъ открытымъ лицомъ, медленными, обдуманными движеніями. Вокругъ него сгруппировалось человѣкъ двадцать слушателей, которые поминутно дѣлали вставки и замѣчанія... Здѣсь было жарко, пахло потомъ, грудными дѣтьми, но я чувствовалъ себя лучше, какъ въ родственной атмосферѣ... Здѣсь легко оріентироваться... Эти люди скорѣе поймутъ меня, и я пойму ихъ... На душѣ становилось легче. Просыпалась нѣжная любовь къ этимъ оборваннымъ бородатымъ людямъ. Какая-то

скрытая, могучая сила таилась въ нихъ, манила и притягивала. Я чувствовалъ, что во мнѣ существуютъ какія-то нити, которыми я крѣпко связанъ съ ними, что мнѣ нельзя уйти отъ нихъ, что безъ силы, которую они вливаютъ въ меня, безъ надеждъ, которыя я возлагаю на нихъ,—я лишній и ненужный человѣкъ... И все больше и больше я сознавалъ, что я не могу уйти отъ массы, что я, какъ и всѣ мы, люди подполья, безъ массы лишніе люди... Что теперь, въ настоящее время, мы не въ силахъ, не сумѣемъ построить себѣ какую-либо личную жизнь... Поэтому-то, да, поэтому я и смѣшонъ въ своей любви къ Розѣ, смѣшонъ въ своихъ столкновеніяхъ съ людьми «надполья»... Я похожъ на человѣка, долго жившаго на необитаемомъ островѣ, который попалъ бы въ общественную среду... Герасимъ говорилъ, что мы—односторонніе уроды... Кажется, это правда .. Но правда только относительно извѣстныхъ общественныхъ слоевъ... Вѣдь, вотъ съ рабочими и крестьянами я свой человѣкъ...

— Пятьдесятъ пять человѣкъ, говорятъ, уже повѣшены... Не знаю, правду говорятъ, аль болтаютъ зря... Въ Вольскѣ вѣсовщикъ сказываетъ...

— Пишутъ вотъ, судить ихъ будутъ... А насчетъ казни ничего...

— Подъ судъ, значитъ, отданы?

— Вотъ, вотъ... Разборка дѣлу будетъ...

— Болтаютъ зря, значитъ... Насчетъ казни, то-есть...

— Болтаютъ...

— Я и то подумалъ, какъ же это, молъ, можно безъ суда?.. Значитъ, зря?

— Зря...

— А если не повѣсили, то повѣсятъ еще... Да и слѣдуетъ!—замѣтилъ человѣкъ съ брюшкомъ, въ красной рубахѣ и черномъ жилетѣ. Онъ сидѣлъ за столикомъ, пилъ чай, закусывая яйцами и бѣлымъ хлѣбомъ... Круглое, красное лицо его блестѣло отъ пота, глаза бѣгали ехидно и подозрительно... Такими я рисовалъ себѣ палачей...

— Слѣдуетъ, говоришь?—оторвался отъ газеты деревенскій патріархъ.

— Не то, что повѣсить, а четвертовать мало...

— За что же, къ примѣру, должна послѣдовать имъ такая казнь?..

— А за то—не совращай народъ... Вотъ за что!

— Та-а-а-къ...

— Вѣдь, они, мошенники, противъ чего пошли? А?!.. По твоему, помиловать, что ли, такихъ надо? А?

— Я не про то... Я спросилъ только, какая, молъ, ихъ вина...

Меня бѣсилъ этотъ жирный, самодовольный человѣкъ... Несомнѣнно, думалъ я, это деревенскій кровопійца, довольный своей особой и своей грабительской дѣятельностью... Ему достаточно и того, но эти-то, оборванные и полуголодные, для чего они должны довольствоваться его разсужденіями?!.. Неужели они сами, наконецъ, не понимаютъ, что онъ говоритъ лишь то, что желательно ему, что оберегаетъ его интересы?..

Я высказалъ свое мнѣніе. Указывалъ, кто чего хотѣлъ... Вокругъ насъ собралось довольно много пассажировъ... Слушали и молчали. Никакихъ протестовъ или одобреній...

10-е іюля.

Мой «отдыхъ» принимаетъ своеобразный характеръ. Всѣ мысли о томъ, чтобы отдохнуть, забыться, почитать, свелись къ простымъ иллюзіямъ... Время проходитъ или въ безцѣльныхъ скитаніяхъ или въ мелкихъ столкновеніяхъ, мучительныхъ, ненужныхъ... Вопросъ о перспективахъ освободительнаго движенія всплываетъ безпрестанно. То и дѣло наталкиваютъ на него всевозможные, порой мелкіе и ничтожные факты, и встрѣчи...

Пять дней уже живу въ деревнѣ... Встаю рано, шляюсь по лѣсу, по полямъ... Бесѣдую съ крестьянами, оказываю имъ мелкія услуги... То и дѣло вступаю въ мелкія столкновенія съ сельской администраціей, начиная отъ лѣсника и кончая стражниками... Споры и столкновенія носятъ въ большинствѣ случаевъ мирный характеръ: та и другая сторона высказываетъ свои мнѣнія, обсуждаетъ ихъ и споритъ... Я держусь очень осторожно, но все-таки успѣлъ обратить на себя нѣкоторое вниманіе...

Факты деревенской жизни — тяжелые и мучительные—заставляютъ порой сбросить маску благонадежности, кричать, бичевать и звать...

Въ первый день моего пріѣзда сюда я натолкнулся на одну изъ такихъ мучительныхъ сценъ... Десятка полтора крестьянскихъ дѣтишекъ бѣжали за молодой, обтрепанной и грязной женщиной... Она время отъ времени останавливалась, махала на нихъ руками и грозила. Но, очевидно, угрозы мало пугали ребятъ... Они тотчасъ окружали женщину, теребили ея костюмъ, смѣялись...

— Марька, покажи, какъ тебя...

— Отстаньте... Уйдите...

— Марька, покажи, что ль...

Женщина дѣлала неприличный жестъ, хохотала и бѣжала дальше... Дѣти хохотали, подражали ея жестамъ и бѣжали за ней...

— Чего вы, окаянные, ее одолѣваете! Пошли прочь!

Дѣти остановились на минуту, посмотрѣли на кричавшаго старика и конфузливо разбрелись...

— Что это за женщина, дѣдушка?

— Да Марья хуторская... Помѣшана малость, ну, они ее и одолѣваютъ...

— А что съ ней?

— Да такъ... Вишь, здѣсь забастовка была у насъ прошлый годъ... Такъ потомъ... напугали бабу... Знамо дѣло, и то сказать, баба работящая была, тихая... Мужъ въ городѣ хорошее жалованье получаетъ... Испугалась, что ли, въ обиду ли больно вошла—неизвѣстно... А помѣшалась съ того самаго дня...

— Ну, а вы что же?..

— Да что же станешь дѣлать-то?..

— Такъ и забыли все?

— Какъ забыть! Вѣдь, она вонъ, Марья-то, казнимся на нее... Каждодневно ее всѣ видятъ...

И подобныя сцены встрѣчаешь въ деревнѣ почти на каждомъ шагу... Вездѣ остались слѣды усмиреній и жестокостей... Они не даютъ возможности забыться, они безпрестанно съ новой жгучей силой воскрешаютъ то, что такъ настойчиво стараешься временно похоронить...

Что же, однако, будетъ?... Деревня не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ... Ясно одно, что народъ ждетъ... Ясно, что онъ хочетъ новой жизни... Все остальное темно и туманно...

И такъ изо дня въ день... Хожу по улицамъ, наталкиваюсь на жестокіе факты, мучу себя сотнями неразрѣшимыхъ вопросовъ... Плохо сплю ночи... А новый день начинается тѣмъ же и такъ же кончается...

13-е іюля.

Сегодня получилъ письмо отъ Розы. Коротенькое, счастливое письмо... «Я выхожу замужъ... Не думайте, что шучу... Выхожу самымъ серьезнымъ образомъ... Надѣюсь, что это не помѣшаетъ намъ быть самыми близкими друзьями»...

Конечно, еще бы помѣшать...

Однако, не все ли равно... Вѣдь, въ концѣ концовъ, иного я и не ждалъ... Да и нельзя было ждать иного... Удивительное дѣло, право! Высунулъ человѣкъ голову изъ подполья и рѣшилъ въ одинъ мигъ догнать то, что утеряно... Въ одинъ мигъ рѣшилъ и личную жизнь создать, и науку изучить, и съ искусствомъ познакомиться...

Всѣ мои мысли объ отдыхѣ и прочемъ кажутся теперь смѣшными. Мнѣ стыдно за всѣ тѣ скачки и прыжки, которые сдѣланы мной въ послѣдніе два мѣсяца... Довольно! Начудилъ немало. Познакомился кое съ кѣмъ, кое съ чѣмъ... «Отдохнулъ»... Теперь, кажется, назадъ съ новымъ запасомъ силъ!..

Ха, ха, ха... Однако, написать что-либо Розѣ или нѣтъ? Что писать? Холодно поздравить или искренно пожелать счастья? Лучше ничего! Ничего!.. И безъ того она, вѣроятно, теперь смѣется со своимъ женихомъ надъ моими глупыми признаніями и вздохами... Все кончено... Ничего не было!..

Начинается мучительная тяжелая боль... Тоска по чему-то, безповоротно потерянному... Чудакъ Герасимъ... «Возьми ее, люби ее»... Ха, ха, ха... Ничего не нужно... По старому лучше... Къ чорту эти столкновенія!..

15-е іюля.

Сегодня я окончательно рѣшилъ ѣхать обратно. Маленькій случай ускорилъ мое рѣшеніе на цѣлую недѣлю... Письмо Розы отдалило, было, его... Но теперь я рѣшилъ безповоротно...

Мы—нѣсколько крестьянъ и я—отправились ловить рыбу... Пришлось итти черезъ сельцо, прилегающее къ желѣзнодорожной станціи... Маленькая станція, гдѣ поѣздъ самое большее стоитъ пятнадцать минутъ... Вообще, сельцо это имѣетъ значеніе лишь осенью, когда сюда съѣзжаются много скупщиковъ, и сельцо превращается въ бойкій центръ хлѣбной торговли... Вообще же, здѣсь ѣздятъ по желѣзной дорогѣ мало: изрѣдка слѣзетъ какой-либо пассажиръ или поѣдетъ въ городъ кто-либо изъ сельской администраціи или духовенства.

Мы зашли на станцію напиться...

Вдругъ кто-то сзади крѣпко обхватилъ меня за шею и началъ цѣловать... Я хотѣлъ, было, вырваться, не не могъ: крѣпкія руки сдавили меня, шею щекотала борода...

— Кто это?

— Товарищъ Викторъ! Товарищъ! Какими судьбами вы здѣсь?

— Да кто вы? Пустите на минуту.

— Не помните? А я васъ хорошо помню. Ну, да и гдѣ же вамъ всѣхъ насъ упомнить... Я съ N-скаго завода... Помните, вы бывали у насъ на митингахъ?..

— Что же вы дѣлаете здѣсь?

— Да, вѣдь, высланъ я изъ города-то... На родину высланъ... Пятый мѣсяцъ здѣсь живу... Тоска! Батюшки мои, какая тоска! Руки на себя наложить много разъ собирался... Одинъ, какъ есть одинъ... Кругомъ подозрительно посматриваютъ... Думалъ, было, организаціей заняться—куда тутъ! Оставить все пришлось... Вотъ и слоняюсь безъ дѣла... Хоть человѣка какого увижу изъ своихъ мѣстъ — радъ, словно праздникъ настаетъ... Каждый день хожу къ поѣзду на станцію... Большой трактъ-то: кое-кого и встрѣчаю... Вотъ васъ

встрѣтилъ... Ну, какъ тамъ у васъ? Что новаго? Какъ товарищи? Герасимъ какъ поживаетъ?

Мнѣ было мучительно стыдно сознаться, что я «отдыхаю» уже два мѣсяца... Вѣдь, товарищи тамъ теперь работаютъ, съ пользой и смысломъ тратятъ свои силы... А я? Тоже трачу силы, нервы расшатаны еще больше, чѣмъ было тамъ, при работѣ, но какой отъ этого смыслъ, какая польза? Есть ли какой смыслъ хоть для самого себя? Нѣтъ и нѣтъ... Ничего, кромѣ безсмысленной пустоты и ненужныхъ скитаній... Для чего я продолжаю околачиваться здѣсь? Чего ищу? Чего жду?..

Что могъ, я разсказалъ моему тоскующему товарищу... Мы долго бесѣдовали съ нимъ, строили различные планы... Что-то старое наполнило душу, сразу вытѣснивъ изъ нея всѣ вопросы личныхъ столкновеній... Стало легко и весело... Товарищъ долго разсказывалъ о своихъ мукахъ, о столкновеніяхъ съ крестьянами, съ полиціей... Мнѣ хотѣлось броситься къ нему на шею, рыдать, цѣловать его... Довольно куралесить! Есть глубокій смыслъ жизни, есть цѣль, въ которую вѣрятъ они, къ которымъ стремится товарищъ, въ которую страстно вѣрю я... Скорѣе туда къ нимъ! Ни минуты задержки!..

17-е іюля.

Мучительно тянулось время до поѣзда... Боясь опоздать, я пришелъ на станцію часомъ раньше... Стрѣлка часовъ остановилась на одномъ мѣстѣ и не хочетъ двигаться впередъ... Медленно тащится поѣздъ... Но, слава Богу! Кончено, все и я ѣду... Скоро буду тамъ!..

19-е іюля.

Сегодня цѣлый день подводилъ итоги своей жизни за два послѣдніе мѣсяца... И все мнѣ кажется страннымъ и непонятнымъ... Словно я проснулся послѣ долгаго сна, тяжелаго и кошмарнаго... Откуда взялась эта неувѣренность въ своихъ силахъ, эта разочарованность? Смѣшно! Словно политическія событія можно печь, какъ блины... Они родятся медленно, съ мучительными потугами и болями... Это я зналъ давно. Почему же тогда этотъ мучительный анализъ,

эти прыжки въ уединеніе и скачка на Волгу? Отчего взялось все это? Какая сила бросила меня сюда, бросала изъ стороны въ сторону? Очевидно, она все-таки есть... Да, несомнѣнно, есть... Вѣдь, не что иное, какъ она, эта проклятая сила, свела съ ума Нила и привела къ самоубійству Герасима... Она и меня заставила метаться изъ стороны въ сторону, заставила полюбить Розу... Если это была усталость физическая, то, вѣдь, она не прошла и теперь. А между тѣмъ, я—еще такъ недавно относившійся къ нашимъ собраніямъ, какъ къ чему-то надоѣдливому,—теперь считаю минуты, когда снова буду принимать въ нихъ участіе. Можетъ быть, это усталость отъ политической жизни, стремленіе къ разнообразію... Вотъ, я вышелъ изъ подполья, хватался за то, другое и третье—что дало мнѣ это? Ровно ничего! Ничего, кромѣ тоски и мукъ... И подполье снова манитъ къ себѣ...

Только тамъ я чувствую себя въ своей атмосферѣ...

Поѣздъ стучитъ, выбрасывая тысячи искръ... Мнѣ кажется, онъ оставляетъ позади себя все тяжелое и тоскливое...

20-е іюля.

Слѣзая сегодня съ поѣзда, я подумалъ о Розѣ... Сердце сжалось мучительно и тоскливо... Но только на одинъ моментъ... Все это забудется и изгладится... А потомъ? Потомъ явятся новыя впечатлѣнія... Во всякомъ случаѣ, съ ней мы будемъ хорошими товарищами...

18-е августа.

Сейчасъ перечиталъ свои замѣтки... Многое успѣло изгладиться, отчасти кажется смѣшнымъ и страннымъ... Уже мѣсяцъ, какъ я непрерывно занятъ, замѣстивъ товарищей, уѣхавшихъ «отдохнуть»... Теперь я посмѣиваюсь надъ ихъ «отдыхомъ»... Впрочемъ, можетъ быть, кое-кто будетъ счастливѣе меня...

Начинается періодъ новаго подъема... Настроеніе замѣтно повышается... *Очевидно, скоро настанетъ время, когда никто изъ насъ не захочетъ отдыхать...*

1907 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе *В. П. Кранихфельда* . . . . . III—X

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ.

Въ деревнѣ 1
Землеустроители 28
Новый помѣщикъ 67
Деревенскій интеллигентъ 119
На хуторахъ 154
Пролетаризація деревни 223
Чье преступленіе? 238
Деревенскія картинки 252
Будни современной деревни 293
Случай 313
ДНЕВНИКЪ АГИТАТОРА 325

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ.

С.-Петербургъ, Фонтанка, 38. Телеф. 128—55.

Звѣздочкой отмѣчены новыя книги.

* **Первый Художественно-Литературный сборникъ Товарищества.**

СОДЕРЖАНІЕ:

Ив. Бунинъ. «Ночной разговоръ», **Валерій Брюсовъ.** Стихи. **В. Вересаевъ.** «Къ Пану». (Изъ Гомеровыхъ гимновъ). **С. Сергѣевъ-Ценскій** «Медвѣжонокъ». Графъ **Ал. Н. Толстой.** «Хромой баринъ». Романъ. **Ив. Шмелевъ.** «Пугливая тишина». **А. Ѳедоровъ.** Стихи.

Обложка, заставка и концовки—раб. художн. **М. Соломонова.** Ц. 1 р. 50 к.

* **Б. Верхоустинскій.** Разсказы, т. 1. Ц. 1 р. 25 к.

* **Ив. Шмелевъ.** Разсказы, т. II. Ц. 1 р. 25 к.

* **Г. Яблочковъ.** Разсказы, т. I. Ц. 1 р. 25 к.

* **А. Чапыгинъ.** Нелюдимые. Разсказы. Ц. 1 р.

* **Г. Гребенщиковъ.** Въ просторахъ Сибири. Разсказы. Ц. 1 р. 25 к.

* **С. Холщевниковъ.** Новая крѣпь. Очерки и разсказы. Ц. 1 р. 25 к.

* **Ив. Коноваловъ.** Очерки современной деревни. Ц. 1 р. 50 к.

* **Вл. Ладыженскій.** Дома. Разсказы, Обложка художн. Афанасьева. Ц. 1 р.

А. С. Пушкинъ. Уединенный домикъ на Васильевскомъ. 1913 г. Ц. 50 к.

Второй художественно-литературный Сборникъ. (Готовится къ печати).

Альманахъ для дѣтей. (Готовится къ печати).

Изданія Т-ва „Союзъ".

* **Рославлевъ, Александръ.** Цѣвница. Стихи 1905—1912. Спб. 1913. Ц. 1 р.

* **Альманахъ Т-ва «Союзъ»: Винниченко.** Талисманъ. **Гринъ.** Дьяволъ оранжевыхъ водъ. **Яблочковъ.** Потерянный рай. **Олигеръ.** Нина. **Рославлевъ.** Страданіе. **Марцинскій.** Никитюкъ и Микитюкъ. **Свирскій.** Отцовская кровь. **Х. Бенавенте.** Изнанка жизни. Переводъ Адамова. **Стихи.** Спб. 1913. Ц. 1 р. 30 к.

Пименъ Карповъ. Пламень. Романъ (печат.).

ГЛАВН. СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ: Спб., Фонтанка, 38, книжн. скл. **М. В. Аверьянова.**

Въ Москвѣ: Тверская, 29, кв. 46, Книжн. скл. **К. Ф. Некрасова.**
» » Книжный магазинъ Т-ва **Н. П. Карбасникова.**

Изданія Кн-ва Писателей. (Москва).

* **Ив. Бунинъ.** Суходолъ и др. Ц. 1 р. 50 к. Перевалъ. Ц. 1 р. 50 к. Стихотворенія 1903—1906. Ц. 1 р. 50 к. Разсказы и стихи 1907—1910. Ц. 1 р. 50 к. Деревня. Ц. 1 р. 25 к.

* **Ив. Шмелевъ,** Разсказы, т. III. (Человѣкъ изъ ресторана). Ц. 1 р. 25 к.

* **Ив. Новиковъ.** Разсказы. Ц. 1 р. 25 к.

* **Максимъ Горькій.** Сказки. Ц. 85 к.

* **В. Львовъ-Рогачевскій.** Снова наканунѣ. Критическія статьи. Ц. 1 р. 25 к.

Библіотекамъ и книгопродавцамъ обычная уступка.

Издательство и книжный складъ М. В. АВЕРЬЯНОВА.

С.-Петербургъ, Фонтанка, 38. Телеф. 128—55.

Въ Москвѣ: Тверская, 29, Книжн. Складъ **К. Ф. Некрасова** и въ книжныхъ магазинахъ Т-ва **Н. П. Карбасникова.**

Главный складъ изданій: ИЗДАТЕЛЬСКАГО Т-ВА ПИСАТЕЛЕЙ, к-ва «ОГНИ», изд-ва «СОЮЗЪ», О-ВА СЛАВЯНСКАГО НАУЧНАГО ЕДИНЕНІЯ.

Кромѣ того имѣются всѣ изданія **В. В. Вересаева**, кн-ва «**Грядущій День**», **П. Н. Милюкова**, **К. Ф. Некрасова**, кн-ва «**Скорпіонъ**», кн-ва «**Шиповникъ**» и др.

Изданія М. В. Аверьянова.

Н. Павловъ-Сильванскій. Собраніе сочиненій. 4 т. Ц. 7 р. 75 к.
Н. Морозовъ. Письма изъ Шлиссельбургской крѣпости. Ц. 1 р. 20 к.
П. Милюковъ. Главныя теченія русск. историч. мысли, нов. изд. Ц. 1 р. 60 к.
С. Аникинъ. Деревенскіе разсказы. Ц. 1 р. 20 к.
Піо Бароха. Древо познанія, Ром. Авториз. перев. съ испанск. Ц. 1 р. 20 к.
Д. Маминъ-Сибирякъ. Горное гнѣздо, изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к.
Его-же. Хлѣбъ Романъ, изд. 3-е, съ портретомъ. Ц. 1 р. 50 к. (печат.).
А. Ѳедоровъ. Сонеты, худож. изд. Ц. 1 р.
Его-же. Мщеніе. Эпиз. изъ жизни Бенвенуто Челлини. Ц. 40 к.

Изданія Кн-ва „Огни".

Евг. Ляцкій. Гончаровъ. Жизнь, личность, творчество. Ц. 2 р. 50 к.
Чернышевскій въ Сибири. Переписка съ родными. В. I. (1855—1875). Ц. 2 р.
В. II (18
А. Кондратьев ... и твор-
чества. I
Изъ московск ... кн. Н. В.
Голицына
В. Конради. К
Былины. Стар ... Уч. Ком.
Мин. На
Стихи духовна ... ож. Ц. 2 р.
Русскіе худо
Иностр. худо
Л. Н. Толстой ... 15 к.
Къ новымъ д
Р. Тепферъ.
Б. Садовской.

Славянскій ... рн. Об-ва
Славян ... 0 к.
Велесъ. Пе ... ей, подъ
ред. С.
Алоизъ Ира ... вшихъ въ
Доходъ отъ
борьбѣ

В. Вересаевъ ... 909. Ц. 1 р.
Разсказ ... 1 р. По
поводу ... Разсказы,
т. V. М. ... 1 р. 25 к.
Живая ... 1 р. 25 к.
Журналы на ... год. 6 р.
«Кругозоръ» ... р. 50 к.

University of British Columbia Library
DUE DATE
FORM 310

UNIVERSITY OF B.C. LIBRARY
3 9424 02004 7756

DM 90. - ans